

СЛЕД В **И**СТОРИИ

ГАННИБАЛ

ИЛЪЯ КОРАБЛЕВ

И.Ш. Кораблев

ГАННИБАЛ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
1997

ББК 63.3(03)

К 31

Серия выходит под общей редакцией канд.ист.н. О.В. Будницкого
Вступительная статья С.Ю. Янгулова
Редактор: С.Г. Горяйнов

И.Ш. Кораблев

КЗ1 Ганнибал. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997. – 608 с.

ISBN 5-85880-373-3

В книге рассказывается об одном из крупнейших полководцев
всех времен и народов – Ганнибале, о борьбе Карфагена и Рима в
III – II вв. до н.э. и причинах, приведших Карфаген к гибели.

К 0504010000 без объявл.
4(МО)03-97

ISBN 5-85880-373-3

ББК 63.3(03)

© Оформление, изд-во «Феникс», 1997
© Обложка С. Царёв, 1997

ИНТЕРМЕЦЦО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

Предлагаемая читателям книга о Ганнибале — очередная в серии «След в истории», выпускаемой издательством «Феникс».

Впервые работа И.Ш. Кораблева увидела свет в 1976 г., сразу вызвав интерес не только у специалистов, но и у многих любителей истории. Книга была переиздана в 1981 г., а в 1984 г. переведена на армянский и болгарский языки.

Мало кто знает и по сей день, что неизвестная даже специалистам фамилия Кораблев стала псевдонимом одного из крупнейших отечественных историков древнего мира Ильи Шолеймовича Шифмана.

Третье издание «Ганнибала» (уверен, не последнее) — лучшая дань памяти автору, которого, к глубочайшему сожалению, уже нет с нами.

И.Ш. Шифман родился в 1930 г. Научные занятия он начал в 1948 г. на восточном факультете Ленинградского университета, куда поступил, собираясь посвятить себя изучению гебраистики и семитологии.* Вскоре начинается период откровенного антисемитизма и борьбы с космополитизмом, в результате чего кафедра семитологии ЛГУ в 1950 г. была закрыта.

После этого Илья Шифман переводится на исторический факультет, который заканчивает в 1953 г. как историк-античник. Еще будучи студентом, он проявил глубокий ин-

* Вестник древней истории. 1990. №3. С.231.

терес к избранной науке. Но, получив диплом, начинающий ученый оказывается в глуши, в казахском городке Аягуде и там работает преподавателем истории.

Спустя несколько лет Шифман, сохранивший интерес к семитологии, обращается к наиболее близкой к ней теме — истории Карфагена.

В 1961 г. Шифман после смены нескольких специальностей и мест работы становится сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР, в котором проработал почти 30 лет — половину всей своей жизни.

Придя в институт, Шифман имел уже готовую диссертацию и в конце того же 1961 г. успешно ее защитил. В 1973 г. им была защищена докторская диссертация на тему «Социальные и экономические отношения в Сирии в I — III вв. н.э.».

Круг исследований И.Ш. Шифмана довольно широк. Помимо истории Карфагена, ученый занимался историей и культурой древнего Востока. Монографии, принадлежащие перу ученого, отражают широту его научных интересов: «Возникновение Карфагенской державы» («Палестинский сборник». Вып. 12. М.-Л., 1963), «Финикийский язык» (М., 1963), «Набатейское государство и его культура» (М., 1976), «Сирийское общество эпохи принципата» (М., 1977), «Памирский пошлинный тариф» (М., 1980), «Угаритское общество XIV — XIII вв. до н.э.» (М., 1982), «Культура древнего Угарита» (М., 1987), «Александр Македонский» (М., 1988), «Цезарь Август» (Л., 1990). Всего же И.Ш. Шифману принадлежит более 150 научных трудов.

Древние Карфаген, Сирия, Nabatea, Угарит далеко не случайно привлекали внимание И.Ш. Шифмана. Глубокое исследование истории и культуры этих государств давало ученому возможность прикоснуться к библеистике и гебраистике, которые так интересовали его еще в юности. Несмотря на вынужденную смену специальности, И.Ш. Шифман (да простят меня читатели за вынужденный пафос) навсегда остался верен выбранной когда-то теме. Ей он посвятил одну из главных своих книг — «Ветхий завет и его мир». Написанная еще в 60-е годы, эта работа более 20 лет(!)

пролежала в столах различных издательств, которые не решались на публикацию книги. Задержанная на два десятилетия, она увидела свет лишь в 1987 г.

Все работы И.Ш. Шифмана основаны на тщательном и исчерпывающем источниковедческом анализе, который, в свою очередь, построен на прекрасном знании автором древних языков, нарративных источников, эниграфии.

Уже само количество и качество созданных ученым научных трудов говорит о его исключительной работоспособности. Помимо этого И.Ш. Шифман участвовал во многих научных конференциях и симпозиумах, посвященных проблемам древнего мира, вел активную преподавательскую и консультационную работу.

Во второй половине 80-х годов, в последние годы своей жизни, Илья Шолеймович смог приступить к созданию давно задуманного фундаментального труда — нового перевода и научного комментария Библии. Он успел подготовить к печати только первую часть этой грандиозной работы.*

В марте 1990 г. научная делегация Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР собиралась отправиться в поездку на Ближний Восток. В составе делегации был и ведущий научный сотрудник Института И.Ш. Шифман. Для него эта поездка должна была стать первым посещением «земли обетованной» — древней Палестины. Но И.Ш. Шифману так и не удалось ступить на землю, исследованию истории и культуры которой он посвятил свою жизнь. За неделю до отъезда он скоропостижно скончался.

Пунические войны — одно из крупнейших событий древней истории, повлиявшее на судьбы многих стран и народов

* От Бытия до Откровения. (Учение) Пятикнижие Моисея. М.: Республика, 1993. / Перевод, введение докт. ист. наук И.Ш. Шифмана.

Средиземноморья.* Победа Рима в длительной и драматической борьбе с Карфагеном положила начало установлению римской гегемонии на огромных пространствах Европы, Азии и Африки.

II Пуническая война стала кульминацией римско-карфагенского противостояния. Великое государство древности — Рим едва не был поставлен на колени, но нашел в себе силы выстоять, мобилизовать все свои ресурсы и выйти победителем.

История Пунических войн, и в частности II Пуническая война, находилась в центре внимания таких выдающихся античных историков и писателей, как Тит Ливий, Диодор Сицилийский, Корнелий Непот, Юстин, Аппиан, Полибий, Плутарх. Практически все они много места в своих сочинениях отводят описанию личности и действий одного из героев этой войны — Ганнибала. Человеку, который в кратчайший срок сумел провести армию карфагенян из Испании через Альпы в Италию, где он в нескольких сражениях нанес римлянам сокрушительные поражения, поставившие Рим на грань катастрофы.

Имя Ганнибала и по сей день является одним из самых известных в истории древнего мира. Его полководческое искусство до сих пор изучают не только историки, но и военные специалисты.

Как часто бывает, богатство информации не только способствует полноценному воссозданию образа исторической

* Пунические войны — общее обозначение трех войн Рима против карфагенян (пунийцев) за господство в Средиземноморье. С обеих сторон войны были заранее спланированными и захватническими. В I Пунической войне (264—241 гг. до н. э.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии и должен был заплатить крупную контрибуцию. Во II П. в. (218—201 гг. до н. э.) первоначально успех был на стороне карфагенян, но в итоге победа вновь досталась Риму. Карфаген лишился всех своих внеафриканских владений и роли великой державы. В III П. в. (149—146 гг. до н. э.) Карфаген был разрушен, а его жители сделались рабами. Город и страна стали составной частью Римского государства (провинция Африка).

личности, но и создает в этом определенные трудности. Отношение названных авторов к Ганнибалу далеко не однозначное.

Скажем, Тит Ливий, Аппиан подчеркивают такие пороки Ганнибала, как «бесчеловеческую жестокость, вероломство..., чревоугодие» и т.д. Напротив, представители враждебной Риму историографии выделяют прежде всего его достоинства: сильную волю, мудрость.

Среди авторов, которые пытались воссоздать целостный, объективный портрет полководца, независимо от своих политических позиций, стоит выделить прежде всего Полибия, который отмечает и достоинства и пороки Ганнибала.

Впрочем, нет надобности давать подробный обзор источников, посвященных Ганнибалу, поскольку автор предлагаемой читателю книги много внимания уделяет тщательному их анализу с целью создания наиболее достоверного, близкого к реальному портрета этого человека, в котором, видимо, наряду с доблестями уживались и пороки.

Что же касается историографии, то необходимо отметить, что отечественное антиковедение не может похвастаться успехами в подробном исследовании Пунических войн.

Вообще, история Карфагена до недавнего времени мало привлекала отечественных исследователей. Некоторые вопросы взаимоотношений Рима и Карфагена рассматривались в монографии А.В. Мишулина «Античная Испания», которая вышла в 1952 г. В 1963 г. появилось исследование И.Ш. Шифмана «Возникновение Карфагенской державы»; в 1965 г. его же «Финикийские мореходы»; в 1976 г. — первое издание «Ганнибала»; в 1987 г. увидела свет работа Ю.Б. Циркина «Карфаген и его культура». Этими книгами, а также двумя статьями Н.А. Машкина, опубликованными в конце 40-х годов в «Вестнике древней истории»*, исчерпывается список более или менее

* Машкин Н.А. Карфагенская держава до Пунических войн // ВДИ. 1948. №4; Он же. Последний век пунического Карфагена // ВДИ. 1949. №2.

значительных исследований, специально посвященных истории Карфагена.

Из гораздо большего числа зарубежных работ стоит выделить книги Т. Доджа, Дж. де Бира, Я. Буриана, посвященные Ганнибалу, а также исследования Т. Моммзена, К. Неймана, Дж. Босси, О. Мельтцера, У. Кершtedта, Т. Леншау, В. Отто, Ж. Каркопино, Э. Бикермана, Х. Скалларда, М. Гельцера, Г. Дельбрюка.

Интерес к книге Кораблева объясняется во многом тем, что на ее страницах читатель находит ответы на вопросы, которые, возможно, возникали у него еще со времен школьного знакомства с историей Древнего Рима: что собой представлял Карфаген как государство? Почему это государство в течение столетия являлось одним из главных противников Рима? Почему, несмотря на жесточайшие поражения и тяжелые условия мирных договоров, Карфаген продолжал вести войны? Откуда он брал силы? Почему Ганнибал, успешно достигший Италии и несколько раз наголову разбивший римлян на их территории, в итоге был побежден? Как сложилась судьба этого великого полководца?

Помимо исчерпывающих ответов на эти и многие другие вопросы в работе И.Ш. Шифмана содержатся интереснейшие характеристики современников Ганнибала: Гасдрубла, Фабия Максима, Публия Корнелия Сципиона, Архимеда и других.

Безусловно, одной из наиболее волнующих проблем II Пунической войны является выяснение того, почему Карфаген все-таки оказался побежденным в этой войне. Побежденным, несмотря на то, что уже на начальном этапе войны армия Ганнибала нанесла римлянам ряд чувствительных поражений в Италии, наголову разбила римскую армию в знаменитой битве при Каннах, несмотря на то, что карфагеняне располагали поддержкой италиков (жителей Апеннин, вошедших в состав Римской державы), обладали стратегической инициативой, наконец, несмотря на то, что во главе карфагенской армии стоял один из выдающихся

полководцев дрезности. Почему же все эти победы, по точному определению Кораблева, оказались бесполезными и карфагеняне все-таки не смогли овладеть Римом и в итоге проиграли эту войну, что в свою очередь положило начало закату Карфагенской державы?

Как известно, несмотря на поражение Карфагена в I Пунической войне (264 — 241 гг. до н.э.) спустя 23 года после нее начинается II война — самая напряженная и драматичная в истории векового противостояния Рима и Карфагена.

Поводом для ее начала стал конфликт из-за испанского города Сагунта, являвшегося союзником Рима. После I войны Карфаген создает в Испании мощную базу для будущей борьбы с Римом.

В 219 г. до н.э. Ганнибал (который к тому времени стал главнокомандующим) захватывает Сагунт. Действия Ганнибала, как справедливо полагает Кораблев, были продиктованы его явной антиримской позицией, которая в итоге, во многом способствовала возникновению II Пунической войны. Еще в ходе испанского конфликта, т.е. до начала военных действий, Ганнибал проявляет себя не только как талантливый военачальник, но и как «незаурядный политический деятель», сумевший убедить власти Карфагена в проведении завоевательной политики в Испании, которая и привела к новой войне с Римом. (В дальнейшем Ганнибал неоднократно подтвердит то, что является выдающимся полководцем, ловким политиком и дипломатом. Эти качества во многом способствовали его будущим военным победам.).

В начавшейся войне римляне планировали нанести Карфагену комбинированный удар: в Испании и в Африке, куда были отправлены римские армии. Но этот замысел был полностью разрушен стратегическим планом Ганнибала, который предусматривал перенесение войны на землю Италии. Ганнибал собирался совершить бросок из Испании через Галлию и Альпы в Италию, разбить римлян на их территории, используя противоречия в отношениях между

Римом и остальным населением Италии, расколоть италийский союз и принудить Рим к капитуляции.

В мае 218 г. до н.э. Ганнибал со своим войском приступил к осуществлению этого плана. Перейдя Пиренеи он сознательно уклонился от сражения с направляющимся в Испанию римским войском. После чего был совершен 15-дневный переход через Альпы, который дорого обошелся Ганнибалу войску, понесшему большие потери. Впрочем, эти жертвы были отнюдь не напрасны. Поскольку, как отмечает Кораблев, вторжение карфагенских войск в Северную Италию существенно изменило политическую обстановку к досаде Рима. Ганнибал надолго превратил Италию в основной театр военных действий.

Вскоре последовали победы войска Ганнибала — при Тицине, а затем при Требии (218 г. до н.э.), где впервые он применил новый тактический прием — фланговый обхват, во многом благодаря которому карфагеняне добьются блестящих результатов при Каннах; у Тразименского озера (217 г. до н.э.), где была уничтожена 30-тысячная римская армия; наконец, в 216 г. до н.э. состоялось одно из наиболее известных в мировой истории сражений — битва при Каннах, завершившаяся полным уничтожением римской армии (погибло около 70 000 римлян). Но не только военные результаты этого сражения были катастрофическими для Римской державы. После Канн на сторону Ганнибала перешло население юга Италии во главе с городом Капуя. Таким образом, не только военный, но и политический план Ганнибала начал осуществляться. Казалось бы, окончательная капитуляция Рима была предопределена. Да и сам Ганнибал уверовал в то, что римляне больше не способны к военному противостоянию.

Анализируя итоги сражения, историки, начиная с античных времен, задавались вопросом: почему Ганнибал сразу после битвы не воспользовался ее плодами и не двинул свою армию на Рим, предоставив своим солдатам отдых. Кораблев считает, что Ганнибал не был готов (прежде всего, видимо, морально), к походу на Рим, надеясь на скорую

капитуляцию противника. Но вопреки его ожиданиям, в Риме и не помышляли о мирных переговорах с Ганнибалом. Хотя, по существу, у римлян оставался всего один шанс из тысячи. Однако они его получили. Этим шансом была медлительность Ганнибала, которая дала Риму необходимое время для мобилизации всех оставшихся сил и организации сопротивления.

Конечно же, было бы неверно объяснять поражение Карфагена только тем, что Ганнибал после Канн сразу не отправился в Рим. Но многое из того, что впоследствии определило причины поражения Карфагена, было связано с верой Ганнибала в скорую капитуляцию римлян, которые неожиданно для него отвергли предложение о начале мирных переговоров. «Вместо переговоров ему предстояло готовиться к новому туру войны».

Драматичная «битва гигантов» — Древнего Рима и Древнего Карфагена — завершится много позже, в 202 г. до н.э. полным разгромом карфагенян в битве при Заме. На сей раз побежден будет Ганнибал — «интермеццо античной истории»*, описание удивительной жизни которого читатели и найдут, взяв в руки эту книгу.

С.Ю. Янгулов

* Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1993. С.303.

Моей матери, Юлии Борисовне

Великий Карфаген вел три войны. После первой он еще оставался великой державой, после второй он еще существовал, после третьей он был уничтожен.

Бертольт Брехт

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из важнейших событий в истории стран и народов Средиземноморского бассейна была II Пуническая война (218—201 гг.) *. Она положила конец соперничеству двух величайших держав того времени — Карфагена и Рима, их борьбе за «мировое» господство, то есть за власть над территорией от Пиренейского полуострова до Евфрата, от скифских степей Северного Причерноморья до бесплодных просторов Сахары. Победил Рим. Его победа надолго определила судьбу всего античного мира. Однако для утверждения своего господства римлянам придется еще воевать в Галлии и Испании, на Балканском полуострове и в Малой Азии, в Африке и на Кавказе. Еще будут пролиты реки крови во время сражений и беспощадно подавлены восстания народов против римского гнета, еще будут подвергнуты ужасающему опустошению богатые государства и приведены в Италию многие тысячи рабов, захваченных в различных уголках Средиземноморья. И вся вселенная (так по крайней мере казалось) покорно склонится перед жестокими и высокомерными властителями. Пройдет около двухсот лет, и римляне поставят эти кровавые бойни себе в заслугу. Их правители будут внушать своим подданным мысль о «римском мире», который якобы сменил прежнюю анархию только благодаря победам римского оружия.

* Все даты в книге — даты до нашей эры.

Они надменно пренебрегут культурными достижениями других народов, и величайший римский поэт Вергилий воскликнет:

Одушевленную медь пусть куют другие нежнее,
Также из мрамора пусть живые лики выводят,
Тяжбы лучше ведут, и также неба движенья
Тростью лучше чертят и исход светил возвещают.
Римлянин, помни: властно народами править —
Вот искусства твои, мир водворять и порядок,
Покоренных щадить и побеждать непокорных.

Однако никогда больше вплоть до нашествий варваров, которые уничтожили созданную Римом огромную державу, римлянам не придется сталкиваться с врагом более опасным, чем Карфаген; никогда позже Рим не будет там близок к гибели, как во время II Пунической войны. Недаром, приступая к рассказу о событиях последней четверти III в., современник Вергилия, крупнейший римский историограф Тит Ливий счел необходимым предварить своего читателя: «Я буду писать о войне самой достопамятной из всех, которые когда-либо велись, войне, которую карфагеняне вели против римского народа. Ведь никогда еще более мощные государства и народы не поднимали оружие друг против друга, и сами они никогда еще не достигали такой силы и могущества... И до того изменчиво было военное счастье, что ближе всего к катастрофе оказались те, кто побеждали» [Ливий, 21, 1, 1—2]. Внимательный читатель без труда обнаружит здесь почти дословное воспроизведение мыслей, которые он уже встречал и во введении к сочинению Геродота о греко-персидских войнах, и в начале книги Фукидида о Пелопоннесской войне. И тот и другой подчеркивали, что они ведут речь о самых важных и достопамятных событиях в истории. Однако перед нами — не просто

механическое копирование авторитетнейших литературных образцов. Тит Ливий воспроизводит именно ту оценку II Пунической войны, которую он нашел в трудах своих предшественников, римлян и греков, и в обоснованности которой, бесспорно, был убежден сам.

И они не ошибались. Если культура античной и средневековой Западной Европы была латинской, а не карфагенской, то произошло это прежде всего потому, что римляне сумели одолеть своего самого страшного противника, разгромить его и уничтожить.

Но странное дело: несмотря на то что Рим победил, II Пуническая война неизменно связывается в нашем сознании с именем побежденного карфагенского полководца.

Все в этом человеке изумляло: его непозволительная, с точки зрения современников, молодость во времена его побед и солдатская неприязнательность в условиях походной жизни, хладнокровие и физическая выдержка, владение тайнами воинского ремесла и подчеркнутый демократизм, настойчивость, целеустремленность и одновременно пренебрежение общепринятыми нравственными нормами, жестокость, коварства. Вспомним характеристику, которую дает Ганнибалу Тит Ливий [21, 4, 3—9]: «Никогда еще один и тот же характер не был так приспособлен к различным делам — повиновению и повелеванию... Насколько большую смелость он проявлял, принимая на себя опасность, настолько большую мудрость он выказывал в самой опасности. Никакая тягость не могла утомить его тело или победить душу. Он одинаково терпеливо переносил жару и холод; меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием; он выбирал время для бодрствования и сна, не отличая дня от ночи: то, что оставалось от

работы, он отдавал покою; его он находил не на мягком ложе, не в тишине; многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и в караулах. Ничто из одежды не отличало его от ровесников; его можно было узнать по оружию и коню. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первым вступал в бой, последним покидал сражение. Эти столь многочисленные доблести уравнивались огромными пороками: бесчеловечная жестокость, вероломство белее чем пунийское, ничего истинного, ничего святого, никакого страха перед богами, никакой клятвы, никакой совестливости».

Интересен в этой связи рассказ Фронтин [3, 16, 4] о том изощренном коварстве, с которым Ганнибал расправился со своими солдатами, перебежавшими к неприятелю. Зная о находящихся в его лагере римских лазутчиках, он объявил, что перебежчики действовали по его приказанию и должны были разведать планы и намерения противника. Римляне отрубили перебежчикам руки и выдали их Ганнибалу.

Диодор [26, 2] также вслед за своими источниками отмечает и физическую годность Ганнибала к ратной жизни, и его хорошую военную подготовку; в другом отрывке [29, 19] Диодор говорит и о том, что Ганнибал руководил многоплеменным и многоязычным войском, об его непобедимости и т.п. Ганнибал был известен и как литератор: еще его биограф Корнелий Непот [Корн. Неп., Ганниб., 13, 2] мог напомнить своей аудитории, что Ганнибал сочинил несколько книг на греческом языке, в том числе «К родосцам о деяниях, совершенных в Азии Гн. Манлием Вольсоном». Враждебная Риму традиция [Юстин, 32, 4, 9—11], желая выдвинуть на передний план личные достоинства Ганнибала, отмечает его стойкость перед

житейскими соблазнами («среди стольких пленниц», — пишет Юстин и добавляет: «можно было бы усомниться в его африканском происхождении»). Благодаря своей умеренности, продолжает Юстин [32, 4, 12], Ганнибал, командовавший армией, составленной из различных племен, никогда не был жертвой обмана или предательства.

Однако Аппиан [Апп., Ганниб., 43] иначе изображает образ жизни Ганнибала в момент, когда решалась судьба Капуи: Ганнибал предается в Лукании роскоши и любви; эта деталь, несомненно, восходит к враждебной карфагенскому полководцу римской историографии.

Стремившийся понять объективные причины успеха римлян и поражения карфагенян, Полибий, писавший, можно сказать, по горячим следам событий, основное свое внимание, насколько об этом можно судить, уделил Ганнибалу-военачальнику [Полибий, 11, 19]: «...кто же не воздаст хвалу полководческому искусству, и доблести, и приспособленности этого человека к боевой жизни, приняв в расчет продолжительность всего этого времени, обратив внимание на большие и малые сражения, осады, измены городов, затруднительные обстоятельства, на огромность всего замысла и деяния. При этом, шестнадцать лет воюя в Италии против Рима, Ганнибал ни разу не уводил войска с поля битвы, но, удерживая их под своею властью, подобно искусному кормчему, удержал от бунтов против себя и от междоусобных столкновений такое полчище, хотя его воины не только к одному племени, но и к одному народу не принадлежали. Ведь у него были ливийцы, иберы, лигуры, галлы, финикийяне, италийцы, греки, у которых от природы не было ничего общего — ни законов, ни обычаев, ни языка,

ни чего-нибудь иного. Однако мудрость предводителя заставила столь многочисленные и разнообразные народы слушаться одного приказанья и повиноваться одной воле, хотя обстоятельства менялись и судьба то часто им благоприятствовала, то наоборот. Поэтому достоин удивления талант предводителя в этой области, и можно с уверенностью сказать, что если бы он начал войну в других частях мира и под конец пошел против римлян, ни один из его замыслов не остался бы неосуществленным. Ныне же, начав с тех, на кого следовало идти последними, он, воюя с ними, и начал и кончил свое дело». Не умолчал Полибий и о личных качествах Ганнибала. Однако, говоря о них, он проявил исключительную сдержанность. «Некоторые думают, — писал он [19, 22, 8—10], — что он был чрезмерно жестоким, а некоторые — сребролюбивым. Однако сказать правду о нем и о тех, кто ведет государственные дела, нелегко. Иные говорят, что природные свойства человека обнаруживаются чрезвычайными обстоятельствами и одни люди проявляют себя в счастье и власти, другие же, наоборот, в несчастье, как бы они вообще до этого ни сдерживались. Мне же, наоборот, сказанное кажется неверным. Ведь, по-моему, нередко, даже очень часто люди принуждаются и говорить и поступать вопреки своим намерениям, то ли следуя советам друзей, то ли под воздействием изменчивых событий». И далее [9, 23, 4]: «Хотя и невероятно, чтобы одни и те же натуры обнаруживали противоположнейшие качества, но, вынужденные приспособливаться к изменяющимся обстоятельствам, некоторые властители обнаруживают противоречащее их характеру отношение к окружающим, так что из-за этого их природные свойства не только не проявляются, но скорее затемняются».

Приведя фактический материал, подтверждающий, как он думает, его точку зрения, в том числе рассказав о некоторых предосудительных, если подходить с «сбычной» меркой, поступках Ганнибала, совершенных либо под влиянием друзей, либо под воздействием политической необходимости, Полибий заключает [9, 26, 10 — 11]: «Вот почему очень трудно говорить о характере Ганнибала, так как на него влияли и советы друзей, и положение дел. Достаточно, что у карфагенян он слыл сребролюбцем, а у римлян — жестоким». Как можно видеть, Полибий вовсе не отрицает ни своекорыстия, ни жестокости Ганнибала, хотя и пытается (и это кажется нам принципиально неприемлемым) снять с него личную ответственность за те или иные деяния.

Конечно, нельзя не считаться с тем, что наши сведения о Ганнибале мы черпаем преимущественно из сочинений, воспроизводящих римскую точку зрения или приспособляющихся к ней. Поэтому едва ли можно до конца им доверять, когда они приписывают Ганнибалу чрезмерные пороки. Можно полагать, что Ганнибал в этом отношении сколько-нибудь существенно не отличался от своих греческих и римских коллег; напомним, что в древности (да и только ли в древности?) грабежи, насилия, опустошения и порабощение составляли, если можно так выразиться, повседневный быт войны. Уничтожение Мотии и Коринфа, Сагунта и Карфагена, Нуманции и Иерусалима, трагедия самого Рима, захваченного и ограбленного вандалами, привлекли внимание современников лишь размахом того, что происходило. Настороженность вызывают и чрезмерные восхваления пунийского полководца, преувеличенное восхищение его талантами. В одних случаях, когда об этом говорят враги римлян,

здесь отчетливо прослеживается ненависть к Риму, в других — желание преувеличить славу Рима, который сумел в единоборстве одолеть столь грозного противника, в третьих — выделить из плеяды римских военачальников Сципиона, одержавшего единственную будто бы и решающую победу над Ганнибалом в битве при Заме.

И все же факт остается фактом. Разгромленный и затравленный врагами, переживший крушение всех своих надежд и замыслов, изгнанник, доживавший свои дни вдали от родины, он был приравнен к величайшим полководцам своего времени, поставлен рядом с Александром Македонским. Впечатление, которое Ганнибал произвел на весь тогдашний мир, было настолько сильным, воспоминания об его блестящих победах над римлянами такими яркими, что они заслонили собой и его поражение, и изгнание, и гибель. Даже у Тита Ливия и Аппиана, историографов I—II вв. н.э., явственно ощущается тот ужас, который испытывали римляне при одной мысли о Ганнибале, стоящем у ворот «вечного города». Личность Ганнибала наложила свой отпечаток на все события политической и общественной жизни последней четверти III — первой четверти II в., и уже одно это оправдывает наш интерес к нему. Его необычная судьба и бесспорный талант полководца заставляют задуматься о том, каким был этот человек, в чем его сила и слабость, где предел воздействия, которое может оказать даже очень выдающаяся личность на ход исторического процесса.

Автор далек от мысли, что ему удалось исчерпать всю необозримую литературу о Ганнибале; он, однако, надеется, что основные точки зрения в предлагаемой работе так или иначе учтены. В нашу задачу не

может, разумеется, входить изложение и анализ различных мнений о Ганнибале, которые высказывались многочисленными исследователями и политическими деятелями XIX — XX вв.: для этого потребовалась бы специальная книга. К тому же нас интересует реальный человек, а не то, каким он представляется отдаленному потомству, то есть не легенда о Ганнибале. Заметим здесь только, что унаследованное от античной историографии представление о Ганнибале как об одном из величайших полководцев всех времен прочно укоренилось и в научно-исследовательской и в популяризаторской литературе. Гениальный полководец, не потерпевший ни одного поражения, одержавший блестящие победы, но преданный жадным, корыстолюбивым советом купеческой республики, — такое изображение Ганнибала стало своего рода общим местом. Слов нет, Канны были величайшим достижением полководческого гения Ганнибала и одной из вершин военного искусства вообще. Но разве жизнь Ганнибала-военачальника может быть сведена к одним только Каннам? Допустимо ли измерять уровень полководческого мастерства одним только или двумя-тремя взлетами, а не всею полководческой его деятельностью, не результатами, которых он добился? Великий полководец... Но что скрывается за этими словами? Неужели величие полководца определяется только тем, что он на протяжении своей военной карьеры выиграл столько-то сражений и победил в стольких-то войнах? Не следует ли принять во внимание и цели, которые он ставит перед собою, то, для чего ведутся войны и одерживаются победы? Неужели можно назвать великим человека, несущего другим людям порабощение, разорение и гибель?

...Солнце еще не показалось над горизонтом: раннее утро. Над алтарем высокий столб пламени. Это карфагенский полководец приносит жертву грозному Ваалхаммону и покровительнице города Тиннит — украшению Ваала. Сумрачны воины, переполнившие древний храм; жрецы в высоких шапках простерли руки к богам. Торжественные песнопения, громкие возгласы, невнятный шепот... И девятилетний мальчик, старший сын полководца, по приказу отца приносит клятву, ухватившись за «рога» алтаря. Этой клятве он останется верен до своего последнего часа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КЛЯТВА ГАННИБАЛА

Среди сложных задач, с которыми сталкивается историк древнего мира, одна из самых трудных — определение точных дат жизни того или иного человека. Слишком часто мы вынуждены ограничиваться неопределенными ориентирами, в лучшем случае — с точностью до десятилетия, даже когда речь идет о людях, чья жизнь и деятельность на разных ее этапах привлекала внимание древних историографов. Правда, в нашем распоряжении имеются некоторые данные, позволяющие с большей или меньшей степенью достоверности определить хронологическую канву биографии Ганнибала. Однако, приводя их, древние авторы вовсе не стремились к тому, чтобы наметить какие-то вехи жизненного пути этого человека. Говоря о возрасте, о поразительной с точки зрения эпохи молодости Ганнибала в моменты, когда он принимал ответственные политические решения и одерживал самые блестящие победы, они пытались лишь раз подчеркнуть его редкие дарования.

Эти данные группируются вокруг трех основных событий: знаменитой клятвы, вступления в должность командующего войсками на Пиренейском полуострове и возвращения на родину из Италии. Все писавшие о Ганнибале единодушны в том, что свою клятву он принес в возрасте девяти лет [Полибий, 3, 11, 15; Корн. Неп., Ганниб., 2, 3; Ливий, 21, 1, 4]; произошло это событие в 237 г. Командование войсками он принял в 221 г.; по сведениям Корнелия Непота [2, 3], Ганнибалу тогда не было и двадцати пяти лет. Между тем значительно более поздний историограф Евтропий [Евтропий, 3, 7] считает, что осаду Сагунта Ганнибал начал в двадцатилетнем возрасте и, следовательно,

командование он принял, будучи еще более молодым. По мнению византийца Зонары [8, 21], излагающего Диана Кассия, Ганнибал достиг власти в возрасте двадцати шести лет. Согласно еще одному указанию Полибия [15, 19, 3], когда пунийский полководец в 203 г. вернулся из Италии на родину, ему было больше сорока пяти лет. По словам Павла Орозия [4, 19, 4], Ганнибал возвратился в Карфаген через тридцать шесть лет после своего отъезда с отцом в Испанию, то есть в возрасте сорока пяти лет. Исходя из этого мы можем считать, что, по данным античной традиции, Ганнибал родился либо до 241 г. (Евтропий), либо в 246 г. (Тит Ливий, Корнелий Непот), в 247 г. (Зонара), в 248 г. (Орозий). По Полибию, время рождения Ганнибала — 247 — 246 гг.

Такая разногласица объясняется, по-видимому, тем, что древние историографы не имели доступа к документам, где указывалась дата рождения Ганнибала (если предположить, что такие документы существовали), и вынуждены были довольствоваться слухами и приблизительными указаниями источников. У нас тоже нет другого выхода: приходится констатировать, что где-то между 248 и 246 г., а скорее всего около 246 г. в семье крупного карфагенского военачальника и политического деятеля Гамилькара Барки, сына Ганнибала, родился сын. Эта семья, по-видимому, принадлежала к высшей карфагенской аристократии и возводила свою родословную к одному из спутников Элиссы — легендарной основательницы города [см.: Сил. Ит., 1, 73—80], после трагической гибели обожествленной, насколько можно судить, под именем Тиннит. Отец не утруждал себя выбором: новорожденного назвали самым распространенным пунийским именем — Ганнибал (*Ханни́ба'ал*, 'милослив ко мне Ваал'; по-русски обычно воспроизводится

латинская форма — *Hannibal*), может быть, в память о деде, к тому времени, конечно, уже умершем. Именно тогда карфагеняне последним отчаянным усилием попытались вырвать у Рима победу в I Пунической войне и назначили командующим войсками в Сицилии, где разворачивались основные операции, Гамилькара Барку.

I

Борьба между Карфагеном и Римом, в которой столь заметную роль сыграли и Гамилькар Барка, и Ганнибал, была естественным завершением всего предшествующего развития стран Западного Средиземноморья.

Основанный в 825 г. выходцами из Тира, Карфаген сравнительно рано (уже в VII в.) превратился в один из крупнейших центров средиземноморской торговли, чему немало способствовало его исключительно выгодное географическое положение, и выступил с притязаниями на господство в этом районе. В ходе ожесточенной борьбы с греческими колонистами в Сицилии, Лигурии и на Пиренейском полуострове, а также с древнейшим испанским государством Тартесс Карфагену удалось в союзе с этрусками уничтожить Тартесс, объединить вокруг себя североафриканские, сицилийские, сардинские и пиренейские колонии финикийян, а также подчинить своей власти обширные территории в Северной Африке, Южной Испании, Западной Сицилии и Сардинии¹. Особое значение имел для карфагенян союз с этрусскими городами. Как показали параллельные по содержанию посвященные надписи из Цере (KAI, 277), составленные на финикийском и этруском языках и обращенные к

финикийской богине Аштарт и ее соответствию — этрусской Уни (то есть Юноне), союз между этруским Цере и Карфагеном отличался завидной прочностью и (хотя текст не вполне ясен: царь Цере Тетфарие Велианас, видимо «избранный» богиней на царство, посвящает ей на третий год своего царствования «место» — сакральную камеру) наблюдалось заметное культурное влияние пунийцев на этрусков: проникновение в этрусский мир карфагенских культов и обычаев, календаря (одна из датировок сделана по пунийской системе счисления) и финикийского языка. Очевидно, эти глубокие связи сказались, когда пунийские войска в последней четверти III в. появились на территории Этрурии, хотя прямых указаний на это у нас нет. Поражение, которое потерпели карфагеняне около 480 г. в битве при Гимере (Сицилия) от коалиции греко-сицилийских городов-государств во главе с Сиракузами, на несколько десятилетий приостановило борьбу на острове. Однако уже в конце V в. войны с Сиракузами за господство в Сицилии возобновились, а к середине III в. Карфаген стал фактическим хозяином всей Сицилии, вышел на ближние подступы к Италии.

Созданное карфагенянами государство было весьма типичным для древности военно-административным объединением, которое включало в свой состав территории и общества, стоявшие на различных ступенях общественно-экономического развития и не имевшие друг с другом сколько-нибудь прочных контактов. Если не считать государственной власти пунийцев, единственным связующим звеном между ними оставалась карфагенская торговля. Однако, стремясь к созданию своей монополии как во «внутренней», так и в «международной» торговле, карфагеняне

фактически тормозили развитие подвластных им областей и тем самым способствовали усилению тенденций, ведущих в конечном счете к распаду и гибели построенной ими державы.

Карфаген был рабовладельческим государством; согласно дошедшим до нас сведениям, в руках отдельных собственников могли сосредоточиваться десятки тысяч рабов, из которых во время междоусобных войн создавались даже частные армии; крупными рабовладельцами были храмы. Впрочем, рабы иногда имели собственное хозяйство, а также семью, признававшуюся законом. Очевидно, положение различных групп рабов в обществе не было однотипным. Существовало в Карфагене и вольноотпущенничество — как за выкуп, так и без выкупа. После приобретения формальной свободы вольноотпущенники продолжали сохранять фактическую зависимость от своих прежних хозяев. Они не получали равных прав со свободнорожденными карфагенянами: им предоставлялся статус лиц, пользовавшихся «сидонским правом», реальное содержание которого пока неизвестно. Не исключено, что последним термином обозначалась совокупность прав, которыми пользовались финикияне-неграждане, выходцы из городов переднеазиатской Финикии и из колоний в Западном Средиземноморье².

Другую группу зависимого, хотя формально и свободного, населения составляли в Карфагене *боды* (или, как любезно указал нам И.М. Дьяконов, возможно *буды*), также пользовавшиеся «сидонским правом»³.

В самом тяжелом положении на землях, принадлежавших Карфагену, были коренные жители Северной Африки — ливийцы. Для того чтобы удерживать

их в повиновении, карфагенское правительство разделило свои ливийские владения на территориальные округа и подчинило их стратегам⁴; оно ликвидировало суверенитет местных общин, их самостоятельность не только в области внешней политики, но и в решении вопросов внутренней жизни⁵. Ливийцы платили захватчикам непомерно высокие налоги; их сбор сопровождался насилиями, вымогательствами, кровавыми преступлениями. Полибий [1, 72, 1—3] следующим образом характеризует поведение пунийских властей на территории Ливии в период I Пунической войны: «Ведь во время предшествующей войны, полагая, что имеют благоприятный предлог, они жестоко властвовали над населением Ливии: от всех прочих плодов они собирали половину, установив городам также и двойные налоги по сравнению с прежним временем, не проявляя пощады к неимущим или снисхождения во всем, что касалось взыскания податей. Они прославляли и почитали не тех военных правителей, которые относились к народу милостиво и человеколюбиво, но тех, кто обеспечивал им наибольшие повинности и запасы, а с населением обращался самым жестоким образом». И далее [1, 72, 5] он говорит о мужчинах — главах семей («мужья и отцы»), которых уводили под арест или в рабство за неуплату налогов и поборов. О жестокости пунийцев в Ливии сообщает и Диодор [20, 55]. Значительные по размерам и лучшие по качеству земельные массивы в долине р. Баграда, а также на средиземноморском побережье карфагеняне отобрали у ливийцев; эти земли захватили пунийские аристократы и создали здесь свои виллы⁶. Как показывает терминология Тита Ливия [33, 47—48], такие хозяйственные организмы назывались «башнями», в чем можно видеть отражение

переднеазиатского (аккадского) термина *димту*, распространенного в Финикии еще в середине II тысячелетия⁷. Наконец, на территории Ливии карфагеняне проводили регулярные мобилизации рекрутов в свою армию [Диодор, 13, 44, 1; 13, 54, 11], лишая ливийцев молодежи, которая проходила воинскую службу далеко от родины, проливая кровь за чужие интересы. Положение в Ливии всегда было крайне напряженным; время от времени здесь вспыхивали бунты, жестоко подавлявшиеся; враги карфагенян, высаживаясь на территории Северной Африки, всегда могли рассчитывать на дружественное отношение и прямую поддержку коренного населения.

Другую группу населения карфагенской державы составляли жители сицилийских городов — греки, сиккулы и сиканы. Они сохраняли, хотя и с большими и существенными ограничениями, свой суверенитет, действенный, когда на повестке дня оказывались внутриполитические проблемы. Их зависимость от Карфагена выражалась в необходимости соотносить внешнеполитический курс с интересами пунийцев и в выплате поземельного налога, составлявшего десятую долю урожая [Диодор, 13, 59, 3; 13, 114, 1; Циц., II Верр., 3, 6, 13]⁸. Не исключено, что они обязаны были выполнять и другие повинности. Подвластные Карфагену сицилийские города сохраняли, несмотря на стремление Карфагена монополизировать всю торговлю в Западном Средиземноморье, возможность не прибегать к посредничеству пунийских купцов и устанавливать прямые коммерческие связи, в том числе и за пределами карфагенской державы. Так, в первом договоре Карфагена с Римом устанавливалось [Полибий, 3, 22, 10], что римляне пользовались в Сицилии равными с карфагенянами правами. Во втором договоре аналогичная клаузула

[там же, 3, 23, 12] изложена следующим образом: «В той части Сицилии, в которой господствуют карфагеняне, и в Карфагене все пусть и делает и продает (римлянин. — И.К.), что и гражданину позволено». Ситуация предполагала, несомненно, и соответствующее правовое положение самих сицилийцев.

Третья группа — граждане финикийских колоний в Западном Средиземноморье, объединившихся вокруг Карфагена. Они формально считались союзниками Карфагена с более или менее ограниченным суверенитетом во внешнеполитической области; их государственно-административное устройство, а также законодательство совпадали с карфагенскими; выходцы из колоний практически во всех сферах гражданской жизни были приравнены к карфагенянам, в том числе, что было особенно существенным, они имели право заключать с карфагенянами браки, признававшиеся законом; такие супружеские союзы не влекли за собой гражданского неполноправия детей [Диодор, 20, 55; Полибий, 7, 9, 5]. Однако они не могли участвовать в политической жизни Карфагена и, следовательно, оказывать прямого воздействия на судьбу государства, частью которого были. И другое немаловажное обстоятельство: карфагеняне старались не допускать, чтобы их союзники торговали за пределами державы. В особенности характерно следующее условие, зафиксированное во втором договоре Карфагена с Римом [Полибий, 3, 11]: «В Сардинии и Ливии никто из римлян пусть не торгует и не основывает города, кроме как с целью приобрести продовольствие на дорогу или построить корабль. Если же непогода занесет, в течение пяти дней пусть он удалится». Здесь, несомненно, запрещается установление контакта не только с коренным населением

названных территорий, но и с финикийскими колонистами. Кроме того, деятельность купцов в финикийских колониях облагалась высокими пошлинами [Ливий, 36, 62].

В самом Карфагене у власти стояла аристократия. Вся административная система, вся структура государственного аппарата, сложившаяся к середине V в., должна была обеспечить ее господство. Высшим органом власти был совет, пополнявшийся из людей знатных и богатых [Полибий, 6, 51, 1—2; Арист., 2, 8, 3; Сервий, 4, 682]; внутри совета выделялся своеобразный «президиум» («первенствующие», «старейшины» — так его члены именуются обычно в наших источниках), состоявший первоначально из десяти [Юстин, 18, 6, 11; 7, 17], а позже, вероятно с V в., из 30 [Ливий, 30, 16, 3] человек. Здесь обсуждались и решались все проблемы городской жизни — предварительно на заседании «президиума», а затем окончательно всем советом. Народное собрание формально считалось одним из составных элементов карфагенского государственного устройства, однако фактически не функционировало; к нему обращались как к своего рода арбитру только в тех случаях, когда совет оказывался не в состоянии принять согласованное решение [Арист., 2, 8, 3]. В середине V в. специально для того, чтобы предотвратить возникновение военной диктатуры, был создан совет 104-х, которому стали подотчетны должностные лица [Юстин, 19, 2, 3; Арист., 2, 8, 2; ср.: у Диодора, 20, 10, 3]. Членов этого совета назначали специальные комиссии из пяти человек — пентархии, которые сами пополнялись путем кооптации [Арист., 2, 8, 4] по признаку принадлежности к аристократическому роду [Арист., 2, 8, 2]. Имелись в Карфагене и другие коллективные

органы власти; такова, например, комиссия из десяти человек, ведавшая храмами [CIS, I, 175].

До сих пор плохо известна карфагенская система магистратов, которые осуществляли в городе исполнительную власть. Ее возглавляли двое суффетов (*šūpūtīm* 'судьи'; по терминологии греческих источников — «цари»), выбиравшиеся сроком на один год [Ливий, 34, 61; Корн. Неп., Ганниб., 7, 4; ср.: CIS, I, 165]. Помимо суффетов для ведения боевых операций часто назначались специальные военачальники, не бывшие одновременно городскими магистратами [ср.: у Арист., 2, 8, 5]; пунийские правящие круги, судя по всему, старались не допускать, чтобы военная и гражданская власть концентрировалась в одних руках, хотя время от времени и имело место совмещение должностей суффета и полководца [Юстин, 22, 7, 10; Диодор, 15, 15, 2]. Источники упоминают и городских казначеев [Ливий, 33, 46]. Надо полагать, этим список должностных лиц в Карфагене не исчерпывался. Так как выполнение обязанностей магистратов не оплачивалось и требовало значительных расходов, государственные должности были доступны только представителям верхних слоев общества, располагавшим значительными денежными средствами. Как и при пополнении коллективных органов власти, при выборах должностных лиц неукоснительно соблюдался принцип — выбирать только богатых и знатных⁹.

Демократические круги населения — многочисленные наемные работники, ремесленники, мелкие и средние торговцы — были, таким образом, прочно отстранены от ведения государственных дел. Более того, выходцы из этих слоев не могли иметь надежды когда-нибудь пробиться «наверх»: помимо денег следовало

иметь еще и ценз знатности, то есть исконной принадлежности к правящей верхушке.

Особую роль играла в политической жизни Карфагена и система комплектования войск. Здесь уже давно отказались от народного ополчения; основу пунийской армии составляли наемные воинские формирования [Юстин, 19, 1, 1]¹⁰ и, как уже говорилось, соединения насильственно мобилизованных ливийцев. Недостатки подобной системы очевидны: наемные воины сражаются не за отечество, не за идею, но за жалование, за возможность грабить побежденных. На них можно положиться лишь в успешном, победоносном походе; трудности, поражения, лишения, задержка жалования делали их крайне ненадежными. Конечно, Ганнибалу удавалось, как это отмечают многочисленные источники, удерживать свою многоязычную армию в повиновении, однако относительная дисциплинированность его солдат может быть легко объяснена и блестящими победами в Италии, и надеждами на новые успехи. Вероятно, сыграло свою роль и влияние личности Ганнибала, который был очень популярен в солдатской среде. Использование наемных войск имело важный внутривнутриполитический аспект: отстраненные от воинской службы, народные массы оказывались не в состоянии влиять в своих интересах на развитие событий.

Среди самой карфагенской аристократии не было единства. Раскол в этой среде был порожден различиями в экономическом положении отдельных ее групп; их политическая линия определялась тем, что служило источником их благосостояния. Представители пунийской знати, располагавшие относительно большими земельными владениями на территории Африки, вовсе не желали проведения активной внешней

политики. Настроения этих кругов точно выражены в дошедшем до нас изречении известного в древности карфагенского ученого-агронома Магона, который требовал, чтобы землевладелец отказался от своего дома в городе и целиком сосредоточился на ведении своего хозяйства [Плиний, 18, 35; ср.: у Колумеллы, I, 18]. Основу их богатства составляла земля, поэтому они добивались укрепления власти Карфагена над ливийцами; их гораздо меньше заботило положение Карфагена как великой державы: от проведения завоевательной политики в Средиземноморском бассейне они не только не ожидали для себя каких-нибудь выгод, но даже предвидели тяжесть необходимости новых затрат государственных (это бы еще ничего!) и своих собственных средств¹¹.

Другую группу карфагенской аристократии составляло крупное купечество, благосостояние которого зависело от морской торговли со странами Средиземноморья и за его пределами. Как известно, Карфаген поддерживал активные торговые контакты с Египтом¹², Италией и греческим миром¹³, а также с Испанией, где (на юге Пиренейского полуострова) пунийцы занимали господствующее положение¹⁴. Карфагенские торговцы активно участвовали в торговле с районами, прилегающими к Красному морю¹⁵, а также проникали в бассейн Черного моря¹⁶. Естественно, что в этих условиях не могла не возникнуть влиятельная прослойка, интересы которой были связаны преимущественно, если не исключительно, с морской торговлей. Вполне понятно, что эти люди стремились к сохранению, упрочению и расширению власти Карфагена на морских торговых путях; их интересы смыкались с интересами тех, кто так или иначе обслуживал морскую торговлю или изготавливал

для продажи различные ремесленные изделия. Основной целью внешней политики Карфагена они считали установление пунийской торговой монополии во всем известном тогда мире. Иначе говоря, если учесть необходимость уничтожить или подчинить конкурентов, речь шла о создании «мировой» державы, которая охватила бы всю ойкумену, с центром в Карфагене. Именно эту задачу пытались решить Гамилькар Барка и Ганнибал.

Сама по себе эта задача не могла казаться абсолютно неразрешимой. В середине второй половины IV в., немногим больше ста лет назад, совершил свой завоевательный поход Александр Македонский, подчинивший весь Ближний Восток, Иран, Среднюю Азию и часть Индии. Смерть застала его в разгаре подготовки новой экспедиции, на этот раз на запад, против Карфагена. И, наблюдая развитие событий, трудно было не прийти к мысли, что, если бы не преждевременная гибель, он сумел бы успешно осуществить и это свое предприятие. Да и сама персидская держава — разве она не включала помимо Средней Азии и собственно Ирана практически все Восточное Средиземноморье? Конечно, государство Александра развалилось. Но не потому ли оно развалилось, что его полководцы раздробили это государство и потом в непрерывных войнах выкраивали себе более или менее, в зависимости от таланта и удачливости, обширные владения? То, что удалось Александру, к чему стремились его преемники, мог бы повторить и Карфаген, если бы у его стратегов хватило умения и счастья.

Существовали ли объективные предпосылки для создания подобных «мировых» держав? Несомненно, да; в противном случае Римская империя не смогла

бы, например, удерживать под своею властью все страны Средиземноморского бассейна в течение нескольких столетий. Конечно, они представляли собой довольно пестрый конгломерат различных по культуре и уровню социально-экономического развития районов, племен и народностей, «объединенных» копьем завоевателя. Существование данного государства часто зависело от военных способностей того или иного царя или полководца. Но ведь на месте гибнувших политических организмов постоянно возникали новые, каждый раз охватывая одни и те же или примерно одни и те же территории, и это явление нельзя объяснить только случайным стечением обстоятельств.

К числу таких предпосылок относится прежде всего развитие и сохранение на этих территориях, несмотря на постоянные войны, торговых и иных контактов между обществами, которые были серьезно затруднены тем, что за пределами своего племени, своего гражданского коллектива человек оказывался практически вне закона. Его позволялось безнаказанно убить, захватить в плен, продать в рабство; в условиях непрерывных столкновений всех со всеми такая опасность была очень реальной. Ее пытались уменьшить или даже вовсе ликвидировать союзническими договорами, соглашениями о гостеприимстве (своего рода куначество) между частными лицами, а также между государствами об обеспечении взаимной неприкосновенности. Однако эти полумеры не давали надежных гарантий. Только территориальное государство своими силами могло установить порядок, обеспечить мир и безопасность на обширных пространствах. Иначе говоря, развитие товарного производства и как следствие возникновение средиземноморского рынка — такова основная

предпосылка возникновения древних территориальных государств.

Существенно ограничивая суверенитет входивших в него ячеек, такое государство никогда не ликвидировало его полностью. Общества, подвластные территориальному государству, сохраняли, как правило, свое административно-политическое устройство, более или менее самостоятельно вели внутреннюю политику и завязывали дипломатические контакты даже за пределами государства, имели собственные законы и т.д. Верховный суверенитет территориального государства, отношения которого с подвластными политическими организмами приобретали характерный облик союзнических, выражался в необходимости согласовывать политику местных властей с политикой центрального правительства и выплачивать последнему различные поборы, выраставшие из даней и контрибуций. При всей их тяжести ограничения эти, по-видимому, с избытком компенсировались установлением мира и безопасности, а также той поддержкой, какую Центральное правительство обеспечивало местной землевладельческой и торгово-ремесленной знати в укреплении ее господства. Когда территориальное государство оказывалось не в состоянии обеспечить ни того ни другого, когда интересы местных правящих кругов вступали в непримиримый конфликт с интересами Центрального правительства, когда оно превращалось исключительно в орудие эксплуатации подданных в интересах господствующего общества или прослойки населения, тогда оно теряло опору и гибло.

Гамилькар Барка и Ганнибал поставили перед собой именно такую, невыполнимую по самой своей природе задачу — укрепить и расширить Карфагенскую

державу, созданную для того, чтобы обеспечить карфагенским землевладельцам и купцам возможность угнетать и эксплуатировать все остальное человечество, обогащаться за его счет. На этом пути карфагеняне столкнулись с Римом.

К середине III в. Рим давно уже перерос рамки небольшого воинственного города-государства, аристократической республики, вынужденной бороться с многочисленными внешними врагами не только и не столько за господствующее положение, сколько за само свое существование¹⁷. Ушли в прошлое времена, когда господство в городе принадлежало исключительно патрициям. В результате многолетней ожесточенной борьбы плебеи добились полного гражданского равноправия с патрициями и получили доступ к высшим государственным должностям, а также в сенат, комплектовавшийся из бывших должностных лиц, — право, воспользоваться которым могла, разумеется, только верхушка римского плебса. В III в. из немногочисленных (но более 30) патрицианских и плебейских родов в Риме складывается новая знать — нобилитет, экономическую основу которой составляло крупное землевладение. Эта новая знать выделилась из всаднической среды, то есть из среды граждан, чье имущественное положение позволяло им служить в кавалерии; из всадников, обладавших особенно высоким имущественным цензом и знатностью («нобилитетностью»), выходили должностные лица, занимавшие после отбытия своей службы сенаторские кресла. Сенат, таким образом, превратился в крепость нобилитета. Опираясь на формально свободных, но фактически зависимых клиентов и колонов, которые работали на их полях и поддерживали их при соискании должностей, а также при голосовании в народном

собрании, нобили делали все для того, чтобы крепко держать в своих руках управление государством и не допускать выходцев из чужой среды к высшим военным и гражданским должностям. Как и следовало ожидать, нобилитет не представлял собою сословие, чуждое каких бы то ни было внутренних потрясений и конфликтов; наоборот, можно констатировать соперничество между отдельными группами родов — политическими кликами, стремившимися захватить власть всю целиком. Одну из них возглавляли Фабии, тесно связанные с Атилиями, Лициниями, Манлиями, Отацилиями, Фульвиями, Манилиями, Огульниями и Лэториями. Ядро другой группировки составляли Эмилии; вокруг них объединялись Ливии, Ветурии, Сервилии, Папирии, Корнелии Сципионы; после разрыва с Фабиями к ним примкнули и Лицинии. Большим влиянием в Риме пользовались Клавдии, заодно с которыми были Валерии, Сульпиции, Волумнии, Юлии, Марции, Семпронии; в начале III в. они солидаризовались с Фабиями, но позже разошлись с ними¹⁸. Насколько об этом можно судить, принципиальных разногласий между названными группировками не было: борьба шла вокруг отдельных кандидатур, вокруг наиболее целесообразной тактики. В период максимальной угрозы Римскому государству, да и вообще при определении долгосрочных кардинальных целей римской политики, все они действовали заодно. Те всадники, которые по своему имущественному положению и по отсутствию у них необходимой с римской точки зрения знатности не могли войти в среду нобилитета, в III в. постепенно составили специфическое («всадническое») сословие, поставившее высших военачальников и захватившее в свои руки торговлю и ведение финансовых операций.

Другим важным результатом острых классовых столкновений было уничтожение рабства-должничества (хотя система кабальных отработок за долги не была ликвидирована и вновь и вновь появлялась в Италии); тем самым укреплено было до известной степени положение римского крестьянства. Конечно, немалую часть сельского населения составляли клиенты и колонны, зависевшие от крупных собственников и, по всей видимости, не имевшие своей земли. Тем не менее значительную и очень влиятельную прослойку римского общества составляло свободное крестьянство — плебеи, получившие доступ к государственной земле, фонды которой непрерывно пополнялись во время завоевательных войн, мелкие и средние собственники из той же плебейской среды; ощущалось в общественной жизни и постоянное давление со стороны безземельных — пролетариев. Эта народная масса могла активно защищать свои интересы, выдвигать своих лидеров на руководящие посты, преодолевая сопротивление нобилитета. Обращение к народу или даже угроза такого обращения способны были заставить правящую клику отступить.

Основным объектом борьбы между новой знатью и рядовым гражданством была земля, и именно это обстоятельство делало тех и других заинтересованными в захватнических войнах. Войны приносили «законную» добычу, создавая условия для обогащения; войны увеличивали государственный земельный фонд («общественное поле»), за счет которого могли расширять свои владения все граждане (по крайней мере теоретически; на практике, разумеется, государственная земля так или иначе попадала преимущественно в руки нобилей); войны позволяли систематически выводить колонии в различные пункты

Италии и таким образом наделять землю безземельных и малоземельных, избавляясь одновременно от слишком беспокойного «взрывчатого» элемента в самом Риме. К середине III в. под власть Рима практически оказалась вся Италия. Естественно было ожидать, что теперь он попытается овладеть и Сицилией — непосредственным продолжением Апеннинского полуострова..

Государственный строй Рима¹⁹ к тому времени, которое нас здесь интересует, сохранял в целом значительно бóльшие черты демократизма, восходящего к древнейшему общественному устройству, нежели Карфаген.

Этот демократизм проявлялся, во-первых, в деятельности народных собраний. С незапамятных времен в Риме существовали три типа народных собраний (комиций): пережиточно сохранившиеся куриатные (первоначально собрания патрициев), ведавшие усыновлениями, утверждением завещаний и формальным утверждением во власти магистратов; центуриатные (собрания воинов), которые избирали всех высших должностных лиц, принимали законы, входившие в силу после их утверждения сенатом, объявляли войну и заключали мир, осуществляли правосудие по уголовным делам; трибутные, развившиеся с середины V в. из плебейских сходов. Решения трибутных комиций с первой половины III в. были приравнены по значимости к решениям центуриатных комиций, а в их работе стали принимать участие не только плебеи, но и патриции. Многоликость римского народного собрания способна вызвать некоторое удивление, однако она легко объяснима. Гражданский коллектив выступает в различных обстоятельствах в различном облике: в одних ситуациях — как

сообщество граждан в прямом смысле этих слов, в других — как совокупность воинов, составляющих народное ополчение, в третьих — как масса плебеев, обсуждающих на своих собраниях государственные дела. Конечно, система прохождения дел в народном собрании и сенате позволяла состоятельным кругам добиваться приемлемых для них решений. Дело в том, что в центуриях граждане были распределены неравномерно и количественно большую часть центурий составляли люди, обладавшие высоким имущественным цензом, которые к тому же голосовали первыми; на народных собраниях ставить вопросы на обсуждение могли только магистраты, и рядовые их участники, следовательно, были лишены законодательной и политической инициативы; решения центуриатных комиций нуждались в утверждении, а с середины IV в. — в предварительном одобрении сената. Тем не менее народные массы имели некоторую возможность оказывать своим волеизъявлением и голосованием определенное влияние на течение событий; принятие, хотя и после многолетних столкновений, благоприятных для народных масс законов достаточно показательно. Более того, согласно закону Гортензия (287 г.), решения плебейских собраний по трибам — плебисциты вообще не нуждались в одобрении сената. Существенно и то, что римская армия пока еще продолжала оставаться народным ополчением, что также давало в руки демократическим кругам средства воздействия на правительство.

Римский государственный строй, обеспечивая в целом господство нобилитета, в принципе не исключал для любого человека возможности активно участвовать в политической жизни и даже добиться выдвижения на высшие посты [см., например, Циц., Сест., 137].

Римская система магистратур отличалась стройностью и одновременно сложностью. Они делились на обычные (коллегия двух консулов, преторы, цензоры, плебейские трибуны, эдилы, квесторы) и экстраординарные (диктатор и его помощник — начальник конницы; военный трибун с консульской властью). Некоторые должностные лица (консулы, преторы, диктатор, военный трибун с консульской властью) обладали империем и считались по отношению к остальным высшими. К числу высших относились также цензоры и народные трибуны. Наконец, некоторые из магистратур считались курульными — консулы, диктатор, военный трибун с консульской властью, претор, цензор и курульный эдил. Они имели право восседать на особо почетном, так называемом курульном кресле, а по отбытии магистратуры, попадая в сенат, пополнявшийся бывшими магистратами, занимали там первенствующее положение («курульные сенаторы»). В Риме, как и в Карфагене, выполнение государственных обязанностей не только не оплачивалось, но и требовало значительных расходов со стороны магистрата; оно рассматривалось как почесть, предоставленная избраннику благосклонным к нему народом. Понятно, что при таких обстоятельствах и здесь возникали предпосылки для отбора кандидатов «по знатности и богатству». И все же характерная для римской традиции фигура сурового крестьянина Луция Квинкция Цинцинната, коего отечество призывает от сохи на высшую государственную должность и который, выполнив свой долг, спасши родину, возвращается к своему жалкому клочку земли [Ливий, 3, 26, 6 — 12], — этот хрестоматийный образ «римлянина старого закала» был создан не на пустом месте. Маний Курий Дентат, победитель одного из талантливейших

полководцев эллинистической Греции, эпирского царя Пирра, происходил из деревенской глуши, был бедняком, а после победы, которая навсегда отдала Италию в руки Рима, продолжал по-прежнему хозяйничать на своем крохотном поле и сам, своими собственными руками пахал его, засеивал и снимал урожай; посетители застают его в скромном крестьянском доме, сидящим перед очагом и варящим кушанье из репы, довольствующимся грубой глиняной посудой [Циц., Госуд., 13, 40; Циц., Кат., 55; Плиний, 19, 87]; его дочь получает приданое от государства [Апулей, 18]. Во время I Пунической войны Марк Атилий Регул, командовавший римскими войсками и Африке, обратился к сенату с письмом, в котором обращал внимание на бедственное положение своего небольшого хозяйства: оно пришло в отсутствие хозяина в полный упадок, разорено батраками; Регул просил, прислав ему замену, отпустить его домой [Ливий, Сод., 18]. Более того, Аппий Клавдий, будучи цензором, включил потомков вольноотпущенников в сенат [Диодор, 20, 36, 3]; вольноотпущенник самого Аппия — Гней Флавий, отец которого был рабом, получил должность культурного эдила [Диодор, 20, 36, 6; Ливий 9, 46, 10]. Потомками вольноотпущенника были и Клавдии Марцеллы, один из которых сыграл такую видную роль во II Пунической войне. Конечно, и в Риме подобные явления были относительно редки (а мероприятия Аппия Клавдия вызвали решительный протест знати), однако они показательны как выражение определенной тенденции в жизни общества. Собственно, доступ во всадническую среду и к высшим должностям не был ни для кого закрыт раз навсегда; указания на «низкое», незнатное происхождение тех или иных магистратов довольно широко были распространены в

публицистике и историографии эпохи. Скажем здесь только об одном человеке — Гае Теренции Варроне. Разгромленный при Каннах, он и после этой своей неудачи занимал видные выборные должности, хотя по понятным причинам был отстранен от руководства военными операциями. Знатностью («нобилитетностью») в строгом смысле слова он не обладал²⁰.

И, наконец, еще одно обстоятельство. Римская система управления покоренными территориями, разумеется, была рассчитана на их полное подчинение завоевателю, а также на эксплуатацию их населения. Создавая различные правовые статусы отдельных областей и городов, римляне стремились исключить саму возможность их объединения против общего врага. Среди подвластных Риму политических единиц имелись: 1) автономные муниципии, граждане которых располагали римским гражданством (с правом участвовать в народном собрании или же без него); 2) города латинского права, жители которых были в Риме имущественно правоспособны, а в некоторых случаях могли заключать с римлянами браки, признававшиеся законными; 3) союзники, сохранявшие, хотя и с определенными ограничениями, свой суверенитет: они должны были согласовывать с Римом свою внешнюю политику, а также предоставлять ему вспомогательные войска. Наконец, особую группу обществ, подвластных Риму, составляли бесправные «подданные», лишенные какой бы то ни было автономии. Наиболее тяжелым для «союзников» и «подданных» Рима было то, что римляне отбирали у них от трети до половины земельного фонда, однако в целом положение италиков под властью Рима было, несомненно, гораздо легче, чем положение ливийцев под властью Карфагена. Рим, насколько об этом можно судить по имеющимся

данным, не ставил преград экономическому развитию и торговой деятельности своих вольных или невольных «союзников» и «подданных»; идея монополизировать морские и сухопутные пути, рынки сырья и сбыта никогда не приходила в голову римскому правительству. Поэтому оно, обеспечивая в сфере своего господства определенный порядок и стабильность, могло рассчитывать на поддержку достаточно влиятельных слоев общества, прежде всего правящей аристократической верхушки, чью власть сенат обеспечивал всеми доступными ему средствами. Да и не хотело римское правительство вызывать у италиков особенно сильное недовольство. Далее мы увидим, что позиция италиков, в особенности после битвы при Каннах, была не такой единой, как можно было бы думать: на нее существенное воздействие оказывали и развитие общеполитической ситуации, и внутривнутриполитическая борьба, и мечты обрести независимость (власть далекого Карфагена, казалось, будет меньше давить, тем более что Ганнибал готов был гарантировать все что угодно). Имелись и общества, давно и прочно враждебные Риму, — Самниум, Брутиум. Однако в целом проримские тенденции, особенно в Центральной Италии, да и на юге тоже, оказались более действенными, чем антиримские.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что Рим обладал в борьбе с Карфагеном определенными политическими преимуществами. Эти преимущества заключались не в том, что римское государственное устройство было аристократическим (Карфаген тоже был государством аристократическим), и не в пережитках демократизма (Баркиды, как увидим, опирались на народные массы Карфагена, выражали их интересы, а Гасдрубал, зять Гамилькара, был предводителем

демократической партии); важнейшее преимущество Риму давали сохранение народного ополчения как основной военной силы государства (соответственно моральные качества римской армии были более высокими, чем у карфагенской) и его итальянская политика.

В ходе борьбы Карфагена с Римом столкнулись две системы военной организации, обусловленные особенностями социальной структуры и политического строя обоих обществ.

Основную массу карфагенской армии (помимо «священной дружины», вооруженной длинными копьями, в которой проходили военную службу и стажировались для занятия командных должностей пунийские аристократы) составляли, как сказано, наемные солдаты — иберийцы, галлы, италики, греки, африканцы; их, как правило, мобилизовывали пунийские власти. Кроме тяжеловооруженной (мечами и копьями) пехоты, составлявшей центр боевого построения — фалангу, карфагенское командование обычно располагало конницей, нумидийской или иберийской, которую размещали на флангах, балеарскими пращниками, находившимися перед боевым порядком, и боевыми слонами, которые должны были уничтожать живую силу противника. Надо сказать, однако, что слоны составляли и самую опасную для самих карфагенян часть их армии: слишком часто врагу удавалось обратить слонов против пунийских воинов. На стоянке войска обычно располагались в укрепленном лагере; построение такого лагеря неизвестно.

В римской армии все воины делились на следующие группы: велиты (вооруженные мечом, дротиками, луком со стрелами, пращей), копейщики (имевшие меч, пилумы, а также защитное вооружение — щит и кожаный панцирь, обшитый металлическими

пластинками), «передовые» (ранее они помещались и первой шеренге; вооружение то же, что и у копейщиков), ветераны-триарии (вместо пилума у них было простое копье). Основным воинским подразделением римской армии был легион, состоявший из 30 манипул; каждая манипула насчитывала 120 воинов — копейщиков и «передовых» или 60 воинов (триарии). Манипулы состояли из 2 центурий; командир первой центурии был одновременно и командиром манипулы. В состав легиона входили и 10 отрядов («турм») конницы, по 30 всадников в каждом. К бою легион обычно выстраивался в 3 линии по 10 манипул. Интервал между манипулами был равен протяжению их фронта; дистанция между линиями составляла 15-25 м. Манипулы строились в 10 шеренг по 12 человек. В первой линии располагались обычно копейщики, за ними следовали манипулы «передовых», замыкали построение триарии.

Завязывали бой с карфагенской стороны, как правило, пращники, а с римской — легковооруженные велиты, отходившие после метания дротиков, стрел и камней в тыл и на фланги. Копейщики поражали своими копьями щиты противника и, лишив его, таким образом, возможности обороняться, бросались на него с мечами. Если эта атака не приносила успеха, копейщики отходили через интервалы в тыл и их сменяли более опытные «передовые», а затем в бой вводился последний резерв — триарии.

Такая организация римской пехоты и конницы создавала определенные сравнительно с карфагенской преимущества. Римляне были более подвижны. Их командование могло свободнее маневрировать, в том числе и небольшими группами воинов. Однако должно было пройти длительное время,

прежде чем римские полководцы научились побеждать воинов Ганнибала.

После каждого дневного перехода римляне устраивали лагерь, окруженный рвом, земляным валом с воротами в каждой стороне и плетеными щитами. Палатки в лагере располагались в строго определенной последовательности, так что каждый воин точно знал и свое место, и размещение всех подразделений. Находясь в лагере, солдаты обычно чувствовали себя в полной безопасности²¹.

Самые ранние контакты карфагенян и римлян уходят в глубокую древность. Полибий [3, 22] сообщает, что первый договор Карфагена с Римом датируется консульством Луция Юния Брута и Марка Горация, за двадцать восемь лет до вторжения в Грецию персидского царя Ксеркса, иными словами, 509 г.²² Составленный, несомненно, по образцу соглашений, которые Карфаген заключал со своими этрусскими союзниками²³, он, во-первых, предусматривал установление сферы карфагенской монополии за Прекрасным мысом, во-вторых, регулировал порядок римской (а вернее сказать, этрусской) торговли в Сардинии, Сицилии и Северной Африке, в-третьих, запрещал карфагенянам захватывать какие-либо территории в Лациуме и вести войны с союзниками Рима. Наибольший интерес исследователей и наибольшую полемику вызвал вопрос о местоположении Прекрасного мыса. Полибий [3, 22, 5] пишет: «Ни римлянам, ни их союзникам не плавать по ту сторону Прекрасного мыса, если не будут вынуждены непогодой или врагами» (цитата из договора). В своем комментарии к договору Полибий [3, 23, 1–4] разъясняет эту клаузулу следующим образом: «Прекрасный мыс — это тот, который находится перед самим Карфагеном в направлении на

север. Карфагеняне решительно полагали, что римлянам не нужно плавать по ту сторону к югу на длинных кораблях, потому что, как я думаю, они не хотели, чтобы те разведали места вокруг Бисатиса и вокруг Малого Сирта, которые они называют Эмпориями, так как эта страна плодородна. Если же кто-нибудь, занесенный силой непогоды или неприятелей, будет нуждаться в необходимом для совершения жертвоприношений и снаряжения кораблей, они полагают, что можно взять и что причалившие обязательно должны удалиться в течение пяти дней. А в Карфаген и во всю Ливию по ее сторону от Прекрасного мыса, и в Сардинию, и в Сицилию, коей владеют карфагеняне, ради торговли плавать римлянам дозволяется; и карфагеняне обещают государственным ручательством обеспечить соблюдение законности». Из комментария Полибия кажется очевидным, что Прекрасный мыс следует искать в Северной Африке, в непосредственной близости от Карфагена²⁴. Однако вопрос этот, по-видимому, не может быть решен столь однозначно. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, в самом тексте договора местоположение Прекрасного мыса не указано; в то же время, когда в нем идет речь о торговле в Ливии, какие-либо территориальные ограничения отсутствуют. Этот факт свидетельствует против локализации, предложенной Полибием. Во-вторых, в пояснении Полибия имеется внутреннее противоречие: согласно второму договору Карфагена с Римом [Полибий, 3, 24, 4] и собственному комментарию Полибия к этому документу [3, 24, 2], в непосредственной близости от Прекрасного мыса находились Мастия и Тарсей (то есть Таршиш, Тартесс), расположенные на Пиренейском полуострове. Эти факты делают, с

нашей точки зрения, более правдоподобной локализацию Прекрасного мыса за пределами Северной Африки, вероятнее всего, на средиземноморском побережье Испании, в районе мыса Нао²⁵. Очевидно, договор с Римом был одним из многих в серии международно-правовых актов, которыми Карфаген закреплял в конце VI в. свое политическое господство и торговую монополию на юге Пиренейского полуострова после разгрома Тартесского государства и гибели Тартесса.

Второй договор Карфагена с Римом обычно датируется 348 г. [ср.: у Ливия, 7, 27, 2; Орозий, 3, 7, 1—3; Диодор, 16, 69, 1]²⁶, однако в 1958 г. была выдвинута новая точка зрения: указывалось, что второй договор представляет собой, в сущности, лишь развитие, конкретизацию и уточнение первого и поэтому не может слишком далеко хронологически отстоять от первого. Исходя из сказанного, предлагается датировать второй договор Карфагена с Римом концом VI в. или, более точно, временем около 500 г.²⁷. Эта гипотеза кажется весьма правдоподобной, однако пока, к сожалению, отсутствуют данные, которые позволили бы окончательно решить проблему. Как бы то ни было, согласно этому договору [Полибий, 3, 24, 3—13], римлянам запрещалось плавать за Прекрасный мыс, в Мاستию и Тарсей — Таршиш, то есть в Южную Испанию, а также в Сардинию и Ливию. Право и возможность вести торговлю римляне сохраняют только в пунийской Сицилии и в самом Карфагене. Кроме того, договором регулируется «порядок», если можно так выразиться, пиратских набегов карфагенян на те районы Лациума, которые не были подвластны Риму, причем предусматривается возможность освобождения пленных

союзников Рима на римской и Карфагена — на карфагенской территории.

Дальнейшее развитие этой линии взаимоотношений нашло свое отражение в договоре, основное содержание которого сохранил поздний римский автор Сервий в своем комментарии к «Энеиде» Вергилия [4, 628]. Обычно этот договор датируется 306 г.²⁸, однако в настоящее время в связи с пересмотром времени второго договора его предлагают отнести к 348 г.²⁹. Здесь предусматривается полный запрет карфагенянам плавать к берегам римских владений, а римлянам — карфагенских. Своеобразной буферной территорией, отделяющей одних от других, должна была стать Корсика. Аналогичные сведения имелись и в трудах прокарфагенски настроенного [Полибий, 1, 14, 3] греческого историка Филина. Согласно изложению Полибия [3, 26, 3], Филин писал, что «у римлян и карфагенян имелись договоры, согласно которым римлянам следовало отказаться от всей Сицилии, а карфагенянам — от Италии». Полибий резко отрицает сообщение Филина; такого соглашения, по его словам, никогда не было, и какие-либо записи о подобном отсутствуют [3, 26, 4]. Однако аргументация греческого историка в свете указаний Сервия не может быть признана убедительной; не исключено, что римляне скрыли от него документ, позволявший врагам (тому же Филину) обвинить их в вероломстве. Во всяком случае, политическая ситуация конца IV в., когда отчетливо ощущалась потребность в разделе сфер влияния и когда стороны еще не могли претендовать ни на Италию (Карфаген), ни на Сицилию (Рим), не исключает его существования. По-видимому, этот же договор имеет в виду Тит Ливий [9, 43, 26], когда он пишет, что «и с карфагенянами в том

же году (то есть в 306 г. — И.К.) был в третий раз обновлен союз, а их послам, которые прибыли для этого, любезно посланы дары».

В сочинении Ливия имеется упоминание [Ливий, Сод., 13] и об «обновлении» в четвертый раз союза между Римом и Карфагеном. Контекст, в котором находится это указание, показывает, что договор был заключен в разгар борьбы между римлянами и эфирским царем Пирром за господство в Южной Италии. Заранее можно предполагать, что речь идет о военнополитическом союзе, направленном против последнего. Полибий [3, 25, 3 — 5] сохранил сведения об условиях этого рода, включенных в соглашение, датированное 280 г.; видимо, именно о нем говорит и римский историограф. Стороны взяли на себя следующие обязательства: «Если они заключат с Пирром договор о союзе, пусть сделают те и другие, чтобы они могли помогать друг другу на территории тех, кто подвергнется нападению. Кто бы ни нуждался, корабли пусть предоставят карфагеняне как для охраны путей, так и для нападения; жалованье своим воинам каждая сторона выплачивает сама. Карфагеняне пусть помогают римлянам и на море, если будет нужно. А команду пусть никто не принуждает сходить на берег против воли».

Таким образом, отношения между Римом и Карфагеном никогда не отличались чрезмерной сердечностью. Борьба против общего врага — Пирра, который замышлял создать для себя на западе мощное царство на обломках римского и карфагенского могущества, — казалось, должна была их сблизить. Однако последующие события обнаружили, что стороны опасались союзника не меньше, если не больше, чем противника. По крайней мере это можно сказать о Риме. Во исполнение договора или под этим

предлогом якобы на помощь Риму была отправлена флотилия в составе 120 кораблей, однако сенат вежливо поблагодарил и отказался. Ему тем легче было это сделать, что непосредственная опасность миновала. Тогда карфагенянин Магон отправился к Пирру; было объявлено, что он хочет содействовать установлению мира между Римом и Пирром, хотя на самом деле он попытался выяснить планы последнего: карфагенян очень беспокоили слухи о том, что царь предполагает вторгнуться в Сицилию [Юстин, 18, 2, 1—4; Вал. Макс., 3, 7, 10].

Создается впечатление, что союзники действовали порознь, фактически независимо друг от друга, хотя Диодор [22, 7, 5] и сохранил сведения о том, будто пунийцы предоставили римлянам свои корабли для переброски воинов в Регий. Когда худшие опасения карфагенского правительства оправдались, когда Пирр переправился в Сицилию и даже объявил себя царем этого острова, карфагеняне оказались в одиночестве и, потерпев ряд сокрушительных поражений от своего противника, поддержанного местным греческим населением, потеряли почти все [Юстин, 23, 3, 1—4; Апп., Самн., 12]. Единственное, что они сумели сохранить благодаря своему господству на море, — порт Лилибей. Опасность представлялась настолько грозной, а бездействие Рима настолько лишало всякой надежды на спасительную помощь извне, что карфагеняне решились, сознательно нарушая союзнические обязательства, предложить врагу мир. Они готовы были примириться с потерями и даже предоставить флот своему недавнему противнику. Переговоры не дали результата, так как Пирр потребовал уступить ему еще и Лилибей [Плут., Пирр., 22—24]. Господство карфагенян в Сицилии удалось восстановить только

потому, что сицилийская политика царя (взыскание податей и повинностей, размещение гарнизонов и т.п.) сделала сицилийских греков союзниками карфагенян. Пирр в конце концов был изгнан из Сицилии в Италию [Апп., Самн., 12]. Впрочем, в античной историографии есть указания и другого рода: отмечают, что Пирр покинул Сицилию, уступая настойчивым просьбам своих итальянских союзников, которые опасались нового нашествия римлян [Юстин, 23, 3, 5—9]. По-видимому, и то и другое сыграло свою роль, хотя Пирру и, возможно, Риму было политически выгодно подчеркнуть именно второе обстоятельство. Как бы то ни было, если бы Пирр не восстановил против себя сицилийских греков, что использовали в своих целях карфагеняне, его отъезд в Италию едва ли мог повлечь за собой крушение всех планов, связанных с островом.

После того как Пирр оказался вынужденным оставить Сицилию, а затем и Италию, о союзе между Карфагеном и Римом уже не было и речи. Возобновилось их противостояние, теперь чреватое прямым конфликтом. Взаимные нарушения договора 306 г. — попытка Карфагена оказать помощь Таренту в его сопротивлении римской экспансии [Ливий, Сод., 14; Орозий, 4, 3,1—2; 5, 2; Зонара, 8,6] и вмешательство римлян в дела Мессаны [Полибий, 1,8—11] — послужили предлогом для начала войны.

По существу, исход первой войны между Карфагеном и Римом — I Пунической войны (264—241 гг.) — был предreshен в самом начале. В течение кампаний 264—262 годов римлянам удалось заставить сиракузского царя Гиерона II — до этого союзника пунийцев — перейти на сторону Рима, в результате чего Карфаген оказался политически изолирован, и, кроме того,

установить свое господство практически на всем острове. Особенно тяжким ударом для карфагенян было падение Акраганта, стратегически самого важного пункта в Сицилии. После этого под их властью оставались только некоторые приморские города, теперь снабжавшиеся и оборонявшиеся с моря.

До сих пор римский военный флот не шел ни в какое сравнение с карфагенским, и поэтому казалось, что сломить преимущество пунийцев в этой области Рим никогда не сможет. Перед соперниками открывалась перспектива затяжной, изнурительной войны. Добиться победы исключительно морскими силами Карфаген не мог. Но и Рим не мог победить только при помощи сухопутных войск. Поэтому перед первым возникла задача создать боеспособную пехоту, тогда как второй был поставлен перед необходимостью срочно строить новые военные корабли и обучать моряков. Мы осведомлены главным образом о действиях римлян, однако последующие события говорят сами за себя: римские военачальники выиграли соревнование. Захватив севшую на мель карфагенскую пентеру, они использовали ее в качестве образца и уже в 260 г. располагали флотом в 120 судов. Но этого мало: чтобы парализовать обычные для того времени приемы морского боя — прорыв строя кораблей и таран, римляне разработали новую тактику. Они изобрели абордажные мостки («вороны»); по этим мосткам воины перебегали на вражеский корабль и там вели рукопашную схватку. Тем самым римляне получали возможность использовать на море, в абордажном бою, превосходство своей пехоты. Правда, первое морское предприятие римлян окончилось неудачей: они попытались было овладеть Липарскими островами, но были заперты в

гавани и захвачены в плен (17 кораблей под командованием консула Гнея Корнелия Сципиона). Однако поражение было с избытком компенсировано победой при Милах в 259 г., где были потоплены или взяты в плен около 50 военных кораблей, едва ли не половина пунийского флота. Этот успех потряс современников, в особенности самих римлян; консул Гай Дуилий, командовавший римским флотом, был удостоен помимо обычного триумфа совершенно исключительных почестей: по постановлению сената его должен был в общественных местах сопровождать флейтист. До нас дошла и надпись, воздвигнутая для того, чтобы увековечить подвиг Дуилия [CIL, I, 195; Плиний, 34, 20].

Теперь римские власти имели возможность попытаться сломить Карфаген на африканской территории. Весной 256 г. 4 легиона, которыми командовали оба консула — Марк Атилий Регул и Луций Манлий Вольсон, на 330 кораблях отправились к африканскому берегу. Карфагеняне, встретившие противника у Экнома, не сумели, несмотря на численное превосходство (у них было 350 судов), помешать своим врагам и заставить их вернуться в Сицилию. Потеряв 94 корабля (против 24 римских), пунийский флот отступил в Африку. Римляне высадились там, где их совершенно не ждали, — в районе крепости Клупея, которая стала их опорным пунктом. Половина десанта во главе с Вольсоном по требованию сената возвратилась в Италию; тем не менее Регул сумел поставить под свой контроль почти все африканские владения Карфагена и приобрести союзника в лице взбунтовавшихся ливийцев.

Не рассчитывая на военную победу, карфагенское правительство попыталось выйти из войны, примирившись

с потерей Сицилии и Сардинии. Но этого Регулу показалось мало. Во время переговоров он потребовал, чтобы пунийцы уничтожили свой военный флот и обязались поставлять корабли Риму. Принятие подобных условий означало бы ликвидацию Карфагена как великой державы и установление прямой его зависимости от Рима. Карфагеняне решили защищаться. Из Сицилии были вызваны войска. Кроме этого была создана новая армия из греческих наемных солдат во главе с талантливым полководцем спартанцем Ксантиппом (его предшествующая и последующая деятельность неизвестны). В результате соотношение сил резко изменилось, и карфагеняне смогли, главным образом благодаря стратегическому мастерству Ксантиппа, наголову разбить войска Регула неподалеку от Тунета. Ливийским союзникам Рима карфагеняне устроили кровавую баню, и память о тысячах убитых и казненных еще долго жила в африканских деревнях и поселках.

Военные действия теперь снова сосредоточились в Сицилии и поначалу приняли явно неблагоприятный для пунийцев оборот, хотя операции римлян на море и не были особенно удачными. В 254 г. карфагеняне оставили Панорм, а в 251 г. потерпели тяжелое поражение под стенами этого города, потеряв 120 боевых слонов. В 249 г. пал Эрикс, и в руках пунийцев остались только Дрепанум и Лилибей. Повторная попытка Карфагена заключить мир не дала результатов. Между тем римляне оказались не в состоянии полностью блокировать Дрепанум и Лилибей ни со стороны моря, ни с суши. Карфагенские моряки на небольших парусных судах, минуя препятствия, созданные римлянами, проникали в гавани. Пунийские всадники наносили противнику чувствительные удары и

перехватывали римские обозы с продовольствием, предназначавшимся для осаждавших. Желая круто изменить положение, консул Публий Клавдий попробовал было уничтожить карфагенский флот в гавани Дрепанума, но пунийскому флотоводцу Атарбе удалось окружить римские корабли и захватить 80 из них и уничтожить 100. Клавдий сумел спасти всего 30 судов. Разгром был дополнен уничтожением римского транспортного флота в районе Гелы и Камарины. В результате даже та неполная блокада Лилибея и Дрепанума, которую установили римляне, была ликвидирована. После тринадцатилетней изнурительной борьбы стороны вернулись к положению, которое сложилось уже в 262 г., и, по-видимому, так же как и в конце 60-х годов, были далеки от окончательной победы.

Такова была ситуация, когда в 247 г. командующим карфагенским флотом в Сицилии был назначен Гамилькар Барка, а в его семье приблизительно в то же время родился сын Ганнибал — в недалеком будущем самый упорный и самый опасный враг Рима.

II

Гамилькар, сын Ганнибала, носивший прозвище — может быть родовое — Барка ('молния'), занял, по сообщению его биографа, важнейший по тому времени пост и принял фактически на себя ответственность за исход войны с Римом в юношеском возрасте [Корн. Неп., Гам., 1, 1]. Как нам кажется, едва ли правильно чрезмерно доверять этим сведениям. На Гамилькара могли быть перенесены биографические данные, относящиеся и его несравненно более знаменитому сыну и

преемнику. В любом случае до получения подобного назначения Гамилькар должен был пройти серьезную военную школу, принимая на разных должностях участие в боевых операциях против римлян, а также приобрести определенный административный опыт, исполняя обязанности магистратов, в том числе и на высоком уровне. Трудно представить себе, чтобы судьба Карфагена могла быть вручена неопытному и незрелому юнцу, который до этого ничем значительным себя не проявил. Заметим в этой связи, что к 240—230 гг., когда Ганнибалу исполнилось шесть-семь лет, у Гамилькара уже были по крайней мере две дочери, достигшие брачного возраста [Полибий, 1, 78, 8; Апп., Исп., 4]; они родились, следовательно, не раньше 255—252 гг., и, значит, сам Гамилькар вступил в брак не раньше 256 г. Все эти расчеты, конечно, далеки от необходимой точности и дают счень приблизительное представление о возрасте полководца, когда он впервые появился на исторической авансцене. С известной долей вероятности можно предполагать, что в 247 г. ему уже исполнилось около тридцати лет, а может быть, и более. Источник, которым воспользовался Корнелий Непот, мог иметь в виду, если допустить, что он отражает действительные события, не абсолютную молодость полководца, а относительную, сравнительно с годами его коллег и противников.

Интересно, что Цицерон [Циц., Обяз., 3, 99] и Зонара [8, 10] отождествляли Гамилькара Барку с тем Гамилькаром, который командовал пунийскими войсками в Сицилии в 261—256 гг., участвовал в морской битве при Экноме, а также организовал в Африке борьбу против Регула и поддерживавших его нумидийцев. Однако такое отождествление кажется маловероятным.

Если бы подобное совпадение действительно имело место, наши основные источники не могли бы говорить о назначении Гамилькара Барки в тоне, показывающем, что он только в 247 г. впервые появляется в повествовании о I Пунической войне. Так, например, Полибий [1, 56, 1] писал: «Карфагеняне назначили после этого полководцем Гамилькара, прозывавшегося Барка, и ему вручили командование флотом». Выражение «прозывавшегося Барка» определенно показывает, что Полибий или его источник хотели отличить именно данного Гамилькара от остальных, не имевших прозвища³⁰.

Как бы то ни было, в 247 г. Гамилькар Барка получил ответственнейшее назначение, которое в дальнейшем открыло ему путь к захвату всей власти в государстве. Если верно, что изображению финикийского бога Мелькарта на одной из монет, происходящих из Нового Карфагена, приданы портретные черты Гамилькара Барки³¹, то мы можем составить себе некоторое представление об его облике, хотя портрет и стилизован в духе современной исполнителю эллипстической манеры. Автору, который, несомненно, стремился не только добиться внешнего сходства, но и дать психологическую характеристику модели, удалось передать твердость воли, решительность, суровость и, пожалуй, жестокость властного и уверенного в себе надменного аристократа. Плотные сжатые тонкие губы, курчавая борода, настороженный, как будто пронизывающий взгляд... Художник старательно избегает всего, что могло бы выявить в этом бесспорно незаурядном человеке иные качества — мягкость, доброту, деликатность. Перед нами солдат, который не остановится перед потоками крови, расчетливый и непреклонный политический деятель — такой, каким

его воспитала карфагенская действительность с ее интригами, коррупцией, смертельной враждой, отчаянной борьбой за власть. Античная традиция приписывает Гамилькару Барке государственную мудрость, презрение к опасности, исключительное воинское мастерство. Он никогда никого не посвящал в свои замыслы, чтобы противник не узнал о них, а его воины не были бы приведены в смятение размышлениями о тех опасностях, какие им предстоят [Диодор, 24, 5 – 7]. В Карфагене надеялись, что такому человеку удастся вывести военные действия из тупика и добиться победы.

Вначале обстоятельства складывались благоприятно для карфагенян³². Приняв командование, Гамилькар прежде всего подверг опустошительным набегам побережье Италии, и в особенности на юге Апеннинского полуострова, Локры Эпизефирские и Брутиум. Эта операция, в которой пунийские войска, по-видимому, не встретили активного сопротивления со стороны противника (Полибий вообще не говорил о нем), могла иметь несколько целей. Во-первых, заставить римлян обратить большее внимание на оборону Италии и тем уменьшить их военный напор в Сицилии — на основном театре военных действий. Во-вторых, захватить пленных, чтобы произвести обмен и выручить если не всех, то хотя бы часть своих. И действительно, обмен военнопленными из расчета один к одному состоялся в том же году, хотя пунийцам и не удалось добиться возвращения на родину всех своих соотечественников, видимо, не хватило добычи. Наконец, в-третьих, продемонстрировать силу карфагенского флота и подготовить римлян к мысли о мире на основе признания существовавшего в 247 г. положения вещей. Дальнейшие события показали, что свои

замыслы Гамилькар сумел осуществить лишь частично. Судьба войны решалась в Сицилии; именно здесь Гамилькар решил сосредоточить свои основные усилия. Ему удалось беспрепятственно высадиться недалеко от Панорма и занять гору Эйркте (совр. Монте Пеллегрино), которую он превратил в свою военную базу.

Лучшего выбора сделать было нельзя. Крутые обрывы делали гору неприступной со всех сторон и позволяли укрепить ее без особого труда: на вершине — большом плоском кругообразном плато — находились пастбища и пригодные для обработки земли; на нем же и холм, который легко можно было превратить во внутреннюю крепость и наблюдательный пункт; у подножия горы естественная гавань обеспечивала надежный выход в море и связь с внешним миром. Дороги, которые вели в Эйркте — две из глубинных районов Сицилии и одна от моря, занятая пунийскими войсками, были труднопроходимыми, так что опорный пункт Гамилькара был почти недоступен для врагов. Однако, насколько об этом можно судить, четкий план наступательных операций на острове Гамилькар так и не разработал; во всяком случае, в его дальнейших действиях какая-либо планомерность не прослеживается. Более того, создается впечатление, что Гамилькар был связан своею базой в Эйркте.

Опираясь на нее, Гамилькар постоянно совершал набеги на южные области Италии. Когда римляне создали свою базу неподалеку от Панорма, рассчитывая сковать неприятеля, он в течение трех лет вел с ними изнурительную повседневную войну. Полибий, отказываясь от подробного и последовательного описания событий этого трехлетия, уподобил воюющих кулачным бойцам, наносящим друг другу удары, за

которыми со стороны трудно уследить. Полибий ограничился общей оценкой: все военные хитрости, уловки и приемы были испробованы, а решающего сражения все не было. Равновесие нарушилось только тогда, когда пунийцам удалось захватить город Эрикс и осадить римский лагерь, находившийся на вершине одноименной горы. Однако и здесь решающего результата Гамилькар не добился. Осада затянулась. В результате пунийский полководец утратил инициативу и не смог помешать врагу изменить ход событий.

В 243 г. римляне снова — в третий раз за время войны — построили флот — на этот раз в 200 кораблей. Сделано это было на средства граждан, которые индивидуально или компаниями в два-три пайщика (в зависимости от имущественного положения) обязывались построить по одному пятипалубному судну. Государство обязывалось возместить расходы только в случае успешного исхода военных действий.

Когда римская армада появилась на море, Гамилькар Барка оказался отрезанным от Карфагена. Пунийские власти решили принять меры для того, чтобы вывести свои войска из Сицилии. К северным берегам острова был направлен карфагенский флот, однако экспедиция оказалась неудачной. В битве при Эгатских островах карфагенская эскадра была разгромлена. Не видя теперь другого выхода, карфагенские власти уполномочили Гамилькара Барку заключить мир. И в самом деле, в условиях, когда ресурсы государства были истощены (пунийцы оказались вынужденными, хотя и безрезультатно, просить заем в Египте), никакой надежды на восстановление морского могущества у Карфагена быть уже не могло. Гамилькар, внезапно оказавшийся перед крахом всех своих замыслов, должен был скрепя

сердце покориться обстоятельствам [ср.: у Корн. Неп., Гам., 1, 3; Полибий, 1, 62, 3—6].

Карфагенское предложение закончить войну пришлось и римлянам как нельзя более кстати: казна Рима была пуста. Поэтому консул Г. Лутаций Катул, командовавший в Сицилии римскими легионами, «радостью», как пишет Полибий [1, 62, 7], принял предложение, полученное от Гамилькара Барки. Тем не менее во время переговоров Гамилькар должен был мобилизовать все свои дипломатические способности, чтобы добиться приемлемых условий: его контрагент, максимально использовавший преимущества победы при Эгатах и господства на море, пытался включить в договор статьи, выполнение которых должно было унижить пунийских воинов и тем самым затруднить вербовку наемных солдат, серьезно ослабить обороноспособность Карфагена. Г. Лутаций Катул потребовал, чтобы всины Гамилькара покинули Сицилию безоружными [Корн. Неп., Гам., 1, 5; Диодор, 24, 13]. В источниках, правда очень поздних, но воспроизводящих традицию Тита Ливия, есть даже сведения, будто римское командование настаивало, чтобы пунийские войска прошли под игом [Зонара, 8, 17]. Как проходили переговоры, мы не знаем, однако из их результатов ясно, что Барка заставил консула отступить: пунийские войска получили возможность эвакуироваться с острова после уплаты выкупа — 18 денариев за человека. И все же эта сравнительно небольшая дипломатическая победа не могла в целом компенсировать весьма неблагоприятного для карфагенян результата войны, хотя, само собой разумеется, Гамилькар сделал все для того, чтобы условия мира не подорвали боеспособности Карфагена и не помешали бы ему готовиться к реваншу.

Полибий [1, 62, 8—9] так излагает договор, заключенный Г. Лутацием Катулом и Гамилькаром Баркой: «На таких условиях быть дружбе между карфагенянами и римлянами, если и римскому народу будет угодно: карфагеняне очистят всю Сицилию, и не будут воевать с Гиероном, и не поднимут оружия ни на сиракузян, ни на союзников сиракузян; карфагеняне отдадут римлянам без выкупа всех пленных; карфагеняне выплатят римлянам в течение двадцати лет 2200 эвбейских талантов серебра». Было достигнуто соглашение и о судьбе пленных пунийских воинов [Евтропий, 2, 27]. Карфагеняне просили разрешения выкупить их, но встретили исключительную любезность недавнего противника: римские власти возвратили даром тех, кто содержался в государственных тюрьмах. Находившиеся в частных руках пленные карфагеняне могли быть выкуплены, причем активное участие в этом приняла римская казна. Вероятно, уже на данной стадии переговоров было зафиксировано соглашение, запрещавшее Карфагену направлять свои корабли в районы, находившиеся под контролем Рима и его союзников (да и не было у него подобной возможности), и вербовать наемников на территории Италии; несколько позже оно вошло в окончательный текст договора [Зонара, 8, 17; Апп., Сиц., 2].

Все эти условия поражают совершенно неожиданной для Рима мягкостью. Побежденный Карфаген ценою полного отказа от Сицилии, которая никогда и не была целиком в его власти, сохранил не только независимость и все остальные владения в Западном Средиземноморье, но также и свое положение великой державы, то есть он оставался грозным противником. Не удивительно, что в Риме такой договор вызвал недовольство, и народное собрание отказалось его ратифицировать.

В Сицилию была направлена специальная комиссия из десяти человек, чтобы на месте пересмотреть условия мира. Однако результат ее деятельности был до смешного ничтожен. Контрибуция возросла до 3200 талантов с обязательством уплаты в течение десяти лет; кроме того, в договор записали обязательство карфагенян покинуть острова, расположенные между Италией и Сицилией [Полибий, 1, 63, 1 – 3]. Но последняя клаузула, как обоснованно думает Т. Моммзен³³, конечно, только оформляла и закрепляла юридически положение, сложившееся после прекращения военных действий. В самом деле, трудно представить себе, чтобы, потеряв Сицилию, Карфаген мог сохранить какие бы то ни было владения в бассейне Тирренского моря. Комиссия 10-ти приняла решение, определенно убедившись в том, что не снисходительность Г. Лутация Катула, но объективные обстоятельства велят римлянам умерить свои аппетиты. Мы вряд ли ошибемся, предположив, что Гамилькар Барка убедил римлян не выдвигать своих требований, которые могли бы привести к срыву мирных переговоров. А судьба экспедиции Регула, да и самого Регула, погибшего в карфагенском плену, разумеется, была слишком памятна.

В 241 г. мир был подписан. Война окончилась. Гамилькар Барка вывел подчиненные ему войска из Северной Сицилии в Лилибей, после чего отказался от своих полномочий и, очевидно, уехал на родину [Полибий, 1, 66, 1]. Отставка командующего, подлинных мотивов которой мы не знаем, ознаменовала собой переход власти в руки враждебной Гамилькару аристократической группировки. Одним из ее крупнейших деятелей был Ганнон, сыгравший вскоре столь отрицательную по отношению к карфагенянам роль во время так называемой Ливийской войны.

В то время Ганнибалу было около пяти лет. Он рос в атмосфере рассказов о подвигах отца, плоды которых были вырваны у Гамилькара хищным врагом и бездарностью карфагенских аристократов — его политических противников. Гамилькар страстно желал сокрушить и уничтожить римлян. Эти же чувства он внушал и своим сыновьям — Ганнибалу, Гасдрубалу и Магону. Из уст в уста в Риме передавали его слова, сохраненные до наших дней традицией, восходящей к Титу Ливию [Зонара, 8, 21]: своих сыновей он вскармливает, как львов, натравливая их на римлян.

Знаменитая клятва, данная девятилетним мальчиком, надо полагать, завершила определенный этап в его воспитании; отец не случайно и не только повинувшись внезапному душевному движению, заставил ребенка прийти в храм и принять участие в жертвоприношении: его сын должен был унаследовать и его ненависть. Но до этого момента оставалось еще целых четыре года, а пока Карфагену предстояло выдержать смертельную схватку за само свое существование и Гамилькару — руководить этой борьбой.

Все началось, как обычно, с мелкой, нерасчетливой скудости. Перед карфагенским правительством стояла довольно сложная задача — вывести из Лилибея в Африку своих наемных солдат (вероятно, около 20 000 [Полибий, 1, 67, 13; Корн. Неп., Гам., 2, 2]), выдать им жалованье и наградные, а затем во избежание бунтов и насилия отправить на родину. Комендант Лилибея Гисгон благоразумно решил отправлять воинов в Карфаген относительно небольшими партиями через определенные промежутки времени, не допуская скопления в городе огромного количества хорошо вооруженных людей, уже утрачивающих всякое представление о дисциплине и порядке.

Между тем карфагенское правительство вознамерилось заставить наемников отказаться от причитавшейся им доли жалованья. Наивно рассчитывая быстрее добиться своей цели, если все солдаты соберутся вместе, пунийские власти не отпускали их из Карфагена. В результате нормальная жизнь в городе очень скоро была нарушена. Грабежи и убийства происходили не только ночью, но и среди бела дня. Никто не чувствовал себя в безопасности. Власти оказались не в состоянии овладеть положением и, желая избежать худшего, решили теперь отправить наемников на юг, в город Сикку, расположенный в самом центре африканских владений Карфагена.

Смысл этой операции понятен. Здесь можно было бы не только вести переговоры, но и в случае необходимости локализовать, а затем и подавить любые солдатские бунты, если бы... если бы карфагеняне располагали достаточными военными резервами и если бы наемников не поддерживало местное крестьянство. Но обстоятельства складывались совершенно иначе, и, отправляя наемников на юг, пунийцы своими руками создавали центр мятежа. Все это обнаружилось позднее, а пока воины отправлялись в Сикку, надеясь скоро вернуться назад и получить наконец свое жалованье: ведь небольшую сумму на прожитие перед уходом им все-таки выдали, так что их надежды, казалось, были оправданны. Конечно, известное беспокойство должно было внушать то обстоятельство, что карфагеняне заставляли забирать с собой все пожитки, однако воины не обращали на это внимания.

Несмотря на свое отрицательное отношение к наемникам, Полибий [1, 66, 10] рисует их лагерь в Сикке в относительно спокойных тонах: наемники наслаждаются отдыхом и покоем, к которому они давно стремились

(правда, историограф не забывает добавить: именно праздность ведет к солдатским бунтам). При всем желании он не может найти здесь беспорядка и анархии. Очевидно, наемники прикидывали и обсуждали между собой, сколько же они получают; каждый раз выходило, что им причитается гораздо больше, чем думали прежде, и что карфагенские полководцы, а особенно Гамилькар Барка, им обещали огромные деньги сверх жалованья [Полибий, 1, 66, 11 — 12; Апп., Исп., 4].

К этим людям наконец и прибыл Ганнон, в то время стратег — правитель Ливии; однако он повел совсем не те речи, которых от него ждали. К великому разочарованию своих слушателей, Ганнон долго пространялся о трудном положении Карфагена, о тяжести податей, которые приходится взыскивать, и настаивал на том, чтобы наемники согласились отказаться от какой-то доли своего жалованья. Естественно, в лагере начались волнения, на солдатских сходках зазвучали гневные речи, а Ганнон тщетно пытался успокоить бушующее море. Его положение осложнялось тем, что он был вынужден обращаться к разгневанным, ожесточенным толпам, ко всем этим галлам и иберам, лигурам и балеарам, ливийцам и полугрекам, часто не понимавшим пунийского языка, через добровольцев-переводчиков из числа тех же солдат или их командиров. А переводчики либо сами не могли толком уразуметь, что он говорит, либо сознательно искажали смысл его слов. «Все было наполнено, — пишет Полибий, — непониманием, недоверием, беспорядком». Наемники приходили к мысли, что карфагеняне специально прислали к ним именно Ганнона, которого никто никогда не видел на поле брани, а не тех, кто посулами заставлял их добывать победу и проливать, кровь. Хитроумные пунийцы

замыслили обман. Прервав переговоры, наемники двинулись к Карфагену и расположились лагерем в непосредственной близости от него, недалеко от Тунета.

Только теперь, когда уже было поздно, карфагенские правители осознали, к чему привели их действия. Не имея возможности организовать оборону, они сами, своими руками создали опаснейший очаг мятежа и непосредственную угрозу Карфагену. Чтобы ликвидировать начинавшееся восстание, они соглашались теперь буквально на все: организовали в лагере наемников торговлю продовольствием по ценам, которые назначали сами покупатели, приняли все претензии солдат относительно жалованья. Эта запоздалая уступчивость лишь подстрекнула наемников к новым требованиям: они пожелали, чтобы карфагеняне возместили стоимость их коней, павших во время войны. Но и этого им показалось мало: за хлебный паек, который солдаты получили не весь, пока шла война, пунийцы должны были заплатить по наивысшей цене военного времени. Однако даже удовлетворение этого пожелания не могло уже водворить спокойствия. Полибий, видимо, прав, когда он пишет, что среди наемников были люди, вообще не желавшие никакого соглашения. Хорошо помня свои успешные боевые действия в Сицилии, они могли рассчитывать на легкую победу над Карфагеном, не имевшим армии, которая сумела бы защитить город. Можно думать, что и соблазнительный пример мамертинцев был у них перед глазами. С большим трудом посланцы карфагенского совета уговорили волновавшихся наемников доверить окончательное решение спора какому-нибудь полководцу, руководившему только что закончившимися операциями в Сицилии. Естественно, сразу же всплыло имя Гамилькара Барки, но эта кандидатура

не прошла. Наемники считали, что, добровольно отказавшись от командования и позже не явившись в качестве посла в Сикку, он их предал. В конце концов, видимо после долгих споров и взаимных угроз, стороны сошлись на Гисгоне — том самом, который эвакуировал пунийские войска из Лилибея.

Гисгон явился в Тунет морским путем и приступил к раздаче денег. Обращаясь к командирам и рядовым солдатам, он снова и снова призывал их не бунтовать, сохранять верность Карфагену, который платит им жалованье. Однако именно теперь, когда конфликт, казалось, был близок к разрешению, сопротивление карфагенской правительственной пропаганде стало открытым и особенно ожесточенным. Его организовывал кампанец Спендий, беглый раб, отличавшийся большой физической силой и незаурядным мужеством. По словам Полибия, он опасался быть выданным своему господину и казненным в соответствии с римскими законами. Вместе с ним действовал и ливиец Матос — с самого начала, как говорит Полибий, один из наиболее активных противников соглашения с карфагенянами.

Выдвижение среди наемников именно этих людей вряд ли можно объяснить случайным стечением обстоятельств. И один и другой выражали настроения тех групп наемников, которые были заинтересованы не только в том, чтобы получить жалованье и вернуться к своим очагам. Для беглых рабов, которых было довольно много [ср.: у Полибия, 1, 67, 7], «благополучное» (с точки зрения карфагенян и наемников — свободных, происходивших из Иберии или Лигурии) окончание волнений означало в лучшем случае новые скитания, в худшем — возвращение в рабство. Что же касается ливийцев, то для них вернуться

домой означало снова попасть под тяжелый пресс карфагенского налогообложения. Поэтому, когда Матос, несомненно заранее договорившись со Спендием, обратился к ливийцам, то он не только «подстрекал» их к бунту, но и выражал их собственные настроения. Он говорил: все наемники-чужеземцы уйдут, а они, ливийцы, останутся. И тогда карфагеняне расправятся с ними. Эти слова падали на благоприятную почву: ливийцы еще хорошо помнили кровавую баню, которую устроили карфагеняне в их стране после разгрома Регула. К тому же выяснилось, что Гисгон все же не выплачивает вознаграждения за хлеб и коней, а ливийцы и вообще ничего не получили. Неудовлетворенная алчность наемных солдат, стремление беглых рабов сохранить свою свободу, а ливийцев — избавиться от карфагенского господства — все эти факторы привели к дальнейшему росту возмущения в лагере. На солдатских сходках теперь слушали Спендия и Матоса и не давали говорить другим — тем, кто предостерегал против восстания.

Все попытки Гисгона парализовать влияние Спендия и Матоса не имели успеха. И он не выдержал. Когда в очередной раз ливийцы потребовали, чтобы он явился к ним и выдал деньги, Гисгон воскликнул: «Пусть ливийцы требуют жалованья у своего предводителя Матоса!». Эти слова привели толпу в ярость; бросившись на карфагенян, ливийцы арестовали Гисгона и его спутников, разграбили деньги. Теперь мирное урегулирование спора между Карфагеном и наемниками стало невозможным.

Перейдя в фазу вооруженного конфликта, восстание, начатое наемниками, постепенно стало утрачивать черты солдатского бунта, превращаясь в мощное движение угнетенных против угнетателей. Заслуживают

внимания слова Аппиана [Апп., Сиц., 21], который рассказывает, что в лагерь повстанцев бежало много рабов, очевидно, из Карфагена. Однако самым существенным было другое: Матос и его соратники обратились к ливийским городам с призывом бороться за свою свободу и помочь восставшим. Их голос был услышан. В лагерь у Тунета отовсюду потянулись отряды ливийских воинов; со всех сторон посылали продовольствие и другие припасы. Энтузиазм был настолько велик, что люди жертвовали для победы все свое имущество и даже женские украшения. В руках Матоса и Спендия оказались огромные деньги; они не только уплатили своим товарищам жалованье, но и сохранили значительные средства на будущее. Всего в армию влилось, по словам Полибия [1, 73, 3], около 70 000 ливийцев. Солдатский бунт наемников превращался в народно-освободительную войну — Ливийскую войну, как ее называют источники.

Разделив свои силы на две части, повстанцы осадили крупнейшие пунийские города в непосредственной близости от Карфагена — Утику и Гиппон Царский (в греческих источниках — Гиппакрит), отрезав тем самым Карфаген от Африканского материка. В городе шла лихорадочная подготовка к войне: поспешно собирали новые наемные войска, мобилизовали граждан, обучали всадников, заново оснащали боевые корабли. Командующим пунийской армией стал Ганнон, тот самый, который так неудачно вел переговоры с мятежными солдатами в самом начале бунта.

Ганнон с войсками (имея, между прочим, более 100 боевых слонов) двинулся к Утике и, получив из Утики катапульты и другое тяжелое вооружение, пошел па приступ лагеря мятежников. Слоны прорвали линию обороны, и повстанцы бежали, закрепившись

неподалеку на холме. И в этот момент Ганнон, не позаботившись о закреплении победы, об организации лагеря и обороны, о наведении элементарного порядка среди победителей, удалился в Утику на отдых, а его солдаты разбрелись по местности. Повстанцы воспользовались такой беспечностью, напали на них, многих убили, еще больше обратили в бегство и захватили весь обоз Ганнона вместе с вооружением, полученным из Утики. Несколько дней спустя вблизи Горзы Ганнон опять упустил возможность разгромить противника. Полибий объясняет его поведение тем, что он привык воевать с ливийцами, которые, потерпев поражение, обращались в бегство и отказывались от продолжения борьбы. А между тем Ганнон имел дело с опытными воинами, привыкшими после отступления переходить в контратаку и вырывать победу из рук неприятеля.

В этой ситуации командование новыми контингентами пунийских войск было передано Гамилькару Барке. В его распоряжении находились 70 боевых слонов и около 10 000 воинов — новые наемники, перебежчики из лагеря повстанцев, всадники и пехотинцы гражданского ополчения.

К началу операции обстановка складывалась следующим образом. Все три дороги, ведущие из Карфагена через труднопроходимые холмы (они отделяют полуостров, на котором расположен город, от материка) в глубь Ливии, были перерезаны отрядами повстанцев, которыми командовал Матос. Его люди заняли и мост через р. Баграда, построив там небольшое укрепление. Выбраться из этого кольца, а тем более остаться незамеченным казалось невозможным не только крупному воинскому соединению, но даже в одиночку. Однако Гамилькар избрал другой путь — через никем

не охранявшееся устье Баграды; время от времени ветер наносил туда песок, и тогда можно было переправиться вброд. Дождавшись благоприятного момента, глубокой ночью Гамилькар вывел свои войска из города, а на рассвете, неожиданно не только для противника, но и для своих сограждан, оказался на другом берегу. Теперь он направился к мосту через Баграду, рассчитывая овладеть этим стратегически важным пунктом.

Ответные действия Спендия и Матоса были хорошо продуманы, хотя им и не удалось выиграть этого важного боя. Одна группа повстанцев (не менее 10 000) двинулась от моста навстречу Гамилькару, тогда как другая (более 15 000) начала наступление от Утики. И те и другие шли на соединение, имея в виду окружить армию Гамилькара и уничтожить ее в рукопашной схватке. Внезапно Гамилькар так резко изменил направление движения, что его слоны и всадники оказались в тылу у врага. В последовавшем затем беспорядочном бою погибли около 6000 ливийцев и наемников, а около 2000 попали в плен. Остальные бежали: одни — в сторону Утики, другие — в укрепление у моста, а оттуда в Тунет. Захватив мост вместе с укреплением, Гамилькар установил свое господство на всей территории, непосредственно примыкающей к Карфагену.

Тяжелое поражение не обескуражило повстанцев. Матос, сосредоточивший свое внимание на осаде Гиппона Царского, решил избегать решающего сражения. Он предложил Спендию и действовавшему вместе с последним Автариту, предводителю наемников галльского происхождения, двигаться параллельно Гамилькару и при этом держаться горных местностей, чтобы сделать невозможным использование слонов и

кавалерии. Они должны были изматывать противника постоянными атаками. Кроме того, Матос обратился снова к ливийцам и нумидийским племенам за помощью и получил ее. Когда Гамилькар расположился в одной долине, поблизости от него с фронта появился лагерь ливийцев, в тылу заняли позиции нумидийцы, а на одном из флангов — Спендий. Гамилькар очутился в западне.

В этот момент, когда гибель карфагенских войск казалась неминуемой, обнаружилось, что Матос допустил серьезную ошибку, приняв помощь нумидийской аристократии, вовсе не заинтересованной в поражении Карфагена. Один из нумидийских аристократов, Наравас, перешел на сторону Гамилькара и привел в его лагерь отряд численностью около 2000 человек. Ожидания Нараваса оправдались с избытком: карфагенский военачальник обещал выдать за него свою дочь. Измена позволила Гамилькару победить и на этот раз, Автарит и Спендий бежали, около 10 000 их воинов погибли, и почти 4000 попали в плен.

Вопреки ожиданиям Гамилькар отнесся к военнопленным в высшей степени миролюбиво. Вместо казней и расправ он позволил желавшим снова поступить на карфагенскую службу, а остальных отпустил кто куда пожелает. Чтобы парализовать воздействие этой политики Гамилькара, Матос, Спендий и Автарит организовали мучительную казнь Гисгона и его коллег, находившихся в руках повстанцев, и вопреки обычаям своего времени отказались выдать их тела для погребения. Более того, посланникам карфагенских властей они объявили, что в дальнейшем все пунийцы, которые попадут в плен к повстанцам, будут преданы смерти. Связав, таким образом, мятежников круговой порукой, Матос,

Спендий и Автарит рассчитывали, заставить своих воинов добиться победы во что бы то ни стало, отказавшись от всяких надежд на примирение с карфагенянами.

Поставленные перед угрозой войны на уничтожение, Гамилькар и Ганнон по требованию совета объединили свои армии, «забыв» до лучших времен о взаимной вражде. Однако пунийские военачальники не смогли договориться между собой. Их постоянные конфликты парализовали армию. В конце концов карфагенское правительство было вынуждено предложить одному из них по выбору солдат покинуть войска. Предпочтение было оказано Гамилькару; Ганнон удалился от дел. Этим актом независимо от того, насколько он был целесообразен, правительство создало опасный для себя прецедент: мы увидим далее, что армия накануне новой войны с Римом провозглашала своих командиров, заставляя позже законные органы власти санкционировать свои решения. Вероятно, именно теперь Гамилькар почувствовал себя не столько карфагенским магистратом, сколько солдатским вождем. Именно теперь он научился рассчитывать исключительно (или почти исключительно) на своих воинов, хотя и не отказывался от поддержки демократических кругов.

Как бы то ни было, Гамилькар остался один. На жестокость он решил ответить жестокостью, убивая пленных и бросая их на растерзание диким зверям.

Между тем, пока воюющие стороны соревновались в кровавых расправах, в Гиппоне и Утике пришли к власти силы, враждебные Карфагену; важнейшие города на средиземноморском побережье Африки, лежавшие в непосредственной близости от Карфагена, древнейшие финикийские колонии, старые «союзники»

присоединились к восстанию. Утика даже обратилась к Риму с просьбой принять ее в систему римских союзов; если бы Рим воспользовался этим предложением, его африканская провинция, несомненно, была бы создана примерно на сто лет раньше.

Однако пунийцы сумели преодолеть грозную опасность. Из Карфагена к Гамилькару Барке пробился воинский отряд под командованием некоего Ганнибала. Своими рейдами Гамилькар, Ганнибал и Наравас парализовали доставку продовольствия в лагерь Спендия и Матоса и заставили их уйти от Карфагена.

Значительную помощь Карфагену в этот момент оказали сиракузский тиран Гиерон и Рим. Последний организовал снабжение пунийцев продовольствием. Он отклонил предложение Утики и тем самым отказался от блестящей возможности закрепиться на североафриканском побережье. Нам неизвестно, какими мотивами руководствовалось римское правительство, совершая такой исключительный поступок. Вероятнее всего, оно просто не считало себя достаточно сильным, чтобы вмешиваться в североафриканские дела.

После того как непосредственная угроза Карфагену была ликвидирована, восстание вступило в новую фазу. Измотав силы противника в крупных и мелких столкновениях, Гамилькар добился того, что повстанцы разделились: одна их часть под командованием Матоса обосновалась в Тунете, а другая, которую возглавляли Автарит и Спендий (около 40 000), — в местности Прион. Именно там их и осадил Гамилькар.

Сравнительно быстро среди осажденных начался голод, дело дошло до людоедства. Отчаявшись получить помощь от Матоса, Автарит и Спендий решили вступить в переговоры с Гамилькаром. Последний выдвинул такое условие: карфагеняне выберут по своему

усмотрению из числа бунтовщиков и накажут десять человек, а остальные получат возможность уйти куда захотят, но безоружными. Что же оставалось делать? У Автарита и Спендия не было выхода: они приняли требование Гамилькара. Сразу же пунийский военачальник объявил, что он выбирает тех, с кем ведет переговоры; в его руках оказалось все командование осажденного повстанческого лагеря. Мятежные ливийцы, ничего не зная об условиях мира и видя только, что их начальники арестованы, бросились к оружию, но были уничтожены.

Теперь в Ливии остался один повстанческий лагерь — в Тунете. Отряды Гамилькара, Ганнибала и Нараваса принуждали ливийские города один за другим складывать оружие и прекращать сопротивление, а затем осадили в Тунете Матоса. С одной стороны расположился лагерь Ганнибал, а с противоположной — Гамилькар. Чтобы напугать Матоса и его солдат, Гамилькар приказал распять Спендия и его товарищей на крестах с тем расчетом, чтобы неприятель мог эту казнь видеть. Однако Гамилькар не добился цели: смелой вылазкой Матос разгромил стоянку Ганнибала, самого Ганнибала взял в плен и после изощренных мучений распял на том самом кресте, на котором совсем недавно погиб Спендий. Барка отступил от Тунета и расположился лагерем при впадении Баграды в Средиземное море.

Перед карфагенянами снова возникли прежние проблемы: нужно было создавать дополнительные военные контингенты, назначать новых командиров, разрабатывать новые планы боевых операций. С большими усилиями специальным делегациям карфагенского совета удалось еще раз добиться временного по крайней мере примирения Ганнона (который опять

получил командование над значительными воинскими подразделениями) с Гамилькаром Баркой; они повели совместные и согласованные боевые действия. После ряда столкновений в большом сражении, подробности которого неизвестны, ливийцы и наемники были разбиты, а сам Матос попал в плен. Позже карфагеняне забили его до смерти на улицах города во время триумфального шествия карфагенской армии. Гиппон и Утика, осажденные Ганноном и Гамилькаром, капитулировали.

Так закончилось потрясшее Карфагенскую державу восстание наемных солдат, беглых рабов и ливийских крестьян, продолжавшееся более трех лет (241 — 239 гг.)³⁴. В этот момент Ганнибалу, сыну Гамилькара Барки, было около семи лет.

После того как в африканских владениях Карфагена воцарился мир, Гамилькар Барка получил возможность сосредоточиться на том, что он считал самым важным, — на подготовке войны против Рима, на создании плацдарма, откуда войну можно было бы вести. Два года ушло у него на то, чтобы, постепенно расширяя сферу пунийского господства в Африке, превратить все африканское побережье Западного Средиземноморья в область, подвластную Карфагену (Корн. Неп., Гам., 2, 5].

Одновременно Гамилькар Барка укрепил свое положение внутри города. Хотя до нас дошли только слабые отзвуки сведений о политических конфликтах, разразившихся в Карфагене сразу же после ликвидации восстания, они показывают, что борьба, очевидно, между сторонниками Ганнона и Гамилькара — в конечном счете между сторонниками мирной политики и теми,

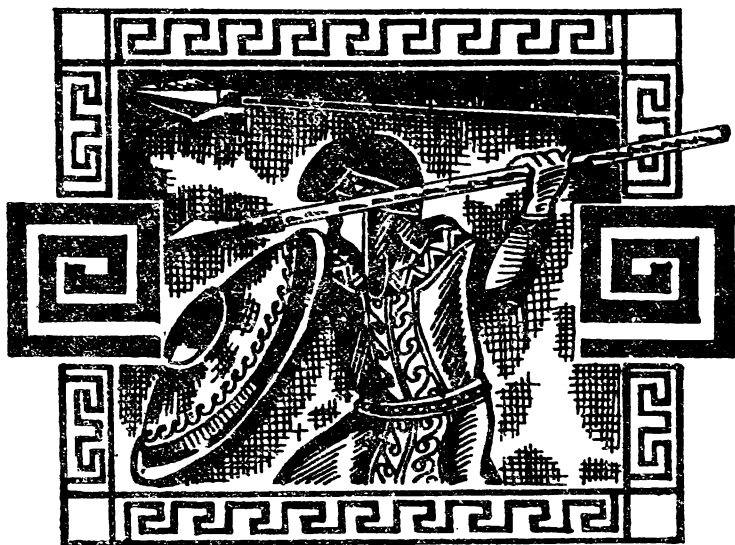
кто стремился к войне с Римом, — достигла исключительного напряжения. Враги привлекли Гамилькара к суду как виновника бедствий отечества [Апп., Исп., 4]. Однако Гамилькар сумел добиться поддержки народных масс, чему в немалой степени способствовал брак одной из его дочерей с вождем демократического движения Гасдрубалом [там же; ср.: у Диодора, 25, 8]. Более того, Гамилькар снова привлек на свою сторону армию [Апп., Ганниб., 2]. В результате его политические противники были парализованы, а он сам получил возможность действовать без формального волеизъявления карфагенских властей [там же]³⁵, приобретая, таким образом, совершенно исключительное положение. Казалось, возвращаются времена военной диктатуры Магонидов.

В 237 г. Гамилькар Барка решил перенести свою деятельность в Испанию. Принеся жертвы перед началом похода, он обратился к сыну с вопросом: не хочет ли тот сопровождать его на Пиренейский полуостров. И услышав в ответ «да», подвел Ганнибала к алтарю и заставил его поклясться в вечной ненависти к Риму. Это событие навсегда запечатлелось в памяти будущего полководца. Много лет спустя при дворе сирийского царя Антиоха III он встретился с римлянами, которые всячески ухаживали за своим недавним противником, отличали его и делали все, чтобы Антиох заподозрил измену. Тогда-то Ганнибал рассказал недоверчивому царю о клятве далекого детства [Полибий, 3, 11; Корн. Неп., Ганниб., 2, 1–6; Ливий, 35, 19].

Внезапно детство кончилось. В воинских лагерях, в походах против врагов должен был получить закалку сын Гамилькара Барки — сподвижник отца и наследник его замыслов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

**ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ.
ПОХОД В ИТАЛИЮ**

I

Гамилькар Барка не случайно обратился именно к Испании. Еще в глубокой древности, в конце II тысячелетия, эта страна была объектом интенсивной колонизаторской и торговой деятельности финикийян. В конце II — начале I тысячелетия они основали на юге полуострова целый ряд больших городов, и среди них такие крупные торгово-ремесленные центры, как Гадес, Малака, Секси и некоторые другие. Объединившись в ходе ожесточенной борьбы против Тартёсса и греческой колонизации Пиренейского полуострова, они сравнительно рано вынуждены были признать верховенство Карфагена. Понятно, что при таких связях, уходящих в глубокую древность, именно Испания была наиболее удобным плацдармом для организации похода в Италию, если, конечно, допустить, что уже Барка решил вторгнуться на Апеннинский полуостров с севера. Если бы такое предположение оказалось правильным, можно было бы думать, что впоследствии Ганнибал действовал в соответствии со стратегическим замыслом своего отца, о котором, конечно, хорошо знал. Впрочем, другая возможность для Барки и его преемников, видимо, исключалась: во время ливийского восстания 241 — 239 гг. Рим, воспользовавшись затруднениями Карфагена, захватил Сардинию, перекрыв тем самым все морские подступы к Центральной Италии.

К сожалению, мы располагаем очень неполными сведениями о деятельности Гамилькара на Пиренейском полуострове. Полибий [2, 1, 5—9] ограничился кратким замечанием: в течение девяти лет он непрерывно

расширял сферу карфагенского господства в Испании, ведя войны и переговоры, пока не погиб в бою [ср.: у Ливия, 21, 2, 1—2; Корн. Неп., Гам., 4, 1; Юстин, 44, 5, 4]. Дополнительная информация, сохранившаяся у Аппиана и Диодора, позволяет выявить лишь наиболее существенные подробности.

Высадился Гамилькар в Гадесе; ареной его боевых операций против турдетанов и бастудов, действовавших в союзе с кельтами, была долина р. Гвадалквивир [Диодор, 26, 10, 1]³⁶. Там ему удалось одержать важную победу; в сражении были убиты вожди кельтов Истолатий и его брат, имени которого источник не называет. Стремясь привлечь на свою сторону недавних противников (как сказано выше, подобную политику он проводил и в 241—239 гг.), Гамилькар включил в свою армию 3000 пленных вражеских воинов. Эту линию поведения восприняли и после смерти Гамилькара его преемники по командованию карфагенскими войсками в Испании.

Попытку возобновить сопротивление пунийскому нашествию вскоре предпринял один из иберийских вождей, Индорт, собравший ополчение в 50 000 человек. До сражения, однако, дело не дошло: Индорт бежал и в конце концов попал в руки неприятеля. Многие его воины погибли, а тех, кого карфагеняне сумели захватить, Гамилькар отпустил на все четыре стороны.

Только Индорта, желая запугать возможных противников и предотвратить возникновение новых конфликтов, Гамилькар приказал ослепить и затем распять [Диодор, 25, 10, 1—2].

Ограбление Испании доставило Гамилькару Барке громадную добычу. Она использовалась для раздач воинам; она посылалась и в Карфаген для того, чтобы укрепить его популярность среди карфагенского плебса:

часть добычи Гамилькар раздавал своим сторонникам [Апп., Исп., 5; Корн. Неп., Гам., 4, 1; Корн. Неп., Ганниб., 2]. Гамилькару удалось прочно закрепиться на юге Пиренейского полуострова и подготовить расширение карфагенского господства в Испании. Имея в виду эту же цель, Гамилькар продолжил еще одно направление пунийской политики в интересовавшем его районе — колонизацию, основав здесь крупный город, названный (до нас это наименование дошло в греческой передаче) Акра Левке ‘Белая крепость’ или ‘Белый холм’ [Диодор, 25, 10, 3].

Действия Барки вызвали естественное беспокойство греческих колоний на Пиренейском полуострове. Они почувствовали угрозу своей самостоятельности и обратились за защитой к Риму, который получил желанный повод вмешаться в испанские дела. По свидетельству Аппиана [Апп., Ганниб., 2], уже при жизни Гамилькара состоялись переговоры между Римом и Карфагеном, и между ними были разделены сферы влияния (южная — пунийская, северная — римская), а их границей признавалась река Ибер. Оказавшись, таким образом, между молотом и наковальней, греческие города так или иначе были вынуждены поступиться своею политической самостоятельностью — на этот раз в пользу Рима. Власть последнего, очевидно, не казалась им столь обременительной, как господство наемной солдатни под водительством хотя бы и Гамилькара Барки. И все же Барка имел все основания быть довольным исходом переговоров: он не только не должен был отказаться от сделанных им приобретений, но, наоборот, получил возможность расширять свою территорию, не опасаясь, по крайней мере на первых порах, римского вмешательства.

Пока целью, которую Гамилькар наметил для себя, стал город Гелика. Первоначально его осада складывалась благоприятно для пунийцев, и их командующий решил отправить большую часть своей армии и слонов на зимовку в Акра Левке. Но в этот момент «царь» племени ориссов, связанный, как казалось, дружескими отношениями с Гамилькаром, неожиданно пришел на помощь Гелике, и пунийцы, не выдержав его удара, обратились в бегство. Возникла непосредственная опасность для сыновей Гамилькара, находившихся в боевых порядках, и, для того чтобы ее ликвидировать, Гамилькар принял основной удар на себя; преследуемый противниками, он утонул в реке, а дети тем временем были доставлены в Акра Левке [Диодор, 25, 10, 3—4]³⁷.

Едва известие о гибели Гамилькара дошло в Акра Левке, верховное командование пунийскими войсками взял на себя его зять Гасдрубал — в тот момент капитан одного из кораблей [Полибий, 2, 1, 9].

Для нас представляет определенный интерес вопрос о том, как Гасдрубал пришел к власти. По словам Полибия [2, 1, 9; ср.: у Апп., Исп., 6], должность командующего ему «передали» карфагеняне, однако подобное слишком общее указание не позволяет раскрыть существа дела. До известной степени его проясняет повествование Тита Ливия [21, 2, 3—4]: будучи зятем Гамилькара, Гасдрубал получил свое положение благодаря влиянию баркидской «партии», особенно значительному среди воинов и городского плебса, вопреки желанию (и, надо полагать, при сопротивлении) карфагенской аристократии. Важное дополнение к этому находим у Диодора [25, 12]: Гасдрубала

провозгласили стратегом «народ» и карфагеняне. Очевидно, под «народом» источник Диодора имел в виду демократические круги населения Карфагена. Исходя из всего изложенного, ход событий можно представить себе следующим образом: Гасдрубал, один из руководителей демократического движения в Карфагене, после внезапной смерти тестя оказался главою баркидской «партии»; получив власть из рук солдат, фактически возглавив армию, он сумел, опираясь на своих приверженцев в народе и на сторонников баркидской политики, добиться своего официального утверждения. По существу же Гасдрубал приобрел то положение военного диктатора, к которому стремился и которым — на территории Испании — обладал Гамилькара.

К этому времени Ганнибалу исполнилось семнадцать лет. Судя по дальнейшим событиям, после гибели отца он вместе с братьями покинул Испанию и вернулся в Карфаген. Обстановка военного лагеря, участие в походах, наблюдения за дипломатической деятельностью отца и зятя, несомненно, оказали решающее воздействие на его формирование как полководца и государственного деятеля. Воинские доблести Ганнибала, о которых говорит Тит Ливий [21, 4, 3—8], — храбрость, осмотрительность, выдержка, неутомимость, неприхотливость — все они сложились, конечно, под непосредственным влиянием Гамилькара. Вряд ли можно сомневаться и в том, что именно отцу Ганнибал был обязан и своим незаурядным образованием, в том числе знанием греческого языка и литературы, умением писать по-гречески. Насколько принципиальным был этот шаг Гамилькара Барки (приобщение детей к эллинской культуре), видно из того, что он был сделан вопреки старинному закону, запрещавшему изучать греческий язык [Юстин, 20, 5, 13].

Переступая через давнее установление, которое должно было отгородить пунийцев от исконного врага — Сиракуз, а фактически изолировало их от окружающего мира, Гамилькар не только стремился подготовить своих детей, прежде всего Ганнибала, к активной политической деятельности в будущем. Он хотел подчеркнуть свое стремление ввести Карфаген в эллинистический (греческий и грецизированный) мир — и не как чужеродное явление, но как органическую часть — и обеспечить ему поддержку и сочувствие греков в предстоящей борьбе с римскими «варварами».

Мы не знаем причин, заставивших Ганнибала покинуть Испанию. Не исключено, что Гасдрубал проявлял заботу о братьях своей жены. Возможно также, что он желал, хотя бы на короткое время, избавиться от опасного и неустранимого претендента на власть. Как бы то ни было, ближайшие пять лет Ганнибал провел в Карфагене, очевидно, внимательно приглядываясь к политической жизни на родине. Однако уже в 224 г. Ганнибал возвратился в Испанию и здесь начал проходить воинскую службу под руководством зятя, командуя всадниками.

Между тем Гасдрубал собрал в Акра Левке значительные силы — 200 слонов, 50 000 опытных пехотинцев и 6000 всадников. Обратившись прежде всего против ориссов, он разгромил их и, как говорит Диодор [25, 12], перебил всех, кто был виноват в поражении и гибели Гамилькара. Гасдрубал подчинил себе 12 орисских городов, а также некоторые другие города Испании.

Важнейшим политическим актом Гасдрубала, которым он еще более, чем другими своими действиями, продолжил политику Гамилькара, было основание на

пиренейском берегу Средиземного моря Нового Карфагена. Этому городу, расположенному на берегу удобного залива и окруженному цепью неприступных холмов, повезло больше, чем Акра Левке: если последний, насколько об этом можно судить, всегда оставался заштатным городом и с Гадесом соперничать не был в состоянии, то Новый Карфаген сразу же превратился в административный центр пунийских владений в Испании и в один из важнейших торговых центров всего Западного Средиземноморья.

Постепенно, действуя главным образом мирными средствами, устанавливая с вождями иберийских племен отношения дружбы и гостеприимства [Ливий, 21, 2, 5], Гасдрубал сумел значительно расширить сферу карфагенского господства на Пиренейском полуострове. В особенности важными были отношения гостеприимства: они предполагали и тесный союз, и взаимную помощь против общего врага, и в случае необходимости обеспечение безопасности пунийцев на территории данного племени. Гасдрубал даже женился (видимо, после смерти дочери Гамилькара) на дочери одного из иберийских вождей [Диодор, 25, 12].

Политические успехи Гасдрубала вызвали беспокойство в Риме. Угроза галльского нашествия с севера лишала римлян возможности осуществить прямое военное вмешательство в дела Испании [Полибий, 2, 13, 5]; тем не менее римляне были кровно заинтересованы в нейтрализации опасного врага, который мог к тому же стать союзником галлов.

Очевидно, еще больше заинтересованы были во вмешательстве римлян греческие колонии на восточном берегу Пиренейского полуострова, а также Массилия, для которых продвижение Гасдрубала на север означало смертельную угрозу. Не исключено, что именно

дипломатия Массилии особенно активно побуждала римское правительство остановить экспансию Баркидов³⁸. Наши источники сообщают о договоре, который специальное римское посольство заключило с Гасдрубалом, имея в виду, насколько об этом можно судить, подтвердить достигнутое ранее соглашение с Гамилькар-ом и не допустить расширения карфагенской зоны в Испании.

Сведения об этом договоре, которые сохранила античная традиция, не отличаются единогласием. Полибий [2, 13, 7] пишет: «Поэтому-то (то есть вследствие галльской угрозы — *И.К.*) заключили договор, в котором, умалчивая об остальной Испании, устанавливали, что не должны карфагеняне переходить реку, именуемую Ибером, ради войны». Текст Ливия [21, 2, 7] существенно отличается от слов Полибия: «С этим Гасдрубалом <...> римский народ возобновил союз, с тем чтобы границей власти тех и других была река Ибер, а сагунтинцам, расположенным посередине (то есть, очевидно, между Ибером и мысом Нао, прежней границей карфагенского господства, — *И.К.*), между сферами господства обоих народов, сохранялась свобода». В рассказе Ливия обращает на себя внимание прежде всего фраза о возобновлении союза, явно подразумевающая существование более раннего договора с Гамилькар-ом. Полибий ведет свой рассказ так, как если бы подобного договора не существовало. Ливий ясно говорит о разграничении между римлянами и карфагенянами, тогда как Полибий сообщает только об ограничении области возможного пунийского господства. Слова Полибия: «умалчивая об остальной Испании» — исключают указание Ливия: «чтобы границей власти тех и других была река Ибер», а также имеющуюся у него клаузулу о политическом статусе Сагунта.

Очевидно, в данном случае Ливий воспользовался источником, не зависящим от Полибия; вероятнее всего, он воспроизводит версию Катона [см. фрагм., 84], который причиной II Пунической войны объявлял нарушение договора (имеется в виду осада Ганнибалом Сагунта). Рассказ Катона имеет, разумеется, свою политическую тенденцию: он должен был обосновать позицию самого Катона и стоявшей за ним сенатской группировки после II Пунической войны, их требование разрушить Карфаген. К ливианской традиции восходят сообщения Аппиана [Апп., Исп., 7; Апп., Ганниб., 2; Апп., Лив., 6], однако этот писатель располагает Сагунт между Ибером и Пиренейскими горами, допуская существенную географическую ошибку. По словам Аппиана [см. в особенности: Апп., Исп., 7], договор, ограничивающий карфагенскую экспансию на север Пиренейского полуострова, римляне заключили после того, как к ним обратились за поддержкой тамошние греческие города, прежде всего Сагунт, опасавшийся Гасдрубала. В этом сообщении Аппиана нет ничего неправдоподобного; оно показывает только, что на Пиренейском полуострове теперь, как и прежде, имелись проримские элементы. Интересно, однако, содержание договора в изложении Аппиана: северной границей области карфагенского господства объявлялась река Ибер; римляне обязывались не вести войну к югу от нее; Сагунт и другие полисы объявлялись свободными и автономными³⁹.

Вопрос о содержании договора римских властей с Гасдрубалом и, следовательно, о достоверности той или иной версии смыкается, таким образом, с другим — об исторической ответственности Рима и Карфагена (представленного в данном случае Гасдрубалом и Ганнибалом) за развязывание войны.

Специальную работу посвятил этой проблеме В. Отто. Он вообще не считал, что Гамилькар Барка стремился к реваншу⁴⁰, цель Барки была — закрепить позиции Карфагена в Испании, создав тем самым новую базу карфагенского могущества. Между тем Рим начинает интересоваться делами на западе Средиземноморского бассейна и заключает союз с Сагунтом, направленный прямо против Карфагена, имеющий целью остановить продвижение последнего на север. Что же касается интересующего нас договора, то в нем должна была иметься клаузула, содержащая ответное обязательство Рима не переходить с военными целями через Ибер. Карфаген не признавал Сагунт, находившийся в сфере его господства, римским союзником, тогда как Рим явно вопреки договору настаивал на этом. Действия Ганнибала, осаждавшего и разгромившего Сагунт, не противоречили соглашению о разделе сфер господства и, следовательно, не были направлены против Рима. Обвинения последнего в адрес карфагенского полководца и правительства были неправомерными. В связи с этим заслуживает внимания интересное предположение В. Пирогова, согласно которому наряду с вариантом Полибия существовал римский и, несомненно, подложный вариант договора, в который была включена статья о Сагунте; этот подлог, по мысли В. Пирогова, нужен был сенату для того, чтобы заглушить недовольство в Риме и перспективой войны, и неудовлетворительной, с римской точки зрения, редакцией договора⁴¹. О. Гильберт думал, что договор между Гасдрубалом и римской администрацией предусматривал полную нейтрализацию Сагунта и невмешательство со стороны Рима и Карфагена в его дела; в такой ситуации превращение Сагунта в римского союзника должно рассматриваться

как заведомое нарушение сенатом одного из условий соглашения (сообщение Полибия О. Гильберт рассматривает как проримскую фальсификацию, поскольку здесь о нейтрализации Сагунта речи нет)⁴². По мнению В. Кольбе⁴³, в роли агрессора выступал Карфаген; вину Карфагена он видит в том, что последний отказывался признавать договор Гасдрубала документом, накладывающим определенные политические обязательства на государство в целом. М. Гельцер полагает, что в договоре об Ибере положение Сагунта, уже бывшего, по всей вероятности, римским союзником, не определено; речь шла тогда только о том, чтобы предотвратить контакты Гасдрубала с галлами «по сторону Альп»⁴⁴. Если бы римляне могли из этого договора, отмечает он, извлечь материал для того, чтобы обвинить Карфаген в нарушении обязательств, они совершили бы непостижимую глупость, не ссылаясь на него (у Полибия именно так!)⁴⁵. Отсюда должно следовать, что позже, осаждая Сагунт, Ганнибал не нарушал договорных обязательств.

В исследовании на эту тему, принадлежащем перу Ж. Каркопино⁴⁶, выдвинута парадоксальная точка зрения: наряду с Большим Ибером (Эбро в 160 км севернее Сагунта) должен был существовать южнее этого города другой Ибер — между Валенсией и мысом Нао; его Ж. Каркопино отождествляет с р. Хукар (обычное название у древних авторов — Сукро). В интересующем нас договоре имелся в виду именно этот — Малый Ибер; таким образом, Сагунт находился в сфере римского господства, его безопасность обеспечивалась соглашениями, и, напав на него, Ганнибал развязал войну против Рима. Ф.У. Уолбэнк в своем комментарии к сочинению Полибия не приходит к определенному заключению, хотя и резко высказывается против

концепции Каркопино⁴⁷. По его мнению, трудно представить себе, чтобы римляне не были связаны аналогичной клаузулой (запрещение перехода через Ибер); однако договор выглядит как уступка Карфагену, признающая то, что произошло или должно было произойти к югу от Ибера. Заключенный между Гасдрубалом и сенатской комиссией, он, видимо, был ратифицирован в Риме, а в Карфагене не был⁴⁸; возможно, Баркиды имели право заключать местные соглашения. Если союз Рима с Сагунтом был заключен после подписания договора, то последний был нарушен Римом, если же до — неясно, в каком отношении союз с Сагунтом находился к договору между Римом и Гасдрубалом. Заметим здесь же от себя, что ответ на последний вопрос дает редакция договора у Тита Ливия, однако, по общему мнению, она представляет собою аналитическую фальсификацию⁴⁹. Остроумную теорию выдвинул в связи с этим Э. Бикерман⁵⁰. Подробно исследовав соглашение между Ганнибалом и македонским царем Филиппом V (об этом см. далее), Э. Бикерман пришел к выводу, что, как и последнее, договор с Эбро представлял собой одностороннюю личную клятву Гасдрубала (так называемый *берит* 'завет'), которая не связывала, по пунийским, а в конечном счете по общефиникийским представлениям, ни его возможных преемников, ни власти Карфагена. Наконец, И. И. Вейцковский исходит из того, что договор разделял сферы возможной экспансии Карфагена и Рима; римляне нарушили его, вмешавшись во внутренние дела Сагунта⁵¹. Очевидно, впредь до обнаружения новых источников вопрос о содержании этого договора будет оставаться, по меткому выражению Ж. Каркопино, «своего рода прокрустовым ложем», на котором пытаются тексты, получая в результате противоречивые

и неприемлемые выводы. К сожалению, и сам Ж Каркопино не избежал такого соблазна.

С нашей точки зрения, вопрос об исторической вине той или иной стороны в развязывании II Пунической войны в том виде, как его поставили В. Отто и Ж. Каркопино, вообще лишен смысла. Все действия Гамилькара Барки и Гасдрубала показывают, что они готовили в Испании плацдарм для ведения войны против Рима; в свою очередь, Рим не мог не стремиться к тому, чтобы сначала остановить карфагенскую экспансию, а затем сокрушить карфагенское могущество в странах Средиземноморья. После окончания I Пунической войны логика событий неизбежно влекла обоих противников к новому столкновению, и в этом отношении и тот и другой выступали в роли агрессора, а договор, о котором идет речь, был не более чем временной попыткой урегулирования. Само собой разумеется, что лишена всякого основания попытка Ж. Каркопино установить существование еще одного Ибера — южнее Сагунта. Едва ли можно считать доказанной и концепцию, согласно которой текст Тита Ливия представляет собой не более чем фальсификацию, сложившуюся в патриотически настроенной римской историографии. Он, во всяком случае, больше соответствует последующему развитию событий, чем текст Полибия.

Учитывая все имеющиеся в нашем распоряжении сведения, можно предположить, что события развивались следующим образом. Гасдрубал принес по старинному обряду, существовавшему у всех западносемитских народов, в том числе и у финикийян, берит, обязавшись не пересекать Ибер и не нарушать суверенитета Сагунта и других греческих колоний на Пиренейском полуострове. Только этим можно объяснить тот факт, что именно осада Сагунта послужила несколько

лет спустя поводом для войны между Римом и Карфагеном. Очевидно, Полибий избрал недостоверную версию, не соответствующую дальнейшему ходу событий, почерпнув ее из прокарфагенски настроенного источника. Во всяком случае, союзником Рима Сагунт стал, по-видимому, уже в 231 г., за пять лет до договора с Гасдрубалом⁵². Эта клятва не была утверждена в Карфагене, может быть, потому, что, поскольку речь шла о личных обязательствах Гасдрубала, правительство, с пунийской точки зрения, не должно было вмешиваться в развитие событий. Как бы то ни было, в результате возникла формально юридическая лазейка, которая позволила говорить о полной непричастности карфагенского совета к договору, гарантировавшему неприкосновенность берегов Ибера и безопасность Сагунта.

Итак, в 226 г. было достигнуто временное равновесие, фактически отдававшее в руки Карфагена всю или почти всю испанскую территорию к югу от Ибера. При этом государство карфагенян никакими формальными обязательствами связано не было. Большого Гасдрубалу пока и не требовалось.

В 221 г. Гасдрубал был убит на охоте одним кельтом (источники не называют его имя) — рабом, мстившим карфагенскому стратегу за казнь своего господина [Полибий, 2, 36, 1; Ливий, 21, 2, 6; Апп., Исп., 8; Апп., Ганниб., 2; Диодор, 25, 12; Юстин, 44, 5, 5]. Ливий яркими красками рисует воодушевление убийцы, который вел себя так, как если бы ему удалось избежать опасности, и во время пыток, казалось, смеялся в лицо палачам. Видимо, в этой ситуации, уже непонятной римлянину конца Республики и первых лет Империи, нашли отражение нормы крайне архаичного общества: раб, включенный в

состав рода, обязан осуществить кровную месть даже ценой своей гибели; выполнение закона доставляет ему наивысшее моральное удовлетворение; он не должен обнаружить слабость перед врагом.

Враждебная Баркидам политическая группировка в Карфагене — аристократическая партия во главе с Ганнибалом — попыталась использовать гибель Гасдрубала для того, чтобы свести счеты со своими политическими противниками и лишить их власти [Апп., Исп., 8; ср.: у Апп., Ганниб., 3]. Однако эти попытки не удались. Сразу же после смерти Гасдрубала воины пунийской армии, находившейся в Испании, провозгласили главнокомандующим Ганнибала; через некоторое время карфагенское народное собрание и совет утвердили этот выбор [Апп., Исп., 8; Апп., Ганниб., 3; ср.: у Полибия, 3, 13, 3—4; Ливий, 21, 3, 1].

Чем объяснить подобное решение? Прежде всего, конечно, происхождением Ганнибала. Сын Гамилькара Барки мог, естественно, рассчитывать на поддержку армии, созданной его отцом и зятем. Наемники, составлявшие ее основу, чувствовали себя связанными не столько с Карфагеном, сколько с династией военачальников, плативших жалованье, водивших в походы, щедро делившихся добычей. Кроме этого, политической позицией Ганнибала. Он был уже, надо полагать, известен как непримиримый враг Рима. По словам Аппиана [Апп., Исп., 9], едва вступив в должность, он уже нашел случай напомнить своим друзьям в Карфагене — и его слова предназначались, конечно, для общего сведения — о своей клятве быть врагом римлян, когда получит власть. Продолжение теперь уже традиционной линии Баркидов обещало солдатам ограбление Италии, а карфагенскому купечеству и ремесленникам — обильные доходы благодаря захвату важнейших рынков и

торговых путей, а также перспективу увидеть свое государство властелином обитаемого мира. И наконец, личными качествами Ганнибала. Тит Ливий [21, 4, 1—4] пишет, что, когда Ганнибал в 224 г. вернулся в Испанию под командование Гасдрубала, он сумел завоевать авторитет у воинов: «Посланный в Испанию, Ганнибал, едва появившись, привлек к себе все войско; старые воины думали, что к ним вернулся молодой Гамилькар — та же мощь в лице, сила в глазах, тот же облик и черты». И действительно, судя по портрету Ганнибала на одной из монет, происходящих из Нового Карфагена⁵³, он поразительно напоминал отца; характеристика Ливия очень точно соответствует качествам, которые хотел выявить у своей модели портретист. «Но он быстро сделал так, — продолжает римский историограф, — что его сходство с отцом стало наименьшим из тех качеств, которые располагали к нему. Никогда еще один и тот же человек не был приспособлен к самым различным делам — к повиновению и командованию. Так что нелегко было решить, командующему или войску был он дороже: ни Гасдрубал не назначал охотнее кого-либо другого на дело, где нужно было действовать мужественно и стойко, ни воины с другим командиром не были более уверены в себе и храбры».

Первые же шаги Ганнибала показали, что его сторонники не ошиблись в своих ожиданиях.

II

Когда Ганнибал пришел к власти, ему было двадцать пять — двадцать шесть лет. Господство карфагян в Испании было уже в общем прочно установлено

благодаря настойчивой и последовательной политике Гамилькара Барки и Гасдрубала, и южная часть Пиренейского полуострова казалась более или менее надежным плацдармом для наступления на Рим. Сам Ганнибал обзавелся уже традиционными для Баркидов прочными связями с иберийским миром: он был женат на иберийке из союзного Карфагену города Кастулоне [Ливий, 24, 41, 7]. Со свойственным юности максимализмом новый пунийский главнокомандующий повел себя так, будто война с Римом уже решена и поручена ему, а сферой его деятельности назначена Италия [Ливий, 21, 5, 1]. Он, по-видимому, и не скрывал своего намерения напасть на союзный римлянам Сагунт и тем самым вовлечь Рим в прямой конфликт, однако стремился при этом сделать вид, будто атака на Сагунт произойдет сама собой, в результате естественного развития событий. Именно поэтому, заключает Тит Ливий [21, 5, 3], он прежде всего направил свой удар против олкадов, живших к югу от Ибера, между реками Таг и Анас, на территории, которая, как считалось, принадлежала карфагенянам.

Однако наряду с этой общеполитической программой у Ганнибала имелись и другие, более близкие цели. В своей характеристике олкадов Тит Ливий [там же] роняет беглое, но тем не менее многозначительное замечание: «За Ибером был этот народ, скорее в области, чем под властью, карфагенян». Очевидно, фактическую власть над ними еще предстояло установить, и именно такую задачу поставил перед собой Ганнибал, когда он стремительно вторгся в страну олкадов, осадил их главный город и взял его штурмом⁵⁴. Успех карфагенян заставил и другие города олкадов признать власть Карфагена; естественно, что на них была наложена подать [Ливий, 21, 5, 4]. Обобрав побежденных

и захватив богатую добычу, Ганнибал вернулся на зимовку в Новый Карфаген; там он щедро поделил награбленное между воинами и выдал жалованье, чем еще больше усилил расположение к себе — и служивших в войсках карфагенских граждан, и наемников [Ливий, 21, 5, 5].

Для нас представляет существенный интерес вопрос об общественно-политическом строе олкадов, поскольку важно (не говоря уже о других соображениях) знать, на каком уровне развития стояли те испанские племена и народности, с которыми сталкивался Ганнибал. Однако исходить мы можем только из того, что поселения олкадов Полибий называет греческим словом *πόλις*, а Ливий — его латинским соответствием *urbs*; среди них был один — сильнейший, главный. Не исключено, что, по представлениям названных писателей, олкады образовывали союз «городов», один из которых осуществлял гегемонию над остальными.

Весной 220 г. Ганнибал двинулся в поход на ваккеев, населявших среднее течение р. Дурис, и, преодолев упорное сопротивление, захватил в их области важнейшие города — Саламантику [Полибий [3, 14, 1] — Гелмантику; Ливий [21, 5, 6] — Германдику) и Арбокалу.

На обратном пути через Южную Гвадарраму⁵⁵ в Новый Карфаген победоносный полководец встретился еще с одним противником — карпетанами, которых побудили взяться за оружие спасшиеся после разгрома олкады и ваккеи — беглецы из Саламантики [Полибий, 3, 14, 3; Ливий, 21, 5, 7]. Логика рассуждений и самих карпетан, и тех, кто их уговаривал, очевидна: вчера разгромлены олкады, сегодня — ваккеи, завтра, несомненно, наступит очередь карпетан. Не лучше ли предупредить врага и попытаться разгромить его, не ожидающего нападения, перегруженного награбленным добром?

Враги ожидали Ганнибала у переправы через Таг, но Ганнибал уклонился от решительного сражения. Расположив свой лагерь на берегу, он в первый же удобный момент, когда напор карпетан несколько ослабел, вброд переправился через реку. Теперь между ним и его противником был мощный естественный рубеж и вал, устроенный, однако, так, что он открывал карпетанам доступ к реке. Ганнибал рассчитывал, что они попытаются преследовать отходящие карфагенские войска, и тогда его слоны и всадники встретят карпетанскую пехоту в реке. Противник попался в ловушку, ошибочно полагаясь, по-видимому, на свое численное превосходство. Согласно Полибию [3, 14, 8] и Ливию [21, 5, 11], вместе с олками и ваккеями войско карпетан достигло 100 000 человек. Будучи уверены, что Ганнибал не принял боя из страха перед возможным поражением, карпетаны с громким криком, не соблюдая даже элементарного порядка, бросились в реку. Осуществляя свой план, Ганнибал ввел в Таг слонов, которых было у него 40, и конницу. Во время сражения карпетанские воины не оказали сколько-нибудь серьезного и организованного сопротивления. С трудом нащупывая брод, опрокидываемые конями, они были бессильны перед всадниками и погонщиками слонов. Большинство карпетанских пехотинцев погибли в неравном бою, многие утонули. Последние ряды карпетан повернули на берег, но прежде чем они сумели занять оборонительную позицию, Ганнибал, выстроив свою пехоту в каре, ввел ее в реку и, достигнув противоположного берега, обратил деморализованные остатки карпетанских войск в паническое бегство. Пройдясь огнем и мечом по Карпетании, Ганнибал подчинил и ее власти Карфагена [Полибий, 3, 14, 2—8; Ливий, 21, 5, 9—16].

Победа у Тага имела исключительное политическое значение. Теперь под контролем Ганнибала оказалась вся территория Пиренейского полуострова к югу от Ибера, за исключением Сагунта [Полибий, 3, 14, 9; Ливий, 21, 5, 17; Юстин, 40, 5, 6]⁵⁶. Далее мы увидим, что эти успехи были иллюзорными, что власть карфагенян на Пиренейском полуострове не отличалась ни прочностью, ни стабильностью, а его население, в том числе и финикийские колонии, в решающий момент поддержало римлян⁵⁷. Однако все это еще было впереди. А пока, опьяненный блестящими победами, имея за спиной разоренные, покоренные, «умиротворенные» территории, Ганнибал чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов Риму. В известном смысле битва при Таге ознаменовала собою завершение важного периода в истории стран Западного Средиземноморья — периода подготовки II Пунической войны.

Победа при Таге занимает особое место и в биографии самого Ганнибала. Здесь он впервые обнаружил свои незаурядные тактические способности, показал умение принимать смелые решения, ломая установившиеся военные каноны и обращая себе на пользу те особенности местности, которые на первый взгляд сулили неминуемое поражение. Если бы Ганнибал не переправился через Таг, его войска, прижатые к берегу реки, были бы, конечно, раздавлены превосходящими силами противника. Однако пунийский командующий навязал врагу сражение в наиболее выгодных для себя условиях и победил.

Теперь непосредственной целью политики Ганнибала на Пиренейском полуострове стал захват Сагунта — древней колонии Закинфа, в основании которой приняли участие и выходцы из рутульской Ардеи [Ливий,

21, 7, 2]⁵⁸, однако в III в. уже иберийского города (как показывают сагунтинские монеты, его населяло племя арсах)⁵⁹. Наш источник говорит о богатстве Сагунта, которым последний обязан интенсивному развитию морской торговли и земледелия, росту населения и строгости нравов [Ливий, 21, 7, 3], — идеализирующая Сагунт тенденция последнего замечания Тита Ливия очевидна. Однако не богатство прельщало Ганнибала, когда он предпринял свои военные действия против этого города: только овладев Сагунтом, он мог двинуться на север. Но если раньше Ганнибал не задевал, по крайней мере непосредственно, римских интересов, действуя строго в рамках обязательств, принятых Гасдрубалом, то теперь осуществление его замыслов грозило привести к столкновению с Римом, тем более что Сагунт уже имел к тому времени статус римского союзника и его безопасность была в какой-то форме гарантирована еще Гасдрубалом. Впрочем, Ганнибал мог рассчитывать на то, что Рим, руки которого были связаны длительной и тяжелой борьбой с галлами на севере Италии, а также с иллирийскими пиратами на Балканском полуострове, не сможет эффективно вмешаться в испанские дела, и, как увидим далее, этот расчет (если он существовал), в общем, оправдался.

Благоприятный для Ганнибала политический климат создавала «партийная» борьба в Сагунте. Источник [Полибий, 3, 15, 7] не говорит, из-за чего, собственно, происходили столкновения, тем не менее и вся ситуация, и в особенности энергичные действия Рима показывают, что речь могла идти только об одном: сохранять ли верность союзу с Римом или же добровольно перейти на сторону и под власть Карфагена. Ликвидировав смуты и казнив нескольких человек из среды сагунтинской знати, очевидно враждебных

проримской ориентации, римляне, вмешивавшиеся в сагунтинские дела, уничтожили надежды Ганнибала, если допустить, что они у него были, на сторонников союза с Карфагеном в Сагунте. Более того, они показали, что Рим никогда не примирится с потерей Сагунта, Ганнибал приведет римское правительство к необходимости объявить Карфагену войну, — именно этого Ганнибал и добивался. Нужно было только поспешить, чтобы на помощь Сагунту не явились римские легионы, чтобы они не навязали Ганнибалу войну в Испании, не помешали ему округлить пунийские владения на Пиренейском полуострове и отправиться на завоевание Италии.

Этих своих политических целей Ганнибал пытался достичь, действуя формально в рамках карфагено-римских соглашений. Не вступая в прямой конфликт с ориентировавшимся на Рим правительством Сагунта, он, по словам Тита Ливия [21, 6, 1–2], провоцировал столкновения между Сагунтом и соседними иберийскими племенами (главным образом турдулами)⁶⁰, находившимися в сфере карфагенского господства; предлагая сторонам свои услуги в качестве арбитра, Ганнибал рассчитывал навязать Сагунту решение, которое поставило бы этот город в зависимость от Карфагена, не давая Риму формального повода объявить войну.

Традиция, сохраненная Аппианом [Апп., Исп., 10], позволяет выяснить некоторые подробности этой политической игры. По его словам, Ганнибал убедил торболетов (то есть турдулов) принести ему жалобу на сагунтинцев, вторгающихся будто бы на территорию, принадлежащую торболетам, и всячески их притесняющих. Создав обстановку конфликта, Ганнибал, не принимая решения, отправил торболетских послов в

Карфаген, чтобы они там изложили свои претензии совету, и одновременно от себя послал совету письмо, где самыми мрачными красками обрисовал положение дел: римляне убеждают подвластные Карфагену иберийские племена отпасть, а сагунтинцы всячески помогают римским агентам. Решение совета, несомненно инспирированное самим Ганнибалом и сторонниками баркидской группировки, полностью его удовлетворило: ему было приказано действовать по отношению к Сагунту так, как он сочтет нужным.

Значение этого поступка, показавшего, что Ганнибал — не только талантливый полководец, но и незаурядный политический деятель, трудно переоценить. Ганнибал продемонстрировал карфагенскому общественному мнению, что он исполнен глубокого пиетета перед высшими органами государственной власти и, как и подобает верному и скромному слуге отечества, с положенным смирением ожидает их приказаний. Добившись положительного ответа на свои домогательства, Ганнибал связал карфагенский совет его же собственными решениями: теперь он выступал не в роли полководца, ведущего на свой страх и риск сложную авантюрную игру, чтобы втянуть Карфаген в полную опасностей войну, а в роли человека, выполняющего постановления совета, то есть действующего строго в русле официальной политики. Теперь карфагенский совет, даже если бы он и хотел (а он вовсе этого не хотел), не мог бы отречься от Ганнибала. Давая ему свободу действий против Сагунта, совет — и это все хорошо понимали — предрешал войну с Римом.

Руки у Ганнибала теперь были развязаны. Он снова пригласил к себе торболетов и на этот раз представителей Сагунта, которые, однако, заявили, что передадут решение на суд Рима. Иначе говоря, они отказались

признать верховную власть Карфагена. Ганнибал прервал переговоры, выгнал, как рассказывает Аппиан, сагунтинцев из своего лагеря, вторгся на территорию Сагунта, разорил его окрестности и, разделив свои войска на три части, окружил город.

Между тем, пока Ганнибал подготавливал нападение на Сагунт, сагунтинцы развернули энергичную дипломатическую деятельность, чтобы побудить Рим активно вмешаться в испанские дела [Полибий, 3, 15, 1; Ливий, 21, 5, 1]. Действия римлян, однако, наши источники рисуют по-разному. Согласно Титу Ливию [12, 6, 3–5], сенат решил отправить в Испанию послов, которые должны были изучить на месте положение дел и, если сочтут необходимым, потребовать от Ганнибала оставить Сагунт, союзника римского народа, в покое, а потом отправиться в Карфаген и там изложить жалобы сагунтинцев. Прежде чем послы двинулись в путь, в Рим пришло известие об осаде Сагунта, и в сенате назначили новое обсуждение сагунтинских дел. Полибий [3, 15, 2–13] изображает иначе ход событий; по его версии, римское посольство, то самое, которое было решено, по словам Ливия, сенатом, к Ганнибалу состоялось. Ганнибал принял его в Новом Карфагене. Естественно, что предметом переговоров стал Сагунт. Римляне потребовали, чтобы Ганнибал отступился от Сагунта и не пересекал Ибера, как это и предусматривалось клятвой Гасдрубала. Отвечая послам, Ганнибал упрекал римлян в том, что они, вмешавшись в дела Сагунта, казнили там несколько человек из местной знати. Этого преступления, говорил он (согласно версии Полибия), карфагеняне не могут оставить неотмщенным. Одновременно Ганнибал затребовал из Карфагена указаний, какой политики он

должен держаться, поскольку сагунтинцы, уповая на союз с Римом, совершают всякого рода бесчинства по отношению к карфагенским подданным. На этом Полибий обрывает свой рассказ, и мы не узнаем от него, какой ответ Ганнибал получил от своего правительства. Римские послы, не добившись от Ганнибала удовлетворительного ответа и ясно видя, что Риму предстоит война, отправились в Карфаген заявить свои требования непосредственно карфагенскому правительству. Дальнейшими сведениями о судьбе этого посольства (если предположить, что оно действительно состоялось) мы не располагаем.

В рассказе Полибия обращает на себя внимание не только отрывочность информации. Он очень сильно напоминает в основных пунктах рассказ Тита Ливия о посольстве, которое римляне отправили к Ганнибалу и в Карфаген после того, как осада началась. Единственный пункт расхождения — то, что в последнем случае Ганнибал не принял послов. Эпизод с затребованием из Карфагена инструкции в связи с действиями сагунтинцев также находит себе параллель в рассказе о посредничестве Ганнибала между сагунтинцами и турдулами. Все это позволяет предполагать, что Полибий отнес к данной ситуации эпизоды, фактически имевшие место либо раньше, либо позднее, и что, следовательно, более близок к истине в данном случае Ливий, опирающийся здесь на римскую традицию, независимую от Полибия. Что же заставило Полибия (если изложенные нами допущения справедливы) решиться на сознательное искажение истины? Не исключено, что Полибий стремился снять с римского правительства, где видную, а возможно, и решающую роль играли в этот момент Сципионы⁶¹, к которым он был близок, обвинение и том, что оно не

предприняло никаких шагов, чтобы защитить Сагунт от опаснейшего врага.

Итак, наиболее вероятным приходится признать следующее: пока римский сенат обсуждал положение в Испании, Ганнибал начал осаду Сагунта (219 г.)⁶². Надо сказать, что эту операцию (и в особенности до того, как он был ранен) в отличие от предшествовавших и последовавших за нею пунийский полководец провел на чрезвычайно низком тактическом уровне; мы увидим далее, что овладеть городом ему удалось исключительно благодаря огромному превосходству в живой силе и фактическому невмешательству римлян. Все началось с того, что Ганнибал крайне неудачно выбрал место для разрушения городской стены — как раз у того ее угла, который выходил на более ровную и открытую долину, чем остальные участки. Сюда было очень легко подвести виней⁶³ и тараны. Однако он не учел, что именно здесь находилась огромная башня, именно здесь стена была выше, чем в других местах; само собой разумеется, что и охрана этого пункта была поручена «избранной молодежи» — самому надежному и боеспособному отряду сагунтинских воинов. Постоянной стрельбой из луков они держали карфагенян на почтительном расстоянии от стен, не давали им подвести орудия и начать осадные работы. Непрестанно совершая вылазки, сагунтинцы наносили карфагенянам значительный ущерб; сам Ганнибал, принимавший в стычках активное участие, был тяжело ранен дротиком в бедро и упал, что вызвало настоящую панику среди осаждавших.

Пока Ганнибал залечивал рану, карфагеняне не вели активных боевых действий, довольствуясь исключительно блокадой города; но тем более усиленно они строили осадные сооружения, а сагунтинцы — укрепления.

Видимо, в этот период Ганнибал пересмотрел принятую им ранее диспозицию, которая не только не приводила к желательному результату, но отдавала инициативу в руки противника. Он решил начать разрушение стены в нескольких пунктах одновременно, что давало возможность использовать и технику, и численное превосходство. Тараны заработали. В стенах стали появляться проломы. И вдруг со страшным грохотом обрушились три башни и часть стены между ними. Завязалось сражение, не беспорядочное, как это бывает в подобных случаях, но, подчеркивает Ливий, по всем правилам военного искусства. Воины — и сагунтинцы и карфагеняне — выстроились в боевой порядок; пунийцы не сумели преодолеть сопротивления горожан и вынуждены были отступить. Сагунтинцы оттеснили их сначала к развалинам стен, а затем заставили бежать к лагерю. Именно в этот момент, когда новое поражение поставило, казалось бы, под угрозу главный замысел Ганнибала — захват Сагунта и, следовательно, войну с Римом, прибыло римское посольство.

Как мы уже говорили выше, известие об осаде Сагунта заставило римский сенат еще раз пересмотреть всю политическую ситуацию. По словам Тита Ливия [21, 6, 6—8], мнения в сенате разделились: одни настаивали на том, чтобы назначить консулам в качестве провинций (т.е. объектов специального задания) Испанию и Африку и вести войну на суше и на море; другие предлагали сосредоточить все военные действия в Испании, обратив их против Ганнибала; третьи советовали дожидаться, с чем придут послы из Испании, и уже тогда принять окончательное решение. Последняя точка зрения возобладала; послами назначили Публия Валерия Флакка и Квинта Бэбия Тамфила.

Им было поручено посетить Сагунт, потребовать у Ганнибала отвести от города свои войска и, буде он откажется, направиться в Карфаген и там по старинному италийскому обычаю потребовать выдачи самого Ганнибала для наказания за нарушение договора. По традиции, восходящей к Диону Кассию [Зонара, 8, 22], за немедленное начало военных действий и вторжение в Африку и Испанию высказался Луций Корнелий Лентул, близкий к аристократической группировке Эмилиев и Сципионов; посольство предложил Квинт Фабий Максим — глава другой сенатской «партии», враждебной Эмилиям и Сципионам⁶⁴. Он имел в виду, в частности, если бы переговоры сорвались, возложить на карфагенское правительство ответственность за развязывание войны. Интересно, что Полибий [3, 20, 1—5] крайне резко отрицает рассказы о совещаниях в Риме по поводу дальнейших действий; он утверждает, что, получив известие о падении Сагунта, сенат единодушно решил начать войну и направил соответствующее посольство в Карфаген. Между тем колебания сената, даже если не принимать во внимание римской внутриполитической борьбы, легко объяснимы: Риму угрожала тяжелая война в Иллирии; эта угроза быстро стала реальной [Полибий, 3, 16—19], и пока римляне не закрепили своего господства там, они не могли думать о серьезной и затяжной войне против Карфагена⁶⁵. Трудно поверить Полибию и в том, что сенат начал рассматривать дело только после падения Сагунта. Ведь речь шла об экспансии Рима, о расширении сферы его господства, а в этом были заинтересованы влиятельные круги римского общества, чьи интересы и представляла группировка Эмилиев — Сципионов⁶⁶.

Как бы то ни было (мы последуем за рассказом Тита Ливия [21, 9, 3–11, 2], который представляется наиболее достоверным), Ганнибал, узнав о прибытии римского посольства (судя по свидетельству Аппиана [Апп., Исп., 11], вместе с ним явились и находившиеся в Риме послы Сагунта), решился на смелый шаг: он отказался принять Флакка и Тамфила; по его распоряжению послам сообщили, что их безопасность гарантирована быть не может, а сам полководец в столь критической ситуации не имеет возможности их выслушать⁶⁷. Это рассчитанное оскорбление должно было заставить римлян выдвинуть неприемлемые требования и привести к срыву переговоров. Понимая, что теперь послы отправятся в Карфаген, Ганнибал, в свою очередь, обратился с письмами к руководителям баркидской группировки, дабы они могли заранее подготовиться. Судя по рассказу Тита Ливия, все было разыграно отменно: баркидской группировке удалось продемонстрировать политическое единство в совете⁶⁸. Единственный, кто осмелился поддержать требования римлян в карфагенском совете, был старый враг Баркидов Ганнон, однако на него никто не обращал внимания.

Несколько иначе излагает события Зонара [8, 22], который, однако, связывает их уже с посольством, прибывшим для формального объявления войны. По Зонаре, точку зрения баркидской группировки высказывает некий Гасдрубал; ему безрезультатно возражает Ганнон, безрезультатно, хотя старики и те, кто помнил первую войну с Римом, его поддержали: молодежь и сторонники Баркидов решительно ему возражали. Гасдрубал, согласно этой версии, говоря об обретении «древней свободы», явно призывает к войне, поскольку следствием мирного развития в его

изображении было рабство. Впрочем, версии Ливия и Зонары легко согласовать, приняв, что единственным оратором антибаркидской «партии» действительно выступил Ганнон, тогда как его сторонники выражали ему сочувствие в частных беседах, не осмелившись (видя господствующее настроение) защитить свою политическую позицию на заседании совета⁶⁹.

Тит Ливий приводит в своем сочинении речь Ганнона [21, 10]. Фактически сочинена самим Ливием. Здесь поведение карфагенян настолько явно противопоставлено староримским добродетелям — верности, благочестию и т.п.⁷⁰, что она производит впечатление памфлета, направленного против современной Ливию порчи нравов, а не исторического документа.

В общем, поездка в Карфаген не принесла успеха римлянам. Карфагеняне обвиняли Сагунт в незаконных деяниях против их подданных [Апп., Исп., 12] и свой окончательный ответ сформулировали следующим образом [Ливий, 21, 11, 2]: «Война начата сагунтинцами, а не Ганнибалом; римский народ поступил бы несправедливо, если бы предпочел сагунтинцев стариннейшему союзу с Карфагеном». С этим римские послы возвратились на родину.

Тем временем осада Сагунта вступила в новую фазу. Потерпев серьезное поражение у пролома в городской стене, Ганнибал решил дать своим солдатам несколько дней отдыха (сагунтинцы воспользовались передышкой для того, чтобы на месте разрушенных стен возвести новые оборонительные сооружения). Неудача показала, насколько низок, в сущности, боевой дух карфагенского воинства, и Ганнибал сделал все что мог для повышения его боеспособности, обещая награды и главным образом обещая отдать солдатам всю добычу, которая будет захвачена при взятии Сагунта.

Как видно, Ганнибал хорошо знал наемников, служивших у него под началом. И он не ошибся в своих расчетах. Ливий [21, 11, 4] пишет, что они «все до такой степени были возбуждены, что, если бы в этот момент (когда Ганнибал произносил свою речь. — *И.К.*) был дан сигнал, никакая сила, казалось, не смогла бы им противостоять».

Новый штурм карфагеняне начали одновременно во многих пунктах, так что сагунтинцы даже не знали, где должны они сосредоточить свои силы. Сам Ганнибал находился при передвижной осадной башне, бывшей выше всех городских укреплений. Подвергнув стены Сагунта интенсивному обстрелу из катапульт и баллист, установленных на башне, Ганнибал заставил защитников города спрятаться в укрытие, а потом отправил 500 солдат разрушать только что отстроенные укрепления. Через проломы карфагеняне снова вступили в город и, завладев там каким-то возвышением, снесли туда катапульты и баллисты, а само место окружили стеной. Так карфагеняне получили укрепленную позицию в Сагунте; судьба города была предрешена. Кольцо осады постепенно сжималось; сагунтинцы возводили все новые и новые стены; карфагеняне их захватывали и оттесняли противника все дальше в глубь города. К тому же в Сагунте начался голод.

Внезапно положение Ганнибала осложнилось: у ориссов (оретанов) и карпетанов вспыхнули волнения, которые могли бы отвлечь Ганнибала от Сагунта. И тех и других возмущала жестокость, с какой у них проводился набор в карфагенскую армию; они захватили присланных к ним пунийских чиновников и, казалось, уже готовы были свергнуть чужеземное иго, но Ганнибал быстрым и решительным ударом

заставил их сложить оружие. Тем временем осада (ею в отсутствие Ганнибала — чего никто не заметил — руководил Махарбал — сын Гимилькона) продолжалась; в новых стенах Сагунта были сделаны новые проломы, и, наконец, когда Ганнибал вернулся, ему удалось занять часть акрополя.

Предпринимая сопротивление Ганнибалу, сагунтинцы, конечно, рассчитывали на вмешательство римлян, однако положение с каждым днем становилось все более отчаянным, а римские солдаты у стен Сагунта по-прежнему не появлялись. Помощи ждать было неоткуда, и один из влиятельных сагунтинцев, Алкон, решился на последнее средство. По собственной инициативе и даже без ведома сограждан он явился к Ганнибалу, надеясь вымолить у него пощаду несчастному городу. Однако условия сдачи, которые объявил ему уверенный в победе карфагенский стратег, были таковы, что Алкон даже не посмел сообщить о них сагунтинцам и остался в лагере врага. Ганнибал потребовал, чтобы сагунтинцы удовлетворили все требования турдулов и, отдав им все золото и серебро, покинули город, взяв с собой лишь по одной одежде на человека, и поселились там, где укажет им победитель. Эти условия вызвался передать сагунтинским властям служивший в войсках Ганнибала, но еще раньше получивший от Сагунта статус «друга» и «гостеприимца» (проксена) испанец Алорк, могший рассчитывать на личную безопасность. Услышав о том, какая судьба им уготована, сагунтинцы побросали в костер золотые и серебряные вещи, не желая, чтобы они достались врагу; многие сами кидались в огонь... А пунийцы тем временем прорвали укрепления и наконец полностью овладели городом. Ганнибал приказал убивать всех взрослых горожан, оказывавших еще беспорядочное

сопротивление на улицах и в горящих домах, но победители не щадили и малолетних. Сагунт был уничтожен. По рассказу Алпиана [Апп., Исп., 12], сагунтинские воины погибли во время ночной вылазки на пунийский лагерь после того, как они привели в негодность драгоценный металл. Разгневанный Ганнибал приказал уничтожить все население города, а затем заселил его пунийскими колонистами. Вероятно, только сообщение о создании пунийской колонии в какой-то степени соответствует у Алпиана действительности; все же остальное плохо вяжется с тем, что известно об осаде Сагунта.

Итак, главная цель Ганнибала на этом этапе была достигнута: Сагунт пал и перед его войсками открывался беспрепятственный путь на север, в Италию. Однако для нового предприятия необходима была совершенно иная подготовка, и для этой цели Ганнибал решил использовать зимовку в Новом Карфагене.

В Риме известие о страшной судьбе Сагунта вызвало, как и следовало ожидать, единодушную, ту самую, которой добивался Ганнибал, реакцию: все без исключения требовали объявить Карфагену войну. Консулам 218 года (оба из группировки Эмилиев — Сципионов) в качестве провинций были назначены Испания (Публий Корнелий Сципион) и Сицилия с Африкой (Тиберий Семпроний Лонг; у Евтропия [3, 9] другой когномен — Гракх), иначе говоря, им была предопределена война с Ганнибалом. Лонг должен был, если бы Сципиону удалось удержать Ганнибала вне Италии, вторгнуться в Африку. В народное собрание было внесено предложение объявить войну карфагенскому народу. Для соблюдения необходимых по римским обычаям формальностей в Карфаген было направлено посольство в составе Квинта Фабия Максима, Марка

Ливия Салинатора, Луция Эмилия Павла, Гая Лициния и Квинта Бэбия Тамфила. Как можно видеть, господствующее положение в посольстве, как и в правительстве, занимали сторонники Эмилиев, хотя руководство и было поручено Фабию, известному своим стремлением к мирному урегулированию; может быть, в Риме хотели таким выбором показать, что дверь для переговоров пока остается открытой⁷¹. Послы должны были спросить, не по решению ли карфагенских властей Ганнибал осаждал Сагунт, и, если бы был дан утвердительный ответ, объявить Карфагену войну. По словам Ливия [21, 18, 3], Фабий ни слова не добавил к этой формуле; как пишет Полибий [3, 20, 8], посольство должно было потребовать выдачи Ганнибала [ср. также у Апп., Исп., 13]. Карфагеняне,ставля в стороне вопрос, действовал ли Ганнибал по своему собственному усмотрению или по поручению своего правительства, поскольку это — внутреннее дело Карфагена и римлян не касается, доказывали, что договор римлян с Гасдрубалом, в котором имеется оговорка относительно Сагунта, не был утвержден пунийскими властями и поэтому для них не действителен; римлянам, следовательно, незачем ссылаться на испанские события как на предлог для объявления войны [Ливий, 21, 18, 4—12; Полибий, 3, 21, 1—5]. По словам Полибия [3, 21, 3—5], карфагеняне подчеркивали, что в договоре, заключенном после I Пунической войны, который является основным документом, регулирующим взаимоотношения между Карфагеном и Римом, ни слова не говорится об Испании или Сагунте, но речь идет только о взаимном ненападении на союзников; между тем Сагунт, как утверждали пунийцы, не был союзником Рима. В свою очередь римские послы отказались вести разговоры о чьих бы то ни было правах;

эти разговоры имели бы смысл, если бы безопасность Сагунта не была нарушена; теперь же карфагенское правительство должно либо выдать виновных в нападении на этот город и тем самым доказать свою непричастность к содеянному беззаконию, либо признать себя соучастником [Полибий, 3, 21, 6—8].

Аргументация обеих сторон, очевидно, была выдвинута в ходе предварительных переговоров, потому что, насколько мы об этом осведомлены, на заседании карфагенского совета римляне вообще не обсуждали вопрос по существу [Ливий, 21, 18, 13; Полибий, 3, 33, 1]. Выслушав заявление того члена совета, которому было поручено подготовить официальный ответ, а именно, что карфагенское правительство отрицает за Римом право вмешиваться в сагунтинские дела, посольство приступило к выполнению второй части своего поручения. Разыгралась патетическая сцена [Полибий, 3, 33, 2—4; Ливий, 21, 18, 13—14; Апп., Исп., 13]. Квинт Фабий Максим, подобрав полу своей тоги так, что образовалось углубление, сказал: «Здесь мы приносим вам войну или мир, выбирайте из них то, что вам больше подходит!». Суфкет, председательствовавший на заседании, воскликнул: «Дай из них то, что пожелаешь сам!» — «Я даю вам войну», — ответил Фабий, распуская тогу, и под громкие крики участников собрания «Принимаем!» покинул вместе со своими товарищами зал⁷².

III

Ганнибал добился своего: несколькими боевыми операциями на Пиренейском полуострове, и в особенности осадой и захватом Сагунта, он заставил римлян объявить Карфагену войну (218 г.), а карфагенское

правительство поставил в такое положение, что оно уже не могло, если бы даже и хотело, дезавуировать Ганнибала и выдать его врагам. Теперь Ганнибал мог готовиться к походу в Италию, используя для этого пребывание на зимних квартирах в Новом Карфагене.

Первая его мера заключалась в том, что он, как бы парадоксально это ни выглядело, предоставил длительный (на всю зиму) отпуск иберам, служившим у него в войсках, и разрешил им разойтись по домам [Полибий, 3, 33, 5; Ливий, 21, 21, 1—8]; целью этого маневра было, по словам Полибия, «подготовить для будущего» стойких и воодушевленных воинов. И действительно, отдых на родине, в кругу семьи, вдали от казарменной обстановки и лагерного быта восстановил силы иберов, а надежда на новые победы, богатую добычу и в какой-то мере страх перед карфагенскими властями заставили их весною возвратиться в строй.

Другой заботой Ганнибала — одной из самых важных — была «идеологическая» подготовка войны. Экспедиция в Италию пугала солдат: дорога казалась слишком далекой и опасной; заготовка продовольствия обещала почти непреодолимые трудности; на пути должны были встретиться дикие варварские племена. Рассказывали, будто на военном совете, где часто говорили об испытаниях, с которыми предстоит столкнуться Ганнибалу и его армии, один из его «друзей», тоже Ганнибал, по прозвищу Мономах, серьезно уверял: есть, мол, только один способ добраться до Италии — научить воинов есть человеческое мясо и позаботиться, чтобы они привыкли к этой пище; Ганнибал будто бы оценил смелость и целесообразность предложения, но только не мог заставить себя и своих близких последовать совету Мономаха [Полибий, 9, 24, 4—6]. Насколько верен этот рассказ, трудно сказать,

так как в нем ясно ощущается враждебная Ганнибалу политическая тенденция, однако в римской политической пропаганде широко муссировался, как увидим, восходящий к нему мотив: Ганнибал будто бы сознательно приучал своих воинов к людоедству. Вероятнее всего, перед нами — отражение ожесточенных споров в окружении Ганнибала о том, насколько выполнимо задуманное им предприятие, и Мономах бросил свою фразу, желая наиболее рельефно выразить свое отрицательное отношение к походу. Ганнибал, доводя до абсурда мысль Мономаха, столь же рельефно показывал, что его не остановят никакие препятствия.

Как бы то ни было, Ганнибал должен был убедить своих солдат, своих врагов и друзей, что боги сражаются на его стороне, что победа карфагенской армии обеспечена. С этой целью он отправился в Гадес и там, согласно ранее данным обетам, принес Мелькарту (Геркулесу, говорит Ливий) жертвы и совершил посвящения; там же, в храме Мелькарта, он взял на себя и новые клятвенные обещания богам на случай, если задуманное предприятие увенчается успехом [Ливий, 21, 21, 9]. По-видимому, тогда же среди воинов, да и не только среди воинов, стали распространяться слухи о чудесном сне, будто бы привидевшемся Ганнибалу и явно предвещающем победу (Циц., Предв., 1, 49; Ливий, 21, 22, 6—9; Вал. Макс., 17; Сил. Ит., 3, 163—214; Зонара, 8, 22].

Самые серьезные меры Ганнибал принял для обеспечения тыла — как в Африке, дабы обезопасить ее от возможного вторжения из Сицилии, так и на Пиренейском полуострове. Описывая эти меры, Полибий [3, 33, 18], за которым в данном случае точно следует и Тит Ливий, ссылается на надпись на медной таблице, которая по приказанию Ганнибала была

воздвигнута в Лацинийском храме: там греческий историк нашел все необходимые сведения. Ганнибал решил направить в Африку воинов испанского происхождения, а в Испании разместить африканские гарнизоны; этой мерой, говорит Полибий [3, 33, 8], «он соединял обе части своей армии узами взаимной верности». Тит Ливий [21, 21, 11], мотивируя поступок Ганнибала, по-видимому, ближе к истине: пунийский полководец хотел, чтобы африканцы служили в Испании, а испанцы в Африке потому, что вдали от дома те и другие, как бы взаимно обменявшись заложниками, будут лучше исполнять свои обязанности. Очевидно, Ганнибал опасался не только римского вторжения, но и бунтов подвластных Карфагену ливийских и иберийских племен. В этом случае, конечно, наиболее целесообразно было использовать для подавления мятежей солдат-чужеземцев. Как бы то ни было, Ганнибал направил в Африку 13 850 пехотинцев и 1200 всадников, набранных из испанских племен — терситов, мастианов, оретан и олкадов; туда же он послал и 870 балеарских пращников [Полибий, 3, 33, 9 — 11; Ливий, 21, 21, 12]. Часть из них разместили в самом Карфагене, а основную массу — в ливийских городах. По настоянию Ганнибала в самой Ливии мобилизовали 4000 воинов и расквартировали в Карфагене — если понадобится, для обороны города, а при необходимости и в качестве заложников [Полибий, 3, 33, 14 — 16; Ливий, 21, 21, 13].

Командовать пунийскими войсками в Испании Ганнибал назначил своего брата Гасдрубала и передал в его распоряжение значительные воинские силы: пехотинцев — 11 850 ливийцев, 300 лигуров, 500 балеаров, и всадников — 450 ливииофиникиян и ливийцев, 300 илергетов, 800 нумидийцев. Кроме того, у

Гасдрубала были 21 слон и для обороны побережья от римского вторжения с моря флот в составе 50 пентер, 2 тетрер и 5 триер; правда, из них только триеры и 32 пентеры имели команды [Полибий, 3, 33, 14—16; Ливий, 21, 22, 1—4].

Для похода в Италию Ганнибал располагал примерно 90 000 пехотинцев и 12 000 всадников [Полибий, 3, 35, 1; Ливий, 21, 23, 1]. Помимо собственно карфагенян, составлявших в этой армии, в общем, малозаметную прослойку, преимущественно командный состав, ее основные контингенты складывались из частью насильственно мобилизованных, частью завербованных ливийцев и иберийцев, а также из наемников различного происхождения и положения. На солдатских сходках Ганнибал говорил о том, с какой наглостью римляне требовали выдать его и всех военачальников, он рассказал, насколько плодородна и богата та страна, куда они идут, как дружески относятся к нему галлы — исконные враги Рима [Полибий, 3, 34, 8]. Легкая прогулка за богатой добычей — такую он рисовал своим солдатам будущую войну.

Впрочем, у него были основания рассчитывать на поддержку галлов. Используя зимнее время, Ганнибал развил энергичную разведывательную и дипломатическую деятельность. Агенты Ганнибала наводнили Южную Галлию. Они разведывали дороги, прощупывали настроения галльских племен и, что особенно важно, галльских вождей, вели с ними переговоры и от имени своего хозяина обещали все, что только можно было пожелать, за поддержку, за возможность пройти через Галлию, не подвергаясь нападениям со стороны местного населения. Результаты этих контактов как будто обнадеживали: антиримские настроения галлов позволяли надеяться если и не на прямую помощь, чего Ганнибал добивался,

то по меньшей мере на дружественный нейтралитет [Полибий, 3, 34, 1—6; Апп., Исп., 13].

Римляне готовились оказать сопротивление. Еще до того как посольство Квинта Фабия Максима формально объявило войну Карфагену, они предоставили в распоряжение консулов крупные воинские контингенты. Тиберий Семпроний Лонг, которому, как уже говорилось, в качестве провинции была назначена Сицилия с перспективой вторгнуться в Африку, получил два легиона (из них в каждом было по 4000 пехотинцев и 300 всадников), 16 000 пехотинцев и 1800 всадников из числа союзников, а также 160 боевых кораблей и 12 небольших вспомогательных судов. Всего, таким образом, Семпроний располагал 24 000 пехотинцев и 2 400 всадников. Публий Корнелий Сципион имел также два легиона с 14 000 пехотинцев и 1600 всадников из союзнических контингентов и, кроме того, 60 пентер — всего, таким образом, в его распоряжении находилось 22 000 пехотинцев и 2200 всадников. Сверх этого со значительными силами в Галлию был послан претор Луций Маилий; там расквартировали два легиона с 10 000 пехотинцев-союзников и 1000 всадников-союзников; всего римляне имели в Галлии 18 000 пехотинцев и 1600 всадников. В целом римская армия насчитывала 64 000 пехоты и 6 200 кавалерии [Ливий, 21, 17, 5—9] — значительно меньше, чем было у Ганнибала. Существенное преимущество римлян заключалось, между прочим, в том, что им предстояло воевать на родине и для них мобилизация дополнительных воинских контингентов была более простым делом, чем для пунийского полководца получение подкреплений. Нельзя, впрочем, не видеть и распыленности римской армии, и отсутствия единого командования, что, конечно,

затрудняло римлянам ведение боевых операций [ср. также у Апп., Исп., 14].

Дипломатическая подготовка войны, которую римское правительство попыталось было вести, обнаружила почти полную изоляцию Рима. Посольство Квинта Фабия Максима, возвращаясь из Карфагена, снова прибыло в Испанию (естественно, севернее Ибера). Там оно должно было склонить к союзу с Римом местные племена и поначалу добилось определенного успеха. Прибыв к баргусиям, ненавидевшим карфагенян, они смогли заручиться их поддержкой, однако потом направились к волкианам и там встретили отпор, тем более страшный, что он уничтожил все надежды на приобретение союзников в Испании. Как бы ни относиться к тексту речей, которые Ливий вкладывает в уста своих персонажей, и в частности здесь в уста волкианского старейшины, основной смысл ответа он передает, несомненно, верно. Старейшина («старейший по рождению», — пишет Ливий) напомнил послам о судьбе Сагунта, надеявшегося на римскую помощь и погибшего, так ее и не дождавшись. Совершив, таким образом, безрезультатную поездку в Испанию, Фабий и его коллеги отправились в Галлию [Ливий, 21, 19, 6—11]. Там их приняли еще более недружелюбно. Ливий изображает народное собрание одного из галльских племен, которое просьбы римлян не пропускать Ганнибала через Галлию в Италию встретило взрывом смеха; галлы вовсе не хотели ввязываться в тяжелую войну и подвергать свою страну разорению ради спасения Рима; к тому же притеснения, которые чинил Рим по отношению к цисальпинским галлам, не воодушевляли трансальпинских галлов на то, чтобы оказывать ему помощь. Такие или примерно такие сцены происходили повсеместно.

«Вообще, — пишет Ливий, — послы не слышали ни одного сколько-нибудь приветливого и миролюбивого слова, пока не прибыли в Массилию» [Ливий, 21, 20, 1 — 7]⁷³. Естественно, что римское правительство особое значение придавало укреплению своего положения в Цисальпинской Галлии, и прежде всего колонизации этой страны. В Галлии быстро возводились городские стены, и было объявлено, что в течение 30 дней колонисты должны явиться на место (первоначальное население каждой колонии было определено в 6000 человек); так в кратчайшие сроки римляне основали две колонии — Плаценцию к югу от р. Пада и Кремону к северу от нее. Однако эти приготовления в самом близком будущем привели к новым осложнениям.

Между тем наступила весна 218 г., и Ганнибал, закончив необходимые приготовления, двинулся из Нового Карфагена вдоль морского побережья, мимо разрушенного Сагунта, мимо крупнейшего иберийского города Этовиссы на север и тремя колоннами форсировал Ибер [Ливий, 21, 22, 5; 21, 23, 1]. Здесь, севернее пограничной реки, он установил свою власть (или власть Карфагена, что в данном случае было одно и то же) над местными племенами — илергетами, баргусиями, авсетанами, преодолев их упорное сопротивление, а также над Лацетанией — страной, непосредственно прилегавшей к Пиренейским горам [Ливий, 21, 23, 2; Полибий, 3, 35, 2 — 4]. Наместником этой страны Ганнибал сделал Ганнона, которому дал 10 000 пехотинцев и 1000 всадников; важнейшей задачей Ганнона было сохранить контроль над баргусиями, для чего Ганнибал предоставил ему неограниченные

полномочия, и удержать в своих руках проходы через Пиренеи [Полибий, 3, 35, 4 — 5; Ливий, 21, 23, 23].

С серьезными осложнениями Ганнибал встретился и при переходе через Пиренеи — на этот раз он имел дело с недовольством в своей собственной армии: 3 000 пехотинцев-карпетан отказались идти дальше и вообще служить под пунийскими знаменами. По-видимому, римскому патриотизму Ливия следует приписать его заявление, будто эти события произошли потому, что варвары точнее стали представлять себе предстоявшую им с Римом войну. Здесь же Ливий дает и более объективное объяснение: карпетаны опасались не столько самой войны, сколько длительного похода в Италию и неприступности Альп. Положение складывалось для Ганнибала весьма неприятное: уговорить взбунтовавшихся солдат вернуться на службу не удавалось, а применить к ним силу он также не мог, если не желал вызвать недовольство у других своих воинов. Ганнибал принял смелое решение: он сделал вид, будто добровольно отпускает карпетан, и заодно отправил на родину еще 7 000 пехотинцев, о которых было известно, что они тяготеют службой в его армии [Ливий, 21, 23, 4 — 6; Фронтин, 27, 7]. При этом Ганнибал распространил молву, будто он отпускает этих воинов для того, чтобы они сохранили верность ему, Ганнибалу, чтобы у всех остальных окрепла надежда вернуться домой, чтобы, наконец, все иберы — и уходящие в поход, и остающиеся дома — ревностно делали все, что от них потребуется, разумеется, для укрепления карфагенского господства [Полибий, 3, 35, 6]. Всего в распоряжении пунийского военачальника осталось теперь 50 000 пехотинцев и около 9 000 всадников; с ними он преодолел Пиренеи и вступил в Галлию [Полибий, 3, 35, 7].

Известие о том, что карфагенские войска находятся в их стране и что Ганнибал разместил свой лагерь у г. Илиберры, вызвало у галльских племен волнение и тревогу, хотя лазутчики Ганнибала и уверяли, что их хозяин не собирается воевать в Галлии и разорять ее. Галлы были хорошо наслышаны о том, как поступал Ганнибал с иберийскими племенами, переправившись через Ибер, как он покорял их силой и размещал у них свои гарнизоны. Страх потерять свободу заставил галлов взяться за оружие; несколько племен собрались в Рускиноне, явно готовясь к войне. Дипломатическая подготовка, так искусно проведенная Ганнибалом, оказалась напрасной; как и в Испании, он снова стоял перед выбором: либо подчинить галльские племена оружием, либо с помощью переговоров добиться их благожелательного нейтралитета. Ганнибал решил прибегнуть ко второму пути и направил к галльским «царькам» — очевидно, племенным вождям и старейшинам — своих «ораторов» с приглашением явиться на личные переговоры. Посланцы Ганнибала снова и снова повторяли, что он пришел в Галлию как гость, а не как враг, что, если галлам это будет угодно, он обнажит свой меч, только вступив на территорию Италии. Галльские «царьки» прибыли в лагерь Ганнибала и, окончательно успокоенные его миролюбивыми речами и ублаготворенные богатыми подарками, позволили ему проследовать через их земли мимо Рускинона [Ливий, 21, 24]. Внушая одним племенам страх, а на других воздействуя дарами, Ганнибал беспрепятственно подошел к стране, которую занимало галльское племя вóлков, к берегам Родана (ср. также указание Полибия [3, 41, 7], где сказано, что, проходя через Галлию, Ганнибал должен был прибегать также и к насилию;

однако Зонара [8, 23] пишет, что, пока Ганнибал шел через Галлию к Родану, никто не оказывал ему сопротивления).

Успешное движение Ганнибала через Северную Испанию и Галлию создавало прямую угрозу римским владениям в Северной Италии. Между тем Рим был втянут в трудную и кровопролитную войну с цисальпинскими галльскими племенами (бойями и инсумбрами), и вообще не желавшими терпеть римского господства, а уж основание Кремоны и Пладенции воспринявшими как прямую угрозу и своим имущественным интересам, и остаткам своей независимости. Было ясно, что римские колонисты в самое ближайшее время вытеснят коренное население из долины Пада. Бойи, надеявшиеся на скорый приход Ганнибала и на близкое избавление от чужеземного гнета, рассчитывавшие, что римское правительство, занятое войной с Карфагеном, не сможет найти достаточно средств для борьбы еще и с ними, напали на обе колонии и заставили поселенцев, а также триумвиров, направленных для распределения земель между колонистами, бежать в Мутину. Там римляне оказались в осаде и, не видя пока другого средства к избавлению, решили начать переговоры с противником. Бойи, по всей видимости, были согласны, однако, к ужасу колонистов, вместо обмена мнениями они попросту захватили в плен римских представителей, чтобы впоследствии обменять их на своих, взятых заложниками.

Получив известие об осаде Мутины и о судьбе послов, отправленных к бойям, претор Луций Манлий — тот самый, которому была поручена оборона Северной Италии, — отправился к Мутине. Единственная дорога к этому городу вела через глухие леса, и там бойи устроили засаду. С большим трудом и огромными

потерями Манлий прорвался к поселению Таннет неподалеку от р. Пад; там римляне наспех построили укрепления и сели в осаду. Их положение несколько облегчалось тем, что по Паду они получали необходимые припасы и, кроме того, им оказывало помощь союзное Риму галльское племя бриксианы.

Теперь сенат поручил другому претору, Г. Атилию, в чье распоряжение был дан один легион и 5 000 союзников нового набора, идти на выручку к Манлию; не встретив на своем пути противника Атилий без труда прибыл в Таннет и снял осаду [Полибий, 3, 40, 6—14; Ливий, 21, 25, 2—26, 2]. Тем не менее положение в Цисальпинской Галлии оставалось очень напряженным; бои и их союзники отнюдь не были покорены и не только с нетерпением ожидали Ганнибала, но даже вступили с ним, как увидим далее, в прямые переговоры.

Более успешными для римлян были военные действия в Сицилии [Ливий, 21, 49—51]. Вскоре после объявления войны карфагенское правительство отправило 20 пентер с 1000 воинов опустошать италийское побережье; 9 из них бросили якорь у Липарских островов, 8 — у о-ва Вулкана, а 3 были занесены течением в Мессинский пролив и там захвачены сиракузским царем Гиероном — старым союзником Рима. Допросив пленных, Гиерон узнал, что еще другие 35 кораблей идут в Сицилию для того, чтобы там побудить к антиримским выступлениям старинных союзников Карфагена и захватить Лилибей. Эти сведения Гиерон тотчас сообщил претору Марку Эмилию, управлявшему римской провинцией на острове. Эмилий приказал повсеместно на побережье быть в боевой готовности, а морякам заготовить на кораблях десятидневный запас сухарей, чтобы быть готовыми

без промедления выйти в море. Свои войска он, следуя совету Гиерона, сосредоточил в Лилибее. Карфагенская флотилия не сумела незаметно подойти к Лилибею; при ее приближении лунной ночью в городе подняли тревогу; все воины мгновенно заняли свои места на стенах, башнях и кораблях. На рассвете карфагеняне отступили в открытое море и там, в абордажном бою, потерпели поражение. Римляне захватили 7 пунийских кораблей с экипажем в 1 700 человек и без потерь вернулись в Лилибей. Тем временем в Сицилию явился консул Тиберий Семпроний Лонг и вместе с Гиероном двинулся в Лилибей. Там, узнав об одержанной победе, он отправил Гиерона обратно в Сиракузы, а сам, поручив претору охрану сицилийского побережья, напал на о-в Мелиту. Тамошний пунийский гарнизон (около 2000 воинов) во главе с комендантом Гамилькаром, сыном Гисгона, сдался в плен; некоторое время спустя все пленные были проданы в рабство. Забегая несколько вперед, скажем и о других операциях Семпрония, развертывавшихся во время похода Ганнибала в Италию. Овладев Мелитой, Семпроний решил теперь расправиться с карфагенской флотилией, стоявшей у о-ва Вулкана, однако там он не нашел противника. Карфагеняне отправились к берегам Италии и совершили набег на Вибон; в этот именно момент консул получил известие, вынудившее его, приняв спешные меры для обороны острова и итальянского побережья, незамедлительно выехать на север.

И действительно, главная опасность подстерегала римлян не там — не в Цисальпинской Галлии и не в Сицилии и на юге Италии, — а у берегов Родана, где Ганнибал готовился к переправе. Задержать здесь пунийское наступление, не дать Ганнибалу двигаться

дальше на восток было основной задачей и прямой обязанностью консула Публия Корнелия Сципиона: ведь это ему в качестве провинции была назначена Испания и, следовательно, поручена вооруженная борьба с Ганнибалом. У нас нет определенных сведений о месте, где застала Сципиона весть о том, что Ганнибал перешел через Пиренеи и движется к Родану. По рассказам Полибия [3, 41, 2] и Аппиана [Ганниб., 5], он уже направился в Иберию на 60 кораблях; из повествования Тита Ливия [21, 26, 3] следует, что консул еще находился в Риме и там проводил мобилизацию нового легиона взамен того, который под командованием Г. Атилия пришлось отправить в Северную Италию. Ясно одно: получив донесения о движении Ганнибала, Сципион, будучи еще в полной уверенности, что враг находится где-то у Пиренеев, бросился к Массилии; высадившись там и, к своему глубокому изумлению, узнав, что неприятель уже подошел к Родану, он отправил вверх по течению Родана 300 отборных всадников с массалиотскими проводниками и наемниками-галлами, служившими в массалиотских войсках. Они должны были проследить за тем, что предпримут карфагеняне [Полибий, 3, 41; Ливий, 21, 26, 3—5].

А Ганнибал готовился к переправе. Задача, которая ему предстояла, была поистине тяжела. Хотя он и сумел привлечь к себе волков, живших на правом берегу Родана [Полибий, 3, 42, 2; Ливий, 21, 26, 7], на левом берегу — и это карфагенскому полководцу было хорошо известно — собрались полчища других волков, настроенных воинственно и намеревавшихся не допустить переправу [Ливий, 21, 26, 6]. Переправлять через глубокую быструю реку нужно было не только людей и осадные орудия, но и лошадей и — самое

трудное — слонов. В пунийском лагере, который Ганнибал разбил в четырех днях пути от моря, кипела работа: окрестные жители свозили туда лодки-долбленки и сшитые из досок, наращенных на шпангоутный скелет, а также древесину для постройки долбленок; в течение двух дней воины Ганнибала построили много суденышек, которые могли нести на себе тяжелый груз [Полибий, 3, 42, 2—3; Ливий, 21, 26, 7—9; ср. также: у Зонары, 8, 23].

Тем не менее вся эта подготовка могла оказаться напрасной: пока на другой стороне находился враг, Ганнибал не мог решиться переправлять воинов, так как его армия понесла бы слишком большие потери, и тем более не мог переправлять лошадей и слонов. Необходимо было обезвредить левобережных во́лков. С этой целью Ганнибал послал ночью часть своей армии, главным образом иберов, под командованием суффета Ганнона, сына Бомилькара (согласно Зонаре [8, 23], с отрядом всадников был послан брат Ганнибала — Магон), вверх по реке. Там они должны были перейти на левый берег, создавая тем самым угрозу неприятелю. Пройдя на север около 200 стадий, воины Ганнона подошли к месту, где русло Родана разделяется на два рукава; на поспешно сколоченных плотках и иных подручных средствах, а многие иберы и вплавь, они переправились на левый берег реки [Полибий, 3, 42, 5—9; Ливий, 21, 27, 2—5]. После однодневного отдыха отряд Ганнона двинулся к лагерю во́лков и, приблизившись к нему, кострами дал знать Ганнибалу о своем прибытии. Ганнибал немедленно начал переправу. Его солдатам пришлось бороться с быстрым течением и в особенности с неприятелем, завязывавшим схватки уже в реке. На левом берегу Родана огромная толпа во́лков, распевая боевые песни, поджидала карфагян;

однако в это время Ганнон захватил их лагерь и затем ударил по ним с тыла; поначалу во́лки пытались сопротивляться, но потом, не выдержав боя сразу на двух фронтах, разбежались. Ганнибал получил возможность спокойно завершить переправу [Полибий, 3, 43, 1—12; Ливий, 21, 27, 7—28, 4].

На следующий день, когда Ганнибалу оставалось еще самое трудное — перевезти на другой берег боевых слонов, ему донесли, что в устье Родана появился римский флот. Ганнибал отправил на разведку 500 нумидийских всадников, однако недалеко от своего собственного лагеря они столкнулись с римским конным отрядом, который Сципион послал на север. В ожесточенной схватке нумидийцы потеряли более 200 человек (тогда как их противники потеряли 160 не только римлян, но и их галльских союзников) и обратились в бегство; римляне преследовали их до самого лагеря, а затем повернули назад. Первое в этой войне столкновение между карфагенянами и римлянами принесло, таким образом, победу римскому оружию, однако эта победа не оказала сколько-нибудь заметного влияния на ход военных действий [Полибий, 3, 44, 3 и 45, 1—3; Ливий, 21, 29, 1—4].

Какова была последовательность дальнейших событий, мы не знаем. По данным Полибия [3, 44—47], пока нумидийские всадники еще не вернулись в лагерь, Ганнибал устроил солдатскую сходку, на которой выступили представители боев, звавшие пунийских воинов в Италию, после этого переправил слонов и уже затем двинулся дальше на восток. Ливий [21, 28—30] пишет, что слонов переправляли одновременно с экспедицией нумидийских всадников, потом, когда всадники вернулись, состоялась сходка с участием боев и вслед за тем, воодушевив своих воинов,

Ганнибал начал альпийский поход. По-видимому, столь значительные расхождения объясняются тем, что все перечисленные события происходили более или менее одновременно, так что в памяти у разных свидетелей они отложились по-разному.

Во всяком случае, переправа слонов была, пожалуй, самой трудной частью всей операции. До нас дошло несколько рассказов об этом. По Ливию [21, 28, 5], всех слонов собрали на берегу; самого злобно-го удалось привести в ярость, и он бросился вслед за своим погонщиком в реку; за ним устремилось и все стадо. Когда животные теряли брод, само течение выносило их на берег.

Однако более правдоподобным Ливий считает другое предание [21, 28, 6—12], которое излагает и Полибий [3, 46]. Согласно этой версии, слонов перевезли на плотках. У берега пунийцы прикрепили канатами к деревьям покрытый дерном широкий помост, куда погонщики загоняли своих слонов, и уже оттуда животных заставляли переходить на плоты, также покрытые дерном и по внешнему виду не отличавшиеся от помоста. Окруженные со всех сторон водой, слоны волновались, а некоторые даже падали в реку, однако и они сумели выбраться на берег. Все закончилось благополучно.

Впрочем, не только переправа заботила Ганнибала. Не менее важно было решить другую, неожиданно возникшую задачу. У Ганнибала имелись две возможности — либо дать сражение армии Сципиона, находившейся в устье Родана (Сципион, сколько можно об этом судить, выжидал, предоставляя инициативу неприятелю), либо продолжать поход в Италию [Ливий, 21, 29, 5—6]. Конец колебаниям положило прибытие послов от боев, среди которых был и их «царек» Магал (по Полибию, Магил). Бойи настойчиво убеждали

Ганнибала не отказываться от первоначального замысла идти в Италию и предлагали свои услуги в качестве проводников и союзников.

Собственно, все преимущества такого решения были ясны и Ганнибалу: придя в Северную Италию, он попадет в окружение союзников, сможет поднять на вооруженную борьбу всех покоренных римлянами италиков и тем создаст угрозу самому существованию Римского государства, тогда как битва со Сципионом, не решая какой бы то ни было военно-политической задачи, привела бы только к ненужным, бессмысленным потерям; ведь даже после победы пришлось бы все равно идти в Италию и там все начинать сначала. Собрав своих воинов, Ганнибал без труда добился их одобрения [Полибий, 3, 44, 5 — 13; Ливий, 21, 30, 1 — 31, 2].

Предпринимая свое движение через Альпы, Ганнибал, что для него очень характерно, тщательнейшим образом подготовился к этому труднейшему походу: разведчики доставили ему точную информацию и о стране, через которую ему предстояло идти, и об антиримских настроениях ее обитателей (что, как мы увидим далее, вовсе не помешало им впоследствии напасть на пунийцев и сильно затруднить их действия); Ганнибалу удалось получить надежных проводников из местного населения, хорошо знавших дорогу и сохранявших верность своему работодателю, несмотря на все трудности и невзгоды [Полибий, 3, 48, 10 — 11]. Знал пунийский полководец, разумеется, и о том, что Альпы вовсе не недоступны для многочисленной армии; его информаторы не могли не рассказать ему, как из долины Родана галлы не раз и не два переходили в Цисальпинскую Галлию через Альпы,

чтобы там соединиться с местными галльскими племенами для совместной борьбы против Рима [Полибий, 3, 48, 6]⁷⁴. Тем не менее всех опасностей он предусмотреть не мог.

Вначале, как пишет Ливий, на другой день после солдатской сходки, Ганнибал направился вверх по течению Родана на север, рассчитывая тем вернее уйти от римлян и не позволить им навязать ему сражение в долине Родана или у предгорий Альп; через четыре дня его армия подошла к Острову — местности, омываемой со всех сторон водами Родана и Исары. Там он столкнулся с совершенно для него неожиданной и тем не менее очень благоприятной политической ситуацией. Галльское племя аллоброгов, населявшее Остров и прилегающие территории и державшее в своих руках дорогу к Альпам, переживало смутное время; здесь шла борьба за власть между двумя братьями: старший из них, Бранк, уже управлявший племенем и пользовавшийся поддержкой совета старейшин («сената», пишет Ливий) и знати, был свергнут младшим, вокруг которого группировалась «молодежь», то есть, очевидно, все, кто не имел доступа к власти. Вмешавшись в эту борьбу по прямой, как пишет Полибий, просьбе старшего, Ганнибал помог изгнать младшего претендента. Благодарный победитель щедро заплатил за такую помощь. Армия Ганнибала получила продовольствие и теплую одежду, необходимые для перехода через Альпы, все старое и испорченное оружие было заменено новым. Однако самым существенным для Ганнибала было другое. Дружеские отношения с аллоброгами позволяли ему, казалось, не опасаться внезапного нападения: Бранк со своими воинами прикрывал с тыла карфагенскую армию [Полибий, 3, 49, 5—13; Ливий, 21, 31, 1—9].

От Острова Ганнибал двинулся на восток — через страну трискастинов и затем вдоль границ области ви-контиев на земли трикориев, а там переправился через р. Друенцию [Ливий, 21, 31, 9—12].

Между тем Публий Корнелий Сципион решился наконец взять инициативу в свои руки, дать сражение и примерно через три дня после того, как Ганнибал отправился на север, двинул свои легионы в боевом строю к карфагенскому лагерю, однако... к величайшему своему изумлению, обнаружил, что неприятель уже давно ушел. Догонять Ганнибала показалось ему делом безнадёжным, и он решил отправиться в Италию, чтобы там, у подножия Альп, встретить грозного противника. В Испанию для ведения войны с Гасдрубалом Баркидом он послал в качестве легата своего брата Гнея Корнелия Сципиона, дав ему почти все свои контингенты. Явившись на Апеннинский полуостров, Публий возглавил римские войска, находившиеся в долине Пада [Полибий, 3, 49, 1—4; Ливий, 21, 32, 1—5].

На девятый день пути Ганнибал подошел к горам и обнаружил, что высоты, господствующие над проходом, заняты горцами (по Полибию, аллоброгами). Расположив свой лагерь у перевала и выжидая, пунийский полководец, подослав к аллоброгам своих лазутчиков, узнал: горцы занимают свои позиции только днем, а по ночам, оставляя небольшое сторожевое охранение, уходят к себе в «город» (очевидно, имеется в виду поселение горных аллоброгов). Используя это обстоятельство, Ганнибал днем, на виду у противника двинулся вперед, а ночью, зажегши в лагере костры, со сравнительно небольшим отрядом овладел высотами. На другой день пунийская армия начала свой путь через горы. Пользуясь тем, что подъем в этом месте был очень крут и узок, что выючные животные

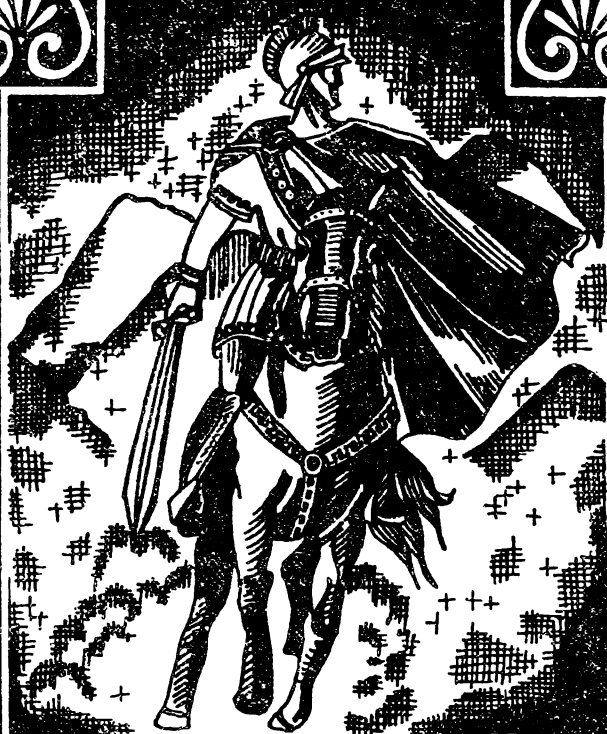
при малейшем неосторожном движении падали в пропасть, что в армии Ганнибала царила обычная в таких случаях неразбериха, аллоброги, оправившись от смятения, вызванного утратой выгодных рубежей, решили ударить по карфагенянам; ценой огромных потерь Ганнибалу удалось обратить их в бегство и овладеть «городом», где он захватил продовольствие, вьючных лошадей и пленников.

После этого в течение трех дней Ганнибал мог двигаться, не встречая препятствий, однако на четвертый день попал в засаду. Идя по склонам гор параллельно движению Ганнибала, горцы обрушивали на его солдат камни и огромные глыбы; им даже удалось на какое-то время расцезь пунийскую колонну и отделить пехоту Ганнибала от конницы и обозов; ценой невероятных усилий пунийская армия выбралась из ущелья. Позже Ганнибал не встречал в Альпах столь же серьезной опасности, однако тамошние жители пользовались любым подходящим моментом, чтобы захватить лошадей с их вьюками или пленных — усталых и обмороженных воинов, тащившихся все выше и выше в горы. Наконец пунийцы достигли перевала, через который открывался путь в Италию⁷⁵.

Два дня Ганнибал стоял лагерем на перевале: воины, измученные трудным и опасным подъемом, должны были отдохнуть перед не менее трудным и опасным спуском. Однако полностью восстановить силы своего воинства Ганнибалу так и не удалось: стояла глубокая осень, наступили холода, а в ночь заката Плеяд (то есть 7 ноября) выпал снег. На рассвете Ганнибал приказал сниматься с места; воины шли медленно, как бы нехотя; на всех лицах, пишет Ливий, можно было прочесть выражение тоски и отчаяния. Тогда-то, выйдя вперед, Ганнибал показал им с вершины гор

Италию, прилегающие к горной цепи плодородные поля в долине Пада. Ливий вкладывает в его уста примечательные слова: теперь его воины преодолевают не только стены Италии, но и стены Рима; теперь все пойдет как по ровному отлогому спуску; одна, в крайнем случае две битвы отдадут в их руки важнейшую твердыню и главный город Италии. Испытанное средство подействовало: надежда на близкое уже разграбление богатой и, казалось, незащищенной страны вдохнула в солдат Ганнибала новые силы.

Они спускались по узкой, крутой, заснеженной и скользкой тропе; одно неосторожное движение — и человек летел в пропасть. Так карфагеняне подошли к скале, около которой тропа еще больше сужалась и становилась еще круче. Обойти это место было невозможно: сначала шли по снегу, а затем начали скользить по голому льду, не имея ни опоры, ни возможности подняться; лошади, пробивая копытами лед, оказывались как бы в капкане и не могли двигаться дальше. Расположив свой лагерь на перевале, Ганнибал приказал расчистить дорогу от снега; у скалы его солдаты развели огромный костер и потом залили раскаленную скалу уксусом и, работая железными орудиями, проложили дорогу через разрыхлившуюся массу. По словам Аппиана [Апп., Ганниб., 4], дорога, построенная солдатами Ганнибала, продолжала существовать еще во II в. н.э.; она и тогда носила имя пунийского полководца — Ганнибалов проход. Через три дня можно было вывести в долину выючных лошадей, которых тут же отправляли на пастбища, и слонов. Дав утомленным воинам дополнительный отдых, еще через три дня Ганнибал оказался на равнине [Полибий, 3, 50 — 56; Ливий, 21, 32 — 37; Орозий, 4, 14, 3 — 4].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕСПОЛЕЗНЫЕ ПОБЕДЫ (ОТ ТИЦИНА ДО КАНН)

I

Вторжение карфагенских войск в Северную Италию существенно изменило политическую обстановку — разумеется, к невыгоде Рима. Ганнибал надолго превратил Италию в основной театр военных действий, сделав испанский фронт второстепенным и заставив римлян отказаться от активных боевых операций в Сицилии и тем более от мысли вторгнуться в Африку. На Апеннинском полуострове появилась грозная сила, на которую могли уповать все, кто мечтал об избавлении от римского владычества, — от постоянно бунтовавших бойев и инсумбров на севере до «союзников» поневоле в Южной Италии (правда, италики поначалу предпочитали выжидать). Однако римское командование поначалу недооценивало своего противника: Сципион думал, что Ганнибал никогда не осмелится пересечь Альпы; а если решится на такой безумный шаг, то неминуемо погибнет [Полибий, 3, 61, 5—7].

И действительно, войско Ганнибала понесло огромные потери. По данным Полибия [3, 56, 4; ср. также 3, 60, 5], который ссылается в данном случае на Лацинскую надпись, то есть на сведения, исходящие от самого Ганнибала, придя в Италию, он располагал 12 000 ливийских и примерно 8 000 иберийских пехотинцев (всего, следовательно, около 20 000) и не более чем 6 000 всадников. По-видимому, эти сведения предпочтительнее, нежели традиция, повествующая, будто Ганнибал привел в Италию 80 000-100 000 пехотинцев, 20 000 всадников и 37 слонов [Евтропий, 3, 8; Орозий, 4, 14, 5]. Кроме того, армия Ганнибала нуждалась в отдыхе.

Не удивительно, что Ганнибал заботился прежде всего о восстановлении моральных и физических сил своих солдат [Полибий, 3, 60, 7], Правда, ему предстояло столкнуться с войсками, которые Сципион принял от Манлия и Атилия, состоявшими частью из новобранцев, а частью из солдат, перенесших тяжелые и позорные поражения в борьбе с галлами [Ливий, 21, 39, 3]. И все же римские войска должны были вступить в борьбу после длительного отдыха и серьезной всесторонней подготовки. К тому же и Сципион был далеко не таким неспособным полководцем, как это казалось Ганнибалу. Последний был твердо убежден, что Сципион не сумеет в короткий срок явиться от устья Родана к подножию Альп, однако римскому консулу это удалось, и Ганнибал вынужден был признать, что ему противостоит военачальник, обладающий значительными тактическими и организаторскими способностями [Полибий, 3, 61, 1—4]. К тому же Ганнибал должен быть считаться еще с одним обстоятельством. Получив известие о том, что Ганнибал находится в Италии, сенат предложил другому консулу, Тиберию Семпронию Лонгу, вернуться из Сицилии в Италию. Семпроний незамедлительно отправил на родину флот, а пехоту переправил в Армин [Полибий, 3, 61, 9—11; Ливий, 21, 51, 5—7].

Главная задача Сципиона заключалась в том, чтобы не дать карфагенянам возможности собрать свои силы для новой кампании, но он опоздал. Ганнибалу для отдыха потребовалось меньше времени, чем можно было предполагать.

Впрочем, первыми его противниками в Италии были не римляне, а, видимо, их союзники таврины — полу-галльское, полулигурийское племя (его название и до сих пор живет в названии г. Турина), жившее у подножия Альп и ведшее как раз в это время кровопролитную

войну с инсумбрами. Ганнибал, явившийся в Италию как союзник бойев и, следовательно, инсумбров, нуждался в прекращении таврино-инсумбрской междоусобицы и, само собой разумеется, в поддержке тавринов, которым предложил дружбу и союз. Натолкнувшись на отказ, он окружил крепость тавринов и после трехдневной осады овладел ею. Беспощадно расправляясь со всеми, кто пытался оказать сопротивление, Ганнибал внушил окрестным галльским племенам такой ужас, что те спешили отдаться под его «покровительство». Прибытие Сципиона к Плаценции до известной степени нарушило его планы: римляне отрезали от Ганнибала значительную часть союзных с ним галлов и даже заставили их выступить против пунийской армии. В этих обстоятельствах Ганнибал решил предпринять наступательные действия против римлян, справедливо полагая, что, победив, он станет полновластным хозяином Северной Италии и тогда-то галлы по доброй воле или по принуждению должны будут принять его сторону [Полибий, 3, 60, 8—13; Ливий, 21, 39, 3—7]. Однако теперь уже Сципион его опередил. Он переправился через Пад и расположился на правом берегу Тицина [Ливий, 21, 39, 10].

Можем ли мы доверять текстам Полибия и Тита Ливия, сохранившим для нас речи полководцев накануне сражения, неясно: перед нами, по-видимому, не дословное воспроизведение оригинала, хотя общий смысл, вероятно, передается ими верно. В самом деле, что было более естественно, чем напомнить римлянам о победе в I Пунической войне, о вероломном нарушении договоров со стороны Ганнибала, об угрозе отечеству, как это, по-видимому, сделал Сципион [Ливий, 21, 40—41; Полибий, 3, 64]. И что было более естественно, чем указать пунийским солдатам, что

отступать им некуда, что их ожидают либо победа, либо гибель, в лучшем случае плен [Ливий, 21, 43—44; Полибий, 3, 63], — эти слова традиция приписывает Ганнибалу. Вполне возможно, что те историографы, у которых Полибий и Ливий черпали свой материал, воспользовались рассказами о том, что говорили полководцы, в том числе непосредственные участники событий. По единодушному свидетельству наших источников, прежде чем произнести речь, Ганнибал показал своим воинам впечатляющее зрелище. Военнопленные, захваченные во время перехода через Альпы, измученные тяжелыми оковами, бичеваниями, голодом и жаждой, были по его приказанию выведены на арену, со всех сторон окруженную пунийцами. Через переводчика Ганнибал спросил у пленных, кто из них согласится сразиться с товарищем по несчастью, при условии, что победитель получит боевого коня, вооружение и, естественно, свободу, а побежденный, погибнув, избавится от непереносимых мук. Все горцы с восторгом согласились; многие возносили молитвы богам, чтобы жребий выпал на их долю. В этой схватке не на жизнь, а на смерть участвовали несколько пар; зрители — солдаты Ганнибала и остальные пленные — горячо переживали все перипетии боя, а когда он окончился, шумно приветствовали победителей и прославляли побежденных, храбро павших в борьбе за свободу [Полибий, 3, 62; Ливий, 21, 42; Дион Касс., фрагм., 57, 4]. Воины Ганнибала должны были воочию представить себе свое положение, которое ничем не отличалось от положения этих пленных; победить или умереть — другого выхода у них не было.

Боевые операции начались с того, что римляне построили мост через Тицин и для его охраны — небольшое укрепление и переправились с правого берега реки

на левый, в страну инсумбров, где находились карфагеняне. Ганнибал, сам искавший сражения, не мешал им; пока он отправил отряд нумидийских всадников под командованием Махарбала грабить поля союзных Риму галльских племен. Характерно, однако, для италийской политики Ганнибала, что он распорядился всячески щадить галлов и делать все, чтобы привлечь их на свою сторону. Как можно было совместить это требование с ограблением галльских владений, не вполне понятно... Узнав, что римские легионы закончили переправу, Ганнибал велел Махарбалу срочно вернуться в лагерь.

По рассказу Ливия, Ганнибал теперь, непосредственно перед боем, снова обратился к своим воинам, суля им все, что только мог обещать своим наемным солдатам в случае победы их предводитель: землю где кто пожелает с освобождением от повинностей, которое должно было распространяться не только на самого получателя, но и на его детей, или — по желанию — деньги, карфагенское гражданство, беспечальную жизнь на родине, а рабам, находившимся в войске вместе с господами, — свободу. Ганнибалу очень нужна была победа, и в ней-то он, видимо, еще не был уверен. Свое обещание Ганнибал скрепил клятвой: схватив левой рукой ягненка, а правой камень, он обратился к богам с молитвой, прося в случае нарушения слова предать его такой же смерти, какой он предаст жертвенное животное; с этими словами Ганнибал разбил камнем голову ягненка. Воины отвечали Ганнибалу выражениями энтузиазма и преданности; они требовали немедленно идти в бой.

Противники расположили свои войска следующим образом. Сципион поставил впереди копьеметателей и галльских всадников, а остальных — римлян и

отборные силы союзников — выстроил за ними в линию. Ганнибал разместил тяжелую кавалерию прямо против фронта римлян, а на флангах — нумидийских всадников, рассчитывая в дальнейшем окружить неприятеля. Враги стали быстро сближаться. Римские копьеметатели, едва бросив по одному дротику, бежали между отрядами стоявших за ними всадников. Началось конное сражение; многие всадники были сброшены с коней, а другие спешивались сами. Сражение постепенно превратилось в бой пехотинцев. Тем временем нумидийские всадники Ганнибала, обойдя сражающихся с флангов, появились в тылу римской армии; копьеметатели были растоптаны их конями; в рядах римлян началась паника; сам Сципион получил рану, и его жизнь и свобода подверглись опасности (по преданию, Сципиона спас тогда еще несовершеннолетний его сын — будущий победитель Ганнибала, тоже Публий Корнелий Сципион; по другой версии, спасителем консула был раб-лигуриец). Римская армия обратилась в бегство [Полибий, 3, 65; Ливий, 21, 46; Апп., Ганниб., 5].

Эта первая победа Ганнибала над римлянами имела для него исключительное значение. Она не только обнаружила превосходство карфагенской кавалерии, и в особенности нумидийских всадников, над римской, она не только укрепила его положение в Северной Италии, но и продемонстрировала, что карфагеняне могут побеждать римлян на поле сражения. ореол непобедимости, которым после I Пунической войны было окружено в глазах карфагенян римское оружие, начал блекнуть, и это больше, чем все речи, увещевания и посулы Ганнибала, способствовало укреплению морального духа его армии.

II

Победа при Тицине, однако, не могла удовлетворить Ганнибала. По существу, Сципион вывел из боя главные силы римской армии — пехоту. Ганнибал рассчитывал, что римляне решатся на новое сражение, и даже провоцировал их на это, но в ночь после боя Сципион тихо снялся с лагеря, переправился через Пад по ранее наведенному мосту и обосновался около Плаценции. Ганнибал бросился за римлянами, но опоздал. Ему удалось только захватить около 600 римских воинов, разрушавших мост. Ливий отвергает рассказ Цэлия Антипатра, согласно которому Магон Баркид, один из братьев Ганнибала, со всадниками и иберийской пехотой вплавь форсировал Пад. По его словам, течение реки для такой переправы слишком стремительно. Потратив на поиски два дня, Ганнибал, направившись вверх по течению, обнаружил удобное место, навел мост и приказал Гасдрубалу переправлять войска на другой берег. Сам он перешел первым и у самого моста встретил послов соседних галльских племен. Результаты победы при Тицине уже начинали сказываться: галлы явились к победоносному военачальнику с выражениями дружбы и предложениями союза; они готовы были доставить Ганнибалу необходимое продовольствие и принять непосредственное участие в борьбе против Рима. Пока велись эти переговоры, Магон Баркид во главе отряда всадников спустился вниз по течению к Плаценции; вскоре туда же подошли и основные силы карфагенской армии под командованием самого Ганнибала. Последний надеялся побудить Сципиона к новому сражению и даже выстроил на виду у неприятеля свое войско в боевой порядок. Но из римского лагеря никто не вышел, и Ганнибалу ничего не

оставалось, как самому расположиться лагерем, также неподалеку от Плаценции и в непосредственной близости от римских войск [Полибий, 3, 66; 21, 47]. Нельзя, однако, не заметить, что Ганнибал не решился напасть на римский лагерь, хотя и имел к этому полную возможность, тем более что Сципион, лечивший свою рану, был, в общем, небоеспособен, среди римлян было много раненых и к тому же, как оказалось, карфагеняне могли рассчитывать и на определенную поддержку в самом римском лагере. Впрочем, о последнем обстоятельстве Ганнибал мог и не знать. В результате своей медлительности Ганнибал давал Сципиону время, необходимое для восстановления его армии, — ситуация, которая позже точно, хотя и в значительно больших масштабах, повторится после битвы при Каннах.

Однако Ганнибалу везло. Вскоре после того, как он подошел к Плаценции, в римском лагере взбунтовались галлы (1 200 пехотинцев и около 200 всадников) и после ночной резни, в которой погибло, вопреки словам Ливия, немало римлян, перебежали к пунийцам. Ганнибал, приняв перебежчиков, отправил их на родину, чтобы они склонили своих соотечественников к союзу с карфагенянами. Он полагал, что, каким бы ни был результат этого эксперимента, племена, к которым принадлежали перебежчики, не могли бы рассчитывать на дружбу с Римом. Тогда же к Ганнибалу явились и бойи для того, чтобы подтвердить свой союз с ним. Они даже хотели передать ему римских магистратов, находившихся у них в плену со времен Мутинской войны, однако Ганнибал решил, что может позволить себе великодушный жест: он возвратил пленных бойям, дабы они могли обменять их на своих заложников [Полибий, 3, 67; Ливий, 21, 47]. Впрочем, некоторое время спустя Ганнибал обнаружил, что позиция галлов была значительно более

сложной, чем это ему поначалу казалось, и что дипломатические шаги, которые он предпринял, далеко не достаточны и не обеспечивают, несмотря на все переговоры в теплой, дружеской обстановке и взаимные улыбки, не только их поддержки, но и даже нейтралитета. Галлы пока еще не очень верили в окончательную победу карфагенского оружия и, желая обезопасить себя от возможных репрессий в будущем, вели секретные переговоры также и с римлянами [Полибий, 3, 69, 5; Ливий, 21, 52, 3].

Бунт галлов чрезвычайно беспокоил Сципиона. Он опасался, что эта резня — сигнал к выступлению всех галлов против Рима, и принял необходимые, с его точки зрения, меры предосторожности: на следующую ночь римские войска тихо снялись с лагеря и двинулись к р. Требии, где холмистая местность затрудняла действия кавалерии. Ганнибал отправил вдогонку свою конницу, но его нумидийские всадники бросились к покинутому римлянами лагерю, и, пока они искали там добычу и жгли постройки, враги сумели переправиться через Требию. Ганнибал, следуя по пятам за Сципионом, снова разместил свои войска около римской стоянки. Галлы помогали карфагенянам, в том числе и продовольствием; к тому же Ганнибалу удалось овладеть и римской крепостью Кластидием, где были сосредоточены большие запасы зерна. Обошлось это Ганнибалу в 400 золотых, которые были уплачены за предательство начальнику местного гарнизона брундисийцу Дасию. Этим зерном пунийцы пользовались все то время, пока стояли у Требии [Полибий, 3, 68, 1—8; 69, 1—5; Ливий, 21, 48]. Следуя неизменной своей линии поведения в отношении италийских союзников Рима, Ганнибал велел чрезвычайно мягко обращаться с пленными, захваченными в Кластидии: он хотел

показать, что италики могут его не бояться, что даже в плену им обеспечены снисхождение и благорасположение карфагенян.

Между тем в лагерь Сципиона под Требией прибыл Семпроний Лонг со своими солдатами. Теперь уже оба консула и почти вся римская армия, кроме подразделений, отправленных Сципионом в Испанию и оставленных Лонгом для охраны морских берегов Италии и Сицилии, противостояли Ганнибалу. В Риме, где поражение при Тицине вызвало, как деликатно выражается по этому поводу Полибий, изумление и где неудачу склонны были приписывать и неумению Сципиона, и измене галлов, приход Семпрония дал новые надежды; общественное мнение с нетерпением ожидало решительного и на этот раз победоносного сражения [Полибий, 3, 68, 9—12]. Не удивительно, что и Семпроний рвался в бой, хотя у него хватило благоразумия дать своим солдатам отдых после сорокадневного перехода из Лилибея в Северную Италию [Полибий, 3, 68, 14].

Вообще, и Полибий и Тит Ливий изображают дело так (и эта тенденциозная схема повторится неоднократно и в дальнейшем), будто в римском лагере шла дискуссия между благоразумным и опытным консулом Публием Корнелием Сципионом, который решительно выступает, руководствуясь интересами государства, против нового сражения с Ганнибалом, и его легкомысленным коллегой Тиберием Семпронием Лонгом, который из карьеристских целей настаивает на новом сражении, ставя под угрозу интересы и само существование Римского государства. Здесь нельзя не видеть отражения традиции, идеализирующей Сципионов, как впоследствии и Луция Эмилия Павла. Напомним еще раз, что именно к Сципионам был близок Полибий, а ведь Эмилии и Корнелии Сципионы принадлежали к одной

и той же политической группировке. Эта традиция должна была быть противопоставлена преданиям о Квинте Фабии Максиме, который будто бы один, как писал Энний, своею политикой спас Рим. Античные историографы стремятся показать, что Корнелии Сципионы и Эмилии придерживались тех же политических принципов, что и Фабии; поражения и при Требии и при Каннах объясняются просто-напросто тем, что их вовремя не послушали. Заметим также, что Семпронии были близки к Клавдиям, и это обстоятельство также в отрицательном плане повлияло на оценку действий консула. Правда, Ливий говорит [21, 52, 2] о дискуссии между консулами, и в особенности о позиции Сципиона, поначалу весьма сдержанно; один консул, исходя из собственного горького опыта, советовал ждать; другой, более решительный, не хотел терпеть ни малейшей отсрочки. Немного погодя, рассказав о победе римлян в небольшой и не имевшей сколько-нибудь серьезного значения стычке с пунийцами, Ливий [21, 53, 1—7] приведет демагогические речи Семпрония (воины ободрены победой, все желают битвы, кроме Сципиона; кого еще нужно ждать — еще одной победы и еще одного консула; враг стоит чуть ли не под стенами Рима, тогда как «мы», позоря славное прошлое «наших» отцов, трусливо прячемся от него в лагере) и добавит, что Семпроний хотел использовать возможность самому одержать победу без участия коллеги и до выборов новых консулов, чтобы не оказаться перед необходимостью передать им ведение войны. Полибий [3, 70, 2—8] говорит об этом предмете значительно обстоятельнее. Он тщательно излагает аргументацию Сципиона: по мнению последнего, было бы лучше, если бы римские воины в течение зимы упражнялись в военном искусстве; можно надеяться и на то, что галлы,

если пунийцы будут в течение длительного времени бездействовать, перейдут на сторону римлян. Но умалчивает Полибий о личных мотивах Сципиона, но повествует о них в сдержанно-почтительных выражениях: Сципион надеялся, залечив рану, принести пользу государству (надо понимать, самому выступить в роли командующего). Когда же речь заходит о Семпронии, Полибий не считает нужным изложить его позицию хотя бы так, как это сделал Ливий, но унижается до прямой брани: Семпроний понимал, что Сципион говорит дело, но, побуждаемый честолюбием и самоуверенный, он спешил сразиться до того, как Сципион сумеет принять активное участие в борьбе, а новые консулы возьмут власть в свои руки. Поэтому-то, наставительно заключает Полибий, он неминуемо должен был потерпеть поражение: ведь он руководствовался не общими, а своекорыстными интересами.

При всей тенденциозности этих рассказов они отражают и определенные реальные факты — соперничество консулов, которые стремились победить Ганнибала, но не желали делиться друг с другом лаврами победителя.

А Ганнибал тоже рвался в бой. По словам Полибия [3, 70, 9—12], он был хорошо осведомлен о том, какие стремления обуревали Семпрония, и со своей стороны всячески поощрял римского полководца, прямо заманивал его в свои сети. Ход мыслей Ганнибала был примерно тот же, что и у Сципиона. Битва необходима уже потому, что еще есть возможность воспользоваться помощью галлов; битва необходима и потому, что сейчас карфагенской армии противостоят необученные новобранцы (к тому же и Сципион, пока он лечит рану, не может принять участия в сражении); наконец, — и это, с точки зрения

Полибия, самое существенное — Ганнибал считал нужным действовать, а не проводить время в праздности. Наш источник по этому поводу замечает: полководец, приведший свои войска в чужую страну, стремящийся осуществить необыкновенно дерзкие предприятия, должен постоянно возбуждать все новые и новые надежды в своих соратниках — в таком образе действий единственный для него путь к спасению. Слово «спасение» невольно настораживает: теперь уже не только в уста карфагенского полководца, обращающегося к своим солдатам, вкладывается фраза о том, что у них есть только один выбор — победа или гибель. Теперь эту же мысль преподносит как итог своих размышлений едва ли не самый крупный из историографов древности — вдумчивый наблюдатель, глубокий мыслитель, сам опытный воин и государственный деятель.

Впрочем, не только эти соображения заставили Ганнибала в конце концов отказаться от той выжидательной позиции, которую он занял сразу после битвы при Тицине. Ближайшие события показали ему, что, пока римские легионы находятся в Северной Италии, он не может быть по-настоящему уверен в прочности своего положения. Как уже говорилось выше, Ганнибал узнал, что некоторые союзные ему галльские племена, обитавшие в долине Пада недалеко от Требии, начали переговоры с римлянами, рассчитывая таким способом обезопасить себя от мести в случае победы римского оружия, и римляне, явно довольные уже тем, что эти племена пытаются сохранить нейтралитет, благосклонно их принимают. Ливий пишет о возмущении, которое охватило Ганнибала; ведь это по призыву галлов, повторял разгневанный пуниец, он явился в Италию, чтобы освободить их от римского гнета. И вот теперь, желая, по-видимому, закрепить уже почти

завоеванную свободу, Ганнибал отправил против припаданских племен карательную экспедицию (2 000 пехотинцев и 1000 всадников — галлов и нумидийцев).

Подвергшись страшному опустошению, эти племена обратились к консулам с просьбой о помощи, так как они страдали будто бы от чрезмерной преданности римлянам. По рассказу Ливия, между консулами и на этот раз началась дискуссия. Сципиону не нравилось ни время, когда римлянам предлагалось вступить в бой, ни сам повод, так как он не доверял галлам, считая их готовыми к новым изменам. Семпроний настаивал: самое лучшее средство сохранить союзников, — говорил он, — это помогать тем из них, кто попал в беду и нуждается в помощи. И так как Сципион медлил и определенно не хотел действовать, Семпроний отправил против всадников Ганнибала бóльшую часть конницы, находившейся непосредственно под его командованием, и с нею 1000 копьеметателей. Неожиданное нападение привело в смятение обремененных добычей карфагенских солдат, без всякого порядка, врассыпную бродивших по стране; многие из них были убиты, а остальные бежали к лагерю, под защиту караулов. Римляне тоже отошли к своей стоянке, однако Семпроний снова послал в бой уже всю свою конницу и всех копьеметателей. Ганнибал, остановив своих воинов у лагерных укреплений, выстроил их лицом к неприятелю и не позволил вступить с ним в соприкосновение явно потому, что в этом случае бой был бы ему навязан и протекал бы не так, как ему было бы желательно. Ганнибал хотел дать сражение в соответствии с собственными планами и замыслами. Именно так следует, очевидно, понимать Полибия, когда он пишет, что карфагенский военачальник не был в этот момент готов к решающей битве и считал, что без заранее разработанного плана,

да еще по пустяковому поводу, не следует ее затевать [Поллибий, 3, 69, 5—14; ср.: у Ливия, 21, 52, 3—11]. И все же главное было сделано: Ганнибал внушил Семпронию мысль, что он победил карфагенян (право на такое суждение давало ему то, что в этих стычках потери у пунийцев были больше, чем у римлян), и тем самым укрепил у него уверенность в близкой решающей победе. Радостно возбужденный, Семпроний не желал даже слушать коллегу; он больше не хотел выжидать. Однако на этот раз сражение подготовил и место для него избрал Ганнибал.

Между пунийским лагерем и Требией протекал ручей (Нуретта?) с высокими берегами, поросшими камышом, кустарником и деревьями. Это место уже давно привлекало внимание Ганнибала; во время своих рекогносцировок он осмотрел его и убедился, что там можно легко скрыть не только пехотинцев, но и всадников, особенно если положить оружие на землю, а шлемы спрятать под щиты. Там-то Ганнибал и решил устроить засаду. Предварительно он обсудил свой план на военном совете, куда созвал высших командиров своей армии, и, получив их одобрение, начал формировать специальный отряд. Командование этим отрядом Ганнибал поручил своему брату Магону, который уже возглавлял нумидийскую кавалерию после битвы при Тицине во время движения к Плаценции, и велел ему выбрать для засады 100 пехотинцев и 100 всадников. Когда с отобранными воинами Магон явился к Ганнибалу, тот приказал им, в свою очередь, отобрать из своих подразделений еще по 9 человек. Набрав, таким образом, 1 000 пехотинцев и столько же всадников, он расположил их ночью в месте, которое до того сам облюбовал.

Был день зимнего солнцестояния. Рано утром шел снег, потом пошел дождь. Ганнибал приказал своей нумидийской коннице перейти через Требию и, подскочав

к воротам неприятельского лагеря, забросать дротиками караулы, вызвать римлян на бой, а когда сражение начнется, медленно отступить к реке и заставить противника, в свою очередь, перейти на тот берег, где стояли карфагеняне. Всем остальным было предписано завтракать, подготовить оружие, коней и ждать сигнала.

Нумидийцы блестяще выполнили задачу. Когда они устроили у лагерных ворот шум и беспорядок (по Полибию, едва только было замечено их приближение), Семпроний, ни минуты не сомневавшийся в успехе, вывел против них свою конницу, а потом и остальных солдат. Однако проделал он это слишком торопливо. Его воины вышли на поле голодными и недостаточно тепло одетыми, кони были не кормлены. Когда римляне вступили в полосу речного тумана, преследуя отходящих нумидийцев, они все больше и больше мерзли. В реке холодная вода доходила им до уровня груди, так что, когда солдаты вышли на другой берег, они едва могли держать в руках оружие.

Карфагенские воины тем временем грелись у костров, растирались оливковым маслом и завтракали. Получив условленный сигнал о том, что римляне перешли через реку, Ганнибал вывел свои войска в поле. Впереди он поставил балеаров — легкую пехоту (8 000 человек), за ними — тяжеловооруженную пехоту (иберы, галлы и ливийцы; 20 000 человек), а на обоих флангах — всадников (по Ливию, 9 000, а по Полибию, более 10 000 человек) и слонов. Семпроний, увидев, что его всадники чрезмерно увлеклись преследованием нумидийцев, то отступавших, то вновь переходивших в контратаку, и подвергают себя чрезмерной опасности, приказал им отступить и присоединиться к основным силам. В центре Семпроний выстроил пехоту (по Полибию, 16 000, а по Ливию, 18 000 римлян;

20 000 союзников и тех, кто имел права латинского гражданства; сверх этого воинов из галльского племени кеноманов — исконных врагов инсумбров и, следовательно, Ганнибала), а на флангах — кавалерию (около 4 000 воинов).

Сражение начали балеары, заставившие римских копьemetателей отступить (об этой детали, очевидной из рассказа Полибия, Ливий по понятным соображениям умалчивает), а затем присоединившиеся к карфагенским всадникам, наносившим фланговый удар. Римская конница была смята превосходящей по численности кавалерией противника, балеарами и слонами. Тяжеловооруженные пехотинцы дрались с большим упорством и ожесточением, но без определенного результата. Внезапно для римлян в их тыл ударил из засады отряд Магона и привел заднюю шеренгу римлян в замешательство. Оказавшись в окружении, римская пехота мужественно сопротивлялась, прорвала боевую линию карфагенян и заставила повернуть назад слонов, едва не бросившихся на самих пунийцев. Ганнибал приказал отвести слонов на фланги и направить их против кеноманов, которые обратились в паническое бегство. В этих условиях 10 000 римских пехотинцев пробились сквозь карфагенские ряды и вырвались из окружения; не имея возможности вернуться в свой лагерь, они отступили к Плаценции. Туда же, а оттуда в Кремону ушли под командованием Сципиона и подразделения, оставшиеся во время боя в лагере (ср., однако, у Аппиана: римляне бежали в свой лагерь, и уже оттуда Сципион вывел остатки армии в Плаценцию и Кремону).

Карфагеняне победили и на этот раз, однако теперь со значительно большими потерями. Особенно сильные опустошения произвела в их рядах непогода:

умирали люди, падали лошади, погибли почти все слоны; Полибий пишет, что у карфагенян остался только один слон, однако, по более точным, как нам представляется, данным Ливия, Ганнибал располагал после Требии еще более чем 7 слонами [Полибий, 3, 71—74; Ливий, 21, 54—55, 58, 11; Апп., Ганниб., 6—7].

III

Ганнибал мог быть доволен. Победа при Требии отдала ему Цисальпинскую Галлию и позволила привлечь на свою сторону все племена, населявшие эту страну [Полибий, 3, 75, 2]. Она, казалось, открывала ему путь и в Центральную Италию — через Этрурию к Риму. Она вызвала, наконец, панику и в самом Риме которая, естественно, также благоприятно сказывалась на положении карфагенян, вторгшихся в Италию.

Семпроний пытался поначалу скрыть от римского правительства и тем более от народа подлинные масштабы катастрофы. Он донес в Рим, что произошло сражение, но непогода помешала одержать победу [Полибий, 3, 75, 1]. Однако постепенно в Риме узнали правду — и что карфагеняне заняли римский лагерь, и что к ним примкнули все галлы, и что римские войска или, вернее, их остатки укрылись в городах, и что продовольствие им доставляется от моря по Паду: это был единственный путь, которого Ганнибал не мог контролировать [Полибий, 3, 75, 2—3]. Эти известия посеяли в Риме страшную тревогу; судя по тому, как изображает ситуацию Ливий [21, 57, 1—2], там склонны были даже преувеличить размеры бедствия. Со дня на день ожидали приближения войск Ганнибала к самому Риму и не видели ни надежды на спасение, ни

возможности получить помощь извне или эффективно сопротивляться. Таковы были настроения, когда в Рим для проведения очередных консульских выборов явился Тиберий Семпроний Лонг, пробравшийся сквозь рассеянные по Цисальпинской Галлии отряды вражеской конницы. Выполнив свою миссию, он таким же способом воротился на зимние квартиры.

Консулами на 217 год были избраны Гней Сервий Гемин и Гай Фламиний. Насколько можно судить, этот результат был следствием острой политической борьбы в римском обществе, где основной проблемой была организация обороны против победоносного врага, и выражением определенного компромисса. Избрание Гнея Сервия, представителя рода Сервилиев, близкого, как уже говорилось, к аристократической группировке Эмилиев — Корнелиев, позволяло последним, даже несмотря на неудачу Сципиона, сохранить свои позиции в правительстве. Однако тем более важным фактом было избрание в консулы Гая Фламиния. Этот человек уже давно зарекомендовал себя как руководитель демократического движения, народный вождь, ведущий непримиримую борьбу с сенатом. Известно, что в 232 г. в качестве народного трибуна он предложил закон о раздаче гражданам земли в Галльском поле, прямо направленный против интересов нобилитета. Он активно поддержал и «закон Клавдия», запрещавший сенаторам владеть кораблями вместимостью более 300 амфор и, следовательно, резко ограничивавший их участие в морской торговле. В 223 г., когда Гай Фламиний впервые был избран консулом, у него произошло столкновение с сенатом, который отказался признать законным исход тогдашних выборов; Фламиний пренебрег постановлением сената и отправился в поход

против инсумбров, одержал над ними победу, а потом справил триумф, опять-таки по решению народного собрания и вопреки воле сената.

А что же Ганнибал? Ливий [21, 57] пишет, что до наступления морозов Ганнибал ночью совершил нападение на хорошо укрепленный римский эмпорий недалеко от Плаценции; однако остаться незамеченным ему не удалось; караульные подняли крик, который был услышан в Плаценции, и наутро явился Семпроний с отрядом всадников. В бою Ганнибал был ранен и покинул поле битвы. Сражение само собой прекратилось. Удачнее закончился другой его поход, против еще одного римского эмпория — Виктумвии. Пунийцы сумели обратить в бегство горожан и укрывшихся за стенами окрестных жителей, вышедших на ее защиту. На следующий день город сдался и принял карфагенский гарнизон; у населения отобрали оружие, и Виктумвия была разграблена. Сведения Тита Ливия в научно-исследовательской литературе были подвергнуты сомнению. Считают, что изображенные им боевые операции невозможны и, следовательно, не имели места. Нам эти предположения не кажутся убедительными. Наоборот, Ганнибалу нужно было закрепить свою победу и власть в Северной Италии в условиях, когда там еще находились римские войска, хотя и разбитые в двух больших, сражениях, но тем не менее представлявшие собою крупную и серьезную силу, с которой приходилось считаться. Вполне естественно и то, что, избегая осады крупных городов, Ганнибал решил нанести удары по римским центрам снабжения, желая воспрепятствовать подвозу продовольствия в колонии. Наконец, детали, которые приводит в своем повествовании Тит Ливий, не выходят за пределы реального. Да и вообще, какой смысл был Титу Ливию или его

источнику придумывать рассказ о сражениях, одно из которых свелось к тому, что римляне отразили нападение на эмпорий, а другое закончилось еще одним поражением, если не регулярных подразделений, то, во всяком случае, римских колонистов. Едва ли можно предположить, что рассказ о подобного рода боевых операциях способен польстить патриотическому чувству. Остается вопрос: почему об этих событиях ничего не говорит Полибий? Но молчание Полибия само по себе не свидетельствует против рассказа Ливия, опирающегося на независимые от греческого автора римские источники, во всяком случае в данном конкретном отрывке. По-видимому, эти предприятия показались Полибию настолько незначительными в общей цепи событий, что он счел возможным без ущерба для изложения не упоминать о них.

Вслед за этим Ливий [21, 58-59] рассказывает о попытке Ганнибала при первых признаках весны вторгнуться в Этрурию, чтобы там силой или убеждением привлечь на свою сторону местное население. Однако при переходе через Апеннины карфагенскую армию застигла буря, заставившая воинов остановиться; сильнейший ветер, дождь и град, а потом и мороз опустошили ряды карфагенян; погибло много лошадей и, добавляет Ливий, 7 слонов из тех, что еще оставались у Ганнибала после Требии. Спустившись с Апеннин, Ганнибал, как сообщает наш источник, снова двинулся к Плаценции; там произошло сражение — сначала с явным перевесом в пользу римлян, которые, обратив карфагенян в бегство, преследовали их до самого лагеря; однако Ганнибал, введя в бой дополнительные контингенты, заставил римлян отступить. Битва при Плаценции закончилась вничью. И римляне и карфагеняне были вынуждены отступить:

первые, как говорит Ливий, в Лукку, а вторые — в Лигурию. Там лигуры выдали Ганнибалу двух римских квесторов, Гая Фульвия и Луция Лукреция, двух военных трибунов и пятерых лиц из всаднического сословия, в большинстве сыновей сенаторов. Тем самым местные племена продемонстрировали свое желание установить с Ганнибалом союзнические отношения, принять участие в его борьбе против Рима.

Как и в предыдущем случае, сомнения по поводу достоверности изложенного выше повествования Ливия представляются нам необоснованными. Не говоря уже о том, что отсутствуют какие-либо данные, которые опровергли бы сообщение Ливия (свидетельство Полибия о том только, что Ганнибал «зимовал в Галлии», очень неопределенно [3, 77, 3], но и все действия Ганнибала, о которых рассказывает римский историкограф, представляются психологически оправданными и с военной точки зрения целесообразными.

То нетерпеливое стремление перенести войну в Этрурию, которое обнаружил, по-видимому, Ганнибал, организуя свой поход через Апеннины, легко объяснимо его военно-политическим положением. Ему было, конечно, хорошо известно, что римляне отправляли свои гарнизоны во все пункты, где они могли ждать нападения, — в Сицилию, в Сардинию, в Тарент, что они построили еще 60 пентер, что консулы (Сервилий и Фламиний) проводят в самом Риме мобилизацию новых контингентов и организуют ополчение союзников, что даже от сиракузского царя Гиерона они потребовали помощи и тот прислал им 500 критских наемников и 1000 пелтастов, наконец, что запасы продовольствия римляне сосредоточивали в Аримине и в Этрурии, явно намереваясь там преградить дорогу карфагенянам [Полибий, 3, 75, 4—7]. В этих условиях

Ганнибалу жизненно важно было опередить противника и создать наиболее для себя благоприятную обстановку; в особенности важны ему были союзники. Не случайно Полибий подчеркивает, что Ганнибал всячески убеждал взятых в плен римских союзников, что он пришел в Италию воевать только против Рима. Если пленных римлян он содержал под стражей на голодном пайке, то к союзникам он желал обнаруживать свою глубокую благосклонность и в конце концов просто отправил их по домам без выкупа, чтобы они уговаривали сограждан присоединиться к карфагенянам, борющимся за восстановление италийской свободы, против римского владычества. Такова была, по словам Полибия, версия, которую пунийский полководец внушал всеми средствами. И если бы не буря, цель Ганнибала, конечно, была бы достигнута.

Эта причина была далеко не единственной. Ганнибала очень беспокоили настроения его галльских союзников. Он опасался измены и даже покушения на свою жизнь. Из предосторожности Ганнибал применил чисто «финикийскую», по словам Полибия [3, 78, 1—4], хитрость: он постоянно менял парики, соответствующие различным возрастам, и одежды, так что его не могли узнать даже ближайшие соратники. Надо сказать, у Ганнибала были все основания беспокоиться. Галлы, конечно, призывали Ганнибала в Италию и ожидали от его войны с Римом для себя освобождения, но они были очень недовольны и тем, что война слишком долго идет в их собственной стране, и тем, что задерживается вторжение в Центральную Италию, где они ожидали для себя богатой добычи [Полибий, 3, 78, 5; Ливий, 22, 1, 1—4]. Имелся только один способ ликвидировать недовольство — как можно скорее уйти из Цисальпинской Галлии в Этрурию. Попытка

преодолеть Апеннины, несомненно, должна была способствовать устранению внутреннего конфликта в армии Ганнибала.

Наконец, тревожные вести приходили и из Иберии, где положение складывалось для карфагенян весьма неблагоприятно. Дело в том, что Гней Корнелий Сципион, которого его брат Публий, как уже говорилось, отправил в качестве своего легата в Испанию, высадился в греческой колонии Эмпории, постепенно снова подчинил римской власти все средиземноморское побережье до р. Ибера и в битве при Киссе разгромил соединенные иберийско-пунийские войска, взяв в плен их командующих, а также захватив богатую добычу, в том числе имущество, принадлежавшее воинам, ушедшим с Ганнибалом в Италию. Брат Ганнибала Гасдрубал Баркид, форсировавший Ибер еще до этого сражения, после битвы при Киссе не решился атаковать Гнея Корнелия Сципиона. Напав на римских моряков, отряды которых бродили около Тарракона, он многих из них перебил, а потом ушел за Ибер. Сципион восстановил положение в Тарраконе и даже разместил там небольшой гарнизон. Тем временем севернее Ибера снова появился Гасдрубал, побудил племя илергетов отказаться от союза со Сципионом и начал опустошать вместе с ними поля римских союзников. Когда же Сципион выступил против него, Гасдрубал снова ушел за Ибер, оставив илергетов их собственной судьбе. Через некоторое время Сципион опять подчинил себе илергетов, а затем и авсетанов — старых союзников Карфагена. Из сказанного следует, между прочим, что Аппиан ошибался, думая, будто Гней Корнелий Сципион ничего не предпринимал, дожидаясь прибытия в Испанию Публия [Апп., Исп., 15]. Благодаря его

действиям Северная Испания была возвращена в сферу римского господства, Пиренейский полуостров стал театром военных действий, там возникла реальная угроза пунийскому господству, и карфагенские войска, оставленные для обороны полуострова, не сумели этому воспрепятствовать [Полибий, 3, 76; Ливий, 21, 60—61].

, Неудачная попытка преодолеть Апеннины, «ничейный» исход сражения при Плаценции дали консулам время завершить подготовку к новой кампании и встретить Ганнибала в Этрурии.

К новой кампании римское правительство готовилось в атмосфере глубокой нервозности. В городе только и было разговоров, что о разного рода тревожных предзнаменованиях, и, конечно же, всегда находились свидетели, которые «своими глазами» видели или «своими ушами» слышали то, о чем со страхом передавали из уст в уста, что впоследствии тщательно фиксировалось и попадало в повествования историографов. Рассказывали, что на овощном рынке какой-то шестимесячный ребенок свободных родителей выкрикнул слово «триумф»; что на скотном рынке бык взобрался на третий этаж и, когда люди подняли крик, испуганный, бросился вниз; что на небе показались изображения кораблей; что в храм Надежды на овощном рынке ударила молния; что в Ланувийском храме в руке у богини шевельнулось копьё. Мало того, ворон влетел в храм и сел на ее ложе. Говорили, что около Амитерна во многих местах показались призраки в белых саванах; что в Пиценуме шел каменный дождь; что в Цере сузились дубовые дощечки, по которым тамошние жрецы предсказывали будущее; что в Галлии волк выхватил у часового меч из ножен и унес. Власти назначили ритуальное очищение города, совершали молебны, приносили посвящения и жертвы, от имени

государства давались обеты, что, как говорит Ливий [21, 62], в значительной степени успокоило людей.

Впрочем, как показывает его же дальнейший рассказ [22, 1, 8—20], успокоение было непродолжительным. Не успел Фламиний вступить в должность, как по городу поползли новые слухи (и даже не слухи — распространялись официальные известия) о неблагоприятных знамениях [ср.: у Плут., Фаб. Макс., 2]. Например, сообщали, что уменьшается солнечный диск; что в Пренесте с неба падали горящие камни; что в Арпах на небе видели щиты и солнце, сражающееся с луной; что гадательные жребии, на которых записывались изречения оракулов, сами собой уменьшились и один из них выпал с надписью: «Марс потрясает копьем»; что в самом Риме изображения Марса покрылись потом; что в Капуе небо как будто пылало, а луна вместе с дождем, казалось, падала вниз; что у каких-то граждан козы покрылись вместо шерсти волосами, куры превратились в петухов, а петухи в кур [ср.: у Плут., Фаб. Макс., 2]. Сенат во главе с консулом Гнеем Сервилием постановил совершить новые умиловительные жертвы и посвящения, моления и праздники. В особенности интересно, что в городе непрерывно, день и ночь, устраивались сатурналии — празднества, которые должны были напомнить о «золотом веке» и выявить единство римского народа независимо от общественного положения и сословной принадлежности.

Однако были в Риме и другие причины для беспокойства. Фламиний начинал свое консульство в обстановке резко обострившейся борьбы вокруг «закона Клавдия». Консул опасался, что ненавидевшие его сенаторы под каким-нибудь предлогом помешают ему уехать из Рима и, предварительно отправив Семпронию приказ перевести войска из Плаценции в Армин — а по жребию

Фламинию достались именно эти легионы, — сам почти тайком покинул город и, не совершив обычных религиозных церемоний, отправился на север; приняв под свое командование войска, он по горным тропам повел своих солдат в Этрурию.

Само собой разумеется, что явное пренебрежение Фламиния к римской государственной процедуре, и в особенности к сакральной обрядности, составлявшей ее неотъемлемую и важнейшую часть, дало хороший материал для враждебной ему сенаторской пропаганды; к нему даже отправили послов Квинта Теренция и Марка Антистия с требованием вернуться и проделать все необходимое, однако Фламиний не обратил на их речи внимания. Помимо враждебных отношений с сенатом и полной моральной невозможности для него подчиниться каким бы то ни было требованиям сенаторов Фламиний просто не мог терять попусту время. Он должен был преградить Ганнибалу дорогу в Центральную Италию [Ливий, 21, 63; 22, 1, 4—7].

Весной 217 г. консульские войска расположились следующим образом: части, находившиеся под командованием Гнея Сервилия, который, впрочем, задержался в Риме для совершения обрядов и жертвоприношений и прибыл к месту сосредоточения своих войск значительно позже Фламиния, явились к Армину. Сервилий принял их от Публия Корнелия Сципиона, который в качестве проконсула теперь был направлен в Испанию [Апп., Исп., 8]. Фламиний расположился лагерем у Арреция [Полибий, 3, 77, 1—2].

Казалось, карфагенянам были преграждены все дороги, ведущие в Этрурию, и можно было спокойно ожидать их появления, чтобы дать сражение на подступах к этой стране. Однако внезапно до Фламиния дошла потрясающая весть: Ганнибал уже в Этрурии!

Само собой разумеется, что подготовка к новой кампании, которую мог себе позволить Ганнибал, заключалась в привлечении на свою сторону союзников, и прежде всего в разведке. Нужно было найти наиболее удобный и безопасный путь, так, чтобы сражение было дано в благоприятной для карфагенян обстановке. Однако сведения, полученные Ганнибалом, не давали повода для оптимизма: все обычные пути находились под наблюдением римлян, и они, конечно, помешали бы продвижению его армии. И тогда Ганнибал принял неожиданное решение — пройти в Этрурию дорогой, которой никто никогда не пользовался и которую Фламиний по этой причине совершенно не принял в расчет. Дорога вела через почти непроходимое болото, выделявшее ядовитые испарения. Уровень воды там резко повысился из-за разлива р. Арн. Но дорога позволяла избежать преждевременной встречи с римлянами и появиться в Этрурии непредвиденно быстро. Этот план Ганнибала, хотя он и сулил немало трудностей, стратегически был вполне оправдан: он обеспечивал полководцу то, что в его положении было самым существенным, — фактор внезапности [ср.: у Полибия, 3, 78—6—8; Ливий, 22, 2, 2].

Переход Ганнибала из Цисальпинской Галлии в Этрурию по своей сложности, по всему, что его армии пришлось испытать, вполне можно было сравнить с походом через Альпы. В начале колонны Ганнибал поставил ливийцев и иберов вместе с обозом — это были наиболее закаленные и опытные воины, способные преодолеть любые препятствия. Следом за ними должны были идти галлы. Замыкали колонну всадники, и среди них нумидийская конница под командованием Магона Баркида, которому Ганнибал дал

особое задание: если галлы взбунтуются и захотят вернуться на родину, Магон должен был силой заставить их идти вперед. Колонна шла, увязая в болотной грязи, преодолевая волны разлившегося Арна, почти не останавливаясь, четыре дня и три ночи. Особенно страдали галлы, не очень привычные к трудностям походной жизни. Они еле передвигались по вязкой тине, падали рядом с издыхающими вьючными лошадьми и уже не могли подняться; другие ложились на поклажу или на горы трупов животных, ища места, где можно было бы передохнуть хотя бы несколько часов. Сам Ганнибал ехал на единственном оставшемся у него слоне. Внезапно из-за сырости, ядовитых болотных испарений, бессонницы у него воспалились глаза, и, так как Ганнибал не имел ни времени, ни возможности лечиться, он потерял один глаз [Полибий, 3, 80; Ливий, 22, 2].

Как бы то ни было, Ганнибал пришел в Этрурию, область между Фэсулами и Аррецием, хотя и с большими потерями, но для римлян неожиданно быстро и после обычной разведки установил, что его основная и не очень трудная задача заключается теперь в том, чтобы спровоцировать Фламиния на битву, в которой войска Сервилия не участвовали бы. Фламинию нужна была победа, между прочим, и для того, чтобы еще больше укрепить свое положение, окончательно дискредитировать и отстранить от власти враждебные аристократические группировки. Учитывая особенности характера и политической позиции Фламиния, который, как замечает Ливий, пошел бы в бой даже в том случае, если бы Ганнибал вообще бездействовал, стоя на краю болота, пунийский военачальник решил подстрекнуть римского консула. Местность у Арреция он не счел удобной для боя и, оставив

лагерь противника слева, двинулся к Фэсулам, а потом пошел, не встречая сопротивления, уже по направлению к Риму, разоряя и уничтожая мирное население, сжигая дома и хозяйственные постройки. Фламиний бросился вслед. Увидав, что войска Фламиния приближаются, Ганнибал, избрав для сражения гористый район неподалеку от города Картоны, возле Тразименского озера, велел своим солдатам изготовиться к бою.

Условия местности, которую выбрал Ганнибал, были для него очень благоприятны. Между горами и озером здесь лежала долина, в которую с запада вело узкое дефиле; у выхода из долины возвышался запиравший выход холм. Сам Ганнибал со своими ливийскими и иберийскими ветеранами расположился на центральных высотах, параллельных берегу; у входа в долину он скрытно разместил всадников и галлов, а на холме у выхода из нее — балеаров и легковооруженных пехотинцев. Вечером накануне боя Фламиний прибыл к озеру, а на следующее утро, едва рассвело, начал движение в ущелье.

Когда римляне постепенно втянулись в покрытую туманом долину, Ганнибал дал сигнал своим частям к одновременному внезапному нападению. Карфагеняне сбежали вниз, и римляне, шедшие в густом тумане, услышав крики противников, поняли, что окружены. Они даже не могли ясно представить себе, что происходит. Бой вели одновременно и с фронта, и с тыла, и с флангов (ср.: у Фронтин [2, 5, 24]). Попытки консула построить своих солдат для сражения ни к чему не привели: воины не слышали приказов; многие пытались бежать. Битва приняла такой ожесточенный характер, что сражающиеся не заметили даже страшного землетрясения [Плут., Фаб., 3;

Циц., Предв., 1, 35; Плиний, 2, 86; Флор, 2, 6]. Сам консул погиб убитый неким инсумбром Дукарием. После этого римляне обратились в паническое бегство; иные безрезультатно пытались спастись вплавь или заходили в озеро, пока было можно, и там гибли под ударами всадников Ганнибала. Только 6000 римлян сумели вырваться из этого ада, но были настигнуты и окружены карфагенской конницей, которою командовал Махарбал. Он обещал, что эти римские солдаты будут отпущены на свободу, если сдадут оружие, и римляне сдались в плен. Однако Ганнибал заявил, что Махарбал не имел права давать противнику какое бы то ни было обещание, приказал заковать римлян в цепи и отдал их под стражу галлам. Отпустил он только латинян — союзников Рима, снова повторив то, что говорил много раз: он пришел воевать не с италиками, а с римлянами за освобождение Италии.

Всего, по данным Ливия, который ссылается в этом случае на Фабия Пиктора, римляне потеряли убитыми при Тразименском озере 15 000 воинов. Аппиан исчисляет армию Фламиния в 30 000 пехотинцев и 3 000 всадников [Апп., Исп., 8]; Евтропий и Орозий пишут, что Фламиний потерял убитыми 25 000 [Евтропий, 3, 9; Орозий, 4, 15, 5]; по данным Орозия, 6 000 римлян были захвачены в плен. Среди убитых искали по приказанию Ганнибала труп Фламиния, чтобы предать достойному погребению. 10 000 римских воинов разбежались и теперь пробирались в Рим; 10 000 попали в плен [ср.: у Вал. Макс., 1, 6, 6]. По Ливию, потери карфагенян составили 2 500; по Полибию — 1 500 [Полибий, 3, 80 — 85; Ливий, 22, 3 — 7,5; Апп., Ганниб., 9 — 10; Зонара, 8, 25]; по Орозию [4, 15, 5] — 2 000 человек.

IV

Когда Гней Сервилий Гемин получил в Аримине известие о том, что Ганнибал находится в Этрурии и расположился около лагеря Фламиния, первым его намерением, как повествует Полибий [3, 86, 3], было соединить свою армию с легионами коллеги и противопоставить Ганнибалу всю мощь римского оружия; однако он не мог это сделать «из-за тяжести войска». Предлог явно надуман. О подлинных мотивах Сервилия можно, конечно, только догадываться; думается, что решающую роль здесь сыграло фактически нежелание Сервилия, ставленника аристократических кругов, оказать действительную помощь Фламинию, вождю демократического движения. Однако оставаться абсолютно бездейственным Сервилий тоже не мог и поэтому отправил к Фламинию 4 000 всадников под командованием пропретора Гая Центения. Узнав, что произошло у Тразименского озера, Центений повернул в Умбрию. Тем временем Ганнибал, получив известие о новом противнике, отправил против него Махарбала с отрядом легковооруженных копейщиков и некоторым количеством кавалеристов. Настигнув противника, воины Махарбала уже в первой стычке перебили около 2 000 римлян, а остальных загнали на какой-то холм, окружили и взяли в плен [Полибий, 3, 86, 1—5; Ливий, 22, 8, 1].

Теперь, после новой блестящей победы, перед Ганнибалом снова возник вопрос: что делать дальше? Именно об этом он совещался и со своим братом, и с приближенными, то есть, по терминологии того времени, «друзьями» — очевидно, с высшим командным составом пунийской армии. В своей окончательной

победе теперь, после такого успеха у Тразименского озера, он был вполне уверен [Полибий, 3, 85, 6]; вероятно, именно эта уверенность привела его к мысли отказать пока от похода на Рим, сосредоточить силы на укреплении своих итальянских позиций и боеспособности солдат.

Как бы то ни было, Ганнибал не считал нужным идти на Рим и вместо этого, как рассказывает Тит Ливий [22, 9, 1—2], двинулся через Умбрию к Сполетию; опустошив поля вокруг этого города, он подошел к его стенам, но был с большими потерями отогнан. Натолкнувшись на сопротивление и не имея намерения тратить время на осаду, Ганнибал решил отступить и двинулся в Пиценум, где простоял несколько дней, а оттуда к побережью Адриатического моря и далее в Апулию. Там он остановился в районе Ари и Луцерии. По Полибию, Ганнибал прибыл в Япигию, где расположился около Ойбония и оттуда совершал набеги на страну давнов [Полибий, 3, 86, 8—87, 5; 88, 1—6; Ливий, 22, 9].

Понимая, что ему предстоят еще новые бои, главное свое внимание Ганнибал уделял укреплению боеспособности солдат. И люди и лошади переболели у него различными болезнями, в том числе коростой, для избавления от которой он приказал купать их в старом вине. Оружие он заменил на трофейное, римское, захваченное в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить все нужды карфагенян.

Теперь на своем пути Ганнибал беспощадно грабил и уничтожал местное население. Он отдал приказ убивать всех взрослых мужчин, которые повстречались бы его солдатам. Добычи захватили так много, что ее уже не могли нести за собой, и это удесят�еряло силы пунийских наемников, заставляло их рваться к новым

сражениям. Очевидно, после Тразименского озера Ганнибал на какое-то время усомнился в возможности привлечь на свою сторону италийских союзников и решил прибегнуть к своего рода тактике «выжженной земли», чтобы запугать потенциального неприятеля. Немного погодя он изменит свою тактику и вернется к прежней военно-политической линии.

Только после битвы при Тразименском озере, выйдя к Адриатическому морю, Ганнибал счел возможным и нужным официально донести карфагенскому совету о результатах почти двух лет войны. Совет Карфагена, в свою очередь, решил сделать все необходимое, чтобы помочь пунийским войскам в Испании и Италии [Полибий, 3, 87, 4—5]. Здесь показательно то пренебрежение, с которым Ганнибал относился к высшему органу власти у себя на родине, действуя совершенно независимо от него и даже не очень интересуясь его указаниями и предначертаниями. Трудно в самом деле предположить, что в течение столь длительного времени, одерживая одну победу за другой, Ганнибал не имел возможности так или иначе сообщить в Карфаген о положении дел. Ясно, что он не хотел терять положения бесконтрольного полководца, которое в результате своих боевых операций получил, и делить власть с советом, хотя бы и пробаркидски настроенным. Обратился же он к совету в момент, когда ему понадобилась военная помощь, рассчитывая — и, как показала реакция совета, не без основания — эту помощь получить.

Однако, какими бы соображениями ни руководствовался Ганнибал, предпринимая свое движение к Адриатике и затем на юг, какую бы добычу он ни захватил,

как бы силы своего войнства он ни укреплял, в конечном итоге это его движение оказалось выгодным, хотя подобная мысль и кажется парадоксальной, Риму, который еще раз получил самое насущно необходимое — время для восстановления утраченной боеспособности.

При первых сообщениях о поражении у Тразименского озера римляне в большом страхе и смятении бежали на форум. Женщины бродили по улицам и спрашивали встречающих, что это за известие о разгроме получено и какова судьба войска. Наконец, толпа, отправившись к комицию и курии, стала вызывать магистратов, но только к вечеру претор Марк Помпоний вышел к согражданам и сказал: «Мы побеждены в большом сражении». Отсутствие точной информации, как всегда, породило разнообразные толки и слухи. Несколько дней у городских ворот стояли толпы женщин, ожидавших либо прибытия своих близких, либо известий о них. Тревога в Риме еще более увеличилась после того, как узнали о судьбе отряда Центения [Ливий, 22, 7, 6—8, 4].

Между тем нужно было принимать какие-то меры. Правда Гней Сервилий, услышав о гибели коллеги и об участии его армии, устремился к Риму, чтобы сражаться в случае необходимости у городских стен [Ливий, 22, 9, 6], однако этого было слишком недостаточно. Сенат, заседавший от восхода солнца до заката в течение нескольких дней, нашел единственный и, казалось, возможный выход — диктатуру, которая позволяла сосредоточить в одних руках всю власть и, следовательно, сконцентрировать все усилия государства в нужном направлении⁷⁶. Однако на этот раз были допущены весьма существенные отклонения от обычной для Рима процедуры. Как правило, решение о

назначении такого экстраординарного магистрата сенат должен был выразить формулой: «Пусть консулы примут меры, чтобы государство не потерпело ущерба», предоставляя тем самым консулам чрезвычайные полномочия, и уже в силу этих полномочий консулы своею властью провозглашали диктатора. Но один из консулов был убит, а другой находился за пределами города. Используя такой предлог, сенат и находившиеся в Риме магистраты вынесли вопрос о диктатуре на рассмотрение народного собрания, которое и избрало Квинта Фабия Максима. Мало того. Обычно диктатор сам, своею властью назначал себе помощника — начальника конницы, — мероприятие, вытекавшее из самой сущности диктатуры, когда вся власть должна была быть сосредоточена в одних руках и исходить только от диктатора. Не случайно при установлении диктатуры все выборные магистраты, кроме народных трибунов, слагали свои полномочия. Однако на этот раз не только диктатор, но и начальник конницы был избран на народном собрании, хотя никакой необходимости в таком отступлении от нормальной процедуры не было [Полибий, 3, 87, 6—9; Ливий, 22, 8, 6]. В результате начальник конницы, которым стал Марк Минуций Руф, получил определенную самостоятельность. Пока между Фабием и Минуцием не было разногласий, все было в порядке, но когда у Минуция появились сомнения в правильности политической линии Фабия, он не замедлил воспользоваться своим положением. Что же произошло? Почему римскому правительству понадобилось именно так и не иначе решить вопрос о власти в нарушение традиций, которые в Риме всегда тщательно соблюдались?

Страшное поражение и гибель Фламиния нанесли серьезный удар римскому демократическому движению.

Смерть Фламиния лишила демократов их наиболее выдающегося руководителя, а разгром при Тразименском озере обнаружил неспособность демократов, пренебрегающих религиозными традициями и вековыми устоями, организовать сопротивление врагу. Претендовать на власть в таких условиях могли две сенатские группировки — Фабии и Эмилии — Корнелии. Назначение диктатором Фабия и начальником конницы Минуция, происходившего из рода, близкого к Эмилиям — Корнелиям, очевидно, было следствием компромисса, к которому пришли обе «партии»; в частности, пост Минуция позволял Эмилиям — Корнелиям сохранить влияние на течение государственных дел. Процедура выборов, в исходе которых никто не сомневался, должна была продемонстрировать всенародную поддержку политической линии Фабия, а избрание начальником конницы Минуция обеспечивало Минуцию хотя и далеко не полную, но необходимую для его группировки независимость от диктатора.

Свою деятельность Квинт Фабий Максим начал с демонстрации, явно направленной против Фламиния. Едва вступив в должность, он в тот же день созвал сенат и, обратившись к нему с речью, заявил, что Фламиний прегрешил не столько своим безрассудством и неумением, сколько небрежением к обрядам и предзнаменованиям, и что, следовательно, у самих богов нужно испросить совета, как смягчить их гнев и какие принести искупительные жертвы. Справившись в Сивиллиных книгах, обнаружили, что не выполнен должным образом обет, данный Марсу по случаю войны, что его следует выполнить в большем объеме, чем надлежало согласно обету, что Юпитеру должно посвятить великие игры, а Венере Эруцинской и Разуму — храмы, что необходимо совершить

новые молебствия и лектистернии и, наконец, если война примет благоприятный оборот, а государство сохранится в том состоянии, в каком оно было до войны, посвятить богам так называемую Священную весну — первые плоды весеннего урожая и первый приплод скота. Все было исполнено в точности, причем решение о Священной весне и великих играх приняло народное собрание, обет о строительстве храма Венере Эруцинской взял на себя диктатор, а храма Разуму — претор Тит Отаций [Ливий, 22, 9, 7—10, 10].

Выказав таким образом свое истинно римское благочестие и обеспечив тем самым государству благоволение и поддержку богов, Фабий мог заняться теперь и земными проблемами. По постановлению сената ему предстояло принять войска, находившиеся под командованием Сервилия; сверх этого Фабий мобилизовал еще 2 легиона, которым велено было собраться в Тибуре. Жителям неукрепленных поселений, и в особенности тех районов, через которые, как предполагалось, должен был пройти Ганнибал, диктатор велел уходить в безопасные пункты, сжигая дома и уничтожая урожай, чтобы врагу ничего не досталось. Отдав эти распоряжения, Фабий отправился навстречу Сервилию по Фламиниевой дороге. На Тибре у Окрикула диктатор увидел римских воинов и самого Сервилия, скачущего к нему во главе отряда всадников, и тут же послал сказать, чтобы консул явился к нему без сопровождения ликторов, то есть не как магистрат, облеченный высшей властью, а как частное лицо. Сервилий повиновался и, прибыв к Фабию, всем своим поведением старался подчеркнуть и значение диктаторской власти в Римском государстве, и роль Фабия, облеченного столь важными полномочиями [ср.: у Плут., Фаб., 4]. Пока диктатор

принимал командование, поступило тревожное донесение: римские транспорты, которые должны были доставить продовольствие из Остии в Испанию, захвачены недалеко от Козы карфагенским флотом. Тотчас же Фабий приказал Сервилию отправиться в Остию и, укомплектовав там экипажами римские боевые корабли, преследовать пунийцев и охранять берега Италии. С этой целью Сервилий произвел в Риме еще одну мобилизацию, которая затронула и вольноотпущенников, годных к военной службе; часть нового контингента он оставил в Риме для охраны города [Ливий, 22, 11]. Сам диктатор, приняв консульское войско, прибыл в Тибур, а оттуда мимо Пренесте к Латинской дороге и далее к Арпам, где на виду у карфагенян расположил свой лагерь [Полибий, 3, 88, 9; Ливий, 22, 12, 1—3].

Итак, благодаря решительным действиям римского правительства, и прежде всего самого Фабия, которые умело использовали ситуацию, сложившуюся после битвы при Тразименском озере, Ганнибал снова, уже в четвертый раз, оказался в том же положении, в каком он был и перед этим сражением, и перед Требией, и перед Тицином: ему опять противостояла римская армия в 4 легиона. Войну приходилось опять начинать с самого начала.

Узнав о прибытии неприятеля, Ганнибал в тот же день вывел свои войска из лагеря и выстроил их для нового сражения, однако Фабий не поддался на эту провокацию; римляне сохраняли полное видимое спокойствие и не покидали лагеря. Постояв некоторое время в бесполезном ожидании, Ганнибал отвел своих солдат [Полибий, 3, 89, 1; Ливий, 22, 12, 3—4].

Причины, заставившие Фабия уклоняться от очередного генерального сражения и перейти к другой тактике, не обычной для того времени, — к изматыванию противника небольшими стычками и своего рода партизанскими налетами, — очевидны; Полибий [3, 89, 4—9] формулирует их следующим образом. Войска карфагенян уже давно и непрестанно упражнялись в военном искусстве; их предводитель вырос в лагере и научился вместе с ними воинскому мастерству; они много раз побеждали в Испании и дважды (Тицин, очевидно, не в счет) — римлян с их союзниками. Наконец, — и это самое главное — они всё покинули за морем, и теперь их единственное спасение было в победе. Что же касается римлян, то у них все было иначе, то есть, насколько можно понять, их боевая подготовка и воинские качества их полководцев уступали карфагенским; они уже неоднократно терпели одно за другим страшные поражения; наконец, они, по-видимому, еще не пришли к мысли, что для них единственное средство спасти себя и свое государство — это победа, иначе говоря, их морально-боевые качества уступали качествам пунийской армии. Поэтому Фабий, определенно предвидя, что новое большое столкновение неминуемо закончится поражением римлян, решил всячески его избегать, рассчитывая на те постоянно действующие факторы, которые давали Риму явное преимущество: неисчерпаемость его материальных ресурсов сравнительно с армией Ганнибала и численное превосходство воинских контингентов [ср. также: Дион Касс., фрагм., 57, 9; Зонара, 8, 25; Плут., Фаб., 5].

Можно поверить Титу Ливию, когда он пишет, что неудачная попытка вызвать римлян на бой породила у Ганнибала глубокое внутреннее беспокойство. Хотя

Ганнибал и говорил, что воинский дух римлян пал, что война окончена и что славою и мужеством карфагеняне превзошли римлян, — эти речи были действительно необходимы для того, чтобы поддержать боевой дух его собственных наемных солдат, — в глубине души пунийский полководец опасался, что теперь ему придется иметь дело не с Фламиниями и Семпрониями, а с полководцем, равным ему дарованием и воинским мастерством, которого римляне, наученные разнообразными и многочисленными бедами, наконец-то для себя нашли [Ливий, 22, 12, 4—5]. Тем более энергично старался он побудить Фабия к бою. Его воины мелкими отрядами рыскали по стране в поисках продовольствия и фуража, грабя, разоряя и уничтожая все на своем пути. Часто передвигая лагерь и опустошая поля римских союзников, Ганнибал то скрывался из виду, то появлялся снова, то устраивал засады, ожидая, что Фабий спустится на равнину с холмов, где была расположена его стоянка. Казалось, Ганнибал, стремившийся такими действиями вызвать слепую ярость римлян, сам подставлял под удар своих солдат, чтобы постепенно внушить противнику уверенность в победе. Однако эти ухищрения, безотказно действовавшие на Семпрония и Фламиния, не принесли теперь ощутимых результатов. Диктатор неотступно следовал со своими легионами за Ганнибалом, не теряя его из виду, но и не спускаясь на равнину, оставаясь постоянно на возвышенных пунктах, господствующих над местностью. Имея в своем распоряжении и у себя в тылу большие запасы продовольствия, он не выходил из лагеря без крайней необходимости; на фуражировку и за дровами римляне выходили большими отрядами; в стычках, которые происходили между ними и пунийскими солдатами, римляне, как правило,

побеждали, и это мало-помалу, как и рассчитывал Фабий, способствовало укреплению их морального состояния. Однако вопреки всем надеждам Ганнибала от большого сражения Фабий уклонился [ср.: у Полибия, 3, 90, 1—5; Ливий, 22, 12, 6—10].

Ганнибал принял смелое решение продолжить свое движение на юг Италии. Его пребывание в Центральной Италии показало, что рассчитывать на местное население он пока, во всяком случае, не может. Несмотря на все победы, ни один из городов Италии еще не перешел на сторону Ганнибала; они сохраняли верность Риму, хотя и терпели из-за этого многие беды [Полибий, 3, 90, 13]. Ганнибал рассчитывал, что на юге он либо вынудит Фабия принять бой, либо покажет, что одержал полную и окончательную победу. Страх заставит итальянские города отказаться от союза с Римом и предпочесть ему дружественные отношения с пунийцами [Полибий, 3, 90, 11—12]. Однако эти замыслы не осуществились.

Двинувшись в Самниум, разорив земли Беневента и заняв г. Телесию (по Полибию, Венусию [3, 90, 7—8]; см: также: у Ливия [22, 13, 1]), Ганнибал решил направиться в Кампанию. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали этому предпрятию. Три кампанских всадника из римских союзников, захваченных в плен при Тразименском озере и затем отпущенных на свободу, настоятельно убеждали пунийского полководца, что, приведя свои войска в Кампанию, он сможет овладеть Капуей и, следовательно, стать полным хозяином на юге Апеннинского полуострова. Поведение кампанских всадников можно было истолковать как проявление готовности всего населения данной области поддержать карфагян. И все же только после долгих колебаний Ганнибал последовал совету

кампанцев. Уж очень ненадежными и недостаточно авторитетными казались ему сами советчики. Но делать было нечего: побудить Фабия к сражению никак не удавалось; оставаться все время на одном месте и ожидать, пока римляне изменят свою стратегию, тоже нельзя было, так как без побед и успехов, без грабежа новых земель воинство Ганнибала могло, чего доброго, утратить свои боевые качества; отсутствие союзников, одиночество пунийской армии ощущалось очень остро — и с каждым днем все острее. Отправив кампанцев на родину и велев им возвратиться снова с другими людьми, в том числе и с облеченными властью, Ганнибал решил двигаться по направлению к Капуе, в область, принадлежавшую г. Касину; заняв ее, он мог, по словам тех, кто хорошо знал местность, отрезать римлян от их союзников и добиться, следовательно, важного стратегического преимущества. Но проводник не понял (или не хотел понять?) латинской речи пунийца; вместо Касин ему послышалось Касилин (город, расположенный на обоих берегах р. Вольтурна, на границе между Кампанией и Фалерном). Туда он и повел карфагенские войска. Двигаясь через Аллифы, Каллифы и Калы, пунийцы через узкий проход вышли на Сверкающее поле в Кампании, и только тогда Ганнибал почувствовал что-то неладное. Увидев себя в стране, окруженной горами и реками, Ганнибал призвал к себе проводника и спросил, где они находятся. Проводник отвечал, что, мол, еще сегодня они придут к Касилину. Ярости Ганнибала не было пределов: Касин находился совсем в другой стороне, какое-то недоразумение привело его в ловушку... Проводника Ганнибал приказал высечь розгами, а потом в назидание другим распять на кресте. И все же ему ничего другого не оставалось, как укрепить свой лагерь у Вольтурна и

отправить Махарбала во главе нумидийских всадников грабить Фалернскую область: опустошена была вся территория до Синуэссы [Полибий, 3, 92, 1—2; Ливий, 22, 13].

Тем временем Фабий стремительно вел свои легионы по вершинам горной цепи Массика, однако, подошедши к Фалерну, он лишь показался на горных склонах и, постоянно видя перед собою неприятеля, не спустился в долину [Полибий, 3, 92, 5—7; Ливий, 22, 14, 1—3]. Минуция он отправил охранять проход у Террацины, где Ганнибал мог со стороны Синуэссы проникнуть по Аппиевой дороге на собственно римскую территорию [Ливий, 22, 15, 11]. В результате Ганнибал оказался перед необходимостью искать зимние квартиры и, следовательно, покинуть Фалерн, уже совершенно разоренный и для зимовки непригодный. Фабий хорошо понимал, что Ганнибалу придется уходить тем же путем, каким он пришел, и, для того чтобы преградить ему дорогу, занял сравнительно небольшими отрядами в 4 000 воинов гору Калликула и г. Касилин, а остальные части повел по тем же холмам назад, отправив в разведку конный отряд союзников под командованием Луция Гостилия Манцина. Последний вступил в сражение с нумидийцами, и его отряд был полностью истреблен. Свой лагерь римляне разбили у дороги, по которой Ганнибал должен был идти к выходу [Полибий, 3, 92, 10—11; Ливий, 22, 15].

На следующее утро карфагеняне заняли дорогу между пунийским и римским лагерями. Римские войска расположились около самого своего вала, туда же Ганнибал подвел свою легковооруженную пехоту и, то начиная бой, то отступая, пытался заставить Фабию дать большое сражение. Римский строй оставался на месте; битва велась, как пишет Ливий, «лениво» и

скорее в соответствии с замыслами диктатора, нежели по плану Ганнибала. В этой стычке, по данным Ливия [22, 16, 1—4], погибло 200 римлян и 800 карфагенян. Вполне возможно, что данные Ливия и не точны; не исключено, что его источник преувеличил количество убитых карфагенян. Однако главный результат был не в этом. Ганнибал не сумел преодолеть римского сопротивления и прорваться к Касилину; он должен был искать другой выход из окружения, в которое совершенно неожиданно попал; таким выходом могло стать только движение через Калликулу. Нужно было преодолеть горы так осторожно, чтобы враги не обнаружили карфагенских войск, пока не были окружены. Ганнибалу нужно было ошеломить неприятеля, парализовать все его действия.

И вот «тот, кто поставлен ведать работами» [Полибий, 3, 93, 4], то есть начальник интендантской и инженерной службы карфагенской армии Гасдрубал, получил от своего командующего приказ — заготовить как можно больше факелов из сухой древесины; когда это было сделано, Ганнибал распорядился привязать пылающие факелы к рогам утнанных с полей Фалерна быков, которых в лагере у него было около 2 000, и гнать их ночью к горам, прежде всего к высотам, занятым римлянами. Зонара [8, 26] еще добавляет, следуя за Дионом Кассием, что по приказанию Ганнибала в пунийском лагере были перебиты все военнопленные, дабы никто не мог бежать к римлянам и раскрыть секрет готовящейся операции. С наступлением темноты факелы привязали к рогам быков, одновременно зажгли и погнали перед тихо шедшей за ними пунийской армией. Когда они подошли к подножию гор и холмов, Ганнибал дал условный знак, и быков погнали на вершины; животные, разъяренные видом пламени и страшной

болью от горящих рогов и голов, разбежались по всей округе; от факелов стали загораться кустарники. Римские воины, занимавшие позиции у горного перехода, думая, что они уже окружены врагами, обратились в бегство, и легковооруженные копейщики Ганнибала заняли Калликулу, этот важнейший для него пункт. Среди шума и пламени, когда никто уже не мог понять, что, собственно, происходит, ни карфагеняне, ни римляне не решились дать сражения. Да Ганнибалу это и не нужно было. Он вывел свои войска из окружения, не встретив сопротивления, и расположился лагерем на территории Аллиф⁷⁷. Там он долго не задержался. Дождавшись, когда иберийские всадники вывели с высот остававшихся там копейщиков, Ганнибал, делая вид, что идет к Риму, отправился через Самниум в страну пелигнов, по-прежнему разоряя все на своем пути, а немного погодя, двигаясь в Апулию, занял Гереоний — город, покинутый населением, так как у него обвалилась стена. Такова версия Ливия; по данным Полибия [3, 100, 3—4], Ганнибал овладел этим городом после осады и истребил его жителей. Фабий неотступно следовал за Ганнибалом, не вступая в сражение, и расположил свой лагерь в Ларинатской округе.

Внезапно из Рима поступили распоряжения, которых никто не мог предвидеть: диктатору предлагалось срочно возвратиться в город для совершения жертвоприношений. Пока Фабий отсутствовал, командование римскими войсками, естественно, перешло к начальнику конницы Марку Минуцию Руфу [Полибий, 3, 93—94; Ливий, 22, 16—18; Плут., Фаб., 6—7].

Осуществление стратегического плана, принятого Фабием, поставило Ганнибала в трудное положение.

Без союзников, без эффективной поддержки извне, постоянно теряя людей то в одной, то в другой стычке, имея перед собой сильную и дисциплинированную армию противника, Ганнибал метался по стране без видимого плана, без определенной цели. То есть желания его были ясны. Ему нужно было еще одно победоносное сражение; оно сломило бы сопротивление Рима и сделало бы Ганнибала и его солдат хозяевами Италии. События, последовавшие за битвой при Каннах, показали, насколько иллюзорными были эти расчеты. Однако сражения не было; карфагенские войска изматывались; опасность со стороны римлян становилась все более грозной; ни один итальянский город не переходил на сторону «освободителей»-карфагенян. Даже Капуя предпочитала выжидать. Прорваться на юг Италии не удалось. Обращался Ганнибал за помощью и к карфагенскому совету, но там его домогательства встретили смехом: полководец утверждает, что он победил неприятеля, а сам, вместо того чтобы, как подобало бы победителю, присылать в родной город добычу, требует новых людей и денег [Дион Касс., фрагм., 57, 14; Зонара, 8, 26]. Очевидно, положение Ганнибала было настолько тяжелым, что враждебная Баркидам политическая группировка в совете могла на какое-то время взять верх и отказать Ганнибалу в том, что ему было насущно необходимо. Аппиан относит это обращение ко времени, когда Ганнибал укрепился около Гереония [Ганниб., 16]. По словам Аппиана [там же], Ганнибал писал и к своему брату Гасдрубалу в Испанию, предлагая ему собрать войска и вторгнуться в Италию. Насколько это сообщение достоверно, трудно сказать; ясно только, что Гасдрубал, втянутый во все более острую борьбу с римлянами на Пиренейском полуострове, не в состоянии был помочь брату. Перед

Ганнибалом отчетливо вырисовывалась перспектива изнурительного противостояния врагу в чужой, враждебной стране, разложения армии, если не будет побед и добычи, и гибели.

И все же стратегия Фабия вызывала в Риме глубокое недовольство. Все громче раздавались голоса, обвинявшие Фабия в преступной медлительности, чуть ли не в предательстве. План Фабия был рассчитан на длительный срок и немедленных результатов не давал. Римские воины видели перед собою торжествующего противника, хозяйничавшего в Италии, идущего куда ему заблагорассудится, грабящего и разоряющего страну. А диктатор между тем не принимает никаких видимых мер для того, чтобы помешать грабителю и убийце, остановить разгул его солдатни, защитить союзников Рима, да и самих римлян. Обратной стороной стратегии Фабия было то, что она влекла за собой разорение и мелкого итальянского, в том числе и римского, крестьянства, и крупных земледельческих хозяйств. Но если последние располагали более или менее значительными ресурсами для своего восстановления, то первые стояли просто перед угрозой гибели. Не мудрено, что в дисциплинированной римской армии недовольство становилось все более глубоким и с каждым днем все более грозно выплескивалось наружу. Не удивительно и то, что во главе недовольных стоял начальник конницы Марк Минуций Руф.

Современная и близкая по времени к событиям античная традиция объясняет его поведение «легкомыслием», нежеланием прислушаться к советам мудрого, идеализированного Фабия. Интересно в связи с этим, что, по оценке Фронтин [1, 8, 2], Минуций не был равен Фабия ни доблестью, ни воинским мастерством, — оценка, восходящая к тем же кругам, что и знаменитое

высказывание Энния, приписывавшее Фабию, и только ему, спасение отечества. Спокойствию и мужественной выдержке диктатора противопоставляется истерическая нервозность начальника конницы, зависимость которого от мнений «толпы» была в конечном счете простой беспринципностью. В противоположность Минуцию Фабий показан как носитель староримских добродетелей, которые возвеличили Рим, — благочестия, дисциплинированности, стойкости, покорности магистратам⁷⁸.

В действительности, конечно, дело обстояло значительно сложнее. Мы уже упоминали, что Минуций пришел к власти, будучи представителем враждебной Фабию политической группировки в сенате; способ, каким ему была вручена должность, делал Минуция до известной степени независимым от диктатора. Не случайно, вопреки опять-таки всем римским традициям и нормам, диктатор, располагавший правом казнить любого человека по своему усмотрению, тем более в военное время, ничего не предпринимал для того, чтобы пресечь волнения, — не потому, разумеется, что не хотел, а потому, что не мог. Минуцию недовольство солдат, как, впрочем, и недовольство в самом Риме, давало удобный повод оттеснить Фабия и самому выдвинуться на передний план; стоявшей за ним группировке Эмилиев — Корнелиев предоставлялась теперь неповторимая возможность отстранить Фабиев от руководства политической жизнью Рима.

Само собой понятно, что и Ганнибал делал все, чтобы скомпрометировать Фабия. В частности, он велел, грабя страну, не трогать поле, принадлежавшее Фабию, как бы в награду за выполнение некоего в действительности не существовавшего секретного соглашения [Ливий, 22, 23, 4; Плут., Фаб., 7; Фронтин, 1, 8, 2].

Тем временем произошел еще один эпизод, который враги Фабия представили как преднамеренный вызов с его стороны сенату и всему государству. И действительно, поступок диктатора трудно было согласовать с нормами полисной нравственности, предписывавшими строгое послушание высшим органам власти. Дело происходило так. При обмене пленными между римлянами и карфагенянами, который состоялся как раз в этот период войны, было заключено соглашение, что обменивать будут человека за человека. Сторона, получившая больше возвратившихся из плена воинов по сравнению с другой, должна была внести выкуп по два с половиной фунта серебра за каждого. К римлянам вернулись на 247 человек больше, чем к карфагенянам, однако сенат медлил с выделением денег. Тогда Фабий, пославши в Рим своего сына, тоже Квинта, продал свою землю, ту самую, которой не тронул Ганнибал, и из своих средств внес выкуп [Ливий, 22, 23, 5—2; Дион Касс., фрагм., 57, 15; Плут., Фаб., 7].

Недовольство начало проявляться уже в первые недели деятельности Фабия, когда карфагенская и римская армии противостояли одна другой в Апулии и когда впервые стало ясно желание диктатора во что бы то ни стало избежать решающего сражения. В центре оппозиции дошедшие до нас повествования ставят Минуция. Присоединившись к мнению «толпы», он публично поносил Фабия, который ведет войну будто бы непристойно и трусливо; сам же он, Минуций, горячо желает сразиться [Полибий, 3, 90, 6]. Благоразумные планы диктатора встретили ожесточенного противника в лице начальника конницы, которому только недостаток власти мешал погубить государство. Суровый, быстрый в своих решениях, невоздержанный

на язык, он сначала среди немногих, а потом и в «толпе» называл Фабия не медлительным, а лентяем, не осторожным, а трусом. Приписывая ему недостатки, похожие на достоинства, он возвышал себя и унижал высшего [Ливий, 22, 12, 11—12]. Несмотря на различие в тоне (Полибий значительно более сдержан в своих оценках, нежели Ливий), основная канва событий у того и другого совпадает с одним, правда, существенным различием. У Ливия Минуций выступает как инициатор возмущения, у Полибия он только присоединяется к «толпе».

Мы не знаем, как удалось Фабия заставить умолкнуть противников хотя бы на время. Во всяком случае, мы не слышим о новых волнениях в римской армии до ее прихода вслед за Ганнибалом к Фалерну. Коллега Фабия (Полибий употребляет термин «соправитель») Минуций, все находившиеся в армии военные трибуны и центурионы, то есть весь командный состав, вопреки мнению диктатора, считали, что именно теперь необходимо в удобной местности захватить врага, преградить ему дорогу, спуститься на равнину и не дать возможности Ганнибалу разорять столь богатую и плодородную страну [Полибий, 3, 92, 4]. Как видим, и в данном случае Минуций выступает в повествовании Полибия не один; он действует вместе с другими командирами римской армии, снова, хотя и не так резко, как раньше, выступая против лица, облеченного высшей властью в армии и государстве. Ливий [22, 14] в соответствии со своей тенденцией снова изображает Минуция инициатором волнений. Он вкладывает в уста мятежного начальника конницы демагогически обличительную речь, в которой тот скорбит об упадке Рима, о том, что допускается разорение Италии, утрачена бывшая римская энергия и решимость,

не раз спасавшая государство. Глупо думать, говорит в повествовании Ливия Минуций, что можно окончить войну, сидя и давая обеты (выпад Минуция против Фабиева староримского благочестия); нужно взяться за оружие, спуститься в долину и сразиться лицом к лицу. Римское государство возросло отвагой и деятельностью, а не той медлительностью, которую трусы называют осторожностью. Минуция окружали военные трибуны и всадники: его слова долетали до рядовых воинов; раздавались голоса, что если бы они могли выбирать, то наверняка предпочли бы Фабия Минуция.

На сей раз дело также не дошло до прямого разрыва. Однако последовавший вскорости отзыв Фабия в Рим под весьма прозрачным предлогом (наши источники даже не считают нужным упомянуть, какие, собственно, жертвоприношения Фабий должен был совершить в Риме) явился и выражением недовольства со стороны правительства деятельностью диктатора, и, несомненно, естественным завершением длительной, враждебной диктатуре, пропагандистской кампании. С отъездом Фабия командование переходило к Минуцию, причем, и это очень характерно для их взаимоотношений, Фабий, вместо того чтобы приказать Минуцию придерживаться определенной линии поведения, обратился к нему с увещанием не губить свои войска и не следовать примеру Семпрония и Фламиния. Минуций не обратил на его слова никакого внимания [Полибий, 3, 94, 8—10; Ливий, 22, 18, 8—10].

О ходе дальнейших событий Полибий [3, 101—102] рассказывает следующее. Минуций, узнав, что Ганнибал захватил Гереоний, что его люди собирают хлеб на полях, а основные силы стоят под стенами города, спустился в долину и занял крепость Калела,

господствующую над Ларинатидой, решившись именно здесь дать сражение. Со своей стороны Ганнибал, видя, что к нему приближается противник, отправил треть своей армии собирать хлеб, а с остальными отошел от города на 16 стадий (около 3,5 км), также идя на сближение с неприятелем, и на некоей возвышенности расположился лагерем. Тем самым он создавал и угрозу римлянам, и прикрывал свои подразделения, действовавшие в долине. Ночью он отправил около 2000 копейщиков занять еще один холм между карфагенским и римским лагерями. Однако эта попытка закончилась неудачей. Наутро Минуций вывел против карфагенян свою легковооруженную пехоту, занял этот второй холм и перенес туда свой лагерь. Тем временем Ганнибал отправил еще одну группу своих солдат пасти скот и собирать хлеб; большая часть его армии оказалась рассеянной по долине. Воспользовавшись столь благоприятным стечением обстоятельств, Минуций среди дня приблизился к карфагенскому лагерю, выстроил против него тяжеловооруженную пехоту, а всадников и легковооруженную пехоту послал истреблять пастухов и фуражиров Ганнибала, приказав никого не брать в плен. Тяжелая пехота римлян прорвала укрепления карфагенян и едва их не окружила; положение спас Гасдрубал, явившийся с 4 000 воинов, которые сбежали под охрану стен Гереония. Теперь Ганнибал сам перешел в контратаку, построил, хотя и не без труда, своих воинов и отбросил неприятеля. На следующий день Ганнибал покинул свой лагерь, тут же занятый Минуцием, и отошел к Гереонию.

Тит Ливий [22, 24] пишет, что Минуций, после того как перенес лагерь на второй холм, в непосредственную близость к карфагенянам, отправил тайно

из задних ворот лагеря конницу и легковооруженные отряды для истребления пунийских сборщиков хлеба. Ганнибал, по его рассказу, не решался вмешаться, медлил и выжидал, а потом воротился к Гереонию. Что же касается остальных фактов, то о них Ливий пишет не как о реально имевших место, но как о сообщениях «некоторых авторов», утверждающих, что состоялось сражение, причем сначала карфагеняне были отброшены к своему лагерю, затем контратаковали римлян, и только появление отряда (8 000 пехотинцев и всадников), который самнит Нумерий Децимий привел по приказанию диктатора на помощь Минуцию, заставило Ганнибала отступить. В Рим пришло известие о блестящей победе вместе с хвастливым письмом начальника конницы.

Нетрудно видеть, что традиция, дошедшая до нас в изложении Ливия, всячески стремится опорочить Минуцию. Во всяком случае, преуменьшить значение его действий. Свидетельства о сражении между римлянами и пунийцами самую манерою подачи материала ставятся под сомнение, хотя оно прямо и не высказывается; при этом если бы даже сражение и произошло, то решающую роль в его исходе сыграли воины, посланные Фабием; наконец, потери сторон при том же условии называются как примерно одинаковые (6 000 карфагенян, более 5 000 римлян), так что доносить в Рим о блестящей победе не было оснований. Этот римский вариант рассказа о сражении явно восходит к официальным реляциям. Отсюда и цифры потерь, и упоминание о Нумерии Децимии, отсутствующие у Полибия; здесь, в общем, нет противоречия свидетельству Полибия. Он его лишь дополняет и уточняет. Можно думать, следовательно, что в основном события развивались так, как о них рассказывает Полибий, но что

прибытие отряда Нумерия Децимия было одним из факторов, заставивших Ганнибала отступить.

Как бы там ни было, в успехе римского оружия на этот раз никто не сомневался, хотя и можно было спорить о том, каковы масштабы победы. Один только Фабий не верил ни слухам, ни письмам и говорил, что, даже если бы все оказалось правдой, он успеха боится еще больше, чем поражения [Ливий, 22, 25, 2; Плут., Фаб., 8]. Но на него не обращали внимания. В Риме, судя по всему, склонны были преувеличивать значение происшедшего. Казалось, что уже наступает поворот к лучшему: блестящая победа над Ганнибалом свидетельствовала, что причиной бездействия и тяжелого морального состояния воинов была не их трусость, а чрезмерная осторожность их командующего [Полибий, 3, 103, 1—2]. Подобные мысли открыто высказывал народный трибун Марк Метелл, выходец из знатного плебейского рода. Ведь трибуны, как известно, пользовались сакральной неприкосновенностью, и Метелл мог безнаказанно выступать против диктатора. Вот что, по словам Ливия [22, 25, 3—11], он говорил. Существующее положение вещей стало уже совершенно невыносимым; диктатор не только, находясь в действующей армии, мешал успешно вести войну, но и, отсутствуя, старается противодействовать; он стремится затянуть войну, чтобы подольше сохранить верховную власть; Италия опустошается, а диктатор сидит в Касилине и римскими войсками охраняет свое поле; воинов, страстно желавших сразиться, он держал как бы в заточении за лагерными укреплениями; только когда он покинул армию, боины вышли за валы и разгромили врага; если бы римский народ был исполнен древнего духа, то он, Метелл, смело предложил бы лишить власти Квинта Фабия, но теперь он

удовлетворяется скромным предложением об уравнивании в правах диктатора и начальника конницы [ср.: у Плут., Фаб., 8].

Такого в Риме еще не бывало: никогда прежде, да и позже, не назначались одновременно два диктатора с одним и тем же заданием и кругом полномочий. Предложение Метелла подрывало сам принцип диктатуры — сосредоточение бесконтрольной власти в одних руках — и вело фактически к восстановлению коллегиальной власти типа консульской. По сути дела, оно явилось логическим развитием той ситуации, которая с самого начала была создана избранием Минуция на должность.

Попытки Фабия, уклонявшегося от участия в плебейских сходках, оправдаться перед сенатом и укрепить свои позиции диктатора не принесли успеха: в сенате он, по словам Ливия [22, 25, 12—15], восхвалял врага, то есть, надо думать, пытался втолковать своей аудитории, что Ганнибал — сильный и опытный противник, напоминал о поражениях римлян — следствии недалекости и неумения командного состава, требовал, чтобы начальник конницы отчитался, почему он вопреки его, Фабия, указаниям сражался с карфагенянами. Если он сохранит верховную власть, говорил Фабий, то сумеет очень скоро доказать, что для хорошего полководца не счастье важно, что господствует ум и рассудительность, что больше славы вовремя и без позора сохранить армию, чем убить многие тысячи врагов. Надоевшего всем старика более не хотели слушать, и тогда диктатор, не желавший участвовать в народном собрании, где должен был решаться вопрос о его власти, накануне ночью отправился в армию.

Наутро, однако, когда собралось народное собрание, где большинство было настроено против диктатора,

нашелся все же только один человек из правящей элиты, который решился вслух высказаться в поддержку предложения Метелла. Это был Гай Теренций Варрон, человек в среде римского нобилитета новый, однако совсем недавно занимавший должность претора [Ливий, 22, 25, 17—18], ставший после гибели Фламиния одним из руководителей демократического движения в Риме. Против предложения Метелла тоже никто не высказывался; оно было принято (по рассказу Аппиана [Ганниб., 12], явно ошибочному, решение по предложению Метелла принял сенат).

Получив по дороге известие об уравнивании в правах диктатора и начальника конницы, Фабий вернулся в действующую армию. При первой же встрече Минуций предложил, чтобы и тот и другой пользовались властью по очереди — через день или через более длительные промежутки времени. Фабий категорически отказался от этого решения, которое поставило бы его в полную зависимость от замыслов Минуция и его действий; по предложению Фабия диктаторы поровну разделили между собой пехоту, всадников и союзнические контингенты. Первый и четвертый легионы достались Минуцию, второй и третий — Фабии [Ливий, 22, 27, 5—11]. По словам Полибия [3, 103, 7—8], Фабий предложил своему коллеге либо командовать по очереди, либо разделить войска, и так как Минуций согласился на последнее, то войска были поделены. Мы, вероятно, никогда не узнаем, если только не появятся новые источники, которые пролили бы дополнительный свет на эту проблему, как было достигнуто соглашение; однако нам кажется более близким к истине рассказ Ливия. В самом деле, намереваясь дать Ганнибалу решительное сражение, Минуций был заинтересован в том, чтобы

иметь возможность распоряжаться всеми римскими войсками, хотя бы и поочередно с Фабием; он всегда мог бы найти подходящее время для осуществления своих замыслов, превратив соперника в бессильного наблюдателя, — ситуация, для Фабия совершенно неприемлемая. Фабия, если только он желал придерживаться своей прежней линии поведения, устраивало только разделение армии; его он и добился. Дело кончилось тем, что Минуций увел свои войска из римского лагеря и расположился самостоятельно недалеко от стоянки Ганнибала.

Ганнибал, несомненно, с большим удовольствием следил за событиями в Риме, а разрешение политического кризиса там доставило ему особое удовлетворение. Теперь он имел перед собой противника, ослабленного внутренними разногласиями и разделением армии на две части, которыми командовали независимые один от другого полководцы, придерживавшиеся различных стратегических концепций. Наиболее опасный из них — Квинт Фабий Максим — фактически утратил прежнюю власть и возможность серьезно угрожать карфагенянам, а другой — Марк Минуций Руф — не располагал достаточными силами, чтобы одержать победу. К тому же, играя на противоречиях между обоими диктаторами, можно было попытаться разбить их по одному.

Между карфагенским лагерем и лагерем Минуция находился большой холм, который Ганнибал решил сделать центром боя. Расположив вокруг него в различных укрытиях, неровностях и углублениях в засаде около 5 000 пехотинцев и всадников, Ганнибал, чтобы отвлечь от них внимание противника, занял этот холм своими легковооруженными войсками. Минуций не заставил себя ждать: для занятия холма он послал

легковооруженный отряд, за ним всадников, а за ними вывел и всю остальную армию. Ганнибал также посылал на холм необходимые подкрепления, которые сдерживали натиск противника и обратили в бегство его легковооруженный отряд. Паника охватила и римских всадников; только пехота Минуция продолжала двигаться вперед; внезапно с тыла на нее напали карфагеняне, укрывавшиеся в засадах, и римляне оказались в кольце. В этот момент на помощь легионам Минуция пришел Фабий; увидев, что подходят свежие силы противника и что войска обоих диктаторов перегруппировываются для контрнаступления, Ганнибал, явно не подготовленный к такому повороту событий, приказал своим солдатам отступать в лагерь.

В римской армии, а затем и в самом Риме результат сражения и не без оснований, сочли победой Фабия. Минуцию не оставалось ничего другого, как вернуться в лагерь своего соперника, отказаться от прав, которые ему совсем недавно предоставило народное собрание, и приступить, как и прежде, к исполнению обязанностей начальника конницы [Полибий, 3, 104—105; Ливий, 22, 28—30].

V

Таким образом, в результате кампании, последовавшей после битвы при Тразименском озере, Ганнибал растерял все плоды своей блестящей победы. После всех своих передвижений по Италии Ганнибал смог только расположиться лагерем возле Гереония, имея непосредственно перед собой все 4 римских легиона. Так как приближалась зима, Ганнибал был обречен на бездействие.

В Испании кампания 217 года для карфагенян развивалась крайне неблагоприятно. Гасдрубал Баркид, правда, подготовил зимой 218—217 гг. сильный флот и двинул свою армию по морю и по суше к Иберу, однако неподалеку от устья этой реки в морском сражении карфагенский флот был разбит. Римляне высадили свои войска у Онуссы и даже подошли к стенам Нового Карфагена, а также напали на остров Эбесс. Когда римский флот воротился на север от Ибера, Гней Корнелий Сципион начал наступление к Кастулонским горам, тогда как Гасдрубал отступил в Луситанию, к берегам Атлантического океана. Тем временем илергеты восстали против римлян. Гней Сципион подавил их без особого труда, однако восстание послужило Гасдрубалу сигналом к новому вторжению в области севернее Ибера. Карфагенскому полководцу недолго пришлось стоять там и готовиться к схватке с римлянами: внезапно ему сообщили, что в карфагенские владения вступили племена кельтиберов, заключившие союз с Римом. Три города они захватили и дважды сражались с Гасдрубалом, который бросился на юг организовывать оборону; карфагеняне потеряли 15 000 убитыми и 4 000 пленными. В этот момент в Испанию прибыл Публий Корнелий Сципион во главе флота в 30 кораблей и отряда в 8 000 воинов. Соединившись с братом и пользуясь тем, что пунийцы были заняты войной с кельтиберами, он повел римские войска к Сагунту, где в тот момент содержались заложники иберийских племен. Заложники благодаря хитрости и измене сумели покинуть Сагунт, и это дало братьям Сципионам возможность привлечь на свою сторону новые иберийские племена. Наступление зимних холодов прервало кампанию [Полибий, 3, 95—99; Ливий, 22, 19—22], закончившуюся очевидным преимуществом римлян.

Более удачно для карфагенян сложилось положение в другом районе. Консул Гней Сервилий Гемин, командуя флотом в 120 кораблей, обошел берега Сардинии и Корсики, беря повсюду заложников, а затем отправился в Африку. Проходя через Менигу, он опустошил ее, а с Керкины взял выкуп 10 талантов серебра за то, чтобы не жечь и не грабить ее земли. Ему удалось высадиться в Африке. Однако, вместо того чтобы укреплять созданный таким образом плацдарм, он повел своих солдат и моряков опустошать окрестные поля, и, когда они разбрелись по стране, их встретили засады карфагенян. Римляне бежали к кораблям. Потеряв около 1 000 человек, они отплыли в Сицилию [Ливий, 22, 31, 1—5]. Однако, несмотря на такой исход экспедиции, попытка Гнея Сервилия показала уязвимость карфагенских владений в Африке; поражение римлян было следствием их собственной недостаточной организованности, а отнюдь не защищенности африканского побережья.

Время шло, шестимесячный срок диктатуры Квинта Фабия Максима истек, и он обратился к консулам с предложением принять командование римскими войсками. Гней Сервилий Гемин, передав в Лилибее свой флот претору Титу Отацилию, с тем чтобы легат Отацилия Публий Сура доставил его в Рим, сам отправился к легионам, действовавшим против Ганнибала. Туда же явился и его коллега Марк Атилий Регул. Сменив диктатора и его начальника конницы, консулы строго придерживались стратегической линии Фабия — они держали армию Ганнибала под постоянной угрозой, но по-прежнему уклонялись от решающего боя, которого так хотел пунийский полководец. Пунийская армия начала испытывать острый недостаток в продовольствии, и Ганнибал даже думал, не уйти ли на север, в

Галлию; его удержала на месте только мысль, что враги и друзья примут это отступление за бегство, и тогда он окончательно потеряет все шансы на господство в Италии [Ливий, 22, 31, 6—32, 3; ср.: у Диона Касс., фрагм., 57, 21].

С наступлением зимы военные действия у Гереония постепенно прекратились. Не прекратились, однако, события, демонстрировавшие полное одиночество Ганнибала в Италии, — следствие того военно-политического поражения, которое он потерпел от Фабия. В особенности серьезным актом было появление в Риме послов с дарами из Неаполя — одной из крупнейших греческих колоний на юге Апеннинского полуострова. Аналогичное посольство прибыло в Рим и из Пестума [Ливий, 22, 36, 9]. Сиракузский царь Гиерон также прислал в Рим огромные запасы продовольствия и вспомогательный отряд — 1 000 стрелков и пращников [Ливий, 22, 37]. Когда принимали дары от неаполитанцев, были, если верить повествованию Тита Ливия [22, 32, 4—9], произнесены слова о том, что Рим — глава и акрополь всей Италии — борется не только за себя и свою власть, но и за своих союзников, их города и поля. Такова была та политическая пропаганда, которую римское правительство сочло нужным противопоставить речам Ганнибала, однако последний и в данном случае ничего не мог предпринять. Победы не было, а грабежи, убийства и пожарища очень слабо вязались с тем обликом освободителя Италии, в котором пунийский полководец хотел предстать перед ее многочисленными племенами и народностями.

Единственное, что оставалось Ганнибалу, это, пользуясь зимним перерывом, выжидать дальнейшего развития событий. Ему повезло. К моменту, когда в Риме должны были происходить выборы консулов на

новый, 216 год, там разразился еще один острейший политический кризис, исход которого непосредственно повлиял на ведение боевых операций как самими римскими военачальниками, так и Ганнибалом.

Этот политический кризис представлял собой очередную вспышку борьбы за власть между римским плебсом и сенатом. Спорили о том, как следует проводить выборы. По поручению сената претор Марк Эмилий обратился к Сервилию и Атилию с письмом, настаивая, чтобы один из них явился в Рим для проведения выборов. Сервилий и Атилий отказались: они считали, что без вреда для государства не могут покинуть армию, и, в свою очередь, предлагали, чтобы это было поручено междуцарю. Сенат счел более целесообразным прибегнуть к диктатуре. Консулы остановились на кандидатуре Луция Ветурия Филона, который и назначил своим начальником конницы Марка Помпония Матона. Однако не прошло и двух недель, как авгуры обнаружили в процедуре назначения какие-то упущения, и диктатор вместе со своим помощником получили приказание отказаться от должности; проведение выборов сенат поручил междуцарю, приняв, таким образом, точку зрения Сервилия и Атилия [Ливий, 22, 33, 9—12].

В рассказе Ливия изложена официальная версия событий. Можно полагать, что сенат рассчитывал, используя механизм диктатуры, сломить сопротивление оппозиции, но эта попытка оказалась неудачной. Возможно, однако, что диктатура была уступкой плебсу, от которой в ходе выборов поспешили отказаться. Не случайно Ливий [22, 34, 9—10] вкладывает в уста одного из ораторов на выборах, Квинта Бэбия Геренния, слова о том, что диктатор был ненавистен сенату и что к междуцарствию прибегли только с одной целью — дать сенату возможность свободно распоряжаться на выборах.

Однако гораздо важнее был другой вопрос; кто получит на следующий год консульские должности. В роли одного из кандидатов выступал Гай Теренций Варрон — тот самый, который настаивал в свое время на уравнивании в правах Фабия и Минуция, плебейский вождь, снискавший себе исключительную популярность. Ливий [22, 25, 18—26, 3; ср.: у Диона Касс., фрагм., 57, 23—25] изображает этого человека — несомненно, выходца из социальных низов — выскочкой и карьеристом. «Передают», что его отец был мясником, сам разносил свой товар и в этом рабском занятии пользовался помощью сына. Сын же, которому деньги, нажитые отцом, дали возможность в будущем выбиться в люди, избрал для себя политическую карьеру. Произнося речи в защиту людей низкого происхождения, против интересов знати, он обратил на себя внимание, а затем достиг и должностей, проделав обычную для Рима карьеру — был квестором, плебейским и курульным эдилом и претором; теперь он претендовал на высшую государственную должность. Из этого, очень пристрастного и далекого от объективности, изображения мы можем тем не менее уловить черты народного вождя, очевидно, преемника Фламиния, ненавистного знати.

Для нас чрезвычайно существенно уяснить, какова была политическая программа, с которой пришел на выборы Гай Теренций Варрон.

Ливий [22, 34, 3—11] вкладывает в уста сторонника и родственника Варрона, уже упоминавшегося Квинта Бэбия Геренния, речь в поддержку плебейского кандидата: нобили на протяжении многих лет стремились к войне с Ганнибалом и в конце концов привели его в Италию; много раз имея возможность победоносно завершить войну, что показал пример Минуция, они

злонамеренно ее затягивают. Не иначе как между нобилиями существует сговор, и война может кончиться не прежде, чем консулом будет избран настоящий плебей, то есть новый человек, не принадлежащий к нобилитету, потому что знатные плебеи (нобили) потеряли связь с плебсом и презирают его, как и патриции. Показательно, что здесь Бэбий, в изложении Ливия, как бы подхватывает то бранное обозначение выскочки (*homo novus*), которое было в ходу в Риме, и возвращает ему буквальный его смысл. Речь, сочиненная Ливием, разумеется, не представляет собой буквального воспроизведения слов Бэбия или других сторонников Варрона. Тем не менее едва ли можно сомневаться в том, что в ней приводятся какие-то шаблоны плебейской пропаганды, сведения о которых дошли до Ливия в сочинениях римских историков, прежде всего Цэлия Антипатра. Речь Бэбия — это яростная атака против методов Фабия, который сначала помешал римлянам победить и уже только потом — быть побежденными. Причины, вызвавшие подобные настроения, очевидны: все отрицательные последствия стратегии Фабия для римского, прежде всего мелкого, землевладения сохранились; если бы консулы и на будущий год ее сохранили, то и будущий год не принес бы ничего, кроме разорения.

Предвыборная борьба была исключительно острой. Был избран только Варрон. Победила плебейская линия, направленная на быстрое и решительное окончание войны. И все же другим консулом, согласно действовавшему в Риме политическим установлениям, должно было избрать патриция. Единственным, кто мог сколько-нибудь успешно вести политическую борьбу с Варроном и заставить его отказаться от своих

замыслов, нобилитет в этих условиях считал известного врага плебеев Луция Эмилия Павла. Все те, кто ранее добивался консульства, сняли свои кандидатуры, прямые ставленники Фабиев ретировались, и на ближайшем народном собрании консулом был избран Луций Эмилий Павел, единственный претендент, — не столько в качестве коллеги, сколько в качестве противника Варрона, замечает Ливий [22, 35, 1—4]⁷⁹.

Результаты выборов в Риме предопределили ход кампании 216 года. Ганнибал мог быть доволен: в римском правительстве не было и не могло возникнуть единства, так как теперь борьба между нобилитетом и плебсом превратилась в борьбу между консулами; у последних не только не было единогласия по вопросу о том, как бороться с Ганнибалом, но они придерживались прямо противоположных политических концепций; римская система управления (консулы либо делили армию на две части, либо командовали ею по очереди) позволяла Ганнибалу надеяться, что Варрон так или иначе проведет свой план в жизнь, и, следовательно, давала ему определенные шансы победить, выйти из того затруднительного положения, в которое он попал.

Как уже говорилось, одним из важнейших результатов стратегии Фабия было то, что Ганнибал фактически лишился военной инициативы и ход событий в значительной степени определялся действиями римского командования. Последнее начало подготовку к новой кампании в обстановке крайней нервозности. По городу снова распространялись слухи о грозных предзнаменованиях, что очень терроризировало население [Ливий, 22, 36, 6—9]. Однако Варрон и Эмилий

Павел не смущались этими разговорами. Они намного увеличили численность армии. Мы, правда, не знаем точно, как это произошло. Уже Ливий [22 36 1—5] имел различные сведения о мероприятиях консулов. По одним источникам, они мобилизовали дополнительно 10 000 человек; по другим — сверх уже действовавших против Ганнибала 4 легионов, из которых состояла римская армия, они сформировали еще 4, увеличив, кроме того, численность пехотинцев в каждом легионе на 1 000 человек (то есть до 5000) и всадников — на 100 (то есть до 300). Более чем вдвое увеличилась и численность союзнической пехоты — до уровня собственно римских легионов, а союзническая кавалерия должна была вдвое (по Полибию, втрое [3, 107, 9—12]) превосходить собственно римскую. Если исходить из второго варианта, который представляется более достоверным, можно сделать вывод, что всего в римском строю находилось 87 200 человек. Плутарх [Плут., Фаб., 14] называет другую цифру — 92 000. Значение этого факта станет понятно, если учесть, что армия Ганнибала непрерывно уменьшалась, даже когда активные боевые операции не велись (множество солдат гибло во время экспедиций за продовольствием и фуражом), и резервами он не располагал. Кроме того, вновь избранный претор Луций Постумий Альбин был направлен с легионом в Галлию, чтобы отвлечь туда внимание Ганнибала, а галлов, находившихся в его армии, побудить вернуться на родину [Полибий, 3, 106, 6]. Наконец, в Сицилии был увеличен римский флот, и пропретор Тит Отацилий получил полномочия, буде он сочтет полезным, высадиться в Африке [Ливий, 22, 37, 13]. Правда, Полибий [3, 106, 7] иначе изображает приготовления римских войск в Сицилии. По его словам, римляне в Сицилии были озабочены

тем, чтобы возвратить флот, зимовавший в Лилибее; судя по тому, что известно о дальнейших событиях, Полибий или его источник несколько спутали последовательность того, что происходило.

Между тем положение Ганнибала становилось с каждым днем хуже и хуже. Он по-прежнему стоял у стен Гереония. Продовольствие кончалось, накануне битвы при Каннах у карфагенян был только десятидневный запас. Пополнить его было негде: все, что возможно, пунийские солдаты уже опустошили и разграбили. В лагере Ганнибала происходили волнения. Иберийцы готовились перейти на сторону неприятеля [Ливий, 22, 40, 7—9]. Воины требовали жалованья и роптали сначала на нехватку продовольствия, а потом и просто на голод. Положение сложилось такое, что иногда и самому Ганнибалу приходила в голову мысль бросить пехоту и со всадниками пробиваться в Галлию [Ливий, 22, 43, 2—4].

В этой ситуации Ганнибалу, естественно, было на руку стремление Варрона как можно скорее дать сражение, и он делал все, чтобы укрепить римского военачальника в его намерении.

Однако мы плохо осведомлены о кампании 216 года. По рассказу Полибия [3, 107, 1—7], еще до прибытия к римской армии новых консулов Ганнибал вывел свои войска из лагеря под Гереонием и занял крепость в Каннах — небольшом городке, куда римляне свозили продовольствие. Командовавшие римской армией до прибытия консулов Сервилий и Атилий требовали от сената инструкций, так как при сближении с неприятелем уклоняться от битвы никак невозможно, поскольку страна подвергается разграблению и союзники ропщут. Сенат высказался за то, чтобы дать сражение, однако приказал дожидаться прибытия новых

консулов. Консулы явились в действующую армию, когда Ганнибал уже давно и прочно занимал Канны; первые столкновения накануне знаменитой битвы произошли возле этого города [Полибий, 3, 110].

В повествовании Полибия имеются некоторые сомнительные детали. Прежде всего, для того чтобы принять решение о дальнейшей стратегической линии, проконсулы не нуждались в указаниях сената: они могли и должны были сделать это своею властью, сообразуясь с обстоятельствами. Во-вторых, и Сервилий, и Атилий, придерживавшиеся точки зрения Фабия, не могли внезапно и так резко изменить свою позицию и говорить о необходимости сражения. Ведь, по сути дела, обстоятельства не изменились. Странной кажется и позиция сената, до этого момента активно, сколько мы знаем, противодействовавшего авантюристическим, с его точки зрения, замыслам Варрона; теперь обнаруживается вдруг, что сенат разделяет военно-политическую концепцию Варрона. Перед нами явно традиция, призванная обелить незадачливого консула и возложить ответственность за Канны на сенат, будто бы требовавший сражения. Нас, однако, больше интересует другое: прав ли Полибий, когда пишет, что карфагеняне в самом начале кампании заняли крепость в Каннах. Принципиально ничего невозможного в этом нет. Тем не менее, если явно неправдоподобно то, о чем пишет Полибий как о следствии занятия Канн, тень сомнения падает и на последнее указание. К тому же, пока Сервилий и Атилий находились во главе римской армии, Ганнибал не мог иметь сколько-нибудь обоснованную надежду вынудить их своими действиями на бой, от которого они все время уклонялись, а занятие Канн его положения существенно не меняло. Такая операция

имела бы смысл только в том случае, когда перед Ганнибалом стоял новый противник, мечтавший о победе и быстром завершении войны.

Тит Ливий [22, 41, 1—4] иначе и, по-видимому, более достоверно изображает кампанию 216 года. Когда в действующую армию прибыли новые консулы — Гай Теренций Варрон и Луций Эмилий Павел, они объединили действовавшие ранее и мобилизованные перед началом боевых операций воинские формирования и устроили два лагеря, меньший из которых выдвинули ближе к позициям Ганнибала (командование этим лагерем, где находились 1 легион и 2 000 союзников — всадников и пехотинцев, они возложили на Гнея Сервилия Гемина); в большем лагере находилась остальная часть армии. Марк Атилий Регул, человек уже преклонного возраста, получил разрешение вернуться в Рим.

Первое столкновение между римлянами и карфагенянами произошло, в общем, неожиданно для полководцев. Когда карфагенские солдаты в очередной раз вышли из лагеря в поисках хлеба и фуража, на них бросились римляне, чтобы воспрепятствовать грабежу; завязалась беспорядочная стычка, закончившаяся очевидным успехом римлян: из последних и их союзников было убито около 100 человек, тогда как карфагеняне потеряли примерно 1 700. Римляне врассыпную преследовали отступающего неприятеля, однако командовавший в тот день консул Л. Эмилий Павел остановил наступление, опасаясь засады. Варрон громко негодовал: враг выпущен из рук; если бы не бездействие, уже можно было бы кончить войну. В общем, не огорчился и Ганнибал: он понимал, что этот успех римлян укрепит у Варрона уверенность в победе и, следовательно, приблизит его, Ганнибала, к осуществлению своих замыслов.

Ганнибал решил прибегнуть к хитрости. Ближайшей же ночью он вывел свои войска из лагеря, оставив там все имущество. За горами по левую сторону он спрятал пехотинцев, справа — всадников; когда же римляне явятся грабить поспешно будто бы брошенный лагерь, Ганнибал рассчитывал напасть на них и уничтожить. Чтобы укрепить у римлян уверенность, будто лагерь покинут и карфагеняне поспешно бежали, Ганнибал оставил множество ярко горящих костров якобы для того, чтобы замаскировать свое отступление [22, 41, 6—9].

Когда рассвело, римские солдаты убедились, что пунийцы бежали, бросив свое имущество, и начали требовать от консулов, чтобы те немедленно вели их преследовать противника и грабить лагерь. Варрон добивался того же; Эмилий Павел настаивал, чтобы были приняты меры предосторожности, однако сумел только отправить на разведку отряд луканских всадников под командованием Мария Статилия. Вернувшись, разведчики доложили: засада, конечно, существует, огни оставлены только в той части лагеря, которая обращена к римлянам; палатки открыты, все дорогие вещи оставлены на виду, кое-где даже видно серебро, разбросанное на дороге как будто для приманки. Сообщение Мария Статилия произвело эффект, обратный тому, которого ожидал Эмилий Павел: воины стали еще громче и решительнее требовать, чтобы был дан сигнал к выступлению; в противном случае они пойдут сами и без сигнала. Варрон скомандовал выступать, и лишь в последний момент Павлу удалось остановить коллегу. Боевые значки легионов уже выносили за ворота, когда посланец Эмилия сообщил Варрону, что во время гадания на курах Эмилий не получил благоприятного предзнаменования.

Суеверный страх побудил Варрона остановиться, но ему еще долго пришлось убеждать разгоряченных воинов вернуться в свой лагерь. Пока у ворот спорили, туда явились два раба. Один из них принадлежал формианскому, а другой — сицилийскому всадникам; во время предыдущей кампании их захватили нумидийцы, а теперь они убежали к своим хозяевам. Приведенные к консулам рабы объявили, что вся армия Ганнибала укрыта за горами в засаде [Ливий, 22, 42].

План Ганнибала, основанный на глубоком знании психологии солдата, в том числе и римского, провалился из-за сопротивления Эмилия Павла и из-за нелепой случайности — бегства двух рабов, которые выдали противнику все замыслы карфагенского полководца. Перед Ганнибалом снова встал вопрос, что делать дальше, и он решил переместиться в более теплые места Апулии, где раньше созревал урожай. Снова ночью карфагенские войска покинули лагерь, оставив там несколько палаток и огни, чтобы враг по-прежнему опасался засады. Однако на этот раз никакой засады не было. Ганнибал расположился лагерем у поселения Канны, обратившись тылом в сторону южного ветра, несшего с собой массу пыли. Показательно, что Ливий не знает о том, что Ганнибал занял каннский акрополь. Римляне, убедившись, что засады нет, двинулись следом за ним [Ливий, 22, 43].

Оказавшись в непосредственной близости от Канны и от неприятельских позиций, римляне, как рассказывает Ливий [22, 41, 1—45, 1], устроили, как и при Гереонии, два лагеря: больший на одном и меньший на другом берегу Ауфида, где вообще не было карфагенских войск (то есть, очевидно, на левом). Теперь Ганнибал уже мог твердо надеяться, что желанное

сражение будет дано, причем в условиях, максимально для карфагенян выгодных — на равнине, удобной для наступления их конницы, значительно превосходившей римскую. Выстроив своих солдат, Ганнибал выслал вперед нумидийских всадников, чтобы вызвать римлян на битву. В римском лагере начались волнения: воины желали идти в бой, консулы ожесточенно между собою спорили. Пока так проходило время, Ганнибал возвратил своих воинов в лагерь.

Полибий [3, 110] иначе излагает эти события. По его версии, консулы, прибыв к действующей армии, повели все войска к расположению противника и после двухдневного перехода расположились примерно в 50 стадиях (около 10 км) от него. Эмилий Павел, видя, что местность благоприятна для конного сражения, считал, что необходимо пока уклоняться от боя, уходить дальше и заманить неприятеля в такое место, где исход боя могла бы решить пехота. Варрон придерживался другого мнения и, когда наступила его очередь командовать, приказал перевести римский лагерь поближе к неприятелю. Во время этого перехода Ганнибал внезапно напал на римлян отрядами легковооруженной пехоты и всадников, вызвал панику в их рядах. Однако римляне выдержали первый удар, выставив вперед тяжеловооруженных пехотинцев, а затем, направив против карфагенян метателей дротиков и всадников, одержали (так пишет Полибий) решительную победу. Ночью противники разошлись; на следующий день Эмилий, которому теперь принадлежало командование, не считавшим возможным продолжить сражение. Он не мог и отступить и расположился лагерем с двумя третями войска на берегу Ауфиды: остальных он разместил на другом берегу реки восточнее переправы, примерно в

10 стадиях от главного лагеря. После этого Полибий [3, 112] излагает события, о которых рассказывает Ливий.

Какая из этих двух версий, во многом исключающих одна другую, предпочтительнее? Полибий говорит о перемещении римского лагеря под Каннами и о победе римского оружия. Между тем Ливий об этом ничего не знает. По его версии, римляне сразу же расположились в непосредственной близости от противника, безуспешно пытавшегося вызвать их на бой и в конце концов вынужденного отвести свои войска от боевых позиций. Вообще говоря, версия Ливия представляется более логичной и действия, которые он приписывает обеим сторонам, — более целесообразными. В самом деле, останавливаться лагерем в 50 стадиях от неприятеля значило упустить его из виду и потерять возможность следить за его действиями. Добивалось ли этого римское командование? Едва ли, даже если исключить желание сразиться и предполагать только активное противостояние. Если принять во внимание тот план, который Полибий приписывает Эмилию Павлу, то и он не мог быть осуществлен без непосредственного соприкосновения с противником: римляне не могли без боя уйти, оставив Ганнибала хозяйничать в районе Канн. С другой стороны, переход на новое место, устройство нового лагеря делали римские войска уязвимыми. Трудно представить военачальника, даже такого неумелого, каким традиция изображает Варрона, который решился бы на подобную операцию в столь неблагоприятных условиях. Кстати говоря, и победа римлян, одержанная ведь под командованием Варрона, не вяжется с представлением о неопытном и бездарном стратеге — Варроне в Полибиевом повествовании. Совершенно неоправданными

выглядят и действия Эмилия, прекращающего победоносно начатое наступление из чрезмерной осторожности. Между тем в рассказе Ливия действия обеих сторон хорошо объясняются и объективными потребностями, и субъективными побуждениями действующих лиц. Римляне располагаются в непосредственной близости от Ганнибала на обоих берегах Ауфида, получают возможность контролировать более обширную территорию и повторить то, что Фабий и Минуций, а вслед за ними Сервилий и Атилий проделали под Гереонием, — довести армию Ганнибала до критической ситуации. Ганнибал, естественно, пытается вызвать римлян на поле брани, а Эмилий, исходя из своей, а в основе Фабиевой стратегической концепции, не выпускает римских воинов из лагеря.

Как бы то ни было, Ганнибал отвел все свои войска, кроме нумидийских всадников, которым велел переправляться на левый берег Ауфида и напасть на римских воинов, ходивших из лагеря за водой. Появившись там, всадники обратили в бегство нестройную толпу римлян, подскакали к посту перед лагерным валом и чуть ли не к воротам. Все это еще больше возбудило и без того волновавшихся римских солдат (пунийцы осмеливаются подходить уже и к лагерю!), и только власть Эмилия Павла да еще воинская дисциплина удержали их от немедленной переправы через реку. По Полибию [3, 112, 2], действия Эмилия объясняются тем, что, согласно его предположениям, Ганнибал должен был перенести вскоре свой лагерь в другое место; сам же Эмилий был недоволен местностью. Однако на другой день командование перешло к Варрону, и тот своею властью (не советуясь с коллегой, замечает Ливий) перевел все войска на левый берег; там консулы выстроили всю римскую

армию в боевой порядок: на правом фланге, более близком к реке, расположили всадников, на левом — конницу союзников и ближе к центру — их пехоту. В центре находились римские легионы, а перед строем — пращники и другие легковооруженные воины. Командование левым флангом взял на себя Гай Теренций Варрон, правый фланг он поручил Луцию Эмилию Павлу и центр — Гнею Сервилию Гемину [Полибий, 3, 112, 1—5; 3, 113, 1—5; Ливий, 22, 45]. Иначе изображает эти события Аппиан [Ганниб., 19]. Центром, по его словам, командовал Эмилий, левым флангом — Сервилий и правым — Варрон.

Цель, которую поставил перед собою Ганнибал, была достигнута. Рано утром он переправил на левый берег Ауфида балеарские части и другие легковооруженные формирования, а за ними и остальных солдат. На левом фланге, ближайшем к реке, он поставил иберийских и галльских всадников, которые должны были действовать против римской конницы, в центре — пехоту (половину — тяжеловооруженных ливийцев, посредине этого строя — галлов и иберов, а за ними — снова ливийцев) и на правом фланге — нумидийских всадников, которые здесь должны были сражаться с римскими союзниками. Ливийцы были вооружены трофейным оружием, отобранном у римлян. Численность карфагенской армии составляла 40 000 пехотинцев и 10 000 всадников. Напомним, что римская армия насчитывала более 80 000 человек. Расположены были карфагеняне исключительно удобно: лицом к северу и спиной к ветру, дувшему и несшему песок и пыль в лицо римлянам; солнечные лучи не слепили воинов. При построении Ганнибал выдвинул вперед иберов и галлов, которые должны были первыми вступить в бой, а остальных расположил так, что образовалось нечто

вроде выгнутого в сторону фронта огромного полумесяца, делавшегося по краям все тоньше и тоньше. Командование левым флангом Ганнибал поручил Гасдрубалу, правым — Махарбалу (по Полибию, Ганнону), а сам вместе со своим братом Магоном взял на себя центр. Сведения Аппиана [Ганниб., 20] и в этом случае существенно отличаются от сведений других авторов: по его данным, правым флангом командовал Магон Баркид, левым — племянник полководца Ганнон, центром — сам Ганнибал; Махарбалу был поручен отряд в 1000 всадников.

Сражение, как и обычно, завязали легковооруженные солдаты. Затем галльско-иберийская конница Ганнибала обрушилась на правый римский фланг. В ожесточенном сражении воины, сбившись в кучу, стаскивали один другого с коней, ожесточенно рубились. Наконец римляне, преследуемые врагом, побежали вдоль реки. Тем временем в бой вступила пехота, и иберийско-галльские пехотинцы Ганнибала после упорного сопротивления начали медленно отступать, увлекая за собой римлян, проникавших все глубже в расположение карфагенских войск. Между тем ливийские пехотинцы с обоих флангов атаковали римлян, а немного погодя заперли их и с тыла. Римская пехота оказалась в кольце. На левом фланге наступление нумидийской кавалерии началось с того, что около 500 всадников явились в расположение римлян и объявили, положив щиты и стрелы, что сдаются в плен; немного времени спустя, выхватив заранее спрятанные мечи, они бросились на римлян с тыла. Основную массу нумидийцев Гасдрубал отправил преследовать отступающего противника⁸⁰.

Судьба битвы была решена. Консул Л. Эмилий Павел был убит. Римляне со все бóльшим напряжением

держали круговую оборону; воины падали одним за другим. По данным Полибия [3, 117, 3], в бою погибло около 70 000 римлян, а бежать сумело около 3 000 человек. Евтропий [3, 10] исчисляет потери римлян следующим образом: 60 000 пехотинцев, 3 500 всадников и кроме этого 350 представителей знати — сенаторов и лиц, ранее занимавших высшие должности в Риме. По Орозию [4, 16, 2], сведения которого явно преуменьшены, римляне потеряли 44 000 убитыми. Плутарх [Фаб., 16] пишет, что римляне потеряли убитыми 50 000, пленными 4 000; примерно 10 000 было взято и в обоих лагерях. Среди убитых были Гней Сервилий Гемин и Марк Минуций Руф. Варрон с 50 всадниками (по Полибию [3, 117, 2], с 70 всадниками) бежал в Венусию [Полибий, 3, 115—116; Ливий, 22, 47—49; Зонара, 9, 1; Апп., Ганниб., 17, 24; Фронтин, 2, 3, 7]. 7000 римлян сумели бежать в меньший лагерь, 10 000 — в больший, а почти 2 000 — в Канны. Последних окружил отряд карфагенян под командованием Карталона и захватил в плен. Часть римских воинов во главе с военным трибуном Публием Семпронием Тудитаном прорвались из меньшего лагеря в больший [Ливий, 22, 50]. Те, кто остались в меньшем лагере, после непродолжительного сопротивления сдались Ганнибалу. По соглашению между ними и пунийским полководцем они должны были выдать оружие и лошадей; за людей устанавливался выкуп: 300 денариев серебра за римлянина, 200 — за союзника, 100 — за раба. Некоторое время спустя из большого лагеря 4 000 воинов ушли в Канусий, а остальные сдались на тех же условиях. Сам Ганнибал потерял, по данным Ливия [22, 52], 8 000 воинов, а по сведениям Полибия [3, 117, 6], — около 6 000.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

**НА ПУТИ К ЗАКАТУ
(ОТ КАНН ДО
ПАДЕНИЯ КАПУИ)**

Блестящая победа при Каннах потрясла современников. Римская армия была полностью уничтожена. Италия, казалось, целиком была во власти Ганнибала. Тем не менее Рим еще не был покорен, и перед Ганнибалом снова встал вопрос: что же дальше?

Ливий рассказывает [22, 51, 1—4], что пунийские офицеры, поздравлявшие Ганнибала с победой при Каннах, советовали ему дать отдых себе и усталым воинам. Только начальник конницы Махарбал предлагал, не теряя ни минуты, двинуться на Рим. «На пятый день, — передает Ливий его слова, — ты будешь победителем пировать на Капитолии. Следуй за мной; я пойду со всадниками впереди, чтобы прийти раньше, чем они узнают, что я собираюсь идти». Однако Ганнибалу, по словам Ливия, это предприятие показалось слишком уж грандиозным, для того чтобы он сразу мог принять решение. «На обдумывание совета Махарбала нужно время», — такими словами ограничился пунийский полководец. «Не все, конечно, дают боги одному человеку, — ответил Махарбал. Ты умеешь побеждать, Ганнибал; пользоваться победой ты не умеешь». Мы не знаем, как реагировал Ганнибал на такую неслыханную дерзость; вероятнее всего, он предпочел промолчать. Однако присутствовавшие при этом пунийцы и греки хорошо запомнили и совет, и решение Ганнибала, и заключительную фразу Махарбала; весь эпизод прочно вошел в античную историческую традицию, которую очень интересовало, почему Ганнибал не пошел на Рим [ср.: у Плут., Фаб., 17; Зонара, 9, 1; Вал. Макс., 9, 5, 3]. Катон, также рассказавший о диалоге Ганнибала и Махарбала [Катон, фрагм., 86; Гелл., 10, 24,

7; ср. также: Цэлий, фрагм., 25; Гелл., 10, 24, 6. Его изложение также восходит к Катону], добавляет: на следующий день Ганнибал призвал к себе начальника конницы и сказал ему: «Я пошлю тебя, если хочешь, со всадниками». — «Поздно, — ответил Махарбал, они уже знают» [Катон, фрагм., 87; Гелл., 2, 19, 9]. Очевидно, Махарбал рассчитывал на эффект полной внезапности; и действительно, операция, которую он предлагал, могла стать успешной только в одном случае — если не давала врагу опомниться от понесенного страшного поражения.

Интересна позднейшая реакция Ганнибала и окружения на его действия после Канн. По словам Ливия [26, 7], они хорошо понимали, что открывавшиеся благоприятные возможности упущены; Ливий говорит даже о недовольстве ближайших сподвижников полководца.

Пока, однако, в командовании карфагенской армии, которая явилась под водительством Ганнибала в Италию, противостояли одна другой две точки зрения. И той и другой нельзя отказать в логичности. Совет предоставить войскам отдых имеет смысл, если принять, что основную целью Ганнибала был не прямой удар по Риму и его уничтожение, а разрушение Италийского союза⁸¹ и объединение всех италиков для борьбы с Римом⁸², если думать, что Ганнибал не имел (или считал, что не имеет) даже после Канн сил, достаточных для ведения победоносной борьбы непосредственно на уничтожение Рима⁸³, если считать, что Ганнибал хотел только принудить Рим заключить выгодный для Карфагена мирный договор⁸⁴. Предполагают даже, что Ганнибал вообще не хотел ликвидировать Рим, дабы не создавать в Италии политического вакуума, который могла бы заполнить

Македония⁸⁵. Позиция Махарбала отвечала другой точке зрения, согласно которой целью войны было ниспровержение и уничтожение Рима любыми средствами; Махарбал основывался на том, что после кровавого побоища у берегов Ауфида Рим не располагал организованной вооруженной силой и, следовательно, не мог оказать сколько-нибудь эффективного сопротивления. Теперь главное уже сделано и остается только последним решительным ударом добить врага и на римском пепелище закончить войну⁸⁶.

Насколько все эти концепции ведения войны были обоснованны, трудно сказать. Мы не можем провести исторического эксперимента, чтобы представить себе, как бы развернулись события, если бы Ганнибал последовал совету своего начальника конницы. И все же результаты его дальнейших действий на юге Италии говорят сами за себя. Как мы увидим далее, Ганнибал после Канн желал заключения договора. Возможно, что он считал свою армию, понесшую, конечно, значительные потери во время перехода через Альпы и в ходе военных действий в Италии, недостаточно сильной для того, чтобы атаковать Рим и осадить его. Однако дело не только в этом. Создается впечатление, что Ганнибал был морально не готов к продолжению войны, полагая, что разгром и уничтожение римской армии под Каннами завершает войну и делает Карфаген хозяином Западного Средиземноморья, принуждает Рим автоматически подчиниться пунийской власти. Однако попытки Ганнибала завязать мирные переговоры с римскими властями были с презрением отвергнуты. После Канн для восстановления сил Рим нуждался прежде всего во времени, и он его получил. Не случайно римская традиция довольно настойчиво утверждает, что именно медлительность Ганнибала в

тот день спасла и город и государство [Ливий, 22, 51, 4; Орозий, 4, 16, 4; Зонара, 9, 1]. Ганнибал оставался на юге, и вся Центральная Италия сохранила союз с Римом. Ганнибал тратил время и силы на бесполезные осады то одного, то другого города. А Рим тем временем готовил и обучал новую армию⁸⁷, сам перешел в наступление и добился успеха⁸⁸. Римская система ведения войны вообще претерпела после Канн весьма существенные изменения⁸⁹. Во главе армии ставились опытные военачальники, чьи полномочия в случае необходимости продлевались на большой срок; римские полководцы уже не ограничивались только наблюдениями за действиями противника, но и не бросались безрассудно на врага, они занимали укрепленные позиции, стремились упрочить положение Рима в районе, ставшем театром военных действий, вступали в бой, когда победа обещала серьезные результаты, а поражение не грозило гибелью. В то же время Ганнибал в ходе многолетней войны терял своих ветеранов — основное ядро армии — и должен был их заменять новобранцами — италиками и галлами⁹⁰.

Результаты войны показывают, что, какими бы расчетами ни руководствовался Ганнибал, они оказались ошибочными. Весь последующий ход событий свидетельствует: если у Ганнибала и была когда-нибудь реальная возможность добиться окончательной победы, то только сразу же после Канн и только прямым ударом на Рим. После Канн, которые стали действительно переломным пунктом в ходе войны, Ганнибал, вероятно не желавший рисковать плодами столь блестящей победы и, судя по всему, не имевший определенного плана военных действий, не сумел захватить главного — стратегической инициативы — и потерял все.

I

Как бы то ни было, уже первые шаги Ганнибала свидетельствовали о том, что он считает войну оконченной, а себя — несомненным победителем. Рассказывали, что он отослал на родину три аттических медуны (около 157,59 л) золотых всаднических и сенаторских колец, снятых солдатами с убитых врагов [ср.: у Диона, Касс., фрагм., 27; Орозий, 4, 16, 5], — трудно было более наглядно показать истинные масштабы римских потерь, то отчаянное положение, в котором очутились римляне. Однако одновременно Ганнибал решил сделать по отношению к Риму дружественный жест, приоткрыть дверь для переговоров, подать надежду на спасение от, казалось бы, неизбежной катастрофы.

Руководствуясь своим давним политическим расчетом — стремлением завоевать расположение италиков и оторвать их от Рима, Ганнибал, как это бывало и прежде, из общей массы пленных выделил римских союзников и отпустил их на свободу без выкупа [Ливий, 22, 58, 2]. Потом он обратился к римлянам и, по рассказу Ливия [22, 58, 3—9], который, по-видимому, более или менее точно передает содержание речи Ганнибала, заявил им, что вовсе не собирается вести с римлянами истребительную войну. Он сражался с Римом из-за чести и власти; отцы нынешних карфагенян были побеждены римской доблестью, теперь он, Ганнибал, хочет, чтобы Рим был побежден его доблестью и удачей. Поэтому он предоставляет римлянам, попавшим в плен, возможность выкупиться и назначает цену: за всадников — 500 денариев, за пехотинцев — 300 денариев, за рабов — 100 денариев.

Для того чтобы передать это предложение сенату, пленники избрали из своей среды десять человек, и последние без всякого залога отправились в Рим. С них была взята клятва вернуться в плен после обсуждения вопроса в сенате. За всеми этими словами и любезностями нетрудно было при желании услышать приглашение заключить мир на условиях, аналогичных тем, которыми в свое время окончилась I Пуническая война (только теперь основные положения договора продиктовал бы Ганнибал, а территориальные и иные потери в Сицилии и Италии выпали бы на долю Рима). Мало того, вместе с пленниками, уезжавшими в Рим, Ганнибал отправил одного из своих приближенных, Карталона, который должен был вступить в контакт с римскими властями и разузнать, не пожелают ли они начать мирные переговоры. Однако римский диктатор (мы подробно остановимся далее на мерах, принятых римским правительством для ликвидации последствий катастрофы) выслал навстречу полуофициальному посланцу Ганнибала ликтора с приказанием до наступления темноты покинуть территорию, принадлежащую Риму [Дион Касс., фрагм., 36].

Неудача миссии Карталона была для Ганнибала первым и, пожалуй, самым зловещим симптомом: Рим отказывался считать войну проигранной, видеть в Ганнибале победителя и просить у него пощады и мира. И римское правительство нетрудно было понять: заключая с Ганнибалом мир, оно должно было бы своими руками уничтожить все здание своего господства в Италии, поставить под угрозу земли, захваченные римским крестьянством в результате длительных, кровопролитных войн; господство Карфагена и его неминуемая гегемония в Италии создавали прямую опасность

если и не физической гибели Рима, то, во всяком случае, утраты независимости и превращения в один из городов, подвластных Карфагенской державе. Для Рима после Канн война резко изменила свой характер: из войны за власть над Западным Средиземноморьем, в том числе над Италией, она стала на какое-то время войной за свободу и независимость, против чужеземного гнета.

Ганнибал плохо рассчитал. Вместо переговоров ему предстояло готовиться к новому туру войны.

Говоря о положении воюющих сторон после битвы при Каннах, Тит Ливий [22, 61, 10—12] пишет: «Насколько это поражение было серьезнее предшествующих поражений, показывает то, что верность союзников, которая до этого оставалась прочной, тогда начала колебаться только потому, что они потеряли надежду на сохранение римской власти. К пунийцам примкнули народы: ателланы, калатины, гирпины, часть апулийцев, самниты, кроме пентров, все брутии, луканы, а кроме них узентины и почти все греческое побережье (Италии — *И.К.*) — тарентинцы, метапонтинцы, кротонцы и локры, а также все цисальпинские галлы». Приблизительно так же оценивает ситуацию и Полибий [3, 118, 2—4]: «Карфагеняне благодаря этой победе тотчас же овладели почти всем остальным побережьем и так называемой Великой Грецией: ведь тарентинцы тотчас же им передались, а агриппинцы и некоторые из капуанцев звали к себе Ганнибала. Все же остальные обращали свои взоры на карфагенян, питая большую надежду, что они с ходу овладеют и самим Римом». Подобную картину рисуют и другие античные

историографы: «После этого сражения многие города Италии, находившиеся под властью Рима, перешли на сторону Ганнибала» [Евтропий, 3, 11]; «Кампания и почти вся Италия, совершенно разочаровавшись в том, что римляне смогут восстановить свое положение, перешли на сторону Ганнибала» [Орозий, 4, 16, 10].

Попытаемся, однако, выяснить, насколько эта оптимистическая для Ганнибала оценка ситуации после Канн соответствовала реальному положению вещей и, что особенно существенно, давала ли она Ганнибалу реальные военно-политические преимущества. На первый взгляд эти преимущества были очевидны: Итальянский союз если и не распался окончательно, то, во всяком случае, много потерял в своей прочности, а Ганнибал получил в Италии относительно надежный тыл. И все же нельзя было забывать, что битва при Каннах послужила сигналом к обострению социально-политической борьбы в итальянских городах и, следовательно, создала там атмосферу политической нестабильности, что никакие органические интересы не связывали новоявленных союзников с Карфагеном; раз изменив Риму, они могли при новом повороте судьбы изменить и Ганнибалу; все зависело от того, какая именно группировка — демократическая или аристократическая, проримская или антиримская — окажется у власти в каждый данный момент, а это, в свою очередь, в немалой степени зависело от побед и поражений самого Ганнибала. Кроме того, и на юге Италии значительная группа городов отказалась признать власть Ганнибала, так что ему приходилось применять против них вооруженную силу.

Само собой разумеется, на стороне Рима оставались латинские колонии в Южной Италии — Брундисий,

Венусия, Пестум и другие, которые в случае победы Ганнибала рисковали потерять землю; ее пунийский полководец обещал возвратить коренному населению⁹¹. О позиции апулийских городов мы вообще плохо осведомлены. Известно, правда, что часть римской армии бежала из Канн в Канусий, где только одна местная аристократка Буса предоставила беглецам продовольствие, одежду и деньги [Ливий, 22, 52, 7]. Явно холодный прием, который оказала им основная масса горожан, объясняется, очевидно, опасением возмездия со стороны Ганнибала. Другой апулийский город, Аргириппы (Арны), перешел на сторону Ганнибала. Организатором этого дела был Дасий Альтиний, один из местных аристократов, считавшийся потомком аргивянина Диомеда — основателя города [Ливий, 24, 45, 2; Апп., Ганниб., 31]. Враждебную Риму позицию заняла и Салапия, где во главе пропунийской партии стоял Дасий [Ливий, 26, 38, 6; Апп., Ганниб., 45], по всей видимости родственник Альтиния. Не исключено, что в данном случае имело место совместное выступление обоих городов под общим руководством. Насколько мы знаем, Венусия сочувственно отнеслась к римлянам, бежавшим из-под Канн [Ливий, 22, 54, 1—3], что, быть может, объясняется присутствием именно в этом городе консула Г. Теренция Варрона, который собирал там и организовывал уцелевших воинов.

Сразу же после битвы при Каннах Ганнибал двинулся из Апулии в Самниум. Именно здесь, в стране, оказывавшей наиболее упорное и успешное сопротивление римлянам (достаточно вспомнить унижительные для Рима события 321 г., когда, окруженные в Кавдинском ущелье, римляне должны были заключить

позорнейший мир, обязавшись уйти из Самниума и даже пройти под «игом»), в стране, где еще живы были традиции борьбы за свободу и независимость, он мог рассчитывать на эффективную поддержку. Надежды Ганнибала, в общем, оправдались.

Непосредственной целью наступления пунийских войск была страна гирпинов, куда Ганнибала призывал некий Статий Требий, принадлежавший к аристократическим кругам г. Компсы. У власти в Компсе стояли враги Требия — род Мопсиев с многочисленными клиентами и сторонниками, опиравшийся на поддержку Рима. Наш единственный источник — Тит Ливий [23, 1, 1—3] — говорит даже, что Мопсии были римскими ставленниками. Когда разнеслась весть о битве при Каннах, Требий распространил известие о том, что Ганнибал идет к Компсе, и перепуганные Мопсии со всеми своими приверженцами покинули город. Компса без боя сдалась Ганнибалу и приняла в свои стены пунийский гарнизон. Эти события показали Ганнибалу, что даже в среде местной аристократии он может рассчитывать на поддержку определенных кругов, именно тех, кому римляне преграждали дорогу к власти и кто боролся за первенство и господство с римскими приспешниками. Они показали, однако, и другое: роды, ориентировавшиеся на Рим, предпочитали изгнание соглашению с Ганнибалом⁹².

Компсу Ганнибал решил сделать, по крайней мере на первых порах, своим опорным пунктом. Здесь он оставил добычу и обоз, отсюда он велел своему брату Магону двинуться в глубь Самниума, чтобы там принимать под власть Карфагена тех, кто будет переходить на его сторону, а тех, кто не пожелает добровольно, принуждать силой [Ливий, 23, 1, 4].

По-видимому, кампания Магона была успешной, и, судя по тому, что известно о дальнейшем поведении самнитских городов, таких, как Компультерия, Требула и Австикула [Ливий, 23, 39, 6], и о расправе, которую римляне учинили в районе Кавдии [Ливий, 24, 20, 4—5], самнитские города добровольно и с охотой признавали господство Ганнибала, избавлявшее их от римского владычества.

Сам же Ганнибал направился к Неаполю, чтобы осадить и захватить этот важнейший приморский город Южной Италии, получить таким образом выход в море [Ливий, 23, 1, 5]. Войдя на его территорию, часть своих нумидийских всадников Ганнибал расположил в засадах (чему немало способствовала сильно пересеченная местность, где должны были действовать карфагенские войска), а остальных вместе с добычей, захваченной по дороге, двинул прямо к городским воротам. Нумидийцы шли не очень большой, беспорядочной толпой и, казалось, легко могли быть уничтожены; эту задачу попытался решить отряд неаполитанских всадников, атаковавший приближающегося противника. Нумидийцы стали отходить, заманивая неприятеля к засаде, там окружили его и почти целиком уничтожили. Часть неаполитанцев из тех, кто умел плавать, спаслась на лодках рыбаков, занимавшихся недалеко от места боя своим обычным делом. Несколько молодых неаполитанских аристократов попали в плен и были убиты. Таким образом, неаполитанские власти не пожелали впустить к себе карфагенян; мы ничего не слышали и о каких-либо попытках заключить союз между Неаполем и Карфагеном. Очевидно, битва при Каннах не произвела на неаполитанцев того впечатления, на которое Ганнибал рассчитывал.

Т. Моммзен объясняет эту позицию Неаполя его отрицательным отношением к пунийцам и к итальянским союзникам последних; итальянские греки были привязаны к Риму, который обходился с ними необыкновенно мягко и никогда не упускал случая продемонстрировать свой эллинизм⁹³. У. Карштедт отмечает два момента: греческое происхождение Неаполя и его враждебные отношения с городами кампанийского хинтерланда⁹⁴. И. Л. Маяк ищет объяснения поведению Неаполя в истории этого города, который в 236 г. местные аристократы склонили к подчинению Риму с сохранением суверенного самоуправления; во время II Пунической войны аристократическая партия сохранила свое господствующее положение и свои связи с Римом⁹⁵. Все эти соображения содержат, очевидно, определенную долю истины. Греческие города не могли не видеть, в Карфагене истинного смертельного врага, с которым греки Западного Средиземноморья вели борьбу не на жизнь, а на смерть уже несколько столетий и победа которого привела бы к полной утрате всех их торговых связей, а может быть, и к гибели. Союз Ганнибала с коренным населением Южной Италии, враждебно относившимся к греческим колонистам и стремившимся к ликвидации колоний, также не мог не насторожить греков. Наконец, само собой разумеется, что у власти в Неаполе стояла группировка, по всей видимости аристократическая, враждебная Карфагену и давними и прочными узами связанная с Римом.

Одержав легкую победу над неаполитанскими всадниками, Ганнибал тем не менее не решился осаждать Неаполь [Ливий, 23, 1, 10; ср.: у Зонары, 9, 2] и повел свои войска к Капуе — соседу и старому врагу Неаполя.

Наши источники, когда они пытаются объяснить позицию, занятую Капуей после битвы при Каннах, основное внимание уделяют «изнеженности» и «испорченности» капуанцев — качествам, которые явно и определенно противопоставляются гражданским и воинским добродетелям тех, кто сохранил верность союзу с Римом [Полибий, 7, 1—2; Ливий, 23, 2, 1]. Однако в повествовании Тита Ливия, когда он говорит о своеволии капуанского плебса, без меры пользовавшегося свободой, проглядывают подлинные факты — острая социальная борьба, охватившая в этот момент Капую, борьба, судя по его дальнейшему повествованию [23, 2, 3], между плебсом и сенатом, т.е. местными аристократическими кругами.

После Канн основной политической проблемой для Капуи стало — ориентироваться ли и далее на союз с Римом или же предпочесть Ганнибала; было ясно, что, стоит только Ганнибалу приблизиться к городу, как капуанцы изберут последнее решение [Ливий, 23, 2, 3].

Как рассказывает Тит Ливий [23, 2—3] (ср.: у Диодора [26, 10]), политической борьбой в Капуе решил воспользоваться в карьеристских целях один из капуанских аристократов, располагавший широкой поддержкой демократических кругов и уже однажды — в год Тразименской битвы — занимавший в городе высшую магистратуру (*медикс тутикус*), — Пакувий Калавий. Для достижения своих целей Пакувию Калавию необходимо было мирными по возможности средствами сломить сопротивление капуанского сената, и с этой задачей он блестяще справился. Собрав заседание сената, Пакувий Калавий обратился к перепуганным аристократам с речью, в которой самыми черными красками обрисовал их

положение. Он сам, Пакувий, прочнейшими узами связан с Римом, и поэтому он согласится на измену римлянам только в случае крайней необходимости; однако народ замыслил убить всех сенаторов и затем передать государство Ганнибалу и карфагенянам. Только он, Пакувий, может спасти сенаторов от неминуемой гибели, если они ему доверятся. Получив согласие сенаторов и отчасти посвятив их в свои дальнейшие планы, он запер их в курии и поставил у входа стражу. Отрезав таким способом капуанский сенат от внешнего мира, Пакувий созвал народное собрание и приступил к исполнению второй части задуманной операции. По словам Тита Ливия, он предложил гражданам покарать каждого сенатора в соответствии с тяжестью его преступлений, однако при том неременном условии, чтобы на место каждого устраниваемого или казнимого члена совета тут же выбирался новый. Соблюсти это условие, как и рассчитывал Пакувий, оказалось невозможным; любая кандидатура вызывала резкие возражения: одни участники собрания кричали, что не знают этого претендента на сенаторское кресло, другие обличали его позорные поступки, третьи говорили о низком происхождении, о бедности, несовместимой со званием сенатора, о компрометирующих с точки зрения эпохи занятиях ремеслом. В конце концов стало ясно, что заменить сенаторов нечем, и их выпустили из-под стражи⁹⁶.

Устрашенные этими событиями, сенаторы (за редкими исключениями; исключения, как увидим, все же были) не сопротивлялись больше диктаторскому режиму, созданному Пакувием. Характеризуя положение в Капуе после переворота, Ливий [23, 4, 2—6] писал: «С этого времени сенаторы, позабыв о своем

достоинстве и самостоятельности, начали пресмыкаться перед плебсом — низкопоклонничать, любезно приглашать, устраивать пиршества, брать на себя их судебные дела, в качестве судей решать спор в пользу той стороны, которая больше была любима народом и скорее могла доставить благосклонность толпы; вообще, все решалось в сенате так, как если бы там происходило собрание плебеев. Государство, всегда склонное к роскоши, не только из-за порочности граждан, но и вследствие огромного множества наслаждений и приманок ко всякого рода удовольствиям на море и на суше, тогда вследствие угодничества знати и своеволия плебса стало до такой степени распущенным, что не знало меры ни в желаниях, ни в расходах. К пренебрежению законами, властями, сенатом добавилось тогда, после сражения при Каннах, еще и презрение к римской власти, раньше внушавшей некоторый почтительный страх».

В результате действий Пакувия капуанский сенат утратил политическое значение; реальная власть оказалась в руках предводителей плебса, имевших возможность диктовать сенату и магистратам свою волю [Ливий, 23, 4, 2—6]. Победа Пакувия имела и другое последствие: значительно усилились антиримские тенденции. По рассказу Ливия [23, 4, 7—8], от немедленного разрыва Капую удерживало только то, что многие капуанские аристократические фамилии были связаны брачными узами с Римом, а также то, что некоторое количество капуанцев, в том числе 300 всадников из знатнейших семей, находились в римской армии, неся гарнизонную службу в Сицилии.

По требованию их родителей и родственников, пишет Ливий [23, 5], капуанское правительство направило

посольство к консулу Г. Теренцию Варрону, которого они застали в Венусии. Однако из того, что произошло дальше, ясно: цель посольства заключалась в том, чтобы своими глазами определить масштабы поражения и соответственно выбрать линию поведения для своего города. Очевидно, своеволие плебса и презрение к римской власти, о которых повествует Ливий, не мешали новому капуанскому правительству тщательно взвешивать свои внешнеполитические действия, пытаться учитывать реальное соотношение сил и все возможные последствия.

В Венусии Гай Теренций Варрон произвел на послов впечатление человека, достойного презрения. Это впечатление еще более усилилось после речи, с которою Варрон обратился к послам, выразившим, как и следовало ожидать, соболезнования Капуе по случаю катастрофы и предложившим (иначе разговор вообще не мог бы состояться) помощь. Судя по тому, как Ливий излагает речь Варрона, последний не считал нужным скрывать от Капуи поистине отчаянного положения Рима. Римляне потеряли все — армию, продовольствие, деньги, так что союзникам следует не столько помогать римлянам, сколько вести войну вместо римлян, защищать от врага общее отечество. «Война идет не с самнитами или этрусками, — говорил он (цитируем изложение Ливия), — так что, если бы власть и была у нас отнята, она все равно осталась бы в Италии; враг, пуниец, даже не африканского происхождения, от дальних краев земли, от пролива Океанского (имеется в виду Гибралтарский пролив. — И.К.) и Геркулесовых Столпов, ведет войско, не знающее каких бы то ни было законов, не умеющее жить по-человечески, даже почти не владеющее человеческой речью. Их, по природе

и характеру жестоких и диких, полководец еще более ожесточил, строя мосты и плотины из груды человеческих тел и, что даже сказать противно, приучая питаться человеческим мясом. Их, вскормленных такой ужасной пищей, с которыми и соприкасаться-то грешно, видеть и иметь господами и из Африки, и в особенности из Карфагена, получать законы и терпеть, чтобы Италия стала провинцией нумидийцев и мавров, — у кого из уроженцев Италии это не вызвало бы отвращения?». Капуанцы могут выставить 20 000 пехотинцев и 4 000 всадников; продовольствия и снаряжения у них больше чем достаточно, и если они выступят против Ганнибала, то власть Рима будет спасена. Едва ли можно сомневаться в том, что это изложение восходит к римской анналистической традиции и в общих чертах соответствует и содержанию самих переговоров, и линии, принятой римским правительством, и той антикарфагенской пропаганде, которую оно вело в Италии.

У послов сложилось твердое убеждение, что Рим воевать не в состоянии. Капуанцам предлагалось своими руками восстанавливать здание римского господства на том проблематичном основании, что когда-то давно римляне защищали Капую от самнитов и предоставили у себя значительной части капуанцев гражданские права. Но самниты давно уже были не опасны, а гражданские права... Что стоят гражданские права, если не сегодня завтра Рим погибнет и дело все равно придется иметь с Ганнибалом?

На обратном пути из Венусии в Капую один из послов, Вибий Виррий, повел речи, решительно противоположные тем, которых добивался Варрон: теперь, говорил он, настало время, когда капуанцы не только

могут возвратить себе земли, некогда отнятые у них римлянами, но и захватить господство в Италии; союз с Ганнибалом они могут заключить на любых условиях, а когда по окончании войны Ганнибал уйдет в Африку, власть в Италии будет принадлежать Капуе [Ливий, 23, 6, 1 — 2]. Вибий Виррий выразил общее мнение. После возвращения послов в Капуе римское дело сочли уже проигранным; плебс и большинство сената стали еще решительнее склоняться к союзу с Карфагеном, однако из-за сопротивления некоторых членов сената дело на несколько дней задержалось. По-видимому, речь идет о последних попытках все более редевшей проримски настроенной аристократической группировки, которую возглавлял, судя по дальнейшему рассказу Ливия, Деций Магий, не допустить разрыва с Римом, предотвратить переговоры с Ганнибалом.

Тит Ливий [23, 6, 6 — 8] рассказывает, что в сочинениях некоторых анналистов он нашел повествование о том, будто Капуя, перед тем как принять окончательное решение, направила в Рим посольство, обещающая оказать помощь, но при обязательном условии: один из консулов должен был быть капуанцем. В результате власть не только в Италии, но и в самом Риме ускользнула бы из римских рук и перешла к Капуе. Римское правительство, возмущенное этим совершенно неприемлемым для него требованием, приказало посольству немедленно покинуть Рим. Ливий считает эту традицию недостоверной, потому что о ней умалчивает Цэлий Антипатр и другие анналисты, которым он доверяет, однако ничего невозможного в данном факте нет. Не исключено, что правительство Пакувия решило попытаться перед разрывом выжать из римлян максимальную цену за свое

сотрудничество; не случайно они требовали от римлян того же, что рассчитывали получить от Ганнибала. Возможно, далее, что посольство в Рим должно было заставить Ганнибала стать уступчивее во время переговоров с капуанскими послами⁹⁷.

Как бы то ни было, промедлив несколько дней, может быть, в ожидании возвращения послов из Рима, капуанское правительство направило свою миссию к Ганнибалу.

Таким образом, политическая борьба в Капуе закончилась весьма благоприятно для Ганнибала: в городе, одном из самых могущественных на юге Италии, победила опиравшаяся на демократическое движение группировка, враждебная Риму; в лагерь Ганнибала прибыли послы этого города с добровольным предложением союза. Нужды нет, что Капуя, возглавив антиримское движение, после победы будет претендовать на господство на Апеннинском полуострове. Во-первых, при сохранении верховной власти карфагенян это само по себе не так уж и страшно, а во-вторых, после победы будет видно, как поступить с Капуей и ее претензиями. Пока Ганнибалу важно было любыми средствами закрепить свой политический успех; не удивительно, что он фактически предоставил капуанцам все, что они хотели. Согласно условиям договора, заключенного Ганнибалом с Капуей [Ливий, 23, 7, 1—2], ни один карфагенский военачальник или гражданский магистрат не имел власти над гражданами Капуи, ни одного капуанского гражданина они не могли принуждать к несению военной службы или несению повинностей, в Капуе сохранялись ее собственные законы и магистраты. Сверх этого Ганнибал обещал передать капуанцам из числа военнопленных-римлян 300 человек, которых можно

было бы обменять на 300 капуанских всадников, несших, как уже было сказано, службу в римских войсках в Сицилии.

Разрыв с Римом, казалось, совершился теперь окончательно и бесповоротно; все римские граждане, по тем или иным причинам находившиеся в этот момент в Капуе, были схвачены, посажены в бани и там задохнулись от невыносимой жары [Ливий, 23, 7, 3] — их гибелью капуанцы закрепили свой союз с победоносным полководцем.

Между тем Ганнибал принял необходимые меры, чтобы разместить в Капуе свои войска. Когда слух об этом разнесся по городу, Деций Магий попытался отчаянным усилием предотвратить захват города новоявленными союзниками; он убеждал сограждан не пускать Ганнибала в Капую; позже, когда пунийцы заняли ее, Деций настойчиво советовал выгнать их или перебить. Речи Деция стали известны Ганнибалу, и он потребовал, чтобы Деций явился к нему в лагерь, но капуанец отказался: по условиям только что заключенного договора Ганнибал не имел над ним власти. Тогда пуниец, которому надоели все эти церемонии, велел арестовать Деция и привести связанным (этот приказ в Капуе не был исполнен до того, как туда явился сам Ганнибал) и между тем сообщил капуанским властям, что желает прибыть в город. Там ему устроили торжественную встречу. Деция Магия уже никто не слушал [Ливий, 23, 7, 4—12].

На следующий день по требованию Ганнибала было созвано заседание капуанского сената, на котором карфагенский полководец выступил с речью. Его заявление предназначалось, конечно для Капуи, но слышали его не только капуанцы; оно показало

всей Италии, какую судьбу готовит для нее победитель при Каннах, и поэтому было программным и во многих отношениях решающим. Поблагодарив капуанцев за то, что они дружбу с ним предпочли союзу с Римом, Ганнибал обещал, что в скором времени именно Капуя возглавит Италию, т.е. займет место Рима, что законы свои римляне, как и другие, должны будут теперь получать из Капуи [Ливий, 23, 10, 1 — 2]. Такого рода высказывания, конечно, были весьма по душе капуанскому правительству: пуниец ясно и недвусмысленно подтвердил, что реализация их мечты о господстве в Италии — дело очень близкого будущего, и взамен они готовы были принять любые требования Ганнибала. Другой вопрос — как к этому отнеслись остальные италийки. Им предлагалась единственная перспектива — воевать против римской гегемонии во имя утверждения гегемонии капуанской и господства Карфагена. Мы не располагаем прямыми указаниями о том, как италийские города реагировали на программу, сформулированную Ганнибалом в Капуе; думается, однако, что сопротивление, с которым он то в одном, то в другом случае сталкивался, не в последнюю очередь объясняется их отрицательным отношением к тому, что Ганнибал сулил капуанцам.

Только один человек, продолжал далее Ганнибал [Ливий, 23, 10, 3], должен быть исключен из карфагенско-капуанского союза — Деций Магий, которого даже и кампанцем-то назвать нельзя; оратор потребовал, чтобы здесь же, в его присутствии, сенат обсудил поведение Деция и выдал его карфагенянам. Требование Ганнибала не было для капуанских властей неожиданным: ведь он раньше настаивал на аресте и выдаче Деция, хотя, как можно было

видеть, тогда его пожелания не были исполнены. Ближайшие цели, которых добивался Ганнибал, очевидны: ему нужно было полностью уничтожить в Капуе проримскую группировку и для этого расправиться с наиболее непримиримыми противниками, такими, как Деций Магий. Ганнибалу едва ли осталось неизвестным, что один из ближайших сторонников Деция, сын Пакувия Калавия, готовился его убить и только вмешательство Пакувия заставило юношу отказаться от этого замысла [Ливий, 23, 8, 7—9, 12]. Судьба Деция была решена: капуанский сенат принял то постановление, которого Ганнибал и добивался: несчастного сенатора препроводили сначала в пунийский лагерь, а затем на корабль, чтобы переправить в Карфаген. Случайность спасла Деция Магия от неминуемой гибели, однако главная цель Ганнибала была достигнута: враждебную Карфагену партию заставили замолчать, а ее признанный вождь был удален из Капуи.

Насколько подобный образ действий Ганнибала был оправдан и целесообразен, трудно сказать. Судьба Деция продемонстрировала, во всяком случае, что договоры, которые Ганнибал заключал или мог заключить, для него значат не больше чем клочок папируса, что Ганнибал не задумается для достижения своих политических целей нарушить любые клятвы и обязательства. Речь Ганнибала в Капуе и в особенности насилие над Децием Магием не могли не иметь для него отрицательных последствий, не могли не заставить определенные и достаточно влиятельные круги попытаться избежать бремени столь тяжелого и опасного союза, тем более что, как внезапно обнаружилось, Рим уже далеко не беззащитен и начинает показывать свои когти.

Несмотря на союз с Капуей⁹⁸, положение Ганнибала становилось все более затруднительным. У него по-прежнему не было выходов к морю: Неаполь по-прежнему отказывался признать его власть [Ливий, 23, 14, 5], а в Ноле он натолкнулся на совершенно неожиданное сопротивление [Ливий, 23, 14, 6—13]. Стало быть, указание Полибия [7, 1, 4; Суда, Καπίη], будто под влиянием Капуи и другие города перешли на сторону Ганнибала, не вполне точно. Перед Ганнибалом, как и прежде, стояла перспектива вооруженной борьбы за Южную Италию.

Само собой разумеется, что, готовясь к новому туру войны против Рима, привлекая на свою сторону заманчивыми предложениями или подчиняя силой различные общества Южной Италии, Ганнибал нуждался в подкреплениях. Именно с этой целью — ошеломить карфагенский совет известием о блестящей победе и добиться отправки в Италию новых воинских контингентов — Ганнибал послал на родину своего брата Магона. Тит Ливий [23, 11, 7—13, 8] сохранил подробный рассказ и о докладе, который Магон представил совету, и о прениях, и о том, какие меры совет в конце концов принял.

Магон, естественно, постарался изобразить положение вещей в наиболее благоприятном для Ганнибала освещении: с шестью полководцами он сражался, в том числе с четырьмя консулами, одним диктатором и одним начальником конницы; с шестью консульскими армиями карфагенские войска скрестили оружие; из четырех консулов двое погибли, один бежал раненым, еще один едва спасся от полного уничтожения своей армии, уведя с поля боя едва 50 человек; начальник конницы разбит наголову; диктатор считается выдающимся полководцем только потому,

что так и не решился вступить в сражение. Всего неприятель потерял более 200 000 убитыми и более 50 000 пленными; Брутиум, Апулия, часть Самниума и Лукании и, что особенно важно, Кампания перешли на сторону Ганнибала. Чтобы подкрепить свои слова, Магон приказал высыпать в вестибюле здания, где происходило заседание совета, 3 медимна всаднических и сенаторских колец. Так как Ганнибал ведет войну далеко от дома, на вражеской земле, продолжал Магон, переходя к наиболее щекотливой части своего поручения, расходует огромное количество продовольствия и денег, несет в стольких сражениях потери в живой силе, чтобы уничтожить неприятеля, необходимо дать ему подкрепления, а воинам — пищу и деньги.

Общее ликование было ответом Магону, и только один эпизод внес некоторый диссонанс в хор изъятий восторга. Один из сторонников Ганнибала, Гимилькон, желая глубже уязвить руководителя антибаркидской группировки Ганнона, стал попрекать его прежними выступлениями, когда он решительно высказывался против войны и даже предлагал выдать Ганнибала римлянам. Ганнон не остался в долгу. Судя по рассказу Ливия, он говорил теперь, что победы, одержанные Ганнибалом, в сущности, бесплодны. Победитель требует еще воинов, еще продовольствия и денег, как если бы он был побежден и не захватил вовсе добычи. Ни один из латинских городов — союзников Рима не перешел на сторону Ганнибала; римское правительство не думает о заключении мира [ср.: у Вал. Макс., 7, 2, 16]. Однако на эти речи никто не обратил внимания. Совет постановил направить к Ганнибалу 4000 нумидийских всадников, 40 слонов и деньги. Кроме этого в Испанию

был направлен специальный агент (Ливий называет его диктатором) для вербовки наемников (20 000 пехотинцев и 4 000 всадников), которые должны были пополнить карфагенские войска на Пиренейском полуострове и в Италии.

Позже Гасдрубал Баркид, командовавший карфагенскими войсками в Испании, получил распоряжение двигаться в Италию, но выполнить этот приказ было невозможно.

Результаты миссии Магона, как видим, далеко не соответствовали надеждам Ганнибала. 4 000 всадников и 40 слонов — это, конечно, было каплей в море, да и их надо было доставить к Ганнибалу, не имевшему выходов к морю. К тому же пунийское правительство и не торопилось выполнять свои решения [Ливий, 23, 14, 1]. Как увидим далее, Магону удалось собрать значительно меньше воинов, чем это предполагалось по решению совета, однако в лагерь Ганнибала они все равно не попали. Действия карфагенского совета ясно показали, что Ганнибалу не приходится особенно рассчитывать на помощь со стороны своего собственного государства, что он должен надеяться и впредь главным образом на свою армию и на союзников, если их удастся найти. Обескураживающие результаты посольства Магона приоткрыли завесу и над другим, еще более неприятным обстоятельством. Ведь, вопреки широко распространенной точке зрения, ставшей едва ли не тривиальным общим местом, карфагенский совет принял именно такие решения не потому, что близорукое правительство купеческой республики из жадности, неспособности или тайного недоброжелательства не хотело оказать помощь Ганнибалу, бросило его на произвол судьбы⁹⁹. Наоборот, судя даже по рассказу

Тита Ливия, который, естественно, главное свое внимание сосредоточил на речи Ганнона, как раз доброй воли и желания помочь Ганнибалу было даже более чем достаточно. Не хватало другого — материальных ресурсов для того, чтобы эта помощь была по-настоящему эффективной. А это значило, что и в будущем Ганнибалу на действенную поддержку из Карфагена рассчитывать не приходится.

Тревожные вести приходили к Ганнибалу и из Испании: Кампания 216 года [Ливий, 23, 26—29] началась там с того, что карфагенянам изменил союзнический флот и перебежчики склонили к враждебным антипунийским выступлениям тартессиев — очевидно, прямых потомков тартесситов, разгромленных и покоренных карфагенянами в конце VI в. После нескольких мелких стычек тартессии сумели добиться серьезного успеха — они овладели городом Аскуа; однако первая крупная победа настолько вскружила им голову, что Халб (один из вождей восстания) потерял над ними контроль и Гасдрубалу Баркиду удалось сначала загнать в окружение, а потом и уничтожить беспечно рассеявшихся по полям неприятелей.

Вскоре Гасдрубал получил от карфагенского совета приказ вести свою армию в Италию и там присоединиться к Ганнибалу. Слухи о таком решении пунийского правительства быстро наполнили Испанию и, естественно, вызвали там новый подъем проримских настроений. Об этом Гасдрубал и написал в Карфаген: едва только он, Гасдрубал, двинется на север, прежде чем он дойдет до Ибера, вся Испания станет римской; у него нет ни армии, ни командиров, чтобы оставить их вместо себя; если совет хоть в какой-то степени

обеспокоен судьбой Испании, то он должен прислать ему преемника с сильным войском.

Это послание произвело на совет впечатление, которого Гасдрубал и добивался. Правда, полученное ранее распоряжение двигаться в Италию было подтверждено (основное свое внимание, замечает Ливий, карфагенский совет уделял Италии, где решалась судьба войны; испанский фронт считался все же второстепенным), но в Испанию был прислан во главе наемных войск и флота Гимилькон. Собрав внеочередную дань со всех подвластных племен, Гасдрубал выступил в поход на север.

Командовавшие на Пиренейском полуострове римскими войсками братья Публий и Гней Корнелии Сципионы также повели свои легионы к Иберу, соединились, форсировали реку и там обратились против Гасдрубала. В ожесточенном сражении победителями оказались римляне: карфагенскую пехоту они частью перебили, частью разогнали; мавританская и нумидийская конница пунийцев обратилась в бегство, угнав также и слонов. По данным Евтропия [3, 11], карфагеняне потеряли в этом бою 25 000 человек убитыми и 10 000 пленными. Сам Гасдрубал едва спасся.

Неудача Гасдрубала очень тяжело сказалась на военно-политическом положении Ганнибала. Она не только вновь поставила под вопрос господство Карфагена в Испании и продемонстрировала неспособность последнего очистить от римлян Пиренейский полуостров; после событий, разыгравшихся у Ибера, стало ясно, что на помощь из Испании, во всяком случае пока, Ганнибал рассчитывать не может. Ему оставалось надеяться только на свои собственные силы. Не следует преуменьшать и значения морального фактора. Победа Сципионов в первом же крупном сражении

после Канн свидетельствовала, что Рим вовсе не собирается сдаваться на милость победителей и успешно начинает новый этап военных действий.

II

Известие о поражении при Каннах привело Рим в состояние шока. По городу распространялись слухи, что вся армия уничтожена, консулы погибли (в Риме еще не знали, что Варрон жив и пытается создать из беглецов хотя бы некоторое подобие воинского формирования), почти вся Италия уже в руках Ганнибала, не осталось больше ни одного римского воина и некому защищать город. Подлинные размеры несчастья еще не были ясны; во всех домах оплакивали погибших и живых. Не сомневались, что Ганнибал немедленно приступит к осаде Рима, ибо это только и оставалось сделать для завершения войны [Ливий, 22, 55, 2]. В этих условиях преторы Публий Фурий Фил и Марк Помпоний созвали заседание сената, чтобы рассмотреть один-единственный вопрос — как защищать город. Ливий [22, 55, 3] замечает, что вопли плачущих женщин, доносившиеся с площади, заглушали голоса сенаторов. Недавний диктатор Квинт Фабий Максим предложил отправить по Аппиевой и Латинской дорогам всадников разузнать, какова судьба консулов и армии, где Ганнибал и что он намерен делать, а в самом городе водворить спокойствие, запретить женщинам появляться в общественных местах, прекратить оплакивание родственников, вестников препровождать к преторам, никого не выпускать из города, гражданам сидеть дома и ждать сообщений о судьбе своих близких [Ливий, 22, 55, 4—8; Зонара, 9, 2].

Так и решили поступить, однако сразу же после заседания в Рим прибыло донесение Варрона, которое позволило сенату более точно представить масштабы катастрофы и решить, какими мерами восстановить силы государства для продолжения борьбы. Надо сказать, что и среди воинов, спасшихся от ужасающего побоища, царила паника; возник даже замысел покинуть Италию и бежать к какому-нибудь царю, чтобы там наняться на военную службу. Инициатором этого предприятия называют Луция Цецилия Метелла — выходца из рода Цецилиев Метеллов, известных своими антидемократическими настроениями. Только вмешательство Публия Корнелия Сципиона-младшего, тогда еще юного военного трибуна, а в будущем победителя Ганнибала, предотвратило осуществление этого плана [Ливий, 22, 53; Дион Касс., фрагм., 28; Орозий, 4, 16, 6; Знам., 46, 5—6]. Все римские воины, оставшиеся в живых и не попавшие в плен, стекались в Венусию, где находился и консул, а также в Канусий. В конце концов и Варрон со всеми собравшимися вокруг него солдатами перешел в Канусий [Ливий, 22, 52—54]. Варрон писал сенату, что у него набралось до 10 000 воинов, которые, однако, совершенно неорганизованны, а пуниец сидит около Канн, считает добычу и ведет торг. Вместе с письмом в Рим пришли сведения о потерях, и в городе воцарился траур; пришлось даже отменить ежегодные празднества в честь Цереры, поскольку в них не могли участвовать люди, находившиеся в трауре. Чтобы не допустить отмены и других религиозных церемоний, сенат ограничил оплакивание погибших 30 днями [Ливий, 22, 56, 2—5].

Вообще, умиловивление богов, обеспечение победы с помощью потусторонних сил сенат считал одной

из важнейших своих задач. Как раз в 216 г. две весталки, Опимия и Флорония, были уличены в прелюбодеянии, и все видели в этом факте в высшей степени дурное предзнаменование, более того, преступление, из-за которого на римский народ обрушился гнев богов. Одна из них по обычаю была зарыта в землю у Коллинских ворот, а другая, не дожидаясь казни, покончила с собой. Возлюбленного Флоронии, некоего Луция Кантилия, который занимал должность писца при великом понтифике, последний собственноручно заporол на народном собрании до смерти. Квинта Фабия Пиктора, родственника диктатора и впоследствии одного из историографов II Пунической войны, сенат отправил к дельфийскому оракулу спросить, какими молитвами и жертвами римляне смогут умиловить богов, каким будет конец столь великих бедствий. По указанию книги судеб совершались специальные жертвоприношения, в том числе и человеческие [Ливий, 22, 57, 2—6]. Надо сказать, что, насколько об этом позволительно судить, подобные жертвоприношения в Риме обычно практиковались при чрезвычайных обстоятельствах. Оно, в частности, имело место в 226 г., когда ожидали нашествия галлов [Орозий, 4, 13, 3; Плут., Марц., 3], а также в 114 г. в связи с нарушением весталками их обета [Плут., Деян. римл., 83], от чего в Риме ожидали всевозможных бедствий¹⁰⁰.

Миссия Квинта Фабия Пиктора принесла римлянам благоприятный результат. Оракул перечислил богов и богинь, которым надо было принести жертвы, указал, как это сделать, а затем добавил: «Если вы так поступите, римляне, ваше положение улучшится и облегчится, положение вашего государства станет благополучным и победа в войне достанется

римскому народу. Когда дела вашего государства пойдут хорошо и оно будет спасено, добившись удачи, пришлите дары пифийскому Аполлону и из добычи, из денег за ее продажу, из доспехов почтите; воздержитесь от необузданного веселья». Там же, в Дельфах, Пиктор принес всем богам в жертву фимиам и вино и, не снимая лавровый венок, в котором совершал жертвоприношения, отправился в Рим. Там он возложил венок на жертвенник Аполлона. По постановлению сената все молебствия и жертвоприношения были немедленно совершены [Ливий, 23, 11, 1—6].

Эти действия, гарантировавшие, согласно представлениям эпохи, благоволение и помощь богов, а в особенности предсказание грядущей победы, в которой никто не посмел бы усомниться, должны были произвести необходимый Риму морально-политический эффект: внушить самим римлянам уверенность в неминуемом конечном торжестве над неприятелем; солдатам Ганнибала, до которых доходили, конечно, слухи о посольстве Пиктора и его результатах, — убежденность в неизбежном поражении, в том, что боги явно не благоволят к их полководцу и его предприятию, союзников же Рима удерживать от немедленного перехода на сторону Карфагена. Позиция дельфийского оракула была внушительной политической демонстрацией в пользу Рима. Она показала, что в Каннах война не кончилась и что дельфийское жречество не сомневается в благополучном для Рима исходе войны. Римское правительство желало сохранить по крайней мере нейтралитет эллинского мира. Собственно, этим и объясняется обращение именно к греческому оракулу — одному из авторитетнейших — в обход итальянских святынь. Предсказания пифии, несомненно, должны были

оказать благоприятное влияние. Результаты посольства Квинта Фабия Пиктора были первым и очень важным политическим успехом римского правительства после Канн.

Обстоятельства требовали быстрых, решительных действий и в другом направлении. Нельзя было терять времени, которое Ганнибал тратил в Южной Италии, тем более что из Сицилии от претора Тита Отацилия поступило донесение об угрожающих римским позициям на острове действиях карфагенского флота. Если сенат, писал Отаций, собирается защищать Сицилию, следует прислать еще дополнительные корабли [Ливий, 22, 56, 6—8]. Сенат, однако, основное внимание уделил собственно Италии и предписал претору Марку Клавдию Марцеллу, командовавшему римским флотом, находившимся в Остии, отправиться к остаткам римской армии в Канусий и там принять командование у Варрона. Это назначение выдвинуло на первый план Клавдиев, которые на длительное время сосредоточили в своих руках командование армиями, действовавшими непосредственно против Ганнибала. Варрону было предложено вернуться в Рим, как только это станет возможным без ущерба для интересов государства. Когда Варрон прибыл в город, его встречали толпы народа и благодарили за то, что он не отчаялся в спасении государства; тем самым сенат продемонстрировал единство римского народа, забвение «партийных» и иных распри перед лицом грозной опасности, угрожавшей самому существованию государства¹⁰¹. Для организации обороны, и прежде всего для мобилизации новых воинских контингентов, сенат назначил диктатора — Марка Юлия Перу и при нем начальника конницы Тиберия Семпрония

Гракха. В армию записывали теперь даже семнадцатилетних, а иногда и более юных. Таким образом, набрали 4 легиона пехоты и 1 000 всадников. За государственный счет были выкуплены и зачислены в римские войска 8 000 рабов. Для вооружения всех этих солдат использовались все запасы, в том числе трофейное оружие, посвященное богам и хранившееся в храмах и портиках [Ливий, 22, 57, 9—12]. Кроме этого была предоставлена возможность вступить в армию с перспективой освобождения от наказания или уплаты долга преступникам и несостоятельным должникам, находившимся в заключении. Их — 6 000 человек — также вооружили трофейным галльским оружием. Всего римское правительство располагало теперь 25 000 воинов [Ливий, 23, 14, 3—4; Зонара, 9,2].

Между тем перед сенатом встала трудная и деликатная проблема. Предстояло решить вопрос о судьбе римлян, оказавшихся после Канн в плену у Ганнибала. Как уже говорилось, Ганнибал разрешил пленным избрать из их среды десятерых и отправить их в Рим для переговоров. Тит Ливий приводит два рассказа и об этом посольстве, и о том, как в Риме происходило обсуждение вопроса.

Согласно одному из них [22, 58, 5—61, 4], события разворачивались следующим образом. Когда послы выехали на родину, один из них (человек совершенно неримского склада, наставительно замечает Ливий) вернулся в карфагенский лагерь под тем предлогом, что он там забыл какую-то вещь, а затем догнал своих товарищей, спешивших в Рим. Там на заседании сената, окруженного толпами людей, в страхе и смятении ожидавших решения судьбы своих близких, возобладало крайнее ригористическое

мнение Тита Манлия Торквата; было решено отказаться от выкупа пленных, и послы вернулись в лагерь Ганнибала. Того из них, кто, считая, будто притворное возвращение освободило его от клятвы, попытался было остаться в Риме, сенат приказал арестовать и под стражей доставить к неприятелю.

По другой версии Ливия [22, 61, 5—10], первоначально в Рим явились десять посланцев от пленных, и сенат долго колебался, допускать ли их вообще в город; в конце концов решили разрешить им войти в городские ворота, но не устраивать ради них заседания сената. Переговоры слишком затянулись, и в Рим прибыли еще трое пленных — Луций Скрибоний, Гай Кальпурний и Луций Манлий. (Если бы эта версия соответствовала действительности, сам факт присылки дополнительного посольства свидетельствовал бы о поразительной настойчивости, с которой Ганнибал добивался после Канн прекращения войны с Римом.) Только после этого один из народных трибунов, родственник Л. Скрибония, поставил в сенате вопрос о выкупе пленных. Сенат отказал. Трое последних послов (Скрибоний, Кальпурний и Манлий) вернулись к Ганнибалу, а первые десять остались: отправляясь в путь, они с дороги возвратились в пуннийский лагерь якобы для того, чтобы проверить списки пленных, и теперь считали себя свободными от клятвенного обязательства воротиться в случае неудачного исхода посольства. По вопросу об их судьбе в сенате состоялись бурные прения, и незначительным большинством голосов им разрешено было остаться. Впрочем, участь этих людей все равно была незавидной; цензоры донимали их выговорами и штрафами, так что некоторые предпочли покончить с собой, а другие

опасались выходить из дома [ср.: у Зонары, 9, 2]. По Авлу Геллию [Гелл., 6, 18], который ссылагается на Корнелия Непота, из десяти послов в Риме остались двое, подвергшиеся позже репрессиям со стороны цензоров; в сенате обсуждался вопрос об их выдаче неприятелю, но большинством голосов это предложение было отклонено.

Еще один вариант повествования на эту же тему имеется у Аппиана [Апп., Ганниб., 28]: пленные, согласно этому преданию, направили в Рим трех посланцев во главе с Гнеем Семпронием; сенат не решил родственникам заплатить выкуп и, таким образом, отказался санкционировать освобождение тех, кто после Канн очутился во власти Ганнибала. Пуниец, придя в ярость, запрудил их телами реку Вергелл и по этому мосту переправил своих солдат [ср.: у Вал. Макс., 9, 2, 2], а самых знатных заставил сражаться на потеху ливийцам — отцов с сыновьями и братьев с братьями [ср.: у Зонары, 9, 2].

Текст Диона Кассия [фрагм., 36] сохранил стоящую особняком традицию: римляне, по его словам, вели переговоры с Ганнибалом, требуя возвращения пленных, однако отказываясь от обмена и тем более выкупа. О посольстве пленных этот источник не упоминает, однако приходится иметь в виду, что перед нами лишь отрывок, а не все повествование в целом.

Уже Ливий [22, 61, 10] меланхолически замечает, что можно только удивляться такому разногласию между историками, а установить, какая версия достоверна, нет никаких средств. Мы находимся не в лучшем положении. У нас пока нет информации, которая позволила бы предпочесть какой-либо из этих рассказов. Как бы то ни было, достоверно одно:

Ганнибал предложил римскому правительству выкупить пленных и тем начать подготовку к мирным переговорам (такая мысль прямо не высказывалась, но, бесспорно, подразумевалась), а сенат определенно отказался выкупить пленных, продемонстрировав тем самым свою непримиримую позицию¹⁰², и даже, если верить Диону Кассию, делал явно неприемлемые предложения, как если бы Рим не был побежден, сознательно идя на срыв переговоров.

Решительные меры, принятые сенатом, хорошо использовавшим время, которое ему предоставил Ганнибал, позволили римлянам очень скоро снова вмешаться в борьбу на юге Италии.

III

Между тем Ганнибал вступил со своими войсками на территорию, принадлежавшую Ноле. Судя по рассказу Ливия [23, 14], он рассчитывал, что и этот город ему удастся захватить без боя, тем более что народные массы, опасавшиеся разорения своих полей и тягот, которые были бы неизбежным следствием осады, настойчиво требовали расторгнуть союз с Римом и переселиться на сторону карфагенян. Только местная знать (сенат, как пишет Ливий) стремилась сохранить прежние отношения с Римом, видимо, потому, что господство последнего обеспечивало власть в Ноле аристократических кругов. Возбуждение плебса было настолько велико (Плутарх [Плут., Марц., 10] даже прямо говорит о восстании), что сенат опасался предпринимать какие-либо открытые шаги; более того, он заявил, что готов пойти на заключение договора с Ганнибалом.

Необходимо только время, чтобы выработать приемлемые условия соглашения. Казалось, в Ноле повторяется все то, что уже произошло в Капуе: власть перешла в руки народа, аристократия утратила всякое влияние и в страхе покорно удовлетворяла его требования. С часу на час Ганнибал мог ожидать в своем лагере послов из Нолы с приглашением войти в город.

Однако все произошло иначе. Явно уступая желаниям плебса и выражая готовность договориться с Ганнибалом, ноланский сенат тайно отправил посольство, но не к пунийскому полководцу, а в Касилин, где находились римские войска, частью собранные Варроном, а частью присланные из Остии, в Касилин, куда только что прибыл новый командующий — претор Марк Клавдий Марцелл. Посланцы ноланского сената заявили Марцеллу, что городу угрожает опасность: Ганнибал уже на территории, принадлежащей Ноле; плебс стремится к союзу с ним, и сенату только притворным согласием удалось оттянуть принятие окончательного решения. Марцелл предложил и дальше действовать в том же духе, а через некоторое время, идя по горным дорогам, сам со своими легионами явился в Нолу.

Предстояла первая после Канн схватка римлян с карфагенянами в пределах Италии. Правда, Ганнибал, узнав о прибытии римских войск, решил уклониться от боя и отправился к Неаполю — попытаться еще раз овладеть этим важнейшим приморским городом. Но в Неаполе к этому моменту обосновался приглашенный местными властями римский гарнизон во главе с Марком Юнием Силаном, и Ганнибал, не осмелившись осаждать город, отошел к Нуцерии. Там, подвергнув город блокаде, непрерывно

бросая своих солдат на штурм его укреплений, безуспешно пытаясь завязать с гражданами мирные переговоры, пунийский стратег добился наконец некоторого успеха: жестокий голод принудил граждан Нуцерии сдаться на милость победителя. Безоружные, в одной только одежде, они покинули городские стены и, пренебрегши предложениями Ганнибала остаться, ушли в другие кампанские города, преимущественно в Нолу и Неаполь [Ливий, 23, 15, 1—6]. Впрочем, спастись от расправы удалось, видимо, не всем. По данным Аппиана [Апп., Лив., 63] и Диона Кассия [фрагм., 30], когда жители Нуцерии вышли из города, карфагеняне захватили тамошних сенаторов, загнали их в баню и сожгли, несомненно, потому, что сенат Нуцерии выступал против соглашения с Ганнибалом¹⁰³. Безоружных плебеев, уходивших из города, закалывали копьями на дороге [см. также: у Зонары, 9, 2].

Положение Марцелла в Ноле, несмотря на то что Ганнибал на какое-то время отправился к Неаполю, а потом осаждал и штурмовал Нуцерию, было очень трудным. Римские солдаты не внушали ему достаточной уверенности в успехе; из горожан его безоговорочно поддерживала только знать, тогда как плебс по-прежнему стремился к союзу с Ганнибалом. Одного из руководителей антиримского движения, Луция Бантия, Марцеллу удалось привлечь на свою сторону, однако на самом движении это почти не отразилось. Оно еще больше усилилось, когда Ганнибал, расправившись с Нуцерией, снова подступил к стенам Нолы [Ливий, 23, 15, 7—16; Плут., Марц., 10].

Уведя свои войска в город, Марцелл ограничился на первых порах разрозненными и случайными стычками;

так же поступал и Ганнибал, завязавший переговоры с руководителями нолакского плебса. Было условлено, что, когда римляне выйдут из ворот, ноланцы разграбят их обоз, запрут ворота и займут городские стены, чтобы в конце концов принять карфагенян. Рассчитывая на это соглашение, Ганнибал начал из дня в день выстраивать свои войска в боевой порядок, вызывая противника на битву.

Когда Марцелл узнал обо всем происходящем от ноланских сенаторов, панически боявшихся Ганнибала и своих собственных сограждан, он решил больше не ждать. Своих солдат Марцелл выстроил внутри города, у городских ворот, обозу приказал следовать сзади, а обозному персоналу вооружиться кольями; резервные соединения были назначены охранять обоз. Ноланцам Марцелл запретил приближаться к воротам и городским стенам. Казалось, вот-вот распахнутся ворота, римляне выйдут из города, но ворота не открывались, а на стенах вообще исчезли вооруженные люди. Ганнибал подумал, что римляне узнали об его соглашении с ноланскими демократами, бездействуют, парализованные страхом, и решил начать штурм. В тот момент, когда карфагенские воины подходили к городским стенам, Марцелл приказал открыть ворота и ударить по врагу. Карфагеняне отступили; потеряв надежду овладеть Нолой, Ганнибал ушел к Ацеррам [Ливий, 23, 16, 2—17; ср.: у Плут., Марц., 11]¹⁰⁴. Воротившись в Нолу, Марцелл учинил расправу над всеми теми, кто пытался установить дружественные отношения с Ганнибалом. Как рассказывает Ливий [23, 17, 1—2], по приказу римского претора казнили более 70 человек; их имущество конфисковали римские власти. Закрепив таким способом в Ноле власть сената,

Марцелл оставил город и расположился лагерем недалеко от Суессулы.

Для самого Ганнибала неудача под Нолой обернулась серьезным военно-политическим проигрышем. Победители при Каннах были отброшены от стен Нолы теми, кто так еще недавно бежал от карфагенского меча и даже в панике решал для себя вопрос, не двинуться ли куда-нибудь из Италии. Неудача под Нолой показала Ганнибалу, что фактически Канны не только не приблизили его к окончательной победе, но и вообще не изменили сколько-нибудь существенно его положения. Как и до того, ему предстояло вести изнурительную борьбу в Южной Италии. Весьма проблематичные, как выяснилось, надежды на приобретение новых союзников, сменялись горьким разочарованием.

События у Ацерр не замедлили подтвердить, насколько действенными оказались все те военно-политические факторы, которые работали против Ганнибала. Как это однажды удалось в Капуе, как он хотел это проделать в Ноле, Ганнибал и здесь пытался склонить жителей города к добровольной сдаче. Однако и здесь он, как рассказывает Ливий [23, 17, 4—7], столкнулся с решительным и категорическим отказом (наши источники не сохранили информации о положении, сложившемся в городе, когда к нему подошли воины Ганнибала; не исключено, что и здесь возглавлял антикарфагенское движение местный сенат), увидел себя вынужденным осаждать город и брать его штурмом. Не имея сил защищаться, горожане ночью бежали и разбрелись по Кампании. Ганнибал разграбил и сжег Ацерры. Аппиан [Апп., Лив., 63] и Дион Кассий [фрагм., 34] к этому добавляют, что, захватив местных сенаторов, Ганнибал приказал бросить пленников

в колодцы, вероятно, потому, что видел в них противников своего господства¹⁰⁵.

Из повествования Аппиана следует, что, расправляясь с тамошними сенаторами, Ганнибал действовал вопреки договору, заключенному с Ацеррами; автор хочет подчеркнуть вероломство коварного пунийца, но эта обмолвка имеет смысл только при одном допущении: если в Ацеррах имелись какие-то власти, которые могли заключить соглашение с Ганнибалом об условиях капитуляции, если такое соглашение действительно было заключено и если сенаторы не ушли из города.

Расправляясь с Ацеррами, Ганнибал получил известие, что на юг Италии идут римские войска. Желая предупредить их появление, овладеть переправой через Вольтурн и вести боевые операции как можно дальше от Капуи, Ганнибал двинул свою армию к Касилину, где тогда находился небольшой римский гарнизон в 500 пренестинцев и 460 перузинцев с некоторым количеством собственно римлян и латинян. Они занимали часть города на северном берегу Вольтурна. Подходя к Касилину, Ганнибал выслал вперед отряд гетульских всадников, поручив его командиру Исалке завязать, если окажется возможным, переговоры с местными жителями, а в случае неудачи — напасть на город. В Касилине и особенно на его стенах царила мертвая тишина, когда к нему подскакали гетулы; они подумали уже, что римские солдаты и горожане бежали из города, и принялись ломиться в запертые ворота. Внезапно ворота с шумом распахнулись и 2 когорты римлян бросились на всадников. Исалка приказал отступать. Ему на помощь Ганнибал отправил Махарбала (того самого, который советовал Ганнибалу немедленно идти после Канн на Рим), но и его римляне

заставили отойти от городских ворот. Делать было нечего: разбив лагерь под стенами Касилина, Ганнибал начал осаду. Во время одной из вылазок касилинцев ему удалось отрезать их от города; в стычке многие были перебиты. На следующий день начался штурм, но осажденные парализовали все действия карфагенян. В конце концов, оставив около Касилина укрепленный лагерь с гарнизоном, достаточным для поддержания блокады, Ганнибал отправился с основными своими силами на зимние квартиры в Капуя [Ливий, 23, 17, 7—18, 9].

Пребывание карфагенских войск на зимних квартирах в Капуе римская анналистическая традиция считает одной из серьезнейших стратегических ошибок Ганнибала¹⁰⁶. Ливий [23, 18, 11—12] яркими красками рисует разложение пунийской армии: «Тех кого не победили никакие лишения, погубили слишком обильные удобства и неумеренные удовольствия — и это тем больше, чем с большей жадностью они с непривычки в них погрузились. Дело в том, что сон, и вино, и пиршества, и блудницы, и бани, и безделье, по привычке изо дня в день все более привлекательные, так ослабили их тела и души, что позже их больше поддерживали прежние победы, чем наличные силы». И далее [23, 18, 14—16]: «Итак, клянусь Геркулесом, как если бы он вышел из Капуи с другой армией, он не сохранил ничего от прежней дисциплины, ибо многие, спутавшись с блудницами, развратились, и, как только их стали держать в палатках, а также заставлять переносить походы и другие военные невзгоды, у них, подобно новобранцам, не хватило ни физических, ни душевных

сил. И затем в течение всего лета многие без отпусков покидали знамена, и не было для дезертиров другого прибежища, кроме Капуи» [ср. также: у Диодора, 26, 11; Вал. Макс., 9, 1, 9].

В этом описании нельзя не заметить определенного преувеличения; действительно, многолетние последующие боевые операции Ганнибала в Италии показывают, что ущерб, нанесенный его войскам зимовкой в Капуе, был не так велик, как это представляет своему читателю Тит Ливий. Тем не менее упадок прежней дисциплины, очевидно, очень остро ощущался (хотя бы и не в таких масштабах) и самим Ганнибалом, и вообще всеми наблюдателями.

Как бы то ни было, едва только спали холода, Ганнибал снова повел свою армию к Касилину, гарнизон которого и население жестоко страдали в осаде от голода. Рассказывали, что люди бросались со стен, подставляя грудь ударам вражеских копий, предпочитая смерть невыносимым мукам. Надежды на скорую помощь у осажденных, казалось, не было: Марцелл все свое внимание уделял Ноле, а диктатор М. Юний Пера отправился в Рим для гаданий, запретив начальнику конницы Тиберию Семпронию Гракху предпринимать какие бы то ни было действия. Урок кампании Фабия и Минуция хорошо запомнился. Единственное, что позволил себе Гракх, — это спускать вниз по Вольтурну в бочках зерно, пока однажды течение не прибило бочки к берегу и ими не завладели пунийцы. Пробовали еще высыпать в реку орехи, которые в городе вылавливали корзинами, однако толку от этого было мало. Изнемогавшие от голода касилинцы и римские воины начали есть кожу, траву, крыс. Видя, что солдаты Ганнибала распахали поле перед городской стеной, они побросали туда семена репы.

Однако и Ганнибал, может быть, по причинам, нашедшим отражение в приведенных выше словах Ливия, не предпринимал решительных действий. Очевидно, если римляне еще не чувствовали себя в состоянии решиться на новое генеральное сражение, то и Ганнибал после зимовки в Капуе не видел такой возможности для себя. Понимая, что осада Касилина сковывает его силы и заставляет напрасно тратить время (недаром ему приписывается раздраженный возглас: «Неужели мне суждено сидеть у Касилина, пока не вырастет репа?»), не решаясь захватить город силой, Ганнибал пошел в конце концов на переговоры. За выкуп в 7 унций золота с человека он разрешил осажденным покинуть город.

Взятие Касилина и в особенности бездействие римлян в начале кампании открыли Ганнибалу дорогу к новым успехам на юге Италии, позволили ему захватить силой или принудить к заключению союза некоторые города, сохранявшие еще верность Риму.

Среди них первой его жертвой стала Петелия — единственный, по словам Ливия, город в Брутиуме, не изменивший союзу с Римом. Она оказалась в безвыходном положении: осажденная карфагенянами и брутиями, Петелия запросила помощи у Рима, но получила отказ; сенат объявил, что никакой поддержки при сложившихся обстоятельствах он столь отдаленным союзникам оказать не может, и предложил петелийцам самим позаботиться о себе. По настоянию местного сената в Петелии решили сопротивляться [Ливий, 23, 20, 4—10], однако после осады, продолжавшейся несколько месяцев (по Полибию 11), изнуренные голодом горожане с позволения римского правительства сдались карфагенскому военачальнику Гимилькону, которому Ганнибал поручил

осаду города [Ливий, 23, 30, 1—4; Полибий, 7, 1, 2]. По рассказу Аппиана [Ганниб., 29], который в одних случаях дополняет Полибия и Ливия, а в других — противоречит, события в Петелии разворачивались следующим образом: Ганнибал, подведя к городу осадные орудия, натолкнулся на отчаянное сопротивление многочисленных граждан, мужчин и женщин, которым удалось эти орудия поджечь. Учитывая, что защитников Петелии было слишком мало, что они гибли в оборонительных боях и от голода и лишений, Ганнибал решил ужесточить блокаду. По его приказу вокруг Петелии была возведена осадная стена; командование осаждающими Ганнибал поручил Ганнону. Петелийцы выслали на бой сначала тех, чья гибель принесла бы городу наименьший ущерб; за этими последовали и остальные. Только после уничтожения голодных и больных, которые не в состоянии были держать оружие, Ганнон сумел войти в город. Из населения спаслись бегством только 800 человек; когда война окончилась, римляне водворили их на прежнее место.

Сравнивая оба приведенных выше повествования, нельзя не признать, что традиция Полибия и следующего за ним Ливия производит впечатление более достоверной и объективной. В ее пользу говорят уже материалы о неудачных переговорах Петелии с Римом; отказ Рима помочь своим вернейшим друзьям, каковы бы ни были его причины, едва ли способствовал укреплению авторитета римского имени, и Полибий, а после него Ливий, конечно, могли эту информацию опустить, что и сделал источник, использованный Аппианом. Обращает на себя внимание и рассказ о сдаче Петелии. По Ливию, судьба города, сдавшегося в конце концов на милость победителя, выглядит менее героичной, нежели у Аппиана.

Как бы то ни было, однако Петелия оказалась в руках карфагенян; римляне лишились последнего оплота в Брутиуме.

Вскоре после этого, по рассказу Ливия [23, 30, 6—7], брутии, союзники Ганнибала, захватили греческий город Кротон; на сторону бругиев перешел и другой греческий город — Локры, где знать, как отмечает Ливий [23, 30, 8], предала народ.

Согласно другой версии, также воспроизводимой Ливием [24, 1—3], Локры и Кротон были захвачены карфагенянами после того, как войска Ганнона, сына Бомилькара, по окончании военных действий в Кампании в 215 г. возвратились в Брутиум. Этому противоречит, однако, то обстоятельство, что прибывшие перед событиями 215 г. в Кампанию подкрепления Ганнибалу высадились в Локрах, которые к этому моменту уже стали союзниками карфагенян. Сказанное позволяет усомниться и в достоверности отдельных деталей этого рассказа. Так, Ливий пишет, что Локры сдались карфагенянам потому, что часть граждан, находившихся в поле, была отрезана от города, а «легкомысленные» предпочли новый союз и новое государственное устройство; они, однако, позволили римскому гарнизону тайно покинуть город. Здесь, по-видимому, в традиции имеется внутреннее противоречие: она говорит о государственном перевороте, явно антиримском по своей политической направленности, и в то же время о действиях, способных, безусловно, скомпрометировать Локры в глазах нового союзника. К тому же все, о чем в данном тексте рассказывается, противоречит замечанию самого же Ливия о знати, предававшей народ. Что же касается Кротона, то здесь, по словам Ливия, существовало демократическое антиримское

движение, которое впустило в город брутиев, однако местная знать укрылась в акрополе; в конце концов кротонцы, засевшие в акрополе, переселились в Локры. Во второй версии Ливия не исключены, таким образом, хронологические aberrации; здесь могли найти отражение события, происходившие в Брутиуме до прибытия карфагенских подкреплений.

Некоторая активность элементов, враждебных Риму, наблюдалась и в Сицилии: Гелон, старший сын сиракузского царя Гиерона II, после Канн открыто принял сторону Карфагена. Он вооружал народ, всеми мерами привлекал к себе союзников, готовясь захватить власть, и только внезапная смерть Гелона, в которой, может быть и не без причины, обвиняли его отца, сохранила, хотя и на короткое время, римско-сиракузский союз [Ливий, 23, 30, 10—12].

IV

Пока Ганнибал и союзники сражались в Южной Италии, его брат Магон собирал в Карфагене подкрепления. Ему удалось раздобыть 12 000 пехотинцев, 1500 всадников (вместо 4000, как предполагало решение совета), 20 слонов (вместо 40) и одновременно 1000 талантов серебра и 60 боевых кораблей. Всех этих воинов, животных, деньги и флот он уже собирался направить в Италию, как вдруг обстоятельства заставили круто изменить решение [Ливий, 23, 32, 5].

Во-первых, из Испании поступили вести о поражениях, которые потерпели там карфагенские войска, и о том, что почти все коренное население полуострова перешло на сторону римлян [Ливий, 23, 32, 6].

Во-вторых, в Карфаген прибыло тайное посольство из Сардинии, которая издавна была колонизована финикийцами¹⁰⁷. Посланцы рассказывали, что на острове стоит небольшой римский гарнизон, что прежний наместник, претор Авл Клавдий, отзывается и пока еще только ожидают нового, что население провинции созрело для бунта: оно утомлено длительным, жестоким, алчным господством римлян, тяжкими поборами и обязанностью поставлять римским войскам чрезмерно много продовольствия. Послов из Сардинии в Карфаген направили сардинские аристократы; главным инициатором заговора Ливий [23, 32, 7 — 10] называет Хампсикору, самого авторитетного и самого богатого человека на острове. Интересно, что, по рассказу Ливия, антиримское движение в Сардинии было преимущественно аристократическим. Может быть, здесь сказались давние политические, хозяйственные и культурные связи Сардинии с Карфагеном, разорванные после I Пунической войны, когда остров перешел под власть Рима, тем более что традиции карфагено-финикийской цивилизации в Сардинии сохранялись по крайней мере до III в. н.э. Не исключено, что антиримское движение в Сардинии могло быть инспирировано карфагенянами [Ливий, 23, 41, 2].

Как бы то ни было, карфагенский совет решил направить в Испанию Магона со всеми войсками, находившимися под его командованием, а в Сардинию — Гасдрубала Плешивого, которому дали примерно такую же армию, что и Магону [Ливий, 23, 32, 11 — 12]. Решение карфагенского правительства хорошо объясняется политической обстановкой, сложившейся в западносредиземноморском мире: необходимо было укрепить пошатнувшееся положение на Пиренейском

полуострове, по возможности ликвидировав там римскую угрозу, а перспектива отвоевать назад Сардинию создавала реальную надежду овладеть выгодными стратегическими рубежами для нового вторжения в Центральную Италию. Все это так. Но о каких-либо подкреплениях из Карфагена в этих условиях уже не могло быть и речи. Тем более важными были для Ганнибала дипломатические шаги, дававшие, казалось, возможность обрести столь желанного союзника и начать объединение всей ойкумены для борьбы против Рима.

Борьба двух могущественнейших на земле народов, пишет Ливий [23, 33, 1], привлекла к себе внимание всех царей и племен, в том числе и Филиппа V, царя Македонии, который рассчитывал воспользоваться затруднительным положением карфагенян для достижения своих политических целей.

В 221 г. умер македонский царь Антигон Досон. Его преемник, Филипп V, должен был, так сказать, по наследству воевать против исконного врага Македонии — Этолийского союза и связанных с ним Спартой и Элидой (Союзническая война, 220 — 217 гг.). Получив известие об исходе битвы при Каннах, царь по совету одного из своих самых близких «друзей», Деметрия Фаросского, решил прекратить войну против Этолии; советник рисовал перед его умственным взором не только картины господства над Грецией, которое уже достигнуто, но и перспективу завоевания Италии, а затем и всего мира [Полибий, 5, 101, 9 — 102, 1]. Была у Филиппа и другая цель — отвоевать Иллирию, совсем недавно в результате войн 229 — 219 гг. оказавшуюся под властью Рима.

Среди иллирийских территорий, захваченных римлянами, были области, принадлежавшие Деметрию Фаросскому, который был, таким образом, лично заинтересован в войне против Рима. Мы не знаем, каковы были условия мирного урегулирования между Филиппом V и его противниками, которого они достигли в Навпакте [Полибий, 5, 105, 1—2]; по-видимому, было восстановлено довоенное положение вещей — «союз» всех греческих обществ с Македонией, то есть фактическое господство в Греции македонского царя. Интересно, что, по рассказу Полибия [5, 104], важным стимулом к заключению Навпактского мира была угроза с запада. Во время переговоров навпактец Агелай указывал, что, кто бы ни победил в Италии, римляне или карфагеняне, они попытаются распространить свою власть и на Грецию. Предвидение это, как известно, полностью сбылось.

Для того чтобы противостоять этой угрозе, необходимо водворить в самой Греции мир и спокойствие, а царю Филиппу свой воинственный пыл обратить на запад, в чем греки будут его надежными и ревностными союзниками. Как видим, Филипп V лишь на весьма короткое время мог быть соратником Ганнибала; в перспективе, в случае победы над Римом, Филипп V превращался в весьма опасного врага карфагенян.

Пока же Навпактский мир развязывал Македонии руки. Построив и оснастив 100 кораблей, Филипп V вышел со своими войсками в открытое море, прибыл к Кефаллени и Левкаде, а затем, узнав, что римский флот стоит на якоре возле Лилибея (Сицилия), отправился морем к Аполлонии, в направлении на Иллирию. Однако там царь получил ложное сообщение, будто на него идет римский

флот, и в панике отступил к Кефаллени, а оттуда вернулся в Македонию [Полибий, 5, 109—110]. Таким образом, первая его попытка овладеть Иллирией окончилась неудачей, главным образом из-за его же собственной неоправданной доверчивости и панического страха перед римлянами. В действительности у Регия были замечены 10 римских кораблей, которые, конечно, не могли вступить в бой с македонским флотом; но именно они послужили причиной преувеличенных слухов, по которым римский флот уже находился на подступах к Адриатическому морю.

Эта неудача сделала Филиппа V особенно заинтересованным в союзе с Ганнибалом, для которого, в свою очередь, поддержка Македонии имела первостепенное значение. Во-первых, можно было надеяться, что часть римских сил будет отвлечена на борьбу с греко-македонскими войсками за пределами Италии. Во-вторых, этот союз позволял выйти из дипломатической изоляции; можно было рассчитывать, что и другие властители эллинистического востока присоединятся к Ганнибалу в его смертельной схватке с Римом. О борьбе, которая ему предстояла бы сразу же после победы и о которой, как можно было видеть, говорили вслух, Ганнибал, вероятно, старался не думать: самое главное — победить сейчас, в Италии, а потом будет время решить, что делать и с Иллирией, и с Македонией, и с самим царем Филиппом V.

Таковы были обстоятельства, при которых в лагерь Ганнибала было направлено македонское посольство, возглавлявшееся Ксенофаном. Миновав Брундисий и Тарент, охранявшиеся римскими сторожевыми судами, македоняне высадились у храма Юноны Лацинийской, несколько южнее Кротона, и оттуда

через Апулию двинулись к Капуе, но по дороге натолкнулись на римское сторожевое охранение. Солдаты доставили послов к претору Марку Валерию Лэвину, стоявшему лагерем неподалеку от Луцерии¹⁰⁸. Положение спас Ксенофан: не теряя присутствия духа, он заявил, будто послан царем Филиппом V заключить дружественный союз с римским народом; ему даны соответствующие полномочия и поручения к консулам, сенату и всему римскому народу. Обрадованный претор дал послам проводников, чтобы те указали самые удобные дороги и объяснили, где стоят римские и карфагенские войска. Без дальнейших приключений посольство, миновав римские гарнизоны, явилось в Кампанию, а там прямым путем в лагерь Ганнибала [Ливий, 23, 33, 4—9].

Как протекали переговоры между Ганнибалом и Ксенофаном, неизвестно. Евтропий [3, 12] говорит, правда, что Филипп предложил Ганнибалу помощь против Рима, с тем чтобы после победы Ганнибал помог ему против греков, однако похоже, что он основывается на известном ему тексте соглашения. Мы осведомлены только об условиях союзнического договора, которые Ливий [23, 33, 10—12] излагает следующим образом. Царь Филипп переправится в Италию и опустошит морское побережье, а также по мере своих сил будет вести войну на море и на суше; по окончании войны вся Италия вместе с городом Римом будет принадлежать Карфагену и Ганнибалу, причем последнему достанется и добыча; покорив Италию, союзники переправятся в Грецию и там будут воевать с теми, с кем пожелает царь; материковые государства и острова, прилегающие к Македонии, т.е. практически вся балканская Греция с прибрежными островами и Архипелагом,

будут принадлежать Филиппу. Приблизительно так же передает содержание договора и Зонара [9, 3]: воевать они будут вместе, и Италию захватят карфагеняне, а Грецию с Эпиром и островами — царь Филипп.

Мы имеем редкую, поскольку речь идет о древности, возможность сравнить эти изложения с подлинным текстом договора, который в полном объеме приводится в историческом повествовании Полибия [7, 9]:

«Клятва, которую принесли Ганнибал-полководец, Магон, Миркап, Бармокар и все находящиеся с ним, карфагенские герусиасты и все карфагеняне, воюющие вместе с ним, афинянину Ксенофану, сыну Клеомаха, послу, которого послал к ним Филипп, царь, сын Деметрия, от себя, македонян и союзников, пред Зевсом, и Герой, и Аполлоном, пред Божеством карфагенян (δαίμονος Καρχηδονίων — имеется в виду, очевидно, богиня Тиннит — И.К.), и Гераклом, и Иолаем, пред Аресом, Тритоном, Посейдоном, пред богами соратствующими и Солнцем, и Луной, и Землей, пред реками, и озерами, и водами, пред всеми божествами, которые владеют Карфагеном, пред всеми богами, которые Македонией и остальной Грецией владеют, пред всеми богами, которые участвуют в походе, присутствующими при этой клятве. Ганнибал-полководец сказал, и все находящиеся с ним карфагенские герусиасты, и все карфагеняне, воюющие вместе с ним, что решили вы и мы дать клятву в дружбе и добром благорасположении, быть друзьями и родственниками, и братьями, дабы царь Филипп, и македоняне, и прочие греки, которые суть их союзники, выручали бы карфагенских граждан (χυρίους Καρχηδονίων; в греческой формуле, несомненно, воспроизводится финикийско-пунийское: *b'ly qrthd št* 'хозяева', 'граждане Карфагена' — И.К.), и Ганнибала-полководца, и тех кто с ним, и тех, кто под властью карфагенян, пользующихся теми же законами (что и карфагеняне. — И.К.), граждан Утики, и города, и народы, покорные карфагенянам, и воинов, и союзников, и все города и народы, с которыми у нас дружба, в Италии, Галлии и Лигурии, и с которыми у нас будет дружба в этой стране. Также и Филиппа, царя, и македонян, и из прочих греков [их] союзников будут выручать и охранять участвующие в войне карфагеняне, и граждане Утики, и все города и народы, покорные карфагенянам, и союзники, и

воины, и все [дружественные нам] народы и города в Италии, Галлии и Лигурии, и другие, которые стали бы союзниками в этих местностях Италии. Мы не будем злоумышлять, не будем строить козни друг против друга; со всем усердием и благорасположением, без хитрости и злого умысла мы будем врагами тех, кто враждует с карфагенянами, за исключением царей, и городов, и гаваней, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о дружбе. Будем также и мы врагами тех, кто враждует с царем Филиппом, кроме царей, и городов, и народов, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о дружбе. Будете вы также нашими союзниками в войне, которую мы ведем против Рима, пока нам и вам боги не даруют победу. И вы нам поможете; насколько будет нужно и как мы договоримся. Если бы, когда боги даруют вам и нам победу в войне против римлян и их союзников, римляне просили заключить договор о дружбе, мы согласимся так, чтобы у них с вами была такая же дружба на условиях, чтобы им не было разрешено начинать когда бы то ни было войну против нас и чтобы римляне не властвовали над керкирянами, аполлониатами, эпидамвиянами, а также над Фаросом, Дималлей, Парфинией и Агиттанией. Они отдадут Деметрию Фаросскому всех его подданных, которые находятся в пределах Римского государства. Если же римляне начнут войну против вас или против нас, мы будем помогать друг другу, насколько каждой из сторон это будет нужно. Также и если кто-нибудь другой, кроме царей, и городов, и народов, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о союзе. Если же мы решим изъять или добавить к этой клятве, то мы изымем или добавим, как это будет решено нами обоими».

Сравнение текста карфагено-македонского договора, сохраненного Полибием и не вызывающего сомнений по поводу своей достоверности (в особенности характерна проникшая в греческий перевод калька с финикийского), с изложением Ливия, Зонары и Евтропия показывает, что последние воспроизводили не столько содержание соглашения, сколько его истолкование римской официальной пропагандой, восходящее, как в этом легко убедиться, к речам Г. Теренция Варрона сразу же после

Канн. В договоре отсутствуют какие бы то ни было конкретные обязательства Филиппа V, речь идет в весьма неопределенной форме об оказании помощи в войне против Рима. Нет в договоре и статьи, которая гарантировала бы Карфагену обладание Италией; более того, стороны даже выражают готовность заключить союзнический договор с Римом, причем единственным предварительным условием, оговоренным здесь, является отказ Рима от завоеваний на Балканском полуострове. Это последнее обстоятельство особенно существенно: продолжая свою прежнюю политику, которую он начал сразу же после Канн, Ганнибал и в соглашении с Филиппом V фактически повторяет Риму приглашение заключить договор о мире и дружбе. Однако и этот призыв не был услышан. В договоре очень неопределенно сформулированы и обязательства Ганнибала оказать помощь своему македонскому союзнику. Каких-либо гарантий последнему по поводу господства над Грецией здесь также нет. Создается впечатление, что договаривающиеся стороны проявили исключительную осторожность, не желая связывать себя определенными обязательствами¹⁰⁹.

Примечательна и форма договора, заключенного в соответствии с обычной процедурой ближневосточной дипломатии. Как показал Э. Бикерман в своем интереснейшем исследовании этого документа¹¹⁰, греческий текст клятвы Ганнибала Филиппу V у Полибия — это точный до буквализма перевод финикийско-пунийского оригинала. По своей схеме он представляет собой берит — клятву, фиксирующую установление союзнических отношений; она совершается в присутствии богов и содержит обращения к богам своим и контрагента; ее формуляр и терминология восходят, по мнению

Э. Бикермана, к ближневосточным договорам II тысячелетия. Клятву приносит сам Ганнибал и все находящиеся в его лагере карфагеняне; такая клятва, хотя она и предусматривает оказание помощи македонянам со стороны участвующих в войне карфагенян, обществ, подвластных Карфагену, и союзников, не накладывает обязательств на Карфагенское государство, как таковое, и не связывает карфагенское правительство в его действиях, подобно тому как клятва Гасдрубала не переходить через Ибер не связывала ни его преемников, ни центральные власти.

Последнее обстоятельство, которое Филипп V, очевидно, не принимал в расчет, делало союз между Карфагеном и Македонией весьма эфемерным и в дальнейшем могло породить немало затруднений. По сути дела, это был союз между Филиппом, действовавшим от имени и как олицетворение Македонского государства, и Ганнибалом, выступавшим только от своего собственного имени, представлявшим только себя самого.

И все же заключение союза было и для того и для другого большим дипломатическим успехом. Как уже говорилось, появление нового противника должно было при всех условиях отвлечь часть римских войск от борьбы в Южной Италии¹¹¹; Филипп V получал, казалось, возможность без труда отобрать у обессиленного Рима Иллирию. Однако реализовать эти возможности или по крайней мере воспользоваться новой политической ситуацией, которую они сами создали, стороны не сумели.

После окончания переговоров македонские послы двинулись из карфагенского лагеря в обратный путь; вместе с ними Ганнибал направил и своих уполномоченных — Гисгона, Бостара (то есть Бод'аштарта) и

Магона, которые должны были получить у Филиппа V подтверждение договора и принять его клятву. Без особых приключений они добрались до храма Юноны Лацинийской, около которого были спрятаны корабли, и вышли оттуда в море, но были замечены с римских кораблей, охранявших берега Калабрии. Македоняне попробовали было спастись бегством; убедившись, что римляне их легко нагоняют, они решили сдаться. В этой ситуации Ксенофан решил прибегнуть к старому и уже испытанному трюку: он заявил командующему флотилией, что, дескать, царь Филипп отправил его к римлянам заключить договор о союзе, что он прибыл к Марку Валерию, к которому только и мог явиться, не подвергая себя опасности, но пробраться через Кампанию, занятую войсками противника, не сумел. На этот раз Ксенофану не поверили: карфагенский облик и платье, наконец, акцент изобличили посланцев Ганнибала, а потом нашли у перепуганных послов письмо Ганнибала к Филиппу и договор. Командующий римской флотилией счел необходимым немедленно отправить послов и захваченные материалы в Рим; пленных везли на 5 кораблях (каждого на отдельном) и содержали в строгой изоляции [Ливий, 23, 34, 1—9]. В Риме сенат приказал пленных заключить в тюрьму, а их провожатых продать в рабство [Ливий, 23, 38, 7].

Между тем один из македонских кораблей, захваченных римлянами, бежал с дороги и ушел на родину. После его прибытия стало известно, что и придворные Филиппа, и пунийцы, и документы захвачены неприятелем. Царь, не зная, на каких условиях Ксенофан пришел к соглашению с Ганнибалом, отправил к последнему новых послов с прежним

поручением; на этот раз все закончилось благополучно. Но время было упущено: лето кончилось прежде, чем царь сумел что-либо сделать [Ливий, 23, 39, 1—4]. Утрачен был и момент секретности: осведомленное о союзе Ганнибала и Филиппа V и о деталях этого союза, римское правительство могло предпринять необходимые меры для организации отпора новому врагу.

Тем временем в Италии война шла своим чередом — «вяло», как говорит Ливий [23, 35, 1], потому что одна сторона была еще слишком слаба, а другая утратила наступательный порыв; и на этот раз инициатором новой кампании выступила Капуя, решившая подчинить своей власти Кумы. Осуществление этого плана представляло серьезную угрозу Риму: Капуя тем самым не только заявляла свои претензии на господство в Италии, но и делала первые шаги для того, чтобы претворить их в жизнь. Гораздо сложнее было положение Ганнибала. С одной стороны, действия Капуи были подчеркнута антиримскими и, следовательно, благоприятными для Ганнибала; они не выходили за рамки союзнических отношений между Ганнибалом и Капуей. С другой стороны, сама инициатива Капуи могла оказаться опасным предвестником будущих конфликтов, она не согласовала с Ганнибалом своих действий. Однако события приняли неожиданный для капуанцев и для самого Ганнибала неблагоприятный оборот.

Для осуществления своего замысла капуанцы решили воспользоваться общекампанскими ежегодными жертвоприношениями в Гамах. Они сообщили в Кумы, что на сей раз для совершения торжественного

обряда прибудет в полном составе капуанский сенат, и просили, чтобы и куманский сенат явился туда же для совещания и разработки единой политической линии. Капуанцы обещали охранять Гамы от римлян и карфагенян. Кумы не отклонили предложения, но сообщили обо всем происшедшем римскому консулу Тиберию Семпронию Гракху, который в этот момент неподалеку от Литерна был занят обучением своих солдат. Гракх велел куманцам свезти все с полей в город и не появляться за городскими стенами, а сам повел войска в Кумы, находившиеся от Гам на расстоянии трех миль.

Капуанцы собрались в Гамы. Жертвоприношения продолжались три дня. Тем временем в засаде стоял большой по тогдашним масштабам отряд воинов (14 000 человек) под командованием Мария Алфия, высшего магистрата Капуи. Когда жертвоприношение окончилось, Гракх напал на капуанский лагерь, перебил там более 2 000 человек и спешно возвратился в Кумы.

Пунийские войска, когда происходили эти события, стояли лагерем недалеко от Капуи, у горы Тифата. Едва в Капуе узнали об избиении в Гамах, Ганнибал быстро двинулся туда, рассчитывая застать там воинов Гракха, занятых, как он думал, грабежом и вывозом добычи, однако нашел он только трупы союзников и следы побоища.

Перед Ганнибалом снова встал вопрос: что делать дальше. Некоторые (наш источник не указывает, кто именно) предлагали ему немедленно осадить Кумы, да и сам полководец склонялся к этому решению. Однако, вместо того чтобы идти к городу, Ганнибал вернулся к Тифате, так как его солдаты ничего, кроме оружия, с собою не имели. Только на следующий день он подошел к Кумам и начал осаду. Первая попытка

карфагенян овладеть городом не удалась. По приказанию Ганнибала около городской стены соорудили осадную башню, однако против нее на самой стене Гракх велел построить другую, значительно более высокую. Когда пунийцы придвинули свою башню вплотную к стене, осажденные подожгли ее; одновременно смелой вылазкой из городских ворот они заставили карфагенские посты бежать в лагерь. На следующий день Ганнибал выстроил свои войска перед городскими воротами, рассчитывая, что воодушевленный успехом противник захочет сразиться в настоящем бою. Гракх не поддался на провокацию, и Ганнибал был вынужден уйти от невзятых города к Тифате [Ливий, 23, 36, 1—37, 9].

Примерно тогда же стало известно еще об одной неудаче карфагенян: в Лукании, при Грументе, пунийский военачальник Ганнон, сын Бомилькара, был разбит римским — Тиберием Семпронием Лонгом и вернулся в Брутиум. Римляне силою восстановили свою власть над Верцеллием, Весцеллием и Сицилином, жестоко расправившись с приверженцами карфагенян [Ливий, 23, 37, 10—13]. Серьезный удар нанес по Ганнибалу и консул Кв. Фабий Максим после того, как задержанный разного рода жертвоприношениями, он получил наконец возможность переправиться через Вольтурн. Кв. Фабий Максим взял штурмом Требулу и Австикулу¹¹², а потом, став лагерем недалеко от Суэссулы, послал оттуда войска в Нолу, чтобы не допустить ее перехода к Ганнибалу [Ливий, 23, 39, 5—8].

Как уже говорилось, карфагенское правительство, узнав о начале в Сардинии антиримского движения и

о возможности снова отвоевать ее у Рима, решило направить туда Гасдрубала Плешивого, однако страшная буря разметала пунийские корабли и отнесла их к Балеарским островам; там Гасдрубалу пришлось долго ремонтировать свои суда, прежде чем они были приведены в боевое состояние [Ливий, 23, 34, 16—17]. Когда это известие пришло в Рим, сенат приказал набрать дополнительно 5 000 пехотинцев и 400 всадников и направить этот отряд под командованием Тита Манлия Торквата на подавление бунта [Ливий, 23, 34, 10—15].

Переправившись в Сардинию, Манлий приказал вытащить у Каралиса корабли на берег и сформировал из моряков пехотные соединения, принял под свое командование армию и таким образом получил всего 25 000 пехотинцев и 1 200 всадников¹¹³. В первом же сражении, которое завязал с римлянами Гостий, сын Хампсикоры, инициатора восстания, сарды были разбиты, потеряли 3 000 убитыми и 800 ранеными; остальные, рассеянные по острову, собрались в г. Корпе. Тем временем в Сардинию на помощь восставшим прибыл наконец флот Гасдрубала, и Манлий счел за благо уйти в Каралису; в свою очередь, Гасдрубал и Хампсикора также двинулись к Каралису. Манлий выступил им навстречу, карфагеняне попали в окружение и были почти полностью уничтожены. Римляне особенно гордились тем, что в плен попали три крупных карфагенских деятеля — сам Гасдрубал Плешивой, Ганнон — организатор восстания и Магон (он происходил из династии Баркидов и был близким родственником Ганнибала). Гостий, сын Хампсикоры, пал в бою, а сам Хампсикора, узнав об этом, покончил жизнь самоубийством. Римское господство

на острове было полностью восстановлено [Ливий, 23, 40—41; Евтропий, 3, 12].

Приблизительно тогда же произошло еще одно событие, в наших источниках отмеченное только беглым упоминанием [Ливий, 23, 41, 8]. Римский наместник Сицилии претор Тит Отацилий вышел со своим флотом из Лилибея к берегам Африки и там опустошил территорию, принадлежавшую карфагенянам. Значение этой операции, хотя она и не привела пока к созданию римского плацдарма в непосредственной близости от Карфагена, трудно переоценить. Она показала, что и после Канн североафриканские владения Карфагена не гарантированы от римского вторжения, что Рим очень быстро оправляется от последствий катастрофического, как думалось поначалу, разгрома. Это впечатление должно было еще больше усилиться, когда на обратном пути Т. Отацилий разгромил и рассеял пунийскую эскадру, возвращавшуюся из Сардинии на родину, и даже захватил 7 кораблей [Ливий, 23, 41, 9].

Однако основным театром военных действий продолжала оставаться Южная Италия. В Локры наконец прибыли подкрепления, присланные из Карфагена: воины, слоны и продовольствие. Отрядом командовал Бомилькар. Чтобы захватить его врасплох, римский военачальник Аппий Клавдий быстро перевел свои войска в Мессану, а оттуда подступил к Локрам, но Бомилькар ушел в Брутиум и там присоединился к Ганнону. Локры не допустили в свою гавань римские корабли, и Аппий Клавдий вынужден был вернуться в Мессану (Ливий, 23, 41, 10—12].

Тем не менее военную инициативу целиком сохраняло в своих руках римское командование. Проконсул Марк Клавдий Марцелл, возглавлявший римский гарнизон в Ноле, сумел использовать бездействие Ганнибала, стоявшего лагерем у горы Тифата, чтобы совершать набеги на территорию исконных врагов Рима — гирпинов и кавдинских самнитов — и опустошить ее так, что самнитам припомнились прежние их поражения в борьбе с римлянами [Ливий, 23, 41, 13]. Гирпины и самниты обратились за помощью к Ганнибалу [Ливий, 23, 42 — 43, 4], и последний решил атаковать Нолу. Туда же прибыл из Брутиума Ганнон вместе с отрядом Бомилькара. Заметив приближение карфагенян, Марцелл запер свои войска в городе, а ноланским сенаторам приказал наблюдать со стен за действиями противника [Ливий, 23, 43, 5 — 8]¹¹⁴.

Свои новые операции у Нолы Ганнибал решил начать попыткой договориться с местными властями. Несомненно, по его приказанию к городским стенам подошел Ганнон¹¹⁵ и вызвал для беседы Геренния Басса и Герия Петтия — очевидно, наиболее влиятельных сенаторов Нолы. С разрешения Марцелла они вышли из ворот, однако желательного Ганнибалу результата не получилось. Ганнон, если верить рассказу Ливия [23, 43, 9 — 44, 2], предлагал ноланцам сдать себя и выдать римский гарнизон; в этом случае только от самих ноланцев зависело бы продиктовать условия союза между ними и Ганнибалом, Геренний Басс отвечал, что Нола сохранит свою верность римлянам, и на этом обе стороны расстались.

Такой исход переговоров показал Ганнибалу тщетность надежды овладеть Нолой мирным путем, и он приступил к подготовке штурма — окружил городские

стены, чтобы одновременно со всех сторон напасть на город. Марцелл сделал вылазку, и, когда воины бежали к месту схватки, там началось побоище, которое прекратилось только из-за проливного дождя.

На третий день, когда Ганнибал выслал часть своих солдат разграбить окрестности Нолы, произошла новая схватка. И римские и пунийские воины сражались поначалу очень нерешительно и, по-видимому, не очень охотно, однако, судя по рассказу Ливия, воодушевление римлян под влиянием поддержки ноланцев постепенно росло. В конце концов карфагеняне бежали в свой лагерь; римляне хотели было взять его штурмом, но Марцелл отвел их за стены Нолы. В бою Ганнибал потерял 5 000 убитыми и 600 пленными; кроме того, погибли 4 слона, а 2 были захвачены римлянами. Вскоре после сражения отряд из 272 всадников перешел на сторону Марцелла. Результат боев под Нолой был для Ганнибала, пожалуй, самым неприятным. Он уже не мог быть полностью уверенным в собственных солдатах, которые начали разочаровываться в удачливости своего предводителя; сражаясь на стороне римлян, они, видимо, чувствовали больше уверенности в будущем. Кстати сказать, их надежды полностью оправдались: после войны они получили земельные наделы в Испании и Африке [Ливий, 23, 44, 6—46, 7; Плут., Марц., 12]. Римская традиция, надо сказать, высоко оценивала победу Марцелла под Нолой [см.: у Орозия, 4, 16, 12]: Марцелл первый после стольких катастроф пробудил надежду на то, что Ганнибал может быть побежден.

Итак, новая попытка карфагенян овладеть Нолой не удалась, как не удались и предыдущие¹¹⁶. Наступила зима, и Ганнибал, не желая оставаться под стенами

непрístupного для него города, отослал Ганнона с его войсками в Брутиум, а сам пошел на зимние квартиры к Арпам, в Апулию [Ливий, 23, 46, 8].

Услышав об этом, Кв. Фабий Максим явился на территорию, принадлежавшую Капуе, начал ее опустошать и заставил капуанцев выйти из города и стать лагерем в открытом поле перед стенами. Начались кавалерийские стычки, которые, однако, не принесли успеха ни той, ни другой стороне [Ливий, 23, 46, 9—48, 1]. Свои зимние квартиры Фабий устроил около Суессулы, а Марцеллу приказал, оставив в Ноле гарнизон, необходимый для обороны, остальных воинов отпустить в Рим [Ливий, 23, 48, 2]. Другой консул, Тиб. Семпроний Гракх, перевел свои войска из Кум в Луцерию и оттуда отправил претора М. Валерия в Брундисий организовывать оборону на случай возможного вторжения македонян [Ливий, 23, 48, 3].

В Испании положение карфагенских войск также становилось все более неблагоприятным. Римляне принудили карфагенян снять осаду с Илитурги, а затем и с Интибила [Ливий, 23, 48, 4—49]. Почти все племена и народности Испании перешли на сторону римлян.

Зиму 215—214 г. Ганнибал провел в Апулии, неподалеку от Арп, время от времени завязывая мелкие стычки с римлянами — войсками Тиб. Семпрония Гракха, зимовавшими в Луцерии [Ливий, 24, 3, 16—17]. Кв. Фабий Максим использовал это время для того, чтобы занять Путеолы [Ливий, 24, 7, 10], обеспечив римлянам обладание этим важным торговым центром в Кампании.

Новые военные действия в Южной Италии начались с того, что Ганнибал спешно возвратился в свой старый лагерь у горы Тифата; его побудили к этому настойчивые требования капуанцев, опасавшихся, что римляне возобновят свои операции осадой Капуи. Движение Ганнибала к Арпам перед зимовкой, которое должно было закрепить его господство в Апулии, оказалось бесполезным: очень скоро он должен был увести оттуда свои войска, а римляне там остались. У Тифаты, однако, Ганнибал не пожелал задерживаться: оставив там своих нумидийских и испанских солдат, Ганнибал отправился к Авернскому озеру якобы для совершения жертвоприношений; в действительности он хотел атаковать ПUTEОЛЫ и находившийся там римский гарнизон [Ливий, 24, 12, 1—5].

Имея в виду эти его передвижения, консул Кв. Фабий Максим приказал Гракху передвинуть свои войска из Луцерии в Беневент, а своему сыну, претору Кв. Фабию Максиму, занять Луцерию [Ливий, 24, 12, 5—6].

Между тем Ганнибал достиг Авернского озера. Пока он приносил жертвы, к нему явились четверо знатных юношей из Тарента. Когда-то они побывали в карфагенском плену, одни после Тразименского озера, другие после Кани, были отпущены домой и теперь предлагали Ганнибалу воспользоваться случаем и захватить Тарент. Большинство тарентской молодежи, рассказывали они, согласны предпочесть дружбу и союз с Карфагеном дружбе и союзу с Римом, и вот теперь они пришли в лагерь Ганнибала посланцами от этих людей и просят его подойти со своими войсками как можно ближе к их городу. Как только из Тарента увидят его боевые значки, его лагерь, город сразу же будет сдан, потому что народ

там находится под влиянием (Ливий употребляет даже более резкое слово: «во власти») молодежи, а государство — в руках народа [Ливий, 24, 13, 1—3]. Исходя из этого рассказа Ливия, можно было бы думать, что Ганнибала призывало в Тарент, как это было и во многих других случаях, демократическое антиримское движение, которым руководили некоторые выходцы из местной аристократии, надеявшиеся в результате неизбежного переворота прийти к власти.

Для Ганнибала предложение тарентинцев было и чрезвычайно заманчивым, и, казалось, легко осуществимым. Захват Тарента делал возможными прямые контакты между Ганнибалом и Филиппом V; в случае необходимости в Таренте могли быть высажены македонские войска. Не удивительно, что Ганнибала охватило огромное, как пишет Ливий, желание овладеть этим городом. Однако, прежде чем двинуться на юго-восток, Ганнибал решил все же напасть сначала на Путеолы; три дня он потерял под стенами Путеол, безуспешно пытаясь штурмом захватить их, и оттуда пошел к Неаполю, чтобы опустошить его окрестности. Приближение Ганнибала вызвало новую вспышку враждебных Риму настроений в Ноле среди тамошнего простонародья; к Ганнибалу даже прибыли из Нолы послы, обещавшие сдать ему город. Ноланские аристократы спешно призвали на помощь Марцелла, который, воспользовавшись медлительностью Ганнибала, не очень доверявшего своим сторонникам в Ноле, разместил там 6 000 пехотинцев и 300 всадников [Ливий, 24, 13, 6—11].

Пока Ганнибал совершал все эти бесцельные передвижения, в Кампании произошли два события, которые должны были существенно повлиять на развитие

обстановки: консул Кв. Фабий Максим начал осаду Касилина, занятого карфагенским гарнизоном [Ливий, 24, 14, 1], а Ганнон, сын Бомилькара, подступил из Брутиума к Беневенту. Туда же из Луцерии пришел и Гракх. Он вошел в город и, узнав, что Ганнон разместил свой лагерь примерно в трех милях, у р. Калор, вышел из Беневента и расположился на расстоянии примерно мили от пунийцев. Готовясь к бою, он обещал каждому из своих воинов, рабский статус которых пока еще сохранялся, свободу за принесенную голову неприятеля. Когда на другой день началось сражение, такое условие едва не стоило римлянам победы: убивая врагов, римские солдаты старались рубить им головы, а потом, держа головы в правой руке, покидали поле боя.

Когда военные трибуны донесли о происходящем Гракху, он приказал немедленно бросить головы; храбрость свои воины уже доказали и свободу они безусловно получат.

Сражение возобновилось с новой силой; против нумидийской конницы Ганнона были брошены всадники, однако исход битвы все еще не был ясен. Тогда Гракх объявил, что свободу его воины получают только в том случае, если враг будет обращен в бегство. Натиск римской пехоты усилился до такой степени, что воины Ганнона не выдержали и побежали. Бой, превратившийся в беспорядочную резню, продолжался в карфагенском лагере. Из 7 000 пехотинцев, главным образом брутиев и луканов, и 1 200 всадников Ганнона — нумидийцев, мавров и немногочисленных италиков — спаслись вместе с полководцем менее 2000, преимущественно конных.

Гракх сдержал слово. Все рабы, участвовавшие в сражении под Беневентом, получили свободу. Интересно,

что скот, захваченный в карфагенском лагере, Гракх изъял из общей добычи и объявил, что хозяева животных (очевидно, местные жители) могут в течение месяца предъявить на них право и забрать их. Такая мера должна была продемонстрировать италикам, что римские войска защищают своих союзников от грабежа и насилий [Ливий, 24, 14—26].

Некоторое время спустя Гракх набрал в Лукании несколько когорт и отправил их грабить врагов римлян. На рассеявшихся по полям солдат напал Ганнон и, нанеся противнику чувствительный урон, не меньший, чем он сам потерпел под Беневентом, говорит наш источник, торопливо ушел в Брутиум, избегая новой встречи с основными силами Гракха [Ливий, 24, 20, 1—3].

Тем временем Ганнибал подошел к стенам Нолы¹¹⁷. Обнаружив его приближение, Марцелл спешно вызвал в Нолу дополнительные контингенты из Суесулы; кроме этого он отправил темной ночью из города с отрядом конницы Гая Клавдия Нерона, который должен был обойти карфагенян, следовать за ними по пятам и, когда начнется сражение, напасть на них с тыла. Нерон, по-видимому, заблудился; может быть, ему не хватило времени, так или иначе, приказания он не выполнил. Тем не менее в сражении у Нолы карфагенские войска были принуждены отступить. Марцелл не решился их преследовать; на следующий день он снова вывел своих воинов на поле битвы, но Ганнибал впервые за все время войны предпочел уклониться от боя. Этот факт, по-видимому мелкий (наш источник почти не задерживает на нем внимания читателя, схибно замечая только, что, не принимая боя, Ганнибал молча признал себя побежденным), был по-своему очень знаменательным.

Прошло, очевидно, то время, когда именно Ганнибал старался навязать римлянам сражение, а они, во всяком случае, такие полководцы, как Фабий и Эмилий Павел, стремились его избежать. Трудно было более наглядно продемонстрировать, насколько резко изменилось соотношение сил в Италии. Как бы то ни было, третья попытка Ганнибала овладеть Нолой провалилась, и он, проведя под ее стенами три дня, пошел к Таренту [Ливий, 24, 17].

Неудача Ганнибала под Нолой и его поспешный уход к Таренту позволили римскому командованию уделить больше внимания осаде Касилина, который обороняли 2 000 капуанцев и 700 воинов Ганнибала (гарнизон командовал Статий Метий). Намереваясь напасть на лагерь Фабия, стоявшего в непосредственной близости от Касилина, Статий Метий вооружил и присоединил к своему отряду местных плебеев и рабов. Фабий призвал на помощь Марцелла, однако осада складывалась для римлян неудачно. Фабий предложил отказаться от ее продолжения и отступить. Марцелл не согласился: необходимо довести начатое дело до конца, чтобы не опозорить себя. Римляне начали осадные работы, и капуанцы, понимая, что во время неизбежного штурма они не смогут эффективно сопротивляться, обратились к Фабия с просьбой — разрешить им уйти домой. Марцелл, однако, занял городские ворота, и все выходящие из города капуанцы были изрублены. Резня продолжалась и в самом Касилине. Только 50 капуанцев, успевших до этого бежать к Фабия, получили возможность под его охраной добраться до Капуи; все остальные — и оставшиеся в живых капуанцы, и воины пунийского гарнизона попали в плен. Овладев Касилином, римляне отдали его во власть

соседям, которые должны были не допустить новой измены [Ливий, 24, 19].

Теперь Марцелл снова вернулся в Нолу, а Фабий отправился восстанавливать римское господство в Самниуме и прилегающих к нему областях. Особенно жестоко он расправился с кавдинскими самнитами — давними и исконными врагами Рима: он выжег огромные поля, утратил добычу — скот и людей, штурмом взял Компультерию, Телесию, Компсу, Фругифулы и Орбитаний. Не удовлетворившись этим, Фабий занял в Лукании Бланды и в Апулии Эки. Тогда же его сын, претор Квинт Фабий Максим, действовавший в окрестностях Луцерии, захватил г. Акуку [Ливий, 24, 20, 3—8].

А Ганнибал, опустошая все на своем пути, двигался к Таренту. Только на территориях, принадлежавших этому городу, его войска прекратили грабежи — не потому, замечает Ливий, только что рассказавший о чудовищных «подвигах» Фабия в Самниуме, что они стали дисциплинированнее, а потому, что Ганнибал не хотел раздражать тарентинцев. Однако он и здесь опоздал. За три дня до его появления пропретор Марк Валерий, командовавший римским флотом в Брундисии, направил в Тарент Марка Ливия для организации обороны. Набрав там молодежь и расположив ее у ворот, а также на стенах, он не дал возможности ни Ганнибалу внезапно напасть на город, ни заговорщикам совершить задуманное. Проведя в бездействии под стенами Тарента несколько дней, Ганнибал отправился к Салатии, где решил расположиться на зиму [Ливий, 24, 20, 9—16].

Как уже говорилось, сразу после битвы при Каннах в правящих кругах Сиракуз появилась «партия»,

добивавшаяся разрыва Сиракуз с Римом. Ее возглавлял Гелон, сын престарелого царя Гиерона. Только смерть Гелона при весьма загадочных обстоятельствах помешала ему прийти к власти и осуществить этот замысел. Однако летом 215 г. девяностолетний Гиерон II умер, и царский венец перешел к его совсем еще юному внуку — Гиерониму, сыну Гелона.

Римская анналистическая традиция не жалеет черных красок для характеристики этого правителя. «Мальчик, который едва ли бы нес умеренно бремя свободы, не говоря о власти. Каков возраст, таков ум: и опекуны и друзья воспользовались этим, чтобы ввергнуть его во всякие пороки», — читаем мы у Ливия [24, 4, 1—2]. И далее [24, 5, 1—5]: «Гиероним, точно желая своими пороками сделать незабвенной память о деде, уже при первом своем появлении показал, насколько все переменялось. Те, кто в течение стольких лет не замечали, чтобы Гиерон или сын его Гелон одеждой и какими-либо другими знаками отличия выделялись среди прочих граждан, видели теперь пурпур, диадему, вооруженную свиту и даже то, что он, подобно тирану Дионисию, иногда выезжал из царского дворца на четверке белых коней. Столь блестящей и гордой внешности соответствовали презрение ко всем людям, гордый вид, с которым он слушал других, оскорбительные речи, редкий доступ не только для посторонних, но даже для опекунов, невиданные страсти, бесчеловечная жестокость». У Полибия мы встречаем выражения: «от природы неустойчивый» [7, 4, 6]; «неустойчивость и безрассудство мальчика» [7, 4, 8]; «глупость владыки» [7, 5, 3]. Однако тот же Полибий [7, 7, 1—5] резко выступает против изображения Гиеронима как чудовища жестокости и средоточия пороков:

«Некоторые историки, писавшие о гибели Гиеронима, сочиняли длинные повествования, переполненные небылицами; рассказывали о знамениях, случившихся у них (то есть сиракузян, — И.К.) до его прихода к власти, и о бедствиях сиракузян; на манер трагиков рисовали и жестокий нрав, и нечестивые деяния, а в заключение — невероятные ужасы, случившиеся при его гибели, как будто ни Фаларид, ни Аполлодор, ни какой-нибудь другой тиран не были жестокосерднее его. И власть он получил ребенком, и, прожив после этого не больше 13 или 12 месяцев, расстался с жизнью. За это время могло произойти так, что тот или другой подверглись пытке, и кто-то из друзей или иных сиракузян был убит, но неправдоподобны ни чрезмерное беззаконие, ни неслыханная нечестивость. Можно сказать, что он был нравом крайне безрассуден и преступал законы, но его нельзя сравнивать ни с одним из упомянутых выше тиранов»¹¹⁸.

Не останавливаясь на личных качествах Гиеронима, тем более что объективных данных для суждения о них мы все-таки не имеем¹¹⁹, заметим, что Гиероним только придерживался политической линии своего отца Гелона, о котором и римский писатель, цитированный выше, в общем, не может сказать ничего плохого, и которого Полибий [7, 8, 9] рисует как покорного и преданного сына, то есть как человека, наделенного наилучшими из возможных добродетелей¹²⁰. К тому же Гелон был соправителем Гиерона II. После гибели Гиеронима Сиракузы, как известно, упорно сопротивлялись Риму, которому удалось овладеть городом лишь после длительной, тяжелой осады и кровопролитного штурма. Все эти факты показывают, что в Сиракузах наблюдалось массовое недовольство римской ориентацией.

Каковы могли быть причины, вызвавшие к жизни такие настроения? В литературе указывали, между прочим, на карфагенский эллинизм, на активное участие карфагенян в духовной жизни греческого мира (в частности, в разработке некоторых философских систем), да и вообще на интенсивную культурную жизнь в Карфагене, которая не могла не вызвать сочувствия греческих образованных кругов, в том числе и в Сиракузах, в частности известнейшего сиракузского ученого и общественного деятеля Архимеда и его друзей¹²¹. Эти соображения, несомненно, должны были сыграть свою роль: в споре между римлянами и карфагенянами определенные слои греческой «интеллигенции» (далеко не вся «интеллигенция») склонны были принять сторону карфагенян. Так, пунийской ориентации придерживался историк Филін [Полибий, 1, 14, 3]; некоторые греческие писатели — Сосил-илиец, автор биографии Ганнибала в семи книгах [Диодор, 26, 4], и Силен — находились в лагере Ганнибала [Корн. Неп., Ганниб., 13, 3]. Впрочем, критические замечания Полибия [3, 20, 5] показывают, что Сосил отнюдь не пользовался репутацией сколько-нибудь авторитетного историографа. Однако не следует забывать и того, что сразу же после Канн римляне обратились за предсказанием в Дельфы и оракул дал благоприятный ответ, оказав тем самым огромную политическую и моральную поддержку Риму; что Фабий Пиктор написал свою историю II Пунической войны на греческом языке; что вокруг Сципионов уже во II в. группировались греческие литераторы. Иначе говоря, наблюдается определенное стремление римлян войти в эллинский мир, и это обстоятельство не могло не оказывать своего влияния на греков. Во всяком случае,

позиция греческих городов-государств во время II Пунической войны, как показывает, в частности, пример Неаполя или дельфийского оракула, вовсе не была однозначной, и определялась она, несомненно, более прозаическими мотивами. Что же касается вероломства и варварских методов ведения войны, то в этом и Ганнибал, и римские полководцы не уступали друг другу.

Рассматривая позицию Сиракуз после битвы при Каннах, нельзя забывать следующих обстоятельств. Союзнические отношения с Римом, хотя и обеспечивали Сиракузам мир и до определенной степени независимость, ложились тем не менее тяжелым бременем на плечи государства, поскольку материальная помощь Риму требовала немалых затрат. К тому же она, в особенности после Канн, ставила Сиракузы в угрожающую ситуацию: они могли в любую минуту ожидать санкций со стороны Карфагена. Наконец, союз с Римом не давал Сиракузам перспективы расширения их владений в Сицилии: весь остров, за исключением собственно сиракузской территории, уже представлял собой римскую провинцию, да и поглощение этой провинцией Сиракуз, то есть утрата последних остатков самостоятельности, было лишь вопросом времени. Сближение Сиракуз с Карфагеном влекло за собой освобождение от римской зависимости; поведение Ганнибала в Италии давало, казалось, основания полагать, что взаимосвязи с Карфагеном не будут столь обременительными и примут форму союза равноправных государств; наконец, в награду за помощь вероятному победителю можно было надеяться урвать из сицилийских владений Рима кусок пожирнее. Для Ганнибала союз с Сиракузами означал расширение сферы господства

Карфагена в Южной Италии, вовлечение в войну с Римом новой силы, что не могло не повлиять в благоприятном для него смысле на положение вещей в целом; за это Ганнибал готов был обещать все что угодно, тем более что окончательно судьбу Сиракуз можно было решить, а в случае необходимости и пересмотреть после уничтожения главного врага — Рима, когда вся Сицилия снова станет карфагенской. Не исключено поэтому, что за кулисами событий, происходивших в Сиракузах, стоял Ганнибал. Не подлежит, конечно, сомнению, что сиракузское правительство сделало то, к чему стремился Ганнибал¹²².

События в Сиракузах разворачивались следующим образом. После смерти Гиерона II сиракузским царем в соответствии с его завещанием был провозглашен еще совсем юный Гиероним, которому умиравший царь назначил 15 опекунов. Рассказывая об этом, Ливий [24, 4, 1—3] добавляет, что, обеспокоенный нравом своего внука, который не сможет вести «умеренную» жизнь, а тем более «умеренно» управлять государством, Гиерон перед кончиной, по слухам, думал о том, чтобы установить в Сиракузах «свободу», иначе говоря, передать власть полисным административным органам и таким образом предотвратить гибель царства, управляемого мальчишкой. Только уступая настояниям своих дочерей Демараты и Гераклеи, надевавшихся, что фактическими правителями при малолетнем царе будут они сами и их мужья Андранодор и Зоипп, Гиерон будто бы отменил свое намерение. Однако завещание Гиерона ближайшие его родственники бесцеремонно нарушили.

Вскоре после того, как Гиероним был провозглашен царем, Андранодор разогнал регентский совет, заявляя, что Гиероним уже достиг юношеского возраста

и может самостоятельно управлять государством. Слагая полномочия опекуна, он сохранил влияние на молодого царя [Ливий, 24, 4, 9] вместе, как выясняется, с Зоиппом и Фрасоном [Ливий, 24, 5, 7]. По Ливию [24, 5], Гиероним не слишком много внимания уделял государственным делам. Ливий пишет, что интересовали его главным образом распри и домогательства советников. Однако основного вопроса — к кому присоединиться, к Риму или Карфагену, — он не мог обойти. Решение этой проблемы осложнялось тем, что Андранодор и Зоипп были сторонниками карфагенской ориентации, а Фрасон — римской.

Внезапно Каллон, ровесник и близкий друг Гиеронима, донес, что на царя готовится покушение. По-видимому, одна из группировок сиракузской знати рассчитывала вырвать власть у слабого правителя; он даже указал на одного из заговорщиков — некоего Феодота. Феодот под пыткой оговорил (по утверждению Ливия [24, 5, 11—12], ложно) Фрасона, который якобы являлся организатором всего предприятия. Фрасона и некоторых других приближенных царя, также обвиненных Феодотом, немедленно казнили. Ливий пишет далее [24, 5—14], что, несмотря на арест Феодота, никто из действительных участников заговора не скрылся и не бежал: они были уверены в мужестве и верности Феодота, который никого из них не выдал.

Результатом гибели Фрасона было то, что идея союза Сиракуз с римлянами, потеряв своего единственного влиятельного поборника, была безнадежно скомпрометирована в глазах Гиеронима соучастием, подлинным или мнимым, Фрасона в заговоре на его жизнь. Несомненно, не без влияния своих зятьев [ср.: у Полибия, 7, 2, 1] Гиероним отправил к Ганнибалу

посольство — киренца Поликлета и аргосца Филодема [Полибий, 7, 2, 2]; Ганнибал, в свою очередь, прислал в Сиракузы людей из своего окружения — молодого аристократа Ганнибала, в тот момент триерарха [Полибий, 7, 2, 3], а также родившихся в Карфагене Гиппократ и Эпикида, внуков одного сиракузского изгнанника, по материнской линии принадлежавших к пунийскому роду [Полибий, 7, 2, 4]. Союз был заключен, а Гиппократ и Эпикид — фактически агенты Ганнибала — остались при дворе Гиеронима [Ливий, 24, 6, 1—3].

Узнав об этих переговорах, претор Аппий Клавдий, которому римское правительство поручило управление Сицилией, немедленно отправил послов в Сиракузы. Успеха эта миссия не имела. Выслушав римлян, Гиероним спросил только, чем закончилась для них битва при Каннах; карфагенские послы рассказывали ему об этом событии невероятные вещи, а он хотел бы знать правду, чтобы принять решение. Римляне удалились, заявляя, что вернутся, когда царь захочет разговаривать серьезно, и предостерегая его от нарушения договора [Ливий, 24, 6, 4—6].

Полибий [7, 3, 1—9] по-другому рассказывает о римско-сиракузских переговорах. Речь римских послов рассердила Гиеронима, и он сказал, что сочувствует римлянам, столь позорно разгромленным карфагенянами в Италии. Оцепенев от наглости юного царя, послы могли только спросить: кто ему все это сказал о них? Гиероним указал на карфагенских послов и предложил римлянам опровергнуть их рассказы. Римляне отказались. Не в их обычае верить врагам. Возвратившись к своей теме, они снова убеждали царя сохранить дружественные отношения с Римом. Гиероним отвечал, что он по зрелом размышлении даст

ответ, и без всякого перехода спросил, почему незадолго до смерти его деда римский флот неожиданно подошел к мысу Пахин, а потом, также без видимой причины, повернул назад. На это римские послы заметили, что провинциальные власти желали только защитить Гиеронима и укрепить его власть, если бы Гиерон умер; когда стало известно, что Гиерон жив, кораблям приказано было вернуться. Позвольте и мне, римляне, заключил Гиероним беседу, защитить свою власть, перенеся надежды на карфагенян.

Кто из двух авторов ни оказался бы прав, ясно, что Гиероним принял римских послов в высшей степени недружелюбно, грубо напомнил им о тяжелейших поражениях римского оружия и без всяких оценок дал понять, что политический курс Сиракуз резко меняется.

Основываясь на договоренности с Ганнибалом, Гиероним отправил послов в Карфаген — Агафарха, Онесигена и Гиппостена [Полибий, 7, 4, 1], и там был заключен новый договор о союзе (видимо, уже не берит, а межгосударственный). Будущей границей сиракузских и карфагенских владений в Сицилии после изгнания с острова римлян должна была стать река Гимера, как это было в конце V в., после битвы при Гимере [Полибий, 7, 4, 2]. Однако некоторое время спустя Гиероним потребовал, чтобы ему после победы была передана вся Сицилия. Карфагенское правительство согласилось и на это: для него решающее значение имел пока союз с Гиеронимом, а вовсе не условия этого союза [Ливий, 24, 6, 7—9; Полибий, 7, 4, 4—8].

Получив известия о соглашении между Сиракузами и Карфагеном, римские власти в Сицилии снова

отправили к Гиерониму дипломатическую миссию. Нужно было принимать окончательное решение. В царском совете единства не было: природные сиракузяне молчали, спартанец Дамипп и фессалиец Автоной высказывались за проримскую направленность сиракузской внешней политики, а Андранодор, Гиппократ и Эпикид — в пользу союза с Карфагеном. Гиероним принял точку зрения трех последних советников и в ответе римлянам заявил: он сохранит верность союзу с Римом, если последний возвратит все золото, весь хлеб и все дары, полученные от Гиерона, и согласится уступить Сиракузам сицилийскую территорию до р. Гимеры [Полибий, 7, 5, 1—8]. Условия Гиеронима были для сената явно неприемлемы. С этого момента союз между Римом и Сиракузами прекратил свое существование.

Как мы видим, политические планы Гиеронима отвечали давним устремлениям всех сиракузских правительств: речь шла ни более и ни менее как об установлении гегемонии Сиракуз в Сицилии, о воссоздании на острове государства Дионисия Старшего. До тех пор, пока противниками Гиеронима на острове были римляне, политические цели его и Ганнибала совпадали. Этим, собственно, и объясняется неожиданный, противоречивший традиционным взаимоотношениям обеих договаривающихся сторон союз между Сиракузами и Карфагеном. Ганнибал мог быть доволен.

Сразу же после заключения договора Гиероним принял все необходимые шаги для того, чтобы начать войну против Рима. Летом 214 г. он отправил отряд из 2000 солдат под командованием Гиппократа и Эпикиды, чтобы овладеть городами, в которых находились римские гарнизоны. Сам царь во главе 15-тысячной

армии двинулся к Леонтинам — одному из крупнейших и стратегически весьма важных городов в глубине Сицилии, северо-западнее Сиракуз. Захватив Леонтины, Гиероним приобрел возможность бороться с римлянами непосредственно в их сицилийских владениях [Ливий, 24, 7, 1—2].

Однако жизни Гиеронима по-прежнему угрожала опасность. Не уstraшенные ни арестом Феодота, ни казнью Фрасона, заговорщики, состоявшие, как пишет Ливий, на военной службе и, следовательно, участвовавшие в предприятиях Гиеронима, бывшие вместе с ним в Леонтинах, выжидали только удобного случая, чтобы привести свой замысел в исполнение — убить молодого царя. Этот момент настал тогда же, летом 214 г. На узкой леонтинской улочке, по которой Гиероним обыкновенно ходил на агору, они заняли пустой дом и там с оружием в руках поджидали свою жертву. Один из них, царский телохранитель Диномен, должен был любым способом задержать шествие. Все произошло так, как было задумано. Будто бы желая поправить обувь, Диномен остановил свиту царя, и, когда Гиероним один проходил мимо вооруженных людей, стоявших у ворот, эти люди внезапно напали на него и несколькими ударами убили. Поднялся шум. В Диномена, который уже явно преграждал дорогу, начали метать копья. Получив две раны, он все же сумел скрыться. Царские телохранители разбежались [Ливий, 24, 7, 3—7].

Устранение Гиеронима было тяжелым ударом по военно-политическим планам Ганнибала, тем более что заговорщики приняли все меры, дабы предупредить захват власти Андранодором и его сторонниками [Ливий, 24, 7, 7—8]. Правда, поначалу сиракузяне были

не на стороне царевубийц. Среди воинов, стоявших в Леонтинах, начались волнения, и даже раздавались громкие требования отомстить за кровь Гиеронима [Ливий, 24, 21, 2]. Однако политическая агитация заговорщиков сделала в конце концов свое дело. Повсюду велись речи о восстановлении свободы, о гнусных преступлениях и отвратительной похотливости тирана, будились надежды на щедрое жалованье, на службу под командованием более достойных полководцев, и те же сиракузские воины, которые только что требовали казни убийц, бросили труп Гиеронима непогребенным, несмотря на то что, по греческим религиозным представлениям, погребение умерших было важнейшей сакральной обязанностью [Ливий, 24, 21, 3]. Таким образом, сиракузские заговорщики сумели успешно привлечь на свою сторону армию. Не менее важным было для них и другое — захватить власть в самих Сиракузах.

Двое из заговорщиков — Феодот и Сисий прискакали на царских конях в Сиракузы, однако слухи об убийстве царя их опередили. Андранодор разместил свои гарнизоны на о-ве Ортигия¹²³. Поздно вечером, после заката солнца, Феодот и Сисий въехали в город, призывая народ прийти с оружием в Ахрадину, чтобы бороться за свободу. На следующий день утром сиракузяне собрались в Ахрадине перед зданием совета, и один из членов последнего, Полиен, предложил направить к Андранодору послов и во избежание междоусобицы потребовать от него капитуляции. Немного поколебавшись, Андранодор подчинился требованию совета и народного собрания; благодаря такой уступчивости ему удалось войти в состав нового сиракузского правительства [Ливий, 24, 22 — 23].

Однако на этом политическая борьба в Сиракузах не закончилась. В нее вмешались Гиппократ и Эпикид. Для начала они обратились к сиракузскому совету с естественной, казалось, для их положения просьбой: дать им способ вернуться к Ганнибалу и, так как по всей Сицилии бродят вооруженные римляне, предоставить им охрану на отрезок пути до Локр. Такие их речи и намерения целиком соответствовали желаниям совета, который хотел удалить их из города. Совет решил пойти навстречу Гиппократу и Эпикиду, но сиракузские магистраты не торопились выполнить этого решения, и агенты Ганнибала получили время для осуществления своего замысла. Гиппократ и Эпикид начали вести антиримскую агитацию в демократических кругах, среди воинов и перебежавших в Сиракузы римских моряков. Клика, пришедшая к власти после убийства Гиеронима, говорили они, хочет отдать город в руки римлян и, воспользовавшись их поддержкой, стать единоличным хозяином Сиракуз [Ливий, 23, 23, 5—11].

Этими настроениями, которые искусно сеяли в Сиракузах Гиппократ и Эпикид, попытался воспользоваться Андранодор — один из вдохновителей антиримской политики Гиеронима, решившийся совершить государственный переворот вместе с Фемистом, женатым на дочери Гелона (и, значит, сестре Гиеронима). Заговор не удался: Андранодор рассказал о своем замысле трагическому актеру Аристону, пользовавшемуся полным его доверием, тот донес магистратам, и в результате, когда Фемист и Андранодор явились на заседание совета, они были убиты на месте, без суда [Ливий, 24, 24, 1—5]. Убийцы сумели добиться волеизъявления народных масс, которые не только задним числом оправдали их действия, но и

обрекли на смерть дочерей Гиерона и Гелона [Ливий, 23, 25 — 26]. Каково бы ни было положение в Сиракузах, очевидно, там никто не желал восстановления в какой-либо форме власти прежней царской семьи. В конечном счете попытка Фемиста и Андранодора пошла на пользу Гиппократу и Эпикиду: на дополнительных выборах они были введены в коллегия верховных магистратов вместо погибших заговорщиков [Ливий, 24, 27, 1].

Развитие событий в Сиракузах, естественно, не могло не привлечь к себе пристального внимания римского правительства. Наличных римских контингентов в Сицилии было далеко не достаточно для организации отпора; к тому же до прихода к власти Гиппократа и Эпикيدا римляне смотрели на Сицилию, сохранившую полное спокойствие, не как на театр военных действий, а как на место рутинной и малопочетной гарнизонной службы, где нельзя было выдвигаться, заслужить отличий и т.п. Недаром, по определению сената, именно в Сицилии, как в своего рода ссылке, должны были служить без жалованья, без надежды реабилитировать себя воинскими подвигами, без надежды вернуться на родину до конца войны беглецы из-под Канн — все, кто остался в живых. Внезапно все переменялось. Сицилия превращалась в поле битвы, и римское правительство поручило управлять ею консулу Марку Клавдию Марцеллу [Ливий, 24, 21, 1]. Это назначение, даже вне зависимости от ранга Марцелла, показало, какое большое значение придают в Риме сицилийскому театру военных действий.

Между тем сиракузское правительство вопреки ожиданиям решило попытаться достичь мирного урегулирования с римскими властями. Гиппократ и Эпикид,

хотя они и вошли в коллегию верховных магистратов, все же не были достаточно сильны, чтобы воспрепятствовать этому шагу, на котором настояли приверженцы римской ориентации. Особенно устрашающе воздействовало на сиракузские власти присутствие у Мурганции римского флота в 100 кораблей, командование которого должно было наблюдать за положением в Сиракузах и действовать в соответствии с обстановкой. К Аппию Клавдию были отправлены из Сиракуз послы для заключения перемирия, а потом к нему явились оттуда же еще и другие послы для переговоров о заключении союза. В этот момент в Сицилию приехал Марцелл, и дальнейшие дипломатические контакты Аппий Клавдий передал ему [Ливий, 24, 27, 4—5].

Марцелл считал и условия урегулирования, о которых сиракузские послы договорились с Аппием Клавдием, приемлемыми для Рима, и само это урегулирование насущно необходимым; подтвердив действия Аппия Клавдия, он отправил в Сиракузы своих представителей для завершения переговоров [Ливий, 24, 27, 6].

Пока все это происходило, к мысу Пахин — крайней юго-западной точке Сицилии недалеко от Сиракуз — подошел карфагенский флот. Узнав об этой акции карфагенского правительства, свидетельствовавшей, что оно предполагает оказать своим сторонникам в Сиракузах действенную помощь, Гиппократ и Эпикид возобновили антиримскую кампанию, обвиняя — теперь уже своих коллег — в сговоре и намерении сдать Риму. Их слова, казалось, подтверждали и сами римляне: Аппий Клавдий не нашел ничего лучшего, как расположить свой флот у входа в сиракузскую гавань для того, как гласила

официальная версия, чтобы придать мужества про-римской «партии». Собственно, поступок Клавдия был естественной для римлян реакцией на появление карфагенского флота у мыса Пахин. Однако в Сиракузах появление римского флота вызвало так же естественно взрыв народного возмущения; толпы горожан устремились к гавани, чтобы не дать римским морякам сойти на берег [Ливий, 24, 27, 8—9]. Тем не менее руководству проримской «партии» удалось в конце концов убедить народное собрание заключить с Римом мирный договор. Основной довод, который в ходе обсуждения выдвигался, был тот, что, отказав Риму в мирном договоре, Сиракузы окажутся перед перспективой неизбежной и очень близкой с ним войны [Ливий, 24, 28].

Несколько дней спустя в Сиракузы прибыло посольство из Леонтин с просьбой прислать гарнизон для защиты их границ. Вожди антикарфагенской группировки решили использовать удобный предлог для того, чтобы удалить из Сиракуз своих политических противников. Гиппократ получил приказание вести в Леонтины отряд перебежчиков; к нему присоединились и наемники, служившие во вспомогательных подразделениях сиракузской армии. Всего под его командованием оказалось 4 000 человек [Ливий, 24, 29, 2].

Свою деятельность в Леонтинах, население которых было настроено резко враждебно к римлянам, Гиппократ начал с нападений, сначала тайных, на римские владения. Когда Аппий Клавдий прислал гарнизон для защиты пограничных с Леонтинами районов, Гиппократ атаковал одну из застав и перебил много воинов [Ливий, 24, 29, 4]. Марцелл немедленно обратился в Сиракузы: мир вероломно

нарушается; он не может быть сохранен, если не будут высланы из Сиракуз и вообще из Сицилии Гиппократ и Эпикид, действующие, как всем было ясно, в интересах, а возможно, и в соответствии с инструкциями Ганнибала [Ливий. 24, 29, 5]. Эпикид, видя явную для себя опасность, прискакал в Леонтины, чтобы присоединиться к брату. Немного погодя там же появилось и сиракузское посольство. Послы обратились к местному народному собранию с упреками по поводу нападения на римскую заставу. Они требовали, чтобы и Гиппократ и Эпикид отправились в Локры или куда хотят, но покинули бы Сицилию. Однако сиракузяне столкнулись с серьезным сопротивлением. Обращаясь к населению Леонтин, Эпикид кричал, будто Сиракузы заключили договор с Римом так, чтобы сохранить под своей властью территории, которыми раньше владели цари, а значит, и Леонтины. Леонтины вправе обрести свободу, поэтому они должны добиваться, чтобы подобное условие из римско-сиракузского договора было изъято, или же вообще не признавать договор. Сиракузяне услышали в ответ на свои требования, что никто не давал им полномочий заключать от имени Леонтин договор с Римом и что они, Леонтины, не связаны чужими союзническими отношениями [Ливий, 24, 29, 6—12; ср.: у Апп., Сиц., 3]. Этот ответ сиракузское правительство сообщило Марцеллу, добавив, что Леонтины не признают власть Сиракуз, и что римляне могут, следовательно, не нарушая условий союза, воевать с Леонтинами, и что, наконец, Сиракузы также примут участие в этой кампании, если им будет гарантировано после победы обладание мятежным городом [Ливий, 24, 29, 12]. Со своей стороны сиракузское правительство назначило награду за

головы Гиппократ и Эпикида, оценив их на вес золота [Апп., Сиц., 3].

Решительным ударом римские войска захватили Леонтины [Ливий, 24, 30, 1]; Гиппократ и Эпикид бежали в Гербес. Сиракузяне, пославшие отряд в 8 000 воинов, опоздали, однако то, что они услышали о судьбе города, повергло их в ужас. Рассказывали, что в Леонтинах перебиты все — и воины, и мирные жители; что там не осталось в живых ни одного взрослого гражданина, что город разграблен и добыча роздана воинам. До какой степени все это верно, трудно сказать. Ливий [24, 30, 4; ср.: у Плут., Марц., 14] по понятным причинам говорит о приведенных им слухах как о смеси истины и лжи, однако и он не отрицает, что почти 2 000 перебежчиков были выпороты, а затем казнены по приказанию Марцелла. Сиракузские военачальники не могли ни заставить своих солдат продолжать движение к Леонтинам (известия о судьбе Леонтин застали сиракузский отряд у р. Мила), ни принудить их оставаться на месте и ждать новых известий. В конце концов они повели свой отряд в Мегару Гиблейскую (городок на морском берегу, несколько севернее Сиракуз) и потом сами с немногими всадниками поскакали к Гербесу — в глубь Сицилии, на запад, рассчитывая среди всеобщего замешательства без особого труда овладеть городом. Замысел этот не удался, и на следующий день сиракузяне подтянули к Гербесу из Мегары все свои войска. Положение Гиппократ и Эпикида казалось безнадежным. Тогда-то оба авантюриста приняли смелое решение — сдаться сиракузским воинам. Приняты они были с огромным энтузиазмом; попытка арестовать Гиппократ вызвала столь бурную реакцию, что сиракузские военачальники

Сосид и Диномен должны были отступить. Гиппократу удалось убедить перебежчиков из римской армии, служивших у сиракузян, что сиракузские власти одобряют кровавую расправу, которую Марцелл учинил в Леонтинах. С трудом Гиппократ и Эпикид могли успокоить солдат и удержать их от немедленного нападения на командиров. Сосид и Диномен в панике бежали. Тем временем Гиппократ и Эпикид послали в Сиракузы вестника, который должен был сообщить совету все то, что совсем недавно узнали сиракузские воины о судьбе Леонтин [Ливий, 24, 30, 5—31, 15].

Рассказы вестника произвели на совет и народ Сиракуз огромное впечатление. Алчность и жестокость римлян, говорили в городе, обнаружились в Леонтинах; так же и даже еще хуже они поступили бы и в Сиракузах, где смогли бы лучше, чем в Леонтинах, удовлетворить свою жадность. Решено было запереть ворота и охранять город [Ливий, 24, 32, 1—2]. Однако некоторые местные аристократы и магистраты больше, чем римлян, опасались простонародья и воинов Гиппократа и Эпикиды, стоявших уже у Гексапила (городские ворота Сиракуз, состоявшие из шести камер, расположенных одна за другой). Несмотря на их сопротивление, Гиппократ и Эпикид проникли в город: народ открыл им ворота. Магистраты бежали в Ахрадину, но и она пала при первом же штурме. Те из магистратов, кто не скрылся во время смятения, погибли. На следующий день было провозглашено освобождение рабов, а из тюрем выпустили заключенных. Так, опираясь на демократическое движение в Сиракузах, Гиппократ и Эпикид снова пришли к власти и были повторно избраны верховными магистратами [Ливий, 24, 32—33].

Получив известия о том, что происходит в Сиракузах, Марцелл немедленно двинул свои войска из Леонтин к Сиракузам. Избрание Гиппократы и Эпикида римское правительство могло воспринять только как верный признак окончательного превращения Сиракуз в союзника Карфагена. Надежды на восстановление прежних союзнических отношений больше не было, да и сами новые сиракузские правители показали, что они не желают вести переговоров с Римом: когда Аппий Клавдий отправил было морским путем своих послов в Сиракузы, сиракузяне сделали попытку их захватить в плен, так что послы едва спаслись бегством [Ливий, 24, 33].

Сухопутные войска римлян расположились лагерь на расстоянии полутора миль от города, в Олимпии, недалеко от храма Зевса [Ливий, 24, 33, 3]. Римское фециальное право требовало (дабы война была «законной» и угодной богам), чтобы будущему противнику была формально объявлена война и чтобы при этом ему были предъявлены требования и претензии, оправдывающие разрыв мирных отношений. В данном случае это было необходимо с римской точки зрения еще и потому, что между Римом и Сиракузами формально продолжал существовать договор о союзе. Все эти обстоятельства заставили Марцелла снова начать фактически уже никому не нужные и явно обреченные на провал переговоры. Чтобы не допустить римлян в Сиракузы, Гиппократ и Эпикид вышли из ворот; здесь, у городской стены, состоялся обмен краткими речами. Глава римского посольства заявил, что он принес сиракузянам не войну, но помощь и защиту тем, кто, спасшись от резни, бежали к римлянам, а также тем, кто, объятые ужасом, были вынуждены терпеть рабство

более мерзкое, чем изгнание или даже смерть; римляне не оставят безнаказанным позорное избиение своих союзников; если тем, кто к ним (римлянам) бежали, будет позволено безопасно возвратиться на родину, если будут выданы зачинщики убийств, если будет восстановлена в Сиракузах свобода и законность, войны не будет; если же этого не произойдет, римляне будут преследовать войной каждого, кто попытается сопротивляться. Иначе говоря, римские представители потребовали восстановить в Сиракузах власть проримски настроенных аристократических кругов, выдать на расправу Гиппократу, Эпикиду и их сторонников. Естественно, что на такого рода соглашение новые сиракузские правители пойти не могли, и Эпикид коротко заметил: он бы отвечал, если бы у послов было поручение к нему; пусть послы возвратятся, когда власть над Сиракузами окажется в руках тех, к кому они пришли; если же римляне начнут войну, то сами по ходу дела поймут, что осаждать Сиракузы — это не то же самое, что осаждать Леонтины. С этим Гиппократ и Эпикид покинули послов и приказали запереть ворота [Ливин, 24, 33, 3—8].

Теперь римляне начали штурмовать Сиракузы одновременно с суши (со стороны Гексапила) и с моря (со стороны Ахрадины). Однако натолкнулись на совершенно неожиданное сопротивление, организатором которого античная традиция называет одного из крупнейших ученых того времени — Архимеда. Здесь в нашу задачу не может входить сколько-нибудь подробная характеристика Архимеда-исследователя, и мы, отсылая читателя к монографии С. Я. Лурье, посвященной этому человеку¹²⁴, ограничимся лишь несколькими общими замечаниями.

Архимед, родившийся около 287 г. в семье математика и астронома Фидия, был родственником Гиерона II; получив в родительском доме хорошую для своего времени математическую подготовку, он продолжал свои занятия в Александрии, где прежде всего он изучил сочинения Евклида. Архимед сделал интереснейшие астрономические наблюдения, в частности определение диаметра Солнца и расстояния между планетами. Он изобрел такой важный астрономический прибор, как «сфера» — небесный глобус, позволивший изучать движение планет, фазы Луны, солнечные и лунные затмения; много и успешно работал Архимед в области механики — над изобретением разного рода орудий и приспособлений (между прочим, он разработал учение о центре тяжести и о рычаге), а также над решением математических и физических задач. Политическая позиция Архимеда, очевидно, в немалой степени определялась его родством с царским домом: едва ли он мог сочувствовать людям, организовавшим истребление всех потомков и близких родственников Гиерона, тогда как в Гиппократе и Эпикиде он не мог не видеть продолжателей Гиеронима; наконец, в защите отечества от чужеземных захватчиков, которые определенно хотели лишить Сиракузы их самостоятельности, он должен был видеть свой гражданский долг. Как бы то ни было, весь свой огромный талант ученого в последние месяцы жизни Архимед, явно присоединившись к Гиппократу и Эпикиду, отдал обороне родного города от римлян. Кстати сказать (мы мимоходом уже упоминали об этом), многие оборонительные механизмы были устроены на стенах Сиракуз под руководством Архимеда еще в годы царствования Гиерона II [Ливий, 24, 34; Полибий, 8, 9, 2; Плут., Марц., 14].

Стену Ахрадины, рассказывает Ливий [24, 34], Марцелл штурмовал с моря 60 квинкверемами; с одних кораблей, находившихся на некотором расстоянии от цели, пращники, копейщики и стрелки из луков вели настоящую охоту за каждым, кто появлялся на городской стене; другие суда он приказал соединить по два и, установив на них осадные орудия, подвести вплотную к укреплениям сиракузян. Архимед поражал дальние корабли огромными камнями,

которые воины метали с помощью катапульт; судам, находившимся в непосредственной близости от стен, он наносил серию непрерывных, хотя и более легких ударов. Чтобы сиракузские воины могли, не подвергаясь опасности, обстреливать неприятеля, Архимед велел пробить в стене множество бойниц. Когда, спасаясь от обстрела, римские корабли заходили в мертвое пространство непосредственно у городской стены, сиракузяне с помощью подъемной машины обрушивали на нос неприятельского судна железную лапу; вырвав захваченный лапой нос корабля из воды, судно ставили торчком на корму, а часто и поднимали его над морем; затем лапа срывалась, и корабль вместе с экипажем с невероятной высоты падал в море, разбивался и тонул. Все попытки Марцелла ворваться в город со стороны моря были тщетными. Штурм Сиракуз с суши также не принес римскому оружию удачи; катапульты Архимеда метали на головы солдат массивные каменные глыбы; такие же камни сиракузяне сталкивали со стен навстречу штурмовавшим. Неудача всех этих попыток принудила римское командование отказаться от мысли штурмом взять город и ограничиться только блокадой с моря и с суши.

В нашем распоряжении имеются и другие рассказы об осаде римлянами Сиракуз, в частности рассказ Полибия [8, 5—9], в некоторых пунктах дополняющий или уточняющий Ливия. Так, по словам Полибия, на римских судах, которые должны были подойти к городской стене, были устроены самбики — подъемные лестницы, по которым можно было взобраться на стену. Стрельба сиракузян из катапульт не давала Марцеллу возможности подвести корабли к стене, и тогда он решился на ночную атаку; тогда-то римляне

и были встречены новым обстрелом из бойниц; Архимед ввел в действие катапульты и механизмы, вырывавшие суда из воды. Некоторые корабли, пишет Полибий [8, 8, 4], валились на борт, другие опрокидывались, большинство же погружались так глубоко в море, что зачерпывали воду и приходили в негодность. Пытаясь скрыть за веселостью охватившую его тревогу, Марцелл говорил, что Архимед угощает его корабли морской водой, а его самбики позорно прогнаны с попойки [Полибий, 8, 8, 6]. На суше происходило примерно то же самое, причем машины с лапами здесь выхватывали воинов из рядов и швыряли их с большой высоты на землю [Полибий, 8, 9, 4].

По свидетельству Плутарха [Плут., Марц., 14—17], в котором также имеются некоторые дополнительные подробности, Марцелл соединил 8 кораблей и на них воздвиг осадную башню, против чего Архимед употребил изобретенный им механизм. Некоторые суда тонули от удара чудовищной лапы. Часто корабль, поднятый из воды в воздух, раскачивался во все стороны до тех пор, пока экипаж не бывал сброшен в море. Издеваясь над своими неудачами, Марцелл вскричал: «Не прекратить ли нам борьбу с этим геометром — Бриареем, который, сидя спокойно у моря, уничтожает наши корабли и, одновременно осыпая нас таким множеством стрел, превосходит легендарных сторуких гигантов?». У Марцелла были основания сказать это: в конце концов Архимед внушил римским воинам такой ужас, что они в панике бежали, заведя над городской стеной кусок каната или бревно.

Все эти сообщения (ср. также: у Диодора [26, 18]; Зонары [9, 4]) взаимно друг друга дополняют и в

целом создают картину яростного и для римлян крайне неудачного штурма, который мог закончиться только тем, чем и закончился: прекратились активные боевые операции и перешли к новой тактике — блокаде, дававшей возможность взять Сиракузы измором. Против такого метода ведения войны созданные Архимедом катапульты и боевые механизмы были бессильны.

Какую же позицию во время всех этих событий занимали карфагеняне, и в том числе, что для нас особенно важно, Ганнибал? Мы уже говорили выше, что в свое время, дабы поддержать в Сиракузах прокарфагенские настроения, к мысу Пахин был послан карфагенский флот. После того как к власти в Сиракузах пришли Гиппократ и Эпикид, командующий этим флотом Гимилькон спешно уехал в Карфаген; туда же прибыли и послы Гиппократа, и письмо Ганнибала. Содержание последнего представляет особый интерес, поскольку оно раскрывает истинные цели всех манипуляций и его собственных, и его агентуры в Сиракузах: Ганнибал писал, что уже настало время, покрыв себя великой славой, снова завоевать Сицилию. Опираясь на поддержку Ганнибала и на просьбы сиракузского посольства, Гимилькон добился от карфагенского совета новых подкреплений [Ливий, 24, 35, 4—5]. Было ясно, что римское командование попытается взять реванш за неудачу у стен Сиракуз, восстановить свое положение в остальной Сицилии. И действительно, не желая, как пишет Полибий [8, 9, 11—12], попусту терять время на осаду города, Марцелл и Аппий Клавдий Пульхр разделили между собой армию. Две трети солдат под командованием последнего остались блокировать Сиракузы, а остальных Марцелл повел завоевывать

сицилийские города, отказавшиеся признать римское владычество. Гелор и Гербес сдались ему добровольно, но Мегару Гиблейскую он взял штурмом, разрушил и разграбил, чтобы, замечает Ливий, не пытающийся на сей раз отрицать чудовищной и обдуманной жестокости римлян, внушить страх другим сицилийцам, в особенности же сиракузянам [Ливий, 24, 35, 1—2; Плут., Марц., 18].

Гимилькон был готов к такому повороту событий. Едва только прибыли дополнительные войска, он двинул свой флот на запад, к старинным карфагенским владениям на острове, где было значительное финикийское население и где легче было рассчитывать на поддержку карфагенской армии. Там он высадил 25 000 пехотинцев, 3000 всадников и 12 слонов, овладел Гераклеей Минной, а вслед за ней и Акрагантом. Марцелл хотел было помешать ему, но опоздал [Ливий, 24, 35, 3—6].

Появление карфагенских войск в Акраганте и явная неудача Марцелла вызвали на острове новый подъем антиримских настроений. В Сиракузах осажденные решили несколько активизировать свои действия; полагая, что смогут успешно защищаться и с меньшим по численности гарнизоном, они разделили армию на две части: одна под командованием Эпикида осталась для охраны Сиракуз, а другая во главе с Гиппократом (10 000 пехотинцев и 5 000 всадников) ночью покинула город, чтобы двинуться на соединение с Гимильконом, и пока расположилась недалеко от Акриллы. Там, не ожидающих нападения, в трудах по устройству лагеря, сиракузян застал Марцелл, возвращавшийся от невзятых Акраганта; пехота Гиппократа была без особого труда окружена римлянами, однако отряд всадников вместе с

командиром ускакал в Акры. Несколько дней спустя Гимилькон и Гиппократ объединились и подошли к р. Анап; они остановились примерно в 8 милях от Сиракуз [Ливий, 24, 35, 7—36, 2; Плут., Марц., 18].

Война в Сицилии принимала все более острый характер. Внезапно в сиракузскую гавань вошла карфагенская флотилия (55 «длинных» кораблей) под командованием Бомилькара — это пунийский совет решил направить в Сицилию дополнительные контингенты. Римское правительство также не желало бросать сицилийский фронт на произвол судьбы, и эскадра в составе 30 квинкверем высадила в Панорме еще один легион. Гимилькон искал с ним встречи, но ошибся в расчетах: пунийцы двинулись в глубь острова по дороге, которую римское командование, казалось, должно было избрать для перехода к Сиракузам, но римляне в сопровождении флота шли морским берегом к мысу Пахин, куда им навстречу прибыл Аппий Клавдий. Бомилькар, опасавшийся численного превосходства римлян на море, недолго оставался в Сиракузах; не желая подвергаться излишней, по его мнению, опасности, он увел свои корабли в Африку. Все попытки Гимилькона сразиться с Марцеллом ни к чему не привели: римский командующий искусно уклонялся от боя. Тогда Гимилькон отправился в глубь Сицилии, предоставив римлянам осаждать Сиракузы [Ливий, 24, 36].

Первой владычество Карфагена в Сицилии признала Мурганция, выдавшая Гимилькону неприятельский гарнизон [Ливий, 24, 36, 10]. Это событие побудило и другие города Сицилии изгонять римских солдат или выдавать их карфагенянам. Только в Генне римляне избегли подобной участи, и то лишь потому, что командир стоявшего там отряда, Луций Пинарий, во время переговоров вероломно напал на граждан и всех их

перерезал [Ливий, 24, 37 — 39]. Однако кровавая баня в Генне произвела действие, обратное тому, на которое, по-видимому, рассчитывал Марцелл, одобрявший действия Пинария: даже те, кто пока еще колебался, перешли теперь на сторону карфагенян [Ливий, 24, 39].

Между тем время активных боевых действий в Сицилии подходило к концу. Гиппократ увел своих солдат в Мурганцию, Гимилькон — в Акрагант, Марцелл — в Леонтины, а оттуда к Сиракузам. В местности Леонт, примерно в 5 милях от городских ворот, Марцелл устроил зимние квартиры [Ливий, 24, 39, 10 — 13].

Рассмотрим теперь, как развивались события на восточном фланге этой коалиции, на том фронте, который Ганнибал создал, заключив союз с Филиппом V всего год назад. Филипп V, опираясь на дружественные отношения с Карфагеном, возобновил летом 214 г. свои попытки закрепиться в Эпире и Иллирии, а также на подступах к ним. Первой его жертвой снова должна была стать Аполлония, к которой царь подошел на 120 легких биремах. Осада затянулась; Филипп V ударил по Орику и с ходу овладел этим плохо защищенным городом.

О событиях в Эпире и Иллирии посланцы Орика сообщили римское командование на юге Италии — претора Марка Валерия Лэвина, охранявшего Брундисий и побережье Калабрии. Претор, оставив гарнизон в 2 000 воинов во главе с Публием Валерием, переправился в Эпир и там без особого труда занял Орик. Туда же прибыли и послы из Аполлонии. Они требовали присылки римского гарнизона: город осажден и, если римляне не помогут, не сможет дальше сопротивляться. Лэвин отправил к Аполлонии флотилию под

командованием Квинта Нэвия Криспы, который сумел ночью проникнуть в македонский лагерь, очень плохо охранявшийся, и произвести там страшные опустошения. Не добившись успеха и понеся тяжелые потери, Филипп V ушел в Македонию [Ливий, 24, 40]. Таким образом, реальной помощи Ганнибалу Филипп V оказать не мог; наоборот, чтобы осуществить свои притязания на Иллирию, он сам нуждался в поддержке карфагян.

На Пиренейском полуострове кампания 214 года началась с того, что, воспользовавшись уходом римской армии за Ибер, Магон и Гасдрубал Баркиды разгромили огромную армию местных племен. Публий Корнелий Сципион, чтобы не допустить перехода постоянно колебавшихся иберийцев к карфагянам, спешно переправился назад и расположился лагерем у Акра Левке. Эта местность была наводнена пунийскими солдатами. Особенно встревожило Сципиона нападение вражеских всадников, которые истребили около 2000 римских воинов. Сципион решил покинуть столь опасное место, укрепился у горы Ника (Ливий дает латинское обозначение *Victoria* 'победа'). Туда же прибыл и Гасдрубал, сын Гисгона, а также Гней Корнелий Сципион.

Во время их противостояния, когда Публий Сципион, совершая рекогносцировку, едва не попал в окружение и плен, когда спас его брат Гней, произошли некоторые события, в общем для пунийцев неблагоприятные. Во-первых, на сторону Рима перешел г. Кастулон. Во-вторых, попытка карфагян штурмом взять Илитурги, где находился римский гарнизон, провалилась из-за вмешательства Гнея

Сципиона, а когда они подошли к стенам Бигерры, появление Гнея Сципиона заставило их снять осаду. У г. Мунды произошло сражение, закончившееся поражением карфагенян, в результате которого они потеряли до 12 000 убитыми, 3 000 пленными и 39 слонов. Оттуда пунийцы отступили к Аурингу; туда и Магон привел подкрепление — новых галльских наемников, однако и это не помогло: карфагенская армия снова была разбита.

Таким образом, кампания 214 года в Испании представляла собой целую серию римских побед, серьезно поколебавших пунийское господство на Пиренейском полуострове [Ливий, 24, 41 — 42]. Не удивительно, что именно теперь римское правительство сочло возможным предпринять исключительную по значимости политическую демонстрацию — восстановить Сагунт, несколько лет назад разрушенный Ганнибалом, тот самый Сагунт, который был поводом для войны между Карфагеном и Римом.

VI

Военно-политические итоги кампании 214 года были таковы, что они не позволили Ганнибалу в следующем, 213 г. предпринять сколько-нибудь серьезные наступательные действия. Пока в других местностях Италии, в Африке и Испании развертывались по инициативе римского командования боевые операции, Ганнибал ждал сдачи Тарента сначала в Салапии [Ливий, 24, 47, 9], а позже на территории саллентинов, на крайнем юго-востоке Италии, в непосредственной близости от Тарента и Брундисия [Ливий, 25, 1, 1]. Там на его сторону перешли несколько

малозначительных саллентинских городов [Ливий, 25, 1, 1]. В Брутиуме, где на сторону римлян перешли консентины и таврианы, Ганнону удалось разгромить отряд римских всадников, которыми командовал претор Тит Помпоний [Ливий, 25, 1, 2—4]. Однако при всем этом (Тарент, конечно, Ганнибалу был очень нужен: он, как сказано, давал ему крайне необходимые контакты с Македонией) Ганнибал оказался на периферии войны и не смог не только вырвать у римлян инициативу или вообще оказать какое-то влияние на ход событий, но и воспрепятствовать дальнейшему укреплению римских позиций на юге Апеннинского полуострова.

Одним из пунктов, вокруг которых римское командование в Италии сосредоточило свои усилия, стали в этот момент Арпы. В самом начале кампании к консулу Квинту Фабию Максиму, сыну Кунктатора, явился в сопровождении трех рабов знатнейший и богатейший гражданин Арп Дасий Альтиний и повел неожиданные речи — он обещал передать город римлянам, если ему будет обещано за это вознаграждение [Ливий, 24, 45, 1]. Эта измена Дасия, того самого, который после Канн принял сторону Ганнибала и был инициатором и организатором установления союзнических отношений между Арпами и Карфагеном [Ливий, 24, 45, 2], глубоко потрясла военный совет, к которому консул обратился за решением. По словам Ливия [24, 45], некоторые участники обсуждения этого происшествия исходили из «староримских» морально-этических принципов; они предлагали, не вступая в дальнейшее рассмотрение вопроса, выпороть Дасия и казнить как двоедушного общего врага: полагая, что верность должна сопутствовать удаче, он после битвы при Каннах перебежал к

Ганнибалу, а теперь, когда дела римлян вопреки его ожиданиям и желаниям стали поправляться, он замышлял новую измену — на этот раз в пользу тех, кого когда-то предал. Иначе и, разумеется, более глубоко учитывая интересы Римского государства, высказался Кв. Фабий Максим, знаменитый диктатор, отец консула, находившийся при армии сына в качестве легата. Сейчас, говорил он, необходимо думать о том, как сохранить итальянских союзников и одновременно вернуть тех, кто присоединился к Ганнибалу. Расправа над Дасием покажет, что для тех, кто после Кани отказался от дружественных отношений с Римом, нет обратной дороги, и тогда вся Италия будет союзницей Карфагена. Фабий разглядел в поступке Дасия главное: в Италии начался поворот общественного мнения; перед Ганнибалом вырисовывалась, правда пока еще отдаленная, перспектива военно-политического одиночества. В этих условиях Фабий предлагал бессмысленно жестокой расправой с Дасием не отталкивать возможных перебежчиков, какими бы слабыми и двуличными они ни были. Правда, он не настаивал на освобождении Дасия, так что последний был передан под домашний арест в Калы.

В самих Арпах внезапное исчезновение Дасия Альтиния вызвало беспокойство всего населения. Опасались переворота и прежде всего решили обратиться к Ганнибалу. Однако последний сделал только одно: захватил и распродал имущество Дасия, а его жену и детей, арестованных и доставленных в карфагенский лагерь, приказал сжечь живьем [Ливий, 24, 45, 11 — 14].

Тем временем Фабий-сын подошел из Суэссулы к Арпам, и ночью, взломав ворота, римляне ворвались в

город [Ливий, 24, 46]; во время уличных стычек между арпинцами и римлянами завязались разговоры; в конце концов местный верховный магистрат, побуждаемый согражданами, явился к консулу, и, получив клятвенное заверение в возобновлении союза, арпинцы ударили по карфагенскому гарнизону. На сторону римлян перешли в Арпах и 1 000 испанских всадников, однако они выговорили для карфагенян право свободно покинуть город [Ливий, 24, 47, 1—11].

Примерно тогда же претор Публий Семпроний Тудитан захватил Атрин и там 500 пленных [Ливий, 24, 47, 14]. Однако гораздо значительнее оказался несущественный на первый взгляд факт. В самой Капуе среди аристократии обнаружилось течение в пользу возобновления отношений с Римом. Правда, римское правительство не смогло воспользоваться таким обстоятельством, однако сами по себе эти настроения должны были серьезно обеспокоить Ганнибала. Дело было так: пока консулы отсутствовали, к римскому лагерю прискакали 120 капуанских всадников с предложением сдать Капуе, если им будет гарантирована сохранность их имущества. Беседовавший с их десятью представителями претор Гней Фульвий Центимал обещал им, разумеется, полную поддержку и все, что они просили [Ливий, 24, 47, 12—13]. Еще бы! Казалось, заколебался краугольный камень карфагенского господства в Южной Италии. Особенно важно было то, что всадники действовали явно с разрешения капуанских властей. Однако все ограничилось только переговорами.

В 213 г. произошло еще одно событие, которое и в самом Карфагене, и в лагере Ганнибала не могли не воспринять как серьезную угрозу: братья Сципионы, успешно воевавшие на Пиренейском полуострове,

высадились в Северной Африке. Это была уже вторая попытка римского командования перенести войну непосредственно на территорию Карфагенской державы. На этот раз африканская экспедиция привела к большому дипломатическому успеху римлян. Им удалось воспользоваться тем, что у карфагенян возникли столкновения с одним из нумидийских «царей» — вождем племени масайсилиев — Сифаксом, и заключить с ним союз. Центурион Квинт Статорий остался даже у Сифакса обучать его воинов римскому боевому строю и военному искусству. Результаты не замедлили сказаться: вскоре в одной из стычек масайсилии разбили карфагенян [Ливий, 24, 48, 1 — 13]. Насколько опасным карфагенское правительство считало сложившееся положение, видно уже из того, что, по данным Аппиана [Апп., Исп., 15], оно вызвало в Африку Гасдрубала Баркида с частью его армии. По завершении операции Гасдрубал вернулся в Испанию.

Парализовать постоянную угрозу со стороны масайсилиев карфагеняне могли только одним-единственным способом — натравить на Сифакса извечных врагов, другое нумидийское племя — массилиев, «царем» которых тогда был Гала. Карфагенские послы без особого труда уговорили Галу напасть на масайсилиев, пока римляне не переправили в Африку больших контингентов и союз между ними и Сифаксом существует скорее на словах, чем на деле. Особенно рвался в бой семнадцатилетний сын Галы, Массанасса, которому престарелый «царь» поручил верховное командование. Присоединив к своим отрядам карфагенские формирования, Массанасса разгромил Сифакса в большом сражении и вынудил его бежать в Мавританию, к Гибралтару. Там Сифакс набрал новую

армию и переправился в Испанию; туда же явился для продолжения войны с Сифаксом и Массанасса [Ливий, 24, 13—49, 6]. Ливий особо подчеркивает, что Массанасса вел эту войну самостоятельно, без помощи карфагенян.

Насколько эта информация достоверна, трудно сказать, тем более что театром военных действий была Испания, где если и не вели в данный момент активных боевых действий, то все же противостояли друг другу пунийская (возможные союзники Массанассы) и римская (по ходу событий союзники Сифакса) армии. Участие Гасдрубала Баркида по крайней мере в африканской кампании Массанассы представляется весьма вероятным. Очевидно, римская традиция была заинтересована в том, чтобы всячески преуменьшить грехи молодости Массанассы — его союз с Карфагеном. Как бы то ни было, однако непосредственную угрозу Карфагену со стороны масаисилиев пунийцы ликвидировали, а победоносные войска Массанассы, явившись на Пиренейский полуостров, рано или поздно должны были присоединиться к карфагенянам.

Наступил 212 год — год, когда Ганнибалу дано было еще раз испытать военную удачу на территории Италии.

Мы уже говорили о том, что в Таренте в 214 г. проявило себя демократическое антиримское движение, руководители которого призывали Ганнибала и обещали ему сдать город без сопротивления. Тогда благодаря энергичным действиям римского командования на юго-востоке Италии замысел не был осуществлен. Однако теперь сложились более

благоприятные условия; в значительной степени новый подъем антиримского движения в греческих колониях на юге Италии, в так называемой Великой Греции, вызвала чудовищная и политически крайне вредная жестокость римских властей по отношению к заложникам — фурийцам и тарентинцам, пытавшимся бежать из Рима.

Как рассказывает Ливий [25, 7], события разворачивались следующим образом. В Риме уже давно под предлогом выполнения посольских обязанностей жил тарентинец Фалея, которому удалось найти доступ к заложникам, взятым в обеспечение верности от Фурий и Тарента. Эти заложники содержались в атриуме Свободы. Римские власти охраняли их без особой тщательности, так как думали, что ни им самим, ни их государствам не было выгодно обманывать римлян. Фалея подкупил двух стражей, с наступлением сумерек вывел заложников из места заключения и вместе с ними бежал из города. По-видимому, задание Фалеи, собственно, и заключалось в том, чтобы вырвать заложников из римских лап. На рассвете бегство было обнаружено. Отправленные в погоню воины нашли всех беглецов недалеко от Таррацины; их схватили, приволокли в Рим и по решению народного собрания сначала выпороли, а потом сбросили со скалы.

Эта расправа глубоко потрясла и оскорбила население Фурий и Тарента не только самим фактом, но и тем, что казни был придан нарочито позорный характер. Осуществилось именно то, против чего предостерегал Фабий Кунктатор, когда решалось дело Дасия Альтиния: римляне не уstraшили колеблющихся «союзников», но оттолкнули их от себя, своими руками, можно сказать, направили их в лагерь

противника. Повсюду возбуждены были дружеские и родственные чувства; кровь погибших взывала к мести; никто не мог быть уверен ни в свободе, ни в безопасности, и в Таренте составилась новая заговорщицкая молодежь во главе с Никоном и Филеменом [Ливий, 25, 8]. Явившись к Ганнибалу, они изложили ему свои планы и намерения. Никон и Филемен несколько раз побывали в эти дни у Ганнибала, выходя из города то будто бы на охоту, то якобы для угона карфагенского скота. В ходе переговоров стороны выработали условия сдачи: свободные тарентинцы сохраняют свои законы и все свое имущество; они не будут платить карфагенянам подати и не будут также обязаны принимать против своей воли чужеземные войска. Римский гарнизон заговорщики обещали выдать Ганнибалу.

Для того чтобы облегчить Ганнибалу проникновение в город, Филемен стал даже чаще, чем прежде, выходить на ночную охоту; наконец, стражи городских ворот настолько уже привыкли к его вылазкам, что открывали ему вход по первому сигналу. Тогда-то Ганнибал, притворившийся больным, чтобы усыпить бдительность противника, решил, что настало время. Глубокой ночью (в четвертую стражу, замечает наш источник) он двинул к Таренту 10 000 пехотинцев и всадников, выслав дозором и сторожевым охранением около 80 нумидийских конников, и расположился в 15 милях от Тарента. Желая сохранить в тайне свой замысел, Ганнибал уклонился от каких бы то ни было объяснений. Он потребовал только от воинов соблюдать строжайший порядок, не уходить с дороги и выполнять все приказания командиров. Когда наступит время, он сам расскажет, что хочет сделать. Снова наступила ночь, и

Ганнибал повел своих солдат к стенам. По Таренту между тем разнесся слух, будто небольшая группа нумидийских всадников опустошает поля и наводит страх на земледельцев. Начальник римского гарнизона выслал часть своей конницы с заданием остановить грабеж, однако более серьезных мер предосторожности не принял: он думал, что Ганнибал вообще не покидал своего прежнего лагеря. Проводником Ганнибалу служил Филемен, будто бы возвращавшийся с охоты; Филемен должен был провести группу вооруженных солдат Ганнибала через калитку, пользуясь которой он обычно входил в город, а основную часть своей армии Ганнибал намеревался подвести к Теменитидским воротам, расположенным в восточной части городской стены. Там их ожидал Никон.

Приблизившись к воротам, Ганнибал приказал зажечь сигнальный огонь. В ответ блеснул сигнал Никона, и снова все погрузилось в темноту. Карфагенские воины в полном молчании, соблюдая абсолютную тишину, собрались у ворот. Внезапно Никон напал на спящих часовых, перебил их в постелях и распахнул ворота. Ганнибал вошел с пехотинцами в город, а всадникам приказал оставаться вне городских стен. Тем временем и Филемен подошел к своей калитке, разбудил сторожа и со словами «Едва возможно держать огромную тушу» вошел внутрь. Размеры добычи, а это был действительно громадный вепрь, поразили охранника, и он на мгновение отвернулся от Филемена, чтобы получше разглядеть зверя; в этот момент Филемен ударил охранника рогатиной: тотчас в калитку ворвались 30 вооруженных солдат, взломали ближайшие ворота, и еще один карфагенский отряд вступил в город¹²⁵. В полной

тишине он проследовал к рыночной площади и там присоединился к Ганнибалу. Приближалось утро. Ганнибал разделил 2 000 галлов на 3 отряда, разослал их по городу занимать наиболее многолюдные улицы и убивать римлян [Ливий, 25, 8—9].

В шуме, суете и тревоге, которые, как ни старался Ганнибал соблюдать тишину и порядок, в конце концов охватили город, тарентинцы и римляне долго не могли понять, что, собственно, происходит. Тарентинцы думали, что римляне вышли разграбить город; римские солдаты считали, что это горожане затеяли бунт и предательство. Начальник римского гарнизона Гай Ливий, разбуженный (он спал мертвецким сном после попойки) при первых сигналах тревоги, бежал в гавань, а оттуда на лодке переправился в тарентинский акрополь. Когда стало светать, римляне узнали пунийское и галльское оружие, греки-тарентинцы увидели на улицах трупы римских солдат. Всякие сомнения исчезли: Ганнибал захватил город. Уцелевшие от резни римляне сбежались в акрополь. Ганнибал созвал невооруженных тарентинцев и приказал им отметить свои дома, чтобы уберечь их от грабежа; дома и имущество римлян были разграблены [Ливий, 25, 10].

На следующий день Ганнибал предпринял попытку захватить акрополь, где засели остатки римского гарнизона и некоторые тарентинцы, не желавшие порывать связи с Римом. Акрополь Тарента был защищен с одной стороны морем и скалами, а с другой — стеной и огромным рвом; взять его штурмом Ганнибал не имел ни малейшей возможности. Поэтому он решил отделить город от акрополя валом. Когда начались работы, римляне сделали вылазку, но были разбиты, обращены в бегство и уже больше не мешали

воинам Ганнибала выкапывать ров и насыпать земляную стену. По завершении работ Ганнибал попытался еще раз штурмовать акрополь, но безуспешно: римские воины, к которым на помощь прибыл отряд из Метапонта, ночью разрушили и частью сожгли осадные сооружения. Теперь все свои надежды Ганнибал возложил на блокаду акрополя, однако она не могла быть достаточно эффективной, пока акрополь имел выходы к морю; наоборот, засевшие в акрополе римляне и тарентинцы, господствуя над выходом в открытое море, отрезали от него Тарент. Ганнибал объявил своим тарентинским сторонникам, что единственный способ выжить римлян из акрополя — это блокировать его с моря. Тарентинцы рассчитывали, что морскую осаду организует сам Ганнибал, призвав карфагенскую эскадру из Сицилии, потому что их, тарентинцев, флот не имеет возможности пробиться в открытое море. Однако пуниец предложил другой план; тарентинские корабли на повозках были перевезены вокруг акрополя, спущены на воду и стали на якоря у входа в гавань [Ливий, 25, 11]¹²⁶.

Организовав с моря и с суши осаду тарентинского акрополя, Ганнибал удалился из города. То обстоятельство, что ему не удалось вытеснить римлян из акрополя и, следовательно, целиком овладеть городом, отрицательно сказалось на военно-политическом положении Ганнибала, тем более что в тылу Тарента находился Брундисий с римским гарнизоном. Тем не менее взятие Тарента явилось крупным успехом Ганнибала. Тарент был одной из древнейших, спартанской по происхождению греческой колонией на юге Италии; можно было надеяться, что влияние Ганнибала в Великой Греции, а также на Пелопоннесе благодаря переходу тарентинцев на сторону Карфагена еще

более упрочится. И то и другое немедленно сказалось в ходе боевых операций.

Стоило римскому командованию переправить свой гарнизон из Метапонта в Тарент, как граждане Метапонта приняли сторону Ганнибала. Так же поступили и другие города Великой Греции, среди которых Ливий называет Фурии. Друзья и родственники казненных в Риме заложников-фурийцев обратились с письмами к Ганнону и Магону — карфагенским полководцам, командовавшим пунийскими войсками в Брутиуме, — с предложением сдать город, если только они подойдут к его стенам. Карфагеняне разделили свою армию: Ганнон с отрядом пехотинцев пошел на город, а Магон с конницей укрылся среди холмов. Затем во время боя из засады он напал на воинов римского гарнизона, которых пунийские пехотинцы успешно заманили к холмам. Фурийцы, сопровождавшие римлян в вылазке, бежали; за ними вскоре последовали и римские солдаты, однако в город заговорщики впустили только своих сограждан и нескольких римлян вместе с командиром гарнизона Марком Атиниєм. После ожесточенных споров они разрешили Атинию покинуть Фурии и наконец открыли ворота карфагенянам [Ливий, 25, 15].

По свидетельству Алпиана [Ганниб., 34], события развивались несколько иначе: тарентинцы захватили продовольствие, посланное Фуриями гарнизону, укrywшемуся в акрополе; Ганнибал освободил фурийцев-пленных, и они убедили своих сограждан сдаться карфагенянам; римский гарнизон тайно отплыл в Брундисий. Из Метапонта, по словам Алпиана [Ганниб., 35], в Тарент была выведена только половина гарнизона, а остальных римских солдат

граждане перебили. Вместе с Фуриями и Метапонтом на сторону карфагенян перешла Гераклея.

Однако эффект этого успеха карфагенян в значительной степени ослаблялся другим, на первый взгляд гораздо менее существенным обстоятельством, чем переход на сторону Ганнибала таких городов, как Метапонт, Фурии и Гераклея. Легат Гай Сервилий, посланный в Этрурию заготовлять продовольствие, сумел на нескольких кораблях пробиться сквозь боевое заграждение в гавань Тарента и доставить это продовольствие римлянам, засевшим, как сказано, в тамошнем акрополе. Эти действия Сервилия побудили тарентинцев, присоединившихся к римскому гарнизону, усилить свою пропаганду среди населения, уговаривая сограждан переходить к римлянам и их приспешникам [Ливий, 25, 15]. По-видимому, их речи не остались неслышанными. Во всяком случае, из краткой реплики Ливия можно заключить, что противоположная агитация прекратилась. И действительно, Гай Сервилий показал, что выставленное тарентинцами охранение у входа в гавань не может действительно воспрепятствовать установлению контактов между осажденными в акрополе и основными силами римской армии. И для Ганнибала, и для Тарента это был грозный признак.

Между тем все более густые тучи собирались над Капуей — важнейшей опорой карфагенского господства в Южной Италии. Ганнибал занимался судьбой Тарента, оставив Капую фактически без какого бы то ни было прикрытия; поэтому, хотя оба консула, Квинт Фульвий Флакк и Аппий Клавдий Пульхр,

находились в Самниуме, римские войска начали постепенно усиливать свой папор на Капую, имея в виду подвергнуть ее блокаде. Капуанцы уже начали испытывать голод и обратились к Ганнибалу с просьбой распорядиться привезти в Капую хлеб из окрестностей, пока консулы не вторглись на ее территорию и не перерезали дорогу. Ганнибал почти не обратил внимания на содержавшееся в речах капуанцев недвусмысленное предостережение; во всяком случае, он ничего не сделал для предотвращения осады и только приказал Ганнону перейти из Брутиума в Кампанию, чтобы обеспечить Капую съестными припасами. Избегая встречи с неприятелем, Ганнон подошел к Беневенту и расположил свой лагерь в 3 милях от города; в этот лагерь велел он доставить хлеб и сообщил в Капую, когда за ним можно будет явиться. В назначенный день, однако, капуанцы (из-за своей легкомысленной беспечности, замечает Ливий) прислали всего лишь немногим более 400 повозок и несколько вьючных животных. Этого явно не хватало, и раздраженный Ганнон приказал капуанцам явиться снова, и на этот раз с достаточным количеством телег [Ливий, 25, 13].

Само собой понятно, что подобные операции невозможно было сохранить в тайне: очень скоро гражданам Беневента оказались в курсе всего происходящего в карфагенском лагере и сообщили обо всем римским консулам в Бовианум. Последние решили, что помешать Ганнону должен Квинт Фульвий Флакк, тем более что ему специально поручена была война в Кампании. Вторгнувшись туда, Фульвий ночью вступил в Беневент. Ганнон в эти дни был по горло занят раздачей хлеба; в его лагере находилось много невооруженных капуанцев с 2 000 повозок;

воинского порядка, казалось, там уже не было. Воспользовавшись столь благоприятными обстоятельствами, Фульвий атаковал пунийцев; большие потери вынудили его дать сигнал к отступлению, однако римские воины и их союзники — пелигны, не обращая внимания даже на приказ консула (случай, в римской армии неслыханный), ворвались в лагерь карфагенян и учинили там страшную резню. Они убили больше 6 000 пунийских воинов и более 7 000 взяли в плен, в том числе капуанцев, прибывших к Ганнону за хлебом. Сам Ганнон, в момент боя находившийся почему-то в Коминии Церите (Ливий [25, 13—14] не сообщает причины), узнав о разгроме своего лагеря, с несколькими фуражировщиками, которые случайно оказались при нем, поспешно удалился в Брутиум [там же].

Капуанцы отправили к Ганнибалу новое посольство. Оба консула находятся в Беневенте, сообщали они своему далекому союзнику (пока Фульвий сражался с карфагенянами, в Беневент прибыл и Аппий Клавдий Пульхр), всего в одном дне пути от Капуи. Война почти у ворот и стен их города. Если Ганнибал не придет на помощь, Капуя попадет в руки врагов еще быстрее, чем Арпы. Он не должен из-за Тарента, а тем более из-за его акрополя предать Капую, которую всегда ставил на один уровень с Карфагеном, покинутую и беззащитную, римскому народу. Ганнибал хорошо понял угрозу, содержащуюся в речах капуанских послов: ему напомнили об Арпах, совсем недавно перешедших к римлянам, о Дасии Альтинии — таком верном, казалось бы, друге карфагенян, предложившем тем не менее свои услуги римлянам. Опасность и страх потерять Капую действовали на Ганнибала: он обещал заняться капуанскими делами,

а пока отправил для защиты города от разорения 2 000 всадников [Ливий, 25, 15].

Аппиан [Ганниб., 36—37] немного иначе излагает эти события. По его версии, Ганнибал послал в Капую Ганнона с 1 000 пехотинцев и 1000 всадников для обеспечения ее безопасности. Когда римляне вошли в Кампанию и там разграбили поля Капуи и других городов, капуанцы обратились за помощью к Ганнибалу. Последний заявил, что у него в Япигии достаточно продовольствия, и предложил капуанцам получить его сколько хотят. Сам Ганнибал пошел навстречу капуанцам из Япигии и остановился лагерем возле Беневента на р. Калор. Однако внезапно Ганнибал, оставив в своем лагере небольшой гарнизон, ушел в Луканию, куда его вызвал Ганнон; в его отсутствие римляне захватили лагерь и разграбили. Думается все же, что Ливий более логично и последовательно изображает действия Ганнибала, нежели Аппиан.

Предположения капуанского правительства полностью подтвердились. Не теряя понапрасну времени, консулы повели свои легионы из Беневента к стенам Капуи. Они рассчитывали еще до конца своего консульства захватить ее и разрушить. Для обороны Беневента они вызвали из Лукании Тиберия Семпрония Гракха с отрядом всадников и легковооруженных пехотинцев [Ливий, 25, 15]. В Лукании в этот момент произошли, очевидно, не без влияния успехов Ганнибала в Великой Греции, важные события: руководитель проримской «партии» Флав (по Аппиану, Флавий) внезапно для римлян изменил свою ориентацию и начал искать теперь контактов с карфагенянами; свои дружественные отношения с ними он решил скрепить головою римского военачальника с

которым его связывал договор о взаимном гостеприимстве. И это обстоятельство, конечно, усугубляло в глазах римлян вероломство и преступность Флава. Договорившись с Магоном, командовавшим карфагенскими войсками в Брутиуме, Флав без труда заманил Гракха в ловушку; там и сам Гракх, и сопровождавшие его воины были без труда уничтожены [Ливий, 25, 16; Апп., Ганниб., 35]¹²⁷. Говорили, что Ганнибал устроил Гракху достойное погребение; по другой версии, Ганнибал приказал отнести голову Гракха в римский лагерь квестору Гнею Корнелию, и последний устроил Гракху торжественные похороны в Беневенте [Ливий, 25, 17].

Как бы то ни было, гибель Гракха почти ничего не изменила ни в положении дел, ни в намерениях римского командования, которое просто не обратило внимания на события в Лукании. Переход Тарента, Метапонта и Фурий в карфагенский лагерь не мог не сказаться на настроениях луканской знати; консулы явно рассчитывали, что, удерживая свои позиции в Брундисии и тарентинском акрополе, захватив Капуу, они сумеют без труда восстановить римское господство в Лукании. Римские войска вступили на территорию, принадлежавшую Капуе. Правда, первая вылазка горожан и карфагенских всадников, присланных Ганнибалом, закончилось большой удачей: римляне были разбиты и потеряли около 1 500 человек [Ливий, 25, 18]. В свою очередь, Ганнибал также двинул свои войска к Капуе (поздно, если учесть, что римляне уже подошли к городским стенам) и через три дня после прихода в Кампанию дал римлянам сражение.

Засыпаемые стрелами и дротиками, теснимые конницей, римские солдаты стояли непоколебимо, пока

их командующие не дали сигнал к кавалерийской атаке. В это время показались воины Гракха, которыми теперь командовал Гней Корнелий. И римляне и карфагеняне приняли их за подкрепление, идущее к противнику. С обеих сторон последовал приказ отступить. Ни одна из сторон не осуществила в этом бою своих целей: Ганнибалу не удалось ликвидировать угрозы блокады, а консулам — угрозы своим осадным работам. Казалось, нового столкновения не избежать; внезапно Ганнибал получил удивительное донесение. Римский лагерь пуст, Фульвий ушел в Кумы, а Аппий Клавдий — в Луканию. Ход мыслей Ганнибала нетрудно себе представить: римляне наконец-то снова отступают, римляне признают себя побежденными... После непродолжительных колебаний Ганнибал бросился за Аппием Клавдием, несомненно рассчитывая на поддержку своих луканских союзников, и по дороге уничтожил партизанский отряд центуриона Марка Центения Пenuлы (16 000 воинов), с недавних пор действовавший в Лукании. Аппий Клавдий, поведя Ганнибала в разных направлениях и, очевидно, от него оторвавшись (большую услугу ему оказал М. Центений, отвлекший Ганнибала от преследования), вернулся к Капуе. Обманное движение, предпринятое римлянами, дало блестящие результаты [Ливий, 25, 19].

Снова, с еще большей энергией и упорством, консулы приступили к осаде Капуи; они укрепили гарнизонами Путеолы и Касилин, создали в Касилине большие запасы продовольствия [Ливий, 25, 20]. Ганнибалу приготовления римлян внушали большое и оправданное беспокойство, однако на сей раз он отправился в Апулию, откуда ему непрерывно доносили об успешных действиях претора Гнея Фульвия

Центимала. Центимал находился в этот момент около стен Гердонии. Ганнибал, хорошо осведомленный о настроениях неприятеля (воины Центимала буквально рвались в бой), решил дать там сражение; он не сомневался в успехе, видя, что Центимал едва сохраняет власть над своими солдатами, и к тому же, слишком воодушевленный прежними успехами, утратил способность трезво оценивать обстановку. Поздней ночью Ганнибал разместил в окрестных виллах, лесах и кустарниках 3 000 легковооруженных пехотинцев. Магону он дал почти 2 000 всадников и велел занять все дороги в направлении возможного бегства. На следующее утро римляне выстроились, вытянувшись в длину и не имея достаточной глубины, как пишет Ливий, без всякого порядка. Каждый становился где хотел. Уже первый натиск карфагенян сломил сопротивление неприятеля; видя, что все потеряно, Центимал ускакал с 200 всадников. Всего из 18 000 римских воинов спаслись в этом бою не более 2 000 [Ливий, 25, 20—21].

Эта победа Ганнибала, хотя и напугала римское правительство, оказалась бесполезной. Консулы и присоединившийся к ним из Суессулы претор Гай Клавдий Нерон продолжали с трех сторон вести осадные работы у Капуи. Они подготавливали строительство валов, воздвигали редуты и так успешно отражали вылазки капуанцев, что заставили их и конце концов отказаться от попыток оказать сколько-нибудь серьезное противодействие неприятелю. Капуя снова обратилась за помощью к Ганнибалу, который тем временем увел своих солдат из Гердонии в Тарент, рассчитывая овладеть тарентинским акрополем, а оттуда, без осязаемого успеха, к Брундисию, где рассчитывал найти сторонников и с их помощью овладеть

городом. Капуанцам Ганнибал дал высокомерный ответ: один раз он уже заставил консулов снять осаду, и теперь произойдет то же самое. Однако, когда капуанские послы вернулись, их город был уже окружен двойным рвом и валом. Прежде чем приступить к правильной осаде, римские власти сочли необходимым предложить гражданам Капуи до середины мая покинуть город и унести с собою имущество; им обещали сохранение свободы и достоинства. Капуя категорически отказалась, а отказ был облечен в вызывающе высокомерную и грубую форму. Началась осада Капуи, а вместе с нею и новый этап войны в Италии [Ливий, 25, 22].

Надо сказать, что осада Капуи, несомненно, с лихвой компенсировала римлянам все неудачи в Южной Италии и Великой Греции. Римское командование не зря именно в этом пункте сконцентрировало все свои основные усилия. Вместо того чтобы получить помощь от Капуи, Ганнибал должен был сам оказывать ей помощь; а ведь и Ганнибал и римляне отлично знали, что и при первой попытке Фульвия и Аппия Клавдия ему не только не удалось снять осаду, но он даже поддался ловкому маневру, который отвлек его от города. Теперь Ганнибал был связан и осадой Капуи, и римским гарнизоном в акрополе Тарента; падение Капуи, несомненно, повлекло бы за собой переход всех или почти всех союзников Ганнибала на сторону Рима. Занятый Тарентом, Ганнибал не обратил должного внимания на эту смертельную опасность и, даже когда осада уже началась, фактически пренебрег ею.

На другом театре военных действий, в Сицилии, обстановка складывалась в 212 г. для Карфагена крайне неблагоприятно. Важнейшим событием здесь было

падение Сиракуз, что логически привело к окончательному изгнанию пунийцев из Сицилии.

Вообще говоря, осада Сиракуз, хотя она и велась после неудачи памятного штурма в 214 г. со всею тщательностью, на которую римляне были способны, представлялась Марцеллу, по-прежнему командовавшему римскими войсками в Сицилии и непосредственно руководившему операциями в районе Сиракуз, делом в высшей степени бесперспективным. О том, чтобы овладеть городом с помощью силы, нечего было и думать: оборонительные механизмы Архимеда являли собой смертельную угрозу для каждого, кто осмелился бы подойти к сиракузским стенам. Блокада города оказалась малоэффективной, так что продовольствие в Сиракузы регулярно завозилось из Карфагена [Ливий, 25, 23]. Надежды свои Марцелл возлагал только на перебежчиков да на про-римски настроенных сиракузян и в своем лагере, и в осажденном городе (по словам Ливия, в римской армии находились несколько знатнейших сиракузян, изгнанных за свое полное несогласие с антиримской политикой).

Очень долго сиракузским изгнанникам не удавалось наладить контактов со своими друзьями за городскими стенами. Сиракузские власти особенно бдительно следили за тем, чтобы не допустить каких бы то ни было встреч и переговоров. Наконец случай отыскался: раб одного изгнанника под видом перебежчика получил доступ в город и там — возможность говорить с теми немногими, кого сиракузяне — приближенные Марцелла считали наиболее надежными врагами Эпикида и его правительства. Этот раб мог сообщить своим собеседникам весьма утешительные новости: Марцелл, известный, как уже говорилось, по слухам о

расправе, которую он устроил или будто бы устроил в Леонтинах, предлагает в случае сдачи Сиракуз сохранить их гражданам свободу и право иметь свои законы — иными словами, обещает сохранить в рамках «союза» с римлянами, то есть в условиях римского верховенства, полисное самоуправление и суверенитет. Само собою было очевидным и, конечно, не требовало дополнительных разъяснений, что к власти в Сиракузах придет новое правительство — те, кто свергнут Эпикيدا и предадут город в руки римских солдат. Переговоры завязались.

Прикрывшись в рыбацкой лодке сетями, несколько сиракузян пробрались морским путем из города в римский лагерь и там установили контакт с изгнанниками; постепенно эти поездки стали учащаться; в блокированных Сиракузах число людей, причастных к заговору, росло и уже достигло 80 человек... Внезапно все рухнуло. Аттал, человек, близкий к заговорщикам, но, видимо, не вполне посвященный в их замыслы (Ливий [25, 23] говорит, что его оскорбило недоверие, проявленное к нему), донес, о чем знал, Эпикиду. Заговорщики были схвачены и после пыток казнены [там же]. Вскоре, однако, Марцеллу представился другой случай.

Все началось с того, что Сиракузы попытались было завязать непосредственный контакт с македонским царем Филиппом V; эти их попытки, в сущности, продолжали аналогичную политику Ганнибала и должны были в конце концов закрепить созданную последним систему антиримских союзов. Для ведения переговоров из Сиракуз в Македонию был послан спартанец Дамипп, но его постигла судьба первого посольства Филиппа V к Ганнибалу: Дамипп попал в плен к римлянам. Эпикид начал усиленно хлопотать

о его выкупе, и Марцелл охотно пошел навстречу сиракузскому правительству: занятым войной с Филиппом V римлянам казалось целесообразным заручиться поддержкой Этолийского союза, с которым дружескими узами была связана Спарта. Переговоры велись в местности, прилегающей к так называемой Трогильской гавани (северный берег полуострова, где находятся Сиракузы), недалеко от башни Галеагра. Во время довольно частых поездок на встречи с сиракузскими представителями один из римлян обнаружил, что стена в этом месте сравнительно низка и что взобраться на нее можно даже по не очень высоким лестницам [ср.: у Полибия, 8, 37, 1]. О своих наблюдениях он сообщил Марцеллу; римский командующий видел, конечно, что именно здесь сиракузяне охраняют город особенно бдительно. Подойти к стене не было ни малейшей возможности [Ливий, 25, 23].

Наконец в римский лагерь явился перебежчик (Сосистрат; см.: у Фронтин [3, 3, 2]) и рассказал, что в осажденном городе совершается обычное трехдневное празднование в честь богини Артемиды; еды на пиршествах не хватает, но зато в изобилии пьют вино, которое Эпикид щедро раздает народу. Узнав об этом, Марцелл решил воспользоваться подходящим моментом для того, чтобы ворваться в город.

Поздно ночью, когда пьяные сиракузские стражи спали мертвецким сном или, не обращая ни на что внимания, продолжали пить, отряд римлян в 1 000 воинов, соблюдая полную тишину, проник в город и подошел к Гексапилу. Там римляне взломали небольшую калитку рядом с главными воротами. Тем временем другие римские воины под звуки труб, с криком и шумом стали занимать стены. Едва проснувшиеся и

протрезвевшие, стражи, думая, что уже все потеряно, бежали куда глаза глядят, прыгали со стен и увеличивали только панику и беспорядок. Иные продолжали спать. Перед рассветом ворота Гексапила были разломаны и Марцелл со всеми остальными войсками вступил в город (районы Тиха и Эпиполы). Переправившийся с острова Ортигия Эпикид думал было ворваться в Эпиполы и прогнать оттуда врага, однако сил у него явно не хватало. И он повернул обратно [Полибий, 8, 37, 2—11; Ливий, 25, 23—24; Плут., Марц., 18]. Возможно, Тит Ливий прав, когда пишет [25, 24], что Эпикид опасался восстания дружественных Риму элементов, которые могли захватить остальные районы города и запретить перед ним ворота Ахрадины.

Как бы то ни было, в руках Эпикиды все еще оставались Ахрадина и о-в Ортигия, когда Марцелл предложил начать переговоры о сдаче города [там же]. Однако ворота Ахрадины и ее стены занимали перебежчики, когда-то покинувшие римские или союзные римлянам знамена и теперь сражавшиеся в сиракузской армии. Понимая, что их во всяком случае ожидает неминуемая гибель, они никому не позволяли даже приближаться к стенам. Положение Марцелла в Эпиполах заметно осложнилось. Ахрадиной и тем более Ортигией овладеть с ходу не удалось; мирные переговоры оказались невозможными; к тому же в тылу, у крайней западной точки Сиракуз, неприступную, по-видимому, крепостцу на холме Эвриал занимал по-прежнему сиракузский гарнизон под командованием назначенного Эпикидом аргосца Филодема [Ливий, 25, 25].

Холм Эвриал был стратегически очень важен; он господствовал над дорогой, ведущей в глубь острова,

так что засевшие там сиракузяне могли серьезно затруднить римлянам доставку продовольствия; к тому же к Эвриалу могли подойти карфагенские войска Гимилькона и отряды Гиппократа, чтобы затем истребить римлян на улицах Эпипол. Марцелл приказал отойти к Эвриалу и попытался завязать переговоры с Филодемом, послав к нему Сосида, одного из убийц Гиеронима. Филодем размышлял, колебался и явно затягивал переговоры; было видно, что он ожидает Гимилькона и Гиппократа. Не имея возможности пока овладеть Эвриалом, Марцелл снова отвел свои войска в глубь города и расположил их между Тихой и сиракузским Неаполем. Он опасался, что, если войдет в более населенные кварталы, его воинство бросится грабить население и тогда в случае опасности он не сможет организовать сопротивление [Ливий, 25, 25]. Впрочем, о сколько-нибудь эффективной борьбе с грабежами и насилиями речи не могло быть. Они все равно начались. В лагерь Марцелла явились было посланцы от населения Тихи и Неаполя с просьбой остановить пожары и убийства. Дело показалось Марцеллу настолько серьезным и трудным, что для его решения он созвал специальное заседание военного совета и, только получив общее согласие, приказал не посягать на личность свободных людей. Все остальное Марцелл отдавал на поток и разграбление своей армии [ср.: у Плут., Марц., 19; Диодор, 26, 20, 1]. Укрепив на случай внезапного нападения лагерь, Марцелл дал долгожданный сигнал. Выломав от нетерпения ворота собственнoго лагеря, римляне рассеялись по улицам и площадям. В шуме и беспорядке никто из граждан не был убит, потому что римские солдаты строго соблюдали приказ своего командующего. Но

грабеж прекратился только тогда, когда растащили все, что могли унести [Ливий, 25, 25].

Между тем Гимилькон и Гиппократ явно запаздывали, Филодему держаться на Эвриале становилось все труднее, и он решил в конце концов сдать укрепление, выговорив для себя и своего отряда право уйти в Ахрадину к Эпикиду. Марцелл охотно пошел на это условие: сдача Эвриала давала ему возможность избежать нападения с тыла и сосредоточить все силы на осаде Ахрадины [там же]. Кроме того, переход Филодема к Эпикиду, ничего не меняя в соотношении сил, увеличивал у Эпикида численность едоков и соответственно усиливал его продовольственные затруднения.

В Сицилии успехи римской армии в Сиракузах вызвали глубокую тревогу. Сицилийские города открыто принимали сторону Гиппократа, присылали ему продовольствие и войска, которых набралось до 20 000 пехотинцев и 5 000 всадников [Апп., Сиц., 4]: они понимали, что падение Сиракуз приведет к конце концов к установлению римской власти на всем острове.

Пока в Сиракузах происходили эти события, карфагенское правительство и командование пунийских войск в Сицилии принимали меры для организации сопротивления. Выждав удобный момент, Бомилькар, командовавший карфагенским флотом, оставив Эпикиду 55 кораблей, спешно отправился во главе эскадры из 35 судов в Карфаген; там он доложил о положении, в котором оказались Сиракузы, и через несколько дней возвратился, ведя 100 кораблей [Ливий, 25, 25]. На суше к Сиракузам наконец-то подошли Гимилькон и Гиппократ. Гиппократ, предварительно сообщив в Ахрадину о своих намерениях, напал на

прежний римский лагерь, которым командовал Криспин. Одновременно Эпикид сделал вылазку против Марцелла, а карфагеняне высадили десант, чтобы помешать Марцеллу помочь Криспину. Все эти операции не принесли желаемого результата. Гиппократа Криспин обратил в бегство, а Эпикиду Марцелл принудил вернуться в Ахрадину. [Ливий, 25, 26].

Стороны собирались готовиться к новым столкновениям, однако в этот момент (была осень) и в пунийско-сиракузском и в римском лагерях началась эпидемия, вызванная непомерной жарой и ядовитыми болотными испарениями. Смерть косила солдат в обеих армиях, но римляне, находившиеся в городе и имевшие возможность укрыться в домах, пострадали меньше, чем карфагеняне. Сицилийцы, служившие у Гимилькона и Гиппократа, разбежались по своим городам; карфагенская армия погибла у стен Сиракуз [Ливий, 25, 26].

Насколько об этом можно судить, тяжелая неудача не ослабила, по крайней мере на первых порах, решимости карфагенян и самих сицилийцев добиваться изгнания римлян из Сицилии. Те сиракузяне, а также и другие сикелиоты, которые совсем недавно составляли отряд Гиппократа, заняли два небольших города; один в 3, а другой в 15 милях от Сиракуз, и уже оттуда начали созывать новые войска для борьбы с Марцеллом.

Бомилькар, теперь единственный представитель пунийского высшего командования на острове, снова отправился за подкреплением в Карфаген. Там он убедил совет в наличии реальной возможности захватить римлян, сидящих в Сиракузах, и вернулся в Сицилию во главе нового огромного флота из 130 боевых и 700 транспортных кораблей. Ветры, которые помогли

Бомилькару благополучно переправиться в Сицилию, когда он плыл вдоль южного берега острова, теперь мешали ему обогнуть мыс Пахин. В свою очередь, Эпикид, поручив оборону Ахрадины командирам наемных отрядов, отправился морем навстречу Бомилькару. Марцелл, видя, что на острове созывают новое антиримское ополчение и что на помощь этому ополчению пришел карфагенский флот, решил помешать Бомилькару войти в Сиракузы. Недалеко от мыса Пахин римский и карфагенский флоты ожидали только благоприятной погоды, чтобы столкнуться в решающем бою, но, когда погода настала, Бомилькар внезапно вышел в открытое море, отправил транспортным судам, стоявшим в Гераклее Минойской, приказ возвращаться в Карфаген, а сам отплыл в Италию, взяв курс на Тарент [Ливий, 25, 27]. Может быть, это случилось оттого, что в последний момент он пришел к мысли, что его помощь нужна Ганнибалу на италийском театре военных действий, что именно там, а не под стенами Сиракуз он окажет решающее влияние на ход и исход войны?.. По словам Полибия [9, 9, 11], Бомилькар явился в Италию по просьбе тарентинцев, чтобы помочь им в борьбе против римлян. Как бы то ни было, сицилийские греки истолковали неожиданный поступок Бомилькара в том смысле, что Карфаген отказывается от борьбы за Сицилию. Эпикид, не желая снова очутиться в осажденном городе, ушел в Акрагант, чтобы там выждать итога войны [Ливий, 25, 27]. Там же, в Акраганте, укрылась и какая-то часть карфагенской пехоты под командованием Ганнона [Ливий, 25, 40]. Сицилийцы, засевшие недалеко от Сиракуз и совсем недавно активно готовившиеся к новым сражениям, начали переговоры с Марцеллом об условиях сдачи Сиракуз [Ливий, 25, 28].

Условия, на которых обе стороны пришли к соглашению, были следующие. Все то, что совсем недавно и где бы то ни было принадлежало царям, теперь будет принадлежать римскому народу. Тем самым решалась судьба Сиракуз, Леонтин и других городов, состоявших под властью Гиерона II и Гиеронима. Все же остальные сицилийцы сохраняют свою свободу и свои законы, то есть суверенное самоуправление [там же]. По-видимому, последнее условие не могло распространяться на территорию, бывшую до начала военных действий римской провинцией, хотя в тексте договора, приведенном Ливием, об этом прямо ничего не говорится. Добившись этих условий, сицилийские представители обратились к правителям Сиракуз, на которых Эпикид, отплывая навстречу Бомилькару, возложил оборону Ахрадины и Ортигии, и получили разрешение войти в город. Там, рассказывая родственникам, друзьям и знакомым о результатах своих бесед с Марцеллом (очевидно, особенно сильнее ударение они делали на том, что после ухода Бомилькара и, следовательно, отказа карфагенян от вмешательства в сицилийские дела, после того как Эпикид бросил своих сторонников на произвол судьбы, всякое сопротивление римлянам бесполезно), они тем временем организовали государственный переворот и убийство наместников Эпикиды (Помоклита, Филистона и Эпикиды Синдона [Ливий, 25, 28]), может быть, потому, что те активно противодействовали мирным переговорам. Созвав народное собрание, заговорщики убедили граждан воспользоваться случаем и начать мирные переговоры. Новым магистратам было поручено избрать из своей среды послов и отправить их к Марцеллу. Однако, в то время как в римском

лагере шли переговоры, в Сиракузах снова начались столкновения и бунты: римские перебежчики, опасавшиеся расправы со стороны Марцелла и потому, естественно, с глубоким беспокойством следившие за ходом переговоров, убедили наемных солдат сиракузской армии в том, что и их ожидает такая же участь. Истребив только что выбранных для ведения переговоров магистратов, наемники разбежались по городу, убивая на своем пути всех встречных сиракузян и растаскивая, что подвертывалось под руку. Постепенно их ярость стала стихать. Чтобы не оставаться без власти и руководства, они избрали шесть командиров. Трем поручили оборону Ахрадины и трем — о-ва Ортигия. Постепенно, вникая в содержание переговоров, наемники пришли к выводу, что их положение более благополучно, нежели положение людей, изменивших римскому знамени. В этом их убеждали и сиракузские послы, вернувшиеся из римского лагеря: у римлян, говорили они, совершенно нет причин для того, чтобы преследовать или наказывать наемников [Ливий, 25, 29—30].

Особое внимание и послы, и римское командование обратили на иберийца Мэрика, одного из трех избранных наемниками командиров, в ведении которых находилась Ахрадина. К нему подослали одного испанца, который и склонил Мэрика к предательству. Настояв на прекращении переговоров и на усилении охраны всех подступов к Ахрадине (для этой цели он предложил разделить линию обороны на отдельные участки и передать каждый под командование кому-нибудь из вождей наемников), Мэрик взял под свой контроль местность от источника Аретуса до входа в большую гавань у южной оконечности Ахрадины. Поздно ночью Марцелл подогнал к этому

месту большую quadriremu и высадил десант; Мэрик пустил римлян в ворота недалеко от Аретусы. На рассвете Марцелл начал штурм Ахрадины; пока для отпора неприятелю отовсюду сбегались воины, он высадил еще один десант на о-в Ортигия и после короткой схватки овладел им [Ливий, 25, 30]. В руках сиракузян оставалась только часть Ахрадины, когда Марцелл приказал прекратить наступление: он боялся, чтобы его воины не разграбили несметных богатств сиракузских царей [там же]. Воспользовавшись затишьем, перебежчики покинули город, а жители вышли к победителю, умоляя теперь уже только о сохранении жизни. Марцелл отправил на Ортигию гарнизон для охраны царской казны, разместил караулы в домах тех, кто с самого начала боев находился в римской армии, и отдал Ахрадину своим солдатам на разграбление. Во время этой вакханалии насилий и грабежа (Ливий говорит, что «много было явлено отвратительных примеров злобы; много — алчности») погиб и Архимед, углубленный в изучение чертежа на песке; по словам Ливия [25, 31], Архимеда убил воин, не знавший, с кем он столкнулся; Марцелла будто бы эта смерть огорчила, он озабочился погребением великого ученого, а его родственников защитил от насилий.

Гибель Архимеда на протяжении длительного времени была сюжетом многочисленных повествований, Плутарх [Плут., Март., 19], который, подобно Ливию, старается уверить читателя, будто смерть Архимеда глубоко огорчила римского командующего, приводит три рассказа об его кончине. Согласно одному из них, Архимед был погружен в изучение геометрических чертежей; он не обращал внимания на римлян, бежавших по улицам, и даже не знал, что город уже взят неприятелем; когда перед Архимедом внезапно предстал римский воин

и потребовал его к Марцеллу, ученый отказался, объясняя это тем, что он пока не решил проблемы и не закончил доказательства; солдат вытащил меч из ножен и заколол Архимеда. По другой версии, когда к Архимеду явился римский солдат с мечом в руке, ученый просил дать ему короткое время, чтобы задача, которою он занимался, не осталась нерешенной; убийца, не обращая внимания на слова Архимеда, пронзил его своим мечом. Еще один рассказ, сохраненный Плутархом: Архимед шел к Марцеллу и нес математические инструменты; солдаты, встретившие его по дороге, решили, что он несет сокровища, и убили его с целью грабежа. У Валерия Максима [8, 7, 7] также сохранилось предание, будто Марцелл приказал пощадить Архимеда, который был убит не только без ведома, но и вопреки ясно выраженному указанию Марцелла. Воину, ворвавшемуся к нему в дом, Архимед сказал; «Не порти это [чертеж]!»; римлянин, оскорбленный этими словами, отрубил ему голову. В изложении Диодора [26, 18] и Диона Кассия [фрагм., 45], Архимед был погружен в свою работу, когда какой-то римлянин предстал перед ним; не видя, кто ему мешает, Архимед сказал: «Отойди, человече, от моего чертежа!»; схваченный врагом, поняв, что он попал в руки римлянина, старик закричал: «Пусть кто-нибудь из моих даст мне какое-нибудь оружие!»; перепуганный римлянин тут же его убил. Марцелл оплакал Архимеда и приказал торжественно похоронить в родовой усыпальнице; убийцу казнили. По Зонаре [9, 5], Архимед чертил какой-то чертеж, когда к нему явился римский воин; за головсй, — заметил Архимед, — а не за чертежом он пришел, и продолжал работать, почти не обращая внимания на солдата; едва успевший сказать «отойди, человече, от чертежа», он был убит разгневанным римлянином. Зонара не считает нужным говорить что-либо о действиях Марцелла и ограничивается констатацией: «захватив их (Ахрадину и о-в Ортигию. — И.К.), римляне убили многих других и Архимеда». Согласно этой традиции, Марцелл не приказывал пощадить ученого, не печалился об его гибели и уж тем более никого не наказывал.

Как и во многих других случаях, мы вынуждены оставить открытым вопрос об обстоятельствах смерти Архимеда и о подлинной реакции Марцелла на это событие. Факт остается фактом: Архимед был убит во

время дикой оргии грабежа и убийств, развязанной Марцеллом в Сиракузах. Не исключено, что Марцелл счел необходимым продемонстрировать свою скорбь по поводу столь грустного инцидента и отдать последний долг убитому: в той ситуации, которая сложилась и в самой Сицилии, и в балканской Греции, где римляне отчаянно нуждались в поддержке греческих союзников против Филиппа V, римлянам политически было крайне невыгодно появляться в роли убийц и насильников, хладнокровно истребляющих лучших представителей греческой мысли. Напомним, что римляне уже старались привлечь на свою сторону дельфийского оракула. Сопоставление с Ганнибалом, при штабе которого, как сказано, находились греческие литераторы, было бы слишком невыгодным¹²⁸. Как бы то ни было, достоверно известно [Циц., Госуд., 1, 14], что Марцелл одну из знаменитых Архимедовых «сфер» посвятил в храм Мужества, а другую взял себе как причитавшуюся ему долю добычи; в его семье эта реликвия передавалась из поколения в поколение.

Несомненно, однако, и другое: в Сиракузах, когда они оказались под властью римлян, было далеко не безопасно вспоминать Архимеда — одного из организаторов сопротивления римскому нашествию, вероятно, наиболее бескомпромиссного врага римлян¹²⁹. Этим, надо полагать, объясняется, что могила Архимеда была заброшена и забыта, и только Цицерон уже в I в. после многих трудов смог ее отыскать [Циц., Туск., 5, 64—66].

Взятием Сиракуз война в Сицилии окончена еще не была. В сицилийских городах происходили столкновения между сторонниками Рима и приверженцами Карфагена; только вмешательство Марцелла

могло обеспечить победу проримских группировок [ср.: у Плут., Марц., 20]. О том, на какие уступки Марцелл вынужден был идти, говорит свидетельство Аппиана [Сиц., 5]: заключая договор с Тавромегием, Марцелл отказался от права размещать в этом городе римский гарнизон и набирать там солдат во вспомогательные формирования римской армии. В Акраганте еще сидел Эпикид; там же находился с пунийскими подразделениями Ганнон; наконец, туда же Ганнибал прислал Муттона — гражданина Гиппона Диаррита, хорошо изучившего военное дело под его руководством. Муттону Эпикид и Ганнон подчинили нумидийских всадников. Очевидно, Ганнибал не терял еще надежды поправить положение на острове. И действительно, совершая смелые рейды во главе отряда, Муттон снова поднял по всей Сицилии антиримское движение. Наконец, Эпикид и Ганнон вместе с Муттоном вывели свои войска к р. Гимера. Там Муттон сумел в нескольких стычках разбить римлян, однако бунт нумидийцев, часть которых внезапно ушла в Гераклею Минойскую, заставил его отвлечься от борьбы с римлянами. Пока он отсутствовал, Ганнон и Эпикид решили дать сражение. Но их воины не выдержали первого же натиска и бежали. Одержав эту победу, Марцелл торжественно возвратился в Сиракузы [Ливий, 25, 40 — 41; Зонара, 9, 7].

Падением Сиракуз и разгромом карфагенян и греков у р. Гимера был предрешен исход борьбы за Сицилию. Остров, хотя в Акраганте еще оставались карфагенские войска и отряды Эпикида, становился римской провинцией; все планы карфагенского правительства, все военно-политические устремления самого Ганнибала, связанные с Сицилией, и в частности с

Сиракузами, терпели крушение. Вместо того чтобы связывать Ганнибала с Карфагеном, Сицилия превращалась в непреодолимую преграду, отделявшую пунийскую армию в Италии от возможных источников подкреплений. Вместо того чтобы стать надежным тылом для армии Ганнибала, Сицилия делалась плацдармом, откуда можно было в любой момент ожидать и вторжения римских войск в Африку, и удара через южные районы Апеннинского полуострова по Ганнибалу. Рушилась надежда создать македонско-тарентинско-капуанско-сиракузско-карфагенскую коалицию для уничтожения Рима. В Таренте в акрополе засели римляне, Капуя была осаждена, Сиракузы захвачены Марцеллом. Что еще? Разве что новый рейд Тита Отацилия в Африку. За несколько дней до захвата Сиракуз, вторгнувшись рано утром на 80 квинкверемах в гавань Утики, он увел нагруженные продовольствием транспорты, опустошил поля вокруг Утики и с торжеством вернулся в Лилибей [Ливий, 27, 31]¹³⁰.

В Испании кампания 212 года началась при следующих обстоятельствах. Как известно, на Пиренейском полуострове находились в этот момент две римские армии: одна — под командованием Публия Корнелия Сципиона и другая — под началом его брата Гнея. Когда наступил сезон боевых операций, римские полководцы покинули зимние квартиры и объединили свои силы. Им противостояли три армии карфагенян: две — под командованием Гасдрубала, сына Гисгона, и Магона сына Гамилькара Барки — находились в общем лагере на расстоянии приблизительно пяти дней пути от римлян, и одна стояла около г. Анторга (ее возглавлял Гасдрубал, сын Гамилькара Барки). Для того чтобы разработать

план кампании и определить ее цели на ближайшее время, Сципионы созвали военный совет; его участники пришли к единодушному мнению: до сих пор стремились только помешать Гасдрубалу Баркиду пробиться в Италию, теперь же (несомненно, после блестящих успехов предшествующих кампаний) настало время закончить войну в Испании. Средств должно было хватить: к римлянам присоединились 20 000 кельтиберов — по тем временам весьма грозная сила. Сначала римское командование решило нанести удар по Гасдрубалу, сыну Гамилькара Барки. Все были уверены в успехе и беспокоились о том, как бы, напуганные его поражением, Гасдрубал, сын Гисгона, и Магон Баркид не ушли в горы и не затянули бы войну. Поэтому римляне разделили свои войска. Две трети прежней армии Публий Корнелий Сципион повел против Магона Баркида и Гасдрубала сына Гисгона; одну треть прежней армии и кельтиберов Гней Корнелий Сципион двинул к Анторгу против Гасдрубала Баркида [Ливий, 25, 32]. Карфагеняне предоставили римлянам начать военные действия.

Хорошо понимая, что свои надежды Гней Сципион фактически возлагает на кельтиберов, Гасдрубал Баркид сделал все, чтобы оторвать их от римлян. Его аргументы оказались настолько полновесны, а потому и настолько убедительны и для рядовых кельтиберских воинов, и для их вождей, что они покинули римский лагерь, заявив на прощание, будто междоусобные распри мешают им принять участие в предприятии Сципионов. Гней, не имея теперь ни достаточной армии, чтобы осуществить первоначальный план и сразиться с Гасдрубалом Баркидом, ни возможности соединиться с братом, решил отступить,

по возможности уклоняясь от боя на открытой местности; карфагеняне преследовали его по пятам [Ливий, 25, 33].

Положение Публия Корнелия Сципиона также становилось все более затруднительным. Набеги нумидийской конницы Массанассы постоянно тревожили его солдат. Удары, наносимые ею, с каждым днем становились все ощутимее, так что в конце концов римляне оказались в полном смысле слова осажденными в собственном их лагере. Большую тревогу вызвал у Сципиона слух о том, что на помощь карфагенянам идет один из испанских вождей, Индебил, и ведет с собой отряд суэссетанов в 7500 человек. Желая предотвратить худшее и, во всяком случае, не допустить Индебила соединиться с карфагенянами, Публий Сципион ночью бросился ему навстречу, оставив в лагере небольшой гарнизон под командованием Тиберия Фонтея. Сражение завязалось с ходу, и римская пехота уже, казалось, побеждала, как вдруг с флангов на нее напали нумидийские всадники, а с тыла — карфагеняне, очевидно внимательно следившие за всеми передвижениями Публия. Во время боя Публий Корнелий Сципион был убит, и эта гибель предрешила исход дела: лишившись командования, римляне стали разбегаться; многие из них были изрублены уже во время бегства [Ливий, 25, 34]. По данным Аппиана [Исп., 15], Публий Корнелий Сципион был убит во время рекогносцировки, которую он совершал с немногочисленным отрядом всадников.

Сразу же после этой победы Гасдрубал, сын Гисгона, и Магон Баркид повели свои войска на соединение с Гасдрубалом Баркидом. Заметив их прибытие, Гней Сципион решил снова отступить и ночью

оставил свой лагерь. На рассвете карфагеняне начали преследование, выслав вперед нумидийскую конницу, которая заставила римлян остановиться и принять бой. К наступлению следующей ночи Сципиону удалось занять на холме, господствовавшем над местностью, круговую оборону и даже возвести из обозной клади какое-то подобие заграждений. Однако сопротивляться численно превосходящему противнику римские солдаты не могли. Растаскивая набросанные тяжести, карфагеняне, испанцы, нумидийцы расчистили себе дорогу и начали резню; большинство римлян укрылись в окрестных лесах, а потом бежали в лагерь к Тиберию Фонтею. Гней Сципион погиб во время боя; по одним рассказам, он был убит прямо на холме, по другим — бежал в башню недалеко от холма и там погиб, когда ею овладели карфагеняне [Ливий, 25, 35—36; ср. также — у Апп., Исп., 15].

Смерть обоих Сципионов и разгром римской армии открыли карфагенянам путь на север Пиренейского полуострова, и они спешно направились к Иберу, куда отступали и остатки римских войск, собранные всадником Л. Марцием и соединившиеся с Фонтеем. Когда римляне переправились через Ибер и там начали строить свой лагерь, они избрали командующим Л. Марция. Гасдрубал, сын Гисгона, также переправился через Ибер и подошел к римскому лагерю. Сражаясь с мужеством отчаяния, римляне отбили нападение карфагенян, и те ушли, выказывая полное пренебрежение к совсем недавно разбитому наголову противнику. В охране своего лагеря, а также в наблюдениях за противником карфагеняне были крайне неосторожны и невнимательны: имея дело с остатками армии Сципиона, от которых,

они думали, не могла исходить сколько-нибудь серьезная опасность, пунийское командование не считало нужным соблюдать мер предосторожности. Воспользовавшись этим, Л. Марций решил осадить лагерь Гасдрубала, сына Гисгона; темною ночью римляне ворвались в карфагенский лагерь и уничтожили его [Ливий, 25, 37—39]. Ливий, следующий в данном случае за римской анналистической традицией, склонен, по-видимому, преувеличивать значение победы Л. Марция, описанию которой он, естественно, уделял больше места, чем гибели Сципионов и разгрому всей римской армии на Пиренейском полуострове¹³¹.

Победа над Публием и Гнеем Сципионами снова отдала в руки карфагенян Испанию к югу от Ибера. Однако нельзя преуменьшать и значения того, что сделал Л. Марций: он превратил беспорядочную массу ускользнувших от гибели солдат в воинское формирование, способное успешно сопротивляться карфагенянам и даже наносить им чувствительные удары, он удержал римский плацдарм к северу от Ибера. Борьба в Испании могла теперь возобновиться сначала.

Тем временем события на Балканском полуострове, в которых активнейшую роль играл союзник Ганнибала македонский царь Филипп V, развивались своим чередом. Неудача под Аполлонией не остановила действий Филиппа в Иллирии. Уже в 213 г. он овладел на иллирийском побережье Адриатического моря г. Лиссом [Полибий, 8, 15—16], у северной границы Иллирийского царства, а затем отнял у римлян Атинтанию и Парфинию. Большинство иллирийских городов сдались ему без сопротивления [Полибий, 8, 16, 10]; римляне увидели себя удерживаемыми

узкую полосу земли на адриатическом побережье Иллирии. Казалось, еще одно усилие, и Филипп V, сбросив римлян в море и окончательно утвердив свое господство на севере Балканского полуострова, сможет вмешаться в итальянские дела. Однако и здесь римляне сумели противопоставить победам македонского царя (а следовательно, замыслам его карфагенского союзника) свою энергию и настойчивость: не имея пока возможности содержать на Балканском полуострове силы, достаточные для уничтожения македонской армии, но сохраняя за собой плацдарм, римское правительство, по-видимому, уже в 212 г. начало тайные переговоры с Этолийским союзом — естественным противником Филиппа V в борьбе за гегемонию в балканской Греции. Ганнибал ничего не знал, вероятно, об этих контактах, а если и знал, то ничего не сделал, чтобы предотвратить столь важную победу римской дипломатии. Да и что он мог сделать? Любимый союзник Филиппа V автоматически становился врагом этолян, и, следовательно, даже при более благоприятной военно-политической ситуации Ганнибал не мог рассчитывать с помощью каких-нибудь ухищрений привлечь их на свою сторону.

VII

К началу кампании 211 года уже стало ясно, что центром военных действий будет Капуя и что именно ее судьба определит исход и самой этой кампании, и военных действий в Италии вообще. Не случайно римский сенат не только продлил срок полномочий осаждавшим Капую Квинту Фульвию Флакку и Аппию Клавдию Пульхру (консулами на этот

год были избраны Гней Фульвий Центимал и Публий Сульпиций Гальба), но и приказал, чтобы они не уходили от стен Капуи, пока не овладеют ею.

Не случайно и Ганнибал, какое-то время колебавшийся между желанием во что бы то ни стало захватить тарентинский акрополь и необходимостью оказать помощь Капуе, решил в конце концов сосредоточить свои усилия в районе Капуи, тем более что из Капуи ему были доставлены сведения о тяжелом положении, в котором оказался город, отрезанный от внешнего мира и лишенный продовольствия, и что между осаждающими и осажденными начались столкновения, в которых побеждала то капуанская конница, то римская пехота [Ливий, 26, 4]. Как и римское правительство, Ганнибал отлично понимал, что судьба Капуи окажет решающее влияние на развитие событий в Южной Италии, и поэтому, оставив в Брутиуме большую часть обоза и тяжеловооруженных солдат, он во главе отборной пехоты и конницы, за которыми следовали еще 33 слона, ускоренным маршем прибыл в Кампанию и снова расположился у горы Тифаты.

Овладев по пути небольшой крепостью Галатией и прогнав оттуда римский гарнизон, Ганнибал нашел способ известить осажденных о времени, когда он собирается напасть на римские войска, чтобы и капуанцы со своей стороны нанесли удар по врагу, отвлекая часть его сил на себя. При создавшемся положении римское командование решило разделить свои войска: Аппий Клавдий Пульхр должен был сражаться с капуанцами, Квинт Фульвий Флакк — противостоять Ганнибалу, пропретор Гай Клавдий Нерон занял дорогу на Суэссулу, а легат Гай Фульвий Флакк с союзнической конницей — местность, прилегающую к р. Вольтурн.

Битва развернулась так, как и предвидели полководцы обеих армий. Капуанцы напали на легионы Аппия Клавдия, и тот сначала успешно отражал их атаки, а затем отеснил к воротам. Ганнибал сражался с легионами Фульвия и на первых порах добился серьезной удачи: один из легионов (шестой, говорит Ливий) не выдержал натиска испанских наемников Ганнибала и отступил; отряд испанцев, сопровождаемый 3 боевыми слонами, прорвал строй римлян и подошел к валу римского лагеря. Здесь Фульвий организовал ожесточенное сопротивление и серией контратак заставил пунийцев остановиться. Видя, что его испанский отряд гибнет под ударами римлян, что враги упорно отражают все попытки овладеть их лагерем (в ходе боя погибли боевые слоны; их телами заполнился ров перед лагерным валом, и воины дрались не только на валу, но и на трупах животных, которые образовали своего рода мост), Ганнибал велел отступить; Фульвий не пожелал его преследовать [Ливий, 26, 5—6]. Ливий [там же] передает и другой рассказ об этом событии: нумидийцы и испанцы вместе со слонами будто бы неожиданно ворвались в римский лагерь, устроили там панику, а знавшие латынь воины Ганнибала от имени римского командующего приказывали римлянам бежать из лагеря в близлежащие горы, потому что лагерь-де уже захвачен Ганнибалом. Дело закончилось, однако, истреблением проникших в римский лагерь солдат, а слонов римляне прогнали огнем.

Этой же традиции близок и Аппиан [Апп., Ганниб., 41], однако он относит битву ко времени после похода на Рим.

Как бы то ни было, сражение явно закончилось ничью, но эта ничья была для Ганнибала равна

поражению. Попытка его прогнать римлян от стен Капуи не удалась. Больше он уже не предпринимал атак на римский лагерь, видимо не считая себя в состоянии прямым ударом заставить Фульвия и Аппия Клавдия покинуть Кампанию. Надо было во что бы то ни стало найти какое-то другое средство, чтобы отвлечь внимание римского командования от осажденного города. И ему показалось вдруг, что такое средство существует: нужно создать смертельную угрозу существованию Римского государства или по крайней мере симулировать возникновение подобной угрозы. Тогда римское командование бросит все и устремится спасать отечество. Так был решен поход на Рим.

Мы уже говорили о том, что сразу же после битвы при Каннах среди ближайших соратников Ганнибала родилась идея немедленного похода на Рим; мы видели даже, что командир нумидийских всадников Махарбал предложил ее Ганнибалу и, выслушав ответ, позволил себе громогласно усомниться в умении Ганнибала воспользоваться плодами своей победы. Упоминали мы и о том, что Ганнибалу, видимо, не раз приходилось выслушивать в ходе последующих кампаний упреки со стороны своих полководцев и терпеть их ропот; он тем более не имел никакого морального права пресечь нежелательные разговоры, что его самого в глубине души грызло раскаяние, что он и сам понимал, какие возможности упустил [ср.: у Ливия, 26, 7, 3].

Когда же теперь, почти через четыре года, Ганнибал наконец решился, обстановка коренным образом переменилась. После Канн Рим был беззащитен до такой степени, что вынужден был составлять свои легионы из добровольцев-рабов, которым в награду

за службу было обещано освобождение. Теперь Рим накопил достаточно сил, чтобы вести успешную или с переменным успехом войну и в Италии, и в Сицилии, судьба которой была фактически решена кампанией 212 года, и в Испании и даже совершать набеги на Северную Африку, а также парализовать македоно-карфагенский союз. Всего этого Ганнибал не мог не понимать. Он рассчитывал, что если Рим подвергнется опасности, то либо оба римских командующих, либо один из них покинет Капую. Когда они разделят свои войска, каждый станет слабее, и либо сам Ганнибал, либо капуанцы достигнут какого-то успеха. Единственное, что тревожило Ганнибала, — это позиция Капуи. Он боялся, что, узнав об его уходе на север, капуанцы внезапно сдадутся осаждающим. Желая предотвратить такое развитие событий, Ганнибал нашел способ переправить в Капую письмо, где объяснял свой замысел: его уход заставит римлян удалиться от стен Капуи для защиты Рима; потерпев еще несколько дней, капуанцы вообще будут избавлены от осады. Переправившись в одну из ночей через Вольтурн (в своем лагере он приказал не гасить огней), Ганнибал двинулся на север [Ливий, 26, 7].

Успех всего предприятия, задуманного Ганнибалом, в немалой степени зависел от того, насколько будет велик элемент неожиданности в его нападении на Рим. Однако сохранить свой замысел в тайне Ганнибалу не удалось: Фульвий Флакк узнал обо всем от перебежчиков и немедленно известил римское правительство. В Риме тотчас было созвано заседание сената. Один из сенаторов, Публий Корнелий Асина, требовал для защиты Рима вызвать всех полководцев и все войска, действовавшие в Италии, то

есть сделать именно то, чего хотел Ганнибал. Ему возражал Квинт Фабий Максим. Он считал преступным оставлять осаду Капуи и, поддаваясь страху, совершать какие бы то ни было военные маневры под влиянием угроз и действий Ганнибала. «Неужели, — восклицал он, — тот, кто после Канн, будучи победителем, не осмелился идти на Рим, теперь, отброшенный от Капуи, возымеет надежду овладеть Римом? Не для осады Рима, но для освобождения Капуи от осады идет он. Рим будет защищен теми войсками, которые находятся у города, Юпитером, свидетелем того, как Ганнибал нарушал договоры, и другими богами». Обсуждение завершилось принятием компромиссного предложения Публия Валерия Флакка. Аппию Клавдию и Фульвию написали письмо, в котором сообщили, какими силами располагает Рим для обороны; если кто-нибудь из них может быть послан с частью войск для защиты города, но так, чтобы продолжалась по всем правилам осада Капуи, то пусть они договорятся между собой, кто будет продолжать осаду, а кто пойдет к Риму, чтобы там противостоять Ганнибалу.

Само собой понятно, что римское командование у Капуи не могло, каковы бы ни были действительные цели Ганнибала, игнорировать опасность, нависшую над Римом, и письмо сената: оно решило поэтому направить часть своих войск в Рим (15 000 пехотинцев и 1 000 всадников). Аппий Клавдий, раненный в боях с капуанцами, не мог возглавить этой экспедиции, тем более что следовало торопиться, и поэтому командование взял на себя Квинт Фульвий Флакк [Ливий, 26, 8; ср.: у Апп., Ганниб., 40]. Таким образом, замысел Ганнибала осуществился лишь частично; ему так и не удалось заставить римлян снять осаду с Капуи¹³².

Известие о том, что Ганнибал идет на Рим, и в особенности сообщение всадника, прискакавшего из Фрегелл, о приближении карфагенских полчищ, вызвало в городе огромную тревогу. Люди бежали по улицам, обменивались новостями и слухами, присоединяя к истине всякого рода небылицы, распространяя повсюду страх и смятение. Рассказывали, например, что карфагенянин только потому осмелился пойти на Рим, что он уже уничтожил легионы, стоявшие под стенами Капуи [Полибий, 9, 6, 2]. Из домов доносился женский плач, по улицам от одного храма к другому бегали почтенные матери семейств и, покрывая своими волосами ступени алтарей, простирали руки к богам, чтобы те защитили город от врага и сохранили невредимыми римских женщин и детей [Полибий, 9, 6, 2—3]. Организующей силой в этом хаосе были, по словам Ливия [26, 9], сенат и магистраты. Сенат непрерывно оставался на форуме на случай, если потребуется его решение; туда приходили все желавшие и имевшие физическую возможность участвовать в обороне, получали приказания и отправлялись выполнять свои обязанности. По рассказу Аппиана [Ганниб., 39], все, кто мог носить оружие, охраняли ворота; старики защищали стены, женщины и дети подносили камни и метательные снаряды [ср. также: и Полибия, 9,6,3]. До подхода Фульвия (получив известие об его движении к Риму, сенат, дабы не лишать его власти командующего в пределах городской черты¹³³, решил предоставить ему права и полномочия консула) римские власти расположили гарнизоны в крепости, на Капитолии, на стенах вокруг города, а также на дальних подступах к Риму — в крепости Эсула и на Альбанском холме [Ливий, 26, 9]. Насколько достоверны сведения Аппиана

[Ганниб., 39], что в Риме, когда Ганнибал предпринял свой поход, не было достаточных сил для обороны, неизвестно. Они, во всяком случае, противоречат свидетельствам Ливия и Полибия. По данным Полибия [9, 6, 6], консулы как раз в этот момент завершили формирование одного легиона и занимались формированием другого.

Между тем Ганнибал и Фульвий спешили к Риму. Фульвий несколько задержался на переправе через Вольтурн: Ганнибал сжег речные суда, и римляне второях сколачивали плоты; древесины не хватало. Пока преодолевали это затруднение, должно было пройти много времени. А Ганнибал шел на север, опустошая все на своем пути и почти не встречая сопротивления. Только когда он вступил на территорию Фрегелл и подошел к р. Лирус, его движение несколько замедлилось, так как мост был разрушен. Беспощадно разорив Фрегеллы и восстановив переправу, Ганнибал продолжил свой путь в Лабики, затем, минуя Альгид, в Тускул, оттуда в Габии и, наконец, разбил свой лагерь в Пупинии, в 8 милях от Рима [Ливий, 26, 9]¹³⁴. Примерно тогда же, преодолев наконец Вольтурн и не встречая больше никаких преград, в Рим прибыл Фульвий, вошел в город через Капенские ворота и расположился между Эсквилинскими и Коллинскими воротами. Появление Фульвия с его отрядом заставило римские власти в какой-то степени пересмотреть сделанные ранее распоряжения. Теперь было решено, что консулы расположат свои войска между Коллинскими и Эсквилинскими воротами, то есть фактически присоединятся к Фульвию. Командование подразделениями, находившимися в Капитолии и крепости, поручили городскому претору Гаю Кальпурнию.

А Ганнибал еще ближе подошел к Риму. Теперь он расположил свой лагерь у р. Аниона, в 3 милях (в 40 стадиях, по Аппиану [Ганниб., 39], в 32 стадиях, по Полибию [9, 5, 9]), от города, и во главе 2 000 всадников поскакал на рекогносцировку в направлении Коллинских ворот; он уже приближался к храму Геркулеса и осматривал городские стены и расположение улиц, когда Фульвий выслал против него отряд конницы и заставил пунийцев удалиться в свой лагерь [Ливий, 26, 10].

Ганнибал у ворот! Казалось, вся Италия, затаив дыхание, замерла в ожидании. В самом Риме то тут, то там возникала тревога, начиналась паника, люди в смятении ожидали, что бои вот-вот завяжутся на улицах города. Особенную тревогу вызвал следующий эпизод. В Риме к моменту, когда Ганнибал подошел к его стенам, находились на Авентине около 1 200 нумидийских всадников-перебежчиков. Пока у Коллинских ворот происходила стычка между римской и карфагенской конницей, сенат приказал этим перебежчикам сосредоточиться на Эсквилине, полагая, что они лучше других смогут сражаться там, среди оврагов, садов, гробниц и канав. Когда перебежчики спускались с холма, население, не зная в чем дело, решило, что Авентин уже занят карфагенянами. Разбегаясь по домам и постройкам, люди нападали на нумидийцев, забрасывали их камнями и дротиками, и ни разъяснить в чем дело, ни успокоить народ не было ни малейшей возможности. В таких обстоятельствах (город к тому же был переполнен беженцами, их повозками и скотом) власти решились на крайнюю меру. Всем бывшим диктаторам, консулам и цензорам был предоставлен империй, то есть полномочия высшей военно-административной

власти для поддержания порядка, пока враг не удалится от города [Ливий, 26, 10].

На следующий день Ганнибал форсировал Анион и вывел на битву все свои войска. Фульвий и консулы также решили не уклоняться от сражения. Обе армии уже были построены и готовились к бою. Внезапно разразился страшный дождь с градом, который привел и римлян и карфагенян в такое жалкое состояние, что они едва добрались до своих лагерей. На следующий день повторилось то же самое, и по пунийскому лагерю поползли слухи, что это боги мешают Ганнибалу сразиться; говорили, будто сам Ганнибал восклицал: у него не хватает то ума, то счастья, чтобы овладеть Римом [Ливий, 26, 11]. Очевидно, этот эпизод послужил Полибию основой для рассказа о том, что консульские войска, выстроенные перед городом, остановили Ганнибала, когда тот устремился на Рим [9, 6, 8—10].

Между тем Ганнибалу доложили сразу о двух событиях, которые произвели на него исключительное впечатление. Во-первых, он узнал, что, пока он стоит под стенами Рима, римское правительство отправило в Испанию дополнительные воинские контингенты. Эта военно-политическая демонстрация римлян ясно показала, что ни одной из своих целей он так и не добился. Хотя Фульвий и ушел в Рим с какою-то частью римских войск, стоявших под Капуей, осада этого города продолжалась по-прежнему; победить ни ему, ни капуанцам так и не удалось; римское правительство ничуть не испугалось и даже посылает своих солдат на далекие заморские театры военных действий, не обращая внимания на то, что он, Ганнибал, стоит у самых Коллинских ворот. Во-вторых, Ганнибал узнал, что то поле, на

котором располагался его лагерь, поле, принадлежавшее ему по праву войны, кто-то, очевидно юридический собственник, продал в Риме за обычную цену; на покупателя не произвело никакого впечатления то, что этим полем в данный момент фактически владеет не продавец, а Ганнибал. Едва ли можно сомневаться в том, что и эта коммерческая сделка была остроумной и блестяще проведенной политической демонстрацией, которая должна была показать всей Италии, и прежде всего, конечно, Ганнибалу, насколько прочны позиции Рима, насколько уверены в себе римляне [Ливий, 26, 11, 5—6].

Римляне, надо сказать, произвели на Ганнибала именно то впечатление, которого добивались. Правда, в порыве бессильной ярости карфагенский полководец приказал продать у себя в лагере лавки римских менял [Ливий, 26, 11, 7]. Однако он так и не решился больше предлагать Фульвию сразиться под стенами Рима; сначала он перенес свой лагерь к р. Тутии, в 6 милях от Рима, а потом, разграбив окрестности города [Полибий, 9, 6, 10], и в том числе храм в роще Феронии, ушел на юг Апеннинского полуострова [Ливий, 26, 11]¹³⁵. В Риме отступление Ганнибала восприняли как чудо, совершенное богом «Возвратителем» (*Rediculus*) или «Охранителем-возвратителем» (*Tutunus Rediculus*; Фест., 282 м.), алтарь которому воздвигли на том месте, откуда грозный карфагенский полководец начал свое движение на юг¹³⁶.

Римский поход Ганнибала закончился тяжелым военно-политическим поражением, хотя у стен города не произошло сколько-нибудь серьезных боев (может быть, именно по этой причине), а противники лишь

примеривались друг к другу. Он показал, что у Ганнибала нет ни продуманного плана ведения войны, ни сил, необходимых для одержания новой серьезной победы над врагом или хотя бы освобождения Капуи от осады и достижения сколько-нибудь ощутимого перелома. Что же касается Капуи, то ее судьба была предрешена. Ганнибал, видимо, не слишком долго предавался докучным размышлениям об ее будущем, решительно перечеркнул все свои надежды, связанные с нею, и, в то время как Фульвий возвратился из Рима к Капуе, устремился через Луканию (так и у Аппиана [Ганниб., 43], который пишет, что Ганнибал остался на зиму в Лукании) в Брутиум и далее к Регию, к Мессинскому проливу [Ливий, 26, 12, 2]. По Полибию [9, 7, 7], во время этого похода Ганнибал напал на преследовавшие его консульские легионы и нанес им серьезный урон [ср. также: у Апп., Ганниб., 41—42]. Это с военной точки зрения совершенно бесцельное движение показало, что внутренне карфагенский полководец уже примирился с падением и гибелью Капуи и со всеми последствиями этого события.

В Капуе уход Ганнибала в Брутиум истолковали однозначно, так, как его и следовало истолковать: карфагеняне, отчаявшись в своих попытках спасти город, бросили его на произвол судьбы. Римляне могли надеяться, что теперь мятежные капуанцы одумаются, прекратят бесполезное сопротивление и попытаются войти в соглашение с римским правительством, которое желало подчеркнуть и свое миролюбие, и свою готовность забыть прошлое. Во исполнение сенатского постановления один из командующих осадной армией (Фульвий?) издал указ о том, что все граждане Капуи, которые до означенного

срока перейдут на сторону римлян, не будут преследоваться за преступления, совершенные ими против Рима; судя по тому, в каких формулировках Ливий [26, 12] цитирует данный указ, римское командование обещало Капуе «амнистию» и восстановление союзнических отношений. Однако, несмотря на предательство Ганнибала и явную бесперспективность дальнейшей борьбы, Капуя отклонила примирительный жест Рима; не было, свидетельствует Ливий [26, 12], ни одного случая перехода капуанцев в римский лагерь.

Ливий объясняет такое поведение граждан Капуи не столько «верностью» (Ганнибалу? родине?), сколько страхом [ср. также: у Диодора, 26, 17]. Думается, однако, что мы вправе усомниться в достоверности этого объяснения, восходящего, по всей видимости, к римской официальной версии, тем более что изложенный здесь указ, как его передает сам Ливий, предусматривал амнистию вне зависимости от тяжести и характера совершенных деяний.

Материал, имеющийся в распоряжении исследователя, позволяет иначе подойти к вопросу. Сам Ливий следующим образом характеризует положение, сложившееся в Капуе: знать оставила государственные дела, и ее невозможно было созвать на совет; власть находилась в руках недостойного человека: меддикс тутикус в Капуе был в этом году Сепций Лэсий — выходец из местной бедноты [Ливий, 26, 6]. Знать не появлялась ни на форуме, ни в общественных местах и, запершись дома, ожидала участи своей и города. Ведение всех дел было поручено Бостару и Ганнону — командирам пунийского гарнизона в Капуе [Ливий, 26, 12]. Если оставить в стороне окраску, которую придает этим фактам наци

источник, можно считать достоверным, что власть в Капуе находилась в руках карфагенского командования и магистрата — представителя плебейских масс; знать либо самоустранилась (во всяком случае, те, кто не хотел принимать участия в антиримских действиях), либо была отстранена, но при всех обстоятельствах не принимала участия в управлении городом. То обстоятельство, что даже проримски настроенные «сенаторы» (а такие в городе, безусловно, были) не воспользовались гарантиями и обещаниями римлян, можно объяснить только одним: и Бостар, и Ганнон, и Сеппий Лэсий создали обстановку, при которой сама мысль о сдаче оказалась невозможной. Их мотивы понять нетрудно. Карфагеняне не хотели идти в плен, капуанские плебеи не желали отдавать своего города на поток и разграбление римским солдатам, тем более что восстановление римского господства повлекло бы за собою приход к власти той части капуанской аристократии, на которую всегда опирались римляне.

Единственную надежду осажденные могли питать только на помощь извне. Бостар и Ганнон решили обратиться к Ганнибалу с письмом. Они упрекали его в том, что он предал врагу не только Капую, но и своих солдат. Если он вернется к Капуе и начнет здесь активные боевые действия, то и капуанцы будут готовы совершить вылазку. Карфагеняне перешли Альпы не для борьбы с Регием или Тарентом, но для войны с Римом. Где римские легионы, там должны находиться и пунийские войска. Это письмо карфагеняне отдали группе нумидийцев, которые под видом перебежчиков явились в римский лагерь, а оттуда должны были пробраться к Ганнибалу. Однако это резкое послание не дошло до адресата.

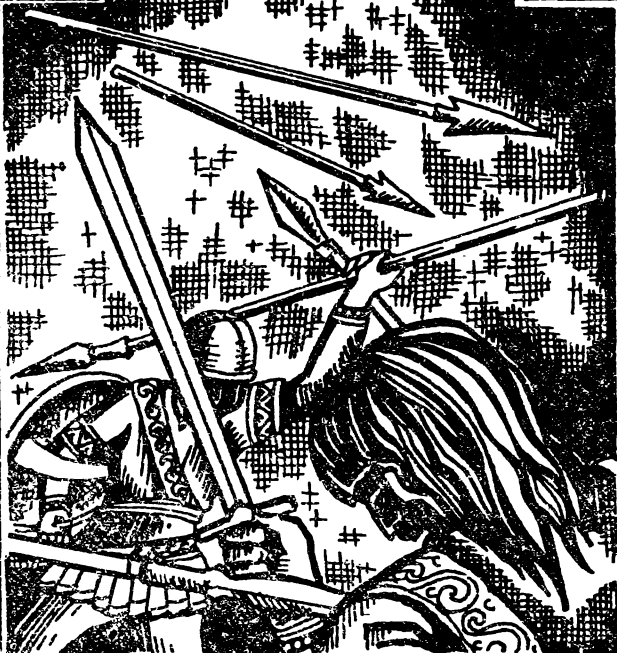
Какая-то женщина-капуанка, любовница одного из нумидийцев, раскрыла замысел вражескому командованию; захватив всю группу, а также других перебежчиков-нумидийцев, бродивших по лагерю, римляне, отрубили им руки и прогнали [Ливий, 26, 12].

Лэсий решил во что бы то ни стало созвать сенат. По словам Ливия [26, 13], ему пришлось угрожать насильственным приводом, чтобы заставить сенаторов собраться. Как бы то ни было, сенат единодушно высказался за немедленную капитуляцию. Вибий Виррий, который так недавно убеждал капуанцев порвать союз с Римом, говорил теперь, что римляне жестоко расправятся с Капуей; сам он, не дожидаясь позорной казни, предпочитает добровольно уйти из жизни (кстати сказать, Виррий и его сторонники тогда же отравились [Ливий, 26, 14]). В римский лагерь были отправлены капуанские послы для переговоров о сдаче [там же], а на следующий день широко распахнулись городские ворота, посвященные Юпитеру, и римские войска вступили в Капую. Пунийский гарнизон был взят в плен, арестован, и те сенаторы, которые были известны как инициаторы отпадения от Рима, водворены под стражу в Калы и Теан. Там Фульвий с ними и расправился, пренебрегши возражениями Аппия Клавдия и не обратив даже внимания на письмо претора Гая Кальпурния и постановление римского сената, который намеревался сам решить судьбу капуанской знати. Фульвий вскрыл письмо, когда было уже поздно [Ливий, 26, 15; ср.: у Орозия 4, 17, 12; Апп., Ганниб., 43]. Остальные аристократы либо оставались в тюрьмах, либо были направлены под стражу в города латинского права; множество капуанцев продали в рабство. В стенах города разрешили остаться жителям, не имевшим ранее гражданских прав,

вольноотпущенникам, мелким торговцам, ремесленникам (то есть всем, кто, не имея ранее в Капуе гражданских прав, не мог влиять на ход событий), однако городскую землю и общественные здания объявили собственностью римского народа [ср.: у Апп., Ганниб., 43]. Победители не разрешили организовать в Капуе никакого подобия самоуправления; суд и расправу должен был чинить в городе ежегодно сменяемый римский наместник [Ливий, 26, 16]. Давний соперник, на протяжении многих десятилетий оспаривавший у Рима власть над Италией, вторая «столица» Италии, был уничтожен.

Несмотря на то что Ганнибалу суждено было еще почти десять лет сражаться на территории Италии, результаты войны там, по сути дела, уже определились¹³⁷. Он ничего больше не мог сделать для того, чтобы подорвать сколько-нибудь серьезно фундамент римского господства на Апеннинском полуострове. У него не хватало и людских ресурсов: по подсчетам У. Каршtedта, в 211 г. (приблизительно через пять лет после Канн) у Ганнибала имелись еще около 26 000 солдат, а возможно, и того меньше¹³⁸.

ГЛАВА ПЯТАЯ

**НА ПУТИ К ЗАКАТУ
(ОТ ПАДЕНИЯ КАПУИ
ДО ЗАМЫ)**

Падение Капуи лишило Ганнибала самого сильно-го и, пожалуй, самого влиятельного в пределах Южной Италии союзника. А жестокая расправа, кото-рую римское командование учинило над населением Капуи, показала всей Италии, какая участь ожидала тех, кто имел неосторожность изменить союзу с Ри-мом и упорно не желал отказываться от дружествен-ных отношений с карфагенянами. Падение Капуи об-наружило и бессилие Ганнибала, не сумевшего пред-отвратить в высшей степени неблагоприятное для него развитие событий. Не мудрено, что в городах Ита-лии, связанных с Ганнибалом, начались волнения; все искали только подходящего случая или предлога, что-бы перейти к римлянам. Это положение внушало Ган-нибалу жестокую тревогу: он не мог быть одновре-менно всюду, чтобы удержать от измены колеблю-щихся. Не мог он и распылять свои войска, если не желал оказаться слабее неприятеля. Пришлось бро-сить некоторые города, а из других вывести гарнизо-ны; из нескольких пунктов Ганнибал переселил жи-телей в другие места, а их имущество отдал на раз-грабление своим воинам. Во время всех этих опера-ций — когда карфагеняне занимали итальянские горо-да и когда их покидали — люди жестоко страдали от грабежей, насилий и убийств со стороны Ганнибало-вых солдат, уверенных, и не без оснований, в том, что, стоит только уйти, и население тут же предается неприятелю [Полибий, 9, 26, 2—9; Ливий, 26, 38]. Весьма характерный эпизод рассказывает Аппиан [Апп., Ганниб., 44]: в г. Тисия (Брутиум) насилия карфагенян привели к тому, что там был составлен за-говор с целью передать город римлянам. Заговорщики

сумели под видом пленных сконцентрировать в Тисии значительную группу римских солдат, которые напали на пунийский гарнизон и захватили город. Немного времени спустя, когда мимо Тисии проходил Ганнибал, римляне бежали оттуда в Регий, и карфагенянин снова водворил там своих солдат. Участников заговора он велел сжечь.

Тем не менее Ганнибал еще мог держаться: у него за спиной были Лукания и Брутиум, его еще поддерживала Великая Греция и, что особенно важно, в Таренте стоял пунийский гарнизон. Ганнибал мог даже наносить неприятелю довольно чувствительные удары, выжидать удобного случая, благоприятного поворота событий. Однако теперь все зависело от того, какой оборот примут военные действия в Испании.

I

Говоря о кампании 212 года на Пиренейском полуострове, мы упоминали о том, что смелые и инициативные действия Л. Марция позволили римлянам, несмотря на гибель Гнея и Публия Корнелиев Сципионов, сохранить плацдарм к северу от Ибера и, следовательно, возможность снова начать борьбу за Испанию. Мы видели также, что в тот самый момент, когда Ганнибал стоял у ворот Рима, сенат считал возможным отправить несколько боевых подразделений в Испанию. Конечно, это была демонстрация, но не только демонстрация: действия римского правительства показывали, насколько, в сущности, важным для него стал испанский театр войны. Видимо, до известной степени этим объясняется и отказ сената утвердить

Л. Марция на посту, где он так хорошо себя проявил и куда был избран воинами, оставшимися без командования. Само собой разумеется, сенат почувствовал себя задетым и даже ущемленным в своих правах: какой-то никому не ведомый Луций Марций, правда, всадник, но не назначенный «отцами-сенаторами», а всего лишь избранный воинами, позволил себе, донося в Рим обо всем происходившем, именовать себя пропретором. Олигархическое правительство Рима видело здесь чрезвычайно опасный прецедент на будущее: если воины в обход сената вздумают облечь своих избранников полномочиями магистрата и если такое положение вещей будет санкционировано, возникнет смертельная угроза власти сената [ср.: у Ливия, 26, 2]. Поэтому, признавая деяния Л. Марция величественными, сенат тем не менее воздержался от того, чтобы адресовать свой ответ пропретору Луцию Марцию; было решено вынести на народное собрание вопрос, кому поручить командование в Испании войсками, ранее бывшими над началом Гнея Корнелия Сципиона [Ливий, 26, 2].

Пока же, вскоре после взятия Капуи, сенат поручил Г. Клавдию Нерону с 6 000 пехотинцев и 300 всадников, а также с 6 000 пехотинцев и 800 всадников из латинских союзников переправиться в Испанию. Высадившись у Тарракона и пройдя оттуда к р. Ибер, Нерон принял армию от Тиберия Фонтие и Луция Марция, а затем двинулся на карфагенян [Ливий, 26, 17]. Гасдрубал Баркид в этот момент находился у Черных Камней, между Илитургами и Ментиссой. Нерон занял там ущелье и поставил Гасдрубала тем самым в затруднительное положение. Последний решил пойти на хитрость и предложил римскому командующему начать переговоры: если ему, Гасдрубалу, будет гарантирован

свободный проход, то он обязуется увести из Испании все карфагенские войска. Нерон с радостью ухватился за это предложение, отдававшее римлянам весь пиренейский плацдарм без борьбы, да еще сразу же после понесенного там римской армией тяжелого поражения и гибели двух полководцев. Переговоры по конкретным вопросам (следовало уточнить условия сдачи городов, сроки эвакуации гарнизонов и вывоза пунийского имущества) Гасдрубал просил назначить на следующий день. Получив согласие, он с наступлением сумерек начал в полной тишине выводить всеми возможными путями свои обозы. На следующий день переговоры продолжались; карфагеняне навязали римской стороне обсуждение стольких проблем, в том числе и вовсе не относящихся к делу, что их решение пришлось перенести на следующий день, а потом откладывать еще и еще раз. Тем временем Гасдрубал выводил по ночам свою армию. Наконец, когда почти все уже было сделано, Гасдрубал снова попросил Нерона перенести переговоры на другой день, так как, по его словам, в тот день, когда была назначена решающая встреча, религиозные установления запрещали карфагенянам вести какие-либо дела (суббота?). Тем временем, воспользовавшись туманом, Гасдрубал тихо ушел со своими всадниками и слонами в безопасное место. Только когда туман рассеялся, римляне увидели опустевший лагерь неприятеля; Нерон бросился за ним, однако Гасдрубал уходил от боя, и дело ограничивалось небольшими стычками между пунийским арьергардом и авангардными соединениями римлян [Ливий, 26, 17].

В Риме, однако, посылкой Нерона вопрос о судьбе испанской кампании отнюдь не считали решенным.

Здесь полагали необходимым значительно увеличить численность армии, сражавшейся на Пиренейском полуострове, и послать туда проконсула — полководца, который обладал бы высшей военно-административной властью. При обсуждении этого вопроса выяснилось, что и власти не могут прийти к какому-либо решению, и никто не стремился занять эту должность никто, кроме двадцатичетырехлетнего (по Полибию [10, 6, 10], двадцатисемилетнего) Публия Корнелия Сципиона, сына того Публия и племянника того Гнея Сципионов, которые совсем недавно погибли в Испании. Невзирая на свой непозволительно с римской точки зрения юный возраст, неожиданный претендент был избран, хотя и с большими сомнениями и колебаниями [Ливий, 26, 18].

Личность Публия Корнелия Сципиона-сына, будущего победителя Ганнибала, человека, сыгравшего исключительную роль в политической и культурной жизни Рима в конце III — первой половине II в., вызывала пристальный интерес античной историографии. Как бы ни оценивать те или иные рассказы о нем, об его поведении, об его мировоззрении, едва ли можно усомниться в том, что это был в высшей степени незаурядный человек (ср.: у Диона Касс., фрагм., 88) и, бесспорно, один из самых способных наряду с Фабием Кунктатором и Марцеллом полководцев, какими располагала римская армия во время II Пунической войны.

Родился Сципион в 230-235 г. в одной из знатнейших патрицианских семей, выходцы из которой, как показывают знаменитые элоги Сципионов, в течение многих десятилетий в III—II вв. играли видную роль в политической жизни Рима. Как уже говорилось, Сципионы были тесными узами связаны с Эмилиями; нелишне, вероятно, напомнить, что к Сципионам были близки Семпронии Гракхи и что Корнелия, мать знаменитых трибунов, возглавивших во II в. плебейское движение, была дочерью победителя Ганнибала, а их сестра Семпрония была замужем за Сципионом Эмилианом — выходцем из рода Эмилиев, усыновленным Сципионами. Как можно было видеть, отец нового командующего

римскими войсками в Испании был консулом в 218 г., когда началась война (Сципионы играли в этот момент решающую роль в римском правительстве), а позже вместе со своим братом Гнеом командовал римскими войсками в Испании. Претензию юного Публия и его избрание можно было в связи с этим трактовать как признак того, что ведение войны на Пиренейском полуострове воспринималось как своего рода наследственный удел Сципионов. Может быть, этим объясняется тот факт, что других претендентов на столь почетный и ответственный пост не было? Может быть, и в самом деле в сенаторских кругах заранее решили предоставить командование в Испании именно этому кандидату, отведя всех остальных, в том числе хорошо себя проявивших и опытных полководцев?¹³⁹

В связи с этим заслуживают внимания некоторые детали рассказа Аппиана [Апл., Исп., 18]. По его словам, выступая в народном собрании, молодой претендент велеречиво говорил о своем отце и дяде и, оплакав их гибель, заявил, что он сам может быть мстителем за них и за отечество; более того (он вещал теперь как бы в порыве божественного вдохновения), он захватит не только Испанию, но и Африку и самый Карфаген. Некоторые, — пишет далее Аппиан, — решили, что эти слова — по-юношески безрассудная похвальба. Однако народу (имеется в виду, несомненно, плебейская масса) Сципион внушал страх, да к тому же и клиенты Сципионов приветствовали его речи и он был избран командующим римскими войсками в Испании, как если бы совершил смелые деяния и был человеком достойным. Сенаторы (старцы, — пишет Аппиан) склонны были говорить не о смелости, а об опрометчивом безрассудстве молодого Сципиона. Узнав об этих речах, Сципион объявил, что откажется от должности, если кто-нибудь из стариков возьмет ее на себя. Никого не нашлось. И тем дело и кончилось. Из свидетельства Аппиана, бесспорно, следует, что в сенаторских кругах существовала оппозиция Сципиону (да и сама информация восходит к традиции, явно для него недоброжелательной) и что избран он был главным образом благодаря поддержке демократических кругов; допущение, будто назначение Сципиона сенат предрешил заранее, оказывается, в свете данных Аппиана, несостоятельным.

Как бы то ни было, избрание Сципиона было значительным политическим успехом группировки Эмилиев — Корнелиев Сципионов¹⁴⁰.

За Публия Корнелия Сципиона говорили не только его происхождение, не только престиж имени Сципионов.

Рассказывали, что в семнадцать лет он участвовал в битве при Тицине и там спас жизнь своего отца, то есть проявил то самое «благочестие», которого римская мораль требовала от сына (см. выше [Полибий 10, 3, 2—6; Ливий 21, 46, 7—8; Дион Касс., фрагм., 38]). Это трогательное повествование, исходившее от самих Сципионов и широко ими распространявшееся (Полибий, сам будучи близок к Сципионам, ссылается на Гая Лэлия, одного из ближайших друзей юного героя, занимавшего при его особе важнейшие должности — легата, начальника козницы и т.п.), затмило другую версию, имевшуюся у Цэлия Антипатра, о спасении консула рабом-лигурийцем [Ливий, 46, 10]¹⁴¹. Но это еще не все. Сципион участвовал в битве при Каннах в должности военного трибуна; он был среди тех, кто спасся в Канусий и вместе с Аппием Клавдием Пульхром принял на себя командование смятенными и подавленными римскими солдатами; он помешал Луцию Цецилию Метеллу и его сообщникам осуществить их предательский план бросить Рим на произвол судьбы и бежать куда глаза глядят (см. выше [Ливий, 22, 53; Дион Касс., фрагм., 28; Орозий, 4, 16, 6; Фронтин, 4, 7, 39; Знам., 49, 5—6]).

Таким образом, традиция рисует Сципиона — а ее сведения и оценки восходят, бесспорно, ко времени II Пунической войны — настоящим римлянином — пламенным патриотом, мужественным воином, тщательно, нередко с опасностью для жизни соблюдающим нравственно-этические принципы тех, кто создал могущество и славу Рима. Такая репутация сама по себе могла обеспечить избрание Сципиона. Однако в его арсенале было еще одно сильнодействующее средство.

Говоря об избрании Сципиона на один из самых ответственных постов, какими располагало в тот момент Римское государство, Тит Ливий [26, 19, 3—5] пишет; «Сципион не только вызывал

изумление своими истинными доблестями, но и с юношеских лет разными способами выставлял их напоказ, многое совершая перед толпою, побуждаемый или ночными видениями, или божественным внушением — либо потому, что и сам был в какой-то мере суеверен, либо чтобы его повеления и замыслы, как бы ниспосланные своего рода оракулом, выполнялись без промедления. Подготавливая к этому умы с самого начала, он с того времени, как надел мужскую тогу, никогда не совершал никакого общественного или частного дела, пока не сходит в Капитолий и, войдя в храм, не расположится и не проведет там некоторое время, большей частью в одиночестве, в уединении» (ср. также: у Диона Касс, [фрагм., 39], что несомненно, восходит к Ливию [26, 196]). Этому обычаю, добавляет Ливий, Сципион придерживался в течение всей своей жизни. И далее [26, 19, 8]: «Он сам никогда не разрушал веру в эти чудеса (имеется в виду легенда об его чудесном рождении, о котором мы рассчитываем говорить далее. — *И.К.*); но он еще укрепил ее, с особым искусством ничего не отрицая и не подтверждая». Характеристика, данная Ливием, весьма уклончива: перед нами или чистый юноша, искренне верующий в богов и в божьи знамения, которые направляют всю его жизнь, или ловкий, холодный; циничный карьерист, умело эксплуатирующий религиозные чувства и суеверия толпы. Полибий (10, 2, 12—13) считает необходимым опровергнуть рассказы о боговдохновенности Сципиона и объясняет своему скептически настроенному читателю действия знаменитого римлянина трезвым расчетом: «Публий... всегда внушая толпе, что он замышляет свои планы под влиянием божественного вдохновения, подготавливал подчиненных, чтобы они смелее и охотнее шли на опасное дело. А что он каждое дело совершал, заранее рассчитав и обдумав, и поэтому все завершалось так, как он рассчитывал, это станет ясно из последующего изложения».

Как бы то ни было, поведение Сципиона должно было продемонстрировать римскому обществу его глубокую религиозность, в которой он, пожалуй, не уступал и самому Фабию Кунктатору; оно должно было показать, что Сципион не принадлежит к тем радикально настроенным элементам, которые едва не привели Рим к гибели. Чем бы ни объяснялось поведение

Сципиона, оно создавало ему в высшей степени благоприятную репутацию и, конечно, способствовало его стремительному продвижению к власти.

Особые «связи» Сципиона с богами привели в конце концов к возникновению слухов об его божественном происхождении.

Рассказывали, что в спальне его матери часто видели змея, который при появлении людей скатывался с постели и исчезал с глаз [Ливий, 26, 19, 7; Знам., 40, 1], что Сципион — сын Юпитера [Знам., 49, 1—2; ср.: у Диона Касс., фрагм., 39] и что, когда он по ночам отправлялся на Капитолий, собаки на него не лаяли. В биографиях Сципиона, составленных Г. Оппием, современником Г. Юлия Цезаря, и Юлием Гигином, жившим во времена Августа, а также в других сочинениях, посвященных этому человеку, рассказывалось, что мать будущего полководца долго считалась бесплодной и ее супруг потерял надежду иметь детей; внезапно обнаружилось, что в отсутствие мужа в ее спальне и на ее постели рядом с нею лежит огромный змей; те, кто это видел, перепугавшись, начали кричать, змей исчез, и разыскать его не удалось. Публий Корнелий Сципион-отец обратился к гаруспикам. Они ответили, что родится ребенок; несколько дней спустя женщина почувствовала себя беременной и на десятом месяце родила будущего победителя Ганнибала [Гелл., 6, 1, 2—4]. Уже Ливий [26, 19, 7] сравнивал это предание с аналогичной легендой о матери Александра Македонского, легендой «столь же суетной и баснословной». Авл Геллий [6, 1, 1] также считает нужным подчеркнуть тождественность повествования об Олимпиаде, матери Александра Македонского, и о матери Сципиона.

Оставляя в стороне вопрос о том, как сам Ливий или его источник относились к данному рассказу (а отношение Ливия, очевидно, насмешливо-недоброжелательное, он явно не склонен верить всем этим разговорам), не рассматривая также в этой связи и другой проблемы — эллинистического влияния на культурную жизнь Рима, заметим только следующее. Легенда

должна была показать, что в лице Публия Корнелия Сципиона-сына миру явлен новый Александр, сын Юпитера, которому суждено свершить великие подвиги, завоевать вселенную, повергнуть ее к ногам Рима, — вот впечатление, которое авторы легенды о Сципионе хотели внедрить в сознание народа. Конечно, в эпоху Августа отрицательное отношение к претензиям Сципиона на божественное происхождение могло диктоваться официальными установками правительственной пропаганды, и это легко объясняет позицию Ливия. Не исключено тем не менее, что эпитеты, использованные Ливием, отражают и тот иронический скепсис, с которым в Риме встретили претензии Сципиона¹⁴².

Однако в конце концов слухи о божественной природе Сципиона можно было рассматривать как своего рода издержки его подлинной или искусно симулируемой глубокой религиозности. Они не повлияли отрицательно ни на судьбу, ни на политическую карьеру этого человека. Не считаться с желаниями Публия Корнелия Сципиона, благочестивого, ревностного сына отечества, возглавившего теперь одну из самых могущественных семей римского патрициата, приобретшего к тому же поддержку народа, сенат, разумеется, не мог, хотя и воспринял его избрание без энтузиазма. Сципион получил назначение, которого добивался, — пост командующего римскими войсками в Испании.

Как реагировал на это событие Ганнибал, источники не сообщают; однако, судя по его поведению, он явно не придавал испанскому театру военных действий важного значения; появление на Пиренейском полуострове нового полководца, ничем пока себя не проявившего, не заставило Ганнибала изменить этой

оценки. Он не только сам оставался в Италии (он и не мог, конечно, уйти из Италии, что для него означало бы признать крушение всех его замыслов), но и своего брата Гасдрубала побудил впоследствии совершить, покинув Пиренейский полуостров, бросок в Италию, закончившийся для Гасдрубала трагической гибелью в битве при Метавре. Очевидно, по мнению Ганнибала, события, происходившие в Испании, не могли иметь решающего влияния на ход войны; все должны были решить будущие сражения на Апеннинском полуострове.

Между тем Сципион высадился со своей армией в 10 000 пехотинцев и 1 000 всадников в Эмпории, отправился в Тарракон. Там он вел успешные переговоры с многочисленными союзниками и наконец вступил в командование войсками, уже ранее находившимися на севере Пиренейского полуострова. Характерно для него, что Марция он окружил почетом явно для того, чтобы привлечь к себе солдат, выдвинувших Марция из своей среды. На зимние квартиры Сципион стал в Тарраконе, Гасдрубал, сын Гисгона, — в Гадесе, Магон Баркид — у Кастулонского хребта, а Гасдрубал Баркид — около Сагунта [Ливий, 26, 19—20]¹⁴³.

Падение Капуи было далеко не единственной катастрофой, которую Ганнибалу пришлось пережить в этом труднейшем для него 211 г. Не меньшей силы удар, хотя и не военный, а дипломатический, римское правительство нанесло ему на Балканском полуострове, где, по-видимому, уже в 212 г. оно, как это говорилось выше, начало переговоры с руководителями Этолийского союза. Судьба Капуи, несомненно,

произвела на этолийцев сильное впечатление и решающим образом воздействовала на их политическую позицию, поэтому вскоре после захвата Капуи Марк Валерий Лэвин смог явиться на специальное заседание Этолийского совета и там открыто предложил союз с Римом. Судьба Сиракуз и Капуи, говорил Лэвин (в изложении Тита Ливия), показывает, насколько успешно римляне ведут войну в Италии и Сицилии. От предков, продолжал он, римляне унаследовали обычай заботиться о союзниках, из коих одним они дали гражданские права, а других поставили в такие благоприятные условия, что те предпочитают быть скорее союзниками, нежели гражданами; положение этолийцев, которые первыми из заморских народов установят дружественные отношения с Римом, будет особенно почетным; в борьбе с Македонией Рим поддержит Этолийский союз, и в частности поможет ему вернуть Акарнанию. Так как предварительно все уже было решено, слова Лэвина, судя по дошедшей до нас информации, не встретили возражений. В пользу союза с Римом, превознося силу и величие римского народа, выступили стратег Этолийского союза Скопас и один из ведущих его политических деятелей, Доримах; главной приманкой, как подчеркивает и Ливий, конечно, была Акарнания, то есть выход к Ионийскому морю. Условия союза между Римом и Этолийским союзом, как их излагает Ливий, заключались в следующем. Если бы элейцы, спартанцы, пергамский царь Аттал, фракийский царь Плеврет и иллирийский Скердилед пожелали, то на тех же условиях, что и этолийцы, они могли бы стать союзниками римлян. Это положение чрезвычайно существенно, и недаром римский историограф именно с него начинает изложение договора: римско-этолийский

союз, по мысли Лэвина и Скопаса, должен был стать ядром мощной коалиции, которая со всех сторон окружила бы Македонию и сделала бы ее военно-политическое положение в высшей степени трудным. Этолийцы обязывались начать сухопутную войну против Филиппа V, а римляне — помогать им флотом не менее чем в 25 пентер (иначе говоря, всю тяжесть войны с Македонией римское правительство возлагало на этолийцев, а на себя брало только поддержку их действий с моря, что должно было парализовать действия македонского флота, в том числе его возможные акции против Италии); все города с их домами, стенами и землей между Этолией и о-вом Керкирой должны были достаться этолийцам, а вся остальная добыча — римлянам; римляне должны были сделать так, чтобы Акарнания принадлежала этолийцам; если бы этолийцы заключили с Филиппом мир, должно быть оговорено, что македонский царь воздержится от военных действий против римлян, их союзников и подданных; в свою очередь, римское правительство обязывалось при заключении мира с Македонией установить, что Македония не имеет права вести войну против этолийцев и их союзников [Ливий, 26, 24].

В результате того, что этолийцы немедленно по заключении этого договора выступили против Македонии, а сам Лэвин штурмом взял Закинф и, овладев двумя акарнанскими городами, передал их Этолийскому союзу, договор между Филиппом V и Ганибалом фактически утратил какое-либо значение, превратился в ничего не стоящий клочок пергамента. Окруженный со всех сторон врагами, Филипп V не мог теперь, даже если бы и хотел, вмешаться в италийские дела. Война с Этолийским союзом заставила его позаботиться о безопасности македонских

границ на западе и севере, а затем углубиться в греческие проблемы [Ливий, 26, 24 — 26].

II

Итак, кампания 210 года начиналась для Ганнибалы в неблагоприятных условиях. Правда, и в Риме продолжительная и разорительная война вызывала все более растущее недовольство народа. Говорили, что поля опустошены, что Италия истощена мобилизациями, что каждый год одна за другой гибнут армии, что оба консула — Лэвин и Марцелл — слишком воинственны и способны скорее посреди глубокого мира разжечь войну, чем во время войны дать государству хоть немного вздохнуть [Ливий, 26, 26]. Когда римскому правительству понадобилось мобилизовать новую партию гребцов и обеспечить им жалованье и консулы распорядились, чтобы и гребцов и деньги на их содержание доставляли частные лица в соответствии с их имущественным положением, в Риме начался такой ропот, что, замечает Ливий, не хватало скорее вождя, нежели повода к бунту [26, 35]. После сицилийцев и кампанцев консулы вознамеривались погубить и растерзать римских плебеев, истощенных податями и уже ничего не имеющих, кроме голой и опустошенной земли; их дома сожгли враги, их рабов, возделывавших поля, присвоило государство, то выкупая за ничтожную плату для несения военной службы, то приказывая отдавать их в качестве гребцов; все деньги истрачены на жалованье гребцам да на ежегодные подати; у кого ничего нет, у того ничего и не возьмешь; пусть продают их имущество, пусть отнимают свободу, а у

них нет средств даже на выкуп — в таких или близких к ним выражениях Ливий [26, 35] передает то, что огромная толпа, собравшаяся на форуме, яростно кричала консулам. С большим трудом власти сумели успокоить недовольных, обязав сенаторов и всадников сдать почти все золото, серебро и медь в казну; вслед за этим добровольные или полудобровольные взносы сделали и остальные.

Однако положение Ганнибала было гораздо хуже. Падение Капуи заставило многих его «союзников» решиться на новую «измену» — теперь уже в пользу Рима; Ганнибал не мог рассчитывать на их верность, а удержать их своими гарнизонами он уже не был в состоянии, да и не имел он столько солдат, чтобы свои гарнизоны разместить всюду. Армия его таяла; помощи ожидать было неоткуда, если только он не хотел бросить Испанию на произвол судьбы; его союз с Филиппом V превратился в пустую, малоэффективную декларацию. Все эти обстоятельства не замедлили сказаться на положении в Южной Италии, где заметно активизировались элементы, враждебные Ганнибалу.

Так произошло, в частности, в Салапии, которая в свое время в числе первых изменила Риму и установила союзнические отношения с карфагенянами. Собственно, судя по рассказу Ливия [26, 38], там никогда не прекращалась скрытная деятельность проримской группировки и ее руководителя Блаттия — одного из влиятельнейших людей в городе. Теперь Блаттий завязал тайные сношения с Марцеллом и, не надеясь только на собственные силы, решил после долгих раздумий и колебаний склонить на свою сторону Дасия — главу «партии», дружественной Ганнибалу (по Зонаре [9, 7], проримскую группировку

возглавлял Плавтий, а прокарфагенскую — Алиний). Поначалу Дасий не хотел присоединиться к Блаттию (по словам Ливия, потому, что он относился отрицательно к замыслу и, кроме того, неприязненно — к Блаттию, сопернику в борьбе за влияние и власть) и даже сообщил обо всем Ганнибалу. Последний вызвал обоих к себе в лагерь, и там, пишет Ливий, произошла изумительнейшая сцена. Пока Ганнибал занимался другими делами, Блаттий снова заговорил с Дасием о том же предмете и Дасий стал кричать, что его опять склоняют к предательству на глазах самого карфагенского полководца. Ганнибал и его окружение не поверили Дасию, настолько невероятным показалось им все то, что они слышали; легко можно было предположить, что доносчиком движут ненависть и соперничество, поэтому он и обвиняет своего врага, да еще в деяниях, которые ни один свидетель не может ни подтвердить, ни опровергнуть.

Чем объяснить решение Ганнибала? Тем ли только, что он, как говорит римский историограф, не был убежден словами Дасия (но странным кажется в подобной ситуации довольно неожиданное соблюдение правовых норм и вообще формально-юридической процедуры, а в особенности ссылка на отсутствие свидетелей), или же еще и тем, что он, хотя и с запозданием, пытался представить себя в глазах италийцев хранителем законности и порядка, мы не знаем. Однако Блаттию такой поворот событий дал возможность продолжать его деятельность и, несмотря ни на что, обработку Дасия. В конце концов Блаттий добился своего: Дасий решил принять участие в заговоре; соответственно и та группировка в Салапии, выразителем интересов и руководителем которой он

был, изменила свою внешнеполитическую ориентацию¹⁴⁴. Город перешел на сторону римлян; карфагенский гарнизон — 500 нумидийских всадников — был почти полностью истреблен в уличном бою, и сохранить жизнь удалось только 50 из них. Все они попали в руки неприятеля. Гибель этого отряда была, по словам Ливия, для Ганнибала еще более тяжела, чем потеря Салапии: Ганнибал окончательно потерял свое превосходство в коннице. Но все же и утрата Салапии была для него чувствительным ударом, тем более что ее примеру могли последовать и другие. Не удивительно, что после этого события Ганнибал увидел себя вынужденным отправиться в Брутиум [Ливий, 27, 1].

Воспользовавшись столь благоприятным течением обстоятельств, Марцелл штурмом отнял у самнитов и карфагенян города Марморей и Мелы, отдав их на поток и разграбление своим воинам [там же], причем около 3 000 воинов пунийского гарнизона погибли. Однако предпринятая тогда же новая попытка римлян штурмом овладеть Гердонией закончилась крупной неудачей. Условия для этой операции складывались в высшей степени благоприятно, так как население города было склонно изменить Ганнибалу и признать римское господство. Находившийся около Гердонии проконсул Гн. Фульвий был уверен в успехе и не принял мер для организации боевого охранения в лагере, который к тому же расположил в далеко не безопасном месте. Узнав об этом, Ганнибал решительно устремился к Гердонии и подошел к римским позициям, выстроив свои войска в боевой порядок. Фульвий вывел свои войска ему навстречу. На сей раз Ганнибал решил снова применить тот же маневр, который обеспечил ему

победу при Каннах: пока пехота сражалась, он послал часть своих всадников напасть на римский лагерь, а других ударить в тыл неприятелю. Расчеты Ганнибала полностью оправдались: многие римляне бежали, многие (по одним сведениям, 7 000, а по другим — 13 000, в том числе и сам Фульвий [Апп., Ганниб., 48]) погибли в бою. Ганнибал жестоко расправился с населением города: всех жителей Гердонии он переселил в Метапонт и Фурии, а тех из местной знати, кто был уличен в тайных контактах с Фульвием, приказал казнить [Ливий, 27, 1].

Победа Ганнибала во второй битве при Гердонии серьезно обеспокоила римское правительство, в особенности потому, и это вскоре подтвердили события в Кампании, что она могла способствовать активизации враждебных Риму сил. Именно поэтому Марцелл, срочно явившись в Луканию, расположился лагерем на равнине у Нумистрона, на виду у неприятеля, стоявшего на холме. Произошло сражение, в котором, однако, ни Ганнибалу, ни Марцеллу не удалось добиться решающего успеха. На следующий день Ганнибал уклонился от боя, а затем ночью без шума ушел в Апулию. Марцелл бросился за ним; у Венусии завязались стычки, однако пунийский полководец не принял сражения и продолжил свой путь в Апулию. Марцелл неотступно двигался за ним [Ливий, 27, 2].

Между тем в Кампании, где римское командование занималось продажей имущества, захваченного у капуанской знати, и раздавало в аренду земли, ставшие по праву войны собственностью римского народа, группа местных жителей, несомненно не без влияния победы Ганнибала при Гердонии, решила предпринять отчаянную попытку свергнуть ненавистное

игу. Воспользовавшись тем, что Кв. Фульвий Флакк вывел своих солдат из Капуи и расположил их у городских стен и ворот, 170 кампанцев во главе с братьями Блоссиями замыслили поджечь ночью римский лагерь. Однако рабы, принадлежавшие Блоссиям, своевременно предупредили Флакка, и он тут же запер ворота, по тревоге поднял солдат и арестовал заговорщиков. Все они были казнены, а доносчики получили свободу и по 10 000 ассов в награду [Ливий, 27, 3].

После падения Капуи основной опорой карфагенских войск в Италия, хотя и не очень надежной, оставался Тарент, акрополь которого продолжали удерживать римский гарнизон и враждебные карфагенянам тарентинцы. Попытка римского флота пробиться к акрополю и доставить туда продовольствие не удалась. В морском сражении при Саприпорте он был разгромлен, его командующий Д. Квинкий погиб, а флагманский корабль попал в руки противника. Правда, в какой-то степени эта неудача была компенсирована успешной вылазкой осажденных, когда они принялись избивать на полях в окрестностях города безоружных и не ожидавших нападения тарентинцев [Ливий, 26, 39]. Главной задачей римлян теперь стало изгнание карфагенян из Тарента, а до тех пор — оказание помощи гарнизону в тамошнем акрополе. С этой целью, скупив в Этрурии хлеб, римское правительство направило его в Тарент вместе с 1 000 воинов из гарнизона города Рима, а также, 1 000 союзников [Ливий, 27, 3]. На этот раз операция, по-видимому, прошла успешно.

В Сицилии победа римлян у р. Гимеры далеко еще не закончила войну. Между прочим, это позволило

сенату отказать Марцеллу в триумфе после взятия Сиракуз и ограничиться только «овацией» — значительно менее почетным и менее торжественным въездом в Рим [Ливий, 26, 21]. Вскоре после отъезда Марцелла карфагеняне высадили на острове 8 000 пехотинцев и 3 000 нумидийских всадников. На сторону Карфагена перешли некоторые сицилийские города, в том числе Мурганция, Гибла и др. В течение всего 211 г. нумидийские всадники под командованием Муттона опустошали поля, принадлежавшие союзникам Рима. Римский командующий, претор М. Корнелий, должен был усмирять волнения в своей армии, недовольной условиями службы [Ливий, 26, 21].

Во второй половине 210 г. в Сицилию прибыл консул Лэвин, которому удалось, используя раздоры среди пунийского командования, полностью очистить остров от карфагенян. Дело в том, что успехам Муттона и его репутации командира уже давно завидовал Ганнон, верховный командующий карфагенской армией в Сицилии. Отношения между ними в конце концов обострились до такой степени, что Ганнон сместил Муттона и передал его должность своему сыну. В этом поступке, если учесть, что Муттон, как говорилось выше, был ставленником Ганнибала, нельзя не видеть отражения внутрикарфагенской борьбы за власть между Баркидами и их политическими противниками. Однако момент для сведения счетов Ганнон выбрал крайне неудачный; к тому же он не учел, насколько Муттона любили его солдаты — нумидийские всадники. Они просто отказались повиноваться другому командиру, сам же Муттон вступил в переговоры с Лэвином о сдаче Акраганта. Когда римляне подошли к городу, нумидийцы, частью прогнав, а частью уничтожив часовых, заняли

ворота, ведущие к морю, и впустили через них неприятеля. Обеспокоенный шумом, Ганнон решил, что имеет дело с обыкновенным солдатским бунтом, и вышел усмирять непокорных всадников; разглядев на улицах римских воинов, услышав их крики, он вместе с Эпикидом бежал через другие ворота, погрузился на небольшой корабль и отплыл в Африку, бросив Сицилию на произвол судьбы. Оставленные своим командованием, пунийцы и сицилийцы даже не пытались сопротивляться; они все погибли на улицах города.

Расправа, которую Лэвин учинил в Акраганте, напомнила сицилийцам о судьбе Капуи и наглядно продемонстрировала, что ждет тех, кто попытается сопротивляться римскому оружию: городских магистратов и членов совета («тех, кто был первыми людьми в Акраганте», — пишет Ливий) выпороли розгами и казнили, всех остальных продали в рабство, продали и захваченную в городе добычу. Не удивительно, что сицилийские города один за другим сдавались римлянам; только шесть из них Лэвину пришлось брать штурмом. Вековая борьба за Сицилию закончилась [Ливий, 26, 40].

Впоследствии Муттон получил самую высокую награду, на которую только мог рассчитывать, — права римского гражданства [Ливий, 27, 5]. Этим римское правительство еще раз подчеркнуло то значение, которое придавало оно успешному для Рима исходу войны на острове. И действительно, римская армия возвратила себе великолепный плацдарм для вторжения в Африку. Кстати, вскоре после захвата Акраганта римский флот под командованием Марка Валерия Мессалы совершил набег на африканские владения Карфагена. Римляне высадились около

Утики, разграбили и опустошили ее окрестности и, захватив множество пленных и богатую добычу, вернулись в Лилибей [Ливий, 27, 5]. Кроме того, Сицилия была важнейшей житницей Рима; отсюда в Рим доставлялся дешевый хлеб, что приобретало особое значение в условиях, когда Италия была разорена многолетней войной. Победа при Гердонии даже отдаленно не могла уравновесить потери Сицилии. Показательно, однако, что источники ничего не говорят о действиях Ганнибала в связи с событиями на острове: он ничего не мог сделать ни для того, чтобы поддержать Муттона в его конфликте с Ганноном и предотвратить его измену, ни для того, чтобы помешать Лэину овладеть Сицилией.

В Испании кампания 210 года также была ознаменована исключительно тяжелой неудачей пунийского командования, всей политики Баркидов: в руки римлян попал Новый Карфаген, важнейшая опорная база Карфагена на Пиренейском полуострове. Под угрозой было поставлено владычество карфагян в этом районе и, следовательно, их монопольное хозяйничанье на морских торговых путях за Гибралтаром. Вот как это случилось [Полибий, 10, 6—20; Ливий, 26, 41—45; ср.: также у Апп., Ганниб., 20—22].

В начале весны Сципион, оставив на севере небольшой гарнизон, переправил основные свои войска через Ибер (25 000 пехотинцев и 2 500 всадников) и двинул их к Новому Карфагену. Одновременно и римский флот под командованием Гая Лэлия направился вдоль берегов Испании к этому же городу. Операция подготавливалась, разрабатывалась

и осуществлялась в глубокой тайне; о конечной цели похода кроме самого Сципиона знал только Лэлий, которому было приказано так рассчитать плавание, чтобы подойти к городу одновременно с сухопутными частями. Все это было исполнено в точности. Обороной Нового Карфагена руководил Магон¹⁴⁵ (основные силы карфагенян были примерно в десяти днях пути от города), разместивший своих воинов следующим образом: 2 000 горожан — непосредственно против римского лагеря, 500 — в акрополе и еще 500 — на холме внутри города. Все остальные должны были служить резервом и бежать на помощь туда, где обстоятельства сложатся не вполне благоприятно для осажденных.

Приняв эти меры, Магон приказал распахнуть ворота и вывел солдат навстречу неприятелю. Сципион велел своим воинам немного отступить, чтобы сражение происходило в непосредственной близости от римского лагеря и можно было бы легко доставлять подкрепления. В бою сказалось подавляющее численное превосходство римлян. Непрерывно вводя в дело все новые и новые контингенты, Сципион вынудил карфагенян к отступлению, перешедшему в беспорядочное бегство. Римляне едва не ворвались в город на плечах неприятеля; их остановил только в высшей степени некстати данный сигнал к отступлению.

В Новом Карфагене началась паника. Многие воины бросили свои посты на стенах, и Сципион, решивший воспользоваться их смятением, начал общий штурм. Однако стены города оказались для осаждавших слишком высокими; лишь немногие лестницы были с ними вровень; воины не могли взобраться на стены, падали вместе с лестницами, срывались с лестниц от

сильного головокружения, и Сципион вынужден был остановить бой, а потом снова начать его со свежими силами. Впрочем, ему уже было ясно, что Новый Карфаген ударом в лоб не возьмешь и что битва за стены может служить только одной цели: отвлечь силы и внимание противника от объектов, которым грозила действительная угроза. Римский полководец искал уязвимое место в обороне, и оно отыскалось. На западных подступах к Новому Карфагену, перед самой городской стеной, находилось озеро, уровень воды в котором уменьшался во время отлива; к тому же и ветер гнал воду из озера через подземные протоки в море. По его дну можно было легко подойти к стене. Осажденные, уверенные в том, что эта часть стены недоступна врагу, увели оттуда войска в пункты, где, казалось, возникла непосредственная опасность городу. В результате римский отряд сумел без боя преодолеть стены, бросился к воротам, вокруг которых шла наиболее ожесточенная схватка, ударил с тыла по оборонявшимся и, приведя карфагенян в замешательство, взломал замки и распахнул створки ворот. Магон пытался некоторое время защищаться в акрополе; римляне пока истребляли горожан на улицах. В конце концов Магон сдался со всем гарнизоном. Избиение прекратилось; начался повальный грабеж. Римляне захватили в Новом Карфагене 276 золотых патёр (чаш), каждая примерно по фунту весом; 18 300 фунтов серебра (недалеко от Нового Карфагена были серебряные рудники), а также много серебряных сосудов; 400 000 модиев пшеницы (1 модий = 8,7 литра), 270 000 модиев ячменя; 63 транспортных корабля, некоторые из них с грузами.

Распоряжения Сципиона в Новом Карфагене представляют исключительный интерес. Всего он захватил

в городе 10 000 свободных мужчин; из них граждан Нового Карфагена Сципион отпустил на свободу и «возвратил» им город (то есть позволил им сохранить городское самоуправление, законы и т.д.) и то имущество, которое уцелело от разграбления; 2 000 ремесленников (по-видимому, они не пользовались в Новом Карфагене гражданскими правами и были там зависимыми — *бодами*) он сделал государственными рабами и обещал их освободить, если они проявят усердие во время предстоящей войны. Всех остальных, главным образом молодежь и сильных рабов, Сципион сделал гребцами на своих кораблях. Им он также обещал свободу по окончании войны. Кроме того, Сципион предпринял необходимые шаги для того, чтобы вернуть на родину заложников от иберийских племен, находившихся в Новом Карфагене: повсеместно были разосланы послы, чтобы представители каждого племени, явившись к Сципиону, забрали своих, очевидно подтвердив союз с Римом. Конечно, Сципион решил предстать перед населением Пиренейского полуострова, в том числе и перед гражданами финикийско-пунийских колоний, в роли не завоевателя, но освободителя от карфагенского господства. Судьба Нового Карфагена должна была убедить остальных не только в бесполезности, но и в ненужности сопротивления, в том, что им гораздо выгоднее принять сторону Рима, нежели сохранять верность Карфагену.

III

Несмотря на тяжелые поражения в Италии, Сицилии и Испании, карфагенское правительство все еще

не считало войну окончательно проигранной. Оно решило ценою новых усилий добиться коренного перелома в свою пользу. В чем должны были состоять эти усилия, двух мнений также не было: Гасдрубалу Баркиду следовало вторгнуться с севера в Италию, там присоединиться к Ганнибалу и, с новыми силами возобновив борьбу на Апеннинском полуострове, победить. Карфагеняне старались всеми средствами закрепить союз с Массанассой, дружественные отношения с ним в какой-то степени облегчили Карфагену ведение войны с другим нумидийским царем — Сифаксом. Они вербовали по всей Африке новые контингенты наемников, которых предполагали отправить в Испанию, к Гасдрубалу. Готовился также и флот для нового вторжения в Сицилию [Ливий, 27, 5, 11—13].

Эти свои замыслы и приготовления карфагенские власти не сумели сохранить в тайне. Пленные, захваченные Мессалой, рассказали ему обо всем. Известие, которое Мессала спешно довел до сведения римского правительства, серьезно обеспокоило сенат; было решено назначить диктатора, и после некоторых споров и проволочек (Лэвин, находившийся в тот момент в Риме, настаивал на кандидатуре Мессалы) диктаторские полномочия были вручены Квинту Фульвию Флакку, который недавно расправился с Капуей. Начальником конницы стал Публий Лициний Красс [Ливий, 27, 5, 14—19]. Для организации обороны на севере Фульвий послал в Этрурию своего легата Гая Семпрония Блэза [Ливий, 27, 6, 1]. Однако диктатура на этот раз просуществовала в Риме недолго. После избрания консулами самого Фульвия и Кв. Фабия Максима Фульвий от нее отказался [Ливий, 27, 6, 12]. Надо сказать, что у сената

были серьезные основания для беспокойства. Помимо непосредственной угрозы с севера и с юга внезапно проявилось острое недовольство римских колоний и союзников затянувшейся войной. Двенадцать колоний даже отказались доставлять воинов и деньги. Ценой больших усилий сенат преодолел возникшие затруднения, однако недооценивать значение столь грозного симптома он не мог [Ливий, 27, 9—10]. Даже и впоследствии необходимость обеспечивать покорность колоний и союзников отвлекала внимание сената и значительные силы и средства. Тем не менее, определяя для себя план кампании 209 года, консулы решили основное свое внимание сосредоточить на Таренте: захват Тарента, который взял на себя Фабий, лишил бы Ганнибала последней крупной опорной базы в Италии. Фульвий и Марцелл должны были своими нападениями отвлекать внимание Ганнибала [Ливий, 27, 12, 1—3]. Кроме этого Фабий велел начальнику римского гарнизона в Регии вторгнуться в Брутиум, а затем начать осаду Кавлонии.

Исполняя приказ консула, Марцелл повел свои войска навстречу Ганнибалу и застал его около Канусия. Очевидно, начиная кампанию, Ганнибал хотел в какой-то степени восстановить свои позиции в Самниуме и Кампании; этим, надо полагать, объясняется и то, что он оказался у стен Канусия, и то, что он пытался убедить граждан Канусия перейти на его сторону. Появление Марцелла заставило Ганнибала отступить в горные районы. Марцелл шел за ним по пятам: время от времени происходили небольшие столкновения, и наконец римский полководец навязал Ганнибалу большое сражение. Давление карфагенян было настолько сильным, что правое

крыло римлян и отборные части (*extraordinarii*) начали отступать. Тогда Марцелл попытался было выдвинуть в первый ряд один из своих легионов, но во время перегруппировки в его армии началось смятение, и римляне побежали. На следующий день битва возобновилась. Ганнибал ввел в действие слонов и снова обратил в бегство часть римской армии. Однако римляне стали метать в слонов дротики. Раненые животные, увлекая за собой остальных, повернули назад и бросились на карфагенян. Последние, в свою очередь, начали отступать. Ночью Ганнибал оставил свой лагерь и ушел в Брутиум [Ливий, 27, 12—15, 1].

Но и там положение Ганнибала было уже не таким прочным, как прежде. На ситуацию в Брутиуме большое воздействие оказали и набеги из Регия, о чем уже говорилось, и в особенности сдача Фульвию гирпинов, луканов и вулькиентов, предавших римскому командованию и стоявшие у них пунийские гарнизоны. Квинт Фульвий в противоположность тому, что он проделал в Капуе, на сей раз проявил к возвращавшимся под власть Рима «милость» и ограничился только словесными упреками [Ливий, 27, 15]. Такое поведение легко объяснимо: Ганнибал еще действовал на крайнем юге Италии и римское правительство, конечно, было заинтересовано в том, чтобы лишить его последних союзников по возможности мирными средствами. Эта политика дала свои результаты: в лагере Фульвия появились знатнейшие и влиятельнейшие вожди брутиев, братья Вибий и Паккий, с предложением признать власть римского народа на условиях, которые только что были предоставлены луканам [там же].

Между тем Квинт Фабий Максим двигался к Таренту, захватив по дороге в области самнитов г. Мандурию.

Подойдя к Таренту, он расположил свой лагерь у входа в тамошнюю гавань. Одновременно он большой флотилией запер и выход в море. Случай помог Фабия. В свое время Ганнибал оставил в Таренте отряд брутиев; начальник этого отряда был влюблен в некую тарентинку, брат которой служил у римлян. Узнав из письма сестры об ее знакомстве с богатым чужеземцем, пользующимся у своих соплеменников большим почетом и влиянием, этот человек решил использовать такое стечение обстоятельств для того, чтобы послужить римлянам. С разрешения Фабия он под видом перебежчика пробрался в город, там сблизился с начальником брутиев и уговорил его сдать римлянам свой пост. В условленное время Фабий расположился в засаде у восточной окраины города, а из акрополя, гавани и с кораблей были даны боевые сигналы, послышались боевые крики. В Таренте началась паника. Войска, охранявшие подступы к восточному его району, были спешно переведены туда, где, по-видимому, начиналось сражение, и Фабий, не встречая сопротивления, с помощью брутиев занял стену, проник в город и взломал городские ворота. В самом городе тарентинцы почти не оказали сопротивления, только у входа на агору произошла ожесточенная схватка. Повсюду на улицах озверевшие победители истребляли тарентинцев, карфагенян и даже брутиев, только что впустивших в город римскую армию. Римляне захватили в Таренте, по слухам, 30 000 рабов, огромное количество серебра, 83 000 фунтов золота, произведения искусства [Ливий, 27, 15—16; ср.: Апп., Ганниб., 49; Зонара, 9, 8]. Рассказ Плутарха [Плут., Фаб., 21—22], в общем соответствующий римской анналистической традиции, добавляет к этому существенную деталь:

Фабий велел перебить брутиев, с помощью которых овладел городом, дабы не обнаружилось, что он захватил Тарент благодаря предательству...

А что же Ганнибал? В это время он был занят борьбой с осаждавшими Кавлонию и вынудил их капитулировать. Он, видимо, просто не обратил внимания на движение Фабия или не понял его значения, предоставив, таким образом, римскому консулу возможность беспрепятственно подойти к Таренту. Услышав об осаде Тарента, Ганнибал быстрым маршем направился туда, но опоздал. Постояв некоторое время в полумиле от города, Ганнибал двинулся в Метапонт.

Взятие Тарента римлянами еще более ухудшило его и без того тяжелое военно-политическое положение. Теперь он мог опираться только на два или три небольших городка в Великой Греции, да еще на брутиев; надежда на тех и на других была очень слабой. Ганнибалу нужно было ликвидировать последствия своей тяжелой ошибки, и теперь, чтобы заманить неприятеля на верную гибель, он решил прибегнуть к хитрости. Внезапно для Фабия в римский лагерь прибыли посланцы Метапонта с предложением сдать город, если римляне воздержатся от «наказания» за прежнюю «измену», то есть за переход на сторону Ганнибала. Такое предложение показалось Фабию вполне естественным, в особенности после падения Тарента, и он уже назначил день, когда подойдет к Метапонту. Ганнибал, в свою очередь, расположил на подступах к городу засады. Все, казалось, предвещало успех. Однако в последний момент Фабий, совершая гадания, получил неблагоприятные предзнаменования (гаруспик сказал ему даже, что следует опасаться засады и коварства противника) и

отказался от похода. К нему в лагерь снова прибыли посланцы из Метапонта; под пыткой они рассказали о замыслах пунийского полководца [Ливий, 27, 16]. И эта попытка не удалась.

Падение Нового Карфагена заставило, как уже говорилось выше, пунийское правительство и командование пересмотреть план дальнейших боевых операций; было решено послать из Испании в Италию новую армию под командованием Гасдрубала Баркида на соединение с Ганнибалом. Гасдрубал и его коллеги (Гасдрубал, сын Гисгона, и Магон Баркид) понимали, что, предпринимая эту экспедицию, необходимо если и не ликвидировать Сципиона и его армию, то по крайней мере устранить с этой стороны непосредственную угрозу карфагенскому господству на Пиренейском полуострове, где силы карфагенян после ухода Гасдрубала Баркида были бы резко ослаблены. А опасность была очень серьезной: не говоря уже о потере денег, продовольствия, снаряжения, даже об утрате важнейшей опорной базы, своего рода «столицы» пунийской Испании, блестящий успех Сципиона снова вызвал среди иберийских племен волну переходов на сторону Рима, чему в немалой степени способствовали и действия карфагенских полководцев, водворявших пунийское господство в Испании насилиями и террором [ср.: у Полибия, 10, 36, 3—6], и политика самого Сципиона. Так, в римский лагерь явился Эдескон, глава племени эдетан, один из славнейших, по характеристике Ливия, испанских вождей [ср.: у Полибия, 10, 34, 2—10]. В руках римского командования находились его жена и дети, поэтому действия его не требуют дальнейших объяснений, хотя Ливий говорит и о других причинах, побудивших Эдескона к измене. Из карфагенской армии ушли со

своими войсками Индебил и Мандоний, которых Ливий называет несомненными вождями (*principes*) всей Испании [Ливий, 27, 17; Полибий, 10, 35, 6—8]. Не было никакой надежды, что этот центробежный процесс сам собой прекратится, и Гасдрубал Баркид решил как можно скорее дать бой Сципиону [ср.: у Полибия, 10, 37, 1—5]. Полибий объясняет это тем, что Гасдрубал надеялся выиграть сражение и после этого решить, что делать дальше; в том случае если бы его постигла неудача, Гасдрубал предполагал уйти в Галлию, а оттуда в Италию. Однако — и об этом только что говорилось — поход Гасдрубала в Италию был уже предрешен в любом случае: победа нужна была ему для того, чтобы обеспечить себе прочный тыл в Испании. Сципион также стремился к бою: он хотел иметь дело с одним только Гасдрубалом до подхода остальных карфагенских армий. В начале весны Сципион выступил из Тарракона [Ливий, 27, 17].

Армия Гасдрубала Баркида стояла в тот момент около Бэкулы. Туда Сципион и повел свои войска. Перед своим лагерем Гасдрубал расположил конные заградительные отряды, однако первые же удары римских легковооруженных воинов и вообще всех тех, кто шел во главе колонны, заставили всадников ускакать в лагерь; Ливий пишет, что, преследуя бегущего неприятеля, римляне едва не заняли лагерьные ворота.

Ночью Гасдрубал увел своих солдат на возвышенность, вершина которой представляла собою ровное плато. Это была удобная позиция, господствовавшая над местностью; от удара с тыла ее надежно защищала река, а с фронта и флангов крутые обрывы сильно затрудняли подъем. Однако она имела и существенный недостаток: здесь можно было обороняться, но

отсюда тяжело было бы вести наступательные операции. Ниже этого плато, где расположился Гасдрубал Баркид, находились террасы, также со всех сторон окруженные обрывами; их по приказанию Гасдрубала заняли нумидийские всадники, а также легковооруженные балеарские и ливийские стрелки [Ливий, 27, 18]. Сципион послал одну из своих когорт занять вход в долину, через которую в тылу у карфагян протекала река, а другую — перерезать дорогу, ведущую из Бэкулы на поля. Сам он во главе легковооруженных пехотинцев начал подниматься к лагерю противника и, несмотря на упорное сопротивление, овладел террасами, а потом с трех сторон ударил по основным силам карфагян. В лагере Гасдрубала началось замешательство, и, пользуясь им, римляне взобрались на плато. Окруженная со всех сторон, брошенная своим командующим (Гасдрубал, отправивший еще до начала сражения деньги и слонов, ушел по течению Тага на север, к Пиренейским горам), карфагенская армия недолго сопротивлялась: около 8 000 воинов были убиты, а 10 000 пехотинцев и 2 000 всадников попали в плен. Следуя своей политической линии, Сципион отпустил всех иберийцев без выкупа. Африканцев он велел продать в рабство [Ливий, 27, 18—19]¹⁴⁶. Среди пленных африканцев оказался Массива, племянник Массанассы. Сципион разрешил ему возвратиться к дяде, и эта любезность явилась первым шагом на пути к установлению дружественных отношений между римлянами и Массанассой.

Разгром не остановил Гасдрубала. Вскоре после сражения при Бэкуле карфагенские армии (Гасдрубала, сына Гисгона, Магона Баркида и остатки войск Гасдрубала Баркида) соединились на севере Пиренейского

полуострова, и там трое командующих решили придерживаться намеченного плана: Гасдрубалу Баркиду идти, набрав как можно больше воинов, в Италию, где должна решиться судьба войны [Ливий, 27, 20].

IV

Пока Гасдрубал повторял итальянский поход своего брата, военные действия в Италии шли своим чередом. Кампанию 208 года один из тогдашних консулов, Тит Квинкций Криспин, начал с того, что армию, которой прежде командовал Квинт Фульвий Флакк, передвинул вместе с подкреплениями в Луканию, а затем, вторгнувшись в Брутиум, приступил к осаде Локр [Ливий, 27, 25]. Эти действия соответствовали тому направлению войны, которое ей придавал Фабий взятием Тарента: перед римским командованием в Италии, конечно, стояла теперь задача овладеть городами Великой Греции и отрезать Ганнибала от выходов к морю. Однако вскоре Криспину пришлось снять осаду, так как Ганнибал, в свою очередь, подступил к Лацинию (он снова предпринял, таким образом, попытку укрепиться в Апулии), а Марцелл, другой консул 208 года, с которым Криспин хотел соединиться, вышел из Венусии. В конце концов Криспин и Марцелл расположили свои лагерь между Венусией и Бантией, примерно на расстоянии 3 миль один от другого. Туда же явился и Ганнибал [там же].

Консулы рвались в бой. Они были уверены, что, если Ганнибал посмеет сразиться с обеими армиями, его ждет неминуемая гибель. Изодня в день они выстраивали утром свои войска и ждали: может быть,

Ганнибал не выдержит и очертя голову бросится на противника [там же]. Однако и карфагенский полководец не считал, вероятно, свои силы достаточными для подобного дела. Он всячески уклонялся от битвы, которую ему навязывали Криспин и Марцелл, ограничивался мелкими стычками и искал место для засад [Ливий, 27, 26].

Римское командование начало ощущать нетерпеливое раздражение. Время шло, ничего серьезного не происходило, так и все лето могло миновать, не принеся ощутимого результата. По этой причине, видимо, римляне решили вернуться к первоначальному замыслу Криспина и возобновить осаду Локр. Луций Цинций Алимонт, один из римских флотоводцев, получил приказ перевести флотилию, которою он командовал, к Локрам; для блокирования города с суши было решено использовать часть гарнизона, стоявшего в Таренте. Однако Ганнибал своевременно узнал об этом новом предприятии римлян, о нем сообщили Ганнибалу какие-то граждане Фурий. Это само по себе характеризует настроения и симпатии по крайней мере части населения Великой Греции. Пуниец послал 3 000 всадников и 2 000 пехотинцев перерезать дорогу из Тарента к Локрам. Карфагеняне расположились в засаде у подножия Петелийского холма; на них-то и наткнулись римляне, шедшие беспечно, без сторожевых охранений и разведки. Около 2 000 римских воинов были убиты, почти 1 500 попали в плен. Остальных карфагеняне рассеяли и заставили вернуться в Тарент [Ливий, 27, 26].

Между тем Ганнибал, по-прежнему искавший в предвидении неизбежного сражения удобного места для засады, обратил свое внимание на поросший лесом холм между карфагенским и римским лагерями

и в одну из ночей послал туда несколько подразделений нумидийской конницы. Консулы Криспин и Марцелл под давлением окружающих также пришли к мысли о необходимости занять этот холм и по предложению Марцелла отправились на рекогносцировку во главе отряда из 220 всадников — фрегелланов и этрусков. Внезапно их окружили нумидийцы, и в короткой схватке Марцелл был убит. Раненый Криспин бежал в лагерь [Полибий, 10, 32, 1—6; Ливий, 27, 26—27]. Ганнибал тотчас же перенес свой лагерь на холм, нашел там труп убитого консула и похоронил его. Он вообще желал обнаруживать по отношению к командованию противника своеобразное рыцарство, если употреблять терминологию значительно более позднего времени. Криспин ушел в горы и укрепился там [Ливий, 27, 28]. По версии Аппиана [Апп., Ганниб., 50], Марцелл напал на нумидийских всадников, грабивших окрестности, и погиб, окруженный врагами и брошенный своими солдатами. Тело его Ганнибал сжег, а кости отослал сыну его в римский лагерь.

Гибель Марцелла, хотя бы и в небольшой стычке, и поспешное отступление Криспина создали Ганнибалу определенные военно-политические преимущества, которые он попытался использовать, закрепляя достигнутый успех. Особенно важным казалось то, что в руки Ганнибала попал перстень Марцелла с его печатью, и карфагенский военачальник получил возможность, пока весть о гибели консула не распространилась, рассылать якобы от его имени подложные распоряжения. Он, в частности, отправил в Салапию извещение, что Марцелл в ближайшую ночь явится туда со своими войсками. Но его опередили: Криспин, которому в голову приходили такие же

точно мысли, спешно известил все окрестные города о смерти своего коллеги и предостерегал их не верить письмам и распоряжениям, которые могут быть скреплены печатью Марцелла. В Салапи, где власти опасались расправы со стороны Ганнибала и за измену, и за истребление карфагенских всадников, решили прибегнуть к хитрости. Отправив восвояси посла (это был римский перебежчик), они расположили в стратегически важных пунктах города отряды граждан, усилили на стенах караулы, а у ворот сосредоточили отборную часть гарнизона. Поздно ночью, около четвертой стражи, Ганнибал подошел к городу. По требованию римских перебежчиков, находившихся в первых рядах, часовые подняли на относительно небольшую высоту решетку, преграждавшую проход в ворота: когда около 600 перебежчиков вошли в город, решетка внезапно опустилась, часть салапийского гарнизона бросилась их истреблять, а остальные воины обрушили свои стрелы и дротики на карфагенян [Ливий, 27, 28; Полибий, 10, 33, 7; Апп., Ганниб., 51; Зонара, 9, 9].

Попытка хитростью взять Салапию не удалась, и Ганнибал спешно двинулся на юг, к Локрам. Дела принимали там неблагоприятный оборот; Цинций успешно вел осаду, и Магон, командир стоявшего в Локрах пунийского отряда, уже думал о сдаче. Получив известие о приближении Ганнибала, он воспрянул духом и со своей стороны ударил по врагу. Когда в бой вступили нумидийские всадники Ганнибала, римляне, бросая осадную технику, устремились к своим кораблям, и, таким образом, осада была снята [Ливий, 27, 28].

Итак, убив одного консула (Марцелла) и тяжело ранив другого (Криспина) [Ливий, 27, 33], Ганнибал

если и не расширил, то, во всяком случае, удержал свои позиции на юге Италии. Криспин вскоре после этих событий умер. Бездействие римской армии после гибели Марцелла позволило Ганнибалу решительным ударом освободить Локры от блокады. Такой результат кампании можно было бы считать до известной степени успешным, тем более что Ганнибал сохранил возможность дожидаться Гасдрубала Баркида, чтобы с его помощью развернуть новые широкие операции против Рима, если бы его значение не умерялось новым набегом римского флота из 100 кораблей под командованием Лэвина на африканские владения Карфагена. Опустошив территорию вокруг Клупеи, где они не встретили ни одного человека, римляне, едва только до них дошли слухи о приближении карфагенского флота, вернулись на корабли. В морском сражении у Клупеи пунийцы, эскадра которых насчитывала 83 судна, были разбиты, и Лэвин с большой и разнообразной добычей беспрепятственно вернулся в Лилибей [Ливий, 27, 29].

Тем временем Гасдрубал вел свою армию на Апеннинский полуостров. Его появление в Галлии вызвало там живейшее волнение: передавали (и послы из Массилии, давнего соперника Карфагена в борьбе за Западное Средиземноморье, поспешили известить об этом римское правительство), что он принес с собой огромные деньги для вербовки наемных солдат; и действительно, Гасдрубал Баркид собрал в Галлии многочисленную армию и, не встретив, по видимому, сопротивления, подошел к подножию Альп. Наш источник, во всяком случае, ничего не говорит о каких-либо столкновениях Гасдрубала с

галльскими племенами. Более того, мы узнаем о присоединении к Гасдрубалу каких-то галльских и альпийских племен [Ливий, 27, 39]. Наступление зимних холодов помешало ему преодолеть Альпы, однако было очевидно, что с приходом весны еще одно карфагенское полчище появится в Италии, на севере полуострова [Ливий, 27, 36]. Правда, сам Гасдрубал неоднократно бывал побежден, и шел он в Италию, потерпев накануне поражение от Сципиона, но ведь и он одно время жестоко бил римлян, а совсем недавно ловко обманул Нерона, предшественника Сципиона в Испании, и ушел от окружения и, казалось, неминуемого плена. Консулы 207 года — Гай Клавдий Нерон, тот самый, с которым Гасдрубал проделал свой коварный трюк, и Марк Ливий, впоследствии получивший прозвище Салинатор, — имели пред собою достаточно серьезного противника, а в руках Ганнибала такая армия могла бы превратиться в грозную силу, которая позволила бы изменить ход войны в свою пользу. Недооценивать опасность не приходилось.

Этими обстоятельствами определялись и непосредственные цели обеих сторон в ходе кампании. Ганнибалу нужно было во что бы то ни стало соединиться с Гасдрубалом по возможности до того, как он войдет в соприкосновение с римскими войсками. Римское командование стремилось, во-первых, навязать Ганнибалу продолжение вооруженной борьбы на юге, не дать ему уйти навстречу брату (решение этой задачи возлагалось на Нерона, командовавшего римскими войсками в Лукании и Брутиуме) и, во-вторых, разбить Гасдрубала на севере, пока он не присоединился к Ганнибалу. Операцию по уничтожению Гасдрубала должен был осуществить Марк Ливий, «провинцией»

которого была назначена Цисальпинская, то есть по-сторонняя, южнее Альп, Галлия. В его распоряжение даны были римские войска, дислоцировавшиеся в Этрурии и Галлии, а также воинские подразделения, стоявшие непосредственно в Риме.

С наступлением весны Гасдрубал перешел Альпы. Тит Ливий [27, 39] объясняет тактический успех Гасдрубала (выигрыш времени) главным образом отсутствием сопротивления со стороны альпийских племен, убедившихся в том, что проходящие через их владения карфагеняне вовсе не желают их завоевывать. В Италии Гасдрубала уже ожидал сильный отряд лигуров. Однако, вместо того чтобы двинуться на юг, на соединение с Ганнибалом, он приступил к осаде Плаценции. Намерения его были очевидны: захватить и разрушить Плаценцию, что он надеялся сделать без особого труда, устрасить другие города на севере Италии и заставить их перейти на сторону Карфагена. Однако взять Плаценцию ему не удалось. Бесполезная осада только замедлила движение Гасдрубала на юг и, что уже совершенно необъяснимо, внушила Ганнибалу удивительную мысль: пока Гасдрубал осаждает Плаценцию, оставаться еще некоторое время на зимних квартирах и выступить на север позднее [там же].

В конце концов Ганнибал все же пошел вдоль границ Ларинатской области в сторону саллентинов. Во время этого движения его войска подверглись неожиданному нападению римских отрядов, состоявших под командованием Гая Гостилия Тубула. Карфагеняне потеряли около 4000 человек.

Известие о походе, предпринятом карфагенским полководцем, заставило и Квинта Клавдия, командовавшего римскими войсками в стране саллентинов,

покинуть зимние квартиры. Избегая сражения, Ганнибал ушел в Брутиум, а оттуда в Луканию и подступил к Грументу. Кв. Клавдий вернулся в страну саллентинов, а Гостилий, отправившись в Капую, где он должен был сменить проконсула Кв. Фульвия, встретил в Венусии консула Нерона и передал ему часть своей армии [Ливий, 27, 40].

Идя к Грументу, Ганнибал надеялся вернуть себе города, перешедшие на сторону римлян. Однако туда же из Венусии прибыл и Нерон, ставший лагерем примерно в полутора милях от Ганнибала. Между их позициями находилось открытое поле, и там постоянно завязывались мелкие стычки. Ганнибал, желая отделаться от неприятельской армии, изо дня в день выводил на это поле солдат, однако Нерон с таким же постоянством уклонялся от боя. Консул хотел не дать врагу уйти на соединение с Гасдрубалом. Долго так продолжаться, конечно, не могло. Нерону должно было на что-то решиться, и однажды ночью он велел нескольким когортам укрыться в засаде за холмами, а на рассвете вывел своих воинов из лагеря и построил их в боевой порядок. В пунийском лагере был поднят сигнал к бою. Солдаты, схватив оружие, устремились на римлян. В беспорядке пунийцы не могли противостоять хорошо организованному неприятелю. В самый разгар боя Ганнибал пытался навести порядок, однако в этот момент из засады ударили римляне. Пунийцы бежали. Несколько дней спустя Ганнибал ночью тихо покинул свою стоянку и ушел в Апулию [Ливий, 41—42].

Разграбив брошенные карфагенянами укрепления, Нерон повел свою армию в погоню и настиг Ганнибала недалеко от Венусии. Там была еще одна схватка, в которой погибли более 2 000 пунийцев, и Ганнибал,

резко повернув на юг, отправился в Метапонт. Оттуда он послал начальника местного гарнизона Ганнона в Брутиум набирать новых солдат и, когда это было исполнено, возвратился в Венусию, а оттуда перешел в Канусий. Нерон следовал за ним по пятам [Ливий, 27, 42].

Тем временем Гасдрубал, прекратив наконец осаду Плаценции, решил пойти на соединение с Ганнибалом и отправил к нему 4 всадников — 2 галлов и 2 нумидийцев — с письмом, где, насколько об этом можно судить, было указано время и место встречи (Умбрия). Послание не достигло адресата: галлы и нумидийцы, не знавшие дороги, попали в Тарент и там были пленены римскими фуражирами. Ознакомившись с содержанием захваченного документа, Нерон принял смелое решение: в послании сенату он предложил отозвать из Капуи в Рим расквартированный там легион; собственно римский гарнизон, пополнив его путем дополнительной мобилизации, поставить у Нарнии, дабы в случае необходимости оказать сопротивление Ганнибалу: сам же Нерон, отобрав 6 000 пехотинцев и 1 000 всадников, ночью ушел к Пиценуму. Своим заместителем на юге он оставил легата Квинта Катия [Ливий, 27, 43].

В Риме действия Нерона вызвали большую тревогу. Опасались, что Ганнибал, узнав об его движении на север, может уничтожить и римскую армию на юге, которая осталась без командующего, и самого Нерона (если бы Ганнибал стал его преследовать), имевшего всего только 7 000 воинов. Сомневались, что Нерон сумеет одолеть своего противника — коварного и способного полководца, тем более что Гасдрубал, как сказано, однажды уже его обманул [Ливий, 27, 44].

Однако не только эти сомнения сопровождали Нерона. На всем пути его отряд встречали толпы мужчин и женщин, желавших воинам победы, называвших солдат спасителями Рима и свободы римлян, дававших обеты богам, предлагавших в изобилии пищу и фураж [Ливий, 27, 45]. Наконец темной ночью, без шума Нерон вступил в лагерь Марка Ливия неподалеку от Сены. Лагерь Гасдрубала находился примерно в полумиле от стоянки римлян [см.: Ливий, 27, 46; ср.: у Фронтин, 1, 1, 9; Вал. Макс., 7, 4, 4].

По настоянию Нерона уже на следующий день консулы и претор Л. Норций Лицин, действовавший во взаимодействии с Марком Ливием, решили дать сражение. Римские войска сразу же после совета были построены в боевой порядок. Карфагеняне уже были готовы к бою, но перед самым его началом Гасдрубал, заметив у римлян старые щиты, каких раньше не видел, и загнанных лошадей, заподозрил, что к Ливию прибыли подкрепления, и приказал играть отбой. Гасдрубал решил проверить свои догадки, и очень скоро худшие его предположения подтвердились: если раньше в римском лагере боевые сигналы подавались только один раз, то теперь сигналили дважды, один раз — для воинов М. Ливия и другой — для отряда Нерона. Все было ясно. Гасдрубалу противостояли оба консула.

Ночью Гасдрубал приказал покинуть лагерь, однако оказался в очень трудном положении: проводники бежали, а карфагеняне не знали ни дорог, ни бродов. Бесцельно проблуждав по полям, он решил идти по берегу р. Метавр. В безуспешных поисках брода Гасдрубал провел целый день, и римляне, которым гораздо лучше были известны все дороги, без труда его настигли. Избежать сражения было невозможно.

Гасдрубал развернул в боевой порядок своих утомленных длительным и бесцельным переходом солдат. Против правого фланга римлян, которым командовал Нерон, Гасдрубал выстроил галлов. Левому флангу римлян, где с основной массой пехоты находился М. Ливий, Гасдрубал противопоставил свои иберийские части, которыми решил командовать лично. В центре соединения Лицина Гасдрубал противопоставил отряды лигуров. Позиция Гасдрубала, по-видимому, чрезмерно растянувшего войска, была не очень удобна: возвышавшийся перед галлами холм мешал им вступить в дело, когда на левом фланге римлян завязалась битва. Сражение на левом фланге, куда Гасдрубал двинул и слонов (обезумевшие от шума и ран, они метались среди дерущихся воинов), было очень упорным и кровопролитным. Ни одна из сторон не могла добиться перевеса. В разгар боя Нерон, обойдя римские войска с тыла, перевел несколько своих когорт с правого фланга, где они стояли без движения, на левый и ударил по правому флангу Гасдрубала. Одновременно римляне напали на противника с тыла. Иберы и лигуры оказались в почти замкнутом кольце; большинство галлов разбежались, а те, что остались, не могли выдержать боя. Гасдрубал попытался было еще организовать сопротивление, но видя, что разгром неотвратим, он, прищипорив коня, ворвался в ряды одной из римских когорт и погиб [Ливий, 27, 47—49; Полибий, 11, 1, 2—12; ср.: у Апп., Ганниб., 52; Орозий, 4, 18, 9—14; Зонара, 9, 9].

Нерон сразу же после сражения стремительным маршем (пройдя весь путь за шесть дней) вернулся в свой лагерь на юге Италии. Он не отказал себе в удовольствии бросить голову Гасдрубала в лагерь

неприятеля и выставить перед вражескими солдатами связанных пленных пунийцев. Двух пленников он даже освободил и отправил к Ганнибалу рассказать о происшедшем. Карфагенский полководец был потрясен. Его надежды изменить ход войны в свою пользу рухнули. Брат погиб. Не видя выхода, Ганнибал стянул войска и сосредоточил их в Брутиуме, переселив туда и жителей Метапонта, а также луканцев, находившихся под его властью [Ливий, 27, 51].

V

Гибель Гасдрубала и всей его армии в битве при Метавре была тяжелейшим военно-политическим поражением Ганнибала. Можно поэтому понять ликование, с которым в Риме встретили известие об этом событии [Ливий, 27, 50—51]. И в самом деле, Ганнибал уже не мог больше рассчитывать на подкрепления. Предпринимать своими силами сколько-нибудь серьезные операции он тоже не мог, да и не пытался этого сделать [Ливий, 28, 12]. Ему оставалось только пассивно ожидать в Брутиуме оборота событий в Испании и на севере Апеннинского полуострова. Впрочем, как пишет Аппиан [Апп., Ганниб., 54], Ганнибал, видимо, уже понял, что в очень недалеком будущем ему предстоит покинуть Италию, и именно поэтому стал позволять себе всякого рода насилия над брутиями.

Кампания 207 года на Пиренейском полуострове, как справедливо замечает Тит Ливий [28, 1, 1], казалось, была для римлян облегчена уходом Гасдрубала. Однако вскоре после ее начала карфагенское правительство прислало на Пиренеи еще одного

командующего — Ганнона. Ганнон за короткое время на вербовал в Кельтиберии много новых солдат в дополнении к войскам Магона Баркида и армии Гасдрубала, сына Гисгона, который стоял в районе Гадеса, снова превратившегося после падения Нового Карфагена в важнейшую опорную базу карфагенян в Испании.

Сципион, желая предупредить действия Ганнона, направил против него одного из своих помощников, Марка Юния Силана, приблизительно с 10 000 пехотинцев и 500 всадниками. Идя быстрым маршем, Силан приблизился к армии Ганнона и узнал, что слева от дороги, по которой он шел, находится лагерь кельтиберов (более 9000), а справа — укрепленный и хорошо охраняемый собственно пунийский лагерь. Силан напал на кельтиберов, затем в бой были втянуты и карфагеняне. Магон Баркид с конницей и частью пехоты бежал к Гадесу, а Ганнон попал в плен [Ливий, 28, 1—2]. Используя и развивая этот свой успех, Сципион быстро пошел на юг полуострова, чтобы выступить против Гасдрубала, который в тот момент находился в Бэтике. Однако Гасдрубал внезапно двинулся оттуда к Гадесу, а армию свою разделил, разместив в различных пунктах, прилегающих к городу [Ливий, 28, 2; ср.: у Фронтинана, 1, 3, 5]. Не желая тратить силы на их осаду и штурм, Сципион повернул к Тарракону, захватив в Бэтике г. Оронг [Ливий, 28, 3].

Весной 206 г. борьба возобновилась. Гасдрубал, сын Гисгона, и Магон Баркид собрали новую армию — 50 000 (по некоторым сведениям, 70 000) пехотинцев и 4 500 всадников [Ливий, 28, 12]. Однако в сражении при Бэкуле Магон и Массанасса были разбиты [Ливий, 28, 13; Полибий, 11, 21], а Гасдрубал,

сын Гисгона, после длительного и упорного боя у Илипы обратился в бегство [Ливий, 28, 14—15; Полибий, 11, 22—24], но был застигнут неприятелем и, выдержав еще одну резню, а потом и осаду, бросил армию и бежал в Гадес. Магон морем тоже направился в Гадес.

Неудачный для карфагенян исход кампании 206 года на Пиренейском полуострове показал, что успешно бороться с римлянами за господство в Испании они уже были не в состоянии [Ливий, 28, 16]. Предстояли, правда, еще бои в Испании. Римляне еще должны были столкнуться с упорнейшим сопротивлением иберийских племен новому завоевателю. Однако спор о господстве на Пиренейском полуострове, был уже решен. Может быть, именно этим объясняется намерение Массанассы как раз теперь завязать тайные переговоры с Силаном, чтобы подготовить свой переход на сторону римлян [там же]. Окончательная договоренность была достигнута при личной встрече Массанассы и Сципиона [Ливий, 28, 35]. Этим же объясняется и другое немаловажное событие: некоторое время спустя к Сципиону явились перебежчики из Гадеса, которых не испугала ни трудная война Сципиона с некоторыми иберийскими племенами, ни волнения в самом римском лагере, и вызвались сдать город с карфагенским гарнизоном и флотом [Ливий, 28, 23]. Возможно, что кроме общего военно-политического положения в Испании на решение гадитан повлияла долгожданная реальность перспективы избавления от карфагенского господства и карфагенской торговой монополии. Но Магон Баркид раскрыл заговор и отправил заговорщиков в Карфаген, и римляне ушли от стен Гадеса в Новый Карфаген [Ливий, 28, 31].

Поступок Массанассы был для Сципиона чрезвычайно выгоден. Считая войну в Испании в общем уже законченной, он мыслил теперь перенести войну в Африку, что и должно было завершить борьбу с Ганнибалом [ср.: у Полибия, 11, 24; Дион Касс., фрагм. 53 — 56]. Сципион нуждался в союзниках. Он, подвергнув свою жизнь серьезной опасности, сам даже ездил в Африку, к царю масайсилиев Сифаксу, врагу Массанассы, для того чтобы привлечь его к союзу с Римом. В это же время у Сифакса находился Гасдрубал, сын Гисгона, прибывший к царю с такой же миссией.

Ливий рассказывает, что Сципион, следуя желаниям царя, должен был не только присутствовать вместе с Гасдрубалом на царском пиру, но и возлежать с ним на одном ложе. Однако римлянину удалось и в дипломатической схватке победить карфагенянина. Хотя и очень ненадолго, Сифакс стал союзником римлян [Ливий, 26, 17 — 18]. В результате Сципиону была обеспечена поддержка всех нумидийцев — и масайсилиев (Сифакс), и массилив (Массанасса).

В этой обстановке Магон Баркид обратился к карфагенскому совету с настоятельным предложением еще раз выслать ему подкрепления, для того чтобы, с одной стороны, не допустить отпадения Гадеса и, с другой, пользуясь трудностями римлян, возобновить борьбу за Пиренейский полуостров [Ливий, 28, 31]. Однако вместо подкрепления Магон получил приказание переправить флот из Гадеса в Италию, там набербовать сколь возможно больше галлов и лигуров и идти на соединение с Ганнибалом. Для этого ему были доставлены средства из государственной казны; кроме того, и сам Магон взыскал с гадитан сколько мог, ограбив их городскую казну, храмы и

заставив всех частных лиц отдать золото и серебро. По дороге Магон подступил с моря к Новому Карфагену, однако взять его не сумел и, потерпев серьезный урон, вернулся к Гадесу [Ливий, 28, 36]. Но в Гадес его не пустили. Выманив из города магистратов и казнив их, Магон отправился к Питиуским островам, где находилась старинная карфагенская колония, а оттуда на Балеарские острова, надеясь там перезимовать. На большем из островов балеарские пращники встретили его градом камней, однако на меньшем Магону удалось обосноваться. Гадес сдался римскому командованию [Ливий, 28, 37]. Теперь римско-карфагенская война на Пиренейском полуострове была окончательно завершена в пользу Рима.

О действиях Ганнибала в этот период источники ничего не сообщают, вероятно, потому, что он, ожидая благоприятного поворота событий, который позволил бы ему перейти в наступление, ничего не делал. Потеря Испании должна была еще больше углубить в нем то состояние безысходности, которое охватило его после битвы при Метавре и гибели Гасдрубала Баркида.

Теперь можно было предвидеть, что Сципион, который и не скрывал своих намерений, постарается перенести войну в Африку. Устранить эту угрозу могла только новая активизация военных действий в Италии.

Весной 205 г. Магон Баркид высадился в Италии, имея 12 000 пехотинцев и 2 000 всадников, занял без боя Геную и заключил союз с лигурийским племенем ингаунов. Впечатление было такое, что

снова начинается война, которую два года назад пытался вести на севере Гасдрубал Баркид. Именно так это событие было воспринято в Риме: проконсул Марк Ливий получил приказание занять Аримин, а Марк Валерий Лэвин повел легионы в Арреций [Ливий, 28, 46]. Однако Ганнибал никак не реагировал на происходящее, может быть, потому, что его воины страдали от чумы и голода. Но ведь если бы он питал какую-то надежду на успех, он должен был хотя бы попытаться соединиться с Магоном. Однако ничего подобного не произошло. Лето Ганнибал провел у храма Юноны Лацинийской. Там он воздвиг жертвенник с надписью на пунийском и греческом языках, в которой рассказывал о своих деяниях [там же]. На эту надпись, до нас, к сожалению, не дошедшую, ссылается, как уже говорилось, Полибий. Может быть, Ганнибал сделал это, почувствовав, что для него уже наступило время подвести итоги своей жизни, целиком отданной борьбе с Римом. Во всяком случае, если экспедицию Гасдрубала Баркида Ганнибал встретил с нетерпеливым ожиданием помощи и перелома в войне, то к высадке Магона Баркида он отнесся индифферентно, скорее всего потому, что не ожидал от нее сколько-нибудь заметных изменений в военно-политическом положении, в ходе войны в Италии. И если так, то Ганнибал не ошибся в своих оценках.

Несмотря на тревогу, которую вызвало появление Магона в Италии, экспедиция в Африку не была отложена. Правда, Сципиону пришлось столкнуться с сопротивлением весьма влиятельных кругов — старых врагов Корнелиев, и прежде всего с возражениями Фабия, когда этот вопрос рассматривался в сенате. Конфликт наметился сразу же по возвращении Сципиона

из Испании. Его отчет о боевых операциях на Пиренейском полуострове (сколько раз победил неприятеля, сколько городов силой отнял у врагов, какие народы подчинил римской власти) сенат слушал в храме Беллоны за городской стеной, поскольку Сципион надеялся получить триумф и даже делал соответствующие намеки. Однако он, по-видимому, и сам не верил в такую возможность и не настаивал. Триумфа Сципиону не дали, может быть, под тем благовидным предлогом, что триумфальное вступление в город представлялось только магистратам, а Сципион магистратом не был (Ливий, 28, 38].

Сенат хотел этим актом, несомненно, поставить Сципиона на место, умерить оценку его побед в Испании и, следовательно, его возможное политическое влияние. Но такие булавочные уколы не могли достигнуть цели. Успешное завершение трудной войны и покорение Испании принесли Сципиону огромную популярность. Люди отовсюду приходили в Рим посмотреть на него, посетить его, присутствовать во время его торжественного жертвоприношения на Капитолии; при небывалом до того стечении народа Публий Корнелий Сципион был единогласно избран консулом на 205 год вместе с великим понтификом Публием Лицинием Крассом. На исход голосования решающее влияние оказала общая уверенность в том, что именно Сципиону суждено победоносно закончить войну; все говорили и действовали так, как если бы «провинцией» (то есть сферой деятельности) ему уже была назначена Африка [там же].

Первый тур борьбы за возможность осуществить свою идею — перенести войну в Африку и там нанести Карфагену решающий удар — Сципион выиграл. Когда распределялись провинции, Красс, который в

качестве великого понтифика не мог покидать Италию, избрал для себя Брутиум и, следовательно, противостояние Ганнибалу. Сципиону досталась Сицилия, и все хорошо понимали, что он не ограничится действиями на этом острове. Да Сципион и не думал скрывать ни своих намерений, ни своего пренебрежительного отношения к сенату. Он высказывался в таком духе, что он, мол, избран не для продолжения, а для завершения войны, что этого можно достигнуть, только если сам он переправится в Африку, и что если сенат будет возражать, то он добьется своего с помощью народа [Ливий, 28, 40]. В сенате, как уже упоминалось, против Сципиона высказался Фабий. В своей речи, как ее передает Тит Ливий [28, 40–42], авторитетнейший диктатор, бывший тогда первоприсутствующим в сенате, предлагал иное решение: сначала окончательно разбить Ганнибала, изгнать его из Италии и уже только после этого переправиться в Африку. Он указывал на ненадежность союзников и враждебное отношение африканского населения к римлянам. Как повествует Аппиан [Апп., Лив., 7], аргументация противников африканской экспедиции сводилась к следующему: когда Италия разорена войною, когда ее опустошает Ганнибал, когда Магон вербует себе наемников — лигуров и галлов, нельзя воевать в Африке, нельзя захватывать чужую страну, не освободив прежде всего свою родину. Возражая, Сципион рассказывал [Ливий, 28, 43–44] о своих успехах в Испании, где вести войну ничуть не легче, чем в Африке, и о том, что, как показывает опыт, в Африке можно добиваться победы над карфагенянами и рассчитывать на поддержку местных ливийских племен. По Аппиану [Апп., Лив., 7], сторонники Сципиона прежде всего говорили о стратегической

целесообразности похода: пока война за пределами Африки и Карфаген в безопасности, он, конечно, будет пытаться сохранить свои позиции в Италии; когда же его вынудят сражаться на собственной его территории, карфагенское правительство отзовет Ганнибала.

В конце концов сенат принял желательное Сципиону решение: одному из консулов (то есть самому Сципиону) предоставлялась Сицилия и разрешалось переправиться в Африку в том случае, когда, по его мнению, этого потребуют интересы государства, другому (то есть Крассу) — Брутиум и непосредственно борьба с Ганнибалом. Насколько можно судить, был достигнут компромисс: консул предоставил решение вопроса о провинциях сенату и отказался от своего первоначального намерения в случае неудачи обратиться к народу. Если бы этот замысел осуществился, Сципион превратился бы в вождя демократического движения, а власть сената получила бы серьезный, если и не непоправимый удар. Это был бы первый шаг на пути к его единоличной власти. В свою очередь, сенат снял свои возражения против существа требований и военных планов Сципиона [Ливий, 28, 45]. В целом, следовательно, Фабии проиграли. Однако — и это характерно для позиции сената — Сципиону не дали возможности набирать войска в Италии. Он должен был ограничиться призывом добровольцев и несколькими военными судами, которые имелись в Сицилии. Денег из государственной казны Сципиону также не дали; он должен был, следовательно, финансировать экспедицию, от которой зависела конечная победа и судьба Рима, из своих средств, а также прибегая к займам у частных лиц [Ливий, 28, 45—46; Апп., Лив. 7]. Сенат сделал все, чтобы максимально затруднить предприятие Сципиона.

Конечно, сенатская оппозиция Сципиону объяснялась не столько тем, что его «греческое изящество и слишком современные образование и взгляды были не по вкусу суровым и мужиковатым отцам города», и даже не сомнениями в его способности поддерживать дисциплину и подчиняться указаниям сената¹⁴⁷, и не только завистью старика Фабия к молодому Сципиону¹⁴⁸, а более глубокими причинами. Предполагают¹⁴⁹, что Фабий и его сторонники хотели только как можно скорее избавиться от Ганнибала, тогда как Сципион желал разгромить и Ганнибала, и самый Карфаген. Однако в действительности спор шел ведь только о последовательности действий, а вовсе не о целях войны. Не подтверждается традицией и другая концепция: будто Сципион и Фабий по-разному представляли себе будущее Рима. Считается¹⁵⁰, что Фабий представлял консервативные аграрные круги, стремившиеся окончить войну, залечить раны и, может быть, развивать Северную Италию, тогда как Сципион, чей горизонт был шире, полагал, что чисто итальянская политика уже отжила и Рим должен превратиться в средиземноморскую державу. Предположение о том, что Фабий отрицательно, в отличие от Сципиона, оценивал греческое влияние на Рим, вряд ли соответствует действительности. Показательно, что сразу же после Канн, когда влияние Фабия было наиболее значительным, римское правительство обратилось к дельфийскому оракулу, что миссия эта была возложена на одного из Фабиев, Пиктора, и что Пиктор писал свой исторический труд на греческом языке. В то же время Сципион обнаруживает не меньшую, чем Фабий, приверженность к религиозной староримской традиции. У нас нет также оснований думать, будто Фабий возражал или мог бы возражать против дальнейшего усиления Рима.

Борьба вокруг планов Сципиона была по сути своей одним из этапов длительной борьбы за власть между группировками Фабиев и Корнелиев. Репутация «единственного мужа», который своим промедлением спас Рим (так это выразил Энний [Энний, 370—372; см. также: Циц., Обяз., 1, 84]), была важным для Фабия козырем во внутривполитической борьбе, не говоря уже о том, насколько такая репутация почетна и важна была сама по себе. И Фабий, естественно, не желал, чтобы положение победителя Ганнибала приобрел и Сципион¹⁵¹.

Прибыв в Сицилию, Сципион начал интенсивную подготовку к экспедиции в Африку, и в частности, для того чтобы обеспечить благоприятное к себе отношение сицилийских греков, принял все меры к возвращению сиракузянам их имущества, которое они потеряли во время войны, но которое сенат постановил вернуть [Ливий, 29, 1]. Одновременно он послал в Африку с целью грабежа и для рекогносцировки Гая Лэлия. Лэлий ночью подошел к Гиппону Царскому, а наутро, выведя своих воинов и матросов на сушу, принялся опустошать окрестности [Ливий, 29, 3]¹⁵².

Перепуганные вестники сообщили в Карфаген, что в Африке уже появился римский флот под командованием Сципиона, и это известие произвело на правительство и народ Карфагена тяжелейшее впечатление. Перспектива бороться с римлянами на территории Африки в условиях, когда сами карфагеняне не имеют достаточной боевой выучки, нумидийцы либо уже стали врагами (Массанасса), либо готовились ими стать (Сифакс), действия Магона в Лигурии недостаточно эффективны, а Ганнибал в Брутиуме явно теряет силы, — эта перспектива приводила людей в смятение. Но делать было нечего. Карфагенский

совет решил ввиду угрожающей смертельной опасности провести спешную мобилизацию, укрепить город, свезти продовольствие, заготовить вооружение и послать корабли к Гиппону против римского флота. Все эти приготовления были в полном ходу, когда в Карфагене узнали, что в Африке высадился не Сципион, а Лэлий с войсками, силами которых можно было лишь разорить прибрежные территории, а не вести продолжительную войну, а тем более осаждать Карфаген [Ливий, 29, 4].

Итак, непосредственная опасность Карфагену пока не угрожала, и его правительство получило возможность принять еще и другие меры, рассчитанные на обеспечение военной и дипломатической поддержки, а также и на то, чтобы активизировать войну в Италии и заставить римский сенат сосредоточить свое внимание на итальянских делах. Карфагеняне направили к Сифаксу и другим соседним царям посольства для возобновления и закрепления союзнических отношений. К Филиппу V также прибыли карфагенские послы и предложили ему 200 талантов серебра, если он вторгнется в Италию или Сицилию. Но это было делом, в общем, бесполезным: Филипп вышел на какое-то время из игры. После длительной и с переменным успехом борьбы с антимакедонской коалицией в Греции он сумел заключить сепаратный мир с Этолийским союзом (206 г.), а затем достичь временного, как потом выяснилось, урегулирования с Римом (205 г.). Римляне по-прежнему оставались в Иллирии, поэтому о вторжении Филиппа V в Италию пока не могло быть и речи. И все же македонский царь не хотел разрывать окончательно своих дружеских отношений с Карфагеном — ведь они могли пригодиться в будущем — и послал своим

союзникам солдат, которые потом приняли участие в битве при Заме. Пройдет несколько лет, и римляне поставят этот поступок в счет заносчивому македонянину.

Принимали карфагеняне и чисто военные меры. По свидетельству Аппиана [Апп., Лив., 9], Гасдрубал, сын Гисгона, был отправлен на охоту за новыми боевыми слонами. По возвращении Гасдрубал собрал небольшой отряд из 6 000 пехотинцев, карфагенян и ливийцев, и 600 всадников; к ним он присоединил еще 2 000 всадников и, продолжая вербовать наемников, расположился лагерем вне Карфагена, на пути в Нумидию. В Италии карфагенские полководцы получили распоряжение всеми мерами задерживать Сципиона. Магону, кроме того, прислали 25 военных кораблей, 6 000 пехотинцев, 800 всадников и 7 слонов, а также в большом количестве денег для вербовки наемников; ему предписывалось переместиться к Риму и идти на соединение с Ганнибалом [Ливий, 29, 4; Апп., Лив., 9].

Но не только карфагеняне готовились к новому туру войны. Исключительную заинтересованность в дальнейшем ходе событий проявил Массанасса, рассчитывавший с помощью римлян восстановить свое положение в Нумидии. Когда Лэлий гнал взятый им полон, к нему явился Массанасса и стал настойчиво внушать римлянину, что Сципион должен как можно скорее высадиться в Африке, пользуясь тревогой и смятением в Карфагене, а также тем, что Сифакс, весьма ненадежный союзник, занят войнами с соседями. Он, Массанасса, хотя пока и изгнан из своего царства, готов тем не менее предоставить римлянам значительные вспомогательные войска — пехоту и конницу [Ливий 29, 4]. С тем Лэлий и отплыл в Сицилию [Ливий, 29, 5, 1]. Сципион с большим удовольствием

выслушал пересказанные ему Лэлием речи Массанасы. Он и его солдаты загорелись еще бóльшим нетерпением, однако римлян задерживали итальянские дела.

Положение в Италии складывалось следующим образом. На севере Магон Баркид, по распоряжению карфагенского совета, собрал сходку галлов и лигуров, заявил им, что желает освободить их от римлян, и даже получил для этого вспомогательные войска. Однако, чтобы успешно бороться с врагом, ему нужны еще новые и новые контингенты воинов. Галлы согласились оказать ему помощь тайно, опасаясь римского вторжения; лигуры обещали Магону через два месяца доставить своих солдат. Угроза наступления Магона становилась все более реальной. Чтобы ее парализовать, М. Ливий перешел в Галлию и там, объединив свою армию с армией Лукреция, приготовился напасть на Магона, буде он предпримет движение на Рим. Если бы Магон не начал активных действий, то и М. Ливий намеревался стоять около Аримина [Ливий, 29, 5].

То, что происходило в Северной Италии, не могло особенно тревожить Сципиона, тем более что там имелось достаточно сил для отпора карфагенянам. Значительно более важным он счел другое событие, которое дало ему возможность овладеть Локрами и еще больше сузить кольцо вокруг Ганнибала. Борьба вокруг Локр в 205 г. представляет исключительный интерес по многим причинам.

Локры были слишком важным для Ганнибала стратегическим рубежом, и угроза потерять их заставила его на какое-то время пробудиться от своего рода летаргического сна, в который он погрузился после битвы при Метавре. Здесь впервые Ганнибал и Сципион примеривались друг к другу, но здесь же Ганнибал предпочел уклониться от прямого столкновения. С другой

стороны, этот эпизод обнаружил подлинное содержание претензий Сципиона, который без колебаний вмешался в сферу компетенции своего коллеги (еще раз напомним, что Брутиум был провинцией Красса) и таким образом существенно ограничивал его власть. Наконец, в Локрах, пожалуй, с особенной силой обнаружились насильническая природа римского господства (в Сиракузах римляне могли ссылаться на законы войны, в Капуе — на необходимость осуществить карательные меры, но в Локрах «освободители»-римляне таких оправданий не имели) и фактическое нежелание римского правительства пресечь и покарать кровавую вакханалию убийств, грабежей и всякого рода надругательств над мирным населением, которую устроили его солдаты.

Все началось [Ливий, 29, 6—7] с того, что римляне во время одного из набегов захватили недалеко от Локр пленных и доставили их в Регию. Среди пленных были ремесленники, выполнявшие для пунийцев, засевших в Локрах, разнообразные поделки. Этих ремесленников узнали локрские изгнанники, покинувшие город, когда прокарфагенская «партия» сдала его карфагенянам, и с тех пор жившие в Регии. Начались обычные в таких случаях разговоры, и пленники подали своим собеседникам надежду на возвращение домой: если их выкупят из рабства, то они, живя в одном из двух локрских акрополей, смогут легко передать его римлянам. Перспектива, которую нарисовали локрские ремесленники, была не только чрезвычайно привлекательной, но и вполне реальной. Население Локр уже пресытилось насилиями и поборами со стороны карфагенского гарнизона, поэтому можно было вполне рассчитывать на его поддержку. Срочно выкупив пленных и отправив их домой, локрские изгнанники сообщили обо всем Сципиону, и тот немедленно распорядился, чтобы

военные трибуны Марк Сергей и Публий Матиен выступили из Регия к Локрам с отрядом в 3 000 пехотинцев и чтобы пропретор Квинт Племиний им помогал. В условленное время ночью римляне подошли к Локрам, а потом с помощью заговорщиков поднялись на стены, перебили спавших карфагенских часовых и проникли в один из акрополей. После короткой схватки на улицах карфагеняне бежали в другую крепость, захватить которую римляне уже не смогли. Теперь в одном акрополе сидел римский гарнизон под командованием Кв. Племиния, а в другом — карфагенский, который возглавлял Гамилькар; время от времени между ними происходили стычки.

Получив известия о происходящем, Ганнибал спешно двинулся в Локры, и римскому отряду стала угрожать серьезная опасность. Только поддержка местных жителей позволила римлянам удержаться до прибытия помощи. Сципион, услышав о движении Ганнибала, отправился к Локрам морским путем. Ганнибал, подойдя к р. Булот, отправил Гамилькару в Локры приказание, чтобы тот завязал сражение с Племинием; сам Ганнибал собирался во время боя ударить с тыла. Однако во время рекогносцировки у городских стен выстрелом из «скорпиона» (метательный механизм) был убит стоявший рядом с ним воин. Ганнибал приказал отступать. Последствия нерешительности Ганнибала не замедлили сказаться, Сципион получил необходимое время, чтобы подойти к Локрам, высадить своих солдат и войти в город. На другой день, когда Ганнибал подводил свою армию к стенам, чтобы начать штурм, ворота внезапно распахнулись, и из них во множестве появились римляне. Потеряв 200 человек, Ганнибал, узнавший, что Сципион находится в Локрах, увел

остальных в лагерь, а затем велел отступить. Гарнизону в Локрах он предоставил спасаться кто как может. Карфагеняне подожгли акрополь и присоединились к Ганнибалу.

В нашу задачу не входит описание дальнейшей судьбы Локр. Заметим только, что Сципион, казнив вожаков прокарфагенской «партии», велел горожанам отправить послов в Рим, чтобы сенат распорядился об их дальнейшей участи. В Локрах Сципион оставил гарнизон под командованием Племиния и уехал в Мессану. Владычество карфагенян теперь показалось локрийцам сладким сном. Римляне грабили и насиловали. Особое возмущение вызвало расхищение сокровищницы храма Прозерпины. Дело кончилось столкновением между самими римлянами, причем сначала по приказанию Племиния высекли розгами военных трибунов, а позже воины, находившиеся под командованием этих трибунов, избили Племиния и отрезали ему нос и уши. Сципион оправдал Племиния и оставил его комендантом, а трибунов приказал арестовать и отправить в Рим. Ободренный своей безнаказанностью, Племиний подверг трибунов пыткам, предал их казни и бросил без погребения. Так же он расправился и с теми гражданами Локр, которые пытались жаловаться на него Сципиону. Только сакральное преступление — разграбление храма Прозерпины — да еще факт солдатского бунта заставили сенат вмешаться. Племиний был арестован и умер в тюрьме [Ливий, 29, 8—9 и 16—22]. По другой версии [Апп., Ганниб., 55], Племиний был казнен. Надо сказать, что на реакцию сената оказала определенное влияние и открывшаяся в связи с преступлениями в Локрах возможность обвинить Сципиона [Ливий, 29, 19], однако представители горожан отказались поддерживать это обвинение [Ливий, 29, 21].

Лето 205 и зиму 205 — 204 гг. Сципион вел приготовления к африканской экспедиции, а в Карфагене готовились к обороне. Особенно важное значение для карфагенского правительства имел союз с Сифаксом, скрепленный династическим браком царя с Софонисбой, дочерью Гасдрубала, сына Гисгона [Ливий, 29, 23]. Под ее влиянием Сифакс отправил к Сципиону посольство: пусть римляне и карфагеняне воюют где-нибудь подальше от Африки, чтобы Сифакс не был вынужден становиться на чью-либо сторону. Если же Сципион вздумает переправиться в Африку, то Сифакс будет вынужден присоединиться к карфагенянам [там же]. Дион Кассий [фрагм., 64], вероятно, прав, когда пишет, что Сифакс, выдавая себя за друга карфагенян, в действительности просто не хотел, чтобы кто-нибудь из противников стал хозяином всей Северной Африки.

Посольство Сифакса, естественно, не заставило Сципиона изменить своих планов. Точных сведений о количестве пехотинцев и всадников, которыми он располагал, нет; различные авторы, сочинениями которых пользовался Тит Ливий [см.: 29, 25], дают цифры от 12 200 до 35 000. Стянув войска в Лилибей, Сципион погрузил их на 440 кораблей и приказал держать курс на Эмпорию. Высадились римляне, однако, у Прекрасного мыса [Ливий, 29, 27] и там на холмах разбили свой лагерь [Ливий, 29, 28]¹⁵³.

VI

Появление в Африке огромной римской армии во главе со Сципионом, хотя этого и ожидали давно, вызвало там жгучую тревогу и опасения за будущее.

Дороги заполнили толпы парода: люди уходили под защиту городских укреплений, пастухи угоняли скот. Положение Карфагена было достаточно сложным. Он не располагал на месте ни сколько-нибудь сильной армией, ни надежными полководцами. Единственный из них, Гасдрубал, сын Гисгона, стяжал известность главным образом тем, что проигрывал Сципиону одно сражение за другим. Поэтому, добавляет Тит Ливий [29, 28], как если бы Сципион намеревался сразу же идти к Карфагену, в городе призвали к оружию всех, кто мог сражаться, ворота заперли, на стенах и сторожевых постах расставили вооруженных стражей, всю ночь напролет бодрствовали, ожидая нападения. Однако Сципион отправил свой флот в Утику, несколько отошел от моря и расположился на холмах примерно в одной миле от Утики. Там с его постами столкнулись карфагенские всадники (1 000 человек), посланные в разведку, а также чтобы помешать римлянам сгружаться с кораблей. Несколько всадников погибли в сражении, многие были убиты при отступлении, и среди них командир отряда Ганнон [Ливий, 29, 29]. Сципион опустошил поля и занял один из ближайших ливийских городов. Однако наиболее существенным для интересов Сципиона было то, что в его лагерь прибыл Массанасса, как раз в этот момент ожесточенно боровшийся за власть над массилиями со своим родственником Лакумасой и его опекуном Макетуллом и потерпевший в этой борьбе сокрушительное поражение, ведущий жизнь предводителя полуразбойничьей бродячей шайки¹⁵⁴. Сципион получил желаемую возможность вмешаться в нумидийские дела и поставить у власти всем обязанного Риму и безусловно покорного царя.

Карфагеняне, потеряв сильный отряд всадников вместе с командиром, приняли меры к формированию нового кавалерийского соединения и во главе его поставили Ганнона, сына Гамилькара, который, продолжая вербовку наемников, главным образом среди нумидийцев, быстро довел численность своей команды до 4 000 человек и занял небольшой город Салэку примерно в 15 милях от Утики. Одновременно он призвал на помощь Гасдрубала, сына Гисгона, и Сифакса. Сципион решил прежде всего уничтожить пунийских кавалеристов в Салэке. По его приказанию Массанасса выманил Ганнона, сына Гамилькара, с его воинами из города, а затем, в самый разгар сражения, в дело вступили римские всадники и окружили карфагенян¹⁵⁵. Около 1 000 из них (и в этой группе Ганнон, сын Гамилькара) были отрезаны от своих и перебиты. Остальные пытались ускакать, однако во время бегства около 2 000 человек, в том числе не менее 200 собственно карфагенских всадников (по Орозию, 11 000 человек), погибли или попали в плен [Ливий, 29, 34; Орозий, 4, 18, 17).

Рассказывая об этом столкновении, Тит Ливий замечает, что не все авторы повествуют о гибели двух карфагенских военачальников, имена которых одинаковы, в двух кавалерийских сражениях, опасаясь совершить ошибку, дважды рассказав об одном и том же деле; к тому же Цэлий Антипатр и Валерий Антиат говорят не о гибели, но о пленении Ганнона [Ливий, 29, 35]. У самого Ливия, как можно видеть, была иная точка зрения (в своем изложении мы придерживаемся его версии), хотя он и не вступает в прямую полемику ни с этими историографами, ни с теми, чьих имен не называет. В нашем распоряжении нет источников, которые могли бы подтвердить

или опровергнуть ту или иную традицию. Факт, что использованное Ливием предание не было общепринятым, свидетельствует, во всяком случае, об одном: в римской анналистике существовали по этому поводу серьезные сомнения. По-разному говорили и о судьбе Ганнона. Однако можно, как нам кажется, привести некоторые аргументы в поддержку традиции, принятой Ливием. Обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что ход обоих сражений не совпадает между собой; Ливий подчеркивает, что оба Ганнона — разные люди: в первом случае он называет Ганнона «молодым» и не указывает его отчества, тогда как во втором дает отчество «сын Гамилькара». Совпадение личных имен обоих военачальников само по себе не может свидетельствовать о наличии так называемой редупликации традиции, если учесть исключительно широкое распространение у карфагенян, в том числе и в аристократических кругах, таких имен, как Ганнон, Гасдрубал, Гамилькар, Ганнибал¹⁵⁶.

Как бы то ни было, нанеся серьезный урон карфагенской коннице и позже, видимо, захватив г. Лоху [ср.: у Апп., Лив., 15], Сципион пока сосредоточил основное внимание на осаде Утики, которую он предполагал сделать основным своим опорным пунктом с моря и с суши. Все свои надежды граждане Утики возлагали только на помощь из Карфагена. Однако в Карфагене войск не было, а Гасдрубал, сын Гисгона, и Сифакс действовали не очень решительно. Гасдрубалу удалось нанять 30 000 пехотинцев и 3 000 всадников, однако он не решался приближаться к неприятелю до появления Сифакса. Нумидийский царь заставил себя долго ждать, но в конце концов подошел к Карфагену, ведя за собой 50 000 пехотинцев и 10 000

всадников. Оттуда быстрым маршем он двинулся к Утике. Прибытие Гасдрубала, сына Гисгона, и Сифакса заставило Сципиона снять осаду после сорокадневных безуспешных попыток овладеть городом [ср.: у Апп., Лив., 16] и отступить к зимним квартирам, которые он устроил на мысе, выступающем далеко в море и легко обороняемом [Ливий, 29, 35].

Пока в Африке происходили эти события, Ганнибал по-прежнему оставался в Брутиуме. Там ему противостоял один из консулов 204 года — Публий Семпроний Тудитан. Уже в начале кампании Тудитан решил навязать Ганнибалу сражение, и оно состоялось во время передвижений римской и карфагенской армий. Карфагеняне отбросили римлян, потерявших до 1 200 воинов, и заставили их вернуться в лагерь. На следующую ночь Тудитан снялся со стоянки и одновременно велел проконсулу Публию Лицинию Крассу присоединиться к нему со всеми его войсками. В новом сражении, где в первом ряду были выстроены легионы Тудитана, а во втором, образуя своего рода резерв, солдаты Красса, пунийцы не выдержали и побежали. Не завязывая еще одного боя, Ганнибал удалился в Кротон [Ливий, 29, 36].

На севере Италии Магон, насколько об этом можно судить, не предпринимал активных боевых операций, однако развил исключительную дипломатическую деятельность. Несомненно, в результате его подстрекательства почти вся Этрурия склонялась к выступлению против римского господства. Многие знатные этруски вступали в переговоры с карфагенским полководцем об отпадении от Рима и о совместных действиях в будущем [Ливий, 29, 36]. Интересно, что если применительно к югу Италии еще можно, хотя только до известной степени, говорить о демократическом

антиримском движении, то применительно к Этрурии конца III в. можно говорить об антиримском целиком аристократическом, как его изображает Тит Ливий, движении.

Причины, побудившие этрусскую аристократию проявить склонность к союзу с Карфагеном, очевидны. Здесь и надежда на избавление от римского господства, и воспоминания о давних дружеских отношениях и тесных политических и культурных связях с Карфагеном. Если бы заговор удался, на севере Италии возникла бы серьезная угроза Риму, которая, несомненно, могла заставить сенат отозвать из Африки Сципиона. Однако Марк Корнелий Цетег (консул, провинцией которого была Этрурия) судебными расправами удержал этрусские города в повиновении; многие заговорщики ушли в изгнание [Ливий, 29, 36].

Таким образом, в Италии ни Ганнибал, ни Магон не сделали или не смогли сделать ничего, что могло бы отвлечь внимание римлян от Африки, где ясно обозначился главный театр военных действий.

Зима 204 — 203 гг. была в Африке временем значительной военно-политической активности. Правда, известие Ливия, будто Сципион продолжал осаду Утики [30, 3], противоречит его же [29, 5] рассказу о прекращении осады и поэтому едва ли достоверно. Все же лагерь Сципиона находился недалеко от Утики, и она по-прежнему оставалась в угрожаемом положении. Однако и сам Сципион должен был считаться с присутствием армий Гасдрубала, сына Гисгона, и Сифакса, а также карфагенского флота, который пытался блокировать морские коммуникации Сципиона [Ливий, 30, 8]. С Сифаксом Сципион завел переговоры, рассчитывая перетянуть его на свою

сторону. Однако царь стоял на своем: пусть карфагеняне уйдут из Италии, римляне из Африки и между ними установятся дружественные отношения [ср.: у Апп., Лив., 17]. В свою очередь, Сифакс попытался заключить союз с Массанассой, обещая признать его царем массилив и отдать за него одну из своих дочерей [там же]. Из этих попыток Сифакса, как и следовало ожидать, ничего не вышло: союз со Сципионом сулил Массанассе гораздо больше выгод, чем мог ему предложить Сифакс. Для Сципиона предложения Сифакса также были совершенно неприемлемы. Не для того он организовывал трудную и дорогостоящую экспедицию в Африку, чтобы возвратиться без победы с миром, который не принес бы Риму никаких ощутимых преимуществ. Римский командующий продолжал контакты с Сифаксом уже только с одной целью — дать своим людям возможность беспрепятственно появляться в нумидийском лагере и тщательно изучить его расположение [Полибий, 14, 1, 1—13; Ливий, 30, 3].

Зимние квартиры карфагенян и нумидийцев были построены на скорую руку. Карфагеняне жили в наспех сколоченных из подручного материала деревянных помещениях, а нумидийцы — в тростниковых хижинах, разбросанных по всей территории лагеря, а иногда и вне укреплений [Полибий, 14, 1, 6—7 и 14—15; Ливий, 30, 3]. Однако Сципион тем временем отправлял вместе со своими послами к Сифаксу под видом погонщиков вьючного скота переодетых в рабскую одежду центурионов, которые осматривали неприятельский лагерь, выясняли расположение постов и порядок караульной службы, определяли расстояние между стоянками Сифакса и Гасдрубала, сына Гисгона. Никто им не мешал; переговоры шли своим

чередом. И нумидийцы, и карфагеняне, рассчитывая на установление в скором времени мира, ослабили бдительность. Между тем в один из дней, когда у Сципиона уже все было готово, римские послы заявили Сифаксу, что не могут явиться к своему командующему без определенного ответа; пусть царь примет решение. Если ему нужно посоветоваться с Гасдрубалом или с карфагенянами, пусть советуется; а вообще, пора уже или мир заключать, или воевать по-настоящему.

После совещаний Сифакса с Гасдрубалом (римляне использовали это время для того, чтобы проверить и уточнить собранные ими разведывательные данные) союзники дали Сципиону ответ. Ни Полибий, ни Ливий не говорят, каковы были их предложения. Ливий замечает только, что, думая, будто римляне жаждут мира, они включили в свой ответ наряду с прочим и явно неприемлемые условия. Однако все это было несущественно: Сципион хотел прервать переговоры и, очевидно, придрался к какому-то пункту, содержание которого мы не знаем. Царские послы внезапно для себя услышали, что Сципион доложил военному совету о результатах переговоров, но, несмотря на его старания, никто из членов совета не одобрил заключения мира; царь может рассчитывать на мир с римлянами, только если оставит карфагенян [Полибий, 14, 2, 5—14; Ливий, 30, 4].

Было бы, однако, несправедливым полагать, что карфагеняне, надеясь на мирный исход переговоров Сифакса со Сципионом, совершенно упустили из виду возможность возобновления военных действий. В этом случае предполагалось, что царь двинет свои войска в сторону Утики, а Гасдрубал — на лагерь Сципиона [Апп., Лив., 18]. Тем не менее провести в жизнь эти замыслы они не успели.

Начиналась весна, и Сципион, спустив на воду корабли, погрузил на них осадные и метательные орудия, чтобы создать у противника впечатление, будто он собирается подступить к Утике с моря. Одновременно он послал 2 000 воинов занять холм над Утикой, тот самый, который и раньше, до ухода на зимние квартиры, занимали римляне. Все эти меры должны были отвлечь внимание противника и, кроме того, предотвратить нападение из Утики на римский лагерь, когда там будет оставлен слабый гарнизон [Ливий, 30, 4].

Закончив приготовления, Сципион приказал в тот же вечер начать построение, и около первой стражи войска уже были готовы к походу. В полночь римляне подошли к расположению противника. Подчинив часть своих войск Лэлию и Массанассе, Сципион велел им поджечь нумидийцев. Огонь быстро охватил хижины, в которых спали солдаты Сифакса; выбегая, чтобы потушить пожар, люди попадали под удары воинов Массанассы. Многие гибли в постелях, многие во время беспорядочного бегства были раздавлены в узких воротах. Сципион подошел к зимним квартирам Гасдрубала. Когда там увидели пламя над стоянкой нумидийцев, когда слышали вопли раненых и умирающих, решили, что пожар возник случайно, и, безоружные, кинулись на помощь союзникам. Однако тех, кто выбежал за ограду, перебили римляне; Сципион тотчас же ворвался в ворота, оставленные без охраны, и поджег ближайшие постройки. Огонь мгновенно распространился на весь лагерь. Карфагенские воины метались в огненном кольце; тех, кто не сгорел заживо, убивали римляне. Ворота были завалены ранеными и умирающими людьми и животными [Полибий, 14, 4—5; Ливий, 30, 5; ср.: у Фронтин 2, 5, 29].

Аппиан [Апп., Лив., 19—22] иначе рассказывает об этом событии. По его словам, Сципион решился напасть на противника для того, чтобы предотвратить его выступление против распыленных по стране римских воинских частей; сначала римляне напали на лагерь Гасдрубала и подожгли его, а затем Массанасса атаковал Сифакса, который не помог союзникам, и заставил его бросить лагерь и бежать.

Как бы то ни было, одним решительным ударом в самом начале кампании 203 года Сципион уничтожил обе армии — Сифакса и Гасдрубала, сына Гисгона [ср. также: у Орозия, 4, 18, 18—19]. Правда, царь и пунийский командующий уцелели, однако вместе с ними спаслось от побоища только 2 000 пехотинцев и 500 всадников [Ливий, 30, 5]. И Карфаген, и Нумидийское царство очутились перед необходимостью в разгар кампании спешно восстанавливать свою способность к сопротивлению. Значение этого успеха римского оружия определялось в немалой степени еще и тем, что перед Массанассой открывалась реальная возможность не только восстановить свою власть, но и увеличить владения в Нумидии, что должно было привести к военно-политической изоляции Карфагена в Африке. Результаты победы Сципиона сказались незамедлительно: один из ближайших городов сдался римлянам, а два других легко были захвачены силой и разграблены. Гасдрубал, пытавшийся было укрыться в первом из них, ушел в Карфаген¹⁵⁷, а Сифакс занял укрепленную позицию в 8 милях от пожарища.

В Карфагене, едва узнав о пожаре и гибели армий Гасдрубала и Сифакса, решили, что теперь Сципион прекратит осаду Утики и двинется против самого Карфагена. Необходимо было срочно принимать решения,

и суффеты обратились к совету. На его заседании высказывались различные мнения. Одни предлагали начать со Сципионом переговоры о прекращении войны, другие — вызвать из Италии Ганнибала, третьи — воссоздать армию и убедить Сифакса продолжать войну. Это последнее мнение восторжествовало, и Гасдрубал и Сифакс спешно собрали новую армию, насчитывавшую почти 30 000 человек [Полибий, 14, 6; Ливий, 30, 7]. Скоро, однако, выяснилось, что эти меры далеко не достаточны.

Сципион, вернувшийся сразу же после разгрома неприятеля к осаде Утики, узнал, естественно, об этих приготовлениях и, оставив у стен Утики небольшие отряды, пошел со всей своей армией на встречу Гасдрубалу и Сифаксу. Сражение произошло на Великих Равнинах¹⁵⁸. Наспех собранные и плохо обученные, нумидийцы и карфагеняне бежали при первом же ударе римских легионов. Сопротивление оказал только отряд кельтиберских наемников, которые все до единого пали в бою [Полибий, 14, 8; Ливий, 30, 8]. Сципион поручил Лэлию и Массанассе преследовать Сифакса и Гасдрубала, а сам подчинил себе частью обещаниями, частью силой еще несколько окрестных городов [Полибий, 14, 9, 2—5; Ливий, 30, 9, 1], а затем, продвигаясь далее к Карфагену и ища наиболее благоприятную позицию, Тунет.

Опасность, угрожавшая Карфагену, становилась все более грозной. В этих условиях, в обстановке острой внутривосточной борьбы, карфагенское правительство после долгих и бурных споров решило отправить свой флот к Утике и там напасть на римлян, а также вызвать из Италии Ганнибала. Одновременно пунийские власти озаботились подготовкой города к осаде и

постановили рассмотреть вопрос о путях заключения мира. Очевидно, «партия мира» сумела настоять на принятии среди прочих и этого своего предложения [Полибий, 14, 9, 6—11, Ливий, 30, 9].

Морское сражение при Утике закончилось победой карфагенян, однако не такой решительной, как можно было бы ожидать, главным образом из-за того, что они дали Сципиону время и возможность подготовиться к бою [ср.: у Полибия, 14, 10, 9—11]. Аппиан [Лив., 25] вообще не считает, что Сципион потерпел поражение, а об уходе кораблей говорит позже и в другой связи [Апп., Лив., 30]. Пунийцы захватили несколько римских транспортных кораблей и увели их в Карфаген [Ливий, 30, 10].

После битвы на Великих Равнинах непосредственная борьба между Сципионом и карфагенянами приостановилась. Пунийцы ожидали Ганнибала, а Сципион использовал время для того, чтобы уничтожить Сифакса и утвердить в Нумидии власть Массанассы. После того как римляне без особого труда разгромили Сифакса в бою [ср.: у Ливия, 30, 11] и взяли царя в плен, Массанасса легко овладел Циртой и стал государем всей Нумидии [Ливий, 30, 12]. Ливий рассказывает [30, 12—15], что, влюбившись в Софонисбу, Массанасса женился на ней; когда же Сципион потребовал, чтобы среди других пленных он передал эту женщину римлянам, Массанасса ее отравил (ср. также: у Аппиана [Лив., 26—28], где, однако решающая роль в разгроме Сифакса приписывается самому Массанассе, который будто бы командовал всею экспедицией).

Победа Массанассы, разумеется, поставила Карфаген в еще более затруднительное, чем прежде, положение. Мало того, что он не располагал в Африке

сколько-нибудь надежной армией, а его наспех собираемые и почти не обученные войска терпели одно поражение за другим. Карфаген лишился единственного союзника и все свои надежды мог возлагать либо на прекращение войны, либо на прибытие армии Ганнибала. Ливий [30, 16] пишет, что теперь уже не слушали предлагавших воевать дальше и что именно под влиянием этих настроений в Тунет, куда Сципион вернулся из Нумидии, было направлено карфагенское посольство. Мы не знаем, насколько достоверно изображает римский историограф мотивы, которыми руководствовался карфагенский совет; Аппиан [Апп., Лив., 31] не исключает, что карфагеняне хотели всерьез договориться, однако, судя по дальнейшему развитию событий, совет хотел главным образом выиграть время. В лагере Сципиона появились члены совета 30-ти — высшего органа власти, который руководил всею политической жизнью Карфагена, и обратились к нему с униженной мольбой пощадить город, избавить его от разрушения и гибели. Сципион отвечал, что он явился в Африку не для заключения договоров; его цель — одержать победу над Карфагеном. Тем не менее Сципион не отказывается от мира и предлагает следующие условия: возвратить пленных, перебежчиков и рабов; вывести карфагенские войска из Италии и Галлии, отказаться от Испании, удалиться со всех островов между Италией и Африкой; выдать все военные корабли, кроме 20; передать римлянам пшеницы 500 000 и ячменя 300 000 модиев, а также деньги — по одним сведениям, 5 000 талантов, по другим — 5 000 фунтов серебра, по третьим — двойное жалованье воинам. Карфагеняне решили не отвергать этих требований, установить со Сципионом перемирие и отправить посольство в Рим.

Пока будут идти переговоры, Ганнибал сумеет переправиться в Африку, и тогда с римлянами можно будет говорить по-другому [Ливий, 30, 16].

В Италии к началу кампании 203 года обе карфагенские армии — Ганнибала и Магона Баркида — действовали (а более всего бездействовали) независимо одна от другой. Перед Магоном по-прежнему стояла задача прорваться на юг, на соединение с братом, и, насколько можно судить, он пытался это сделать. Во всяком случае, мы его застаем в Галлии, в стране инсумбров, где произошло решительное сражение между ним и римлянами, которыми командовали претор Публий Квинктилий Вар и проконсул Марк Корнелий Цетег. Поначалу ни римлянам, ни карфагенянам не удалось преодолеть сопротивления неприятеля. Когда Квинктилий ввел в дело конницу, Магон противопоставил ей слонов, и всадники потеряли власть над перепуганными лошадьми. Наконец, обе стороны бросили в бой пехотные резервы. Только нападение римских метателей дротиков на слонов привело к решительному перелому. Раненые животные обратились в бегство, и тогда снова в бой вступили римские всадники. Пунийцы начали отступать, Магон получил тяжелое ранение в бедро, и после этого отступление превратилось в паническое бегство [Ливий, 30, 18]. Эта неудача заставила Магона вернуться к морю, в Лигурию. Там он застал карфагенских послов с приказанием спешно отплыть в Африку: положение Карфагена не таково, чтобы продолжать борьбу за Италию и Галлию. По дороге, недалеко от Сардинии, Магон Баркид умер¹⁵⁹.

На юге Италии, в Брутиуме, города один за другим сдавались римлянам. Ганнибал еще пытался сопротивляться и насилием удержать своих союзников в повиновении [ср.: у Апп., Ганниб., 57]. Около Кротона произошла битва, ни ход, ни исход которой точно не известны; как раз в этот момент к Ганнибалу явились послы карфагенского совета, спешно призывавшего его на родину. Ганнибал не мог и, вероятно, не хотел скрыть того тяжелого чувства, которое охватило его при получении приказа отправиться в Африку. Ливий [30, 20] вкладывает в его уста горькие, хотя, вероятно, совершенно несправедливые обвинения, к которым восходит легенда о гениальном полководце, загубленном жадными торговцами и недалекими политическими противниками: «Теперь уже не обиняками, а явно отзывают меня те, кто уже давно побуждал меня покинуть Италию, не давая присылать подкрепления и деньги, так что победил Ганнибала не римский народ, столько раз битый и обращенный в бегство, но карфагенский совет недоброжелательством и завистью, и этому моему позорному возвращению не столько будет радоваться и им хвалиться Публий Сципион, сколько Ганнон, который, не имея других возможностей, похоронил наш дом под развалинами Карфагена». Несправедливость этих обвинений очевидна: на протяжении всей войны в карфагенском совете господствовали сторонники Баркидов — противники мира, направлявшие все усилия государства на борьбу с Римом, прежде всего на поддержку самого Ганнибала. Впрочем, карфагенянину приходили в голову и другие мысли: он горько упрекал себя в том, что после Канн сразу же не пошел на Рим. Разослав часть ненужных ему солдат в различные города Брутиума под предлогом несения

там гарнизонной службы и обреки их таким образом на верную гибель, ограбив союзников [Апп., Ганниб., 58], оставив также в Италии воинов италийского происхождения, которые отказались следовать за ним (укрывшиеся в храме Юноны Лацинийской, они были там перебиты [ср.: у Апп., Ганниб., 59; Диодор, 27, 9]¹⁶⁰), Ганнибал покинул Италию.

О том, как велись переговоры между представителями карфагенского совета и римскими властями, античная историография сохранила два предания, которые резко противоречат друг другу. В изображении Тита Ливия [30, 22—23], римско-карфагенские контакты выглядят следующим образом.

Затевая мирные переговоры со Сципионом, карфагенское правительство, как писал Тит Ливий, вообще не стремилось достичь положительных результатов. Эта его позиция стала очевидной в тот самый момент, когда послы, которых оно направило в Рим, предстали перед сенатом. В своей речи они пытались вопреки фактам доказать, что пунийские власти не виноваты в развязывании войны, что виноват во всем один только Ганнибал. Это он без приказанья совета форсировал Ибер и перешел Альпы. Это он на свой страх и риск начал войну сначала с Сагунтом, а потом и с Римом, а совет и народ Карфагена дружбу и союз с римским народом вообще не нарушали и просят, чтобы можно было сохранить мир на условиях, которые в последний раз были заключены с консулом Гаем Лутацием Катулом, иначе говоря, в конце I Пунической войны. Можно представить себе, насколько циничными и лживыми должны были показаться эти речи сенаторам, хорошо осведомленным и

о том, что в карфагенском совете господствовали сторонники Баркидов, и о том, что совет отказался дезавуировать Ганнибала, и что вообще Ганнибал действовал с одобрения совета, если и не по прямому его распоряжению. Дальше больше: сенаторы начали задавать вопросы, видимо, главным образом в связи с содержанием договора, на который послы ссылались. Послы же все время отвечали, что текста договора они не знают, не помнят. Наш источник объясняет такое их поведение непростительной молодостью, и этот факт, несомненно, должен был иметь свое значение. Юные посланцы, хотя бы и облеченные дипломатическими регалиями и соответствующим иммунитетом, едва ли могли иметь полномочия принимать те столь ответственные политические решения, которые им предстояли в Риме. Однако дело было значительно серьезнее; отправляя посольство в Рим и поручая ему настаивать на мирном урегулировании, которое подтвердило бы результаты I Пунической войны, карфагенское правительство (в изображении Тита Ливия) упустило одну деликатную подробность: оно не проинструктировало своих людей и не напомнило им хотя бы в общих чертах содержания договора, заключенного почти 40 лет назад с Гаем Лутацием. Не удивительно, что в сенате восторжествовало мнение Лэвина, который предложил удалить послов из Италии, под стражей доставить их на корабли, а Сципиону написать, чтобы он не прекращал войны.

В нашем распоряжении, однако, имеется, как уже говорилось, и другая версия, коренным образом отличающаяся от ливианской. Алпиан [Апп., Лив., 31—32] пишет, что обсуждение в сенате карфагенских мирных предложений выявило различные точки зрения. Одни сенаторы напоминали о вероломстве карфагенян, о

несоблюдении ими договоров, о злодействах Ганнибала в Испании и Италии, другие вели речь о мире, который Риму так же необходим, как и Карфагену: Италия опустошена столькими войнами, а будущее опасно, так как на Сципиона двинутся сразу 3 армии — Ганнибала из Южной Италии, Магона из Лигурии, а также армия из Карфагена, командиром которой Аппиан, в соответствии с принятой им традицией, называет Ганнона. Сенат не пришел к определенным выводам и, отправив к Сципиону советников, предложил ему окончательно все решить вместе с ними и поступить так, как он сочтет целесообразным. Сципион решил заключить мир. Он обязал карфагенян вывести армию Магона из Лигурии, не набирать наемников, не иметь более 30 боевых судов, не вмешиваться в чужие дела, ограничиваясь только своими владениями в пределах Финикийского Гва (то есть на границе собственно карфагенской территории), выдать римлянам военнопленных и перебежчиков, а также выплатить контрибуцию в размере 1 600 талантов. Массанассе гарантировалось господство над массилиями, а также над той частью владений Сифакса, которую он сумеет удержать в своих руках. Карфагенское правительство приняло эти условия, и его представители снова отправились в Рим принять клятву от консулов, а римские послы с аналогичной целью появились в Карфагене. Позже, когда договор был нарушен, римское правительство приказало послам покинуть Италию [Апп., Лив., 35].

Итак, перед нами вопрос: носили ли переговоры между карфагенскими и римскими властями деловой характер, каково было решение сената, был ли заключен мирный договор или же стороны не пришли к соглашению, да и не хотели его? К сожалению, до

нас не дошел рассказ Полибия о переговорах, поэтому судить об его содержании мы можем только по косвенным указаниям. Говоря о вероломстве карфагенян и о нарушении ими договоренности с римлянами, Полибий [15, 1, 2; ср. также: 9] пишет, что они преступили клятвы и договоры и что снова начинается война. Далее [15, 2, 2] он пишет, что большинство членов карфагенского совета «тяжело переносили» условия договора. Показательно, что и Ливий [30, 25], в своем дальнейшем изложении следуя за Полибием и рассказывая об антиримском выступлении карфагенян, утверждает, что преступление было совершено теми, кто просил мира и временного прекращения военных действий, и что нарушены были надежда на мир и верность перемирию. Наконец, Полибий [15, 4, 8] прямо говорит, что сенат и народ утвердили договор Сципиона с карфагенянами и удовлетворили их пожелания; то же самое упоминание о заключении договора и о принятии его римлянами и карфагенянами мы находим в речи Сципиона [Полибий, 15, 8, 7—8]. Можно, следовательно, прийти к выводу, что в утраченной части повествования Полибия говорилось о заключении мирного договора и что здесь Аппиан ближе к Полибию, нежели Ливий. С этим во многом совпадает и версия Диона Кассия — Зонары [Дион Касс., фрагм., 74—75; Зонара, 9, 13]: первоначально римляне вовсе не желали вести с карфагенскими послами мирных переговоров, заявляя, что не в обычае у них принимать послов и договариваться, пока вражеский лагерь находится в Италии. Узнав об уходе Магона и Ганнибала, сенат утвердил условия мирного договора. Диодор [27, 11] говорит о нарушении мира и договора. Заметка Евтропия [3, 21] также в основных чертах соответствует версии

Аппиана: сенат, приняв во внимание решение Сципиона, приказал заключить с карфагенянами мир. Сципион предложил условия, согласно которым пунийцы обязывались иметь не более 30 кораблей, уплатить 5000 фунтов серебра, выдать пленных и перебежчиков. Неизвестный нам, хотя явно работавший до Полибия историограф, фрагмент из сочинения которого сохранился [Пап. Р., 491] и переписан до 130 г., говорит о том, что римляне (?), отправив послов, принесли клятву, скреплявшую договор, и освободили пленных. Далее рассказывается, по всей видимости, следующее: сенаторы поверили тем, кто ловко уклонился от принесения клятвы, и вместе с пунийцами, возвращавшимися на родину, отправили в Африку свою миссию, которая была уполномочена принести клятву за римское правительство и, в свою очередь, принять клятву от карфагенских властей.

Римляне прибыли в лагерь Сципиона; пунийская делегация вернулась в Карфаген и доложила согласованные обеими сторонами условия мира. От дальнейшего повествования сохранился лишь небольшой фрагмент, из которого ясно, что карфагенский совет отказался принести клятву и объявил о своем намерении продолжать войну¹⁶¹. Тенденция рассказчика [Пап. Р., 491] очевидна. Он стремится показать, что карфагеняне обманули простодушных и доверчивых римских сенаторов: они, ведя переговоры о мире и добившись согласия римской администрации четко сформулировать условия прекращения войны, тем не менее не скрепили договор клятвой и, следовательно, сорвали его заключение. Эта концепция, яркими красками рисуящая миролюбие римлян и их верность слову на фоне коварства и воинственных устремлений карфагенян, имела, конечно,

первостепенное значение для Рима, когда в середине II в. шли споры о будущем Карфагена и после 149 г. нужно было объяснять и оправдывать уничтожение этого города.

Версия Ливия, таким образом, стоит в античной историографии изолированно. В пользу варианта, сохраненного с наибольшей полнотой Аппианом, свидетельствуют, по-видимому, и авторитетнейшее указание Полибия, и единодушные указания других авторов, повествующих об интересующем нас эпизоде. Различия в деталях в данном случае несущественны.

Однако проблемы такого рода не могут решаться большинством голосов, в том числе и большинством голосов античных историографов. Едва ли можно сомневаться в том, что версия, принятая Аппианом, была хорошо известна Ливию, тем более что она имела уже у Полибия. Очевидно, римский историограф сознательно воспользовался другой, собственно римской традицией, которую он считал более достоверной. Видимо, эта традиция больше удовлетворяла его и своим политическими мотивами. Почему?

Рассматривая оба повествования, нельзя не заметить их резкой антикарфагенской направленности, причем версия Аппиана еще более политически заострена, нежели вариант Ливия. И в том и в другом случае карфагеняне выступают как вероломные разрушители: по Аппиану — мирного договора, а по Ливию — перемирия. Очевидно, политическая тенденция интересующих нас традиций определяется внутриримской борьбой, и в связи с этим неизбежно возникает вопрос о роли Сципиона и сената, об их взаимоотношениях, как они проявились в данном случае.

Из традиции Аппиана и примыкающих к ней повествований очевидно, что сенат и Сципион действуют в

полном единодушии, что сенат поступает в соответствии с предначертаниями Сципиона и поручает Сципиону довести переговоры до их логического завершения. У Ливия все обстоит иначе. Сципион принимает решение о заключении мира и формулирует его условия. Однако сенат, убедившись, что намерения карфагенян несерьезны, прерывает переговоры и приказывает продолжать войну, не считаясь с позицией Сципиона. Такое положение кажется вполне естественным, если принять во внимание напряженные взаимоотношения между Сципионом и сенатом, по крайней мере с многочисленными сторонниками Фабиев. С другой стороны, привлекает внимание роль, которую обе традиции приписывают Сципиону. У Аппиана Сципион — военачальник, диктующий неприятелю условия мира. Причем неприятель этот мир принимает, а нарушение его — следствие вероломства и недовольства со стороны определенных кругов карфагенского общества. У Ливия Сципион — политик, обманутый своими пунийскими контрагентами, оказавшийся не в состоянии распознать довольно элементарную хитрость, легко разоблаченную сенатом. Нетрудно понять, что Полибия, связанного со Сципионами, могла устраивать только первая версия. Выбор же Ливия определялся его политическими симпатиями и антипатиями. «Помпеянец» (по оценке Августа) Ливий, глубоко симпатизировавший республиканским порядкам, отрицательно относившийся к Цезарю, естественно, представляет «божественного» Сципиона в невыгодном освещении.

Установив наличие двух политически противоположных версий — благоприятной Сципиону и враждебной, мы еще не приблизились к решению основной проблемы: насколько версии эти достоверны.

Очевидно, ответить можно только одним способом — попытаться выяснить, до какой степени оба рассказа соответствуют известным в настоящее время фактам.

Мы уже говорили, что рассказ Ливия соответствует тому, что известно о борьбе между Сципионом и сенатом, где видную роль в тот момент и в последние годы II Пунической войны и после ее окончания играли Клавдии, Фульвии и Фабии. Повествование же Аппиана не соответствует тому, что мы знаем об этом. С другой стороны, Сципион, конечно, был заинтересован в заключении мира, дабы предстать перед сенатом и народом в роли победоносного полководца, принудившего опаснейшего врага к капитуляции. Между тем сенат еще не был настолько заинтересован в мире, чтобы поручать его заключение именно Сципиону. Не случайно у Сципиона неоднократно пытались отнять должность, не случайно и то, что в роли единственного спасителя Рима у поэта Энния фигурировал старик Фабий. Сенату нужен был мир, но заключенный не Сципионом, а кем-либо другим. Легко себе представить поэтому, что сенат, обнаружив некомпетентность карфагенских послов, придрался к случаю и приказал Сципиону продолжать войну. Наконец, карфагенский совет, в основном пробаркидский, даже и в более тяжелых условиях, после битвы при Заме, не был склонен к заключению мира. В этой связи еще раз напомним слова Полибия [15,2,2] о враждебной Сципионовым условиям мира позиции большинства членов совета. Нетрудно видеть, что, ведя переговоры, они хотели выиграть время; труднее допустить, что при таких обстоятельствах, когда еще не были исчерпаны все возможности, они всерьез желали мира. Все эти соображения приводят к мысли, что более прав Ливий

и что мирные переговоры были сорваны и карфагенским советом, и римским сенатом¹⁶².

Однако любое решение сената для карфагенского совета являлось безразличным. Главная цель была достигнута: Ганнибал получил время, необходимое для того, чтобы переправиться в Африку.

Появлению Ганнибала в Африке предшествовали и другие, более драматичные события, показавшие, что в Карфагене вообще не склонны считаться с перемирием. Все началось с того, что карфагеняне захватили римские транспортные корабли, потерпевшие крушение у Эгимур, недалеко от самого Карфагена, и покинутые командой [Ливий, 30, 24]. Аппиан [Лив., 34] добавляет чрезвычайно существенные подробности: тех членов экипажа, которых удалось захватить, карфагеняне заковали в цепи; карфагенский совет всячески старался удержать народ от этого шага. Имеются в виду, очевидно, сторонники мира. Сроки перемирия еще не истекли, карфагенские послы из Рима еще не вернулись, и Сципион, возмущенный бесцеремонным нарушением соглашения, которого сами же карфагеняне так настойчиво добивались, отправил в Карфаген своих послов — Луция Бэбия, Марка Сервилия (у Полибия — Сергия) и Луция Фабия. На заседании карфагенского совета, а затем и в народном собрании римляне напомнили пунийцам о том, с какой униженной покорностью они добивались мира. Карфагеняне самих себя обвиняли перед римским командованием в том, что первые нарушили договор между Римом и Карфагеном, и признавали себя достойными любой кары; напоминая о превратностях судьбы, они молили только о пощаде. Римские полководцы хорошо все это помнят и теперь с изумлением спрашивают себя, на

что надеются карфагеняне, забывая прежние речи, осмеливаясь нарушить клятвы и договоры. Надежды на Ганнибала очень сомнительны, потому что он ушел из Италии, едва избегнув полной гибели; но даже если бы он явился в Африку победителем, то принимать в расчет следовало бы и возможность неудачи в битве со Сципионом. Если вас постигнет несчастье, к каким богам вы будете взывать, говорили послы, какими словами будете умолять победителя о снисхождении к вашим бедствиям? Своим вероломством и безумием вы отняли у себя всякую надежду и на богов, и на людей [Полибий, 15, 1, 5—14].

Большинство членов карфагенского совета резко выступали против соглашения с римлянами. Голоса немногих ораторов, призывавших не отказываться от достигнутого урегулирования, тонули в потоке брани, обрушившейся на послов за их речи, по-военному бесцеремонные, и на условия мира, предложенные Сципионом и для Карфагена совершенно неприемлемые [Полибий, 15, 2, 2]. Возбуждение было настолько велико, что римляне чуть было не подверглись избиению, и магистраты (по Аппиану [Лив., 34], главы антибаркидской партии Ганнон и Гасдрубал Гэд, то есть Козел) едва вырвали их из рук разъяренной толпы. Ни о каких переговорах уже не могло быть речи, да и народное собрание карфагенян постановило отпустить римскую дипломатическую миссию без ответа [Полибий, 15, 2, 4]; по версии Полибия [15, 2, 1], послы, произнеся речь, удалились с народного собрания. Бэбий и его товарищи требовали теперь только одного: чтобы им дали охрану и возможность беспрепятственно возвратиться к своим. В сопровождении двух карфагенских триеров они достигли устья р. Баграда, откуда уже виден

был римский лагерь, однако затем, когда пунийский эскорт удалился, на римскую пентеру, где находились послы Сципиона, с открытого моря напали 3 неприятельские квадриемы, и римляне спаслись, только выбросившись на берег [Полибий, 15, 2, 14 — 15; Ливий, 30, 25]. Аппиан [Лив., 34] даже говорит, что большинство послов были убиты, но исходная версия имела в виду, очевидно, судьбу команды корабля. Перемирие, таким образом, было сорвано, однако Сципион не захотел применять насилие к карфагенским послам, вернувшимся из Италии, и дал им возможность беспрепятственно добраться до их родного города [Полибий, 15, 5, 9 — 10; Ливий, 30, 25; Апп., Лив., 35; Диодор, 27, 12]¹⁶³.

Возвращение послов вызвало в Карфагене новый взрыв политической борьбы. Сторонники прекращения войны настаивали на возобновлении переговоров, к которым, казалось, открывал путь любезный жест Сципиона, однако народ не последовал этим призывам. Он все свои надежды возлагал на Ганнибала [Апп., Лив., 35].

Между тем Ганнибал уже заканчивал свое плавание. Приближаясь к берегам Африки, он велел какому-то моряку залезть на мачту и посмотреть, куда обращен нос корабля; узнав, что впереди видно разрушенное погребение, он счел это за неблагоприятное предзнаменование, приказал взять курс на Лептис и там сошел на берег [Ливий, 30, 25; Орозий, 4, 19, 1]¹⁶⁴.

По-видимому, именно в Лептисе, а не в Хадрумете, как пишет Аппиан [Лив., 33], Ганнибал устанавливал контакты с нумидийскими племенами — арсакидами и масайсилиями (сын и преемник Сифакса — Вермина, еще остававшийся хозяином над частью их земель, присоединился к нему, однако в битве при

Заме, вероятно, не участвовал); отсюда он руководил и захватом городов, принадлежавших Массанассе. Среди нумидийских властителей, перешедших на сторону Ганнибала, Аппиан [Апп., Лив., 33] называет и Месотила (по Ливию [29, 29–30], Масэтул), одного из активнейших участников борьбы за власть над Нумидией. По свидетельству Фронтин [3, 6, 1], Ганнибал сразу же по возвращении привлек на свою сторону и занял много ливийских городов. Для того чтобы овладеть ими снова, Сципион решил симулировать испуг и бегство. Ганнибал начал преследование и вывел из городов свои гарнизоны; пока он без видимого результата гонялся за Сципионом, Массанасса легко захватил эти пункты.

Кампания 202 года началась с того, что Ганнибал выступил из Лептиса по направлению к Хадрумету, а Сципион занял своими отрядами сухопутные подступы к Карфагену. Это известие заставило Ганнибала¹⁶⁵ ускоренным маршем двинуться к Заме (находилась в пяти днях пути от Карфагена), а вперед отправить разведчиков [Полибий, 15, 5, 3; Ливий, 30, 29]. Когда разведчики Ганнибала попали в руки римских сторожевых постов, Сципион дал им возможность беспрепятственно осмотреть лагерь: сопровождавшие их военные трибуны должны были показать им все, что они пожелают; затем, призвав этих лазутчиков к себе, Сципион расспросил, все ли им удалось осмотреть, и отправил их к Ганнибалу [Полибий, 15, 4–7; Ливий, 30, 29; Апп., Лив., 39; Вал. Макс, 3, 6, 1]. Такое утонченное издевательство, которое мог позволить себе только сильный противник, уверенный в победе, произвело большое впечатление на Ганнибала, уже давно жившего под тягостным впечатлением непрерывных катастрофических

неудач; к тому же он узнал, что к Сципиону еще явился Массанасса с 6 000 пехотинцев и 4 000 всадников. Ганнибал решил возобновить переговоры и обратился к Сципиону с просьбой о личном свидании. Ливий, не принимая и не отвергая, приводит также рассказ Цэлия Антипатра, будто, потерпев поражение в бою, Ганнибал явился к Сципиону в качестве посла; наиболее достоверна, по-видимому, та версия, которой следует сам Ливий. Встреча состоялась недалеко от Нараггары, однако ни к чему не привела. Ганнибал предложил отдать Риму все карфагенские владения за пределами Африки; Сципион требовал еще дополнительных уступок (по версии Полибия, безусловной капитуляции); и на этом обмен мнениями был прерван [Полибий, 15, 5, 8—8, 14; Ливий, 30, 29—32; ср.: у Апп., Лив., 39]¹⁶⁶.

На следующий день у Замы (по Аппиану [Лив., 40], при Килле) состоялось генеральное сражение¹⁶⁷. Сципион построил свою армию не сплошным фронтом, а отрядами, между которыми были оставлены проходы, по которым в случае надобности могли идти боевые слоны. На левом фланге под командованием Лэлия он поместил италийских всадников, на правом — нумидийскую конницу Массанассы. Проходы между отрядами тяжеловооруженных пехотинцев он заполнил легковооруженными солдатами, которые должны были при появлении слонов убежать в тыл или примкнуть к ближайшим отрядам. Животные, двигаясь по этим живым коридорам, попали бы под перекрестный обстрел дротиками [ср.: у Апп., Лив., 41]. Ганнибал перед своими войсками поставил 80 слонов, за ними вспомогательные отряды лигуров, галлов, балеаров и мавров, во втором ряду — карфагенян, ливийцев и небольшую группу македонян, которых наконец-то прислал на помощь

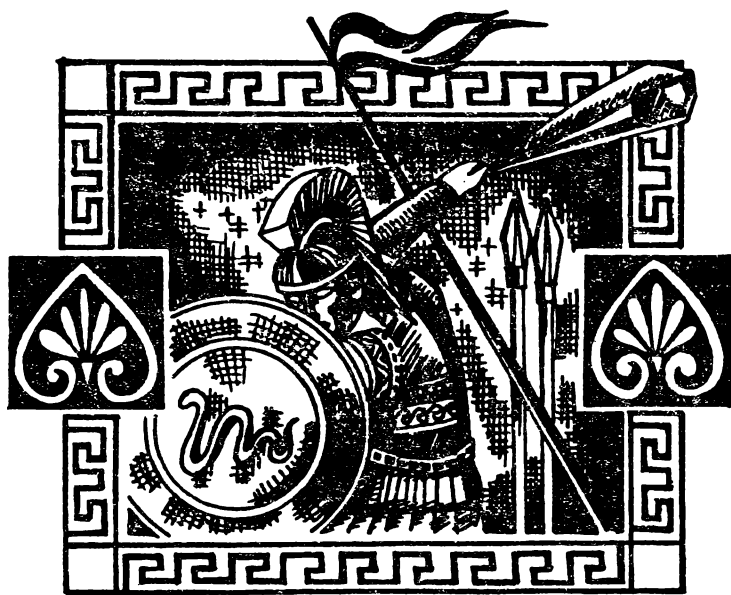
Филипп V [ср.: у Ливия, 30, 26], за ними — отряды италиков, большей частью брутиев, вынужденных навсегда покинуть родную землю [Ливий, 30, 33; Апп., Лив., 40; Фронтин, 2, 3, 16], и, наконец, на правом фланге карфагенскую, а на левом — нумидийскую конницу.

Битва началась с того, что римляне своим криком, сигналами труб и рожков перепугали слонов, и они, уж в который раз, обратились против своих, главным образом против стоявших на левом фланге мавров и нумидийцев. Туда же направил свой удар и Массанасса. Те немногочисленные животные, которые устремились на врага, попали под удары римских дротиков и в конце концов повернули направо, против карфагенских всадников, куда двинул свою конницу и Лэлий. Уже при первом столкновении римляне потеснили неприятеля и начали безостановочно продвигаться вперед. Второй ряд карфагенян стал отступать, бросив свои вспомогательные части без поддержки, и дошло до того, что между теми и другими начались стычки; в конце концов вспомогательные части Ганнибала были отброшены на фланги. После этого римский натиск несколько ослаб, и тогда Сципион, убрав раненых, ввел в дело копейщиков и триариев, т.е. основные резервы. Сражение возобновилось, а тем временем Лэлий и Массанасса напали на карфагенскую пехоту с тыла, и карфагеняне побежали. По данным Ливия, в этом бою погибло более 20 000 карфагенян и их союзников, столько же попало в плен (по Полибию, более 10 000); римляне, по явно преуменьшенным данным, потеряли несколько более 1 500 человек. Сам Ганнибал с небольшим отрядом всадников бежал в Хадрумет [Полибий, 15, 9—14; Ливии, 30, 32; ср.: у Апп., Лив., 42—46, где ход сражения изображен несколько иначе].

Это был конец.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

**ГАННИБАЛ ВО ГЛАВЕ
КАРФАГЕНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА**

I

После битвы при Заме карфагенское правительство не могло больше надеяться на благоприятный поворот событий. Помощи ждать было неоткуда; единственная боеспособная армия, которой Карфаген располагал, во главе с талантливейшим и искуснейшим полководцем была полностью разгромлена. Сам Ганнибал тоже потерял надежду, и, когда его срочно вытребовали из Хадрумета на родину [Ливий, 30, 35]¹⁶⁸, он возвращался туда с единственным намерением — во что бы то ни стало и на любых условиях заключить мир.

Это была нелегкая задача. Те группировки карфагенского общества, которые все время шли за Ганнибалом, за Баркидами, которые поддерживали политику военных авантюр, направленную на ниспровержение Рима, — эти группировки не считали даже теперь войну проигранной и требовали, несмотря ни на что, продолжать борьбу до победы. С другой стороны, в римском лагере очень хотели (и одно время это желание разделял и сам Сципион) завершить войну осадой и уничтожением Карфагена. Действия Сципиона, казалось, отвечали именно этой цели: разграбив немедленно после победы лагерь противника, он отправил Лэлия в Рим доложить о блестящем успехе и, сначала сосредоточив свои легионы возле Утики, послал их оттуда под командованием Гая Октавия прямым путем к Карфагену; сам Сципион повел свой флот, усиленный новыми подкреплениями, к карфагенской гавани. Сципион принял, таким образом, меры, чтобы

блокировать Карфаген с моря и с суши. Однако во время плавания ему повстречался корабль с карфагенскими послами — первыми лицами в государстве. Во главе посольства стояли руководители антибаркидской «партии» Ганнон и Гасдрубал Гэд [Апп., Лив., 49]. Ганнибал добился того, что совет решил всерьез просить мира у победоносного неприятеля.

Сципион не пожелал разговаривать с послами и велел им прибыть в Тунет, куда он собирался переместить свой лагерь. По дороге римское командование получило известие, что на помощь Ганнибалу идет Вермина, сын Сифакса с конницей и пехотой; решительным ударом Сципион уничтожил врага; сам Вермина бежал. Наконец римляне подошли к Тунету, куда явились и карфагенские послы — совет 30-ти в полном составе.

Члены военного совета римской армии, которые должны были решить вопрос, продолжать ли войну или заключать мир, склонялись, как сказано, к тому, чтобы разрушить Карфаген. Остановило их только одно обстоятельство: город нельзя было взять без длительной осады, а для такого предприятия нужны были дополнительные воинские контингенты, которыми Сципион не располагал [Ливий, 30, 36]. Возможно, что на его последующие действия известное влияние оказали события в Риме. Сципион, вероятно, хорошо знал, сколько жадных и завистливых рук протягивалось, чтобы вырвать у него лавровый венок победителя. Он не мог не знать, например, что, когда Ганнибал покинул Италию, консул Гай Сервилий, будто бы преследуя уходящего противника, переправился в Сицилию, чтобы потом двинуться в Африку, и понадобилось назначить диктатором Публия Сульпиция только для того, чтобы вытребовать консула обратно в Рим

[Ливий, 30, 24], или что консулы 202 года Марк Сервилий Гемин и Тиберий Клавдий Нерон добивались назначения им Африки в качестве провинции, и только решение народного собрания сохранило ее за Сципионом [Ливий, 30, 27]. Пройдет еще год, и консул 201 года Гай Корнелий Лентул снова потребует себе Африку, пока еще мир не заключен и ведутся переговоры [Ливий, 30, 40; Апп., Лив., 56]. Знал Сципион и о том, что старый недоброжелатель, Фабий, настойчиво предлагал отозвать его уже после первых побед в Африке, ибо, говорил бывший диктатор, столько счастья и удачи боги не дают одному человеку [Плут., Фаб., 26]. Нужно было торопиться¹⁶⁹ ...

Сципион предложил следующие условия мира: карфагеняне останутся свободными и будут жить, пользуясь собственными законами. Они сохраняют под своей властью города и земли в тех пределах, которые существовали до войны (очевидно, имелась в виду только территория Африки. По Аппиану [Лив., 54], до Финикийского Рва), и римляне перестанут эти области разорять. Всех перебежчиков, беглых рабов и военнопленных пунийцы выдадут римским властям. Все боевые корабли, кроме 10 триер, они передадут римлянам. Им же передадут они и всех прирученных слонов и не будут приручать новых. Ни в Африке, ни за ее пределами карфагеняне не будут воевать без согласия римского народа¹⁷⁰. Они возвратят Массанассе его имущество и владения в тех пределах, которые тот им укажет, и заключат с ним союз. До возвращения послов из Рима, т.е. до окончательного урегулирования, Карфаген будет содержать римские войска в Африке, в течение 50 лет он выплатит контрибуцию в размере 10 000 талантов. Кроме того, Карфаген должен был дать Сципиону по его выбору заложников — 100 человек (по Аппиану

[Лив., 54], 150) не моложе четырнадцати и не старше тридцати лет. Наконец, Сципион потребовал, чтобы карфагеняне вернули транспортные суда, вероломно захваченные ими во время предыдущего перемирия [Полибий, 15, 18; Ливий, 30, 37; Дион Касс., фрагм., 82].

Мир, продиктованный Сципионом, был исключительно тяжелым, и дело здесь не в материальных или территориальных потерях, которые карфагеняне так или иначе могли бы компенсировать. Провозглашая на словах независимость и суверенитет Карфагена, Сципион существенно ограничивал именно его суверенные права и тем ставил Карфаген в прямую зависимость от Рима в наиболее важном вопросе — объявлении войны и заключении мира. В варианте, который приводит Аппиан [Лив., 54], речь идет об абсолютном категорическом запрещении вести войну независимо даже от позиции Рима. Но этого мало. Утрачивая свое положение великой державы, Карфаген оказывался связанным по рукам и ногам в борьбе с любым возможным противником. Сципион не предусмотрел каких-либо условий политического урегулирования между Карфагеном и Массанассой, а в переговорах между ними о союзе, которые он Карфагену навязал, ставил его в невыгодные условия. Пределов appetитов Массанассы установить никто, кроме римлян, не мог, а римляне не хотели. Возникла взрывчатая ситуация, используя которую римское правительство обретало возможность постоянно вмешиваться в африканские дела, выступая в роли арбитра и одновременно высшей инстанции при решении любых спорных вопросов, а также при желании отнять у Карфагена какие-то территории. Правда, усиливая Массанассу, Рим выращивал в

Африке для себя и нового потенциального врага, что позже и сказалось во время Югуртинской войны, однако эта перспектива была слишком неопределенной и, по-видимому, даже не приходила Сципиону в голову. Своей основной и даже единственной задачей он считал всемерное ослабление и подчинение Карфагена.

Однако Ганнибал, которого Ливий [30, 36] называет инициатором переговоров, не видел другого выхода. Ему было ясно, что продолжать войну в данный момент Карфаген не может, что, сохранив свое существование, он сумеет восстановить силы, а тогда можно будет попытаться переиграть войну и добиться реванша. Поэтому все свое влияние он употребил на то, чтобы убедить сограждан принять римские условия. При этом он парадоксальнейшим образом выступал против тех, на кого привык опираться. Торговцы и ремесленники («рыночная толпа», по выражению Аппиана), опасаясь потерять все, что они имели, требовали продолжать войну, угрожали грабить магистратов, отдающих римлянам хлеб, вместо того чтобы разделить его между гражданами. Они не желали слушать даже Ганнибала [Апп., Лив., 55], и полководец, не привыкший к возражениям, на какое-то время потерял выдержку. Дело дошло до того, что, когда некий Гисгон при стечении огромной толпы принялся рассуждать о неприемлемости мира, Ганнибал с солдатской бесцеремонностью стащил его с трибуны. Он тут же опомнился и долго извинялся перед собравшимися, объясняя свой поступок военными привычками и незнакомством с нравами и обычаями городской жизни, а потом внушал той же аудитории, почему договор, до такой степени невыгодный Карфагену, надлежит все же принять [Полибий, 15, 19; Ливий, 30, 37]. Этот случай

запомнили, и, может быть, именно несдержанность Ганнибала оказала решающее влияние на совет и народное собрание. Делать было нечего: транспортные суда и людей возвратили римлянам, за то, что пропало, заплатили. И карфагенские послы в сопровождении Луция Ветурия Филона, Марка Марция Раллы и Луция Корнелия Сципиона, брата командующего, отправились в Рим [Ливий, 30, 37 — 38]¹⁷¹.

В отличие от предыдущего, в карфагенском посольстве теперь участвовали знатнейшие и влиятельнейшие лица, и в том числе противники Баркидов, а следовательно, всегдашние сторонники мира с римлянами. Среди них был и Гасдрубал Гэд. Уже этот подбор показал сенату, что на сей раз карфагеняне действительно хотят мира. Во время переговоров произошел любопытный эпизод.

Один из сенаторов спросил Гасдрубала, свидетельством каких богов пунийцы скрепят договор, если тех, кого призывали раньше, обманули. «Тех же самых, — отвечал Гасдрубал, — которые были так враждебны к нарушителям соглашений». В конце концов и сенат решил поручить Сципиону окончательно заключить мир на условиях, которые он сочтет подходящими. Римляне теперь были настроены в высшей степени примирительно: карфагенские послы просили разрешить им выкупить 200 пленных из знати, а сенат велел доставить их в Африку и там после успешного завершения переговоров отпустить без выкупа [Ливий, 30, 42 — 43].

Наконец, уже в лагере Сципиона, мирный договор¹⁷² был скреплен подписями и печатями (201 г.). Карфагеняне выдали Сципиону свои боевые корабли (как говорили, 500), а также слонов, перебежчиков, беглых рабов и пленных. Корабли римский командующий

приказал сжечь в непосредственной близости от Карфагена, перебежчиков-латинян обезглавить, римлян — распять на кресте [Ливий, 30, 43]. II Пуническая война, развязанная Гамилькаром Баркой, его зятем Гасдрубалом и его сыном Ганнибалом, завершилась победой римского оружия.

II

Заключение мирного договора, которого Ганнибал так настойчиво добивался, знаменовало собой полное крушение всех его грандиозных планов и честолюбивых замыслов. Победителей не судят, но, побежденный, он не мог не выглядеть в глазах своих сограждан главным виновником всех бедствий, постигших Карфаген. Противники Баркидов могли с торжеством указывать на то, что политические прогнозы Ганнона, призывавшего еще во время осады Сагунта воздержаться от войны, полностью оправдались. Что такие речи раздавались, в этом не может быть ни малейших сомнений, и Ганнибал ринулся в борьбу за власть.

Мог ли пунийский полководец рассчитывать на чью-либо поддержку? Безусловно. Соотношение сил и группировок в Карфагене не изменилось. В Карфагене по-прежнему сохранились влиятельнейшие круги — купцы и ремесленники, — заинтересованные в торговой экспансии и, следовательно, в установлении карфагенского господства на торговых путях. Известно, что в период между II и III Пуническими войнами карфагенские купцы вели операции не только в странах Средиземноморья, но и в Причерноморье¹⁷³, а также в «стране ароматов», то есть где-то на путях в Индию¹⁷⁴. С именем Ганнибала прочно связывали идею реванша,

и именно это привлекало к нему всех, кто не хотел мирного договора, кто рвался в бой.

На первых порах основным объектом политической борьбы стал вопрос о виновниках поражения. В нашем распоряжении имеется хотя и испорченный, но, бесспорно, реконструированный фрагмент Диона Кассия [фрагм., 86; ср. также: у Зонары 9, 14], согласно которому Ганнибал был привлечен на родине к суду за то, что не пожелал овладеть Римом и присвоил добычу, захваченную в Италии. За этим сообщением определенно просматривается попытка олигархов, врагов Ганнибала, возложить только на него ответственность за поражение, скомпрометировать его в глазах демократических кругов и таким образом навсегда избавиться от неудобного и опасного соперника.

Ганнибал не оставался в долгу. Как можно было видеть, уже покидая Италию, он стал распространять версию, что ему не дали победить мелочная скарденность и противодействие карфагенского совета. Эту тему он варьировал при каждом удобном случае. Вот один из характернейших и, по-видимому, многочисленных эпизодов.

Карфагенское правительство собирает деньги на первый взнос в счет контрибуции. Для населения, истощенного войной, этот налог был в высшей степени тяжелым, да и направлялся он на удовлетворение не государственных интересов, а безмерных аппетитов победителя. Понятно, что в совете господствовало подавленное настроение, многие плакали; но именно Ганнибала в этот момент видели смеющимся. Гасдрубал Гэд, тот самый член антибаркидской группировки, который ездил в Рим на переговоры с сенатом, позволил себе упрекнуть полководца его радостью в момент общей скорби: ведь он сам

виновник слез, проливаемых в городе. На это Ганнибал, по свидетельству Ливия [30, 44], отвечал: «Если бы у кого-нибудь душу так же можно было видеть, как видно выражение лица, то вы легко бы поняли, что этот смех, который ты бранишь, исходит не от веселого, а от почти обезумевшего от несчастий сердца. Он, однако, не до такой степени неуместен, как эти ваши нелепые и отвратительные слезы. Тогда надо было плакать, когда у нас отняли оружие, сожгли корабли, запретили вести войны с внешними врагами: ведь от этой раны мы погибаем. Конечно, следует думать, что римляне руководились ненавистью к вам. Ни одно государство не может жить в покое. Если оно не имеет врага вовне, оно находит его внутри, подобно тому как слишком сильные тела кажутся защищенными от внешних воздействий, но тяготятся своими собственными силами. Конечно, мы ощущаем из бедствий государства то, что затрагивает частные интересы; ничто в них не поражает больше, чем потеря денег. Итак, когда с Карфагена стаскивали победоносные доспехи, когда вы видели, что его оставляют безоружным и голым среди стольких вооруженных африканских племен, никто не рыдал; теперь, потому что нужно собирать дань из частных средств, вы проливаете слезы, как будто на похоронах государства. Боюсь, как бы вы очень скоро не почувствовали, что сегодня плакали из-за ничтожнейшей беды».

Из эпизода, рассказанного Ливием, очевидно, что Ганнибал упрекал карфагенский совет в полном равнодушии к интересам государства: оно довело Карфаген до его теперешнего бедственного положения. И он находил внимательную и сочувствующую аудиторию. Видимо, именно поддержка народных масс привела Ганнибала в 196 г. на высшую должность в

государстве: он стал суффетом [Корн. Неп., Ганниб., 7, 4; Ливий, 33, 46].

Те речи Ганнибала, которые с большей или меньшей точностью воспроизводит Тит Ливий, показывают, что он стремился к реваншу. Государство не может быть бездеятельным — на языке эпохи это значило, что государство должно воевать, и Ганнибал говорит об этом совершенно недвусмысленно. Оно находит врагов либо внутри (и это, конечно, прямая угроза гражданской войны и физического уничтожения политических противников Ганнибала), либо вовне. Кого же следовало считать внешним врагом Карфагена? Массанассу? Да, разумеется. Это хитрый, упорный, злобный и сильный противник. Но он был опасен не сам по себе. За его спиной стоял Рим, отнявший у Карфагена после I Пунической войны Сицилию и Сардинию, а после II — Испанию и обширные территории в самой Африке, Рим, который медленно, но верно вел теперь дело к уничтожению Карфагена. Да, собственно, и речей никаких не было нужно. Клятву, данную много лет назад девятилетним мальчиком, хорошо помнили и его друзья, и его враги. Имя Ганнибала само по себе было символом политики войны против Рима, и последний, конечно, не мог не увидеть в его избрании серьезную для себя угрозу.

Были ли у Ганнибала реальные шансы на успех? Победа над Карфагеном и заключение мира позволили римлянам активно вмешаться в восточные дела, прежде всего в борьбу Филиппа V с Пергамом и Родосом. Это вмешательство (в 200 г. Рим объявил новую войну Македонии) в конечной перспективе должно было привести к установлению римского господства над странами Восточного Средиземноморья; такая опасность могла способствовать возникновению

антиримской коалиции, и прежде всего союза между Филиппом V и Антиохом III, владыкой могущественного Селевкидского царства в Передней Азии. Правда, этот союз не состоялся: Антиох III опасался не только римлян, но и чрезмерного усиления Македонии, а потому и не вмешался активно в римско-македонскую войну. Против Филиппа V на стороне Рима выступили все греческие государства, и в 196 г. царь был вынужден пойти на очень тяжелый для него мир. Только когда поражение Филиппа стало очевидным, Антиох III ввел войска в Малую Азию, создавая тем самым угрозу римлянам, а затем переправился в Европу. Назревала опасность новой войны. В этих условиях, если бы удалось объединить силы Филиппа и Антиоха, если бы они ударили по Риму с востока, а Карфаген с запада, можно было надеяться переиграть войну и победить. Даже поражение Филиппа V не уничтожало этой перспективы: Ганнибал имел все основания рассчитывать на Антиоха III и на совместные действия с этим царем, совсем недавно победившим в Мидии и Персиде своих бунтовавших полководцев и отвоевавшим у Египта Финикию, Южную Сирию и Палестину. Этим, конечно, объясняется повышенная дипломатическая активность Ганнибала в первые годы после II Пунической войны, его тайная переписка с Антиохом III, приводившая к установлению все более тесных связей [Ливий, 33,45].

Главное, что предстояло Ганнибалу на его посту, если он желал всерьез готовиться к новой войне, — сломить сопротивление старых наследственных врагов, все той же антибаркидской «партии мира». Ему недостаточно было просто заставить их замолчать, только настоять на своем. Олигархов следовало уничтожить, если не физически, то политически, вырвать из их рук

инструменты власти, ликвидировать или захватить цитадели их господства. Именно таковы были устремления Ганнибала. В своей борьбе он мог, конечно, использовать полномочия суффета; однако главной его опорой была поддержка народных масс, и это выяснилось при первом же столкновении. Свой удар Ганнибал нанес прямо в солнечное сплетение, по сердцевине олигархической власти.

Ливий [33, 46] пишет, что как раз в этот период господствовало в Карфагене «сословие судей». На протяжении длительного времени одни и те же лица непрерывно исполняли судейскую должность. Имущество, доброе имя, сама жизнь людей находились в их власти; каждый, затронувший хотя бы одного из них, неизбежно сталкивался со всеми «судьями». Мы не имеем достаточного материала для суждения о том, что, собственно, Ливий имеет в виду, говоря о «сословии судей». По-видимому, речь идет о совете 104-х, обладавшем судейскими полномочиями и созданном в V в. карфагенской аристократией для борьбы против попыток военачальников совершать государственные перевороты и присваивать единоличную власть. Такие попытки карфагенские полководцы делали неоднократно в V и IV вв., но тогда они кончались гибелью мятежников. Ситуация повторилась во II в., но теперь Ганнибал переиграл своих противников.

Став суффетом, Ганнибал среди многих распоряжений отдал одно, внешне совершенно незначительное, однако послужившее поводом к конфликту, — он приказал вызвать к себе магистрата, ведавшего городской казной («квестора», как его по аналогии с римскими порядками называет Ливий). Магистрат отказался: он принадлежал, — объясняет Ливий, — к враждебной партии и к тому же по истечении срока

магистратуры должен был перейти в «сословие судей», то есть, вероятно, войти в совет 104-х. Конфликт приобретал характер пробы сил, и Ганнибал реагировал соответственно: он послал «вестника» (очевидно, должностное лицо при суффете, исполнявшее полицейские функции) арестовать казначея и обратился к народному собранию, а уж там он говорил не столько о магистрате, сколько о «сословии судей», которые в своей высокомерии не подчиняются ни закону, ни властям. Народное собрание сочувственно встретило речи Ганнибала, и он тут же провел закон, по которому «судей» должно было избирать только на один год, так что никто не мог занимать эту должность два года подряд. Какова была судьба казначея, неизвестно, да это и не было существенно [Ливий, 33, 46].

Следствием закона, предложенного Ганнибалом и принятого народным собранием, должно было стать полное обновление совета 104-х. Как уже говорилось, новые члены этого совета обычно кооптировались, причем делали это специальные коллегии — пентархии. Мы не знаем, сумел ли Ганнибал посадить в пентархиях своих людей или же он изменил процедуру, тем не менее очевидно одно: он не пошел бы при всей своей солдатской решительности и бесцеремонности на такой шаг, если бы не был уверен, что в результате перемен «сословие судей» пополнится сторонниками Баркидов и превратится в опору его диктатуры. Таким образом, Ганнибал сумел одержать важную внутриполитическую победу.

Основная проблема карфагенского правительства, кто бы ни находился у власти, была все та же — взаимоотношения с Римом. Готовясь к новой войне, ведя секретные переговоры с Антиохом III, Ганнибал

должен был все время демонстрировать свою лояльность по отношению к Риму, если только он не желал преждевременного разрыва, и прежде всего пунктуально соблюдать условия мирного договора, а это значило — точно и в срок выплачивать контрибуцию. Горький опыт уже показал карфагенянам, что пощады ожидать не приходится. Когда в 199 г. карфагенские представители доставили в Рим серебро для уплаты первого взноса, то самое серебро, по поводу которого произошло столкновение Ганнибала с Гасдрубалом Гэдом, римские квесторы заявили, что оно недоброкачественно; кроме того, при взятии пробы, то есть при плавке, четверть привезенной суммы исчезла. Пунийцам ничего не оставалось, как сделать в самом Риме заем для покрытия недостающей части [Ливий, 32, 2]. Решение этой задачи требовало соблюдения строжайшей, как мы бы сказали теперь, финансовой дисциплины. Деньги нужны были и на подготовку к новой войне.

Между тем Ганнибал застал городские финансы в исключительно тяжелом состоянии, вероятно, этим непосредственно объясняется и вызов квестора. Ливий [33, 46] пишет, что поступления в государственную казну сокращались — частично из-за небрежности при взыскании податей, а частично из-за того, что их разворовывали магистраты и первые лица в государстве. Не хватало денег для уплаты контрибуции, и правительство Ганнибала стояло перед перспективой ввести дополнительный налог на граждан. Такая мера, конечно, сразу же сделала бы Ганнибала крайне непопулярным. Ему нужно было достать золото и серебро так, чтобы при этом не были нарушены имущественные интересы его сторонников. И Ганнибал целиком погрузился в решение этой проблемы. Он тщательно

изучил бюджет карфагенского государства: какие пошлины взыскиваются на суше и на море, на что деньги тратятся, какова сумма расходов; сколько утаили и украли те, кто раньше ведал денежными поступлениями. Покончив с этим, Ганнибал объявил, опять-таки на народном собрании, что, взыскав все недоимки, государство сможет заплатить контрибуцию, не прибегая к сбору денег у частных лиц. Все было исполнено в точности [Ливий, 33, 47; Корн. Неп., Ганниб., 7, 5].

Эти действия Ганнибала вызвали, как и следовало ожидать, недовольство в аристократических кругах, как будто, — саркастически замечает Ливий, — у них отняли имущество, а не наворованное добро, и, для того чтобы остановить чересчур, по их мнению, ретивого государственного деятеля, аристократы обратились к римлянам, к тем, с кем они были связаны узами взаимного гостеприимства [ср. также: у Зонары, 9, 18]. Основное обвинение, которое они выдвигали против Ганнибала, заключалось в следующем: Ганнибал тайком переписывается с Антиохом и принимает у себя его послов; он говорит, что государство пребывает в состоянии покоя и разбудить его может только звон оружия. Здесь почти дословно цитируется речь, которую Ливий несколько ранее вложил в уста Ганнибала [Ливий, 33, 44; Юстин, 31, 1, 7—8]. Со своей стороны римское правительство искало только предлога, чтобы открыто выступить против Ганнибала и добиваться его устранения [Юстин, 31, 1, 9]. Возражал только Сципион: неприлично-де римлянам, победившим Ганнибала в открытом бою, теперь вмешиваться в карфагенские распри. Однако его аргументы во внимание не приняли, и очень скоро (а для Ганнибала, видимо, неожиданно) в Карфагене появились римские послы Гней Сервилий, Марк Клавдий Марцелл и Квинт Теренций Куллеон.

Задание, которое сенат им дал, было не сложно: обвинить Ганнибала в сношениях с Антиохом и в подготовке войны; за этим логически должно было последовать требование выдачи. Юстин [31, 2, 1] иначе формулирует цели посольства: Сервилий и его товарищи должны были устроить так, чтобы Ганнибала тайно убили его противники. Когда послы прибыли в Карфаген, они по совету врагов Ганнибала предпочли сначала не обнаруживать своих истинных целей и говорили, что имеют поручение разобрать споры между Массанассой и карфагенским правительством. Очевидно, заговорщики опасались народного восстания. Однако Ганнибал понимал, что римляне добираются до него; пойдет ли речь о выдаче на законном основании или же будет организовано убийство из-за угла — это уже были второстепенные детали.

Конечно, он мог бы опять обратиться к народу, и, судя по всем предыдущим событиям, ему легко было бы расправиться со своими противниками. За этим, разумеется, должна была последовать война с Римом, но ведь она была неизбежна так же, как неизбежна была война Рима с Антиохом. Считал ли Ганнибал, что Карфаген еще не готов к войне, или он не захотел выступать в роли вожака народного бунта, мы не знаем. Каковы бы ни были мотивы его поведения, он не пожелал двинуть в бой ту единственную силу, которая помогла бы ему сохранить власть, — народ — и предпочел бежать. Еще утром он показывался на улицах и площадях, а вечером с двумя спутниками ускакал в Бизаций. Там на следующий день явился в свое укрепленное владение («башню», — пишет Ливий) между Акиллой и Тапсом и погрузился на корабль [Ливий, 33, 47—48; ср.: у Корп. Неп., Ганниб., 8, 6—7; Юстин, 31, 2, 2—5; Апп., Сир., 4; Орозий, 4, 20, 13]. Он снова покидал Африку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БЕГСТВО НА ВОСТОК И ГИБЕЛЬ

I

Внезапное исчезновение Ганнибала вызвало в Карфагене смятение. Люди, собравшиеся рано утром в вестибюле старинного дома Баркидов приветствовать могущественного господина, обратить на себя его внимание, получить от него подарки и иные знаки милости, неожиданно обнаружили, что его нигде нет. Народ стекался на площадь; повсюду слышны были разговоры, что Ганнибал бежал, что его убили римляне. Сторонники и противники Баркидов готовы были, казалось, броситься друг на друга, однако в этот момент сообщили, что беглого суффета видели на о-ве Керкине, и волнение мало-помалу затихло. Сторонники Баркидов могли бы поднять народ, чтобы отомстить убийцам. Однако мстить было некому и не за что: спасая свою жизнь, даже не попытавшись бороться, Ганнибал бросил своих приверженцев на произвол судьбы. По-видимому, именно глубоким разочарованием народных масс объясняется то, что римляне без труда и борьбы добились своего.

Сенатские послы могли уже не скрывать своего поручения. Выступая на заседании карфагенского совета, они обвиняли Ганнибала в том, что если раньше он подстрекал царя Филиппа воевать против римлян, то теперь он сговаривался с Антиохом и этолийцами, как побудить Карфаген к отпадению от Рима; Ганнибал бежал не иначе как к Антиоху и не успокоится, пока не разожжет пламя войны по всему земному кругу. Если карфагеняне хотят дать

законное удовлетворение римскому народу, они не должны оставлять подобные деяния безнаказанными. Совет покорно отвечал, что он сделает все, что римляне сочтут справедливым; иначе говоря, если бы Ганнибал появился в Карфагене или на принадлежащих ему территориях, он был бы немедленно схвачен и выдан римским властям; в Риме Ганнибала ждала неминуемая расправа [Ливий, 33, 48 — 49]. Вполне последовательно Ганнибала объявили изгнанным, его имущество конфисковали и разрушили дом [Корн. Неп., Ганниб., 7; 7].

Римские послы не ошиблись: Ганнибал действительно решил отправиться ко двору Антиоха III. Да и не было у него другого выхода. Македония? Но македонский царь был слишком слаб, чтобы защитить Ганнибала от римлян. Египет? Но египетские послы совсем недавно предлагали римскому правительству помощь в борьбе против Македонии, если бы у Рима не достало собственных сил. Пергам? Но пергамский царь Аттал был одним из самых ревностных союзников Рима. Оставалась, следовательно, только селевкидская Сирия.

По пути Ганнибал зашел на о-в Керкину. Там он застал в порту несколько финикийских торговых кораблей с товарами. Знаменитого полководца узнали; когда он сходил на берег, со всех сторон раздались приветствия. Такая популярность создавала Ганнибалу серьезные затруднения. Если бы на Керкине узнали о бегстве, его могли задержать и препроводить в Карфаген; чтобы этого избежать, Ганнибал велел своим спутникам говорить, будто он послан в Тир послом от карфагенского народа.

Ничего необычного здесь не было: Карфаген был колонией Тира, и карфагеняне постоянно отправляли в Тир своих посланцев и по обыкновенным повседневным делам, и для участия в храмовых и иных культовых действиях. В таких посольствах участвовали и высшие должностные лица. Была и другая опасность: если бы один из кораблей покинул Керкину, отплыл в Тапс или Хадрумст и там стало бы известно, где Ганнибал находится, за ним обязательно снарядили бы погоню. Нужно было во что бы то ни стало задержать корабельщиков и торговцев, пока Ганнибал не уйдет из Керкины. Выход нашелся. Неожиданно для себя и те и другие были приглашены на торжественное жертвоприношение — обычное для северо-западных семитов, в том числе финикийян и карфагенян, священное пиршество, в котором, как полагали, незримо участвует божество. Ганнибал не поскупился на угощение и, пока участники трапезы отсыпались на своих кораблях и приходили в себя после чересчур обильных возлияний, ночью тихо поднял якорь и вышел в море. Карфагенские и римские власти узнали о его стоянке на Керкике слишком поздно [Ливий, 33, 48]. В погоню за Ганнибалом карфагеняне отправили два корабля [Корн. Неп., Ганниб., 7, 7], но захватить беглеца так и не удалось.

Без новых приключений Ганнибал добрался до Тира. Там его встретили со всякого рода почестями, и он увидел себя среди своих, на второй родине. Можно представить себе, что он должен был почувствовать — изгнанник, чудом спасшийся от смертельной опасности и после того напряжения, которое он пережил, оказавшийся среди доброжелательных людей, восторженно глядящих на него,

ловящих каждое его слово. И все же он не хотел терять время. Отдохнув несколько дней в Тире, Ганнибал отправился в Антиохию. Там он узнал, что царь находится в Малой Азии. Приняв участие в играх, которые царский сын устроил в Дафне (предместье Антиохии, славившееся роскошью и разгульным образом жизни), — вежливость и желание установить добрые отношения, а может быть, и любопытство помешали ему отказаться, — Ганнибал помчался в Малую Азию. Антиоха III он застал в Эфесе [Ливий, 33, 49].

II

Ганнибал вовремя явился ко двору Антиоха. Царь, который после разгрома Филиппа V во II Македонской войне (200—196 гг.) остался главным противником Рима в борьбе за господство над Грецией и Малой Азией, готовился к неотвратимо приближавшейся войне, и, разумеется, участие столь опытного, талантливого, прославленного воина, победителя при Тразименском озере и Каннах, возбуждало у Антиоха и его солдат надежду и уверенность в победе. По словам Юстина [31, 3, 5—6], Антиох теперь думал не о том, как готовиться к войне, а как воспользоваться удачей. А что будет удача, в этом он не сомневался. Собственно, так же оценивали происходящее и в Риме, и в Карфагене [Юстин, 31, 2, 7—8]. Римские политики опасались нового вторжения Ганнибала в Италию [Ливий, 34, 60]; основания для подобного рода тревоги у них были.

Ганнибал торопился к Антиоху III, с которым, как мы уже говорили, он давно сговаривался о совместной

борьбе против Рима, не для того, чтобы, удалившись от дел или заняв при особе царя более или менее обеспеченное положение, спокойно наблюдать со стороны за развитием событий. Разумеется, за беглым полководцем не стояло государство, он не располагал армией, хотя при благоприятных условиях можно было ожидать нового подъема антиримского движения в Карфагене, прихода к власти сторонников Ганнибала, ведь его бегство не устранило проблем, возникших в Карфагене после II Пунической войны, как не устранила бы их и его гибель. Предпосылки для враждебных римскому диктатору и олигархической «партии мира» выступлений торгово-ремесленных кругов по-прежнему сохранялись. Но главное было в другом. Ганнибал хотел предложить царю свои услуги в качестве полководца и свой план ведения войны (ср.: у Орозия [4, 20, 13], где Ганнибал изображен даже как инициатор войны).

План Ганнибала был очень прост. Вести войну, — говорил он, — следует в Италии: только там можно победить римлян. Италики доставят врагам Рима и воинов и продовольствие. Если же в Италии все будет спокойно и римлянам будет позволено вести войну за ее пределами, ни один народ, ни один царь не сможет их победить. Ганнибал просил у царя 100 кораблей, 10 000 воинов и 1 000 всадников; с ними он направится в Африку и там убедит карфагенян восстать против Рима. Если они откажутся, он сам переправится в Италию и победит. Царю, — добавлял Ганнибал, — достаточно переправиться в Европу или даже только делать вид, что он готовится к переправе, чтобы добиться победы или благоприятных условий мира [Юстин, 31, 3, 7—10; Ливий, 34, 60; Апп., Сир., 7]. Подобные речи Ганнибал

вел и позже, когда его надежды на поддержку из Карфагена рухнули [Юстин, 31, 5, 3—9; Апп., Сир., 14].

Чтобы создать в Карфагене благоприятные условия для осуществления этого замысла, Ганнибал тайно отправил туда своего агента — некоего тирийца Аристона, который должен был войти там в контакт со сторонниками Баркидов и обо всем договориться. Однако скрыть его миссию не удалось. Враги Ганнибала добились, что Аристона вызвали в совет; на допросе он не назвал имен, хотя и не смог удовлетворительно объяснить, зачем, собственно, приехал и почему вел беседы только с известными деятелями баркидской «партии». В совете начались споры; одни предлагали немедленно арестовать Аристона, другие говорили, что нельзя арестовывать чужеземца, да еще тирийца, ни с того ни с сего, без всяких доказательств вины. Дело решили отложить на один день, а тем временем Аристон, повесив на людном месте, там, где обычно заседали магистраты, таблички с надписями, бежал. Из надписей магистраты узнали, что Аристон был послан не конкретно к тем или иным людям, но ко всему народу, и сочли за благо донести обо всем происшедшем в Рим [Ливий, 34, 61; Апп., Сир., 8; Юстин, 31, 4, 1—3]. Такой результат миссии Аристона показал Ганнибалу, что рассчитывать на карфагенских друзей он пока не может.

С этим событием связано еще одно повествование Корнелия Непота [Корп. Неп., Ганниб., 8, 1—2], который рассказывает, будто Ганнибал, чтобы лучше влиять на положение дел в Карфагене, явился в Кирену. Однако это сообщение сопровождается у Непота невероятными подробностями: Ганнибал якобы вызвал к себе в Кирену своего брата Магона (умершего,

как уже говорилось, еще до битвы при Заме). Включение в это повествование явно вымышленных деталей, освещающих дальнейшую судьбу Магона, ставит под сомнение и традицию Непота в целом. Но если даже признать, что поездка Ганнибала в Кирену состоялась, нельзя не видеть, что благоприятного для него результата она не имела.

Неудача Аристона, по всей видимости, была одной из причин, которые заставили Антиоха III отказаться от предложения Ганнибала, хотя поначалу царь согласился с ним; послать своего агента в Карфаген Ганнибал, конечно, не мог без согласия своего гостеприимного хозяина. Однако надежды на Карфаген рухнули, результаты же многолетней войны самого Ганнибала в Италии свидетельствовали, конечно, против его замыслов. К тому же Антиох не мог не отдавать себе отчета в том, что Ганнибал станет завоевывать Италию для себя (или для Карфагена, что в этом случае было одно и то же) и, следовательно, в случае успеха вместо одного противника в борьбе за власть над средиземноморским миром появится другой, может быть, даже более опасный. К этому присоединились и личные мотивы.

В 193 г. в Эфес прибыло римское посольство, которое должно было еще раз попытаться выяснить с Антиохом III спорные вопросы, и прежде всего добиться его невмешательства в греческие дела. Царь в этот момент был занят войной в Писидии, и послы, главным образом Публий Виллий, использовали время ожидания для того, чтобы установить или сделать вид, что устанавливают, тесные контакты с Ганнибалом. По словам Юстина [31, 4, 4], они должны были внушить Ганнибалу миролюбивое отношение к

Риму либо, если это не удастся, скомпрометировать его в глазах царя. Ливий несколько иначе объясняет поведение Виллия: он хотел глубже проникнуть в замыслы Ганнибала и разузнать, не грозит ли Риму опасность. Одно не исключает другого, и Виллий, как, очевидно, и другие участники посольства, ожидая официального ответа царя, все свое время проводил с Ганнибалом. Они вели странные разговоры: Ганнибал из ложного страха покинул отечество, тогда как римляне со всею добросовестностью соблюдали мир, заключенный не столько с его государством, сколько с ним самим; войну Ганнибал вел больше из ненависти к римлянам, чем из любви к отечеству, ради которого лучшие люди должны жертвовать даже жизнью; войны между народами вызываются не раздорами между полководцами, а причинами государственными. Римляне восхваляли деяния Ганнибала, и престарелый полководец, уступая извинительной человеческой слабости, часто и охотно говорил с послами на эти темы [Юстин, 31, 4, 6—8]. Он, впрочем, и сам отвечал любезностью на любезность. Ливий [35, 14], Плутарх [Флам., 21] и Аппиан [Сир., 10] сохранили интереснейший рассказ о том, будто в этом посольстве участвовал и Сципион; однажды во время беседы Сципион спросил Ганнибала, кого тот считает величайшим полководцем. Ганнибал ответил: Александра Македонского, который с небольшим войском разгромил огромные полчища врага и проник в отдаленнейшие страны; вторым — Пирра, который первым начал устраивать воинский лагерь, а третьим — себя. «Что бы ты сказал, — продолжал Сципион, — если бы победил меня?» — «Тогда, — сказал карфагенянин, — я считал бы себя выше и Александра, и Пирра, и всех

других полководцев». Современники, и в том числе наш источник, увидели в этих словах только изощренную форму лести: Ганнибал дал понять Сципиону, что его он признает самым крупным полководцем, вне всякого сравнения с Александром Македонским, не говоря уже о других. Такой элемент в высказываниях Ганнибала, безусловно, имелся. Однако для нас важнее другое: характерное и для эпохи, и для самого Ганнибала преклонение перед более или менее удачливыми авантюристами, покорителями вселенной. Оно обнаруживает духовную генеалогию Ганнибала: он и сам был по своему воспитанию, по всем своим поступкам, по образу мыслей с головы до ног солдатом-завоевателем, он привык рассчитывать только на наемных воинов, веривших в своего полководца и его удачу, он тоже стремился, подобно Александру и Пирру, к созданию всемирной державы под властью Карфагена, т.е. в конечном счете для себя. Аппиан сохранил до наших дней еще одно чрезвычайно важное замечание Ганнибала, опущенное другими источниками. Обосновывая в беседе со Сципионом свою самооценку, Ганнибал говорил о том, что он юношей завоевал Испанию, перешел через Альпы (первым после Геракла; местные племена и их регулярные экспедиции в расчет не принимались), а в Италии, не получая помощи из Карфагена, завоевал 400 городов, внушая римлянам страх за само существование их города. Оглядываясь на пройденный путь, Ганнибал и в себе ценил прежде всего достоинства полководца. Повторяя свою версию о позиции карфагенского совета, он теперь не только придерживался единственной для него возможной интерпретации событий, он старался представить себя человеком, который фактически сам,

на свой страх и риск затеял и вел войну, которому безраздельно принадлежат ее победы и поражения.

Главная цель, которую Публий Виллий поставил перед собой, была достигнута: Антиох стал подозревать Ганнибала в измене и относиться к нему с явным недоверием [Ливий, 35, 14; Полибий, 3, 11, 2; Апп., Сир., 9; Корп. Неп., Ганниб., 2, 2, Фронтин, 1, 8, 7; Юстин, 31, 4, 8—9]. Правда, Ганнибалу удалось вроде бы рассеять тучи, собравшиеся над его головой: он напомнил царю о своей клятве, о том, что именно он, Ганнибал, — самый последовательный и непримиримый враг Рима. Пока Антиох борется с Римом, он всегда может рассчитывать на поддержку и верность Ганнибала [Ливий, 35, 19; Полибий, 3, 11, 3—9; Корн. Неп., Ганниб., 2, 3—6]. Примирение было достигнуто, однако отчуждение осталось, и если Антиох еще приглашал своего гостя на совет, то не для того, чтобы учитывать его точку зрения, а чтобы не казалось, будто Ганнибалом пренебрегают [Юстин, 31, 5, 1].

К тому же Ганнибал не считал, по-видимому, нужным скрывать от Антиоха своего отрицательного мнения о селевкидской армии и высказывал его при каждом удобном и неудобном случае, не очень заботясь о выборе слов и оборотов речи. Вот один из таких эпизодов [Гелл., 5, 4, 5]: Антиох устраивает в присутствии Ганнибала смотр своей огромной армии с ее золотыми и серебряными значками, дорогим оружием и всякого рода украшениями. «Не считаешь ли ты, — спрашивает он Ганнибала, — что все это достаточно для римлян?» — «Достаточно, вполне достаточно для римлян всего этого, — последовал мгновенный ответ, — хотя они и очень жадны». Подобное откровенное пренебрежение не

могло прийти по вкусу царю, ожидавшему победы и уже уверенному в успехе.

Наконец, Антиох просто не желал делить с Ганнибалом лавры победителя [Юстин, 31, 6, 2; ср.: у Зонары, 9, 8].

К началу войны между Антиохом III и Римом положение в Греции, казалось, было вполне благоприятным для осуществления замыслов Антиоха. Против римлян выступал Этолийский союз, провозгласивший Антиоха своим верховным стратегом; в Греции, задавленной римским солдатским башмаком, сильно было демократическое антиримское движение, все свои надежды возлагавшее на Антиоха. Напрасно Ганнибал предлагал царю заключить союз с Филиппом V или отвлечь его пограничной войной, напрасно он советовал перенести войну в Италию [Ливий, 36, 7]; его уже никто не слушал. Осенью 192 г. Антиох высадился в Фессалии, но уже в апреле 191 г. он был разбит у Фермопил и с ничтожными остатками своей армии бежал в Малую Азию, в Эфес. Причиной этого разгрома помимо неподготовленности его солдат было то, что Антиох не получил в Греции той поддержки, на которую рассчитывал. Его союзники дали ему слишком мало воинов, а среди его противников были Афины, Ахейский союз, Македония...

Ганнибала, сколько об этом можно судить, царь держал в тени и не позволял ему участвовать в боевых операциях. Только после разгрома при Фермопилах Антиох решил воспользоваться его опытом и... назначил его командующим наскоро собранной флотилией, которая должна была обеспечивать позиции

царя в Восточном Средиземноморье. Даже теперь, когда возникла непосредственная опасность селевкидскому господству в Малой Азии, Антиох постарался отправить Ганнибала на один из самых второстепенных участков предстоящей кампании. Однако Ганнибал принял это, несомненно оскорбительное для него предложение, настолько сильным было его стремление еще раз ударить по ненавистному врагу, взять реванш.

Деятельность Ганнибала в непривычной для него роли флотоводца не принесла ему успеха. Его противником был союзный Риму Родос, и в битве при Сиде, у берегов Памфилии, родосцы сначала потеснили правый фланг сирийцев, которыми командовал Аполлоний, один из придворных Антиоха, а затем обрушились на левый, где находился сам Ганнибал, какое-то время одолевавший неприятеля. Их натиска Ганнибал не выдержал и бежал (август 190 г.). С того времени он активного участия в войне не принимал [Ливий, 37, 23—24; Корн. Неп., Ганниб. 8, 3—4; Зонара, 9, 20; Евтропий, 4, 4]. У Аппиана события излагаются иначе и, видимо, менее достоверно [Апп., Сир., 22]: сражение произошло между римским и селевкидским флотом; последним командовал Поликсенид; только после разгрома и бегства селевкидских моряков Ганнибал был послан в Финикию и Киликию набирать новый флот; родосцы заперли Ганнибала у берегов Памфилии и захватили несколько судов.

Как бы то ни было, неудача Ганнибала заставила Антиоха более серьезно отнестись к морским операциям и ввести в дело весь свой флот. Однако около Мионессы сирийский флот был снова разгромлен, а еще через некоторое время, по-видимому в самом начале

189 г., произошло решающее сухопутное сражение неподалеку от Магнесии, и наголову разбитый Антиох III вынужден был искать мира¹⁷⁵. Он согласился на все требования римлян (главным из них был отказ от всех европейских и малоазийских владений). Среди условий мирного договора, заключенного в Апамее в 188 г., было и такое: «Выдать Ганнибала-карфагенянина» [Полибий, 21, 14, 7].

III

Разгром Антиоха III круто изменил ситуацию во всем Восточном Средиземноморье. Рим, который пока еще не имел здесь своих владений, стал на Востоке решающей политической силой, верховным арбитром во всякого рода спорах; постоянно вмешиваясь и властным своим словом улаживая конфликты, Рим исподволь подготавливал аннексию Малой Азии, Сирии и Египта. Ему, правда, понадобилось еще больше 150 лет, и окончательное покорение эллинистических царств завершил Октавиан, однако фундамент был заложен в 188 г. апамейским договором.

Что же касается Ганнибала, то для него поражение Антиоха III было крупнейшей жизненной катастрофой. Рушились последние надежды. Больше не с кем было искать союза, некого было побуждать к походу на Рим. Ненавистный враг представлял перед Ганнибалом как страшная громада, которую никто не мог разрушить, как могущественнейшая сила, которой никто не мог противостоять. Престарелому полководцу (ему было, вероятно, около 60 лет) оставалось, по всей видимости, только одно — искать убежища, где он мог бы провести

в безопасности и покое те немногие годы, которые ему еще оставалось жить. Однако ни покоя, ни безопасности в условиях, когда повсюду господствовали римляне, когда римское правительство со всею определенностью потребовало его выдачи, никто ему гарантировать не мог. Да и сам Ганнибал не соби-
рался сдаваться.

В нашем распоряжении имеется традиция [Плут., Лук., 31, 5; Страбон, 11, 14, 6], согласно которой Ганнибал побывал при дворе армянского царя Артаксия (Артасеша I) и основал для него город Арташат (Артаксату) на Араксе. Сомнения в достоверности этого предания¹⁷⁶ не кажутся оправданными¹⁷⁷. Нет никакой физической невозможности того, что Ганнибал отправился в Армению, например, в момент, когда происходили переговоры между римскими послами и Антиохом после битвы при Магнесии (так у Плутарха). Однако в Армении Ганнибал задержался недолго. Почему он покинул эту страну, мы не знаем. Может быть, не хотелось ему дожидаться смерти где-то в далекой глуши, на окраине тогдашнего мира?

Вскоре после заключения апамейского мирного договора Ганнибал объявился в Гортине (о-в Крит). Опасаясь за свои богатства (по острову прошли слухи, что Ганнибал привез с собой огромные ценности), он сделал вид, будто передал их на хранение в храм Дианы: наполнив многочисленные амфоры медью, он сверху прикрыл ее золотом и серебром, а затем поместил амфоры в святилище. Деньги свои Ганнибал спрятал в медных статуях, которые держал во дворе дома, где жил [Корн. Неп., Ганниб., 9; Юстин, 32, 3—4].

На Крите Ганнибал задержался недолго. Оттуда он

отправился в Вифинию (у Корнелия Непота ошибочно — в Понт) ко двору тамошнего царя Пруссии. Последний как раз в этот момент вел — весьма неудачно — войну с пергамским царем Евменом, активнейшим союзником Рима, которому римское командование в значительной степени было обязано своей победой при Магнесии. Ганнибал принял участие в этой, последней для него, кампании и даже попытался, хотя и без успеха, организовать убийство пергамского царя. В морском сражении ему удалось обратить пергамские корабли в бегство, бросив на их палубы сосуды со змеями [Корп, Неп., Ганниб., 10; Юстин) 32, 4, 6—7]. Использовать этот трюк он раньше предлагал, хотя и безрезультатно, Антиоху [Фронтин, 4, 7, 10].

Между тем к Пруссии прибыл (в 183 г.) римский посол Тит Квинкций Фламинин. По Корнелию Непоту [Ганниб., 12, 1], переговоры сначала происходили в Риме между Фламинином и послами Пруссии и лишь затем Фламинин был послан в Вифинию. О том, что произошло дальше, имеются следующие рассказы. Согласно версии Корнелия Непота [Ганниб., 12, 2—3], Фламинин потребовал выдать Ганнибала римлянам; Пруссия заявил, что он не может нарушить законы гостеприимства, но римляне сами без труда могут захватить Ганнибала. По Ливию [39, 51], то ли Фламинин упрекнул Пруссию в том, что тот держит у себя опаснейшего врага римлян, то ли сам Пруссия вознамерился угодить Риму, как бы то ни было, Ганнибал внезапно увидел, что его дом со всех сторон окружен вифинскими солдатами. Сомнений в их намерениях не могло быть. Ганнибал еще пытался спастись. В его жилище со всех сторон были выходы, всего семь, в

том числе и потайные. Ганнибал послал мальчика посмотреть, можно ли бежать из дома, но известия получил неутешительные: у всех выходов стояли царские воины. Не ожидая, когда они ворвутся в дом, Ганнибал принял яд [Плут., Флам., 20; Корн. Неп., Ганниб., 12, 3—5; Орозий, 4, 20, 29]. По версии Аппиана [Сир., 11], Ганнибала отравил вифинский царь. Перед смертью он, как передавали, сказал: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им невтерпеж дожидаться смерти старика».

Похоронили Ганнибала в Либиссе [Знам., 42, 6; Плут., Флам., 20; Апп., Сир., 11; Зонара, 9, 21], на европейском берегу Босфора, в каменном саркофаге, на котором высекли надпись: «Ганнибал здесь погребен».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Последние годы скитаний Ганнибала и его трагический конец явились естественным завершением этой бурной, исполненной приключений, блестящих побед, горьких поражений и разочарований жизни солдата. Обуреваемый единственным стремлением — покорить и, если возможно, уничтожить Рим, Ганнибал последовательно поставил на карту в этой борьбе и будущее своей родины — Карфагена, и, оставшись уже совершенно один, собственную жизнь. Ею он заплатил за все свои стратегические и политические ошибки. Приближалось время расчета и для Карфагена, которому всего на 37 лет суждено было пережить после смерти своего крупнейшего полководца.

Выше мы говорили о том, что поражение во II Пунической войне, в общем, не отразилось на экономическом положении Карфагена. Он поддерживал торговые связи практически со всеми странами Средиземноморья и даже за его пределами: в карфагенских гаванях теснились свои и чужестранные купеческие суда, рынок ломился от товаров, стекавшихся буквально отовсюду; изделия карфагенских мастеров завоевали себе прочное место и в богатых домах, и в хижинах бедняков. В городе оседали огромные деньги — и в государственной казне, и в купеческих лавках, и в ремесленных мастерских. Не случайно, когда уже началась III Пуническая война, карфагеняне сумели, как увидим, в кратчайший срок воссоздать флот и вооружить армию. Показателем благосостояния и процветания города была и численность его населения: по данным Страбона [17, 3, 15], в Карфагене в конце 50-х годов II в. жили 700 000 человек. Роскошные, утопавшие в зелени виллы богачей,

кварталы бедноты и «среднезажиточных» с их огромными многоквартирными домами в несколько (до шести) этажей и узкими полутемными улочками, шумный рынок и возвышающийся над всем этим холм Бирса с его акрополем и древними храмами — таким представал Карфаген перед заезжими торговцами и моряками.

В Риме экономический расцвет Карфагена, его господствующее положение в торговле стран Средиземноморья вызвали серьезную тревогу, и дело было, разумеется, не только в том, что Карфаген продолжал оставаться соперником и конкурентом на мировом рынке, хотя и этот фактор играл свою роль. Италики сами поддерживали в первой половине II в. тесные торговые контакты с карфагенянами, многие селились в Карфагене.

В Риме очень хорошо помнили, как, пережив I Пуническую войну и тяжелейшее восстание наемных солдат и ливийского крестьянства, карфагенское правительство (Баркиды) в короткий срок восстановило свой военный потенциал и организовало сначала завоевание Испании, а потом и вторжение в Италию, поставившее Рим на край гибели. Теперь, после II Пунической войны, построить новые боевые корабли и выковать мечи и наконечники для копий, дротиков и стрел, изготовить шлемы и панцири было, разумеется, ничуть не сложнее, чем тогда. В Риме, конечно, хорошо знали и о воинственных настроениях карфагенского плебса, которому после бегства Ганнибала не хватало только вождя. Но ведь такой вождь мог явиться в любую минуту. Конечно, можно было так или иначе включить Карфаген в состав Римской державы и этим ликвидировать опасность. Как мы увидим, одно время в политике римского правительства

прослеживалась линия, внешне благоприятная для Карфагена: Рим выступает чуть ли не в роли защитника его интересов, ограждая его от посягательств нумидийского царя. Но и в этом случае Карфаген, чье благополучие и само существование находились в прямой зависимости от усмотрения сената, оказывался крепко привязанным к римской колеснице. Такая зависимость, считали в Риме, устраняла опасность реванша со стороны Карфагена. Однако была и другая точка зрения. Пока Карфаген существует, пока его стены возвышаются над безбрежной африканской равниной, а его богатства привлекают людей со всего света, Рим не может чувствовать себя в безопасности. Эти соображения в конце концов определили политику римского правительства по отношению к Карфагену, а следовательно, и судьбу его более чем полумиллионного населения¹⁷⁸.

Мы упоминали о том, что, подводя черту под II Пунической войной, римские власти сделали все, чтобы, во-первых, поставить Карфаген в ситуацию непрерывного конфликта с Массанассой, территориальные претензии которого пунийцы должны были удовлетворить в размерах, установленных самим царем, и, во-вторых, лишить Карфаген возможности сопротивляться запрещением воевать без согласия римского народа, а также, в-третьих, выступая в роли арбитра, вести дело к постепенному покорению или уничтожению Карфагена. Добиться своей цели сенат хотел руками Массанассы: нумидийский царь должен был постоянно давать повод к римскому вмешательству и либо в конце концов задушить Карфаген, либо создать условия, при которых Карфаген естественным путем оказался бы под властью Рима, либо спровоцировать карфагенян на войну без санкции Рима и,

следовательно, на нарушение мирного договора, что дало бы римлянам повод к новой войне. Со своей стороны Массанасса охотно следовал предначертаниям своих римских друзей. Его даже не нужно было особенно подталкивать. Он был глубоко заинтересован и в расширении своего царства, и в том, чтобы занять место Карфагена на морских торговых путях. Чрезвычайно показателен был дар, который принес он греческим храмам в Делосе¹⁷⁹ — одним из крупнейших центров средиземноморской торговли. Царь-варвар пытался приобщиться к эллинскому миру. И почему бы нет? Ведь смог же сделать это Ганнибал. Ведь встали на этот путь и римляне. Даже финикийцы и иудеи не без успеха претендовали на родство с греками. А уж какие они эллины!

I

Бегство Ганнибала и, того более, миссия Аристона, хотя и неудачная, но все же крайне для римского господства опасная, чрезвычайно скомпрометировали карфагенское правительство в глазах сената. С Аристом явно велись переговоры, а после того как дело раскрылось, агент Ганнибала не только не был арестован, но ему позволили бежать. Имея в виду эти обстоятельства, Массанасса мог быть твердо уверен, что римляне не дадут его в обиду, и, наоборот, все территориальные споры и конфликты между ним и Карфагеном разрешат в пользу Нумидии. Не очень ясная и в высшей степени подозрительная история с Аристом создала, как-полагал Массанасса, наиболее благоприятную обстановку, и он вторгся на принадлежавшую Карфагену приморскую территорию — Эмпории,

разорил ее, а некоторые города, в том числе Лептис, заставил платить дань Нумидии. Массанасса поспешил создать и дипломатическое прикрытие своим действиям: он возбудил сомнения в том, кому, собственно, принадлежит эта территория — Карфагену или Нумидии. Все эти события произошли в 193 г. [Ливий, 34, 62; Апп., Лив., 67]¹⁸⁰.

Не имея возможности ответить ударом на удар, карфагенское правительство поручило своему посольству, которое должно было объясняться и оправдываться в сенате по поводу Аристона, отстаивать права Карфагена на территорию, внезапно оказавшуюся спорной и фактически уже изъятую из-под власти Карфагена. Тогда же в Рим прибыла и дипломатическая миссия Массанассы защищать его права и обосновывать сделанные им территориальные приобретения.

Положение карфагенян на этих переговорах было в высшей степени затруднительным: они имели перед собой явно пристрастных и даже враждебных судей, к тому же озабоченных перспективой новой войны с участием Ганнибала. Тем не менее они попытались дать бой, ссылаясь прежде всего на то, что спорная территория находится внутри границ, определенных Сципионом при заключении мирного договора и очерчивающих территорию, которая по праву принадлежит карфагенянам. Кроме того, говорили они, и сам Массанасса признавал данную землю карфагенской: преследуя некоего Афтира, бежавшего из его царства и бродившего с отрядом нумидийцев вокруг Кирены, царь просил у карфагенян разрешения пройти через эту самую землю, как несомненно по праву принадлежащую Карфагену. Нумидийцы почти не отвечали карфагенянам: разговоры об установлении границ Сципионом они с порога отвергли как лживые, а о

неудобных для обсуждения поступках Массанассы предпочли умолчать. Зато они долго рассуждали о праве. Какое, вопрошали они, у карфагенян право на африканские земли, на чем оно основано? Пришельцы, они когда-то (тут нумидийские послы припомнили легенду об основании Карфагена [Юстин, 18, 5, 9]) получили из милости столько земли для постройки и укрепления города, сколько можно было окружить разрезанной на ремни шкурой быка. Бирса — вот их исконное жилище; все, что за ее пределами, они захватили силой и несправедливостью. Даже по поводу той территории, о которой возник спор, карфагеняне не могут доказать не только то, что они ею всегда владели, но даже то, что она принадлежала им в течение длительного времени. Ею всегда владели те, кто были сильнее, — иногда карфагеняне, иногда нумидийцы. Пусть же римляне все оставят так, как было раньше до того момента, когда карфагеняне стали их врагами, а нумидийский царь — другом, и не вмешиваются, чтобы отдать эту землю во владение менее сильным [Ливий, 34, 62].

Однако все эти жалобные от одних и лживые от других (нумидийцы, конечно, хорошо знали, что Эмпории находились под властью Карфагена несколько сот лет) речи, в общем, не имели никакого значения. Сенат отвечал обеим сторонам, что в Африку будет направлено посольство, которое на месте решит спор. В состав комиссии назначили Сципиона, Гая Корнелия Цетега и Марка Минуция Руфа, которые, однако, оставили все под сомнением, не приняв определенного решения [Ливий, 34, 62; ср.: у Зонары, 9, 18]. Ливий не знает, сделано ли это было по приказанию сената, или же послы действовали по собственной инициативе; для него тем не менее бесспорно, что политически

наиболее целесообразным считали сохранить конфликт, иначе, конечно, Сципион одним кивком головы мог бы решить спор. Аппиан [Лив., 67] пишет, что римские представители должны были содействовать Массанассе. Между этими версиями противоречия нет: чтобы закрепить за Массанассой захваченную им территорию, вполне достаточно было сохранять нейтралитет, колебаться и в недоумении широко разводить руками.

Позиция, которую заняло римское правительство в карфагено-нумидийском конфликте, показала карфагенянам, что над их головами собирается новая гроза; необходимо было срочно решить, каким путем идти дальше для того, чтобы сохранить хотя бы призрачную независимость и даже самое существование. Именно этим, а не длительным процветанием, как наивно полагает Аппиан [Лив., 68], объясняется дальнейшее обострение внутривосточной борьбы в Карфагене. В самом деле, к прежним неразрешимым противоречиям добавилось еще одно; в жизни пунийского общества особое значение приобрел фактор, который прежде карфагенские политики вообще не принимали в расчет, — Нумидия. Наряду со сторонниками проримской политики, которых по-прежнему возглавлял Ганнон, тогда уже, очевидно, глубокий старик, в среде пунийской аристократии выделились приверженцы Массанассы. Их возглавлял Ганнибал Скворец [там же]. Нам трудно решить, на что, собственно, они могли рассчитывать: ведь и те и другие должны были понимать, что на этот раз речь идет о полном подчинении либо Риму, либо Нумидии. Может быть, они надеялись под властью сената или царя сохранить свои политические и экономические позиции и именно поэтому вели

дело к капитуляции? Свой позиции, как и раньше, сохраняла демократическая партия, прежние сторонники Баркидов; их руководителями после изгнания и смерти Ганнибала стали Гамилькар Самнит и Карталон [там же].

Именно последние, дождавшись благоприятного момента, взяли в свои руки инициативу. По их настоянию командовавший вспомогательными отрядами карфагенян («боэтарх», как его называет Аппиан), тоже Карталон, напал на людей Массанассы, живших в шатрах на спорной земле. Некоторых он убил, угнал добычу; столкновения продолжались. В результате возникла ситуация, сделавшая возможным римское вмешательство [там же].

На этот раз (182 г.) объектом спора были территории, ранее принадлежавшие Карфагену, а позже захваченные Галой, отцом Массанассы; у Галы их отнял Сифакс и затем отдал своему тестю Гасдрубалу, сыну Гисгона. Еще одно римское посольство явилось в Африку. Карфагеняне утверждали, что эта территория искони принадлежала им и была возвращена в свое время Сифаксом; Массанасса настаивал на том, что он забирает владения, совсем недавно находившиеся под властью его отца. Однако и на этот раз послы не приняли определенного решения и передали дело на рассмотрение сената [Ливий, 40, 17]. Аппиан [Лив., 68] сохранил любопытную подробность: послы ничего не сказали, чтобы в ходе разбирательства Массанасса не потерпел ущерба, но, став между спорящими, протянули руки, как бы отделяя одних от других.

Этот жест должен был означать, что римляне требуют примирения сторон. Не исключено, что именно к этим событиям относится указание Ливия [40, 34, 11],

датируемое уже 181 г.: римское правительство возвратило Карфагену 100 заложников и гарантировало соблюдение мира за себя и за Массанассу. Здесь нет ничего невероятного: легко допустить, что на какой-то момент в Риме возобладали тенденции к сохранению Карфагена. Как мы увидим, для такого предположения есть достаточно серьезные основания.

Таковыми действиями, однако, неравная борьба между Карфагеном и Массанассой могла быть лишь на какое-то время приостановлена; само молчание Ливия, который очень подробно и обстоятельно прослеживает все шаги римской дипломатии в Африке в связи с рассмотрением жалоб одной стороны и претензий другой, служит надежным свидетельством того, что в отношениях между конфликтующими государствами наступило затишье. Основные предпосылки споров не были устранены, и в 172 г. мы снова встречаем в Риме карфагенских послов и нумидийского уполномоченного — царского сына Гулуссу, сенат опять выслушивает жалобы карфагенян, объяснения нумидийцев и принимает решение, которое могло бы показаться примирительным [Ливий, 42, 23, 24].

Пунийцы говорили, что помимо тех земель, о принадлежности которых до сих пор происходило разбирательство, в течение последних двух лет (то есть в 174—173 гг.) Массанасса силой захватил 70 городов и крепостей. По-видимому, этому точно соответствует рассказ Аппиана [Лив., 68] о распрях, начатых Массанассой из-за Великих Равнин и области Туски (Тугги) с ее 50 городами. Ему, продолжали карфагеняне, ни на что не обращающему внимания, это легко; карфагеняне же, связанные договором, молчат; ведь им не позволено воевать за пределами своих границ. Конечно, пунийцы знают, что, изгоняя нумидийцев,

они будут сражаться на своей территории, но даже это они боятся делать, так как им прямо запрещено воевать против союзников римского народа. Карфагеняне уже не в состоянии терпеть его (то есть Массанассы) высокомерие, жестокость и жадность. Пусть сенат примет из трех возможных какое-то одно решение: или рассудит наконец, что кому принадлежит, или позволит карфагенянам защищаться, или, если для римлян дружба важнее правды, определит точно, что из чужого добра он хочет подарить Массанассе. Римляне, конечно, дадут ему не так уже много и, самое главное, будут точно знать, что дали, тогда как он сам не установит предела иначе, как по своему произволу. Если же карфагеняне ничего не добьются, если после мира со Сципионом они в чем-нибудь провинились, то пусть римляне сами их накажут. Они предпочитают безопасное рабство под властью Рима свободе, которая делает их беззащитными перед насилиями Массанассы. Лучше им сразу погибнуть, чем влачить жалкое существование по произволу жестокого палача.

Гулусса в своей ответной речи ничего определенно не сказал. Ему трудно, — говорил он, — объясняться по поводу того, о чем отец не дал ему поручений; его отцу также не легко было дать ему определенное поручение, потому что он не знал, с чем карфагеняне после длительных тайных совещаний в храме Эскулапа (имеется в виду один из древнейших в Карфагене храм бога Эшмуна) отправляются в Рим. Отец послал его умолять сенат не верить наветам общих врагов, ненавидящих Массанассу только за его постоянную верность римскому народу. Ложь, содержащаяся в этих словах, очевидна: Массанасса должен был по обстоятельствам дела хорошо знать, в чем заключается

существо конфликта между ним и Карфагеном. Посылая в Рим своего сына, он невольно показывал, насколько важным считает для себя предстоящее разбирательство: только сыну он мог доверить принятие в достаточно сложной дипломатической обстановке ответственных политических решений.

Сенат велел Гулуссе немедленно отправляться в Нумидию и там передать отцу, чтобы тот как можно скорее прислал своих представителей для ответа на обвинения карфагенян; одновременно Массанасса должен был объявить карфагенянам, чтобы и они явились в Рим, то есть, очевидно, прислали новое посольство для повторного разбора дела. Все это не соответствует рассказу Аппиана [Лив., 68], который пишет, что римляне обещали направить в Африку новую комиссию для решения спора, однако совпадает с главным в повествовании Аппиана: римляне затянули дело, пока не стало ясно, что оно карфагенянами проиграно. Сенат и на этот раз уклонился от определенного ответа, но сопровождал свое требование дополнением, которое должно было продемонстрировать его добрую волю: все, что можно сделать для того, чтобы оказать почет Массанассе, сделано и будет делаться, однако право не будет принесено в жертву дружбе. Сенат желает, чтобы каждый владел той землей, которая ему принадлежит; он не хочет устанавливать новых границ, а намерен сохранить старые; побежденным карфагенянам их город и земли были сохранены не для того, чтобы во время мира насилем отнять у них то, что не было отобрано по праву войны. В провозглашении этих принципов нетрудно разглядеть еще одно проявление той тенденции в африканской политике Рима, о которой говорилось выше: римское правительство в 80-70 гг.

не желало еще окончательной гибели Карфагена, который не представлял собой, по мнению наиболее влиятельных тогда сенаторов, опасности для Рима, но мог служить хорошим противовесом Массанассе; взаимная борьба надежно привязывала обоих противников к римской колеснице. Занимая такую позицию, Рим облачался в тогу защитника права, что давало его действиям наиболее благоприятное освещение. Ему это в особенности было важно теперь, когда надвигалась очередная, уже третья по счету, война с Македонией. Но Рим не хотел ущемлять и отталкивать от себя Массанассу, и именно поэтому вопрос о конкретных взаимных претензиях был опять оставлен открытым до нового разбирательства, которое, очевидно, закончилось в конце концов в пользу нумидийского царя. Гулусса и сенат великолепно подыграли друг другу, так что Аппиан не ошибся в своей оценке действий римских правящих кругов, хотя и подошел к ним несколько односторонне.

В 171 г. в Риме снова появились карфагеняне и Гулусса [Ливий, 43, 3]. Сколько можно судить по изложению Ливия, на этот раз речь шла не только о карфагено-нумидийских спорах, но и о том, что обе стороны доставили своему арбитру вспомогательный флот для войны с Македонией. Гулусса предостерегал римлян от чрезмерного доверия коварным пунийцам: они легко построят флот будто бы для римлян и против македонцев, но когда они его снарядят, в их собственной власти будет решить, кого считать врагом и кого союзником. Дальнейший рассказ Ливия об этом эпизоде утрачен, так что неизвестно, что говорили и делали карфагеняне и какой результат имели все дипломатические ходы Гулуссы. Мы знаем [Ливий, 43, 6], однако,

что в 170 г. карфагеняне предложили Риму 1 000 000 модиев пшеницы и 500 000 модиев ячменя; при этом карфагенские послы говорили о заслугах римского народа и о том, что в другое, более благоприятное время карфагеняне исполняли обязанности благородных и верных союзников. Чем вызвано это изъявление чувств, мы не знаем; скорее всего их должно считать проявлением угодничества по отношению к могущественному победителю, во власти которого находился Карфаген. Может быть, карфагеняне вспомнили о заявлении сената, которое как-то гарантировало будущее их города. Показательно, что послы Массанассы, предложившие римлянам такое же количество пшеницы и сверх того 1 200 всадников и 12 слонов, ограничились на сей раз только выражением готовности выполнить и другие пожелания сената.

К началу 50-х годов II в. в Карфагене, где к этому времени были уже накоплены ресурсы, достаточные, как полагали, для войны и против Массанассы, и против Рима, возобладала демократическая «партия», и она со своей стороны повела дело к новому конфликту. Для нее речь шла не о тех или иных прирезках территории в Африке, но о суверенных правах и свободе Карфагена.

Международная обстановка 50-х — начала 40-х годов II в., казалось, давала пунийским демократам некоторые надежды на успех. В Македонии, совсем недавно покоренной и разделенной на четыре «республики», изолированные одна от другой, в Греции, где римляне усиливали свой нажим на местное население, росло антиримское брожение, а в 149 г. явился самозванец (Лжефилипп), выдававший себя за сына

македонского царя Персея, и ему удалось на какое-то время закрепиться в Македонии и Фессалии. Только в 148 г. римлянам удалось раздавить это движение. В 148—146 гг. римские войска сражаются с Ахейским союзом и уничтожают его, преодолев упорнейшее сопротивление (один из крупнейших греческих торговых центров, Коринф, был в 146 г. разрушен до основания, а место, где он стоял, проклято). В этих условиях выступление карфагенских демократов можно рассматривать как звено в общем антиримском движении народов Средиземноморья.

Между тем в Риме, насколько мы можем об этом судить, вопрос об отношении к Карфагену был в 60-х годах II в. объектом ожесточенной борьбы между представителями двух направлений — умеренного и крайнего, за чем определенно прослеживается борьба между Сципионами и их политическими противниками. После смерти Фабия Максима к ним принадлежал и их возглавлял Марк Норций Катон, прошедший всю II Пуническую войну от Тразименского озера до битвы при Заме¹⁸¹. Убежденный консерватор и ригорист, он всегда был сторонником крайностей и в государственных решениях, и в частной жизни, а против Сципионов он выступал еще в последние годы II Пунической войны. Положение Сципионов, как известно, сильно пошатнулось в Риме уже после победоносного окончания войны с Антиохом, когда у них потребовали отчет в деньгах, которые они получили от Антиоха [ср.: у Гелл., 4, 18], и Луция Корнелия, формально командовавшего в Азии римскими войсками, в конце концов приговорили к денежному штрафу и едва не засадили в тюрьму, когда он отказался платить. Спасло Луция только вмешательство родственника, народного трибуна Тиберия Семпрония

Гракха [Знам., 53, 2]. Но ведь удар направлялся не на Луция, человека совершенно ничтожного и самостоятельной роли в общественной жизни не игравшего (не случайно во время войны при нем в качестве легата состоял его знаменитый брат Публий — победитель Ганнибала, фактически руководивший всеми операциями), обвинители целили именно в Публия и добились его ухода с политической арены. Во время своей нашумевшей цензуры в 184 г., когда он изгонял из сената всех преступавших старые добрые нравы (вроде того сенатора, который посягнул на дело неслыханной аморальности: днем, да еще при дочери, поцеловал свою жену [ср.: у Плут., Кат., 17]), Катон отобрал у Луция Сципиона коня, то есть исключил его из числа всадников [Плут., Кат., 18; Знам., 53, 3], и, следовательно, закрыл перед ним доступ в сенат. Ожесточенные дискуссии о судьбе Карфагена стали, как увидим, новой пробой сил между Сципионами, которых возглавлял теперь Публий Корнелий Сципион Насика, и Катоном.

Нам представляется неправильным видеть в этой борьбе отражение неодинаковой экономической основы и ориентации соперничавших групп, из которых одна вела натуральное хозяйство и опиралась на свои земельные владения в Италии и толпы клиентов (Сципионы), а другая — крупные землевладельцы, тесно связанные с рынком и широко применявшие рабский труд, откупщики, торговцы и т.п. Данных, которые позволили бы утверждать, что Сципионы вели свое хозяйство не так, как Катон, нет; в своем староримском консерватизме Насика, признанный самым лучшим, образцовым гражданином [Знам., 44], не уступал Катону: достаточно вспомнить, что по его инициативе был разрушен первый в

Риме театр, охарактеризованный им как учреждение бесполезное и наносящее вред добрым нравам [Ливий, Сод., 48; Орозий, 4, 21, 4]. Более того, между соперниками не было принципиальных расхождений в том, что касалось основных направлений и целей римской внешней политики; речь шла исключительно о методах ее осуществления, о путях их достижения. Сципионы полагали возможным применить к Карфагену старый, испытанный метод включения в римскую орбиту, превратить Карфаген в союзника Рима, тогда как Катон, опасавшийся чрезмерного могущества Карфагена, требовал стереть его с лица земли. На позиции Насики сказались и обстоятельства внутривосточной борьбы в Риме: Насика думал, что существование Карфагена и постоянная опасность с его стороны будут способствовать укреплению единства римского общества и его стабильности, приведут к ликвидации конфликтов и противоречий (эта концепция вообще характерна для политической мысли эпохи, так что Насика отнюдь не был оригинален в своих суждениях). Кроме того, для Насики, по-видимому, было существенно важно придать войне с Карфагеном «законный» характер, чтобы Рим не предстал в глазах окружающего мира в роли агрессора, ведущего несправедливую войну¹⁸². И тем не менее не случайно именно Сципион Эмилиан (Сципион по усыновлению, Эмилий по рождению) нанес Карфагену последний смертельный удар, а Катон одобрительно оценил его действия, правда, еще в роли подчиненного, а не командующего [ср.: у Плут., Кат., 27].

К сожалению, мы слишком мало и плохо осведомлены о событиях, предшествовавших известному римскому посольству 153 года, в котором наряду

с другими участвовал и Катон. Известно только, что уже в 157 г. очередное римское посольство снова разбирало спор о земельных владениях между Карфагеном и Массанассой, однако на этот раз послы возвратились с потрясающим известием: они обнаружили в Карфагене огромные запасы материала, необходимого для строительства кораблей [Ливий, Сод., 47]. Иначе говоря, Карфаген мог в любой момент восстановить свое могущество и превратиться в опасного врага. Мы не знаем, действительно ли карфагеняне собирались строить военный флот, или же речь шла о постройке торговых судов. Как бы то ни было, сведения, доставленные послами сенату, позволили Катону и его партии снова перейти в наступление.

К тому же в Риме стали распространяться слухи, будто на карфагенской территории находится огромная нумидийская армия, которой командует Ариобарзан, внук Сифакса. Катон, используя эту информацию, выступил с настойчивым предложением объявить Карфагену войну, так как армия Ариобарзана не столько против Массанассы — это только предлог, — сколько против Рима. Ему возражал Насика (содержание его речи неизвестно), и сенат решил направить в Африку посольство, чтобы разобраться во всем на месте.

По-видимому, именно это и было то знаменитое посольство 153 года, в котором участвовал Катон. Аппиан [Лив., 68—69], вероятно, слишком сближает события, когда он ставит миссию Катона в непосредственную связь со спором из-за Великих Равнин и Туски. В действительности, как показывает ливианская традиция, посольства этого периода были вызваны имевшими место или предполагаемыми тайными приготовлениями карфагенян к повой войне с Нумидией, а может

быть, и с Римом. Интересно, что эпитома Ливия все же не упоминает Катона в качестве посла, может быть, вследствие своей краткости.

Судя по описанию Аппиана [Лив., 69], его действия целиком соответствовали его разведывательным целям, как они указаны ливианской традицией. Прибыв в Африку с целью разобраться в территориальном конфликте и потребовав, чтобы обе стороны подчинились их решению, послы не желали тем не менее произнести свой приговор, но отправились осматривать страну и сам Карфаген, чье могущество и многолюдство произвели на них устрашающее впечатление. Плутарх [Плут., Кат., 26] примерно так же изображает впечатления Катона: найдя, что Карфаген, вопреки мнению римлян, не терпит бедствий и не находится в тяжелых обстоятельствах (не совсем ясно, как могло сложиться в Риме такое мнение при наличии постоянных торговых и дипломатических контактов; видимо, в данном случае Плутарх прибегает к риторическому противопоставлению, чтобы наиболее рельефно выявить истоки той позиции, которую занял Катон), но обильно населен, переполнен огромным богатством, буквально набит разного рода оружием и боевым снаряжением, Катон пришел к мысли, что, если город не будет захвачен, римлянам придется столкнуться с теми же бедствиями, что и прежде.

Однако при всем этом остается неясным, как обстояло дело с тем дипломатическим заданием или прикрытием, которое получили римские послы. У Аппиана и Плутарха миссия фактически не завершена; содержание переговоров не интересует ни того, ни другого автора. Иначе обстоит дело в эпитоме Ливия [Сод., 48]. Здесь рассказывается следующее.

Выразив порицание карфагенскому совету за то, что вопреки соглашению о союзе пунийцы имеют и армию (имеются в виду, несомненно, войска Ариобарзана), и материалы для строительства флота, послы выразили пожелание установить мир между Карфагеном и Массанассой, причем на Массанассу возлагалось обязательство отступить от земли, бывшей предметом спора. По Аппиану [Лив., 69], Массанасса выразил готовность подчиниться решению римских послов, тогда как пунийцы, подозревая римлян в том, что те, как и раньше, примут нумидийскую сторону, заявили о ненужности каких-либо новых решений. Достаточно строго соблюдать договор, заключенный в свое время Сципионом. По Ливию [Сод., 48], карфагенский совет высказался за то, чтобы подчиниться решению послов. Это было тем более легко, что решение было благоприятным. Однако тогдашний суфкет Гисгон, сын Гамилькара (может быть, Гамилькара, сына Гисгона, о котором говорилось выше?), «бунтарь», как он назван в источнике, выступил, настаивая на войне с Римом. Нам представляется, что Аппиан и Ливий в данном случае взаимно дополняют друг друга; видимо, Аппиан излагает содержание речей Гисгона, сына Гамилькара.

В связи со всем изложенным возникают по крайней мере два вопроса. Почему римское посольство явно пренебрегло интересами и претензиями Массанассы в пользу Карфагена? И почему карфагенские демократические круги, несмотря на это, пошли фактически на разрыв с Римом?

Позиция римского посольства могла диктоваться нежеланием в данный момент осложнять положение Рима войною в Африке, которая обещала быть трудной и длительной, в условиях когда шла война в

Испании и назревали волнения на Балканском полуострове. Не исключено также, что римское посольство, несомненно осведомленное о настроениях карфагенских демократов, ничем не рисковало, будучи заранее уверенным, что они не согласятся с какими бы то ни было предложениями римлян. Тогда Рим мог сохранить положение миролюбивого и благожелательного посредника, в то время как карфагеняне предстали бы и роли агрессивно настроенных людей, которые к тому же сами не знают, чего хотят.

Если римские послы рассуждали таким образом, то не ошиблись в прогнозах. Позиция карфагенских демократов определялась, несомненно, тем, что они вообще не хотели римского посредничества. Вот почему Гисгон, сын Гамилькара, с порога отвергал любое, даже благоприятное, решение, раз оно исходило от римлян и, следовательно, обозначало римское верховенство над Карфагеном, обоснованно полагая к тому же, что римляне найдут способ так или иначе ублаготворить своего союзника. Замечания послов по поводу армии и строительных материалов были ясным предупреждением, что Рим не допустит усиления Карфагена, не позволит ему сопротивляться Массанассе, не потерпит его самостоятельности. Гисгон и стоявшая за ним группировка предпочитали воевать. Победоносная война против Рима решила бы раз навсегда и все споры с Нумидией.

Легко представить себе настроение, с которым послы возвратились на родину. Фактически полностью оправдались их самые худшие предположения. Карфаген достаточно силен, чтобы воевать; более того, решающую роль в Карфагене играют люди, открыто

призывающие к войне с Римом, идущие на прямой разрыв. В этих условиях рассказы послов об устрашающем могуществе Карфагена приобретали особое звучание. Катон говорил, что Рим не сможет чувствовать себя уверенным и не опасаться за свою свободу, пока существует Карфаген [Апп., Лив., 69]. Рассказывали, что в сенате он высыпал оливки, привезенные из Африки; когда все стали изумляться их величине и красоте, Катон сказал, что земля, выращивающая такие плоды, лежит в трех днях плавания от Рима [Плут., Кат., 27; ср.: у Плиния, 15, 75]. В этой демонстрации нетрудно, конечно, разглядеть призыв к римским крестьянам овладеть плодородными африканскими землями, а для этого — уничтожить Карфаген. До нас дошел фрагмент речи Катона, где обосновывается законность и неизбежность войны Рима с Карфагеном [Катон, фрагм., 185]: «Карфагеняне уже наши враги, ибо тот, кто все готовит против меня, чтобы, когда захочет, быть в состоянии начать войну, — уже мой враг, даже если еще не пустил в ход оружия»¹⁸³. «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен» — этой формулой Катон заканчивал каждое свое выступление в сенате [Велл. Пат., 1, 13, 1; Плиний, 15, 74; Флор., 1, 31, 4; Знам., 47; Циц., Кат., 18]. Возражения Насики, в условиях когда пунийские власти сознательно пошли на прямое обострение отношений с Римом, звучали весьма неубедительно.

Массанасса со своей стороны делал все, чтобы укрепить антикарфагенские настроения сената. В 152 г. в Рим снова прибыл его сын Гулусса с доносом на карфагенян, которые набирают войска, строят флот и, без сомнения, готовят войну. В сенате по этому поводу опять произошло столкновение; Катон требовал

объявить войну, тогда как Насика призывал к осторожности: ничего не следует делать второпях, не подумав. Было решено еще раз отправить в Карфаген десять послов, чтобы разобраться на месте [Ливий, Сод., 48]. Возвратившись из Африки, послы, вместе с которыми прибыли карфагенская миссия и Гулусса, сообщили, что они действительно обнаружили в Карфагене армию и флот. Теперь Катон и его сторонники — другие первоприсутствующие в сенате, как говорит наш источник, с еще большей настойчивостью, чем прежде, предлагали немедленно переправить войска в Африку. Насика тем не менее продолжал повторять, что он не видит законного повода к войне. Сенат решил воздержаться от войны, если карфагеняне сожгут корабли и распустят армию; в противном случае будущие консулы должны были формально поставить вопрос о новой войне с Карфагеном.

Тем временем события в Африке развивались своим чередом. Отказавшись от посредничества и доведя дело до прямого разрыва с Римом, карфагенские демократы сделали вполне логичный шаг — изгнали из Карфагена сторонников Массанассы; народное собрание поклялось никогда не принимать их обратно и не позволять вносить предложения об их возвращении. Изгнанники бежали к Массанассе и принялись убеждать царя начать войну с Карфагеном. Собственно, Массанассу не нужно было особенно подталкивать, тем более в условиях, когда пунийские власти открыто пренебрегли римской поддержкой, однако нумидийский владыка желал соблюдать приличия. Он отправил в Карфаген своих сыновей Гулуссу и Микипсу с требованием вернуть изгнанников, но бозтарх запер перед ними ворота. Он не

желал, чтобы Гулусса и Микипса обратились к народу и чтобы родственники осужденных могли побудить народ изменить свое решение. Когда Гулусса возвращался, на него напал Гамилькар Самнит. Массанасса использовал все эти события как предлог для вторжения. Он вторгся на пунийскую территорию и принялся осаждать г. Гороскопу. Туда же повел свои войска и Гасдрубал, командовавший в тот момент пунийской армией. Массанасса начал медленно отступать, пока не заманил Гасдрубала на пустынную равнину, окруженную со всех сторон холмами [Апп., Лив., 70]. Там в ожесточенном сражении карфагеняне были разбиты; обратившись к Сципиону Эмилиану, который случайно находился в этот момент в лагере Массанассы, они просили его о посредничестве. Теперь пунийское командование соглашалось уступить Нумидии спорные территории в Эмпориях (то есть сделать то, что командовавший в тот момент пунийской армией Массанасса фактически уже осуществлял) и уплатить контрибуцию — 200 талантов серебра сразу и 800 с течением времени. Однако переговоры сорвались из-за того, пишет Аппиан [Лив., 71—72], что карфагеняне отказались выдать перебежчиков. Массанасса окружил лагерь Гасдрубала. Очередная попытка римлян примирить врагов успеха не имела. Гасдрубал вызывающе заявил, что если у Массанассы дела идут хуже, тогда пусть римляне разрешают конфликт, а если лучше, пусть подстрекают его [Апп., Лив., 72]. Голод и болезни истребили почти всю армию Гасдрубала. Лишь немногие из его 58 000 воинов, в том числе и командующий, сумели пробиться в Карфаген [Апп., Лив., 73]. Очевидно, именно эти события 150 г. имеет в виду Тит Ливий [Сод., 48], говоря о войне, которую карфагеняне вопреки

договору объявили Массанассе и проиграли. По всей видимости, именно это столкновение Массанассы с Карфагеном имелось в виду и во фрагменте так называемых оксиринхских эпитом Ливия, от которого, однако, сохранились только заключительные слова: «против карфагенян»¹⁸⁴.

II

Поражение в войне с Массанассой поставило Карфаген в исключительно трудное положение. Потеряв огромную армию и оказавшись беззащитным перед лицом коварного и неумолимого врага, Карфаген явился к тому же и нарушителем римско-пунийского договора. Он не только готовил армию и флот, он без разрешения сената начал войну с Массанассой, союзником римского народа. Все это давало Риму достаточные юридические основания объявить Карфагену войну. И в Риме действительно приступили к мобилизации [Апп., Лив., 74]. Ошибиться в значении подобной меры было невозможно. У карфагенского правительства в таких условиях было только два выхода: либо готовиться к войне, либо сдаться на милость римлян, желавших так или иначе привести Карфаген к окончательному порабощению или даже к гибели. Аристократическая проримская «партия», которую поражение Гасдрубала снова привело к власти, избрала второй путь. Словно в каком-то паническом ослеплении, в пароксизме слепого страха она, покорно выполняя одно за другим все требования сената и римского командования, поставила Карфаген на край гибели.

Прежде всего карфагенские правители решительно отмежевались от всех защитников и участников войны

с Массанассой. Руководители демократического движения — Гасдрубал, Карталон и другие видные деятели были приговорены к смертной казни. Затем, полагая, что они уже достаточно сделали, дабы представить злополучную кампанию как авантюру частных лиц, за которую государство не может отвечать, карфагеняне отправили в Рим очередное посольство. Оно обличало Массанассу и обрушилось с упреками на тех людей, которые, защищаясь слишком энергично и решительно, подвергли город опасности быть обвиненным в ведении войны. Однако все разговоры были уже напрасными. В сенате окончательно победила точка зрения Катона. И если Карфагену немедленно не объявили войны, то по одной причине: желали накопить как можно больше сил. Подготовка в Риме шла полным ходом. На заседании сената, где послы произносили речи, им был задан единственный вопрос: как могло случиться, что карфагеняне приговорили виновных к смерти не в начале войны, а после поражения, и явились в Рим не прежде, а лишь теперь. Пунийцы не знали, что отвечать. Ответ карфагенскому правительству был дан предельно неопределенный: оно недостаточно оправдалось перед римлянами. Из этих слов, однако, было ясно, что сенат не желает ничего больше слушать ни о Массанассе и его претензиях, ни о спорах из-за африканских земель. Послам, естественно, оставалось только осведомиться о том наказании, какому карфагеняне должны подвергнуться, чтобы снять с себя вину, если римляне считают их виновными. «Удовлетворить римлян», — так сформулировал сенат свои требования [Апп., Лив., 74; Диодор, 32, 3].

Но что же могло удовлетворить римлян? Карфагенское правительство, готовое буквально на все, не

знало, что предпринять. Одни думали, что римляне хотят еще денег, другие — чтобы Массанассе были отданы спорные земли. Снова запросили римлян и снова слышали: карфагеняне сами хорошо знают, что они должны делать [Апп., Лив., 74; ср.: у Диодора, 32, 1]. Судя по дошедшим до нас отрывкам из повествования Полибия [36, 3, 2—3], получив столь «исчерпывающее» указание и не видя никакого выхода, карфагенское правительство начало обсуждать вопрос о сдаче города римлянам. Речь шла не только о признании их господства: рассматривая сдающихся как добычу, римское государство становилось собственником всей принадлежащей им земли, имущества (в том числе недвижимого), а также личности сдающихся. Именно так объясняет положение вещей Полибий (36, 4, 1—4] применительно к данному случаю. Иначе говоря, речь шла о рабстве в прямом и точном смысле этого слова. В свою очередь, римляне обычно «возвращали» сдающимся в большем или меньшем объеме их суверенные и имущественные права, оставляя за собой верховную власть. Это давало пунийцам некоторую надежду сохранить свой город, в какой-то мере самоуправление и возможность по-прежнему обогащаться эксплуатацией крупных землевладений, ремеслом и торговлей.

Смятение и тревога, царившие в Карфагене ввиду крайней неопределенности положения и явно надвигавшейся беды, еще больше усилились, когда стало известно, что Утика, одна из древнейших колоний Тира в Северной Африке, старинная и, казалось, самая надежная союзница, на которую можно было положиться в любых испытаниях, пользовавшаяся в Карфагенской державе особенно привилегированным

положением — эта самая Утика сдалась римлянам [Полибий, 31, 3, 1; Апп., Лив., 75; Ливий, Сод., 49] и, по-видимому, даже предложила им свою помощь¹⁸⁵. Дело было, конечно, не только в том, что Утика опередила карфагенян и тем лишила их некоторых преимуществ, на которые пунийцы рассчитывали [Полибий, 36, 3, 4]. Решение Утики показало римскому правительству, что Карфаген не может больше полагаться на своих африканских подданных и союзников, в том числе и на самых близких. Оно подстрекнуло сенат ускорить формальное [Апп., Лив., 75] объявление войны ([ср., однако: у Ливия [Сод., 49], где послы из Утики являются в Рим сразу же после сенатского решения), и в Карфагене, хотя там, естественно, лишь через некоторое время узнали об этом обстоятельстве, хорошо понимали, что действия Утики развязывают римлянам руки. Именно поэтому после длительного и тяжелого обсуждения совет решил придерживаться прежней линии поведения и отправил в Рим посольство с неограниченными полномочиями; послы должны были самостоятельно принимать на месте решения, исходя из обстановки и учитывая положение и интересы своей родины. Однако в Рим послы прибыли слишком поздно (по Аппиану [Лив., 76] и Диодору [32, 6], посольство было отправлено в Рим уже после того, как в Карфагене узнали об объявлении войны).

Насколько мы можем судить по ливианской традиции [Ливий, Сод., 49], вопрос об отношении к Карфагену и о его судьбе до самого последнего момента оставался объектом острой политической дискуссии между Катонем и Насикой. Катон, основываясь теперь, конечно, на событиях 150 г., еще более настойчиво требовал начать боевые операции,

разрушить и уничтожить Карфаген. Насика по-прежнему возражал, но его уже не слушали. Карфагено-нумидийское столкновение, поведение карфагенских демократических магистратов по отношению к римским посольствам и их отказ от посредничества при решении территориальных споров подтвердили в глазах сенаторов правоту Катона. Сенат постановил: за то, что Карфаген вопреки договору содержал флот, вывел войска за границу, поднял оружие против Массанассы — союзника и друга римского народа, не допустил в город его сына Гулуссу, который прибыл туда вместе с римскими послами, — за все это объявить Карфагену войну. Она была поручена консулам Манию Манилию (командование пехотой) и Луцию Марцию Ценсорину (начальствование над флотом). Тайные инструкции, полученные Манилием и Ценсорином при отъезде, заранее отвергали любую возможность мирного урегулирования: они должны были стереть Карфаген с лица земли и только после этого имели право считать свое задание выполненным. Какое-либо другое решение исключалось [Апп., Лив., 75].

Карфагенские послы, явившиеся в Рим уже после этих событий, конечно, не знали о секретных указаниях, которыми окончательно и бесповоротно решалась судьба города. Однако они видели, что, в условиях когда война уже начата, им совещаться не о чем. Все еще надеясь мирным путем удовлетворить сенат, посольство объявило о полной и безусловной сдаче Карфагена [Полибий, 36, 3, 8; Ливий, Сод., 49; Диодор, 32, 6, 1]. Сделать и потребовать что-либо еще сверх этого, казалось, было уже невозможно. Послы жестоко просчитались. Правда, доводя до сведения пунийской миссии ответ

римского правительства, претор, имени которого источники не называют, объявил, что сенаторы, принимая во внимание прекрасное решение карфагенян, предоставляют им свободу, законы, всю страну, а также обладание всем имуществом, как общественным, так и частным. Но, добавил претор, все это карфагеняне получают, если в течение 30 дней доставят в Лилибей 300 заложников, сыновей членов совета и коллегии 30-ти, а также выполняют другие требования консулов [Полибий, 36, 4, 5—6: Диодор, 32, 6, 1; Апп., Лив., 76].

Получив такой ответ, карфагенское правительство могло испытывать некоторое облегчение. Конечно, неопределенность сохранялась, так как не было известно, чего потребуют консулы: очень беспокоило и умолчание о самом городе. Но главное — заверения в том, что карфагеняне сохранят свою жизнь, свободу, имущество, — было получено. Пунийцы не знали, что сенат по настоянию Катона тайно подтвердил консулам свое прежнее решение — вести дело к войне и к уничтожению Карфагена [Апп., Лив., 76; Ливий, Сод., 49; Диодор, 32, 6, 1].

Карфагенские власти поспешили отправить заложников в Лилибей. На улицах и в гавани матери с воплями цеплялись за детей, пытались задержать моряков, хватались за корабли, разрывали паруса; некоторые плыли за судами, увозившими их сыновей, далеко в открытое море [Апп., Лив., 77; Полибий, 36, 5, 7; Диодор, 32, 6, 2].

Однако совету еще нужно было узнать, каковы дополнительные требования консулов, и в Утику, куда уже прибыли римские войска, явилось очередное карфагенское посольство. На сей раз консулы предложили выдать все оружие, которое хранилось

в пунийских арсеналах. Нерешительные возражения карфагенян (вокруг города рыщет Гасдрубал, предводитель демократов, главный виновник войны с Массанассой, и от него нужно защищаться) были категорически отвергнуты (римское командование само обеспечит безопасность Карфагена); римляне получили 200 000 комплектов пехотного вооружения и 2 000 (по Страбону, 3 000) катапульт [Полибий, 36, 6; Страбон, 17, 3, 15; Диодор, 32, 6, 2; Апп., Лив., 79; Орозий, 4, 22, 2]; согласно Зонаре [9, 26], часть оружия карфагеняне припрятали.

И только теперь, когда Карфаген добровольно разоружился, Манилий и Ценсорин решились предъявить главное требование. Пригласив в свой лагерь герусиастов, они объявили, что карфагеняне должны покинуть город и поселиться на принадлежащей им территории в любом другом месте, но не ближе 80 стадий (то есть около 15 км; по Ливию, 10 миль) от моря [Апп., Лив., 81; Диодор, 32, 6, 3; Ливий, Сод., 49; Зонара, 9, 26]¹⁸⁶.

Карфагенские герусиасты надеялись смирением и покорностью задобрить беспощадного врага. И вот им предстояло объявить согражданам смертный приговор. Не имея выходов к морю, в стороне от важнейших судоходных путей, карфагеняне, жившие морской торговлей, работавшие на мировой рынок, были обречены на неминуемую гибель. Все попытки объясниться или хотя бы разжалобить консулов ни к чему не привели. Приказание сената должно быть исполнено без проволочек. Оно не подлежит обсуждению и не может быть изменено. Единственное, чего добилась эта дипломатическая миссия: Ценсорин поставил у входа в

карфагенские гавани свои корабли, чтобы уstraшенный народ легче покорился своей участи...

На улицах, у ворот, на городских стенах послов ожидали огромные толпы народа. Многие выбежали послам навстречу, их чуть было не задушили в воротах, однако герусиасты молча продолжали свой путь. Они должны прежде всего сообщить совету о требованиях римлян [Апп., Лив., 91; ср.: у Диодора, 32, 6, 5].

По мрачным лицам герусиастов, по тому, как они воздевали руки к богам и били себя кулаками по голове, люди догадывались, что произошло нечто ужасное. Перед зданием совета в нетерпеливом ожидании толпился народ. Внезапно слышали страшный вопль, ворвались внутрь, и... началась поистине безумная оргия отчаяния. Одни бросались на вестников несчастья, другие убивали тех, кто предлагал выдать заложников и дать оружие, третьи рассыпались по улицам и истребляли италиков, случайно оказавшихся в городе. Кто-то побежал в храмы, кто-то — к опустошенным арсеналам, кто-то — к верфям и гаваням [Полибий, 36, 7, 3—5; Апп., Лив., 92; Зонара, 9, 26]. И лишь немногие, сохранившие способность трезво рассуждать, заперли ворота и начали сносить на стены камни.

Совет, где на этот раз окончательно возобладали демократы, решил воевать. Первой его мерой было освобождение рабов, которых, таким образом, можно было включить в армию [ср. также: у Зонары, 9, 26]. Командующим вооруженными силами, действовавшими за городскими стенами, совет избрал Гасдрубала, совсем недавно приговоренного к смертной казни. Его просили не помнить зла, когда отечество находится в крайней опасности. Гасдрубал уже имел

в своем распоряжении 20 000 воинов; организацию другой армии, предназначенной для защиты городских стен, поручили Гасдрубалу, внуку (по дочери) Массанассы. Одновременно совет обратился к римскому командованию с просьбой о перемирии на 30 дней, чтобы иметь возможность отправить в Рим новое посольство, но получил отказ [Апп., Лив., 93].

Карфагеняне, полные решимости претерпеть что угодно, лишь бы не покидать родины, готовились к борьбе. Все государственные и храмовые участки, все вместительные и удобные помещения они превратили в ремесленные мастерские, где беспрерывно днем и ночью работали мужчины и женщины; они изготавливали каждый день по 100 (по Страбону, по 140) щитов, 300 мечей, 1 000 стрел для катапульта, 500 дротиков и копий, а также катапульты — сколько удастся. Канаты плели из женских волос. Для строительства кораблей переливали медные статуи и брали деревянные балки общественных и частных зданий. Никто не уклонялся от этой работы [Апп., Лив., 93; Страбон, 17, 3, 15; Дион Касс., фрагм., 71; Орозий, 4, 23, 4]. Женщины отдавали все свои золотые украшения на покупку вооружения и продовольствия [Диодор, 32, 9].

Между тем консулы медлили. Они рассчитывали, по-видимому, что в любой момент без особого труда смогут овладеть безоружным городом, а может быть, и не решались как-то сразу подвести своих солдат к его стенам. Не исключено, что они рассчитывали на сдачу Карфагена. К тому же у римлян вышли неприятности с Массанассой, который без всякого энтузиазма наблюдал, как союзники уводят у него из-под носа богатейшую добычу. Он, правда, в конце концов предложил свою помощь, но консулы ответили,

что обратятся к нему в случае надобности [Апп., Лив., 94]. Лишь через несколько дней, которые они провели в переговорах с Массанассой и в хлопотах о доставке продовольствия, консулы подошли наконец к Карфагену и попытались взять его штурмом.

Манилий двигался по перешейку, соединявшему Карфаген с материком, рассчитывая, что сможет засыпать там ров и овладеть сначала небольшим передним укреплением, а потом и стенами. Ценсорин с суши и с моря продвигал лестницы к слабо укрепленному углу стены. Однако, натолкнувшись на сопротивление, которого они не ожидали, римляне отступили. Пока шел бой, с тыла подошел Гасдрубал и расположился за болотом; опасаясь внезапного нападения, консулы принялись укреплять собственные лагеря [Апп., Лив., 97]. По завершении этой работы Ценсорин переправился через болото за лесом для постройки осадных машин; там на него напал во главе отряда пунийской конницы Гамилькар (у Аппиана — Гимилькон) Фамея. Римляне потеряли в ожесточенной схватке 500 человек, однако лес Ценсорин все-таки добыл, и по его приказанию в римском лагере изготовили новые лестницы и осадные машины. Снова римляне пошли на штурм города и снова отступили. Манилий отчаялся взять город со стороны перешейка [Апп., Лив., 97]. Римское командование разработало другой план.

Засыпав землю часть болота вдоль косы, выдающейся глубоко в море, Ценсорин придвинул к стене два больших тарана. В результате их работы часть стены упала, и уже можно было видеть дома и улицы города. Но карфагеняне бросились к пролomu и, отеснив противника, принялись ночью спешно заделывать стену; часть их — вооруженные и безоружные, с

одними только факелами в руках, вышли за городскую стену и сожгли или привели в негодность машины. Утром у пролома завязалось новое сражение. Римляне пытались прорваться в город. Карфагеняне противопоставили им шеренги вооруженных воинов, за которыми толпился народ с кольями и камнями в руках. Многие пунийцы ожидали неприятеля на крышах. Карфагенянам удалось вытеснить римлян за городскую стену; от преследования их спас Сципион Эмилиан, тогда военный трибун [Апп., Лив., 98; Ливий, Сод., 49; Орозий, 4, 22, 7; Зонара, 9, 21]¹⁸⁷.

Ко времени летнего солнцестояния в лагере Ценсорина из-за ядовитых испарений начались болезни, и он счел за благо перебраться к морю. Между тем пунийцы, используя затишье, решили нанести удар по римскому флоту. С этой целью они хворостом и паклей нагружали небольшие парусные лодки, подтаскивали их канатами вдоль стен к тому месту, откуда ветер гнал бы их к римскому флоту, потом насыпали серу, заливали смолу, поджигали и пускали. В результате римляне потеряли почти все свои корабли. Осенью 149 г. Ценсорин уехал в Рим проводить очередные выборы магистратов. Руководство осадой целиком перешло к Манилию. На его лагерь карфагеняне предприняли еще одну вылазку. Глухою ночью они подошли к оборонительному валу и принялись его разрушать. Им помешал Сципион Эмилиан, ударивший по карфагенянам с тыла и заставивший их отступить [Апп., Лив., 99]. После этого события Манилий построил вокруг лагеря стену [Апп., Лив., 100].

Беспрестанные неудачи и трудности, с которыми Ценсорин и Манилий столкнулись при попытках

штурмовать обезоруженный, но хорошо укрепленный город, решительное сопротивление карфагенян заставило римское командование отказаться от продолжения борьбы у городских стен. Ведя по-прежнему осаду, Манилий главные операции перенес в Ливию — против отрядов Гасдрубала и Гамилькара Фамей. В особенности тревожил римлян Фамей; своими партизанскими налетами он почти совершенно парализовал действия римских фуражиров и команд, посылавшихся за продовольствием. Правда, он делал исключение для подразделений, которыми командовал Сципион Эмилиан; они отличались высокой дисциплиной и организованностью, так что Фамей не мог рисковать [Апп., Лив., 100 — 101].

Не принес Манилию удачи и поход против Гасдрубала к Неферису. Там римляне, окруженные возвышенностями и крутыми склонами, занятыми неприятелем, вынуждены были пробираться через заросли, ущелья и горные потоки и едва не попали в ловушку. Ожесточенное сражение не дало перевеса ни одной из сторон и, когда римляне, ничего не добившись, начали отступление, Гасдрубал напал на уходящих. От полного разгрома римскую армию и на этот раз спас Сципион Эмилиан [Апп., Лив., 102 — 103; Ливий, Сод., 49; ср.: у Зонары, 9, 27].

Кампания 149 года не увенчалась сколько-нибудь заметными успехами римского оружия. Вопреки всем ожиданиям война затягивалась, и сенат, обеспокоенный таким развитием событий, отправил в Африку специальную комиссию разузнать, что, собственно, происходит. Картина, которую сенатские уполномоченные застали, была весьма неприглядной; если только наши источники не преувеличивают, единственным римским военачальником, добившимся некоторых,

правда, пока не слишком ощутимых побед, да к тому же в оборонительных боях, был Сципион Эмилиан [Апп., Лив., 105]. И наверное не случайно и старик Катон уже на краю могилы отличил Эмилиана, характеризуя его стихом из «Одиссеи»: «Он лишь с умом; все другие безумными тенями реют» [Одисс., X, 495; см. об этом: Полибий, 36, 8, 6; Диодор, 32, 9а; Плут., Кат., 27; ср.: у Ливия, Сод., 49, а также у Плут., Апоф., 3].

Как бы то ни было, сенат счел необходимым напомнить Массанассе о союзе и о том, что римляне нуждаются в его помощи. Однако сенатские послы уже не застали престарелого царя в живых. В память о прежних дружественных отношениях со Сципионом Массанасса просил Эмилиана разделить наследство между его сыновьями [ср.: у Евтропия, 4, 11; Орозий, 4, 22, 8]. Политическое значение этой миссии и для Рима, и для самого Эмилиана очевидно. Эмилиан сделал все, чтобы максимально ослабить Нумидийское царство и еще крепче привязать его к Риму. Он сделал царский титул, как говорит Аппиан, общим достоянием всех трех претендентов — Микипсы, Гулуссы и Мастанабала, причем Микипсе он предоставил обладание Циртой и царским двором, т.е. формально верховную власть, Гулуссе — ведение войны и заключение мира, а следовательно, и командование армией, а Мастанабалу — суд над подданными, т.е. гражданское управление [Апп., Лив., 105 — 106; Линий, Сод., 50; Зонара, 9, 27]¹⁸⁸. Это решение лишило каждого из них необходимой полноты власти (особенно комическое зрелище должен был представлять Микипса, лишенный реальных полномочий) и подготовило почву для раздоров в отдаленном будущем между членами нумидийского царского

дома. Однако оно позволило Эмилиану привести в римский лагерь всадников Гулуссы и направить их на борьбу с Фамеей [Апп., Лив., 107]¹⁸⁹.

Впрочем, долго воевать с ним не понадобилось. Эмилиан нашел случай вступить в личные переговоры с Фамеей, предложил спастись ему самому, коль скоро он не сможет спасти государства, и обещал прощение и благодарность римлян. Фамея, видимо скептически оценивавший перспективы карфагенского сопротивления, но не хотевший обнаруживать своей заинтересованности в обещаниях Эмилиана, сказал, что обдумает его слова и своевременно сообщит [там же]. Между тем Манилий снова двинулся к Неферису против Гасдрубала, расположился там лагерем, но добиться успеха по-прежнему не смог. Как раз в этот момент Эмилиан получил известие от Фамеи, который с частью (измене остальных помешал Ганнибел Белый) своего отряда перешел на сторону римлян [Апп., Лив., 108; Диодор, 32, 17, 1; Ливий, Сод., 50; Зонара, 9, 27]. Теперь Манилий счел возможным отступить к своему основному лагерю [Апп., Лив., 109].

Там его уже ожидал новый консул — Луций Кальпурний Писон Цесоний, которому сенат поручил ведение африканской войны. Командовать флотом назначили Луция Гостилия Манцина. Манилий должен был возвратиться в Рим; туда же он отправил и Эмилиана вместе с Фамеей. Сенат щедро наградил Фамею за предательство, пожаловав пурпурное одеяние с золотой пряжкой, коня с золотой сбруей, полное вооружение и 10 000 драхм. Обещали ему и еще больше, если он будет и в дальнейшем помогать римлянам. Фамея, в свою очередь, заверил недавних врагов в преданности и, воодушевленный открывшимися

ему блестящими перспективами, воротился в Африку, в римский лагерь [там же].

Кампанию 148 года Писон начал атаками на африканские города. Ему не удалось овладеть Аспидой, но он захватил какой-то другой пункт, названия которого источник не упоминает, а затем подступил к Гиппону Диарриту и безуспешно осаждал его в течение целого лета. Потеряв все осадные орудия, Писон удалился на зимние квартиры в Утику [Апп., Лив., 110; Зонара 9, 29].

Такой ход военных действий, естественно, внушил карфагенскому демократическому правительству уверенность в своих силах и надежду на победу, тем более что к Гасдрубалу перебежал от Гулуссы нумидиец Бития с 800 всадниками, а Микипса и Мастанабал вовсе не торопились помогать римлянам [Апп., Лив., 111].

В этих условиях пунийский совет развернул энергичную дипломатическую работу, пытаясь сколотить новую антиримскую коалицию. Его послы в это горячее время побывали и у нумидийцев, и у Лжефилиппа. Карфагеняне опять где силой, а где убеждением овладели почти всею Ливией [там же].

В самом Карфагене возобновилась и приняла чрезвычайно острые формы борьба за власть, теперь уже в демократической партии. На одном из заседаний совета Гасдрубал внезапно обвинил начальника городского гарнизона Гасдрубала, внука Массанассы, в том, что тот фактически помогает своему дяде Гулуссе. Обвиняемый в смятении не нашелся, что отвечать, и члены совета тут же забили его скамьями насмерть¹⁹⁰. Вся карфагенская армия перешла под командование Гасдрубала [Апп., Лив., 111; Орозий, 4, 22, 8]. Все шло как прежде.

Полибий [38, 2, 7-12; ср.: 38, 1, 1] дает Гасдрубалу как полководцу и государственному деятелю, просто как человеку резко отрицательную оценку. В его изображении, карфагенский командующий выступает в облике тщеславного труса, который набивает свое брюхо пищей в то время, когда его сограждане гибнут от голода, и способен только на хвастливые речи, но отнюдь не на подлинно героические поступки. В этом портрете, очевидно, много понятных преувеличений. Тем не менее единственный успех, который Гасдрубал мог поставить себе в заслугу, — это действия против Манилия у Нефериса. Трагическая гибель Гасдрубала, внука Массанассы, обнаружила в нем властолюбивого демагога и интригана.

В Риме постоянные неудачи внушали и тревогу и недоверие ко всем этим Ценсоринам, Манилиям, Писонам, бездарно затягивавшим войну. Очередные выборы магистратов, проходившие в обстановке острой внутривполитической борьбы, закончились внушительной победой демократических кругов и Сципионов, которых эти круги поддерживали. Одним из консулов на 147 год избрали Сципиона Эмилиана, хотя он и не достиг возраста, позволявшего ему претендовать на такую должность, и выставил свою кандидатуру всего лишь в эдилы [Знам., 53, 5; Евтропий, 4, 12; Диодор, 32, 9а; Ливий, Сод., 49; Зонара, 9, 29], и не проделал необходимой военно-административной карьеры. Решающую роль здесь, конечно, сыграли его репутация и общая уверенность в том, что только он сможет победоносно завершить войну и разрушить Карфаген. История повторялась: консулы настойчиво указывали на непозволительность такого выбора (за этим, несомненно, прослеживаются действия антисципионовской партии в сенате

[ср.: у Ливия, Сод., 50]), однако под давлением народного собрания, где активнейшую роль играли народные трибуны, сенат был вынужден уступить. Другим решением народного собрания, несмотря на противодействие консула Марка Ливия Друза, требовавшего жеребьевки, война в Африке была поручена Эмилиану [Апп., Лив., 112].

Когда Эмилиан, уже в качестве консула и римского командующего, прибыл в Утику, он застал свои пехотные части ведущими осаду некоторых африканских городов, а флот — атакующим Карфаген. Попытка Манцина прорваться в город провалилась, и лишь дополнительные корабли, своевременно посланные Эмилианом, спасли его десант от гибели [Апп., Лив., 113—114].

Эмилиану, очевидно, с самого начала было ясно, что, придерживаясь стратегической линии Манилия — Писона, овладеть Карфагеном в обозримом будущем, он не сможет. Именно поэтому Эмилиан радикально изменил всю концепцию войны и сосредоточил внимание главным образом на осаде Карфагена, расположившись лагерем у подступов к городу. В непосредственной близости от римлян, на расстоянии 5 стадий (около 1 км) от городских стен, устроили свой лагерь и карфагеняне. Туда прибыли Гасдрубал и начальник пунийской конницы Бития [Апп., Лив., 114]. По всей видимости, Эмилиан принял какие-то меры и к укреплению воинской дисциплины [Апп., Лив., 115—117], хотя мы и не знаем, до какой степени рассказ об этом событии отражает объективную реальность и в какой мере он продиктован понятным желанием традиции, сочувствовавшей новому полководцу, противопоставить его Писону, Манилию и Ценсорину.

Первую свою атаку Эмилиан направил против Мегары — окруженной стеной северной окраины города. Удар был нанесен ночью с двух флангов. Попытка преодолеть оборонительные сооружения штурмом не удалась, и тогда Эмилиан отправил отряд юношей, с тем чтобы они поднялись на башню, стоявшую недалеко от карфагенских укреплений. Оттуда воины перебрались на стену, спрыгнули на улицы и, взломав небольшие ворота,пустили Эмилиана. Карфагеняне в смятении бросились в Бирсу, однако и римский командующий решил не удерживать Мегару; переполненный огородами и садами, деревьями и кустарниками, перерезанный во всех направлениях оросительными каналами, этот район был очень неудобен для ведения боя. Эмилиан отступил [Апп., Лив., 117] (Зонара [9, 29] приписывает эту операцию в Мегаре Манцину).

Несмотря на отход римских отрядов из Мегары, успех Эмилиана был чрезвычайно многозначителен. Римляне впервые ворвались на территорию Карфагена, они сумели преодолеть, казалось, неприступные стены. И Гасдрубал, несомненно, для «поднятия духа» своих сограждан, а также, как справедливо замечает Аппиан, чтобы исключить всякую возможность мира, ответил на действия Эмилиана актом бессмысленной жестокости. По его приказанию на стены, чтобы враги хорошо видели, вывели пленных римских солдат и подвергли их всякого рода истязаниям: вырывали глаза, язык, жилы, половые органы, отрезали подошвы, отрубали пальцы, сдирали кожу. Умиравших сбрасывали со стены и со скал¹⁹¹. Однако достиг он противоположного результата. Бесчеловечная расправа не только ожесточила римлян, она вызвала возмущение и в самом Карфагене. Были возмущены и члены совета, которые хотели сохранить хоть какую-то надежду на

пощаду. Гасдрубал силой подавил сопротивление, кое-кто из недовольных жизнью поплатился за свои речи. В Карфагене окончательно установилась военная диктатура [Апп., Лив., 118; ср.: у Полибия, 38, 2, 12—13].

Бездействие Гасдрубала позволило Эмилиану без особого труда овладеть и карфагенским лагерем за городской стеной, а потом выкопать поперек перешейка два рва от моря до моря и таким образом отрезать Карфаген от материка. С обоих флангов Эмилиан также вырыл рвы. Затем он окружил этот четырехугольник столбами и палисадами и, наконец, на стороне, обращенной к Карфагену, построил мощную стену. Так была создана крепость, посредине которой Эмилиан воздвиг высокую каменную башню, а на ней четырехэтажную деревянную. Теперь он мог следить за всем, что происходило в Карфагене [Апп., Лив., 119].

Тем временем отчаяние продиктовало Гасдрубалу совершенно невероятный шаг: он попытался завязать через Гулуссу переговоры с Эмилианом, прося пощады для Карфагена и соглашаясь исполнить любые требования. Первая реакция Эмилиана была резко отрицательной, и только под влиянием Гулуссы, который предупреждал, что на следующий год сенат может прислать новых консулов, поэтому следует поторопиться, согласился гарантировать Гасдрубалу, его семье и десяти близким к нему семьям жизнь и возможность унести с собою 10 талантов денег или увести всех своих рабов (по Диодору, и 100 рабов). Гасдрубал отказался принять такие условия [Полибий, 38, 1, 1—2, 9; Диодор, 32, 22].

Пока шли переговоры, Эмилиан осуществил еще одну важную операцию: римляне построили каменную дамбу, которая должна была перекрыть все выходы из Карфагена в открытое море [Апп., Лив., 121].

Успешное завершение этой работы должно было полностью блокировать осажденный город, и пунийцы начали спешно и в глубокой тайне рыть новый канал, который должен был связать карфагенские гавани со Средиземным морем. Тогда же они приступили к постройке новых кораблей, и в один прекрасный день, к немалому изумлению римлян, из портов вышел флот из 50 триер и множества мелких судов [там же]. На третий день, после этого события произошло морское сражение.

Бой продолжался до заката: ни одна из сторон не получила сколько-нибудь ощутимого преимущества и карфагеняне решили отступить. Однако у входа в гавань, где мелкие пунийские корабли перегородили дорогу своим же крупным судам, сражение возобновилось. На этот раз римляне таранными ударами вывели из строя и уничтожили большую часть карфагенского флота [Апп., Лив., 122 — 123]. Таким образом, отчаянная попытка карфагенян прорвать морскую блокаду закончилась неудачей.

Одержав эту важную победу, Эмилиан решил овладеть насыпью, откуда он мог бы создать прямую угрозу гаваням. Ночью карфагеняне обошли насыпь со стороны моря и подожгли римские осадные машины. Римляне в панике бежали, и карфагеняне получили возможность восстановить укрепление, разрушенное неприятелем, и даже построить новые башни. Однако в конце концов и здесь Эмилиан оттеснил противника, защитил насыпь рвом и построил на ней стену вровень со стеной Карфагена и на небольшом от нее расстоянии [Апп., Лив., 125].

Подошла зима, время, когда в боях обычно наступало затишье. Эмилиан решил использовать это время для уничтожения пунийских армий на Африканском

материке и прежде всего, правда, после ожесточенных боев, захватил Неферис. Решающую роль в этой операции сыграл Гулусса. После этого все ливийские города или перешли на сторону римлян, или без труда были ими захвачены [Апп., Лив., 126; Ливий, Сод., 51].

С наступлением весны 146 г. Эмилиан приступил к осаде Котона (одной из гаваней Карфагена) и Бирсы. Ночью Гасдрубал сжег четырехугольную часть Котона, однако это не помешало Гаю Лэлию Сапиенсу, одному из ближайших помощников Эмилиана, захватить круглую часть гавани. Овладев стеной вокруг Котона, Эмилиан занял и прилегающую к нему рыночную площадь. Первое, что римляне сделали, ворвавшись в город, они бросились грабить храм бога огня Решефа, которого греки отождествляли с Аполлоном. Их особое внимание привлекла позолоченная статуя божества и ниша, покрытая золотыми пластинами. Пока солдаты не поделили между собой золото (1 000 талантов), никакие приказы не могли заставить их двинуться дальше [Апп., Лив., 127].

Основным центром сопротивления карфагенян и, разумеется, основною целью Эмилиана была Бирса, куда со всех сторон бежали люди. Со стороны рыночной площади к Бирсе поднимались три улицы, застроенные множеством шестиэтажных домов. Каждый дом римляне должны были брать штурмом. Захватив один, они по бревнам и доскам перебежали на крышу другого, и там резня возобновлялась. Внизу, на улицах города, шла яростная сеча. И атакующие, и защитники города гибли в рукопашных схватках, падали еще живыми с крыш, иногда прямо на копья врагов. Наконец римляне пробились к стенам Бирсы, и Эмилиан приказал поджечь город и разрушать

дома, чтобы расчистить проходы (Апп., Лив., 123]. «Следствием этого, — пишет Аппиан [Лив., 129], — было другое зрелище иных бедствий, так как огонь сжигал все и перекидывался с дома на дом, а люди не постепенно разбирали здания, но, навалившись все разом, обрушивали их. От этого грохот еще более усиливался, и вместе с камнями вываливались на середину улиц попеременно и мертвые и живые, в большинстве старики, и женщины, и дети, которые прятались в укромных местах домов; одни раненные, другие полуобожженные, они испускали жуткие вопли. Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, испытывали огромные страдания, ломая кости и разбиваясь насмерть. Но этим их мучения не кончались; сборщики камней, которые топорами, секирами и крючьями оттаскивали упавшее и расчищали дорогу для пробежавших солдат, одни — топорами и секирами, другие — остриями крючьев выбрасывали и мертвых, и еще живых в ямы, таща их и переворачивая железом, как бревна и камни. Люди, точно мусор, заполняли рвы. Одни из выбрасываемых падали на голову, и их ноги, торчавшие из земли, еще долго содрогались; другие падали вниз ногами, и их головы высывались над землей. Лошади на скаку разбивали им лица и черепа, не потому что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней; трудность войны, уверенность в близкой победе, быстрое передвижение войск, глашатаи и трубные сигналы, возбуждавшие всех, военные центурионы, пробежавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, — все это делало всех из-за спешки безумными и равнодушными к тому, что они видели».

Кровавая оргия продолжалась шесть дней. Наконец из Бирсы к Эмилиану пришли жрецы храма Эшмуна¹⁹², прося сохранить жизнь тем, кто пожелает выйти из Бирсы. Эмилиан согласился. Более 50 000 мужчин и женщин (по Орозию [4, 23, 3], 25 000 женщин и 30 000 мужчин) покинули крепость и тут же были взяты под стражу. Их ожидало безысходное рабство¹⁹³. Лишь 900 перебежчиков-римлян бежали в храм Эшмуна и оттуда продолжали борьбу; с ними укрылись Гасдрубал, его жена и двое маленьких детей [Апп., Лив., 130]. Однако последнего испытания Гасдрубал не выдержал. Тайком от жены и защитников храма Эшмуна он бежал к Эмилиану; в позорнейшем положении, сидящим у ног победителя и вымаливающим себе жизнь, запомнили его современники и потомки. Перебежчики, которых ожидала неминуемая расправа, подожгли храм. В его пламени погибла жена Гасдрубала, зарезавшая на глазах у потрясенного Эмилиана своих детей [Апп., Лив., 131; Полибий, 39, 4; Ливий, Сод., 51; Диодор, 32, 23; Зонара, 9, 30; Орозий, 4, 23, 1—5]¹⁹⁴.

Эмилиан долго смотрел на пылающий город. Рядом с ним стоял Полибий — когда-то один из руководителей Ахейского союза, а теперь, после 167 г., один из 1 000 заложников, близкий к семейству Сципионов, величайший историограф своего времени. Внезапно Полибий услышал, что его покровитель и ученик вспоминает греческие стихи — Гомера:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя;
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.

(«Илиада» VI, 448. Перевод Н. И. Гнедича)

«Что ты хочешь этим сказать?», — спросил Полибий. «Хорошо, — ответил Эмилиан, — но я боюсь, что когда-нибудь такую же весть принесут и о Риме» [Полибий, 39, 5, 1; Апп., Лив., 132] (ср.: у Диодора [32, 24], где этот эпизод рассказан несколько иначе).

Мрачные мысли недолго беспокоили победителя. Захватив Карфаген, Эмилиан разрешил своим солдатам в течение нескольких дней грабить город. Им было запрещено касаться только золота, серебра и посвящений в храмах. С вестью о победе он послал самый быстроходный корабль, нагруженный богатой добычей. Взрывом восторга встретили римляне эту новость. Всю ночь никто не ложился спать, а наутро принесли благодарственные жертвы, устроили процессии и игры [Апп., Лив., 133—135].

Для устройства новых земель сенат послал к Эмилиану комиссию из десяти «отцов». Союзникам Рима, прежде всего Утике, они предоставили обширную территорию на побережье, часть карфагенских земель отдали Нумидии, а остальное превратили в римскую провинцию, которою должен был управлять специальный магистрат в ранге претора. Римляне уничтожили города, помогавшие Карфагену, а развалины самого Карфагена буквально стерли с лица земли. Место, на котором он стоял, было запаханно, проклято и никогда больше не заселялось [Апп., Лив., 135; Орозий, 4, 23, 6]. Римскую колонию Карфаген, основанную Августом по завещанию Юлия Цезаря примерно через полтора века, построили по соседству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отчаянная оборона Карфагена, его последняя попытка сохранить себя на карте тогдашнего средиземноморского мира, которую именуют III Пунической войной, окончательно подвела итоги всей политической и военной деятельности, всей жизни Ганнибала. Карфаген был разрушен, потому что Ганнибал упрямо стремился привести Рим на край гибели, потому что в сенате опасались новых Канн, появления нового Ганнибала у ворот «вечного города». Всякие попытки доказать, будто Ганнибал не стремился к войне против Рима¹⁹⁵, будто его действия носили чисто оборонительный характер¹⁹⁶, находятся в вопиющем противоречии со всеми имеющимися в нашем распоряжении материалами. Разорение и обезлюдение Южной Италии, несомненно, также в значительной степени были следствием войны, которую Ганнибал вел на Апеннинском полуострове¹⁹⁷.

Само собой разумеется, осуществляя именно такую политику, Ганнибал выполнял социальный заказ вполне определенных социальных группировок Карфагена — тех торгово-ремесленных кругов, которые были кровно заинтересованы в установлении карфагенского господства в Средиземноморском бассейне. Однако личность Ганнибала, несомненно, наложила свой отпечаток на ход событий; в ряде случаев его действия определили их направление.

Само собой разумеется и другое: не только Карфаген, но и его противник, Рим, вели несправедливую,

агрессивную, захватническую войну. В годы первой мировой войны, размышляя о природе и характере этой кровавой бойни, В. И. Ленин не раз обращался мыслями к эпохе Пунических войн. В одном из писем к Инессе Арманд он заметил: «Борьба за колонии, за рынки и т.п. (Рим и Карфаген)... По общему правилу, война такого рода с обеих сторон есть грабеж»¹⁹⁸. В своей работе «К пересмотру партийной программы» В. И. Ленин писал: «Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной)» — и пояснял далее: «Всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, кому больше угнетать и грабить, нельзя не назвать империалистской»¹⁹⁹. Эти очень точные констатации окончательно и безусловно решают вопрос и о природе римско-карфагенского конфликта, и об его виновниках. Они делают излишним само обсуждение проблемы, кто выступал в роли агрессора во II Пунической войне. Обе стороны явно вели дело к вооруженной борьбе, и в этой ситуации не так уж и важно, кто нанес первый удар, хотя само по себе это и не лишено интереса.

Вопрос об общих причинах поражения Ганнибала (и вообще Карфагена), об истоках римской победы также представляется, в общем, решенным. Рим победил, как бы парадоксально это ни звучало, вследствие своей отсталости. Крестьянское гражданское ополчение обнаружило более высокие боевые качества, нежели профессиональная армия наемников. Римские солдаты боролись за свою родину, за интересы своего государства, то есть в конечном счете за свои собственные интересы, как они их понимали.

Пунийские наемники только отрабатывали свое жалование и лично к исходу войны были безучастны. Побеждала римская государственная и военная организация, позволившая Риму более эффективно, чем это сделал Карфаген, мобилизовать свои ресурсы.

Эти соображения, однако, не исчерпывают всей проблемы. Они не объясняют, например, почему Рим в период от Тицина до Канн терпел страшные поражения одно за другим и оказался на краю гибели. Они не объясняют и другого: почему именно после Канн наступил явный перелом в пользу Рима. Недостаток предложенных объяснений, очевидно, в том, что они не учитывают действия, образа мыслей, способности, характера тех людей, которые, будучи у власти, влияли на исторический процесс. Конечно, их личные качества определяются в немалой степени воспитанием и, следовательно, средой, эпохой и т.д. Но ведь одна и та же эпоха воспитывает разных людей, и далеко не безразлично, кто именно стоит у власти или командует армией. Победное шествие Ганнибала до Канн свидетельствует о том, что Ганнибал обнаружил более высокие полководческие качества, чем его противники. Победа Рима, бесспорно, свидетельствует о том, что военачальники, которых после Канн выдвинуло римское правительство, оказались на голову выше Ганнибала, парализовали его действия и привели Карфаген к катастрофе.

Можно полагать вероятным, что, вторгнувшись в Италию, Ганнибал рассчитывал, разгромив римскую армию и подняв против Рима всех италиков, уничтожить его или по крайней мере принудить к капитуляции. Осуществляя этот план, Ганнибал одержал несколько блестящих побед, в которых проявил себя выдающимся тактиком. Его основной прием — фланговый

удар, удар с тыла, заманивание и окружение противника. Правда, битва при Заме показала, что к концу войны тактический талант Ганнибала увял, характерно, что он не смог отказаться от использования боевых слонов, хотя уже было ясно, что римляне научились обращать это оружие против него самого. Однако стратегический замысел Ганнибала провалился. Уничтожив одну за другой огромные римские армии, подняв значительную часть Италии на борьбу против Рима, он не добился капитуляции и не решился на штурм или осаду города. К такому повороту событий Ганнибал явно не был готов и полностью утратил инициативу. Между тем его противниками были талантливые стратеги, в том числе Фабий Максим, Марцелл, Сципион. Все они вели планомерное наступление, навязывали Ганнибалу свою концепцию войны и победили.

Этот просчет Ганнибала, конечно, вполне закономерен. Пунийский полководец не принял во внимание римский народ, его упорную решимость сражаться до последнего и победить, не принял именно потому, что по воспитанию, образу мыслей, по всему был типичным предводителем ландскнехтов и вполне хорошо он понимал только своего наемного солдата. Он, видимо, просто не мог представить, как можно продолжать войну после гибели армии, и именно этим объясняется его поведение после Канн и после Замы.

Репутация Ганнибала как великого полководца основывается, разумеется, на результатах его блестящих побед, среди которых исключительное впечатление как на его современников, так и на далеких потомков произвели и производят сражения при Тразименском озере и при Каннах. Это и не удивительно: прежде всего здесь Ганнибал выступил в роли новатора, смело

ломающего устаревшие каноны военного искусства, создающего новые методы ведения боя и достижения победы. Они заслонили собой все его последующие просчеты и неудачи. Не случайно Наполеон давал высокую оценку полководческому искусству Ганнибала²⁰⁰, советовал вести, подобно Ганнибалу, наступательную войну, «читать и перечитывать» историю его походов, формировать себя по его образцу²⁰¹. Для известного немецкого военного теоретика А. фон Шлиффена Канна были высшим достижением военного искусства. Совершенными Каннами он считал операцию под Седаном во время франко-прусской войны²⁰². С его точки зрения, для достижения столь «великой цели» необходимо, чтобы, с одной стороны, армией командовал полководец типа Ганнибала, а с другой — типа Варрона. Советский военный историк Е. А. Разин²⁰³ подверг резкой и обоснованной критике концепцию А. фон Шлиффена, который, канонизируя битву при Каннах, отрицал возможности развития военного искусства и ставил действия одной стороны в зависимость от противостоящего ей противника. Возражая против отождествления Канн, Седана и Сталинградской битвы, Е. А. Разин подчеркивал, что Канна — тактическое окружение, Седан — оперативное, Сталинград — стратегическое, что во всех этих случаях различны средства окружения, формы и методы действий. И то, и другое, и третье обусловлено усложнением военной техники, средств борьбы, военной организации, всего военного искусства в целом.

Как бы то ни было, первым из таких замечательных образцов воинского искусства, какими считают Седан и Сталинградскую битву, явилось сражение при Каннах, и это обстоятельство, разумеется, нельзя не иметь в виду, говоря о Ганнибале как о полководце.

Если говорить о целях карфагенского военачальника и методах их осуществления, то нельзя не признать, что Ганнибал стоит, несомненно, в одном ряду с Аттилами, Чингисханами и другими завоевателями, огнем и мечом утверждавшими свое господство на костях побежденных народов. Тем не менее он привлекал к себе симпатии людей; в античной литературе можно найти немало апологетических страниц, посвященных восхвалению добродетелей Ганнибала, всего того, что в конце концов составило своего рода легенду об этом полководце. Более того, дельфийский оракул, предрекая победу римлян, не удержался от выражения своего сочувствия именно к Ганнибалу: «И худшие люди... победят лучшего» [Плут., Пиф., 11]. Впрочем, его позиция объясняется, может быть, тем, что оракул был дан Филиппу V и речь в нем шла о возможных перспективах римско-македонской войны. Сочувствуя Ганнибалу, оракул стремился удержать Филиппа от вмешательства.

Если отвлечься от понятного стремления римской историографии превознесением Ганнибала увеличить славу римского оружия, исключительную популярность полководца, в частности в греческой среде, можно объяснить последовательной и бескомпромиссной его борьбой против Рима. В условиях, когда утверждалось римское господство, эта борьба, принимая облик *освободительного движения*, вызывала общее сочувствие. Как-то забывалось при этом, что сам Ганнибал стремился утвердить карфагенское господство...

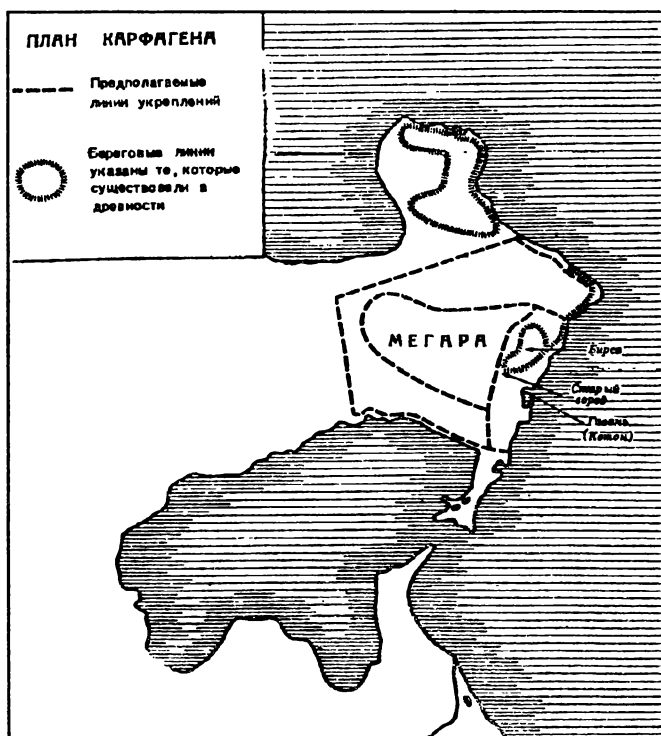
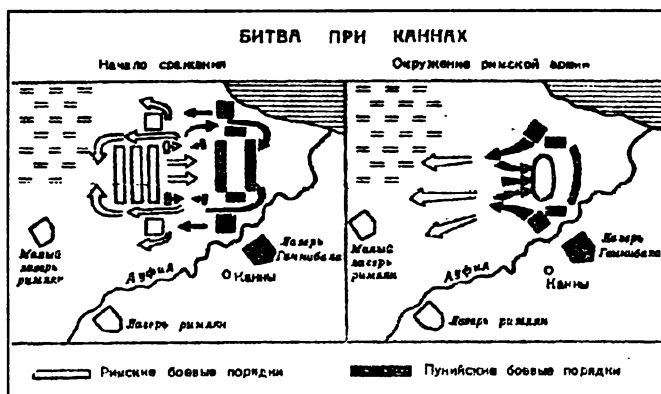
Воображение современников Ганнибал поражал тем, что, подобно Александру Македонскому, казался им средоточием воинских доблестей. В эпоху становления индивидуализма он с наибольшей полнотой проявил себя как личность, в высшей степени

независимая от гражданского коллектива: он один, так по крайней мере казалось, противостоял всей римской военно-политической машине и не раз добивался успеха. Ганнибал проявил себя и как литератор, и как мыслитель. Правда, преклонение перед греческими философами не помешало ему безжалостно охарактеризовать в Эфесе умственное убожество перипатетика Формиона, который решился в присутствии знаменитого полководца рассуждать об обязанностях военачальника и военном искусстве [Циц., Орат., 2, 13].

...Споры вокруг пунийского полководца давно утратили свою злободневность. Кости самого Ганнибала, его друзей и врагов истлели в земле; государства, когда-то спорившие о господстве над миром, погибли; уже нет ни пунийцев, ни римлян. Время позволяет теперь взглянуть на Ганнибала с более чем 2000-летнего расстояния. Оно, беспощадно стирая все румяна и белила, обнаруживает истинные мотивы деятельности «великих» завоевателей, принесших столько кровавых жертв всегда жадному своему властолюбию. Мелкие помыслы, прикрытые громкими фразами, суетность стремлений к величию, высокомерное пренебрежение к человеческому страданию, да и к самой человеческой жизни, наглая уверенность в своем праве совершать любые злодеяния, лишь бы достичь успеха... Ненасытные властолюбцы, насильники и убийцы — такими в конце концов остаются они в памяти человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее об этом см.: *Шифман И. Ш.* Возникновение Карфагенской державы. М. — Л., 1963 (далее — *Шифман И. Ш.* Возникновение...).
- ² *Шифман И. Ш.* Рабство в Карфагене. — *Каллистов Д. П., Нейхардт А. А., Шифман И. Ш., Шишова И. А.* Рабство на периферии античного мира. Л., 1968 (далее — *И. Ш. Шифман.* Рабство...). С. 245—257.
- ³ *Шифман И. Ш.* К вопросу о значении термина «бод» в пунийских надписях. // Эпиграфика Востока. М. — Л., 1963 Вып. XV. С. 17—23.
- ⁴ *Bengtson H.* Zur karthagischen Strategie. // *Aegyptus.* Milano, 1952. С. 158—162.
- ⁵ *Шифман И. Ш.* Возникновение... . С. 65—66.
- ⁶ *Gsell St.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord (далее — *Gsell St.* НААН). Vol. II; *Шифман И. Ш.* Рабство...
- ⁷ См.: *Янковская Н. Б.* Общинное самоуправление в Угарите (гарантии и структура). ВДИ. 1963. // №3. С. 35—55; *Marrassini F.* Formazione del lessico dell' edizia militare nel semitico de Siria. Firenze, 1971. С. 111—114.
- ⁸ *Шифман И. Ш.* Рабство...
- ⁹ Общую характеристику государственного устройства Карфагена см.: *Lüdemann H.* Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos. Bottrop, 1933; *И. Ш. Шифман.* Возникновение...
- ¹⁰ *Gsell St.* НААН. Vol. I. S. 421.
- ¹¹ Когда Т. Додж называет эту политическую группировку в Карфагене «демократической» (*Dodge Th. A.* Hannibal. Boston, 1891. С. 143), эта характеристика целиком противоречит фактам; в действительности, как увидим далее, именно демократические круги Карфагена поддерживали политику экспансии и выступали против мира.
- ¹² *Vercoutter J.* Les objets égyptiens et égyptisants du mobilier funéraire de Carthage. P., 1945.
- ¹³ *Bissing W. von.* Karthago und seine griechische und italische Beziehungen, Studi etruschi. Vol. VII, Firenze, 1933; *Kahrstedt U.* Phoenikischer Handel an der italischen Westküste. Klio, 1912.

- ¹⁴ *Шифман И. Ш.* Возникновение... С. 73—76.
- ¹⁵ *Wilcken U.* Puntfahrten in der Ptolemäerzeit//Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Altertumskunde. Bd 60. Lpz., 1925, С. 86—102.
- ¹⁶ *Шифман И. Ш.* К восстановлению одной истрийской надписи//ВДИ. 1958. №4. С. 118—121.
- ¹⁷ Подробно историю Рима до Пунических войн см: *Beloch K. J.* Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. B., 1926; *Pais E.* Storia di Roma durante i primi cinque secoli. Roma, 1913—1920. Vol. I—V; *Sanctis G. de.* Storia dei Romani. Vol I—II. Torino, 1907; *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1948; *Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.
- ¹⁸ *Gelzer M.* Die Nobilität der Römischen Republik, Kleine Schriften. Bd I. Wiesbaden, 1962 (далее — *Gelzer M.* Die Nobilität...). S. 18—135; *Scullard H. H.* Roman Politics 220—150 B. C. Oxford, 1951 (далее — *Scullard H. H.* Roman Politics...); *F. Cassola.* I gruppi politici romani nel III secolo A. C. Trieste, 1962 (далее — *Cassola F.* I gruppi...).
- ¹⁹ О государственном строе Рима см.: *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd I—III. Lpz., 1887—1888; *Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей. Вып. I—III. Харьков, 1894—1902.
- ²⁰ Материал собран у Гельцера М. (*Gelzer M.* Die Nobilität... S. 38—41). Соглашаясь с мнением Ельницкого Л.А. (*Ельницкий Л. А.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. М., 1964. С. 89—90), полагающего, что в образе Цинцинната и ему подобных персонажей нашли свое отражение уравнилельные тенденции и устремления низших слоев общества, мы должны все же иметь в виду жизненные факты, питавшие этот идеал.
- ²¹ См.: *Михневич Н.* История военного искусства. СПб., 1895. С. 59—65; *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. I. М., 1955. С. 282—290.
- ²² Ср., однако: у *Альфелди А.* (*A. Alföldi.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1963. С. 350—355), который

- полагает, что имена консулов данного года — М. Горация и Л. Юния Брута — представляют собой позднюю фальсификацию, а отнесение договора к первому году Республики и, следовательно, к названным консулам — измышление Фабия Пиктора. Однако приходится иметь в виду, что Полибий использовал архивный материал, архаичность латинского языка которого он не случайно констатирует. Поэтому и датировка, принятая им, несомненно, восходит к римским официальным данным.
- ²³ *Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Ox., 1957. P. 342—343.
- ²⁴ *Gsell St.* HAAN. Vol. I. S. 457; *Walbank F.* A Historical Commentary.... С. 341—342; *Beaumont R. L.* The Date of the First Treaty Between Rome and Carthage// Journal of Roman Studies. 1939. P. 76.
- ²⁵ *Wickert L.* Zu den Karthagoerträgen. Klio, 1938. S. 352—358; *Мишулин А. В.* Античная Испания. М., 1952. С. 260—261; *Шифман И. III.* Возникновение... С. 75—76.
- ²⁶ *St. Gsell.* HAAN. Vol. III. S. 68—71; *Aymard A.* Les deux premiers traités entre Rome et Carthage// Revue des études anciennes. 1957. P. 3—4.
- ²⁷ *Hampl F.* Das Problem der Datierung der ersten Verträge zwischen Rom und Karthago// Rheinisches Museum. Bd 101 (далее — *Hampl F.* Das Problem...). S. 58—75.
- ²⁸ *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 392—393; *Gsell St.* HAAN. Vol. III. С. 72.
- ²⁹ *Hampl A.* Das Problem...
- ³⁰ О возрасте Гамилькара Барки см.: *Gsell St.* HAAN. Vol. III. S. 96; *Meltzer O.* Geschichte der Karthager. Bd II (далее — *Meltzer O.* GK). S. 338—339.
- ³¹ *Burian J.* Hannibal. Praha, 1967. S. 34.
- ³² Основные сведения о сицилийской кампании Гамилькара Барки см.: *Полибий*, 1, 56—64; Диодор, 23, 22 и 24, 5—13; *Зонара* 8, 16. Судя по ливийской традиции [*Ливий*. Сод., 19 («Многие полководцы счастливо вели войну против пунийцев»)], в римской историографии существовала склонность преуменьшать значение

действий Гамилькара и представлять события последних лет войны как цепь непрерывных римских побед.

³³ Моммзен Т. История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 505. Ср. также: *Meltzer O.* GK. Bd II. S. 353.

³⁴ Основным источником по истории Ливийской войны является повествования Полибия [1, 66—68]. Важные подробности, восходящие, по-видимому, к самостоятельной традиции, сообщает Аппиан [Сиц., 2]. Сведения Корнелия Непота [Гам., 2] и Диодора [25, 2—6] восходят, насколько об этом можно судить, к Полибию. О социальной природе Ливийской войны см.: *Машкин Н. А.* Последний век пунического Карфагена // ВДИ. 1949, №2; *Ельницкий Л. А.* Возникновение... С. 211—217.

³⁵ А. В. Мишулин, конечно, прав, когда он пишет, что вопреки мнению Фабия Пиктора поход Гамилькара в Испанию был делом общегосударственного значения. Тем не менее едва ли с ним можно согласиться, когда он говорит (*Мишулин А. В.* Античная Испания. М., 1952. С. 272), будто сведения Тита Ливия о борьбе партий в Карфагене не соответствуют действительности: в нашем распоряжении нет материалов, которые опровергали бы данные римской традиции.

³⁶ См.: *Gsell St.* HAAN. Vol. III. S. 130. По мнению Мельтцера О. (*Meltzer O.* GK. Bd II. S. 401), сведения Диодора, первоисточник которых неясен, едва ли достоверны, однако данными, которые бы их опровергли, мы не располагаем.

³⁷ Другую версию см. у Аппиана и Зонары [Апп., Исп., 5; Зонара, 8, 19]. Тит Ливий, по-видимому, ошибочно считает местом гибели Гамилькара Акра Левке (*Castum Album*). По словам Корнелия Непота [Гам., 4, 2], Гамилькар погиб в сражении против веттонов. Нам представляется наиболее достоверной версия Диодора, так как она наиболее точно соответствует ходу предшествующих событий, насколько они нам известны.

³⁸ *Kramer F. R.* Massilian Diplomacy before the Second

- Punic War//American Journal of Philology. 1948. V. 69. №1. P. 1—26.
- ³⁹ Основываясь на этом, В. Пирогов («Исследования по римской истории преимущественно в области третьей декады Ливия». СПб., 1878. Далее — *Пирогов В.* Исследования... С. 27) думал, что Сагунт, которому гарантировалась только политическая независимость, не был союзником Рима. Это точка зрения, не поддающаяся проверке. Гарантии, о которых пишет Аппиан, не исключают союзнических отношений.
- ⁴⁰ *Otto W.* Eine antike Kriegsschuldfrage. Die Vorgeschichte des 2. Punischen Krieges//Historische Zeitschrift. Bd. 145. 1931. S. 489—516. Здесь В. Отто расходится с единодушными показаниями античной историографии.
- ⁴¹ *Пирогов В.* Исследования... С. 21—29.
- ⁴² *Gilbert O.* Rom und Karthago in ihren gegenseitigen Beziehungen 513—536 u. c. (241—218 v. Chr.). Lpz., 1876.
- ⁴³ *Kolbe W.* Die Kriegsschuldfrage von 218 v. Chr. Geb. Heidelberg, 1934.
- ⁴⁴ *Gelzer M.* Der Rassengegensatz als geschichtlicher Faktor beim Ausbruch der römisch-karthagischen Kriege. Rom und Karthago. Lpz., 1943. S. 189; ср.: *Gelzer M.* Kleine Schriften. Bd II. Wiesbaden, 1963. S. 31. Курьезно, что дальше («Rom und Karthago». S. 191) он «объясняет» отрицательное отношение римлян к некоторым чертам пунийского характера тем, что римляне не могли сравняться с карфагенянами в умении доказать свою непричастность к развязыванию войны.
- ⁴⁵ *Gelzer M.* Kleine Schriften. Bd III. Wiesbaden, 1964. S. 87. *Гельцер М.* различает в рассказе Полибия отражение двух версий: Катона (Ганнибал перешел через Ибер до объявления войны) и Фабия Пиктора, стремящегося оправдать позицию сената в вопросе об оказании помощи Сагунту.
- ⁴⁶ *Carcopino J.* La traité d'Hasdrubal et la responsabilité de la deuxième guerre punique//Revue des études anciennes. Vol. 55, 1953. С. 258—293.

- ⁴⁷ *Walbank F. W.* A Historical Commentary. S. 168—172.
- ⁴⁸ Аналогичную точку зрения см.: *Drachmann A. B.* Sagunt und die Ebro-Grenze in den Verhandlungen zwischen Rom und Karthago 220—18. Kobenhavn, 1920.
- ⁴⁹ *Hoffmann W.* Livius und der Zweite Punische Krieg. B. S. 19—20.
- ⁵⁰ *Bickermann E. J.* Hannibal's Covenant// American Journal of Philology. Vol. 73. 1952. P. 18.
- ⁵¹ *Вейцківський І. І.* Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264—219 рр. до н. е. Львів, 1959. С. 103—133.
- ⁵² *F. R. Kramer.* Massilian Diplomacy. S. 11—14. Ср. также мнение Ф. Кассолы (*Cassola F.* I gruppi... С. 247—250), который считает, что договор Гасдрубала с Римом не давал определенных гарантий Сагунту. Необоснованными римские претензии на союзнические отношения с Сагунтом считает В. Отто (*Otto W.* Eine antike Kriegsschuldfrage. S. 489—516). И. И. Вейцковский (*І. І. Вейцківський.* Зовнішня політика... С. 233) полагает, что карфагеняне потому отказались от обязательств, вытекавших из договора 226 г., что его нарушили римляне, вмешавшись в дела Сагунта. Дори Т. А. (*Dorey T. A.* The Treaty with Saguntum// Humanitas. San-Miguel de Tucumán. Vol. XI—XII, 1959—1960. S.1—10) считает, что в 219 г. не было договора между Римом и Сагунтом.
- ⁵³ О портретном изображении Ганнибала см.: *Charles-Picard. G.* Le problème du portait d'Hannibal. Karthago. Vol. 12, P. 1963—1964. S. 31—41.
- ⁵⁴ Название главного города олкадов неизвестно. Полибий говорит об Алфее [3, 13, 5], тогда как Тит Ливий [21, 5, 4] называет Карталу. Как полагал Шультен А. («Fontes Hispaniae Antiquae». Barcelona, 1922, III. S. 23—27; «Cambridge Ancient History». Vol. VII. Cambridge. S. 789; ср.: *Мишулин А. В.* Античная Испания, с. 276), источники имеют в виду два различных города, однако это построение не убедительно уже

по той причине, что и Полибий и Ливий говорят о сильнейшем и значительнейшем городе олкадов. К тому же и взятие города, и последствия этого события оба источника описывают одинаково. Возможно, что перед нами два названия города: местное — Алфэя и пунийское — Картала. Ср. пунийское * qart'город. О войнах Ганнибала в Испании см. также: *Meyer E. Kline Schriften*. Bd 2, Halle, 1924. S. 401—406.

⁵⁵ Мишулин А. В. Античная Испания. С. 276.

⁵⁶ Существует предположение, согласно которому сообщения Ливия и Юстина о том, что вся Южная Испания до Ибера оказалась после битвы при Таге под властью Карфагена, содержат значительное преувеличение. Считают, что кельтиберийские племена верхнего Тага и верхнего Дуриса не подверглись карфагенским нашествиям (*Gsell St. HAAN. Vol. III. S. 134—135; Мишулин А. В. Античная Испания. С. 277*). Однако эта концепция не подтверждается дошедшими до нас материалами.

⁵⁷ Ср.: *Мишулин А. В. Античная Испания, с. 277*.

⁵⁸ Точка зрения, следуя которой Тит Ливий ошибается, когда говорит о Сагунте как о греческой колонии (*Walter G. La destruction de Carthage. P., 1947. S. 279*), представляется необоснованной.

⁵⁹ *Pais E. Storia di Roma durante le guerre Puniche. Torino, 1935 (далее — Storia...). Vol. 1. S. 190.*

⁶⁰ То обстоятельство, что столкновения между Сагунтом и иберийскими племенами действительно имели место (см.: *Gilbert O. Karthago und Rom. S. 176—178*), не исключает провокационных действий со стороны Ганнибала, который, как показывают все его дальнейшие действия, был кровно заинтересован в разжигании конфликта.

⁶¹ *Scullard H. N. Roman politics... . S. 39.*

⁶² Самое подробное описание см. у Ливия [21, 7—9 и 11—15].

⁶³ Винея — обшитая досками передвижная камера, открытая спереди и сзади; с крыши, которая предохраняла воинов от обстрела сверху, свешивался таран.

- ⁶⁴ *Scullard H. H.* Roman politics... S. 40—41; *Cassola F.* I gruppi... S. 235; *Meyer E.* Kleine Schriften. Bd 2. S. 348—349.
- ⁶⁵ *Pais E.* Storia... Vol. 1. S. 300. См. также: *Пирогов В.* Исследования... С. 17—21.
- ⁶⁶ О. Мельтцер (*Meltzer O.* GK. Bd II. S. 45) говорит о компромиссе между различными точками зрения, который, по его мнению, был достигнут в сенате. В своем изложении событий О. Мельтцер опускает предание о посольстве Флакка и Тамфила.
- ⁶⁷ Ср., однако: *Lenschau.* Hannibal. Pauly's Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, bearbeitet von G. Wissowa. Halbbd. 14. Stuttgart, 1914 (далее — *Lenschau.* Hannibal. P. — W. RE). Sp. 2323, который следует версии Полибия.
- ⁶⁸ Этот факт показывает, что утверждение Т. Додж (*Dodge Th. A.* Hannibal. P. 152), будто Ганнибал не мог рассчитывать на помощь из Карфагена, где важную роль играла «партия» мира, которая не позволила бы ему объявить войну, будто Ганнибал действовал со связанными руками и при постоянной угрозе быть отозванным, не соответствует данным, сохраненным традицией.
- ⁶⁹ На важность традиции Диона Кассия — Зонары особенно указывает Мельтцер О. (*Meltzer O.* GK. Bd II. S.450).
- ⁷⁰ *Hoffmann W.* Livius und der Zweite Punische Krieg. S. 23.
- ⁷¹ *Scullard H. H.* Roman politics... S. 42, Мельтцер О. (*Meltzer O.* GK. Bd II, P. 452) и Х. Скаллард думают, что, вероятно, во главе посольства стоял Марк Фабий Бутеон, однако Ливий [21, 18, 1] определенно говорит о Квинте Фабии.
- ⁷² В римской традиции [Гелл., 10, 27] существовал рассказ, согласно которому за пятнадцать лет до описываемых событий во время одного из конфликтов Кв. Фабий послал карфагенянам копье — символ войны и кадуцей (жезл) — символ мира, чтобы они выбрали, что пожелают (по варианту Варрона — небольшие тессеры с соответствующими изображениями); карфагеняне предоставили выбор

самому Фабию. Никаких последствий, согласно данному повествованию, эта акция не имела. Авл Геллий ссылается на «древние писания», а также на М. Теренция Варрона, однако само повествование, по-видимому, позднего происхождения и возникло, быть может, как параллель к традиции об объявлении войны Карфагену в 218 г. (ср.: *Пирогов В.* Исследования... С. 165—166).

- ⁷³ Карштедт У. (см.: *Meltzer O.* GK. Bd III. S. 371, прим. 1) считает рассказ о переговорах римского посольства в Испании и Галлии литературным вымыслом, который должен оправдать медлительность римской подготовки к войне. Ему кажется невероятным, чтобы послы, совершив такой исключительный акт, как объявление войны, отправились путешествовать, так что их правительство сначала узнало о выступлении неприятеля и только потом о возвращении своих послов. Эти рассуждения, однако, сами по себе не опровергают прямого указания Ливия. Обеспечить нейтралитет иберийских и галльских племен было слишком важной задачей, чтобы ее выполнение можно было отложить; сенат же, несомненно, мог быть извещен об исходе посольства задолго до его возвращения в Рим.
- ⁷⁴ Ср.: *Pais E.* Storia... Vol. 1. S. 210.

- ⁷⁵ Вопрос о том, через какой перевал Ганнибал пересек Альпы, на протяжении длительного времени служит объектом, в общем, бесполезной дискуссии. Уже Тит Ливий [21, 38] приводил гипотезы, согласно которым Ганнибал воспользовался либо Пеннинскими Альпами (Валерий Антиат), либо Кремонским перевалом (Цэлий Антипатр). Наполеон полагал, что Ганнибал воспользовался перевалом Мон-Сени (*Napoléon I.* Correspondence. Vol. 31. P., 1869. P. 408). По мнению У. Карштедта (*O. Meltzer.* GK. Bd III, S. 121—188), точно определить маршрут Ганнибала в Альпах невозможно; У. Карштедт полагает, что он не мог идти через Сен-Бернар; наиболее вероятные пути — Мон-Женевр или Мон-Сени. Как думал К. Нейман (*Neumann C.* Das Zeitalter der Punischen Kriege. Breslau, 1883. S. 289), и Малый Сен-Бернар, и

- Мон-Сени исключаются; имеется только одна возможность — Мон-Женевр. С. Голицын («Всеобщая военная история древних времен». Ч. III. СПб., 1874. С. 40—42) высказывается в пользу Мон-Сени. Н. Михневич Н. С («История военного искусства». СПб., 1895. С. 87) не высказывается определенно. Паис Э. (*Pais E. Storia...*, Vol. 1. P. 212—216) не высказывает определенной точки зрения. Леншау (Lenschau. Hannibal. P. — W. RE, Sp. 2329) считает наиболее вероятным, что Ганнибал шел через Малый Сен-Бернар; такую же позицию занимают Т. Додж (*Dodge Th. A. Hannibal. P. 195*) и У. Моррис (*Morris W. O'Connor. Hannibal. N. Y., 1897. P. 114—115*). Ж. Вальтер (*Walter G. La destruction...*, S. 311—314) высказывается в пользу Мон-Сени. С точки зрения Дж. де Бира (*Beer G. de. Alps and elephants. N. Y., 1956*), переход состоялся через Кол де ла Траверсетте. По Б. Комбе-Фарну, Ганнибал, вероятно, перешел Альпы между Малым Сен-Бернаром и Мон-Женевр. См.: *Combet-Farnoux B. Les guerres puniques. P., 1960. P. 82*.
- ⁷⁶ Поразительно, что Корнелий Непот в биографии Ганнибала [5, 1—3] относит диктатуру Квинта Фабия Максима ко времени после битвы при Каннах. Он явно путает эту диктатуру с диктатурой, действительно введенной в Риме после Канн, когда там был другой диктатор — М. Юний Пера.
- ⁷⁷ Аппиан [Ганниб., 13—15] путает последовательность событий, помещая этот эпизод после рассказа о разрыве Фабия и Минуция. См. также у Фронтин [1, 5, 28].
- ⁷⁸ Ср.: *Hoffmann W. Livius und der Zweite Punische Krieg. S. 33—39*.
- ⁷⁹ Избрание Л. Эмилия Павла знаменовало, конечно, поражение Фабиев. Однако нет оснований думать, что сенат отказался от политики бывшего диктатора и что рассказы о нежелании Эмилия дать сражение не соответствует действительности (*Scullard H. H. Roman politics... S. 50—52*). То обстоятельство, что Варрон и после Канн занимал ответственные посты, не свидетельствует

о невозможности разногласий между ним и Эмилием или между ним и сенатом до Канн. О Полибиевой концепции истории этого периода см. далее.

- ⁸⁰ Источники, которые имеются в нашем распоряжении, не дают ясного ответа на вопрос, на каком именно берегу разыгралось сражение при Каннах, и вопрос о топографии этой битвы на протяжении длительного времени служит объектом ожесточенной полемики. Многие исследователи считают, что она происходила на левом, северном берегу Ауфиды (*Th. Dodge A. Hannibal. P. 361—362; O'Connor Morris. Hannibal. P. 173, 178—180; Neumann C. Das Zeitalter der Punischen Kriege. Breslau, 1883 (далее — Neumann C. Das Zeitalter...); Fried F. Ueber die Schlacht bei Cannä. Lpz., 1898; Delbrück H. Die Schlacht bei Cannä. — HZ. Bd 109, 1912. S. 481—507; Pais E. Storia... Vol. 1, S. 311—321; Beer G. de. Hannibal. P. 213; Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. 1. М., 1936. С. 265—266*). Согласно другой точке зрения битва происходила на правом берегу — либо к западу от Канн (*Meltzer O. GK. Bd III. С. 428—429*), либо к востоку от них (*Burian J. Hannibal. С. 78; ср. также: F. Cornelius. Cannae. Das militärische und literarische Problem. Lpz., 1932. S. 13—20*). Основные точки зрения суммированы у Скалларда (*Scullard H. H. A History of the Roman World from 753 to 146 B. C. P. 460—461*). Нам представляется, что описание расположения римских и карфагенских войск накануне сражения показывает, что оно могло происходить только на левом берегу.
- ⁸¹ *Neumann C. Das Zeitalter..., S. 374; Lenschau. Hannibal. P. — W. RE, Halbbd. 14, Sp. 2336.*
- ⁸² *Salmon E. T. Strategy of the Second Punic War. Greece and Rome. Vol. VII, 1960. С. 131—132; Vogt J. Römische Geschichte. Hälfte 1. Freiburg, 1932. С. 9.*
- ⁸³ *Bossi G. La guerra d'Annibale in Italia da Canne a Metauro. Roma, 1891 (далее — Bossi G. La guerra...). С. 15—18; Gsell St. HAAN. Vol. IV, P. 158; Pais E. Storia... Vol. 1. P. 250; Warmington B. H. Carthage. L.,*

- 1960, С. 177; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, С. 238; Стоилов С. Аннибал. София, 1966. Ср.: *Combet-Farnoux B.* Les guerres puniques. P. 86.
- ⁸⁴ *Walter G.* La destruction... P. 356.
- ⁸⁵ *Flitton Brown A. D.* After Cannae//*Historia.* 1959. Bd. 8. №3. С. 365—371.
- ⁸⁶ *Нейман К. (Neumann C.* Das Zeitalter... S. 374) считает, что план Махарбала был с военной точки зрения нереален: нумидийская конница могла в лучшем случае только опустошить окрестности Рима; пехота подошла бы к городу только через две недели, когда эффект внезапности был бы уже утрачен. Однако и в этом случае сохранялась возможность начать осаду и через какое-то время овладеть Римом.
- ⁸⁷ Правда, как показал У. Карштедт (см.: *Meltzer O.* GK. Bd III. S. 439—442), цифры и данные о действовавших и только еще формировавшихся легионах, приводимые Ливием, основаны на анналистической традиции и, по-видимому, несколько преувеличены. См. также: *Neumann C.* Das Zeitalter... S. 380—381; *Gelzer M.* Die Glaubwürdigkeit der bei Livius überlieferten Senatsbeschlüsse über römische Truppenaufgebote, *Kleine Schriften.* Bd 1. Wiesbaden, 1964. S. 220—255. Противоположную точку зрения см.: *Klotz A.* Die römische Wehrmacht im Zweiten punischen Kriege//*Philologus.* Bd. 88. 1933, S. 42—89; *Toynbee A. J.* Hannibal's Legacy. Vol. II. L., 1965. S. 36—45.
- ⁸⁸ Мы не можем согласиться с У. Карштедтом (см.: *Meltzer O.* GK. Bd III. S. 443), когда он пишет, что все сообщения о поражениях Ганнибала сами собой отпадают, поскольку, согласно утверждениям Полибия и Корнелия Непота, до Замы Ганнибал не проиграл ни одного сражения. У. Карштедт говорит лишь о частичных успехах римского оружия. С нашей точки зрения, утверждения Полибия не могут без дополнительных доказательств (а они пока не обнаружены) опорочить конкретный материал, приводимый другими источниками. До открытия

новых данных мы вправе считать слова Полибия лишенными оснований. Вероятно, историк, будучи близок к семейству Сципионов, хотел, перечеркивая победы римлян, представить победу при Заме, одержанную одним из Сципионов, как совершенно исключительное явление. По мысли У. Карштедта, все, что противоречит Полибию и выводам, которые из его повествования могут быть сделаны, должно быть отклонено. Нам представляется, однако, что, несмотря на всю авторитетность Полибия — историка, его сведения нуждаются в проверке, как и любая другая традиция. Мы не можем считать его абсолютно беспристрастным в римской внутрипартийной борьбе. Показательны в этой связи указания Фронтинана [2, 3, 9] и Валерия Максима [4, 1, 7] о поражениях, которые Ганнибал потерпел от Марцелла.

⁸⁹ См. об этом: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. С. 579.
⁹⁰ *Beer G. de. Hannibal.* P. 221 — 222.

⁹¹ *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1, с. 574.

⁹² Ср.: *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II вв. М., 1971 (далее — *И. Л. Маяк. Взаимоотношения...*). С. 91. Мы не разделяем мнения И. Л. Маяк, будто уход Мопсиев из Компсы и ее сдача без боя означали, что приверженцы Рима составляли меньшинство тамошнего населения. Из текста Ливия следует только, что влияние Мопсиев после битвы при Каннах сошло на нет. Отказ от сопротивления Ганнибалу мог быть объяснен сознанием его безнадежности.

⁹³ *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. С. 574. Ср.: *Beer G. de. Hannibal.* P. 216—217

⁹⁴ *Meltzer O. GK. Bd III, S. 446.*

⁹⁵ *Маяк И. Л.* Взаимоотношения... С. 92.

⁹⁶ К. Нейман (*Neumann C. Das Zeitalter...* S. 376—377) считал, что рассказ Ливия о действиях Пакувия совершенно невероятен, что он напоминает исторический роман, однако К. Нейман не обосновывал своей точки зрения. Источники, во всяком случае, сообщение Ливия не опровергают.

- ⁹⁷ Ср. также: *Маяк И. Л.* Взаимоотношения... С. 96.
- ⁹⁸ В настоящее время известна этрусская надпись из Тарквиний, поставленная неким Фельснасом Лартом, воевавшим, по-видимому, в Капуе на стороне Ганнибала. Приводим ее текст: «felsnas: la: leves sval[ce]: avi / CVI murce: capue tlexe: hani paluscle» (*Pfiffig A. J.* Eine Nennung Hannibals in einer Inschrift des 2. Jahrhunderts. v. Chr. aus Tarquinia. *Studi Etruschi*. Vol. 35. Firenze, 1967. С. 659—664).
- ⁹⁹ Ср.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. С. 582—583; *Neumann C.* Das Zeitalter... S. 376.
- ¹⁰⁰ См. об этом: *Ельницкий Л. А.* Возникновение... С. 60, прим. 30.
- ¹⁰¹ В литературе (*Hoffmann W.* Livius und der Zweite Punische Krieg. S. 43—45) обоснованно отмечалось очевидное влияние на рассказ Ливия идеологии периода гражданских войн. Ливий стремился показать, что именно единство народа спасло Рим от последствий катастрофы при Каннах. Однако тенденциозность Ливия не ставит под сомнение самый факт, о котором он сообщает: в положении, в котором оказался Рим, обострение и подчеркивание внутривиталических конфликтов было бы для него смерти подобно. Понятно, что это не исключало подспудной борьбы за власть.
- ¹⁰² Конечно, позиция сената объяснялась более глубокими политическими соображениями, нежели только нежеланием обогащать карфагенян (*Walter G.* La destruction..., Р. 355). Сенату было важно после Канн показать всей Италии свое нежелание вести переговоры с Ганнибалом и уверенность в исходе войны. Не забудем, что речь шла о судьбе сограждан, иногда родственников и т.д.
- ¹⁰³ Ср.: *Маяк И. Л.* Взаимоотношения... С. 93.
- ¹⁰⁴ Как полагает К. Нейман (*Neumann C.* Das Zeitalter... S. 379), этот рассказ, предназначенный главным образом для украшения истории Баптия, у Ливия введен неудачно и мотивирован плохо. Ганнибал должен был, по мнению К. Неймана, пройти мимо Нолы, когда он шел от Нucerии к Ацеррам; возможно, что пунийский

полководец несколько дней провел возле Нолы и что действительно произошла стычка, однако сразиться в открытом поле Марцелл не решался. Все эти соображения не поддаются проверке и могут быть приняты только в том случае, если решиться на основании тех или иных предвзятых концепций исправлять и уточнять источник, который другими материалами пока не опровергается. У. Карштедт (см.: Meltzer O. GK. Bd III. S. 446, прим. 2) отвергает, как явно недостоверный, рассказ Ливия о победе Марцелла у Нолы. Дельбрюк Г. (*Дельбрюк Г. История... С. 280, прим. 2*) думает, что «якобы большие победы» Марцелла под Нолой — всего лишь незначительные стычки. Стоит заметить в этой связи, что в пользу достоверности повествования о победе Марцелла под Нолой свидетельствует указание Цицерона (Циц. Брут, 12). Босси Дж. (*Bossi G. La guerra... P. 35—43*), Додж Т. А. (*Dodge Th. A. Hannibal. P. 397—401*), Вальтер Ж. (*Walter G. La destruction... P. 363*) в целом принимают рассказ о сражении под Нолой.

¹⁰⁵ Ср.: Маяк И. Л. Взаимоотношения... С. 93.

¹⁰⁶ У. Карштедт (см.: Meltzer O. GK. Bd III, S. 445, прим. 2) отрицает достоверность повествований о зимовке Ганнибала в Капуе, считая вообще излишним их анализировать. Такова же позиция К. Неймана (*Neumann C. Das Zeitalter... S. 293*), а также Дж. Босси (*Bossi G. La Guerra... P. 52*), который отмечает в особенности, что и после зимовки в Капуе Ганнибал в течение многих лет воевал на юге Италии и одерживал там победы. Аналогичной точки зрения придерживался и Т. Додж (*Dodge Th. A. Hannibal. P. 406—407*). Конечно, пребывание в Капуе вело к отдельным нарушениям дисциплины, но в целом армия Ганнибала сохраняла порядок и боеспособность. Однако уже Моммзен Т. («История Рима». Т. 1. С. 581) не сомневался в достоверности римской традиции. Ж. Вальтер (*Walter G. La destruction..., P. 364*) думает, что в основе своей рассказ Ливия о зимовке Ганнибала в Капуе соответствует действительному положению вещей,

- хотя в этом есть и бесспорные преувеличения. Ср. по этому поводу также: *Pais E. Storia...* Vol. 1. P. 261 — 262.
- ¹⁰⁷ Как показали недавние раскопки, там было много пунийских поселений на побережье и на внутренних территориях. См.: *Pesce G. Sardegna punicia. Cagliari, 1960.*
- ¹⁰⁸ У. Карштедт (см.: *Meltzer O. GK. Bd III, S. 450, прим. 1*) считает наиболее правдоподобным, что это событие произошло у Нуперии (ср. в рукописях Ливия: *numeriam*), поскольку македонское посольство направлялось от Лацинийских гор в Кампанию. Однако путь послов не обязательно должен был быть прямым, тем более что они, несомненно, стремились обойти римские посты.
- ¹⁰⁹ В связи со сказанным представляется ошибочной позиция Т. Моммзена, излагающего содержание договора в соответствии с римской версией. См.: *Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 573.*
- ¹¹⁰ *Bickerman E. J. Hannibal's covenant// American Journal of Philology. 1952. Vol. 73, №1. P. 1—23.*
- ¹¹¹ Ср.: *Meltzer O. GK. Bd III, S. 449; Gsell St. HAAN. Vol. IV, S. 159.*
- ¹¹² Босси Дж. (*Bossi G. La guerra... P. 64*) считает, что путь Фабия, каким его изображает Ливий, невозможен, так как эта дорога была перерезана неприятелем, находившимся в Капуе и ее окрестностях. Однако захват римлянами названных городов он не отрицает. Ср. также: Ливий [24, 20].
- ¹¹³ У. Карштедт (см.: *Meltzer O. GK. Bd III. S. 453, прим. 1*) считает, что под командованием Манлия могло находиться не более 17 000 человек. Однако свидетельства источников, которые опровергали бы данные Ливия, мы не располагаем.
- ¹¹⁴ Босси Дж. (*Bossi G. La guerra... P. 63—66*) относит вторую битву у Нолы ко времени до событий в Петелии и измены Локр и Кротона. Мы считаем более правильным придерживаться той последовательности событий, которая дана у Ливия.
- ¹¹⁵ Вслед за В. Штрейтом, Босси Дж. (*Bossi G. La guerra... P. 66*) полагает, что Ганнон командовал пунийскими

войсками у Нолы. Однако источник не дает оснований для подобного допущения.

- ¹¹⁶ Т. А. Додж считает, что в сражении у Нолы ни одна из сторон не одержала победы. Противники отступили, один — к своему лагерю, а другой — в Нолу, не имея возможности контролировать действия неприятеля. См.: *Dodge Th. A. Hannibal*. P. 420—421.
- ¹¹⁷ Босси Дж. (*Bossi G. La guerra...* P. 83—88) считает, что рассказ о третьем столкновении при Ноле — измышление какого-то анналиста. Его аргументация сводится к следующему. Ганнибал не рассчитывал в своих действиях на поддержку ноланского плебса. Марцелл не мог теми дорогами, которые были ему доступны, в течение суток прибыть в Нолу. Рассказ Ливия предполагает отсутствие в городе римского гарнизона, тогда как, по его же словам, гарнизон в Ноле был. Римская кавалерия не могла сыграть той роли, которая, судя по описанию Ливия, ей отводилась. Все эти соображения не опровергают сообщения нашего источника. Во всех случаях речь идет либо о возможностях, а не о реально имевших место событиях, либо о соответствии данного сообщения той или иной предвзятой схеме. Единственное соображение Дж. Босси, заслуживающее внимания, — это его указание на противоречие между сообщением Ливия [24, 17, 2], согласно которому Марцелл призвал на помощь из Суэссулы пропретора М. Помпония, и его же сообщением [24, 10, 3], где указано, что провинцией М. Помпония была Галлия. Разумеется, здесь Ливий или, что более вероятно, его источник допустили фактическую ошибку, однако она не исключает того, что Марцелл мог получить из Суэссулы подкрепления и тем более до столкновения под Нолой.
- ¹¹⁸ Один из историков, которым возражает Полибий, — по видимому, Батон из Синопы, автор сочинения «О тирании Гиеронима» [Афиней, VI, 251]; См.: *Lenschau. Hieronymus*. P. — W. RE, Halbbd. 16, Sp. 1537—1539.
- ¹¹⁹ В литературе, как это ни странно, стала общепринятой резко отрицательная характеристика Гиеронима,

восходящая к враждебной ему проримской традиции. См. например: Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 573; Ковалев С. И. История Рима, С. 242—243.

¹²⁰ Это высказывание Полибия дает некоторые основания предполагать, что проримская ориентация Гиерона II не была искренней и что, в сущности, Гелон, а за ним и Гиероним пытались осуществить на практике тайные замыслы Гиерона (см.: Лурье С. Я. Архимед. М. — Л., 1945. С. 214—215), политика которого носила будто бы последовательно прокарфагенский характер, несмотря на его дружественные жесты в сторону Рима. С. Я. Лурье ссылается, правда неопределенно, на труды Т. Леншау, в которых, по его словам, раскрыто это направление политики Гиерона II. Не знаем, какую именно работу Т. Леншау; Лурье С. Я. имел в виду. В статье, специально посвященной Гиерону II (*Lenschau. Hieron II*, P. — W. RE, Halbbd. 6, Sp. 1503—1511), Леншау отмечает желание сиракузского царя поддерживать хорошие отношения со всеми государствами, в том числе с обеими противоборствующими сторонами, а во время войны — его безусловный союз с Римом. Нам неизвестны действия Гиерона II, которые носили бы явно антиримский характер. Строительство военных машин в Сиракузах под руководством Архимеда могло быть направлено и против Баркидов, в случае победы которых возвращение карфагенян в Сицилию и возобновление их борьбы с Сиракузами было бы лишь вопросом времени. Вероятнее всего, орудия Архимеда предназначались для обороны от любого врага, который бы посягнул на независимость Сиракуз. Единственное косвенное доказательство в пользу тезиса Лурье С. Я. — это характеристика Гелона у Полибия. Однако не вполне ясно, насколько Полибий был осведомлен о подлинных взаимоотношениях Гиерона и Гелона. Напомним в этой связи еще раз о таинственной гибели Гелона.

¹²¹ Ср.: Лурье С. Я. Архимед. С. 179—182.

¹²² Ср.: Hoffmann W. Hannibal und Sizilien. Hermes. Bd 29, 1961. S. 478—494. Концепция Т. Моммзена, который

считал, что в первоначальный план Ганнибала не входило намерение вести войну в Сицилии и что борьба там разгорелась до некоторой степени случайно, а главным образом из-за ребяческого тщеславия Гиеронима (*Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 584*), вряд ли соответствует действительному положению вещей. Иначе, по-видимому, более достоверно оценивает ситуацию Ст. Гзелль (*Gsell St. HAAN. Vol. IV, S. 164—165*), который думает, что Ганнибал благосклонно относился к ведению военных действий в Сицилии, не желая оставлять в римских руках и Сицилию и Сардинию. Однако, по мнению Гзелля, армии, погибшие в Сардинии и Сицилии, могли бы быть лучше использованы в Италии, где разыгрывались решающие бои.

¹²³ Остров Ортигия, Ахрадина, Тиха — городские районы Сиракуз.

¹²⁴ *Лурье С. Я. Архимед.*

¹²⁵ Ср. также: у Фронтин [3, 3. 6], где, однако, предателем назван Копоней.

¹²⁶ О захвате Ганнибалом Тарента см. также: у Полибия [8, 26—36] — традиция, в общем точно совпадающая с рассказом Ливия. Аппиан [Ганниб., 32—34] вместо Фялемена называет Копоней организатором сдачи Тарента, не упоминая других участников заговора. В его изображении взятие города связано только с действиями Копоней.

¹²⁷ По другим версиям, которые приводит также Ливий [25, 17]. Гракх погиб случайно, столкнувшись с пунийцами то ли при купании, то ли во время жертвоприношений.

¹²⁸ Ср., однако: *Лурье С. Я. Архимед. С. 228—230.*

¹²⁹ Там же. С. 230.

¹³⁰ У. Карштедт (*Meltzer O. GK. Bd III. S. 484, прим. 1*) считает, что в рассказе Ливия об экспедиции Т. Отацилия в Африку за несколько дней до взятия Сиракуз нет ни слова истины. Если бы, замечает он, в Лилибее стоял римский флот из 80 квинкверем, Марцеллу не нужно было бы опасаться численного превосходства флотилии Бомилькара. Однако это предположение само по

себе не опровергает римской традиции: о том, что у берегов Сицилии действовала как самостоятельная боевая единица римская флотилия, которою командовал Т. Отацилий, хорошо известно. Судя по тому, что Отацилий еще прежде совершил набег на африканское побережье, можно думать, что его морской отряд имел специальное поручение такого рода и должен был действовать вне зависимости от развития событий у Сиракуз. К тому же обстановка под Сиракузами складывалась для римлян благополучно. О топографии Сиракуз интересующего нас периода см.: Н.-Р. *Drogenmüller Syrakus*. Heidelberg, 1969. S.139—149.

- ¹³¹ Сказанное едва ли означает, однако, что рассказ о поражении, нанесенном Гасдрубалу, сыну Гисгона, — анналистическая фикция, которая должна была уравновесить впечатление от поражения обоих Сципионов [*Scullard H. H. Scipio Africanus in the Second Punic War*. Cambridge, 1930 (далее — *Scullard H. H. Scipio Africanus...*). Р. 53]. Тот факт, что римляне могли сохранить свой плацдарм в Испании, свидетельствует о достоверности Ливиевой традиции.

- ¹³² В рассказе Полибия [9, 6—7] говорится о том, что римляне вообще не уходили от Капуи; однако в связи с этим решением Полибий называет только Аппия Клавдия и ничего не говорит о Фульвии, что само по себе делает его сведения подозрительными. Паис Э. (*Pais E. Storgia... Vol. 1. P. 292*) принимает рассказ Ливия о движении Фульвия. Отвергает эту традицию Босси Дж. (*Bossi G. La guerra... P. 133—138*). Он полагает, что источники смешали Фульвия Флакка и Фульвия Центимала.

- ¹³³ Согласно римским обычаям, полномочия, предоставленные Кв. Фульвию для осады Капуи (продление консульской власти, то есть проконсульство), не имели силы в пределах римской городской черты.

- ¹³⁴ Полибий [9, 5, 8] пишет, что Ганнибал шел к Риму через Самниум, тогда как Ливий [26, 9] намечает иной маршрут — через Кампанию в Лациум: минуя Калы через области сидицинов и далее через Суессу, Аллит и Касину по

Латинской дороге, миновав Интерамну и Аквин во Фрегеллы, оттуда через земли фрусинатов, ферентийцев и апатнийцев в Лабикс, далее через Альгид в Тускул, оттуда в Габии и затем уже в Пупинийскую область. Традиция Цэлия Антипатра [Ливий, 26, 11, 10—13] близка к указаниям Полибия: Ганнибал из Кампании шел в Самниум, оттуда в Пелигнию и, минуя Сульмон, в страну марруцинов; потом через область Альбы в землю марсов, оттуда в Амитерн и Ферулы и далее к Риму. Интересно, что Ливий, не оспаривая этого маршрута, ставит вопрос, шел ли этим путем Ганнибал к Риму или от Рима. В литературе предпочтение отдается версии Полибия (Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 605; Meltzer O. GK. Bd III, S. 490, прим. 2; Gsell St. HAAN. Vol. IV. P. 165; Scullard H. H. A History of the Roman World from 753 to 146 B. C. P. 227; Beer G. de. Hannibal. P. 245; Morris W. O'Connor. Hannibal. C. 237). Дж. Босси (Bossi G. La guerra... P. 126—133) думает, что Ганнибал шел через Самниум по Валериевой дороге. К. Нейман (Neumann C. Das Zeitalter... S. 439, прим. 1) отрицает достоверность предания Полибия и Цэлия Антипатра, поскольку путь, о котором они говорят, не позволял Ганнибалу достичь желательного результата — внушить проконсулам мысль об опасности, угрожающей Риму. По мнению Т. Додж (Dodge Th. A. Hannibal. P. 483—484), у Ганнибала не было никакой необходимости уходить в Самниум, что увело бы его в сторону от намеченного маршрута. Вальтер Ж. (Walter G. La destruction... P. 375) говорит, что Ганнибал шел по Латинской дороге. Э. Паис (Païs E. Storia... Vol. 1. P. 290) пишет, что современные историки не могут предложить точного решения данной проблемы, но тут же замечает, что Касин в римское время считался самнитским городом; не исключено, что в «более давние» времена слово «Самнитиды» распространялось на район, более обширный, чем тот, который позже обозначался словом «Самниум». Последняя гипотеза, устраняющая кажущееся противоречие между источниками, представляется нам наиболее правдоподобной, однако

окончательное решение возможно будет, очевидно, только по обнаружении новых источников.

- ¹³⁵ Евтропий [3, 14] иначе, вне связи с осадой Капуи, и, по-видимому, менее достоверно рассказывает о походе Ганнибала на Рим: Ганнибал дошел до четвертого милевого столба, а его всадники — до городских ворот; затем, опасаясь войск противника, он возвратился в Кампанию. Орозий [4, 17, 2—7] следует Ливию. По рассказу Аппиана [Ганниб., 40], Фульвий не входил в Рим, но расположился против лагеря Ганнибала по другую сторону Аниона. Так как мост через реку был разрушен, Ганнибал решил обойти реку у ее истоков; рассказывали, что ночью Ганнибал с отрядом гипаспистов проник в город, тайно его осмотрел и затем (настолько сильно было полученное им впечатление) отступил к Капуе. По-видимому, версия Аппиана интересна только в одном отношении: еще и через несколько столетий Ганнибала считали способным решительно на все.

Т. Моммзен («История Рима». Т. 1. С. 605) полагает, что Ганнибал и не собирался сражаться под Римом и ушел от города во исполнение ранее задуманного плана. Однако против этого определенно свидетельствует античная традиция. У. Карштедт (см.: *Meltzer O. GK. Bd III. S. 492*) и Леншпау (*Lenschau. Hannibal. P. — W. RE, 2339*) полностью отвергают традицию Ливия. Между тем вопреки их мнению традиции Ливия и Полибия во многих деталях совпадают (или объясняются одна из другой) или дополняют друг друга. Расходятся они только в одном, хотя и весьма существенном пункте: имело ли место движение Фульвия. Ср. также: у Вальтера (*Walter G. La destruction... P. 376*), который следует в целом Ливию, но в вопросе о действиях Фульвия — Полибию.

- ¹³⁶ См.: *Немировский А. И.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 53.

- ¹³⁷ Ср.: *Neumann C.* Das Zeitalter... S. 443—444.

- ¹³⁸ *Meltzer O. GK. Bd III. S. 489.*

- ¹³⁹ Ср.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. С. 595—596;

- Neumann C.* Das Zeitalter... S. 445—446; *Scullard H. H.* Scipio Africanus: Soldier and Politician. P. 31.
- ¹⁴⁰ *Scullard H. H.* Scipio Africanus..., P. 39—41.
- ¹⁴¹ Вероятно, Х. Скаллард прав, когда говорит о невозможности установить в данном случае истину; не исключено, что версия Цэлия Антипатра была рассчитана на то, чтобы оклеветать Сципиона, тогда как версия Полибия — чтобы его прославить и возвеличить (см.: *Scullard H. H.* Scipio Africanus... P. 37—38).
- ¹⁴² О Сципионовой легенде см. также: *Haywood R. M.* Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933.
- ¹⁴³ По мнению Юмпертца М. (*Jumpertz M.* Der römisch — karthagische Krieg in Spanien 211—206. В., 1892. S. 6—8), Ливий допустил хронологическую ошибку. Как полагает исследователь, Сципион был избран в 211 г. проконсулом, а потому мог вступить в должность только после 15 марта 210 г. На зимних квартирах он находился зимой 210—209 гг., а Новый Карфаген занял в 209 г. (ср.: у Полибия [10, 8, 1]). Однако пока нет оснований думать, что Сципион дожидался 15 марта 210 г. для вступления в должность. Такое допущение противоречило бы указаниям римской традиции, несомненно, хорошо осведомленной в правовых аспектах проблемы, о действиях Сципиона. В сообщении Ливия [26, 37, 7], где речь идет об отправке римских войск в Испанию после взятия Тарента, речь идет о посылке подкреплений Сципиону. Что же касается повествования Полибия (в частности [10, 8, 1]), то оно не содержит хронологических указаний, которые исключали бы данные Ливия, кроме явно ошибочных сведений о возрасте Сципиона (27 лет; но тогда его избрание следовало бы отнести к 209-208 гг.).
- ¹⁴⁴ Аппиан [Апп., Ганниб., 45—47] дает несколько иную версию традиции. Согласно его рассказу, Дасий не изменил Ганнибалу. Блаттий, не доверяя Дасию, уехал в Рим и там выпросил 1 000 всадников, а Дасий снова отправился к Ганнибалу, подтвердил свои обвинения и с отрядом карфагенян вернулся назад. Однако Блаттий уже занял

- Салапию. Впустив Дасия в город, он убил и его и тех, кто его сопровождал, недалеко от ворот. Такое развитие событий маловероятно; едва ли, в частности, Блаттий мог получить в Риме столь значительное воинское формирование, тем более что командование пунийского гарнизона должно было тщательно следить за его передвижениями.
- ¹⁴⁵ Орозий [4, 18, 1] и Евтропий [3, 15] путали этого Магона с Магоном Баркидом.
- ¹⁴⁶ Ср. описание битвы также: у Полибия [10, 38, 7—39, 9] и у Аппиана о событиях в Испании после падения Нового Карфагена [Апп., Исп. 24—28].
- ¹⁴⁷ Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 615.
- ¹⁴⁸ Walter G. La destruction... P. 395—396; ср.: Pais E. Storia... Vol. 2. P. 462. Ср. также: Neumann C. Das Zeitalter... S. 508.
- ¹⁴⁹ Scullard H. H. Scipio Africanus... P. 160, 166, 109.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 161—166, 168.
- ¹⁵¹ Сомнения в достоверности этой традиции (Gsell St. HAAN. Vol. IV, S. 204) представляются едва ли обоснованными.
- ¹⁵² В исследовательской литературе высказывались сомнения по поводу того, что Лэлий высадился именно у Гиппона Царского (см.: Zielinski Th. Die letzten Jahre des Zweiten Punischen Krieges, Lpz., 1880. S. 7—16). Аргументация по этому поводу сводится к следующему. Гиппон Царский находился на морском берегу страны масилиев, принадлежавшей Массанассе; ограбление его окрестностей римлянами невозможно, если принять во внимание, что римское правительство нуждалось в союзе с Массанассой. Кроме того, набеги римского флота всегда имели целью собственно карфагенские владения (Зевгитана и Бизаций); Гиппон Царский слишком далеко находился от Карфагена, так что тревога последнего необъяснима. Ф. Зелинский также отвергает предположение, что Ливий имел в виду Гиппон Диаррит, поскольку в этом случае кажется невозможным свидание Массанассы, скрывавшегося у Малого Сирта, с Лэлием. Ученый предлагает искать на историко-географической карте Африки еще

один Гиппон и находит его в районе Бизация, между Малым Лептисом и Керкиной. Нам представляется, однако, что эти соображения не опровергают традиции Ливия. Во-первых, солдаты Лэлия грабили территорию, принадлежавшую Гиппону, и, следовательно, не наносили ущерба Массанассе как царю массилиев. Во-вторых, тревога в Карфагене была вызвана появлением римлян (как предполагали, Сципиона) в Африке. Ожидая нападения непосредственно на Карфаген, его население и правительство едва ли придали бы особое значение, кроме, разумеется, чисто тактического, вопросу о расстоянии, которое противнику нужно было бы пройти. Наконец, свидание Массанассы и Лэлия также нельзя считать и в этом случае физически исключенным. Все изложенное позволяет — по крайней мере до обнаружения и публикации новых материалов — считать традицию Ливия достоверной. Г. Фальтин (см.: *Neumann C. Das Zeitalter...* С. 512, прим. 2) также присоединяется к точке зрения, согласно которой Лэлий не мог высадиться у Гиппона Царского, но не принимает и других гипотез. Традицию Тита Ливия принимают Гзелль Ст. (*HAAN. Vol. IV, S. 205*), Скаллард Х. (*Scullard H. H. Scipio Africanus...* P. 112), Паус Э. (*Pais E. Storia...* Vol. 1. P. 494).

¹⁵³ Ср., однако: *Zielinski Th. Die letzten Jahre...*, S. 20 — 27.

¹⁵⁴ Рассказ Ливия о борьбе за власть в Нумидии кажется более правдоподобным, нежели версия Аппиана [Апп., Лив., 10 — 11], согласно которой события разворачивались совершенно иначе. Гасдрубал, сын Гисгона, пишет Аппиан, обещал отдать Софонисбу Массанассе, однако, пока оба они находились в Испании, карфагенское правительство без их ведома выдало Софонисбу за Сифакса. Узнав об этом, Массанасса заключил тайный союз со Сципионом, а Гасдрубал, хотя и был глубоко оскорблен за дочь и ее прежнего жениха, тем не менее решил устранить Массанассу, когда тот возвращался из Испании в Африку. Массанасса бежал от убийц и с тех пор вел жизнь бродячего разбойника. Карфагеняне

и Сифакс намеревались сначала разгромить Массанассу, а уже потом начать борьбу с римлянами. Повествование Аппиана исключается уже по той причине, что брак Софонисбы не был возможен без согласия ее отца.

¹⁵⁵ Это указание Ливия более правдоподобно, чем традиция Аппиана [Лив., 13], согласно которой после переправы Сципиона Гасдрубал и Сифакс стали лагерем недалеко от Утики и там же, но отдельно от них, расположился Массанасса. С ним (будто бы) карфагеняне и Сифакс притворно заключили союз. Действия Сципиона после высадки по прибытии из Африки, даже как их изображает Аппиан [Лив., 14—15], не могли бы иметь места, если бы он ощущал постоянную угрозу из расположенного неподалеку карфагенского лагеря. Не случайно Аппиан [Лив., 14] говорит о том, что Сифакс увел свои войска в Нумидию. Аппиан явно переносит сюда обстоятельства более позднего времени. Что же касается их взаимоотношений с Массанассой, то они были целиком враждебными, борьба шла не на жизнь, а на смерть, и, следовательно, версия Ливия более точно соответствует расстановке политических сил в Африке. Карфагеняне не могли всерьез рассчитывать на нейтралитет Массанассы или на его доверчивость, так что этот «союз» мог только углубить и без того затруднительное положение, тогда как Массанасса — открытый враг был опасен лишь постольку, поскольку он действовал вместе со Сципионом. Соответственно приходится отвергнуть и версию Аппиана, о столкновении римлян с Ганноном, сыном Гамилькара [Апп., Лив., 14]. Массанасса будто бы тайно побывал у Сципиона и договорился, что он расположит засаду у Башни Агафокла, недалеко от Утики, а потом убедил Гасдрубала послать Ганнона со всадниками занять Утику. Подойдя к Башне, Ганнон с небольшим числом всадников поскакал в Утику, а остальные по приказанию Массанассы вступили в бой с римлянами. Некоторое время спустя на карфагенян напали и нумидийцы. Когда битва кончилась, Массанасса захватил Ганнона, отвел его к Сципиону, а потом обменял его на свою мать. Все эти

подробности кажутся совершенно невероятными, если не предположить, что карфагенское командование вдруг позабыло, с кем оно имеет дело и какого рода «союз» оно, по словам Аппиана, заключило.

- ¹⁵⁶ Ср. также: *Zielinski Th. Die letzten Jahre...*, S. 27—36. Г. Фальтин (см.: *Neumann C. Das Zeitalter...* S. 522) принимает версию Аппиана и считает, что в повествовании Ливия имела место редупликация традиции. Гзель Ст. (HAAN. Vol. IV. P. 216) и Скаллард Х. (*Scullard H. N. Scipio Africanus...* P. 120, 189—191) в целом следует традиции Ливия. Паис Э. (*Pais E. Storia...* Vol. 1. P. 496) не занимает определенной позиции.

- ¹⁵⁷ Аппиан [Ап., Лив., 24] иначе изображает судьбу Гасдрубала, сына Гисгона. Он будто бы бежал в Анду и там стал собирать наемников, однако в Карфагене его приговорили к смерти, а командование передали Ганнону, сыну Бомилькара. После этого, составив собственную армию, Гасдрубал начал промышлять грабежом. Позже Гасдрубал потребовал будто бы от Ганнона, чтобы тот допустил его к участию в командовании, и предложил поджечь лагерь Сципиона. Ганнон согласился и даже нашел сторонников в самом римском лагере, однако Сципион узнал о заговоре и казнил заговорщиков. Карфагеняне отказались от своего замысла, но Ганнон использовал ситуацию, чтобы оклеветать Гасдрубала [Ап., Лив., 30]. Зонара [9, 12] говорит только о смещении Гасдрубала. Последующие события и в особенности упоминание о данном факте Полибия и Ливия свидетельствуют, видимо, против традиции Аппиана и Зонары. Аппиан ничего не знает о битве на Великих Равнинах, что также позволяет усомниться в достоверности его рассказа.

- ¹⁵⁸ О традиции, повествующей об этом сражении см.: *Zielinski Th. Die letzten Jahre...* S. 36—44. Великие Равнины, по-видимому, локализуются в местности Сук ал-Кремис, в 75 милях юго-западнее Карфагена.

- ¹⁵⁹ Безусловно ошибочны указание Аппиана [Лив., 49], согласно которому карфагенские власти приказали

Магону оставить Италию только после битвы при Килле (то есть Заме), и соответственно данные о его дальнейшей судьбе. У. Карштедт, по своему обыкновению, считает анналистическую традицию [Ливий, 30, 18] недостоверной (*Meltzer O. GK. Bd III. S. 555*), однако она более точно соответствует дальнейшим событиям.

¹⁶⁰ Додж Т. (*Dodge Th. A. Hannibal. P. 593*) и Буриан Я. (*Burian J. Hannibal. P. 112*) считают это указание не заслуживающим доверия. Однако в нашем распоряжении нет фактов, которые позволили бы подвергнуть его сомнению.

¹⁶¹ *Körte A. Literarische Texte mit Ausschluss der Christlichen, Archiv für Papyrusforschung. Bd 14, 1941. S. 129—131.*

¹⁶² Ср. у Зелинского Ф. (*Zielinski Th. Die letzten Jahre..., S. 44*), который приходит к выводу, что основное содержание ливианской традиции не может быть подвергнуто сомнению. Ф. Зелинский, однако, пытаясь примирить обе версии, восстанавливает ход событий следующим образом. На первом заседании сенат отказывается заключить мирный договор; посланцы Сципиона с помощью трибунов добиваются положительного решения народного собрания; сенату ничего не остается, как на втором заседании подтвердить волеизъявление народа. В нашем распоряжении нет материалов, которые подтвердили бы эту точку зрения. *Фальтин Г. (см. Neumann C. Das Zeitalter... S. 532—533)* полагает, что в сенате после бурного обсуждения победила примирительная позиция и сенат отправил к Сципиону комиссию для выработки условий мира. По У. Карштедту (*Meltzer O. GK. Bd III. S. 557*), сенат принял условия мирного договора. Ст. Гзелль считал, что сенат и народ одобрили условия, предложенные Сципионом и принятые карфагенянами (*HAAN, Vol. IV, S. 246*). Близка к этим и позиция Х. Скалларда (*Scullard H. N. Scipio Africanus... P. 221—223, 136—137*). Ж. Вальтер (*Walter G. La destruction... P. 423—424*), как и Э. Паис (*Pais E. Storia... Vol. 2. P. 505—506*), целиком следует за Ливием.

- ¹⁶³ В нашем распоряжении имеется в настоящее время фрагмент греческого исторического сочинения II в., согласно которому пунийская миссия, не заезжая к Сципиону, вернулась прямо в Карфаген и лишь после ее доклада соглашение, достигнутое в Риме, было отвергнуто (*Körte A. Literarische Texte mit Ausschluss der Christlichen* // *Archiv für Papyrussforschung*, 1941, Bd 14. S. 129—131). Прокарфагенская ориентация этого повествования очевидна: пунийцы здесь уже не выступают в роли нарушителей договора. Противоположная версия восходит, несомненно, к римской, на этот раз благоприятной для Сципиона традиции (см., в частности: *Gelzer M. Der Rassengegensatz als geschichtlicher Faktor beim Ausbruch der römisch-karthagischen Kriege. Rom und Karthago*. Lpz., 1943. S. 195—196). Если прав Ливий и сенат отказался от мирного договора, возвращение послов из Рима в Карфаген с известиями об условиях договора и отклонение этих условий карфагенским советом едва ли были возможны.
- ¹⁶⁴ Зелинский Ф. (*Zielinski Th. Die letzten Jahre...* S. 24—25) считал невозможной высадку Ганнибала в Лептисе, поскольку об этом не сообщает остальная традиция (Ф. Зелинский ссылается на Аппиана). По его мнению, Ганнибал вообще не мог сойти на берег у Лептиса. Последний довод не убедителен, если принять во внимание роль, которую сыграл Лептис в средиземноморской торговле того времени. Что же касается традиции, то версии Аппиана, как правило, наименее предпочтительны.
- ¹⁶⁵ Исходя из изложенного выше, следует признать явно недостоверными данные Аппиана [Лив., 36 и 38] о присоединении Гасдрубала, сына Гисгона, к Ганнибалу и об его дальнейшей судьбе. Столь же мало соответствует действительности и традиция Аппиана о мирном договоре, который Ганнибал будто бы заключил со Сципионом и от которого по настоянию народа был вынужден отказаться [Апп., Лив., 37—39]. Вероятнее всего, это сообщение дублирует предшествующий рассказ о переговорах Сципиона с карфагенскими властями (ср.: ВДИ. 1950, №3. С. 276, прим. 5).

- 166 По данным Евтропия [3, 22], на свидании Ганнибала со Сципионом было решено заключить мир, но карфагенское правительство отвергло договор и обязало Ганнибала продолжать войну.
- 167 Зелинский Ф. датирует его июлем или августом 202 г. См.: *Zielinski Th. Die letzten Jahre...* S. 75.
- 168 Традиция, согласно которой Ганнибал сразу же после битвы уехал в Сирию [Ливий, 39,37], едва ли достоверна, поскольку она противоречит всему, что известно о деятельности Ганнибала в Карфагене после битвы при Заме.
- 169 Ст. Гзелль (HAAN. Vol. IV. S. 286) полагает, что решение Сципиона диктовалось военными соображениями, поскольку он мог рассчитывать в Риме на поддержку плебса и большинство сената. Как видим, положение было значительно более сложным.
- 170 Требования об уходе Магона из Италии [Апп., Лив., 54] Сципион не мог выдвинуть, так как Магон еще до битвы при Заме покинул Италию.
- 171 Замечание У. Каршtedта, будто Ганнибалу нетрудно было добиться принятия своей точки зрения (*Meltzer O. GK. Bd III. S. 567*) целиком противоречит свидетельствам античной историографии.
- 172 Интересную попытку реконструировать латинский текст договора см.: *Nissen H. De pace anno 20 a. Chr. Carthaginensibus data. Marburg, 1870.*
- 173 *Шифман И. Ш.* К восстановлению одной истрийской надписи // ВДИ. 1958, №4. С. 118—121.
- 174 *Wilcken U. Puntfahrten in der Ptolemäerzeit // Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Altertumskunde Bd 60, 1925. S. 86—102.*
- 175 Орозий [4, 20, 22], конечно, преувеличивает, когда пишет, будто именно поражение и бегство Ганнибала вместе с потерей армии побудили Антиоха заключить мир с Римом.
- 176 *Манандян Я. А.* Тигран II и Рим. Ер., 1943. С. 21—22; *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. С. 709.
- 177 Ср.: *Burian J. Hannibal. P. 128; Beer G. de. Hannibal. P. 299.*

- ¹⁷⁸ Ср. однако: у Т. Моммзена (История Рима. Т. 1. С. 632—633), где автор не учитывает изменений в римской политике по отношению к Карфагену. Близок к Моммзену и Ст. Гзелль (НААН. Vol. IV. С. 312). Более точно развитие событий и эволюцию политической концепции сената прослеживает В. Гофман (*Hoffmann W. Die römische Politik des 2/ Jahrhunderts und das Ende Karthagos* // *Historia*, Bd IX, 1960, №3. S. 309—344). Автор полагает, что первоначально римские политики считали договор 201 года окончательным решающим давние споры и надежно охраняющим римские интересы. Беспокойство причиняла только позиция Ганнибала. Лишь активизация Массанассы имела следствием изменение политической линии Рима, а отсюда вытекает приход к власти в Карфагене враждебных римлянам сил. Именно этим вызвано, по мысли В. Гофмана, изменение и в отношении римского общества к Карфагену: если раньше виновником войны считали только Ганнибала, то теперь вина возлагалась целиком на все государство. Мы, впрочем, думаем, что «страх перед карфагенянами» (*metus Punicus*) возник в Риме в период ожесточенных споров о направлении внешней политики и исходил от тех кругов, которые с самого начала добивались разрушения карфагенского государства.
- ¹⁷⁹ *Леницман Я. А.* Дар Массинассы // ВДИ. 1948. №4. С. 55—64.
- ¹⁸⁰ До нас дошел только краткий и слишком суммарный эксцерпт из Полибия [32, 2] о территориальных нумидийско-карфагенских спорах и о роли, которую играло при этом римское правительство. Какие-либо подробности, за исключением ссылки на просьбу Массанассы при преследовании Афтира, здесь отсутствуют, поэтому проследить хронологию событий оказывается невозможным. Мы считаем неправильным, ссылаясь на Полибия, датировать претензии Массанассы на Эмпорию 161 годом и отвергать анналистическую

- традицию (Ливий), относящую эти события к 193 г. (см.: *Hoffmann W.* Die römische Politik. S. 325—326).
- ¹⁸¹ Д. Кинаст (*Kienast D.* Cato der Zensor. Heidelberg, 1954. S. 130) считает недоказанным, что до 152 г. Катон выступал против того состояния неопределенности, которое поддерживало в Африке римское правительство. Только лично убедившись в новом подъеме карфагенского могущества, Катон (как думает Д. Кинаст) начал испытывать опасения, как бы эта громада не обратилась против Рима.
- ¹⁸² Подробно см.: *Gelzer M.* Nasicas Widerspruch gegen die Zerstörung Karthagos. Kleine Schriften. Bd II. S. 39—72.
- ¹⁸³ Как показал Ф. делла Корте (*della Corte F.* Catone censore. Torino, 1949. С. 130), в этом фрагменте определенно ощутима реминисценция с Демосфеном [Демосфен, 3, 8].
- ¹⁸⁴ *Kornemann E.* Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhynchus. Lpz. S. 21; ср.: Там же. S. 47..
- ¹⁸⁵ Там же, S. 23.
- ¹⁸⁶ См. также оксиринхские эпитомы Ливия (*Kornemann E.* Die neue Livius-Epitome. S. 23). Надо сказать, что римские власти формально не выходили за пределы так называемой *deditio in fidem*, которая гарантировала карфагенянам только жизнь, имущество и личную свободу.
- ¹⁸⁷ См. также: *Kornemann E.* Die neue Livius-Epitome. S. 23.
- ¹⁸⁸ См. также: *Kornemann E.* Die neue Livius-Epitome. S. 25.
- ¹⁸⁹ Цицерон [Госуд., 6, 4] использовал этот эпизод, говоря о беседах Эмилиана с Массанассой на политические темы и о пророческом сновидении Эмилиана. Точное содержание бесед Эмилиана и Массанассы неизвестно.
- ¹⁹⁰ Ср.: *E. Kornemann.* Die neue Livius-Epitome. S. 27.
- ¹⁹¹ См. также: *E. Kornemann.* Die neue Livius-Epitome. S. 25.
- ¹⁹² Греки отождествляли его с богом врачевания Асклепием; это было центральное и самое богатое святилище в Карфагене.

- 193 Надо заметить, что порабощение свободного населения города, взятого штурмом или сдавшегося после длительной осады, во II в. до н. э. обычно уже не практиковалось и, во всяком случае, оценивалось как проявление чудовищной жестокости. Некоторое время спустя знаменитый в то время философ Гасдрубал (уроженец Карфагена, переселившийся в Афины, где он принял греческое имя Климотах и после смерти Карнеада возглавил Академию — философскую школу последователей Платона) обратился к своим пленным согражданам с утешительным посланием [Циц., Туск., 3, 54]. Едва ли оно дошло до тех, кому было адресовано, однако, если бы кому-нибудь и удалось его прочесть, какое впечатление должны были произвести на карфагенян пустые разглагольствования друга Ценсорина [Цит., Акад., 2, 102], того самого Ценсорина, который объявил о намерении римлян уничтожить Карфаген, человека, не пожелавшего разделить со своим народом его судьбу.
- 194 См. также: Kornemann E. Die neue Livius-Epitome. S. 27.
- 195 Kromayer J. Hannibal als Staatsmann. — HZ. Bd. 103. 1909. S. 237—273; Groag E. Hannibal als Politiker. Wien, 1929.
- 196 Egélhaaf G. Hannibal. Stuttgart, 1922. S. 10.
- 197 Ср.: Toynbee A. J. Hannibal's Legacy. Vol. 1. 1965. S. VI—VII.
- 198 Ленин В. И. Арманд И. Ф. 19 января // Полн. собр. соч. Т. 49. С. 370.
- 199 Ленин В. И. К пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 364.
- 200 Napoléon I. Correspondence. Vol. 32, P., 1869. P. 307—308.
- 201 Napoleon I. Correspondence. Vol. 31, P., 1869. P. 418.
- 202 Шлиффен А. фон Канны. М., 1938.
- 203 Разин Е. А. История военного искусства. Т. I. М., 1955. С. 319—321.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ*

Апп., Ганниб.	— Appianus. Hannibalica.
Апп., Лив.	— Appianus. Libyca.
Апп., Исп.	— Appianus. Hispanica.
Апп., Самн.	— Appianus. Samnitica.
Апп., Сир.	— Appianus. Syrica.
Апп., Сиц.	— Appianus. Sicelica.
Апулей	— Apuleius. Apologia.
Арист.	— Aristoteles. Politica.
Афиней	— Athenaeus. Deipnosophistae.
Вал. Макс.	— Valerius Maximus. Dictorum factorum- que memorabilium.
Велл. Пат.	— Velleius Paterculus. Historia Romana.
Гелл.	— A. Gellius. Noctes Atticae.
Демосфен	— Demosthenes. Philippicae.
Диодор	— Diodorus. Bibliotheca historica.
Дион Касс.	— Cassius Dio. Historia Romana.
Евтропий	— Eutropius. Breviarium historiae Romanae.
Знам.	— De viris illustribus.
Зонара	— Zonaras. Annales.
Ил.	— Homerus. Ilias.
Катон	— Cato.
Колумелла	— Columella. Res rusticae.
Корн. Неп., Гам.	— Cornelius Nepos. Hamilcar.
Корн. Неп., Ганниб.	— Cornelius Nepos. Hannibal.
Ливий	— Livius. Ab Urbe condita (Ливий, Сод. — Livius. Ab Urbe condita Periocha).
Одисс.	— Homerus. Odyssea.
Орозий	— Paulus Orosius. Historiae adversus paganos.
Пап. Р.	— Papyrus Rylands.
Плиний	— Plinius. Naturalis Historia.

* При ссылке на античных авторов первая цифра обозначает книгу, вторая — главу, третья — параграф.

Плут., Апоф.	—	Plutarchus. Regum et oratorum apophthegmata, Scipio Iunior.
Плут., Деян. Римл.	—	Plutarchus. Acta Romanorum.
Плут., Кат.	—	Plutarchus. Cato Maior.
Плут., Лук.	—	Plutarchus. Lucullus.
Плут., Марц.	—	Plutarchus. Claudius Marcellus.
Плут., Пирр.	—	Plutarchus. Pyrrhus.
Плут., Пиф.	—	Plutarchus. De Pythiae oraculis.
Плут., Фаб.	—	Plutarchus. Fabius Maximus.
Плут., Флам.	—	Plutarchus. Flaminius.
Полибий	—	Polybius. Historia.
Сервий	—	Servius. In Aeneidam.
Сил. Ит.	—	Silius Italicus. Punica.
Страбон	—	Strabo. Geographica.
Суда	—	Suida.
Фест.	—	Festus. De verborum significatu.
Флор.	—	Florus. Epitome rerum Romanorum.
Фронтин	—	Frontinus. Strategemata.
Циц., Акад.	—	Cicero. Academici.
Циц., Брут.	—	Cicero. Brutus.
Циц., Верр.	—	Cicero. I In Verrem.
Циц., II Верр.	—	Cicero. II In Verrem.
Циц., Госуд.	—	Cicero. De re publica.
Циц., Кат.	—	Cicero. Cato Maior.
Циц., Обяз.	—	Cicero. De officiis.
Циц., Орат.	—	Cicero. De oratore.
Циц., Предв.	—	Cicero. De divinatione.
Циц., Сест.	—	Cicero. Pro Sestio.
Циц., Туск.	—	Cicero. Tusculanae disputationes.
Цэлий	—	Caelius Antipater.
Энний	—	Ennius. Annales.
Юстин	—	Iustinus. Trogi Pompei historiarum Philippicarum epitoma.
CIL	—	Corpus Inscriptionum Latinarum.
Fest.	—	Sextus Pompeius Festus. De verborum significatu.
CIS	—	Corpus Inscriptionum Semiticarum.
KAI	—	H. Donner, W. Rölling. Kanaanäische und aramäische Inschriften. Bd. 1—3 Wiesbaden, 1966.

СЛОВАРЬ

Авгуры (лат. *augur*) — римские жрецы, первоначально выполнявшие обряды, обеспечивавшие плодородие. Позднее — истолкователи знамений (молния, гром, полет птиц, крик птиц, принятие пищи священными курами, поведение зверей и т.д.).

Агорá — рыночная площадь.

Акрополь — в античных городах городская крепость.

Анналистика (лат. *annalis*) — ранняя римская историография.

Берит — у ханаанейских народов Передней Азии и Северной Африки договор о союзе.

Бирема — корабль с двумя рядами весел.

Боды — в Карфагене одна из групп полувисимого населения.

Великий понтифик — в Риме верховный жрец.

Велиты — легковооруженные римские воины.

Весталки (лат. *virgines Vestales*) — в Риме жрицы богини Весты, охранявшие в ее храме вечный огонь. Весталки пользовались большим уважением; при встрече с ними осужденный преступник освобождался от наказания. Свои обязанности весталки выполняли в течение тридцати лет. Они обязаны были соблюдать целомудрие. Весталку, совершившую прелюбодеяние, живьем закапывали в землю.

Гаруспики (лат. *haruspices* < этруск.) — в Риме жрецы-предсказатели.

Герусиасты — в Карфагене члены герусии.

Герусия — в Карфагене высший орган государственной власти. По-видимому, совет 30-ти.

Гипасписты — оруженосцы, легковооруженные пехотинцы.

Дельфийский оракул — оракул Аполлона в Дельфах (Греция).

Диктатор — в Риме высшее должностное лицо, назначавшееся в случае чрезвычайного положения консулом по постановлению сената сроком на 6 месяцев. Обладал абсолютной властью.

Димту (акк.) 'башня' — в Переднеазиатском Средиземноморье — одно из обозначений хозяйственного комплекса.

Договор о взаимном гостеприимстве — заключался между выходцами из различных обществ и обязывал стороны оказывать друг другу помощь, защиту и покровительство.

Империй — в Риме высшая военно-административная власть.

Квадрирема — корабль с четырьмя рядами весел.

Квесторы — в Риме должностные лица, ведавшие казной.

Квинкверема — корабль с пятью рядами весел.

Клиенты (лат. *clientes* букв. 'послужные, покровительствуемые') — в Риме формально свободные, зависевшие от покровителей (патронов).

Когномен — в Риме фамильные прозвища.

Когорта — десятая часть римского легиона. Состояла из 3 манипул, или 6 центурий.

Колоны — в Риме формально свободные земледельцы, сидевшие на полях, принадлежавших аристократам.

Комиции — в Риме народные собрания.

Комиции куриатные — в Риме народные собрания по куриям.

Комиции трибутные — в Риме народные собрания по трибам.

Комиции центуриатные — в Риме собрания по центуриям.

Комиций — место, где на форуме в Риме происходили народные собрания (по куриям).

Консулы — в Риме высшие должностные лица. Коллегия консулов, состоявшая из двух человек, избиралась сроком на один год.

Курии — в Риме объединения патрицианских родов, учрежденные по преданию Ромулом. Всего в Риме насчитывалось 30 курий. С течением времени в куриатных комициях стали принимать участие также и плебеи.

Курия — помещение, в котором заседал сенат.

Легион — основная боевая единица римской армии, состоявшая из 10 когорт, т. е. соответственно из 30 манипулов.

Лектистернии — в Риме сакральные пиршества, устраивавшиеся для богов.

Ликторы — в Риме стражи, сопровождавшие высших магистратов.

Магистраты — должностные лица.

Мамертинцы — римские воины, захватившие Регий накануне I Пунической войны,

Манипула — римское воинское подразделение, состоявшее из 2 центурий.

Медикс тутикус — высший магистрат в Капуе.

- Междуцарь** (лат. *interrex*) — римский магистрат, назначавшийся для проведения выборов должностных лиц.
- Модий** — римская мера емкости. Соответствует 8,7 л.
- Муниципии** — автономные города, подвластные Риму.
- Начальник конницы** (лат. *magister equitum*) — в Риме помощник диктатора. Назначался диктатором.
- Нобили** (лат. *nobiles* 'знатные') — римская аристократия, сложившаяся в III—I вв. до н.э.
- Овация** — торжественное вступление военачальника-победителя в Рим. От триумфа (см.) отличалась тем, что полководец либо шел пешком, либо, облаченный в парадную тогу, ехал верхом. В жертву Юпитеру он приносил овцу. Овация предоставлялась в тех случаях, когда, по мнению сената, победа была недостаточно значительной для триумфа.
- Ойкумена** (греч.) — населенный мир.
- Патриции** — в Риме аристократическое сословие. По-видимому, потомки «исконных» римлян, древнейшего населения города.
- Пелтасты** (греч.) — пехотинцы, вооруженные кожаным щитом, мечом, дротиком и длинным копьем.
- Пентархии** — в Карфагене комиссии из пяти человек, ведавшие назначением совета 104-х.
- Пентера** (греч.) — см. квинкверема.
- Перипатетики** — философы, последователи Аристотеля.
- Пилум** — метательное копье.
- Плебей** — в Риме первоначально сословие неполноправных граждан. По-видимому, потомки сравнительно поздних присельников.
- Плебисцит** — в Риме постановления трибутных комиций.
- Преторы** — в Риме должностные лица, ведавшие охраной порядка и отправлением правосудия,
- Пролетарии** — в Риме прослойка людей, не имевшая собственности.
- Сатурналии** — празднества в Риме.
- Священная весна** (лат. *ver sacrum*) — в Италии обычай посвящать Марсу или Юпитеру людей и животных, родившихся в последующем после бедствий году.
- Сенат** — в Риме совет, осуществлявший правительственные функции.
- Сивиллины книги** — по римскому преданию, пророчица Сивилла из Кум продала царю Тарквинию Древнему три книги

пророчеств. Они хранились в храме Юпитера (со времени императора Августа — в храме Аполлона). Обращение к Сивиллиным книгам за указаниями и оракулами производила по решению сената специальная коллегия.

Стратеги — военные администраторы, назначавшиеся карфагенским правительством на подвластных территориях.

Суффеты (судьи) — в Карфагене высшие должностные лица.

Тетрера (греч.) — корабль с четырьмя рядами весел.

Триарии — в Риме воины-ветераны, находившиеся в третьем ряду боевого построения и вступавшие в бой в критических ситуациях.

Трибуны военные — в Риме армейский командный состав. Военные трибуны командовали воинскими подразделениями, выполняли отдельные поручения верховного командования, участвовали в военном совете. Трибуны военные с консульской властью в 444—367 гг. до н.э. выбирались иногда вместо консулов, чтобы не допустить плебеев к консульской должности.

Трибуны плебейские — в Риме плебейские магистраты, избиравшиеся трибутными комициями для защиты интересов плебеев. Пользовались сакральной неприкосновенностью.

Триба — в Риме первоначально племя. Объединение трех триб составляло римский народ. Законом, который приписывается царю Сервию Туллию (VI в. до н.э.), в Риме были созданы территориальные округа, тоже именовавшиеся трибами.

Триера — корабль с тремя рядами весел.

Триерарх — капитан триеры.

Триумф — торжественный въезд полководца-победителя в Рим в сопровождении войска и народа. Триумфатор въезжал на золоченой колеснице, запряженной четверкой белых коней, в одежде Юпитера, увенчанный лаврами. Стоящий за полководцем государственный раб держал над его головою золотой венок и произносил ритуальные формулы, призывающие к смирению. Перед колесницей везли военную добычу и вели пленных. За колесницей шли воины, украшенные лаврами и наградами; они кричали «Юпитер, триумфируй!», пели хвалебные песни в честь полководца, а также насмешливые — во избежание сглаза. На Капитолии в присутствии сената триумфатор приносил в жертву Юпитеру быка. Пленных отводили в тюрьму и наиболее

влиятельных из них часто убивали. Триумф предоставлялся решением сената по ходатайству военачальника, отчет которого заслушивали за городской чертой в храме Беллоны: до триумфа он не имел права вступать в город.

Цензоры — в Риме должностные лица, избиравшиеся раз в пять лет для переписи граждан и установления их имущественного ценза. Контролировали поведение граждан. Цензоры вели списки всадников и сената.

Центурионы — в Риме командиры центурий.

Центурия — в Риме воинское подразделение (сотня).

Эдилы — в Риме должностные лица, ведавшие охраной порядка, рынками, устройством общественных игр.

Эллинизм — период в истории стран Восточного Средиземноморья от завоеваний Александра Македонского (конец IV в. до н.э.) до римского завоевания (II — I вв. до н.э.).

Эмпорий (лат. *emporium* < греч.) — пункт, где хранились запасы продовольствия и оружия.

Эпитома — краткое изложение содержания книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Интермеццо античной истории (С. Ю. Янгулов)	3
Предисловие	13
<i>Глава первая.</i> Клятва Ганнибала	23
<i>Глава вторая.</i> Завоевание Испании. Поход в Италию	85
<i>Глава третья.</i> Беспольные победы (от Тицина до Канн)	143
<i>Глава четвертая.</i> На пути к закату (от Канн до падения Капуи)	223
<i>Глава пятая.</i> На пути к закату (от падения Капуи до Замы)	379
<i>Глава шестая.</i> Ганнибал во главе карфагенского правительства	471
<i>Глава седьмая.</i> Бегство на Восток и гибель	489
<i>Глава восьмая.</i> Вместо эпилога	507
Заключение	556
Примечания	563
Список сокращенных обозначений источников	598
Словарь	600

Илья Шолеймович Кораблев

ГАННИБАЛ

Корректор Е. Екатеринина, О. Милованова

Художник С. Царёв

Оформление Н. Любанова

Лицензия ЛР №_062308 от 24.02.93.

Сдано в набор 19.09.96. Подписано в

печать 2.12.96. Формат 84х108 1/32.

Бумага газетная. Гарнитура Петербург.

Усл.печ.л. 31,92

Тираж 10 000 экз. Заказ № 241.

Издательство «Феникс»

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в АО «Книга»

344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

**Издательство «ФЕНИКС» приглашает
к сотрудничеству авторов:**

— СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО РОМАНА

— НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ
И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

— ЮРИСПРУДЕНЦИИ

— МЕДИЦИНЫ

— ПРОГРАММИРОВАНИЯ И
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ
ТЕХНИКИ

**Все финансовые затраты берем
на СЕБЯ, высокие гонорары
выплачиваем согласно договорам.**

Наш адрес:

*344007, г Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17*

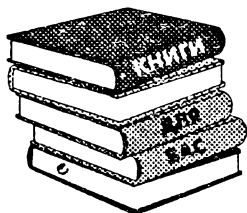
Тел. (8632) 62-51-94, 62-47-07

Факс: 62-38-11

Феникс

Торгово-издательская
фирма

Уважаемые читатели!

Любые книги издательства «Феникс» Вы можете заказать «Книга-почтой» и мы вышлем их на Ваш адрес наложенным платежом. Цена книги увеличивается при этом только на величину стоимости почтовых услуг.

Заказы отправляйте по адресу:
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.
Издательство «Феникс», «Книга-почтой».

Напоминаем Вам, что, выкупив бандероль с книгами, Вы автоматически участвуете в лотерее «Книга-почтой Феникс» и имеете возможность, став обладателем специальных призов издательства, бесплатно получить наши лучшие книги!

«Впервые работа И.Ш. Кораблева увидела свет в 1976 году, сразу вызвав интерес не только у специалистов, но и у многих любителей истории... Мало кто знает и по сей день, что неизвестная даже специалистам фамилия Кораблев стала псевдонимом одного из крупнейших отечественных историков, исследователя истории древнего мира Ильи Шолеймовича Шифмана».

* *

*

«...Репутация Ганнибала как великого полководца основывается... на результатах его блестящих побед... Здесь Ганнибал выступил в роли новатора, смело ломающего устаревшие каноны военного искусства, создающего новые методы ведения боя и достижения победы... В эпоху становления индивидуализма он с наибольшей полнотой проявил себя как личность, в высшей степени независимая от гражданского коллектива; он один, так по крайней мере казалось, противостоял всей римской военнополитической машине и не раз добивался успеха».

И.Ш. Кораблев. «Ганнибал»